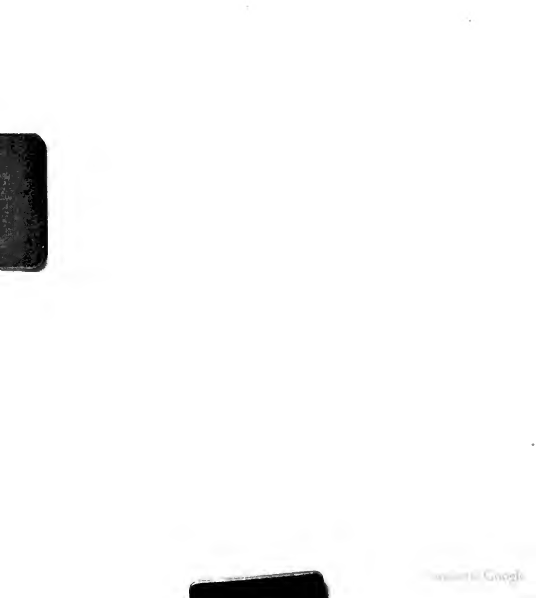


NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
ROMA
GOGOL
B
3172 /1

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ,

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

ДЛЯ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

составилъ
Андрей Филоновъ.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 декабря 1863 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящее время никто, конечно, не станетъ спорить съ тѣмъ, что преподаваніе одной теоріи словесности, — такъ называемой риторики и піитики, — никуда не годится, и что главное вниманіе учителя должно быть обращено на чтеніе образцовъ, сопровождаемое теоретическими, историческими и другими объясненіями. Дать въ руки учителю и ученикамъ такую книгу, въ которой бы они, съ одной стороны, нашли возможно-полный выборъ лучшихъ образцовъ, а съ другой — необходимыя объясненія: вотъ цѣль нашей Христоматіи. Безпристрастный судъ педагоговъ покажетъ, на сколько мы удовлетворили этой главной цѣли. Отъ себя же считаемъ необходимымъ прибавить:

1) Въ Христоматіи помѣщены или цѣлыя произведенія, или характеристическіе отрывки, представляющіе нѣчто полное, законченное.

2) Преимущественное вниманіе обращено на произведенія чисто-народнаго содержанія, поэтому — сказки, былины, легенды, народныя поэмы занимаютъ видное мѣсто въ Христоматіи; далѣе — слѣдуютъ отрывки, имѣющіе историческое или художественное значеніе.

3) Къ каждому виду эпической поэзіи приложены двоякаго рода примѣчанія: одни изъ нихъ сообщаютъ теоретическія объясненія того или другаго рода эпической поэзіи; другія передаютъ взглядъ того или другаго ученаго, или писателя на извѣстную піэсу или отрывокъ, помѣщенные въ

Христоматіи. Какъ первыя, такъ и вторыя примѣчанія составлены не самимъ издателемъ, а заимствованы изъ сочиненій лучшихъ нашихъ и иностранныхъ писателей. Слѣдовательно и самыя примѣчанія представляютъ своего рода образцы, которые могутъ также служить предметомъ чтенія и разбора.

4) При каждомъ видѣ поэзіи учитель и ученикъ найдутъ библіографическій указатель статей и отдѣльныхъ сочиненій, характеризующихъ или извѣстный родъ поэзіи, то или другое произведеніе, того или другаго писателя. Подобный библіографическій указатель избавитъ, во-первыхъ, начинающаго учителя отъ кропотливаго труда искать тамъ и сямъ разбросанныя статьи, написанныя объ одномъ и томъ же предметѣ, а во-вторыхъ дастъ матеріалъ ученикамъ для ихъ домашнихъ учебныхъ работъ.

5) Въ Христоматіи въ первый разъ напечатаны отрывки изъ романовъ Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Бичеръ-Стоу, Ауэрбаха и поэмъ Мицкевича. Въ ней помѣщены также біографіи Данте, Камоэнса, Сервантеса, Мильтона, Вальтеръ-Скотта, Байрона, Андерсена, Мицкевича, Хемницера и частію Крылова.

6) Педагогическія требованія и пріемы не оставлены нами безъ вниманія. Съ этою цѣлію, напримѣръ, учитель найдетъ въ Христоматіи нѣсколько піэсъ и отрывковъ одинаковаго содержанія изъ различныхъ писателей: что можетъ служить темою для работъ воспитанниковъ. Послѣ нѣкоторыхъ піэсъ предложены вопросы для разрѣшенія ихъ самими учениками устно или письменно, или указаны тѣ особенности произведеніи, на которыя прежде всего должно быть обращено вниманіе юныхъ читателей. Непонятныя выраженія и слова объяснены подъ чертою.

7) Правописаніе принято академическое.

Наконецъ, 8) чтобы сдѣлать нашу книгу доступною для большинства учениковъ, мы назначили самую умѣренную за нее плату.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

По указанію критики[1]) и опыта, во второмъ изданіи перваго тома сдѣланы нѣкоторыя перемѣны и добавленія. Сказки — *Пушкина* «Женихъ» и *Языкова* «Жаръ-Птица», мнѣнія *Шевырева* и *Жуковскаго* о баснѣ, нѣкоторыя басни *Хемницера, Дмитріева, Измайлова* и *Крылова*, «Петріада» *Ломоносова*, «Капитанъ Боннъ» *Жуковскаго*, «Конрадъ Валленродъ» *Мицкевича*, «Татьяна и ея Няня» *Пушкина* выпущены. Вмѣсто ихъ напечатаны: «Ставръ Годиновичъ», «Панъ Тадеушъ», «Характеръ Татьяны» и «Имянины Татьяны». Прибавлены слѣдующія статьи: «Русь» и «Тройка» *Гоголя*, «Старые Годы» *Печерскаго*, «Дворянское Гнѣздо» *Тургенева*, «Обломовъ» *Гончарова*, «Послѣ обѣда въ гостяхъ» *Кохановской*, «Рыбаки» *Григоровича*, «Плотничья Артель» *Писемскаго*, «Сестра» *Марка Вовчка* и «Записки изъ Мертваго Дома» *Достоевскаго*.

Значительные типографскіе расходы вынудили насъ возвысить цѣну книги на 30 к. с.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ просить педагоговъ почтить обстоятельнымъ и безпристрастнымъ разборомъ нашъ трудъ.

---

[1]) Книжный Вѣстн. 1863, № 3 и 4: Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія 1863, № 4; Библ. для Чт. 1863, № 3; Спб. Вѣд. 1863, № 233: Сѣверная Пчела 1863, № 316; Рус. Инвалидъ 1863, № 27; Dziennik Powszechny 1863, № 161; От. Зап. 1863, № 9.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

СКАЗКА.

Значенiе сказокъ.—Слова *Аѳанасьева:* «Народныя Русскiя сказки раскрываютъ предъ нами обширный мiръ. Повѣрья и преданiя, встрѣчаемыя въ нихъ, говорятъ о старинномъ доисторическомъ бытѣ славянскихъ племенъ; олицетворенныя стихiи, вѣщiя птицы и звѣри, чары и обряды, таинственныя загадки, сны и примѣты—все послужило мотивами, изъ которыхъ развился сказочный эпосъ, столько плѣнительный своею младенческою наивностью, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго.

«Народныя Русскiя сказки проникнуты всѣми особенностями эпической поэзiи: тотъ же свѣтлый и спокойный тонъ; то же неподражаемое искусство живописать всякiй предметъ и всякое явленiе по впечатлѣнiю, ими производимому на душу человѣка; та же обрядность, высказывающаяся въ повторенiи обычныхъ эпитетовъ, выраженiй и цѣлыхъ описанiй и сценъ.

«Какъ ото всѣхъ народныхъ произведенiй, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотою и искренностiю; съ дѣтскою наивностiю и простотою, подъ-часъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность, и свои повѣствованiя передаютъ безъ всякой затаенной иронiи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованiя. Въ позднѣйшемъ своемъ развитiи и сказка подчиняется новымъ требованiямъ, порожденнымъ развитiемъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ и прочнымъ орудiемъ народнаго юмора и сатиры, и утрачиваетъ первоначальное простодушiе. (См. сказки о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.). Но всегда сказка, какъ созданiе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненiя отъ добра и правды; она требуетъ наказанiя всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Несчастiе, бѣдность, сиротство посто-

янно возбуждають народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачихи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю, зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ. Этотъ характеръ мачихи, выставляемый народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается и древнимъ значеніемъ сиротства, и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чуждой для нея семьи.

«Чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людскаго міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненной птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больнаго дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго!... Нравственная сила спасаетъ сироту отъ всѣхъ козней; напротивъ, завить и злоба мачихи подвергаютъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовью, и потому гордыхъ, жестокосердыхъ и мстительныхъ.

«Съ этой точки зрѣнія особенно интересною представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Большая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два — умные, а третій—*дурень*. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякій думаетъ только о своихъ личныхъ интерессахъ; а младшій—глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости: онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Народная сказка однако всегда на сторонѣ нравственной правды, и, по ея твердому убѣжденію, выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностію меньшаго брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно-разумнымъ признаетъ одно добро, а зло, хотя и слыветъ таковымъ между людьми, но вводитъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели; слѣдовательно, оно-то и есть истинно-неразумное. Въ сказкѣ: «Норка-Звѣрь» три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря; имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудный подвигъ; но когда третій братъ смѣлостью преодолѣваетъ всѣ опасности — они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ уже подняться на Русь по нарочно-опущенному ка-

нату, но братья обрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія, даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря, заблистала молнія, загремѣлъ громъ и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и, какъ увидала своихъ дѣтей покрытыми—спросила: «кто покрылъ этихъ пташекъ? Это — ты? Спасибо тебѣ: проси отъ меня, чего хочешь!» и, по просьбѣ бѣдняка, выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь. Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки».

Русскія народныя сказки. *А. Н. Аѳанасьева.* Выпускъ I—VI. М. 1858—1863.— Велико-Русскія сказки. *И. А. Худякова.* Выпускъ I—III. М. 1860—1863.—Матеріалы для изученія народной словесности. *Худякова.* Спб. 1863.—Въ «Историческихъ очеркахъ Русской народной словесности» *Ѳ. И. Буслаева*, въ разныхъ мѣстахъ говорится о сказкахъ.—О народныхъ Р. сказкахъ и животномъ эпосѣ, статья г. *Пыпина.* Отеч, Зап. 1856, № 4 и 8.—Въ «Этнографическомъ Сборникѣ», (вып. V, 1862 г.), помѣщены библіографическія указанія, касающіяся сказокъ (смѣсь, стр. 46—47).—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ. *А. Пыпина.* Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Наукъ. Т. 4.—Народныя сказки, собранныя братьями *Гриммами.* Перев. съ Нѣмецкаго. Вып. 1 и 2. Спб. 1863.— Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. М. 1863.

Баба-Яга.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачиха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то: мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у ней иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить. А тетка эта была Баба-Яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ.— Здравствуй, тетушка!—Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?— Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку— мнѣ рубашку сшить.

Та ее и научаетъ: тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать—ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать—ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ

тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣба брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ветчины дай. Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-Яга, костяная нога, и ткетъ. Здравствуй, тетушка! — Здравствуй, родимая! — Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить.—Хорошо; садись покуда ткать. Вотъ дѣвочка сѣла за кросна; а Баба-Яга вышла и говоритъ своей работницѣ: ступай истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько; я хочу ею позавтракать. Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи»—и дала ей платочекъ. Баба-Яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая? — Тку, тетушка, тку, милая! — Баба-Яга и отошла, а дѣвочка дала коту ветчины и спрашиваетъ: нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова? — «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣги; за тобою будетъ гнаться Баба-Яга, ты приклони ухо къ землѣ и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце, сдѣлается широкая, широкая рѣка; если жъ Баба-Яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій лѣсъ: сквозь него она ужъ не проберется»!

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала: собаки хотѣли ее рвать—она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться—она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за кросна и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-Яга подошла къ окну и спрашиваетъ: ткешь-ли, племянушка, ткешь ли милая? — Тку, тетка, тку, милая, отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-Яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза.—Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала; а она мнѣ ветчинки дала.

Баба-Яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу; давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала; ворота говорятъ: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила; березка говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала; работница говоритъ: я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила.

Баба-Яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачемъ

погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга гонится — и ужъ близко, взяла да и бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая!

Баба-Яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку до чиста. Баба-Яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-Яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-Яга стала его грызть, но сколь ни старалась—не могла прогрызть и возвратилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: гдѣ же моя дочка?— Она пошла къ тетушкѣ, говоритъ мачиха. Не много погодя и дѣвочка прибѣжала домой: «гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. — Ахъ, батюшка, говоритъ она, такъ и такъ — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой мнѣ рубашку шить, а тетка — Баба-Яга — меня съѣсть хотѣла. — Какъ же ты ушла, дочка?—Такъ и такъ, разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣлилъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать, и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ; по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Примѣч.—Слова *Аванасьева:* «Яга-Баба является дѣйствующимъ лицомъ во многихъ народныхъ Русскихъ сказкахъ. Вездѣ является она съ одинаковою обстановкою. Преданіе представляетъ ее безобразною старухою; именемъ Яги, точно также какъ именемъ вѣдьмы, поселяне называютъ въ брань старыхъ и некрасивыхъ бабъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ—Баба-Яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ или черезъ грядку. Наряжаясь на святкахъ Бабою-Ягою, крестьянки стараются придать себѣ больше безобразія: старое, сморщенное лице и черные зубы—необходимая принадлежность такого ряженья. Народныя сказки часто упоминаютъ о трехъ сестрахъ: бабахъ-Ягахъ, представляя ихъ хотя сварливыми, но услужливыми, готовыми подать добрый и мудрый совѣтъ и оказать помощь тѣми сверхъестественными силами, которыя находятся въ ихъ полномъ распоряженіи. Онѣ предвѣщаютъ сказочному герою, что ожидаетъ его впереди даютъ ему клубокъ, который катясь указываетъ путь въ таинственныя страны, или чудеснаго коня, сапоги-самоходы и другія диковинки; изъ святочныхъ игръ можно заключить, что Баба-Яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ темный смыслъ.

«Яга живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается по просьбѣ къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ. Она ѣздитъ или летаетъ на шабаши вѣдьмъ и колдуновъ въ желѣзной ступкѣ, погоняя толкачемъ и заметая помеломъ слѣдъ, точно также, какъ дѣлаютъ вѣдьмы летающія на кочергахъ и ухватахъ. Бѣлоруссы говорятъ, что Яга погоняетъ *огненною метлою воздушныя силы,* которыя приводятъ въ движеніе ея ступу; когда она ѣдетъ—*земля стонетъ, вѣтры свищутъ, звѣри воютъ, нечистая сила реветъ.*

«По всѣмъ этимъ признакамъ, Баба-Яга принадлежитъ къ числу тѣхъ *вѣщихъ* женъ (вѣдьмъ), которыя играли весьма замѣтную роль въ нашей старинѣ. Она присутствуетъ на вѣдовскихъ сборищахъ, даетъ мудрые совѣты, можетъ предвѣщать, разумѣетъ таинственный языкъ загадокъ; распоряжается могучими силами природы, летаетъ съ тѣми же особенностями, какъ и вѣдьмы, наконецъ живетъ близъ лѣсовъ, религіозное значеніе которыхъ въ эпоху язычества общеизвѣстно.

«Кромѣ доброй стороны въ характерѣ Бабы-Яги, преданія представляютъ ее и злою, враждебною человѣку: подобно вѣдьмѣ, она похищаетъ и поѣдаетъ дѣтей. Любопытно бы объяснить филологически значеніе слова: *Яга*, но для этого пока не сдѣлано ничего основательнаго.

«Тѣ же преданія о Бабѣ-Ягѣ находимъ у всѣхъ Славянъ. Словаки говорятъ, что она живетъ въ темной пещерѣ въ лѣсу и представляютъ ее безобразною: скулы, что два пригорка, носъ съ добрый горшокъ. Бабу-Ягу Словаки называютъ проклятою и вѣрятъ, что если она захочетъ — то заставитъ своими чарами идти дождь или свѣтить солнце.

«При встрѣчѣ съ героями сказокъ или почуя присутствіе скрытаго человѣка, колдуньи и бабы-Яги обыкновенно произносятъ эти слова: «фу, фу! доселева *Русскаго духа* видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ Русскій духъ въ-очью проявляется!» или: «что это Русскимъ духомъ пахнетъ»! Тѣ же слова произносятъ при встрѣчѣ съ сказочными героями и другія миѳическія лица: чудо морское, змѣй и всякая нечистая сила.

«Въ Нѣмецкихъ сказкахъ подобныя восклицанія замѣняются такимъ выраженіемъ: «у-у-у! я чую: здѣсь пахнетъ *человѣческимъ мясомъ!*» — замѣна весьма значительная. Это выраженіе произноситъ при нечаянной встрѣчѣ съ человѣкомъ колдуньи, вѣдьмы, драконы, великаны и нечистые, слѣдовательно тѣ лица, которымъ народная сказка приписываетъ пожираніе человѣческаго мяса, что вѣроятно состоитъ въ связи съ преданіями о кровавыхъ языческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ одной изъ сказокъ о Ягѣ она приказываетъ приготовить для себя въ ѣству дѣвочку. Боричевскій передаетъ сказку о людоѣдствѣ Яги.

«Существованіе человѣческихъ жертвъ у Славянъ доказывается несомнѣнными свидѣтельствами старины[1]); эти человѣческія жертвы приносились, судя по ихъ мрачному значенію, божествамъ темнымъ, злымъ, во главѣ которыхъ стояла все-пожирающая и вѣчноголодная Смерть. Вотъ почему народная сказка приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ пожираніе человѣческаго мяса, а Бѣлорусское повѣрье, поставляя вѣдьмъ въ близкія отношенія съ нечистою силою, утверждаетъ, что онѣ питаются душами умершихъ. Вкушать отъ жертвенныхъ мясъ составляло необходимый обрядъ языческо-религіозныхъ игрищъ и пиршествъ; было ли вкушаемо мясо отъ человѣческихъ жертвъ?—положительныхъ свидѣтельствъ не имѣемъ, но едва ли можно отвѣчать отрицательно, если припомнить обычаи дикихъ народовъ, записанные очевидцами, и принять во вниманіе указаніе народныхъ сказокъ (о вѣдьмахъ), безъ сомнѣнія сохранившихъ память объ отдаленной грубой и животненной старинѣ.

«Сказка о Бабѣ-Ягѣ, подобно многимъ другимъ сказкамъ, основана на злобѣ мачихи къ дѣтямъ отъ прежняго брака ея мужа. Эта нелюбовь мачихи

---

[1]) См. Лѣтопись Нестора. Стран. 35. «И рѣша старцы и боляре (Кіевскіе): «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него падетъ, *тою зарѣжемъ богомъ*». Жребій палъ на отрока христіанина.

къ падчерицамъ и пасынкамъ составляетъ любимый мотивъ, варіируемый народными сказками.

«Въ сказкѣ дѣвочка, слыша за собой погоню Баба-Яги, бросаетъ полотенце—является рѣка, бросаетъ гребень—и возникаетъ цѣлый лѣсъ. Сходно съ этимъ въ сказкѣ, напечатанной въ «Повѣстяхъ и преданьяхъ народовъ Славянскаго племени» *Боричевскаю*, царевна, спасаясь бѣгствомъ отъ вѣдьмы, кидаетъ гребенку—является рѣка, щетку—выростаетъ лѣсъ: изъ каждаго волоска дерево,—золотое яблоко—возникаетъ гора, простыню—показывается цѣлое море; въ сказкѣ объ «Иванѣ-Кручинѣ купеческомъ сынѣ» лѣсъ появляется вслѣдъ за кинутымъ голикомъ, а горы вслѣдъ за кинутою щеткою. Тѣ же преданія сохраняются въ Нѣмецкихъ сказкахъ, въ которыхъ дѣти, спасаясь бѣгствомъ, бросаютъ *щетку*, *гребень* и *зеркало* и возникаютъ громадныя горы: Bürstenberg, Kammberg, Spiegelberg; королевичъ, убѣжавшій отъ великана, кидаетъ *кусокъ соли*—и возникаетъ высокая гора, выливаетъ изъ фляги одну, двѣ капли воды—и рождается море; другой сказочный герой, преслѣдуемый троллемъ, бросаетъ терновую лозу—и мгновенно выростаетъ густой и дикій терновникъ, бросаетъ камень—подымается скала, брызгаетъ изъ фляги водою—и проливается цѣлое море; когда онъ принимался за это послѣднее средство, вѣрный конь сказалъ ему: «берегись, не брызгни на меня, чтобъ намъ не потонуть». Эти чудесныя щетки, гребни и другія вещи похищаются героями сказокъ у вѣдьмъ, великановъ и разныхъ миѳическихъ дѣятелей и составляютъ принадлежность чародѣйства. Вѣдьмы, великаны, змѣи огненные могли свободно управлять стихіями: для нихъ довольно капли воды, чтобъ явилось цѣлое море, одной золы, чтобъ выросъ дремучій лѣсъ, и одного камня, чтобъ поднялись высокія скалы».

Миѳическія преданія народныхъ сказокъ тогда будутъ вполнѣ понятны, когда мы покороче познакомимся съ разнаго роду суевѣріями и преданіями народа. Объ этомъ предметѣ у насъ весьма много писано.

Чит. Сказанія Русскаго народа. *Сахарова.*— Бытъ Русскаго народа. *Терещенко.*—Разборъ этого труда въ сочиненіяхъ *Кавелина.* На многія статьи о Русскихъ повѣрьяхъ есть указаніе въ изданіи сказокъ г. *Аѳанасьева* и въ Этнографич. Сборникѣ, вып. V.— Историч. Очерки. *Буслаева.* 1—78 и д.—

Жаръ-Птица.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь. У этого царя было три сына: Петръ царевичъ, Дмитрій царевичъ и Иванъ царевичъ. И былъ у нихъ садъ; въ этомъ саду росла яблонь, и на ней золотыя яблоки. Только сталъ царь примѣчать: каждую ночь пропадаетъ по яблочку. И прошло нѣсколько времени, яблоковъ ужъ очень много нѣту. Вотъ онъ собралъ своихъ сыновей и говоритъ: «любезныя мои дѣти! ежели вы меня любите, то подкараульте этого вора. Ежели изъ васъ кто поймаетъ этого вора, то отдамъ тому полъ-царства».

Въ первую ночь пошелъ старшій братъ; сидѣлъ онъ до двѣнадцати часовъ; послѣ двѣнадцати часовъ и заснулъ. Когда онъ ут-

ромъ проснулся, посмотрѣлъ: яблочка одного нѣтъ. Пришелъ отцу и разсказалъ все подробно. На другую ночь пошелъ средній братъ. Тоже и съ нимъ случилось.

На третью ночь сталъ меньшой братъ проситься; но отецъ на это не соглашался: что «ты очень малъ;» что «можетъ тебя что-нибудь испугать». Но онъ убѣдительно просилъ отпустить. Отецъ согласился и отпустилъ; ну онъ и пошелъ въ садъ и сѣлъ подъ яблоньку. Только сидѣлъ нѣсколько времени, и вдругъ садъ освѣтило. Видитъ Иванъ Царевичъ: летитъ Жаръ-Птица; онъ притаился подъ дерево; птица подлетѣла и сѣла на сукъ. Только хотѣла яблочко склевать, какъ меньшой братъ подкрался и ухватилъ за хвостъ. Она вырвалась и улетѣла; а у него одно перо осталось въ рукѣ. Онъ сейчасъ перо въ платокъ и остался здѣсь до утра. Утромъ приходитъ къ отцу своему; отецъ спрашиваетъ: «что ты, сынъ мой любезный, видѣлъ ли вора»? — Видѣлъ, говоритъ; и развернулъ Иванъ Царевичъ платокъ; это перо такъ и осіяло всю комнату. «Ахъ, говоритъ, сынъ мой любезный! Что же это такая была за птица»?

Послѣ того отецъ и призвалъ тѣхъ двухъ сыновей. «Ну, говоритъ, дѣти вы мои милыя! вора видѣли, но не поймали. Но я васъ теперь прошу: поѣзжайте вы въ путь и найдите вы мнѣ эту Жаръ-Птицу. Ежели изъ васъ кто-нибудь найдетъ, тому отдамъ все царство.» Двое поѣхали, а отецъ меньшаго сына не отпускаетъ. Тотъ сталъ проситься; отецъ долго не соглашался; наконецъ согласился, благословилъ ихъ всѣхъ, и поѣхали они въ путь.

Ѣхали долго ли, коротко ли и подъѣзжаютъ къ столбу. Отъ этого столба идутъ три дороги и на столбѣ написано: по правой сторонѣ ѣхать — быть убитому; по лѣвой сторонѣ ѣхать — быть самому голодному; по средней дорогѣ ѣхать — быть коню голодному. — Они здѣсь подумали, гдѣ кому ѣхать. Меньшой братъ по правой поѣхалъ; а тѣ двое поѣхали по этимъ дорогамъ.

Наконецъ меньшой братъ ѣхалъ нѣсколько времени и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ Царевичъ и говоритъ: «избушка, поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ»! Избушка оборотилась къ нему передомъ. Вошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ Баба-Яга, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь Русскимъ духомъ пахнетъ»? Онъ ей и кричитъ: «вотъ, говоритъ, я тебя старую чертовку ссажу съ печки»! Она сама соскочила съ печки и стала его просить. «Добрый молодецъ! не бей меня: я тебѣ пригожусь». Онъ ей и говоритъ: «чѣмъ ты на меня закричала, ты бы лучше накормила, напоила и спать положила». Она его стала спрашивать: «кто ты такой»? Онъ говоритъ: «я — Иванъ Царевичъ».

Она тутъ его накормила, напоила и спать положила.—Утромъ Иванъ Царевичъ проснулся, умылся, одѣлся, Богу помолился, сталъ у ней спрашивать: «не знаешь ли ты, гдѣ Жаръ-Птица»? Она ему и говоритъ: я не знаю, но ты поѣзжай дальше; тамъ будетъ сестра моя средняя, она тебѣ скажетъ. Да на́ тебѣ клубочекъ; когда ты повезешь Жаръ-Птицу, то за тобой погонятъ, ты и скажи: клубочекъ, клубочекъ! обратись въ гору. И онъ оборотится въ гору, а ты поѣдешь дальше».—Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ дальше къ ея сестрѣ.

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени, и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ Царевичъ и говоритъ: «избушка, избушка! поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ»!—Избушка оборотилась къ нему передомъ. Вошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ Баба-Яга, середняя сестра, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь Русскимъ духомъ пахнетъ»?—«Вотъ, говоритъ, я тебя старую чертовку ссажу съ печки»! Она сама соскочила съ печки, Ивана Царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ онъ всталъ и сталъ спрашивать Бабу-Ягу: «гдѣ Жаръ-Птица»? Она ему сказала: «Поѣзжай дальше къ старшей сестрѣ»! Она ему тутъ дала гребенку. Когда, говоритъ, ты поѣдешь съ Жаръ-Птицей, за тобой погонятъ, ты и скажи: «гребенка, гребенка! обратись ты въ непроходимый лѣсъ! Она и оборотится, а ты поѣдешь дальше».—Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ къ старшей сестрѣ.

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени; видитъ—опять избушка на куриныхъ лапкахъ. «Избушка, избушка! поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ»! Вошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ Баба-Яга, костянная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь Русскимъ духомъ пахнетъ»?—«Вотъ, говоритъ, я тебя старую чертовку ссажу съ печки»! Она сама соскочила съ печки, Ивана Царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ Иванъ Царевичъ всталъ, Богу помолился; сталъ расспрашивать у ней о Жаръ-Птицѣ. Она дала ему щетку. «Когда, говоритъ, за тобой погонятъ, то ты скажи: щетка, щетка! обернись ты въ огненную рѣку. И она сдѣлается огненной рѣкой, а ты поѣдешь дальше. И когда ты будешь подъѣзжать къ такому-то царству, будетъ ограда, а въ этой оградѣ будутъ вороты; за этой оградой висятъ три клѣтки: въ золотой клѣткѣ ворона сидитъ; въ серебреной грачъ сидитъ; въ мѣдной Жаръ-Птица. Но ты помни, не бери серебреную и золотую, и мѣдную не бери тоже, а отпори дверку и вынь Жаръ-Птицу, и завяжи въ платокъ». Иванъ Царевичъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ въ путь. Подъѣзжаетъ онъ къ царству и видитъ ограду каменную; никакъ нельзя черезъ нее пе-

релѣзть; и въ вороты нельзя проѣхать — львы стоятъ. Только онъ посмотрѣлъ и говоритъ: «ахъ конь мой, лошадь вѣрная моя! Перепрыгни ты черезъ ограду и дай мнѣ достать Жаръ-Птицу!» Онъ отъѣхалъ назадъ, разскакался и перепрыгнулъ чрезъ ограду. Только онъ видитъ, что Жаръ-Птица большая; въ платокъ ее нельзя завязать. Подумалъ, взялъ эту мѣдную клѣтку совсѣмъ; вдругъ колокольчики зазвенѣли и львы разревѣлись. Онъ тутъ испугался, что его поймаютъ; разскакался, перепрыгнулъ ограду и поскакалъ дальше съ Жаръ-Птицей. Только онъ отъѣхалъ нѣсколько и видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ тутъ взялъ клубочекъ. «Клубочекъ, обернись въ гору»! Клубочекъ обернулся въ гору, а онъ поѣхалъ дальше. Войско подскакало къ горѣ и видитъ, что непроходимая гора; то они (войско) возвратились назадъ, взяли скребки, подъѣхали къ горѣ и раскопали ее. Погнали опять за Иванъ Царевичемъ въ погоню. Только Иванъ Царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ взялъ гребенку и сказалъ: «ты, гребенка, обернись въ непроходимый лѣсъ»! Она обернулась. Войско подскакало къ лѣсу и видитъ, что непроходимый лѣсъ. Они возвратились назадъ, взяли топоры и прорубили себѣ дорогу. Они за нимъ дальше поскакали: Иванъ Царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ; онъ взялъ щетку и сказалъ: «щетка, обернись ты въ огненную рѣку»! Только войско подскакало и видятъ, что огненная рѣка. Но Иванъ Царевичъ за рѣкой легъ отдыхать. Только войско это, кто изъ людей ни кинется, то сейчасъ и ошпарится. Дѣлать имъ было нечего, и возвратились они назадъ. Иванъ Царевичъ отдохнулъ и поѣхалъ въ путь.

Только ѣхалъ онъ нѣсколько времени и подъѣзжаетъ къ этому самому столбу, и у этого столба раскинутъ шатеръ и въ этомъ шатрѣ спятъ два молодца. Подошелъ онъ къ нимъ и узналъ, что это его братья. Онъ очень этому случаю радъ, поздоровался съ ними, разсказалъ все подробно. Онъ тутъ легъ съ ними отдохнуть. Но братьямъ стало завидно, что онъ, меньшой братъ, привезетъ къ отцу Жаръ-Птицу: «но мы старшіе пріѣдемъ, не привеземъ ничего». Они согласились его кинуть въ ровъ. Когда они его соннаго кинули въ ровъ: въ этомъ во рву всякіе гады, звѣри, и даже оттуда не видать солнечнаго свѣта. Но когда ему пить и ѣсть было нечего, то онъ питался землей и вздумалъ копать и лѣзть къ верху. Только онъ полѣзъ, самъ руками копаетъ и лѣзетъ все выше да выше. Наконецъ онъ все выше да выше лѣзъ и увидалъ оттуда солнечный лучъ. Только онъ дальше полѣзъ и вылѣзъ наружу. Отдохнулъ нѣсколько времени около рва и пошелъ дальше.

Только подходитъ къ одному городу и видитъ въ этомъ городѣ, что толпа стоитъ народу. Пошелъ онъ къ народу и спрашиваетъ:

«что это такое значитъ — вы стоите около озера?» Они ему отвѣчаютъ, что «мы ждемъ: отсюда выйдетъ змѣй шестиглавый, в должны мы ему кинуть дѣвицу; но какъ онъ всѣхъ дѣвицъ переѣлъ, то теперь должны кинуть царскую дочь». Но онъ имъ сказалъ: «ахъ, какъ мнѣ это жалко! но покажите, гдѣ царь и дочь»? — Когда царь и дочь вышли, онъ къ нимъ подошелъ. «Я вашу дочь, говоритъ, могу спасти»! Царь и говоритъ: «теперь нельзя и думать отъ этакаго змѣя». — А Иванъ Царевичъ опять говоритъ: «я вамъ спасу вашу дочь, но прикажите только связать три пучка жимостовыхъ палочекъ»! Когда связали, принесли. Вдругъ змѣй и плыветъ, на разные голоса свищетъ, реветъ; только было ротъ разинулъ, а Иванъ Царевичъ однимъ пучкомъ срубилъ ему двѣ головы; другимъ пучкомъ другія двѣ; третьимъ еще двѣ: всѣ шесть головъ отрубилъ. Тутъ сейчасъ царь обрадовался, кинулся его цѣловать и попросилъ къ себѣ во дворецъ. Всѣ жители обрадовались, что онъ такъ змѣя побѣдилъ; такъ сейчасъ задали пиръ. А эта первая дочь такая была раскрасавица, что въ свѣтѣ мало было. Царь сталъ предлагать Иванъ Царевичу жениться. Свадьбу сыграли.

Отецъ, женивши, сталъ спрашивать Иванъ Царевича: «изъ какого ты царства»? Онъ отвѣчаетъ, что «изъ такого-то царства, такого-то царя сынъ». Онъ сталъ его приглашать: «не угодно ли къ своему отцу повидаться? И когда вы рады къ отцу ѣхать, дамъ вамъ два ворона и садитесь на этихъ вороньевъ и когда вы сядете, то скажите: «въ такое-то царство»; васъ прямо и привезутъ». Вотъ царь далъ имъ вороньевъ; они сѣли и полетѣли.

А старшіе два брата какъ взяли Жаръ-Птицу, привезли ее къ отцу; отецъ такъ былъ радъ Жаръ-Птицѣ. На другой день изъ этой Жаръ-Птицы сдѣлалась ворона; они такъ удивились, и отецъ удивился: «отчего это такое значитъ»? Однако отецъ повѣсилъ ворову у себя въ комнатѣ; такъ она и висѣла вороной. Когда Иванъ Царевичъ сталъ подлетать къ отцу, то вдругъ изъ вороны сдѣлалась опять Жаръ-Птица; и видитъ: прилетаютъ два ворона, и на вороньяхъ сидятъ мужчина и дѣвица. Отецъ этому испугался, подумалъ, что не за Жаръ ли Птицей прилетѣли и не передъ *своими ли* она изъ вороны сдѣлалась Жаръ-Птицей. Но вдругъ Иванъ Царевичъ входитъ съ супругой и бросается на шею къ отцу; и проситъ прощенья, что безъ его позволенья онъ женился. Отецъ никакъ узнать его не могъ. «Ахъ, ты сынъ мой! Что ты такъ долго не пріѣзжалъ? Братья твои возвратились, Жаръ-Птицу достали». — «Нѣтъ, говоритъ, не братья, а я Жаръ-Птицу досталъ; съ ними я выѣхалъ на дорогу; они меня соннаго кинули въ ровъ, а Жаръ-Птицу отъ меня увезли». А потомъ онъ все подробно разсказалъ. Сейчасъ отецъ двухъ сыновей своихъ заставилъ пасти скотину, а

ему отдалъ все царство свое. Потомъ они сдѣлали такой пиръ; я тамъ былъ, вино, пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Примѣч. — Во многихъ Русскихъ сказкахъ выводится на сцену Иванъ Царевичъ. Что же онъ такое? Какую мысль желаетъ выразить народъ здѣсь? *К. С. Аксаковъ* вотъ что говоритъ: «Иванъ — это не видный, не яркій человѣкъ, вовсе не глупый, но не имѣющій гордости и блеска ума, слывущій дурачкомъ и дѣлающій все лучше умныхъ. Въ этой сказкѣ есть насмѣшка, не надъ разумомъ, но надъ умомъ людскимъ, надъ тѣмъ, что считается умомъ между людьми, и вмѣстѣ надъ гордостью ума. Во всемъ разсказѣ умъ постоянно побѣжденъ смиренною простотою, находящею сочувствіе и въ сверхъестественныхъ силахъ и силахъ природы; простотѣ открывается таинственный міръ. Торжествующая простота производитъ зависть непримиримую въ тѣхъ, которые выдаютъ себя и слывутъ за умныхъ. Эта исторія повторяется и теперь нерѣдко въ жизни, и ничто не обидно такъ для гордости человѣческой, какъ побѣда скромнаго смиренія. Мысль сказки, объясненная нами, проводится во всѣхъ сказкахъ объ Иванѣ: мысль вполнѣ Русская». (Соч. К. С. Аксакова. Т. I, стран. 408. См. еще статью г. *Шеппинга*: Иванъ Царевичъ, Русскій народный богатырь. Москвитянинъ 1852, № 21. Возраженіе на статью въ соч. *К. С. Аксакова.* Т. I, стран. 398 и д. Статья *Шеппинга* перепечатана въ брошюрѣ того же автора: Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. 1862. — Сказка о Жаръ-Птицѣ обща намъ съ другими народами. У Нѣмцевъ она носитъ названіе: Der Goldene Vogel. Историч. Очерки. *Буслаева.* 1 — 31. —

Царевичъ-Козленочекъ.

Жили-были себѣ царь и царица; у нихъ были сынъ и дочь; сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вотъ царь съ царицею померли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлому свѣту. Шли, шли, шли... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ. «Я хочу пить», говоритъ Иванушка. — «Не пей, братецъ, а то будешь теленочкомъ», говоритъ Аленушка. Онъ послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей. «Ахъ, сестрица! еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется». — «Не пей, братецъ! а то сдѣлаешься жеребеночкомъ.» Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ. «Ахъ, сестрица! мнѣ страшно пить хочется.» — «Не пей, братецъ! а то будешь баранчикомъ». Иванушка послушался и пошли они дальше; шли, шли, и видятъ ручей, а возлѣ стерегутъ свиней. «Ахъ, сестрица! я напьюся; мнѣ ужасно пить хочется.» — «Не пей, братецъ! а то будешь поросеночкомъ». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видятъ: пасется у воды стадо козъ. «Ахъ, сестрица! я напьюся». — «Не пей, братецъ! а то будешь ко-

зленочкомъ». Онъ не вытерпѣлъ и напился, и сталъ козленочкомъ, прыгаетъ передъ Аленушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Аленушка обвязала его шелковымъ поясомъ и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Козленочекъ бѣгалъ, бѣгалъ и забѣжалъ въ садъ къ одному царю. Люди увидали и тотчасъ доказываютъ царю: «у насъ, ваше царское величество, въ саду козленочекъ, и держитъ его на поясѣ дѣвица, да такая изъ себя красавица». Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ люди и спрашиваютъ ее: откуда она и чьего роду-племени? «Такъ и такъ, говоритъ Аленушка, былъ царь и царица, да померли; остались мы дѣти: я — царевна, да вотъ братецъ мой, царевичъ; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козленочкомъ». Люди доложили все это царю. Царь позвалъ Аленушку, распросилъ обо всемъ; она ему приглянулась, и царь захотѣлъ на ней жениться. Скоро сдѣлали свадьбу, и стали жить себѣ, и козленочекъ съ ними, гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ вмѣстѣ съ царемъ и съ царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Аленушка больная, да такая худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло; цвѣты въ саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашиваетъ царицу: «али ты чѣмъ не здорова»? — Да, хвораю, говоритъ царица. На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Аленушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ; «хочешь, я тебя вылѣчу? выходи къ такому-то морю столько-то зорь и пей тамъ воду». Царица послушалась и въ сумеркахъ пошла къ морю, а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила въ море. Аленушка пошла на дно; козленочекъ прибѣжалъ и горько, горько заплакалъ. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на столъ и сѣли обѣдать. «А гдѣ же козленочекъ»? спрашиваетъ царь. — Не надо его, говоритъ колдунья; я не велѣла пускать; отъ него такъ и несетъ козлятиной! — На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила, и грозитъ ему: «вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать». Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаетъ къ нему: прикажи, да прикажи зарѣзать козленочка; онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ! Царю жалко было козленочка, да дѣлать нечего, — она такъ пристаетъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козленочекъ: ужъ начали точить на него ножи булатные, заплакалъ онъ, побѣжалъ къ царю и проситcя: «царь! пусти меня на море сходить, водицы испить». Царь пустилъ его. Вотъ козленочекъ прибѣжалъ къ морю, сталъ на берегу и жалобно закричалъ:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горятъ горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змія сердце высосала!

Козленочекъ заплакалъ и воротился назадъ. Посередъ дня опять просится онъ у царя: «царь! пусти меня на море сходить, водицы испить». Царь пустилъ его. Вотъ козленочекъ прибѣжалъ къ морю и жалобно закричалъ:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ... и проч.

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ!
Тяжолъ камень ко дну тянетъ,
Люта змія сердце высосала!

Козленочекъ заплакалъ и воротился домой. Царь и думаетъ: чтобы это значило, козленочекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козленочекъ въ третій разъ: «царь! пусти меня на море сходить, водицы испить». Царь отпустилъ его, и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ — козленочекъ называетъ сестрицу:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ... и проч.

Она ему отвѣчаетъ:

Иванушка-братецъ! и проч.

Козленочекъ опять началъ вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась надъ водой. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень, и вытащилъ Аленушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это сталося? Она ему все разсказала. Царь обрадовался, козленочекъ тоже—такъ и прыгаетъ; въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить: разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее. Послѣ того царь съ царицей и съ козленочкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

Примѣч.—Слова *Аванасьева:* «Сказка эта основана на старинномъ вѣрованіи въ оборотничество, которому въ эпоху язычества придавалося весьма обширное значеніе. Колдунья наводитъ порчу на всѣ источники, и стоитъ только напиться изъ нихъ, какъ тотчасъ же превратишься въ то или другое животное. Подобную сказку встрѣчаемъ у Нѣмцевъ подъ заглавіемъ «Brüderchen und Schwesterchen». Злая мачиха-вѣдьма проклинаетъ въ лѣсу всѣ родники; братецъ напивается и оборачивается въ серну. Сестрица заплакала, привязала его на поясокъ и пошла дальше въ лѣсъ; здѣсь она нашла маленькую пустую хижину и осталась въ ней жить вмѣстѣ съ братцемъ, питаясь ягодами, кореньями и орѣхами. Разъ охотился въ лѣсу король, онъ погнался за серною и набрелъ на хижину, плѣнился красотою дѣвицы и женился на ней; серна жила вмѣстѣ съ ними, прыгала и рѣзвилась въ королевскомъ саду. Когда узнала о томъ мачиха, зависть и злоба растерзали ей сердце, и она задумала извести королеву. Въ то время, какъ королева заболѣла послѣ родовъ, явилась къ ней мачиха, увела ее въ баню и заперла тамъ въ сильномъ жару, чтобы она задохнулась; а вмѣсто настоящей королевы уложила въ постель свою одноглазую дочь. Въ полночь, когда все засыпало во дворцѣ, отворялась дверь въ дѣтскую и входила несчастная королева; она брала изъ колыбели своего малютку, кормила его грудью, цѣловала и укладывала въ постель; потомъ подходила къ углу, въ которомъ лежала серна, и гладила ее по спинѣ! Три ночи приходила такъ въ дѣтскую королева и каждый разъ спрашивала:

— Was macht mein Kind? was macht mein Reh?

Донесли о томъ королю; онъ услышалъ голосъ королевы. «Это моя милая жена!» сказалъ онъ, и въ ту-жъ минуту получила она, по милости Божіей, снова жизнь. Дѣло объяснилось, и вѣдьма была сожжена, какъ и въ Русской сказкѣ. Едва обратилась она въ пепелъ, какъ уничтожилось колдовство, и братецъ-серна получилъ свой человѣческій образъ. Сожженіе было обыкновенною карою вѣдьмъ: припомнимъ процессы о колдунахъ, представляющіе любопытную, хотя и грустную, страницу въ исторіи человѣчества. Сказки часто упоминаютъ о такомъ наказаніи вѣдьмъ».

Мужикъ, Медвѣдь и Лиса.

Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая. Медвѣдь мужику сказалъ: «твои коренья, а мои верхушки». Мужикъ *усю* зиму ѣлъ, а медвѣдь съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣдь сказалъ мужику: «давай сѣять пшеницу». Пшеница родилась добрая. «Теперь ты бери верхушки», сказалъ медвѣдь мужику, «а мои коренья». Мужикъ *усю* зиму ѣлъ, а медвѣдь едва съ голоду не померъ. На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣдь къ нему пришелъ и *гутаритъ* ему: «я тебя, мужикъ, съѣмъ (за то), что ты меня обманываешь». А мужикъ сказалъ ему: «погоди, пашню допашу». Медвѣдь и легъ подъ мужичью телегу. У ту пору бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ: «мужикъ! я отъ смерти отведу; что ты мнѣ за работу дашь»? Мужикъ сказалъ: «куръ мѣшокъ».—Хорошо; я у тебя спрошу: «что у тебя подъ телегою лежитъ?» А медвѣдь

мужику говоритъ: «скажи, что *калода.*» Лиса говоритъ: «кабы калода, она бы на телегѣ была увязана». *У* ту пору лиса убѣжала прочь, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику: «что у тебя на телегѣ лежитъ»? Мужикъ сказалъ: «калода».—А кабы калода, *у ней* бы тапоръ былъ воткнутъ». Медвѣдь сказалъ мужику: «воткни въ меня тапоръ». Мужикъ и воткнулъ топоръ медвѣдю, отчего медвѣдь *кончился.* Лиса говоритъ мужику: «вывези же обѣщанный мѣшокъ куръ». На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и борзую собаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику: «что, привезъ куръ»?—Привезъ.—«Ну, выпущай по одной, а не всѣхъ вдругъ». Мужикъ выпустилъ курицу и другую, а потомъ собаку. Собака за лисой, лиса отъ собаки побѣжала въ пору. Собака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ: «ноги, что вы дѣлали»?—Мы бѣжали.—«А вы, глазки»?—Мы глядѣли.—«А вы, уши»?—Мы слушали.—«А ты, хвостъ»?—Я, говоритъ, тебѣ подъ ноги *мњшался,* чтобъ ты упала.—*У ту* пору лиса осердилась на хвостъ, и высунула его изъ норы: «на, собака, ѣшь хвостъ»! Собака ухватила лису за хвостъ, вытащила ее, и разорвала.

Примѣч.—Темы: характеристика мужика, медвѣдя и лисы.—Черты народнаго быта въ сказкѣ.

Лиса.

Шла лиса по дорожкѣ и нашла лапотокъ; пришла къ мужику и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать». Онъ говоритъ: «некуда, лисынька! тѣсно».—Да много ли нужно мнѣ мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку.—Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «положите мой лапотокъ къ вашимъ курочкамъ». Положили; а лисынька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встаютъ, она и спрашиваетъ свой лапоть; ей хозяева говорятъ: «лисынька, вить онъ пропалъ»!—Ну, отдайте мнѣ за него курочку.—Взяла курочку, приходитъ въ другой домъ и проситъ, чтобъ ея курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку, и получила за нее гуська. Приходитъ въ новый домъ, просится ночевать и говоритъ, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и проситъ посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисынька украла и барашка, а по утру требуетъ, чтобъ за него отдали ей бычка. Всѣхъ—и курочку, и гуська, и барашка, и бычка—она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идетъ медвѣдь съ волкомъ, а лиса говоритъ: «подите, украдьте сани да поѣдемте кататься». Вотъ они

украли и сани и хомутъ, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричитъ: «шню-шню! бычокъ-соломенный бычокъ, сани чужія (или не наши), хомутъ не свой, погоняй не стой!» Бычокъ нейдетъ. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали-рвали, видятъ, что одна шкура да солома; покачали головами и разошлись по домамъ.

Примѣч.—Слова *Афанасьева:* «Сказки о лисѣ, волкѣ, козѣ и другихъ звѣряхъ составляютъ отрывки стариннаго животнаго эпоса. И въ другихъ народныхъ сказкахъ, повѣствующихъ намъ чудесныя похожденія и подвиги богатырей, являются дѣйствующими лицами звѣри, которымъ присвояются: умъ, чувство, даръ слова и разныя сверхъестественныя свойства; но тамъ болѣе или менѣе являются они для услугъ человѣка, поставляемаго на первомъ планѣ, хотя и не рѣдко превосходятъ его догадливостью и смѣлостью. Напротивъ въ мелкихъ басняхъ, на которыя раздробился животный эпосъ, главный интересъ сосредоточивается на звѣряхъ: въ этихъ басняхъ являются они не только дѣйствующими лицами, но героями — каждый съ своимъ особеннымъ характеромъ. Вообще въ народныхъ памятникахъ вся природа представляется исполненною разумной жизни, надѣленною умомъ, чувствомъ и даромъ слова; у ней свои радости и страданія, которыя она нерѣдко раздѣляетъ съ человѣкомъ. Такой поэтическо-живой взглядъ на природу условливается характеромъ до-историческаго развитія народовъ; ибо въ основу этого развитія легло обожаніе таинственныхъ силъ природы и наивное преклоненіе предъ ея грозными и торжественными явленіями.

«По народнымъ преданіямъ, сохранившимся до нынѣ, звѣри, птицы и растенія нѣкогда разговаривали, какъ люди; поселяне вѣрятъ, что накануне новаго года домашній скотъ получаетъ способность разговаривать между собою по-человѣчески, что пчелы во всякое время могутъ разговаривать съ маткою и другъ съ другомъ, что дятелъ стучитъ въ дерево съ отчаянья и т. п. Въ пѣсняхъ и сказкахъ цвѣты, деревья, насѣкомыя, птицы и звѣри ведутъ между собой разговоры, предлагаютъ человѣку вопросы и дѣлаютъ ему отвѣты. Въ шумѣ древесныхъ листьевъ, свистѣ вѣтра, плескѣ волнъ, жужжаніи насѣкомыхъ, крикѣ и пѣніи птицъ, ревѣ и мычаньи животныхъ — въ каждомъ звукѣ, раздающемся въ природѣ, поселяне думаютъ слышать таинственный разговоръ, доступный только чародѣйному вѣдѣнію колдуна.

«Народныя басни о *лисѣ*, въ теперешнемъ ихъ видѣ, представляютъ разрозненныя части одного древняго эпическаго сказанія, въ которомъ въ забавныхъ сценахъ показывается перевѣсъ хитрости, ловкости и ума, даже при недостаткѣ физическихъ силъ, надъ тупостью и слабоуміемъ, хотя бы эти послѣднія качества восполнялись огромною силою и крѣпостью тѣла.

«Сказаніе о лисѣ извѣстно почти у всѣхъ Индоевропейскихъ народовъ и есть общее ихъ наслѣдіе, доставшееся имъ отъ эпохи до-исторической. Переработанное въ средніе вѣка, оно дошло до насъ въ Нѣмецкомъ и Латинскомъ спискахъ XII вѣка; другіе списки относятся къ XIII вѣку и къ XV. Во всѣхъ редакціяхъ поэма эта содержитъ въ себѣ много изрѣченій и подробностей, напоминающихъ наши народныя сказки. Въ изданіи братьевъ Гриммовъ: «Kinder- und Hausmärchen» помѣщено нѣсколько сказокъ о лисѣ. Русская сказка о томъ, какъ не битая лиса ѣхала на битомъ волкѣ, сходна съ Нѣмецкою: «Der Fuchs und die Frau Gevatterin».

«Съ напечатанною не много выше сказкою «Мужикъ, Медвѣдь и Лиса» сходны: Польская о томъ, какъ мужикъ вмѣстѣ съ чортомъ варилъ пиво и сѣялъ рѣпу, а какъ дошло до дѣлежа — отдалъ ему отъ рѣпы верхушки, а отъ пива поддонки (гущу), — Чувашская о Черемисинѣ, который вмѣстѣ съ медвѣдемъ сѣялъ ячмень и рѣпу, и тоже обманулъ его при дѣлежѣ, отдавъ отъ ячменя корни, а отъ рѣпы верхушки (зелень).

«Извѣстно, какъ мастерски съумѣлъ воспользоваться знаменитый Гете средневѣковою поэмою о хитростяхъ лисы: см. его «Reineke Fuchs», перевед. на Рус. языкъ г. Достоевскимъ». Спб. 1861.

Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ.

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярскій Лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка, па Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ (хорошее житье, довольство); расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами праведными судьями.»

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли»? Отвѣтчикъ Ершъ рече: «отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ Божіею милостію, отца своего благословеніемъ и материними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ; въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ менѣ на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы Московскіе, дьяки и подьячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ».

Судьи спрашивали истца Леща: «ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?». Истецъ Лещъ рече: «уличаю его Божіею правдою да вами правед-

ными судьями». Судьи спрашивали истца Леща: «кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ (истокахъ), и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюся я, господа, изъ виноватыхъ (вѣдающихъ о дѣлѣ) на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Нѣмецкой области подъ Иваномъ-городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга». Спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ершъ рече: «слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть: Сигъ и Лодуга люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой же человѣкъ заводной — шлем(т)ся въ послушеству(о) (ссылается на свидѣтельство)». И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «почему у тебя такіе люди не друзья и какая у тебя съ ними недружба?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ, для того что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать (разорить тяжбою) напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь». Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду?» Отвѣтчикъ же Ершъ рече: «Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни (съ-родни), а Лещъ такой же человѣкъ заводной; въ сусѣдствѣ имаются; гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ».

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня (Налима), приказали взять въ правдѣ Переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе, и рече: «господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не могу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю». Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставленъ(илъ) въ правдѣ Переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у Переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіянинъ Божій, живетъ своею, а не чужею (силою); а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ»............ знаешь ли его? Осетръ же рече: «азъ, господа, не въ правдѣ (не ради суда) *мне* (и не) въ послушествѣ, а

впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдять, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошать про него злаго человѣка никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ! когда азъ шелъ Волгою рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и дóлѣ (долѣе, т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги рѣки берегн(а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, ка́ковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ! пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли мéньшей братъ ходитъ напредь большаго? И я на его, господа, прелес(т)ное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярскій дворъ: (вой)итти — ворота широки, а вытти — узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею (пространство клѣтокъ у мережи), а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради»!

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ (Снятокъ — маленькая рыба) Переславской. Да на того же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застануть въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: «господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищами оправили, а меня обвинили.»

Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворость: только того Ерша и видѣли!

Примѣч. — Слова *Аѳанасьева*: «Происхожденіе сказки объ Ершѣ Щетинниковѣ должно быть отнесено къ XVI столѣтію. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены въ сказкѣ съ поразительною вѣрностію (сличи ее съ правыми грамотами, напечатанными въ «Юридическихъ актахъ»). Это меткая сатира надъ стариннымъ сутяжничествомъ и ябеднической изворотливостью. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и, вмѣстѣ съ другими повѣстями, сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Обиліе варіантовъ, замѣчаемыхъ въ различныхъ ея спискахъ, уже доказываетъ, какъ много она была распространена между читающимъ и нечитающимъ людомъ.

Бременскіе Музыканты.

(*Гримма*).

Эта и слѣдующая сказка переведены изъ сборника братьевъ Гриммовъ. Гриммы Яковъ и Вильгельмъ, знаменитые Германскіе ученые, отличавшіеся глубокою любовію къ народности. Они издали, между прочимъ, *«Kinder- und Hausmärchen»* (Дѣтскія и Семейныя Сказки). Изданіе имѣло громадный успѣхъ... Яковъ Гриммъ умеръ 1863 г., а его братъ четырьмя годами раньше.

У одного человѣка былъ оселъ, вѣрно служившій ему много лѣтъ, но которому силы наконецъ измѣнили, такъ что онъ съ каждымъ днемъ становился все неспособнѣе къ работѣ. Хозяинъ рѣшился убить его и содрать съ него шкуру. Оселъ, замѣтивъ, что дѣло не ладно, убѣжалъ и пустился по дорогѣ къ городу Бремену.

— Тамъ, сказалъ онъ себѣ, я могу сдѣлаться городскимъ музыкантомъ. — Долго бѣжалъ онъ и наконецъ встрѣтился на дорогѣ съ лягавой собакой, которая взвизгивала, какъ животное, утомленное долгимъ путемъ.

— Что ты такъ взвизгиваешь, товарищъ? спросилъ оселъ.

— Эхъ, отвѣчала собака: хозяинъ хотѣлъ меня утопить, потому что я стала стара и не могу ходить на охоту. Вотъ я и убѣжала въ поле, да и не знаю теперь, какъ добывать себѣ хлѣбъ.

— Такъ пойдемъ со мной, сказалъ оселъ. Я хочу сдѣлаться въ Бременѣ музыкантомъ. Тебя тоже можно принять въ оркестръ. Я буду играть на флейтѣ, а ты на бубнѣ.

Собака приняла предложеніе, и они пошли вмѣстѣ. Въ недальнемъ разстояніи увидѣли они кошку, лежавшую на дорогѣ. Физіономія у ней была такая кислая, какъ будто она вмѣсто молока лизнула уксусу.

— О чемъ пригорюнилась, усатая? спросилъ оселъ.

— Будешь не въ духѣ, отвѣтила кошка, когда нужно опасаться за свою голову. За то, что я стара, что зубы мои притупились, и что я предпочитаю лучше лежать и грѣться за печкой, нежели ловить мышей, хозяйка моя сбиралась меня извести. Спасибо, что я еще во-время дала тягу... Но что дѣлать? куда идти?

— Пойдемъ съ нами въ Бременъ. Вѣдь ночная музыка твое дѣло. Ты будешь, какъ и мы, городскимъ музыкантомъ.

Кошкѣ понравился совѣтъ, и она присоединилась къ нимъ. Проходя мимо одного двора, наши бродяги увидѣли на воротахъ пѣтуха, который кричалъ во всю глотку, закинувъ голову.

— Ты насъ оглушилъ совсѣмъ, сказалъ оселъ. Изъ-за чего это ты такъ разорался?

— Я возвѣщалъ ясную погоду, отвѣчалъ пѣтухъ. Но завтра Воскресенье; у хозяйки здѣшняго дома будутъ обѣдать гости, и она велѣла кухаркѣ свернуть мнѣ шею. Меня хотятъ съѣсть въ супѣ, и вотъ почему я спѣшу накричаться вдоволь.

— Дуракъ ты дуракъ, красный гребень! сказалъ оселъ: пойдемъ-ка лучше съ нами въ Бременъ. У тебя хорошій голосъ, и когда мы зададимъ концертъ, любо будетъ послушать насъ.

Пѣтуху пришлось такое преложеніе по вкусу, и вотъ они отправились всѣ вмѣстѣ.

До Бремена они не могли дойти въ тотъ же день; къ вечеру они добрались до лѣса, гдѣ и рѣшились переночевать. Оселъ и собака расположились подъ деревомъ, а кошка и пѣтухъ вскарабкались на него. Пѣтухъ для большей безопасности вскочилъ даже на самую верхушку. Поводя передъ носомъ глазами во всѣ стороны, онъ вдругъ замѣтилъ гдѣ-то огонекъ и тотчасъ же закричалъ своимъ товарищамъ, что около должно быть жилье.

— Если такъ, сказалъ оселъ, то поспѣшимъ скорѣе въ ту сторону... Эта гостиница больно мнѣ не по вкусу.

Собака прибавила: — И въ самомъ дѣлѣ нѣсколько костей съ мясомъ были бы теперь очень кстати.

Они направились къ свѣтившейся точкѣ. Скоро огонекъ заблисталъ ярче, и они очутились передъ разбойничьимъ домикомъ, освѣщеннымъ внутри. Оселъ, какъ самый большой, подошелъ къ окну и заглянулъ въ него.

— Что ты видишь, сѣрый? спросилъ пѣтухъ.

— Что я вижу? отвѣчалъ оселъ. Вижу столъ, установленный кушаньями и напитками, а кругомъ весело пируютъ разбойники.

— Вотъ бы поживиться-то, сказалъ пѣтухъ.

— Да, славно бы, подтвердилъ оселъ. Эхъ! еслибы мы были на ихъ мѣстѣ.

И они начали придумывать, какъ бы выжить разбойниковъ. Наконецъ рѣшились... Оселъ всталъ на дыбы и положилъ передніе ноги на окно, собака вскочила на спину осла, кошка взобралась на собаку, пѣтухъ взлетѣлъ на голову кошкѣ. Размѣстившись такимъ образомъ, они, по данному сигналу, всѣ вмѣстѣ начали вдругъ свой концертъ. Оселъ замычалъ, собака залаяла, кошка замяукала, пѣтухъ запѣлъ. Потомъ они вскочили въ окно, разбивши стекла, которыя со звономъ разлетѣлись въ дребезги. Разбойники, услышавши этотъ страшный шумъ, въ испугѣ вскочили съ мѣстъ своихъ, думая, что въ комнату вошло привидѣніе, и разбѣжались въ лѣсъ. Тогда четверо товарищей сѣли за столъ и принялись кушать съ такимъ аппетитомъ, какъ будто голодали цѣлый мѣсяцъ. По окончаніи ужина, музыканты потушили свѣчи и стали искать себѣ мѣсто для отдыха. Каждый выбралъ себѣ такое, которое подходило къ его натурѣ и привычкамъ. Оселъ легъ на навозъ, собака за дверью, кошка у печки, пѣтухъ на шестѣ; и такъ какъ они были утомлены долгимъ путемъ, то вскорѣ заснули. Когда разбойники увидѣли, что въ домѣ ихъ нѣтъ огня и что все тамъ казалось спокойнымъ, атаманъ сказалъ: «а вѣдь это срамъ, что мы разбѣжались», и послалъ одного изъ своихъ разузнать, что дѣлается въ домѣ. Посланный нашелъ, что повсюду тихо и, войдя въ кухню, хотѣлъ зажечь огня. Онъ взялъ спичку, и поднесъ ее къ глазамъ кошки, которые показались ему двумя горящими угольями. Но кошка не любила шутить и вцѣпилась ему въ лице. Страхъ овладѣлъ посланнымъ, и онъ бросился опрометью къ дверямъ.

Собака, спавшая по близости, вскочила и укусила его за ногу. Когда онъ бѣжалъ по двору мимо навоза, оселъ изо всей силы лягнулъ его задними ногами, а пѣтухъ, встрепенувшійся отъ этого шума, уже кричалъ съ своего шеста: кукурику!

Разбойникъ, запыхавшись, прибѣжалъ къ атаману. «У насъ въ домѣ страшная колдунья», сказалъ онъ. «Она исцарапала мнѣ лице своими когтями; у дверей стоитъ человѣкъ съ ножомъ, который ранилъ меня въ ногу; дворъ сторожитъ какое-то черное чудовище, хватившее меня дубиной, а на крышѣ сидитъ судья, который закричалъ: приведите ко мнѣ этого висѣльника... Я насилу ушелъ отъ нихъ»!

Съ тѣхъ поръ разбойники не смѣли больше показываться въ домъ, а четыремъ Бременскимъ музыкантамъ онъ такъ понравился, что они остались въ немъ навсегда. (Изъ Дѣтской книжки Плещеева и Берга 1861 г.).

Дѣдушка и Внучекъ.

(Гримма.)

Жилъ-былъ на свѣтѣ дряхлый старичекъ. Глаза его помутились отъ старости, колѣна тряслись и слышалъ онъ, бѣдный, плохо. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, то едва могъ держать въ рукѣ ложку, проносилъ ее мимо рта и проливалъ супъ на скатерть. Сынъ его и жена сына смотрѣли на него съ отвращеніемъ, и наконецъ помѣстили его въ уголкѣ за печкой, куда приносили ему скудную пищу, въ старой глиняной мискѣ.

У старика часто навертывались слезы на глаза, и онъ грустно посматривалъ въ ту сторону, гдѣ накрытъ былъ столъ. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась въ дребезги. Молодая невѣстка разразилась упреками несчастному старику. Онъ не смѣлъ отвѣтить и только, вздохнувши, поникъ головой. Ему купили деревянную миску, изъ которой онъ съ той поры и ѣлъ постоянно.

Нѣсколько дней спустя, сынъ его и невѣстка увидѣли, что ребенокъ ихъ, которому было четыре года, сидя на землѣ, складываетъ дощечки. «Что ты дѣлаешь?» спросилъ его отецъ.

— Коробочку, отвѣтилъ онъ, чтобы кормить изъ нее папашу съ мамашей, когда они состарятся.

Мужъ и жена молча переглянулись; потомъ заплакали, и съ тѣхъ поръ стали опять сажать старика за свой столъ, и никогда больше не обращались съ нимъ грубо. (Изъ Дѣтской книжки Плещеева и Берга 1861 г.).

Тема. — Нравственный смыслъ сказки.

Пѣсня Птички [1]).

(Андерсена).

Біографія Андерсена.—«Андерсенъ, одинъ изъ талантливыхъ новѣйшихъ поэтовъ Даніи. Родившись въ 1805 г. въ Оденэе, въ Фіоніи, онъ въ молодости вытерпѣлъ всѣ тѣ степени бѣдности и несправедливости, которыя въ-старину необходимо должны были входить въ исторію великаго генія. Молодость его была обильна характеристическими, любопытными чертами. Предки его были богаты; его отецъ, башмашникъ, услаждалъ бѣдность своей хижины разсказами о прежнемъ блескѣ фамиліи своей. Брачнымъ ложемъ его, въ которомъ

[1]) Эта и слѣдующая піэса помѣщаются, какъ образцы *художественной* сказки.

Андерсенъ родился, служилъ катафалкъ одного умершаго дворянина, пріобрѣтенный отцемъ Андерсена на аукціонѣ. Капли восковыхъ свѣчъ на черномъ сукнѣ были первыя звѣзды, пробудившія въ младенцѣ понятіе о лучшемъ жребіи. Андерсенъ сперва работалъ на какой-то фабрикѣ, потомъ былъ отданъ въ ученье къ портному. Но чтеніе комедій и другихъ стихотвореній, случайно попавшихся ему въ руки, побудили его, послѣ смерти отца, искать счастія въ столицѣ; мать его утѣшилась въ этомъ, потому что какая-то старая колдунья нагадала ей въ карты, что въ Оденэе будетъ со-временемъ иллюминація въ честь ея сына. Едва достигнувъ 18-ти лѣтняго возраста, онъ, съ 13 риксдалерами въ карманѣ, явился въ Копенгагенѣ. Деньги были истрачены въ нѣсколько дней. Онъ пожелалъ вступить въ актеры; но директоръ театра отказалъ ему, «потому-что онъ слишкомъ худощавъ.» Профессоръ музыки Сибони открылъ въ немъ прекрасный голосъ; онъ, вмѣстѣ съ композиторомъ Вейзе и Баггезеномъ, приняль живое участіе въ судьбѣ простодушнаго молодаго человѣка и сдѣлалъ въ пользу его складчину. Но Андерсенъ потерялъ голосъ и опять сталъ портняжить, потомъ попалъ въ актеры и наконецъ вздумалъ писать трагедіи. Съ этихъ поръ старый поэтъ Гульдбергъ взялъ его подъ свое покровительство, и директоръ театра Коллинъ посылалъ его въ гимназію учиться вообще писать, прежде-нежели придетъ пора писать трагедіи. Тяжело было девятнадцатилѣтнему юношѣ сидѣть на школьныхъ скамьяхъ вмѣстѣ съ десятилѣтними мальчиками. (Какъ тутъ не вспомнить о нашемъ Ломоносовѣ, которому пришлось испытать то же самое и слышать отъ своихъ маленкихъ товарищей! «смотрите! какой болванъ, лѣтъ въ 20-ть пришелъ Латыни учиться»!) Между тѣмъ Андерсенъ выдержалъ экзаменъ въ университетѣ. Многіе замѣчательные люди и ученые открыли ему доступъ въ свой домъ, и онъ, по ходатайству Эленшлегера, Эрстеда и Ингемана, получилъ отъ Короля стипендію на путешествіе за границу. Онъ въ 1833 и 1834 г. посѣтилъ Германію, Швейцарію, Италію и Францію. Его простодушное обращеніе, открытое честное лице, и «сверкающій любовью взоръ», въ которомъ отражалась душа поэта, вездѣ пріобрѣтали ему друзей. Шамиссо уже прежде перевелъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній; позднѣйшія его сочиненія переданы на Нѣмецкій языкъ Крузе и другими. Лучшимъ его произведеніемъ въ подлинникѣ признанъ Импровизаторъ, или Жизнь и мечты Итальянскаго поэта (этотъ романъ помѣщенъ въ Современникѣ 1844 г., т. XXXIII) — картины жизни, исполненныя истины, поэтическаго интереса и совершенно Итальянскаго колорита. Основаніемъ ихъ служитъ между прочимъ исторія самого сочинителя. Романъ его «О. Т.» представляетъ вѣрныя картины тихой, созерцательной жизни Сѣвера. Застѣнчивый нравъ и неловкость въ пріемахъ причиною, что Андерсенъ еще не нашелъ должности по своимъ способностямъ; въ немъ все еще видятъ оборваннаго мальчика, бѣгающаго по улицамъ съ полу-жалкою, полу-смѣшною миною; онъ живетъ въ Копенгагенѣ произведеніями своего пера, и мѣсто рожденія его Оденэе еще не дождалось иллюминаціи въ честь его. Это однако не мѣшаетъ Нѣмецкимъ критикамъ отдать справедливость неподдѣльному его дарованію и восхищаться нѣжностью и простодушіемъ, какими оно отличается. Какъ поэтъ, Андерсенъ не столько разительное, сколько отрадное явленіе, не только на горизонтѣ поэзіи Датской, но и новѣйшей поэзіи вообще.» (Соврем. 1844 г., т. XXXIII, стр. 33—36).

Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большаго Венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ—блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко, свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму.

Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что можетъ быть давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины; люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высоко и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролетѣлъ орелъ.

— Орелъ, орелъ! закричалъ ему заключенный: сядь ко мнѣ на окошко, разскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню.

«Нѣтъ, отвѣчалъ орелъ: окно твое очень мало—мнѣ негдѣ сѣсть. Я не разскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили мое гнѣздо. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко, высоко, и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце»....

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орелъ гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь! разскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

«Нѣтъ, отвѣчалъ лебедь: я не разскажу, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда въ водѣ, чистой, прохладной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода станетъ розовая утромъ на зарѣ, я громко кричу зарѣ: здравствуй! Я не спою тебѣ пѣсни,—я спою пѣсню, когда стану умирать».... И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки! сядьте на окошко, разскажите, что дѣлается на землѣ! Спойте пѣсенку! — «Чиликъ, чиликъ! Намъ некогда! Намъ еще нужно поклевать зернышекъ, которыя мельникъ нечаянно разсыпалъ»....

Но вдругъ порхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушекъ! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣщаешь меня! Разскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку!

«Я разскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку», началъ соловушекъ.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакалъ и все слушалъ....

«Вчера утромъ на зарѣ, пѣлъ соловушекъ, было такъ свѣжо и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый, орѣховый кустъ передъ раскрытымъ окошкомъ и все пѣлъ и пѣлъ. Въ колыбелькѣ спалъ твой малютка,—онъ раскрылъ свои большіе, свѣтлые глазки и спрашивалъ: «гдѣ папа? гдѣ папа?» и слушалъ мои пѣсни...

«Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя увидѣть. Не унывай! Богъ видитъ, какъ ты невиненъ: злые люди отпустятъ тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на воздухъ!

«И дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій, лѣтній вечеръ; длинныя тѣни потянутся отъ деревьевъ; на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ разсказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

«Будешь ихъ учить, чтобы они, когда выростутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла, чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братъ брата....

«И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они выростутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь какъ они будутъ помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться!

«И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться, и понесутъ тебя на зеленое кладбище, въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой»....

Бѣлая Мышка.

(Эжезипа Моро[1]).

Это было во Франціи при зломъ королѣ Людовикѣ одиннадцатомъ и при сынѣ его молодомъ дофинѣ Карлѣ.

Старый король, больной, подозрительный, безпрестанно боялся, что его убьютъ, и потому никогда не выходилъ изъ-за толстыхъ и крѣпкихъ стѣнъ своего замка Плесси. Но въ половинѣ 1483 года онъ поѣхалъ въ Клери на поклоненіе образу Божіей Матери; съ

[1]) Моро 1810 — 1838.

нимъ поѣхали — палачъ его Тристанъ, докторъ Куактье и духовникъ Францискъ де-Поль: старый, злой король одинаково боялся людей и смерти. Кто добръ, тому нечего бояться!

Тяжелыхъ преступленій было много на совѣсти короля, но больше всего его мучило воспоминаніе о казни герцога Немурскаго. Герцогъ возсталъ противъ короля за его жестокость и былъ за это казненъ на эшафотѣ. Жестокій король заставилъ маленькихъ дѣтей герцога смотрѣть на казнь отца. Потомъ одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму. Въ то время какъ король отмаливалъ свои грѣхи и каялся въ нихъ, невинный сынъ покойнаго герцога чахъ и томился въ одной изъ сырыхъ, подземныхъ темницъ замка Плесси. Страшенъ и таинственъ былъ этотъ замокъ. Онъ былъ похожъ и на крѣпость, и на монастырь: въ корридорахъ его мелькали, чернѣя, рясы монаховъ; на дворѣ звенѣло и блистало оружіе солдатъ; въ часовняхъ безпрестанно совершалось богослуженіе; подъемные мосты цѣлый день гремѣли своими цѣпями...

Его огромныя залы были и мрачны, и безмолвны, какъ могильные склепы: въ нихъ говорили шопотомъ и ходили на цыпочкахъ.

Сотни несчастныхъ стонали, заживо схороненные въ подземельяхъ: одни за непочтительные отзывы о королѣ, другіе за смѣлыя рѣчи о несчастіяхъ его подданныхъ. Большею же частію по одному капризу короля были они лишены свободы и свѣта, если не жизни.

Каждая плита въ полу замка была могильнымъ памятникомъ живаго мертвеца.

Въ этомъ-то замкѣ росъ двѣнадцатилѣтній дофинъ Карлъ. Дѣятельный умъ его скучалъ въ праздности; пылкая, добрая душа томилась въ одиночествѣ.

Бѣдный, королевскій сынъ! Напрасно глаза его хотѣли отдохнуть отъ окружавшихъ его ужасовъ. Зеленый и густой лѣсъ шумѣлъ вокругъ замка, но на дубахъ его было больше повѣшенныхъ, чѣмъ желудей. Луара игриво извивалась на краю горизонта, но всякую ночь волны ея обагрялись кровью жертвы жестокаго короля— отца его...

И такъ однообразно тянулись дни дофина: онъ — то колотилъ дѣтской саблей въ стѣну залы, то читалъ по складамъ, всматриваясь въ красныя и синія буквы Библіи, то стоялъ у окна, задумчиво смотря на свѣтлое, чудное небо и облака, и ему казалось, что облака эти похожи на толпы людей и лошадей—точно сражаются эти люди при заревѣ вечерней зари...

Но однажды утромъ его жесты и подвижное личико выражали нетерпѣніе и ожиданіе.

На столѣ стоялъ нетронутый завтракъ. Молодой принцъ стучалъ по столу, съ нетерпѣніемъ вскакивалъ, дрожа отъ безпокойства и

надежды, прислушивался къ малѣйшему звуку, и все повторялъ: «Бѣляночка! приходи же! Твои бисквиты таютъ на солнцѣ, и если ты долго не придешь, мухи съѣдятъ твою долю»...

Ожидаемая гостья не являлась, и бѣдный хозяинъ все ждалъ и ждалъ.

Вдругъ легкій шорохъ за обоями заставилъ его вздрогнуть и обернуться; онъ вскрикнулъ, упалъ на кресло, внѣ себя отъ радости, крича: «наконецъ-то, наконецъ-то!»...

Вы думаете, что жданная гостья была сестрица или кузина маленькаго принца. Нѣтъ! Бѣляночка была просто мышка, бѣленькая мышка; живая, быстрая мышка и такая бѣлая, что когда она бѣгала, казалось, что лучъ солнца скользитъ по полу; такая хорошенькая мышка, что даже солдаты въ военное время пожалѣли бы ее убить...

Принцъ поласкалъ хорошенькую мышку и долго съ удовольствіемъ любовался ею, пока она грызла бисквитъ въ его рукѣ. Но вдругъ онъ вспомнилъ, что слѣдовало побранить ее.

— Ну-съ! сказалъ принцъ съ притворною важностью,—извольте мнѣ объяснить ваше странное поведеніе! Съ вами обращаются какъ съ герцогиней; я не пускаю къ себѣ своего кота, котораго походка и физіономія васъ пугаютъ; любимый мой соколъ умеръ отъ ревности. А вы, неблагодарная, всякій вечеръ оставляете меня, чтобы бѣгать по полямъ, какъ какая-нибудь праздношатающаяся мышка! И куда вы ходите, не заботясь ни объ опасности, которой подвергаетесь, ни о моемъ безпокойствѣ за васъ? Куда вы ходите? отвѣчайте! Я хочу знать...

Вы конечно догадываетесь, что мышка на эту грозную рѣчь ничего не отвѣчала; она только пристально посмотрѣла на принца своими умными, яркими глазками, потомъ вскочила на Библію, раскрытую на столѣ, и провела розовенькой лапкой по этимъ словамъ: «Посѣщать несчастныхъ въ темницахъ»...

Карлъ остановился, удивленный и сконфуженный — онъ хотѣлъ дать урокъ Бѣляночкѣ, но вмѣсто того самъ получилъ его. Не разъ слышалъ онъ страшные разсказы о заключенныхъ въ подземельяхъ Плесси и не разъ собирался посѣтить молоденькаго сына герцога Арманьяка. Онъ давно желалъ это сдѣлать, но страхъ, который онъ чувствовалъ при мысли объ отцѣ, удерживалъ его. Теперь ему казалось, что онъ очень дурно дѣлаетъ: изъ боязни оставляетъ несчастныхъ страдать безъ утѣшенія...

И вотъ какъ только колоколъ возвѣстилъ, что пора тушить огни, принцъ вышелъ изъ своей башни съ молодымъ пажемъ, который несъ за нимъ корзинку съ хлѣбомъ, виномъ и плодами, и направился къ темницамъ.

Въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ замка у входа стоялъ караулъ Шотландской гвардіи.

— Кто идетъ? раздался грубый и громкій голосъ. — «Дофинъ Карлъ.» — Не велѣно пускать!

Но Карлъ подошелъ къ офицеру и сказалъ ему два слова на ухо. «Проходите, ваше высочество, проходите, отвѣчалъ смущенный офицеръ, проходите, и Богъ да хранитъ васъ! если васъ увидятъ, я пропалъ.» Тюремщика Карлъ разбудилъ и сказалъ ему тѣ же два слова, послѣ чего тотъ пропустилъ его. Вы хотите знать, что это за волшебныя слова, передъ которыми опускались сабли и раскрывались двери? Вотъ они: «Король боленъ.» Карлъ испыталъ не разъ могущество этихъ словъ: они напоминали придворнымъ, что мальчикъ можетъ быть скоро королемъ. Дофинъ и его пажъ вслѣдъ за тюремщикомъ очутились подъ сырымъ и мрачнымъ сводомъ. Не безъ нѣкотораго колебанія пошли они внизъ по темной лѣстницѣ, гдѣ на каждой ступенькѣ могли поскользнуться. Красный огонь смолянаго факела слабо освѣщалъ имъ путь; огонь то колебался, задѣваемый крыльями летучихъ мышей, то почти потухалъ отъ каплей воды, которыя падали съ сыраго свода. Сначала до нихъ доносились смутные звуки; потомъ звуки эти съ каждымъ шагомъ становились все яснѣе и яснѣе; наконецъ жалобные стоны раздались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Они кончили свой путь. Тюремщикъ удалился.

Карлъ отступилъ въ ужасѣ и отвращеніи передъ тѣмъ, что ему представилось...

Вообразите себѣ желѣзную клѣтку, вдѣланную въ стѣну, низкую и узкую клѣтку, въ которой двинуться было больно и спать жестко. Въ ней-то стоналъ и томился мальчикъ.

Герцогу Немурскому было тогда семнадцать лѣтъ; но смотря на его худенькую, слабую фигуру и блѣдненькое личико, нельзя было дать ему болѣе двѣнадцати лѣтъ. Его отрочество проходило въ такихъ ужасныхъ страданіяхъ, что палачи удивлялись его живучести. Тюремщикъ, который приносилъ ему каждый день кружку воды и кусокъ хлѣба, часто останавливался на лѣстницѣ, нерѣшительно спрашивая себя: не пора ли послать за могильщикомъ?

Дофинъ хотѣлъ сказать ласковое слово страдальцу, но только заплакалъ.

Несчастный понялъ это нѣмое сочувствіе и отвѣчалъ кроткой улыбкой благодарности...

Они начали разговаривать сквозь желѣзную рѣшетку клѣтки. Когда Карлъ робко назвалъ себя сыномъ короля Людовика, герцогъ Немурскій не могъ удержаться отъ выраженія удивленія и

ужаса; но это непріятное впечатлѣніе скоро уступило вліянію чистосердечія дофина.

Бѣдный заключенный уже десять лѣтъ не видѣлъ людей и свѣта и дѣлалъ наивные вопросы. Говорятъ, одинъ пустынникъ спрашивалъ у своего случайнаго посѣтителя: строютъ ли еще города? Начали ли люди любить другъ друга?...

Вдругъ какъ свѣтлый лучъ блеснулъ въ клѣткѣ: туда вбѣжала Бѣляночка. Она проскользнула сквозь рѣшетку, бѣгала по ногамъ и рукамъ, скованнымъ цѣпями и весело смотрѣла на плѣнника бойкими глазками.

— Какъ? Вы знакомы съ Бѣляночкой? сказалъ удивленный и обиженный Карлъ.

— О, уже десять лѣтъ я съ ней знакомъ! отвѣтилъ плѣнный.

— Только сегодня она дѣлила со мной мой завтракъ!

— Вотъ уже десять лѣтъ дѣлитъ она со мной черный хлѣбъ, — замѣтилъ герцогъ Немурскій; я думаю, принцъ, вы охотно сразились бы со мной за Бѣляночку, но я не могу дать вамъ теперь удовлетвореніе, прибавилъ онъ съ улыбкой, показывая руки, на которыхъ зазвенѣли тяжелыя цѣпи.

Тутъ начался оригинальный и трогательный споръ между плѣнникомъ короля и сыномъ короля. Оба начали жаловаться на свое несчастіе. Одинъ просилъ ощупать сырыя стѣны и толстые прутья рѣшетки; другой говорилъ про страшную скуку, про цѣлую цѣпь шпіоновъ, которые знали каждый шагъ дофина. Одинъ показывалъ свое измученное тѣло, другой разсказывалъ про свои душевныя страданія, и оба заключали въ одинъ голосъ, что безъ Бѣляночки обоимъ жить было нельзя.

Кому же она должна принадлежать? «Ну-съ! сказалъ дофинъ Бѣляночкѣ — скажите откровенно, кому вы хотите теперь принадлежать»?

Вмѣсто отвѣта мышка забѣгала отъ одного къ другому, ласкала и того и другаго, и потомъ посмотрѣла на обоихъ, какъ бы говоря: обоимъ, друзья мои, обоимъ!..

Вы, я знаю, хотите знать, кто такая Бѣляночка, эта добрая, умная мышка? Я много зналъ разныхъ мышей, но признаюсь, такой никогда не видалъ... Знаете ли, — Бѣляночка была мышкой только по виду, а въ самомъ дѣлѣ она была волшебница.

Я знаю, почему она превратилась въ мышь. У меня есть старая-престарая и претолстая тетрадь подъ заглавіемъ:

«О томъ, какъ фея слезъ была превращена въ бѣлую мышь».

Вотъ что тамъ написано:

Была прекрасная весенняя ночь, въ новолунье, и еще не разсвѣтало, а все царство волшебницъ было уже въ движеніи: сильфи-

ды старались проснуться по-раньше, до зари, чтобы нарвать цвѣтовъ посвѣжѣе; ундины любовались своимъ праздничнымъ нарядомъ и смотрѣлись въ прозрачную воду ручья; дріады плели вѣнки изъ фіалокъ...

Готовились къ празднику, который царица фей давала всѣмъ своимъ подданнымъ. Въ назначенный часъ всѣ поспѣшно явились ко дворцу.

Одна пріѣхала въ сапфирной раковинкѣ, запряженной мотыльками, другая на розовомъ лепесткѣ, который несся по вѣтру, третьи ѣхали верхами на кузнечикахъ, птицахъ и т. п.

Одной волшебницы не было.

Ея имя было — Анжелина; прозвали ее *феей слезъ*, за то, что она всегда неусыпно и нѣжно заботилась о всѣхъ несчастныхъ. Она еще съ утра ушла изъ дворца потихоньку.

У одного великана, говорятъ, былъ такой слухъ, что, приложивъ ухо къ землѣ, онъ слышалъ, какъ на дальнемъ полѣ ростетъ цвѣтокъ... Анжелина тоже хорошо слышала каждый стонъ несчастнаго, какъ бы далеко онъ ни былъ, слышала она и спѣшила на помощь и утѣшеніе.

Въ это утро ее разбудили жалобные дѣтскіе вопли, и она пошла тотчасъ въ ту сторону, откуда они раздавались.

Волосы ея развѣвались по вѣтру, и клубилось ея лазурное, золотистое платье; въ рукѣ она держала палочку изъ слоновой кости — знакъ своего могущества. Она нарочно такъ шла, что едва касалась вершинокъ травы и цвѣтовъ. Когда у нея спрашивали, зачѣмъ она такъ ходитъ, она отвѣчала, что боится испортить росою свои башмачки.

Но на самомъ дѣлѣ она боялась раздавить или ранить стрекозу, распѣвающую въ травѣ, или ящерицу, рѣзвящуюся на солнцѣ. Добрая волшебница любила всѣхъ, заботилась обо всемъ, до самыхъ смиренныхъ Божьихъ созданій. Долго шла она, наконецъ остановилась передъ избушкой въ лѣсу. Это была избушка дровосѣка. Знаете ли — этотъ дровосѣкъ былъ отецъ знаменитаго мальчика съ-пальчикъ...

Дровосѣкъ съ женой были на работѣ далеко въ лѣсу и ночевали тамъ, чтобы приняться за трудъ съ зарею. Мальчикъ съ-пальчикъ и его братья напрасно ждали ихъ весь вечеръ и начали плакать и дрожали отъ малѣйшаго шума.

Когда пришла волшебница, съ которой дѣти были давно знакомы, они успокоились и обрадовались. Къ вечеру Анжелина вспомнила, что праздникъ скоро начнется и хотѣла уйдти; но мальчики упрашивали и удерживали ее, кто за платье, кто за локонъ ея длинныхъ, свѣтлыхъ волосъ, кто за кончикъ волшебной палочки.

Добрая фея сначала сопротивлялась, но потомъ улыбнулась и уступила ихъ просьбамъ. Вотъ изъ дворца фей прилетѣлъ сверчокъ, сѣлъ за печку и началъ чирикать: «Спѣши на праздникъ, Анжелина! Принцъ прелестный пріѣхалъ, больше никого не ждутъ; за ужиномъ будутъ подавать кизиль и орѣхи, которые принцъ поднесъ царицѣ въ даръ. Спѣши во дворецъ! Ни одинъ сверчокъ не запомнитъ такого роскошнаго праздника!» Вотъ ночной мотылекъ прилетѣлъ изъ дворца и сталъ кружиться около огня. «Спѣши на балъ, Анжелина, повторялъ онъ. — Зала полна свѣта и музыки; я чуть не обжегъ крылушекъ на яркихъ лампахъ! Спѣши во дворецъ! Ни одинъ мотылекъ не запомнитъ такого блестящаго праздника!» Анжелина хотѣла идти, но дѣти умоляли ее остаться, жалобно плача. «Не оставляйте насъ! говорили они. Что будетъ съ нами, когда мы останемся одни, въ темную ночь въ, лѣсу; почникъ потухнетъ, страшныя волчьи глаза заблестятъ въ окошкѣ, и вѣтеръ будетъ свистѣть и деревья трещать?...»

Добрая фея улыбнулась и осталась.

Вдругъ духи воздуха съ вѣтромъ принесли къ ней грозные крики: «Анжелина, Анжелина!» Это кричала царица фей, раздраженная ея долгимъ отсутствіемъ. Испуганная Анжелина вырвалась отъ дѣтей и быстро вышла.

Но она къ несчастію такъ поспѣшила, что забыла у дѣтей свой волшебный жезлъ. А когда волшебница потеряетъ жезлъ, она пропала.

Царица встрѣтила ее съ негодованіемъ. Всѣ волшебницы были очень смущены; многія злыя старухи были очень рады несчастію Анжелины; онѣ не терпѣли ее за то, что она была любимицей царицы.

Виновную привели передъ судилище. Засѣдали старыя феи съ клюками, вмѣсто жезловъ. Законъ съ точностію опредѣлялъ за подобные проступки слѣдующее странное наказаніе: преступница должна была цѣлый вѣкъ прожить на свѣтѣ, превращенная въ какое-нибудь животное. Преступницѣ предоставлялось на выборъ, въ какомъ видѣ прожить это столѣтіе.

Анжелина выбирала: если ее превратятъ въ соловья, она будетъ по зарямъ пѣть подъ окошкомъ молодой дѣвушки, которая цѣлую ночь работала у изголовья больной матери; превратятъ ее въ ворона — она будетъ носить хлѣбъ голоднымъ; въ собаку — она будетъ водить слѣпаго и будетъ такъ мило держать въ лапахъ суму, что смягчится самое черствое сердце и протянется съ милостыней самая скупая рука. Но больше всего ей хотѣлось посѣщать тюрьмы и чердаки, и фею слезъ превратили въ — бѣлую мышку.

Уже болѣе 99 лѣтъ бѣгала мышка изъ темницы во дворецъ

(который былъ для дофина темницей), отъ несчастнаго къ несчастному, безпощадно грызла плохія книги (такихъ мышей теперь нѣтъ!) и часто вытаскивала смертные приговоры изъ кармановъ свирѣпаго палача Тристана. Этотъ Тристанъ вернулся въ замокъ изъ Клери съ королемъ Людовикомъ и снова начались допросы и казни...

Дофинъ однако продолжалъ ходить къ несчастному заключенному, даже еще чаще прежняго. Въ одинъ вечеръ они разговаривали, какъ обыкновенно. Бѣляночка бѣгала и ласкалась къ обоимъ. Разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому и наконецъ остановился на томъ, какіе планы имѣетъ дофинъ относительно своего будущаго царствованія.

— Разскажите-ка мнѣ, что вы будете дѣлать, когда вступите на престолъ? весело спросилъ герцогъ. Несчастія и старшинство лѣтъ давали ему замѣтный перевѣсъ передъ дофиномъ.

— Что буду дѣлать? Хорошъ вопросъ! Я буду воевать!

— Убивать людей! сказалъ герцогъ, грустно улыбаясь.

— Да, продолжалъ дофинъ; у меня давно ужъ готовъ планъ. Сначала я пойду завоевывать Италію. Ахъ, Немуръ! эта такая чудесная страна! Въ городахъ по улицамъ со всѣхъ сторонъ музыка; кругомъ ростутъ цѣлые лѣса лимоновъ и апельсиновъ; церквей съ картинами и статуями столько же, сколько домовъ! Италію я возьму себѣ; Константинополь отдамъ Андрею Палеологу, и тамъ съ Божьей помощью надѣюсь взять гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ.

— А потомъ? спросилъ герцогъ.

— Потомъ, потомъ, повторялъ задумавшись дофинъ, потомъ, если есть другія стороны, я покорю и ихъ...

— И вы забудете вашъ народъ, ваше высочество! Вы для него ничего не сдѣлаете?

— О нѣтъ! я не забуду! Передъ отъѣздомъ я отдамъ Тристана, Оливьи и всѣхъ злыхъ палачей чорту, если тотъ захочетъ ихъ взять.

Бѣляночка зарѣзвилась еще радостнѣе и ласковѣе.

— А для тебя, Бѣляночка, продолжалъ принцъ, я велю выгнать изъ Франціи всѣхъ кошекъ, твоихъ палачей!

Оба засмѣялись.

Вдругъ они съ испугомъ посмотрѣли другъ на друга: близъ нихъ раздался грубый хохотъ.

— Что это? спросилъ герцогъ.

— Это намъ вѣрно показалось, отвѣчалъ дофинъ и они опять успокоились.

— И такъ терпѣніе и надежда! сказалъ дофинъ, подавая на прощанье руку герцогу, который хотѣлъ приподняться, но члены его онѣмѣли отъ долгаго страданія и онъ только крикнулъ отъ боли.

— Боже! когда я буду королемъ! сказалъ дофинъ и заплакалъ.

— Дай Богъ, чтобъ поскорѣе! отвѣчалъ тотъ.

— *Никогда*, загремѣлъ кто-то.

Мальчики вздрогнули — въ дверяхъ стоялъ Людовикъ одиннадцатый, а за нимъ Тристанъ, и свита короля.

Старый король, какъ призракъ, гнѣвно приближался къ нимъ. «А, мальчишка! кричалъ онъ, громко кашляя; ты еще при жизни моей думаешь о коронѣ. Ты ужъ готовишь мнѣ похороны! Отдай свою шпагу!»... И король закашлялся.

Дофинъ презрительно оттолкнулъ палача Тристана, который хотѣлъ его обезоружить и самъ отдалъ шпагу одному изъ солдатъ. По знаку короля, принца вывела стража. Выходя изъ подземелья, Людовикъ взглянулъ съ ненавистью на клѣтку и сказалъ что-то на ухо Тристану.

— Понимаю! отвѣчалъ палачъ: надѣйтесь на меня! Я съ нимъ кончу нынче же въ полночь...

Король ушелъ съ своей свитой и Немуръ слышалъ шумъ удаляющихся шаговъ, кашель и голосъ больнаго, который бормоталъ смертные приговоры...

Бѣдный Немуръ! Свѣтлый лучъ надежды блеснулъ въ его подземельѣ, чтобы навсегда погаснуть. Боже! умереть ни за что! А что съ Карломъ? что Бѣляночка? Въ каждомъ отдаленномъ звукѣ, въ боѣ башенныхъ часовъ слышитъ онъ слова: смерть, смерть! Кажется, что маятникъ отсчитываетъ ему послѣднія минуты.....

По лѣстницѣ раздались поспѣшные шаги; полосы свѣта легли по лѣстницѣ: это фонари палачей?!

Несчастный чувствуетъ, что пришелъ его послѣдній часъ; онъ опустилъ на землю бѣлую мышку, которую держалъ въ рукахъ. «Прощай, моя мышка, сказалъ онъ: спрячься подальше, а то они и тебя убьютъ»!...

Шумъ увеличивается; полосы свѣта ярче; дверь отворилась, и несчастному показалось, что на стѣнѣ уже дрожитъ гигантская тѣнь Тристана..... Онъ закрылъ глаза, помолился Богу и ждалъ.....

Онъ недолго ждалъ. «Герцогъ Немуръ»! сказалъ знакомый, милый голосъ друга: «вы свободны»!

Заключенный вздрогнулъ, робко оглянулся — не сонъ ли это? Дофинъ Карлъ — передъ нимъ, но не робкій и унылый, какъ вчера, а спокойный и величавый; ходитъ и говоритъ какъ властелинъ — онъ кажется выросъ и возмужалъ въ этотъ часъ. Знатныя дамы и свита окружали его. Далѣе — толпою стояли придворные съ факелами и бросали на воздухъ свои бархатные токи и кричали:

— Да здравствуетъ король!

— Да, продолжалъ Карлъ Восьмой: вотъ уже часъ какъ я, по волѣ Божіей, сирота и король. Простите моему отцу, Немуръ, и помоли-

тесь за его душу. Разломите эту клѣтку, прибавилъ онъ, обращаясь къ работникамъ, и бросьте обломки въ Луару, чтобы не осталось отъ клѣтки и слѣда!

Работники начали ломать, но — о чудо! пилы только скользили по прутьямъ, даже не оставляя на нихъ знака; камень, въ который прутья были вдѣланы, нельзя было ничѣмъ разбить.

— Государь! замѣтилъ старый монахъ, качая головой: всѣ усилія людей ничего не сдѣлаютъ! Это не дѣло рукъ простаго человѣка. Клѣтку эту дѣлалъ одинъ колдунъ, чтобы избавиться отъ висѣлицы. Разрушить это можетъ жезлъ волшебницы, а ея теперь нѣтъ, — или самъ построившій, — а онъ неизвѣстно гдѣ.

— Пусть отыщутъ и приведутъ ко мнѣ этого колдуна, сказалъ Карлъ: я осыплю золотомъ того, кто его найдетъ. Алмазъ изъ вѣнца моего дамъ я тому, кто его найдетъ.

Король сдѣлалъ знакъ и свита вышла.

Два друга остались почти одни — только нѣсколько пажей стояли въ отдаленіи.

Друзья молча смотрѣли другъ на друга и плакали. Сердца ихъ бились отъ одной мысли, которую они боялись высказать: что если колдунъ умеръ?

Но Бѣляночка въ первый разъ бѣгала, не обращая вниманія на ихъ слезы — ее волновало другое....

Припомните, что ея наказаніе должно было продолжаться сто лѣтъ; въ ту минуту прошло девяносто лѣтъ, триста шестьдесятъ четыре дня, двадцать три часа и шестьдесятъ девять минутъ съ тѣхъ поръ, какъ Анжелина стала Бѣляночкой.

Мрачное и смрадное подземелье наполнилось свѣтомъ и благоуханіемъ; желѣзная клѣтка двинулась разомъ, какъ театральная декорація, и исчезла Богъ вѣсть куда.

Испуганные друзья думали, что громъ разразился надъ тюрьмой.

— Бѣляночка, Бѣляночка! вскричали король и герцогъ.

— Я здѣсь! Я здѣсь! раздался надъ ними кроткій голосъ.

Они подняли глаза и увидѣли Анжелину въ свѣтлыхъ облакахъ съ жезломъ въ рукѣ.

— Не бойтесь, продолжала она, я та, которую вы звали Бѣляночкой. Меня зовутъ *феей слезъ*. Ваши слезы высохли теперь — прощайте!

— Добрая фея, не оставляйте насъ! сказали въ одинъ голосъ король и герцогъ.

— Нельзя, отвѣчала Анжелина, вамъ теперь не нужны утѣшенія; есть другіе несчастные. Я должна быть съ ними. Я слышу рыданія нищаго: онъ зоветъ меня — я спѣшу! Прощайте, король!

Прощайте, герцогъ! И она исчезла, какъ молнія. (Изъ Дѣтской книжки Плещеева и Берга 1861 г.).

Примѣч. — Темы: Характеристика эпохи Людовика XI. — Характеръ Короля, Дофина и Немура. — Значеніе чудеснаго.

Многіе изъ Р. писателей составляли сказки въ народномъ духѣ. У *Жуковскаго* есть: Овсяный Кисель, Мудрецъ Керимъ, Какъ мыши кота хоронили и пр.; у *Полеваго*: Золотой мѣшокъ; у *Языкова*: Жаръ-Птица. *Пушкинъ* особенно любилъ народныя сказки, какъ и вообще — Русскій простой бытъ. О сказкахъ онъ такъ говорилъ: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Добрую няню свою, Арину Родіоновну, онъ по гробъ любилъ за то, что она посвятила поэта въ Русскій сказочный міръ.

«Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!»

Такими выразительными стихами благодарный поэтъ увѣковѣчилъ память о своей почтенной нянѣ. — Сказки Пушкина всѣ взяты изъ разказовъ Арины Родіоновны. Лучшая изъ нихъ, болѣе народная, «Женихъ.»

БЫЛИНА.

Различіе между сказками и пѣснями (былинами). — Слова *К. С. Аксакова:* «Между сказками и пѣснями, по нашему мнѣнію, лежитъ рѣзкая черта. Сказка и пѣсня различны изначала. Это различіе уставилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ. *Сказка — складка* (вымыселъ), а *пѣсня — быль*, говоритъ народъ, и слова его имѣютъ смыслъ глубокій, который объясняется, какъ скоро обратимъ вниманіе на пѣсню и сказку.

«Предметъ пѣсни или религіозный (стихи), или народный: народныя событія, историческая и бытовая жизнь; или частный: событіе и чувство личное. Все это — *быль*. Пѣвца и сочинителя въ пѣснѣ не слышно. Иногда попадается въ ней припѣвъ, гдѣ поющій обращается къ слушателю: «здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкою» и проч.; но это не измѣняетъ дѣла. Припѣвъ уже не пѣсня; онъ является по окончаніи пѣсни; въ немъ спѣвшій пѣсню обращается къ слушателямъ обыкновенно за наградой. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ пѣсняхъ эпическихъ повѣствуются невѣроятныя дѣла, но они повѣствуются, какъ дѣла, бывшія дѣйствительно, *былыя* (отсюда и слова *быль* (фактъ) и *былина*).

«Совсѣмъ другое *сказка*. Съ самыхъ первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ. Сказка безпрестанно сама называетъ себя сказкою; она даже начинается обыкновенно такими словами: «Начинается сказка отъ сивки отъ бурки, отъ вѣщей коурки, отъ богатырскаго посвисту, отъ молодецкаго поѣзду.» Нѣсколько разъ повторяется въ теченіи сказки: «Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.» Разсказчикъ слышенъ постоянно; постоянно предъ нимъ слушатель; постоянно слышна даже какая-то затаенная шутка надъ всѣмъ разсказомъ, шутка, которая наконецъ проявляется въ окончаніи сказ-

ки, обыкновенно при описаніи пира, гдѣ разсказщикъ, обращаясь прямо къ себѣ, говоритъ: «Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.»

«Такъ сказываются сказки, даже и теперь; таковъ ихъ настоящій видъ. Печать отчасти измѣнила ихъ, но не изгладила основнаго, общаго ихъ характера.

«Къ сказкѣ, кажется, преимущественно должна относиться пословица: *красно поле рожью, а рѣчь ложью* (вымысломъ).

«Изъ этого же значенія пѣсни, какъ были, и сказки, какъ вымысла, выходитъ, что само содержаніе сказокъ, мѣсто дѣйствія и лица — существенно различны отъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ географія можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Въ сказкѣ, очень сознательно, разсказщикъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесятомъ царствѣ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинкахъ. Отсюда выходитъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа—всегда лица или событія его народной жизни. Пѣсни—всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края, и, какъ вымыселъ, носится, гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужою фантазіею, и потому многія изъ сказокъ зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ (наиболѣе съ востока); иныя переиначены по своему, и почти всѣ говорятъ о странахъ чужихъ. Само собою разумѣется, что самое изложеніе, *слогъ* народныхъ Русскихъ сказокъ принадлежитъ Русскому человѣку; что если, въ своихъ сказкахъ, народъ не всегда самъ выдумщикъ, то всегда разсказщикъ; что и чужое, переиначивая его или нѣтъ, разсказываетъ онъ по своему; и это-то изложеніе придаетъ сказкѣ народный характеръ и цѣну, независимо отъ ея содержанія. Въ какой же мѣрѣ самое содержаніе той или другой сказки выражаетъ народный духъ,—это уже особый, очень важный и занимательный вопросъ, рѣшаемый при разсматриваніи самыхъ сказокъ.

«Какъ на различіе между пѣснями и сказками, можно также указать на элементъ волшебный. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ опору и помощь въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ Русскому духу, и богатыри Русскіе не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть пѣсня о Волхвѣ; но это преданіе, (а не вымыселъ), о древнемъ сильномъ чародѣе, который *самъ* герой пѣсни, и стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины, глубже всѣхъ уходя въ древность; слѣдовательно эта пѣсня составлять исключеніе не можетъ. Всѣ же

богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, начиная съ Ильи Муромца до Гордея, не водятся ни съ волшебствомъ, ни съ волшебниками, а вездѣ бьютъ и преслѣдуютъ, какъ мы уже сказали объ этомъ.

«Г. *Шепингъ* находитъ сходство въ языкѣ и выраженіяхъ между сказками и пѣснями; но тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. И тамъ и здѣсь языкъ Руескій, народный; и тамъ и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ, и проч. Такое сходство необходимо: оно основано только на единствѣ языка. Но если вглядѣться попристальнѣе, то сейчасъ увидишь существенную разницу языка и слога пѣсеннаго съ сказочнымъ. Стоитъ обратить вниманіе хоть на тѣ отрывки сказокъ, которые приводитъ г. Шепингъ, выставляя ихъ въ примѣръ сходства. Вотъ нѣкоторыя выраженія: «Шелкъ не рвется, булатъ не трется, яровицкое золото въ грязи не ржавѣетъ.» Или: «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей полымя.»

«Всякой, думаю я, согласится, что самый слогъ, отрывистый и скорый, пересыпанный близкими другъ отъ друга риомами, показываетъ, что сказка *сказывалась говоркомъ* или даже *скороговоркой*, а не пѣлась. Теперь, не угодно ли сравнить какую-нибудь пѣсню, напр.

«Да изъ Орды золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичь....»

или

«А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице....»

или

«А и ты мать, быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные....»

«Вы видите, что рѣчь здѣсь не торопится, медлитъ и очевидно указываетъ, что она должна пѣться. Эти повторенія, эти вставочныя: *что*, *а и*, *тотъ* и пр., показываютъ очевидно, что они нужны были, какъ для гармоніи пѣнія, такъ и для оттѣнка самого слога, совершенно особеннаго, слога собственно пѣсеннаго.

«И такъ, кромѣ того необходимаго сходства, которое вытекаетъ изъ единства языка, мы, напротивъ, видимъ рѣшительную, глубокую и существенную разницу между слогомъ пѣсенъ и слогомъ сказокъ.

«Очевидно, что поэтическимъ произведеніемъ считалась только пѣсня, и, подобно, какъ въ древности Римскій поэтъ называется vates, пѣсня зовется *былью.* Къ пѣснѣ также относится замѣчатель-

ная пословица: *изъ пѣсни слова не выкинешь.*» (Соч. К. С. Аксакова. 1—400 и д.).

Значеніе былины. — Слова *Буслаева*: «*Историческая* пѣсня, или *былина*, заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами Русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали громкія имена и великія событія своего времени, и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое, свято сохраняя завѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины своего времени, какъ авторъ «Слова о полку Игоревѣ» прилагалъ *былины сего времени* къ замышленію Боянову, и потомъ бережно передавало оно накопленное имъ поэтическое сокровище потомству. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача историческихъ былинъ, но пѣсни о Владимірѣ, о Татарахъ, Литвѣ, объ Иванѣ Грозномъ и о другихъ историческихъ предметахъ, и досслѣ живутъ въ устахъ народа. Ясно, что одно поколѣніе органически родинлось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о родиой старинѣ въ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ, такъ съ неменьшею для себя пользою простой народъ питался, и доселѣ не перестаетъ питаться, національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если Русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической, ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминая о нихъ въ своихъ былинахъ. Не буду здѣсь касаться вопроса о томъ, что больше можетъ роднить простой народъ съ его стариною, — это ли нравственное поэтическое сочувстіе или школьный учебникъ; но не могу умолчать о томъ, что съ точки зрѣнія собственно литературной, былины несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и для народа — въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія — служатъ онѣ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею. Правда, что былина, по большей части, обилуетъ грубыми анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ вымысломъ; но въ общемъ своемъ составѣ, но въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины, и до сихъ поръ она еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ, прагматическомъ

сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться развѣ только съ самыми лучшими страницами лѣтописи, которой служитъ живымъ народнымъ отголоскомъ. Притомъ, самые анахронизмы и кажущіяся нелѣпицы исторической былины заслуживаютъ тщательнѣйшаго наблюденія для изученія того, какъ принимались народнымъ смысломъ историческіе факты, какъ группировались они въ его воображеніи и воспитывали въ немъ національное чувство. Если для исторіи науки поучительны самыя ошибки ученыхъ дѣятелей, особенно такихъ даровитыхъ, какъ напримѣръ Карамзинъ, то тѣмъ поучительнѣе поэтическія заблужденія цѣлаго народа, потому что они налагаютъ неизгладимыя черты на всю его нравственную физіономію. Что же касается до анахронизмовъ исторической былины, то, по моему мнѣнію, они имѣютъ еще болѣе глубокое значеніе по прямому ихъ отношенію къ нравственной жизни народа, которая вся состоитъ изъ безчисленнаго множества преданій, накопившихся отъ различныхъ временъ, вся сложена изъ анахронизмовъ, въ которыхъ новое со старымъ сливается въ одно органическое цѣлое. Давно уже историки занесли народныя пѣсни въ перечень историческихъ матеріаловъ и источниковъ. Теперь предстоитъ имъ по этому народному матеріалу возсоздать полную картину историческихъ свѣдѣній и убѣжденій простаго народа.

«Русская былина, вѣрная историческому развитію самой жизни, явственно отмѣчаетъ въ своей формаціи періодъ Татарскій, когда съ особенною энергіею совершился въ народной фантазіи переходъ отъ миѳовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому, именно тотъ рѣшительный исходъ изъ сомкнутаго круга собственно миѳологическаго творчества, который замѣчается въ народахъ въ слѣдствіе историческихъ переворотовъ, особенно потрясающихъ народное чувство и сильно дѣйствующихъ на воображеніе. Такія событія, какъ завоеваніе Испаніи Маврами, какъ паденіе царства Сербскаго, какъ погромы Татарщины въ древней Руси — вызываютъ чувство и воображеніе къ дѣйствительности и даютъ новое направленіе поэтической дѣятельности. Эпическій спокойный тонъ разсказа уже нарушается лирическими порывами, въ которыхъ чувствуются горячіе слѣды текущихъ историческихъ событій.» — (Историческіе Очерки Русской народной словесности. Т. I, стран. 420 и 421).

Выраженіе въ былинахъ событій исторической жизни. — Въ былинахъ выражаются историческія событія. Возьмемъ сначала тѣ былины, въ которыхъ является Владиміръ со своими богатырями. Что въ нихъ представляется? Съ одной стороны удаль и мощь небывалая, сверхъестественная, съ другой — пиры съ ихъ чарами зелена вина — мѣрой въ полтора ведра. Раскроемъ теперь наши лѣтописи

и произведенія духовныхъ писателей, относящіяся къ начальному періоду Кіевской Руси. Что мы тамъ замѣтимъ? То же самое, что въ былинахъ и пѣсняхъ нашихъ. Объяснимся. Почти всѣ первые Русскіе князья являются бойцами, военными людьми; они, эти «великаны сумрака», по словамъ Карамзина, совершаютъ походы на Византію; они облагаютъ данями покоряемыя и покоренныя племена; Кіевъ дѣлается городомъ, куда стекаются для торговли Греки (см. договоры Русскихъ князей съ Греками, гдѣ большая часть условій устанавливается касательно торговли); въ главную матерь городовъ Русскихъ приходятъ многіе разноплеменные народы (см. Дитмара); связи Кіева съ другими народностями приносятъ въ жизнь его все новые и новые элементы: Кіевъ дѣлается городомъ богатымъ, а богатство придаетъ ему характеръ сибаритскій, изнѣженный, сластолюбивый. Въ доказательство послѣдняго положенія довольно припомнить нѣкоторые, всѣмъ извѣстные, факты. Дружина Владиміра не хочетъ ѣсть «деревянными лжицами» и требуетъ серебреныхъ: Владиміръ «повелѣ исковати лжицѣ сребренѣ» и при этомъ говоритъ, что съ златомъ и сребромъ нельзя *налѣзти* дружины, а съ дружиною «налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра.» Болеславъ, король Польскій, приходитъ въ Кіевъ и не хочетъ выходить изъ него; Поляки забыли женъ и дѣтей своихъ: такъ увлекательными представились имъ Кіевскія женщины. Про пиры говорится весьма ясно въ лѣтописяхъ. Вотъ это любопытное мѣсто: «Володимеръ постави церковь, и створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ (переваръ, варъ) меду, и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогымъ 300 гривенъ. Праздновавъ князь днiй 8, и възвращашеться (изъ Василева) Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту пакы створяще праздникъ великъ, сзывая безчисленное множьство народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжныя, слыша бо единою Еуангелье чтомо: блажени милостивіи, яко ти помилованы будуть, и пакы: продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ. Си слышавъ, повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье. Устрои же и се, рекъ: «яко немощніи и болніи не могуть долѣзти (дойти) двора моего». Повелѣ пристроити кола (повозки, телеги); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бочкахъ, а въ другыхъ квасъ, возити по городу, въпрашающе: «кдѣ болніи и нищь, не могы (которые не могутъ) ходити»? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ (людемъ), и съцьскымъ

(сотникомъ), и десяцькымъ (десятникомъ), и нарочитымъ мужемъ, при князи, и безъ князя: бываше (на обѣдѣ томъ) множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше изобилье отъ всего.» (Лавр. л. стр. 54). Здѣсь ясно говорится о пирахъ Владиміра и о любви его къ народу.

Въ началѣ Руси пиршества праздничныя совершались весьма часто; они происходили по случаю *постриженія* молодаго князя, или посаженія *на конь* [1]), по случаю сватовства, бракосочетанія [2]), по случаю именинъ [3]), освященія церкви, или храмоваго праздника [4]); а прежде, пока еще христіанство не сдѣлалось господствующею вѣрою въ Кіевѣ, князья пировали съ дружиною, вспоминая набѣги и походы свои. На пирахъ одни играли на гусляхъ, другіе на органахъ, а иные на голосахъ пѣли пѣсни: «*яко-же обычай есть предъ князем*ъ», сказано въ житіи Θеодосія (Уч. Записки 2-го Отд. Ак. наукъ. Кн. 2 — 192). Преподобный Θеодосій въ поученіи «о казняхъ Божіихъ» обличаетъ пьянство, блудъ, игры злыя, скомороховъ, гусельщиковъ, волхвованіе, чародѣяніе.

Богатыри — тоже явленіе историческое; о богатыряхъ говорится въ лѣтописяхъ: тамъ вспоминаются Добрыня Никитичъ — дядя Владиміра, Алеша Поповичъ, Ставръ бояринъ, о которомъ лѣтопись подъ 1118 годомъ повѣствуетъ, что онъ былъ заключенъ въ темницу Владиміромъ Мономахомъ. При нашествіи Татаръ, во время борьбы Русскихъ князей съ пришельцами, убито восьмеро князей и *семьдесятъ богатырей*. Въ Никоновской лѣтописи читаемъ: «Въ лѣто 6733..... воинственныхъ людей толико бысть побиено, яко ни десятый отъ нихъ возможе избежати, и Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побіени быша».

Изъ былинъ видимъ, что женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ жизни. И, подлинно, въ первыя времена Руси женщина уже занимаетъ видное мѣсто на поприщѣ исторической жизни. Она принимаетъ живое участіе во всѣхъ явленіяхъ общественной дѣятельности. Анна, первая дочь великаго князя Всеволода Ярославича,

[1]) На четвертомъ, или на пятомъ году отъ рожденія, князей съ великимъ торжествомъ постригали и сажали на коней. Иногда этотъ обрядъ производился въ церкви. Ипатьев. лѣт. стран. 141. Никонов. подъ 6699 годомъ. I Новгород. подъ 6738 г. Вивліоѳ. Новикова 11. Труды Общ. Ист. и Древ. М. 1824 г., ч. 11, стран 96 — 7.

[2]) Свадьбы отличались особымъ торжествомъ; тогда пировали на славу. До 30 князей съѣзжалось; цѣлые города гуляли. Ипат. 136.

[3]) Святополкъ говоритъ Василько: «не ходи отъ моихъ именинъ. Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя и посѣдимъ вси съ Давыдомъ.» Частная жизнь князей въ древности. *Погодина.* Москвит. 1853—№ 11.

[4]) Тамъ-же. Лавр. л. 54.

постригается (1093 г.) въ монахини при Кіевскомъ монастырѣ; Предслава, дочь Полоцкаго князя Георгія, принимаетъ монашество подъ именемъ Евфросиніи; сама основываетъ два монастыря и постригаетъ сестру двоюродную и двухъ племянницъ, при чемъ замѣчаетъ современное о ней извѣстіе: «Случившеся дѣвицѣ сей учепѣ быти книжному писанію, еще не достигше сй въ совершенъ возрасть тѣлеснаго естества. [1]» Первыя монахини изъ княжескаго дома были и первыми учительницами Русскихъ женщинъ: дочь Всеволода, названная уже нами Анна, собрала около себя молодыхъ дѣвицъ, *нѣколико* обучала ихъ писанію, чтенію, пѣнію, *такоже* ремесламъ *швенію* и инымъ полезнымъ знаніямъ [2]). Принявъ участіе въ лучшихъ явленіяхъ общественной дѣятельности, не отставая отъ хода жизни перваго Русскаго, или Кіевскаго періода (въ который такъ сильно распространялось монашество), женщина не избѣжала и противоположной участи: она является намъ и по лѣтописямъ и по духовнымъ произведеніямъ литературы враждебнымъ существомъ человѣку, задерживающимъ развитіе молодаго общества, дѣлающимъ зло, причиняющимъ бѣды, несчастія и физическія и нравственныя, короче, — вѣдьмою, а не ангеломъ. Въ лѣтописяхъ есть весьма любопытныя свидѣтельства о женщинахъ-волшебницахъ, или чародѣйкахъ: эти свидѣтельства записаны подъ 1024 годомъ, 1071 и въ болѣе позднія времена. «Въ лѣто 6532 (1024) всташа вълъсви въ Суждали, избиваху старую чадь по дьяволю наученью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъимавъ волхвы, расточи, и другыя показни, рекъ сице: «Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже». Это значитъ: «возстали волхвы лживые въ Суздали, и начали избивать *старую чадь (бабъ)*, сказывая народу, будто старухи держатъ «гобино и жито» и попускаютъ на землю голодъ; народъ повѣрилъ волхвамъ, взбунтовался; никто не могъ уговорить его, и самъ Ярославъ долженъ былъ явиться въ Суздаль, дабы успокоить умы: «Богъ за грѣхи, сказалъ князь, наводитъ на землю голодъ, моръ, засуху, а человѣкъ ничего не вѣдаетъ [3])».

Женщины-колдуньи, по сказанью лѣтописца, держали у себя

[1]) Степен. кн. I — 228, 235. Чт. Общ. 1 — 46. Ист. Р. церкви. *Филарета.* 1 — 50.

[2]) Исторія *Татищ.* 2 — 138. Ист. Росс. Іерархіи. 1 — 407.

[3]) Подробныя выписки лѣтописныхъ сказаній о женщинахъ-волшебницахъ см. въ ст. г. *Мордовцова* «объ Историч. Очеркахъ Буслаева». Р. Слово 1861 г., № 2, стран. 15 — 19.

жито и *пускали* голодъ на землю: «женами бѣсовская волшвенія бываютъ:..... такожде въ родехъ многехъ все жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою и иными бѣсовскими ковнями».

Вѣроятно женщина много зла привнесла въ Русское общество перваго періода, когда Даніилъ Заточникъ, писатель XII вѣка, не находитъ словъ въ языкѣ для изображенія этого *противнаго творенія*. Мысли Даніила о женщинѣ въ высшей степени рѣзки. Онъ сравниваетъ ее почти со всѣмъ, что есть злобнаго на свѣтѣ. Прежде всего писатель нападаетъ на подчиненіе мужа власти жены. Тотъ не мужъ, кѣмъ жена владѣетъ, говоритъ Даніилъ; ракъ не есть рыба, нетопырь не есть птица, ежъ не похожъ на звѣря: такъ и мужъ, повинующійся до рабства женѣ, не есть человѣкъ. Лучше вола ввести въ домъ, думаетъ Даніилъ, нежели злую жену: ибо волъ не скажетъ зла, даже не мыслитъ о немъ, а жена злая много бѣды надѣлаетъ: когда ее бьешь — бѣсится, когда ласкаешь — чванится (высится), когда она богата — гордится. Потомъ авторъ переходитъ къ опредѣленію характера злой женщины: тутъ краски его доходятъ до послѣдней степени силы и яркости. Женщина — гостинца неусыпаемая, купница бѣсовская, мірскій мятежъ; она ослѣпленіе уму, начало всякой злобы, лютая печаль; она истлѣваетъ мужа своего, какъ червь дерево; она не слушаетъ ученія, не боится Бога, не стыдится людей, но все осуждаетъ и казнитъ: нѣтъ злѣе льва между четвероногими, вопіетъ Даніилъ, нѣтъ лютѣе змѣи, — но жена обоихъ ихъ злѣе [1]).

Коротко приведенные нами факты показываютъ, изъ какихъ, между прочимъ, элементовъ слагалась историческая жизнь начальной Руси. Не то же ли самое мы находимъ въ былинахъ и пѣсняхъ, относящихся къ такъ-называемому Владиміру-солнцу? Читая, мы входимъ въ гридницу великаго князя и видимъ пиры:

«Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
На многіе князи и бояра,
И на Русскіе могучіе богатыри.
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчесываетъ».

Ласковость и любовь Владиміра къ боярамъ, къ богатырямъ и

[1]) Памятники Рос. Словесности XII вѣка, изд. *Калайдовича*. Стран. 236 — 38. У *Буслаева* (Очерки 1 — 587 и д.) помѣщены характеристическія выписки изъ Пчелы (старинный сборникъ) «о злыхъ женахъ».

къ народу, отмѣченная лѣтописями, находитъ отголосокъ въ былинахъ.

«Втапоры Владимiръ князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
И турiй рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра,
Подавали Добрынѣ Никитичу.»

Узнавши, что Василiй Казимiровичъ *обезчестилъ* князей-бояръ, побилъ ихъ, Владимiръ самъ идетъ «во кружало государево» просить богатыря защитить Кiевъ.

«*Пошелъ самъ Володимiръ* во кружало государево,
И молится Владимiръ чудному образу,
И кланятса на всѣ четыре стороны,
Особливый поклонъ Василью Казнѣровичу:
Охъ ты гой еси, Василiй Казнѣровичъ!
Ничего-то ты не знаешь не вѣдаешь:
Подступаетъ къ намъ подъ Кiевъ царь Батый»....

Кiевъ славился богатствомъ; Владимiръ имѣлъ много серебра, золота, жемчугу:

«Говоритъ Владимiръ князь ко товарищамъ:
Вотъ вамъ, ребята, служба явленная, —
Ѣхати вамъ во Большую орду,
Во Большую орду Заоданскую,
Ко царю ко Батыю,
Везти вамъ дани, пошлины:
Везти двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
Везти двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
Везти миса чиста золота,
Везти миса чиста серебра,
Везти миса скатна жемчуга.»

У богатырей и просто жителей Кiева столы въ гридницахъ дубовые, сѣни рѣшетчатыя, частоберчатыя, теремы златоверхiе:

«И выходитъ Пленчище Сорожанинъ,
Встрѣчаетъ князя Владимiра,
Во сѣни ведетъ во рѣшотчатыя,
Во другiя ведетъ во стекольчатыя,
И въ теремы ведетъ златоверхiе.
И такому-то князь диву дивуется:
На небѣ солнце, — и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, — и въ теремѣ звѣзды,

На небѣ зори, — и въ теремѣ зори:
Все въ теремѣ по-небесному [1].»

Великолѣпны были терема Кіевскіе; роскошно ихъ внутреннее убранство! Небу ясному и свѣтлому, съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами и зорями, лучезарному небу подобились они.... Дворецъ Алкиноя пышный, блистающій, съ его стѣнами изъ стали, съ собаками, изваянными изъ золота и серебра, по-неволѣ представляется воображенію, когда читаешь наши пѣсни, подобныя указанной....

Народъ, созидая чудную картину богатства древнихъ теремовъ, основывался на фактахъ самой жизни: Кіевъ во времена начальныя нашей исторіи былъ, какъ уже замѣчено, однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ. Владѣтели теремовъ имѣли въ рукахъ своихъ разнаго роду сокровища:

«Бралъ ли Чурило золоты ключи,
И шелъ-то Чурила въ кованы ларцы,
И бралъ-то шубу соболиную
Подъ дорогимъ подъ самитомъ (аксамитъ) заморскіимъ,
А дорога-то соболя, заморскаго,
Ушистаго соболя, пушистаго, —
Подарить князя-то Владиміра;
И бралъ-то камочку хрущатую,
Дарить-то княгиню Опраксію;
И бралъ золотой казны смѣты нѣтъ,
Дарить-то князей боярей.»

Богатство и роскошь дѣйствовали вреднымъ образомъ на бытъ; жизнь, мало тронутая христіанствомъ, мало просвѣщенная его ученіемъ, не укрѣпленная узами заповѣдей Евангельскихъ, и почти вся находившаяся подъ вліяніемъ языческихъ преданій, болѣе и болѣе повреждалась порокомъ; пѣсни показываютъ намъ легкость нравовъ, поселившуюся въ Кіевскихъ теремахъ, проникшую даже въ чертогъ Владиміра, среди пира, при всѣхъ торжественно давшую себя почувствовать..... Алеша Поповичъ самъ сказывалъ о своей связи съ Настасьей Зборовичной. Чурило Пленковичъ представляется обольстителемъ чуть ли не всего прекраснаго пола въ Кіевѣ.

---

[1] Пѣсни *П. Н. Рыбникова*, стр. 203. Пѣсни *П. В. Кирѣевскаго*, стр. 84. Вып. 2. А вотъ описаніе внѣшняго вида терема:

«Есть у него (Чурилы) семь теремовъ — златы верхи,
Вокругъ теремовъ тынъ
Выложенъ мѣдью яровицкою;
Посередь тына ворота рѣшотчаты,
Во воротахъ подворотенки серебрены.»

Дѣйствительно, красота Чурилы была обольстительная. Пѣсня такъ его изображаетъ:

«Волосники—золота дуга-серебряная,
Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Очи будто у ясна сокола,
Брови будто у черна соболя.»

Катерина Микулична поражена была очаровательною наружностію Чурилы; полюбила его, изъ ревности до крови избила дѣвицу Черняву.

Въ лѣтописи женщина представляется въ ту же начальную эпоху Кіевской Руси удаленною отъ свѣта, монахинею, отвергнувшею всѣ обольщенія міра: дочери великихъ князей отрекались отъ суетъ земныхъ, странствовали по святымъ мѣстамъ, или шли въ монастырь, занимаясь тамъ разными благочестивыми дѣлами на пользу юнаго общества. Былина изображаетъ тотъ же самый типъ въ лицѣ двухъ замѣчательныхъ женщинъ—Настасьи Микуличны, жены Добрыни и Василисты Микуличны, жены Ставра Годиновича. Обѣ онѣ—дочери Микулы Селяниновича. Первая остается вѣрною мужу, не взирая на всѣ искушенія; она положительно высказываетъ свое отреченіе отъ обольщеній мірскихъ; святость брачнаго союза, преданность первому мужу, чистота и непорочность, не смотря ни на какія внѣшнія обольщенія — вотъ тѣ прекрасныя свойства, которыми надѣлила душу Настасьи Микуличны народная поэзія. Добрыня, ея мужъ, долго, ровно *двѣнадцать* лѣтъ не возвращается домой: добрая жена все таки ждетъ его. Алеша Поповичъ привозитъ вѣсть о смерти Добрыни; князь Владиміръ совѣтуетъ ей выйти замужъ. Но — мы будемъ говорить словами былины:

«Сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
Молодой вѣкъ свой коротати?
Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за Русскаго могучаго богатыря,
А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Отвѣчала Настасья дочь Никулична:
«Я исполнила заповѣдь мужнюю,—
Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
Я исполню заповѣдь свою женскую:
Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:

Такъ исполнится времени днѣнадцать лѣтъ;
Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти» [1]).

Настасья Микулична—нелвкій характеръ! Всю свою молодость и нсѣ мірскія обольщенія она принесла въ жертну супружескому долгу... Другая женщина Василиста Микулична — образецъ величайшаго мужества и самопожертвованія. Ея любимаго мужа, Ставра, Владиміръ иосадилъ въ погреба холодные. Героиня-жена рѣшается на отважное дѣло. Она велитъ служанкамъ «обрубить ей косы русыя», надѣвается въ платье посла, садится на коня, ѣдетъ ко Владиміру, объявляетъ себя посломъ и проситъ борца-поединщика. Василиста поборола всѣхъ борцовъ, кромѣ Ставра. Очевидно, что въ лицѣ Василисты былина выражаетъ двѣ черты въ характерѣ древней Русской женщины: самопожертвованіе и мужество, а этими чертами отличалась древняя Русская женщина и въ дѣйствительной жизни. Совѣтуемъ для сравненія прочесть «Повѣсть о Евфросиніи Полоцкой» (Памятники старинной Р. литературы. Н. И. Костомарова. Т. 4): и нъ былинѣ и въ повѣсти одинъ образъ древней Русской женщины воспроизводится,—ея самоотверженіе и героизмъ. Какъ въ исторіи, такъ и въ былинахъ, женщины представляются злобными существами, колдуньями, оборотнями. Марина «истратила восьмерыхъ молодцовъ», превративъ въ туровъ; Добрыню обратила въ тура-золотые рога.

Исторія представляетъ намъ первыхъ Русскихъ князей боевыми людьми, любящими тревожную походную жизнь, дѣлающими набѣги на Византію: такими же изображаются они и въ былинахъ. У *П. Н. Рыбникова* записана старина, гдѣ разсказывается о набѣгѣ Олега на Византію: старина эта носитъ названіе: «Вольга Буслаевичъ» (т. е. Олегъ Святославичъ). Народъ прозвалъ Олега вѣщимъ, мудрымъ, хитрымъ: въ старинѣ въ томъ же образѣ онъ и воспроизводится. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ на корабляхъ подъѣхалъ по-суху къ Цареграду; старина показываетъ, что Олегъ «повернулся птицею-пташицей» и полетѣлъ по подоблачью въ Турецъ-землю, сѣлъ противъ самыхъ окошечекъ царя Турецкаго и подслушалъ всѣ рѣчи царя съ царицею... Подслушавши рѣчи Турецъ-Сантала, Вольга *повернулся* малымъ горносталюшкомъ, зашелъ во горницу во ружейную; потомъ *повернулся* добрымъ молодцемъ:

«И тугіе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки нерервалъ,
И каленыя стрѣлы нсѣ повыломалъ,

[1]) Сравни этотъ отвѣтъ съ размышленіемъ Полоцкой княжны Предславы (Евфросиніи) въ Памятникахъ старинной Р. литературы *Н. И. Костомарова*. Т. 4, стр. 173.

И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ бочепочкахъ порохъ перезалилъ».

Богатыри временъ Владиміра сражаются съ врагами бусурманами, которые постоянно тревожатъ Кіевъ несмѣтными своими полчищами. Богатырь Сухмантій Дихмантьевичъ дубиночкой поколотилъ Татаръ поганыхъ; Иванушка Дубровичъ желѣзною осью побилъ Татаръ, которыхъ «силушки было чернымъ черно, чернымъ черно, какъ черна ворона;» въ другой былинѣ передается, что Ермакъ Тимоѳеевичъ «сталъ силушку великую-поганую (т. е. Татаръ) конемъ топтать», а силы было видимо-невидимо:

«Онъ выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Посмотрѣлъ на силушку поганаго:
Нагнано-то силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
И не можетъ пропекать красное солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Вешнiимъ долгiимъ денечкомъ
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Черну ворону этой силы не обграяти,
Осеннiимъ долгiимъ денечкомъ
Сѣрой птицы вокругъ не облетѣть.»

Илья Муромецъ освободилъ Кіевъ отъ Калины, царя Золотой орды, который привелъ съ собой силы «на сто верстъ во всѣ четыре стороны,» — убилъ Соловья-разбойника; Добрыня Никитичъ очистилъ дороги прямоѣзжія, вырубилъ Чудь бѣлоглазую, прекратилъ Сорочину долгополую, Черкесъ Пятигорскіихъ, Калмыковъ съ Татарами, Чукши и Алюторы; онъ же сразилъ Змпище-Горынчище о двѣнадцати хоботахъ; Василій Казиміровичъ побѣдилъ царя Батыя, который хвалился, что онъ выжжетъ, вырубитъ Кіевъ и Божіи церкви. Вообще, всѣ богатыри стоятъ грудью за своего князя Владиміра-красное солнышко и являютъ чудеса храбрости. Въ ихъ дѣяніяхъ народная поэзія запечатлѣла историческіе моменты бытія перваго періода Русской исторіи, это — постоянную борьбу съ варварскими племенами: Печенѣгами, Половцами и Татарами, столь часто опустошавшими Кіевъ, — и съ языческими вѣрованіями народа. Мысль у лѣтописца и мысль у народнаго поэта одна; только названія, краски и образы различны.

Мы приведемъ еще нѣсколько доказательствъ, что наши былины имѣютъ историческое содержаніе, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ воскрешаютъ прошлую жизнь, «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», представляютъ героевъ своихъ *вполнѣ соотвѣтственно характеру времени*, по словамъ профессора Соло-

вьева [1]). Герой одной изъ старинныхъ пѣсенъ, богатырь Василій Буслаевъ, предпринимаетъ путешествіе ко святымъ мѣстамъ,—подвигъ, вовсе не похожій на его прежніе подвиги, и при этомъ говоритъ: «съ молоду много было бито, граблено, подъ конецъ надо душу спасти.» Этотъ нашъ В. Буслаевъ объясняетъ не только характеръ древняго Русскаго человѣка, но и характеръ средневѣковаго Европейца вообще: и на западѣ рыцарь, славный съ-молоду насиліями, вдругъ приходилъ въ сознаніе своей грѣховности, и спѣшилъ спасти душу подвигами религіозными. Такъ и нашъ Ермакъ, сперва буйно разгуливавшій по Волгѣ, широкому раздолью казацкому, а потомъ во время похода Сибирскаго чрезвычайно сдѣлался религіознымъ, наложилъ на себя и на всю дружину свою обѣтъ цѣломудрія. Развѣ въ дѣяніяхъ этихъ героевъ народной поэзіи нѣтъ историческаго смысла эпохи?

Василій Буслаевъ, поименованный уже, и Садко купецъ, богатый гость, какъ справедливо замѣчаетъ г. Безсоновъ, въ живыхъ и выразительныхъ краскахъ рисуютъ жизнь Новгорода съ представителями своими, съ предпріимчивостью торговыхъ гостей, съ отвагою своей молодежи-повольницы, съ рѣками, озерами и морями. Садко является любимымъ предметомъ въ народной поэзіи Новгородскаго цикла; про него сложено не мало былинъ. И неудивительно, богатство Садка было изумительное:

«Жилъ-былъ Садко, богатый гость.
Все-то у Садка по небесному:
На небѣ солнце, во теремѣ солнце...
Говоритъ Садко, богатый гость:
«Ай-же, слуги мои вѣрные!
Возьмите безсчетной золотой казны по надобью,
Откупите весь товаръ въ Новѣ-градѣ».
Тутъ-то его слуги вѣрные
Брали золотой казны по надобью,
Откупили весь товаръ въ Новѣ-градѣ».

Счастье видимо благопріятствовало Садкѣ; само плыло къ нему. Разъ Садко ловилъ рыбу красную и велѣлъ свозить ее въ погреба глубокіе. На четвертый день захотѣлъ онъ заглянуть въ погреба и — о чудо! рыба превратилась въ червонцы... Садко откупилъ всѣ товары въ Новѣ-градѣ, а Богъ вложилъ ему желанье въ ретиво сердце соорудить храмъ:

«А и шелъ Садко Божій храмъ соорудилъ,
А и во имя Стефана Архидіакона:

[1]) Р. Вѣстникъ 1857 г., № 1-й «Древняя Россія».

Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстныя иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ» [1]).

Татарскій погромъ изображается и въ пѣсняхъ, касающихся Владиміра, и въ другихъ. Недавно г. *Якушкинъ* (Отеч. Запис. 1860 г., № 4, стр. 79—82) напечаталъ пѣсню про Татарскій полонъ. Пѣсня характеристическая! Дочь Русской семьи попалась въ плѣнъ къ Татарамъ, будучи семи лѣтъ; родила дитя, потомъ и тещѣ, увезенной тоже въ плѣнъ, въ степь, пришлось убаюкивать внука у своего бусурмана зятя... Совершенно естественное явленіе.

Бурный вѣкъ Ивана Грознаго отразился въ нашихъ былинахъ и пѣсняхъ весьма ярко. Его громкія и ужасныя дѣла, столь поразительно, до послѣдней мелочи описанныя краснорѣчивымъ перомъ Карамзина (см. VIII и IX т. «Исторіи»), воскрешены въ былинахъ достодолжнымъ образомъ. Взятіе Казани и Астрахани, завоеваніе Сибири Ермакомъ—вотъ тѣ событія, которыя составили, между прочимъ, славу и блескъ царствованія Грознаго; опричники и казни, убіеніе сына — вотъ тѣ мрачные факты, которые дѣлаютъ жизнь Іоанна страшною.

И та и другая стороны царствованія одинаково вѣрно изображены въ былинахъ и пѣсняхъ народнымъ творчествомъ [2]). Теперь нѣкоторыя былины, относящіяся къ вѣку Іоанна, изданы (г. Якушкинымъ) въ первый разъ. Вотъ одна изъ нихъ, описывающая свадьбу Грознаго! Въ началѣ представленъ плачъ всѣхъ по умершей госу-

[1]) Сборникъ Великор. нар. пѣсенъ, стр. 67. Пѣсни П. Н. Рыбникова, стр. 363 и другія.

[2]) У П. Н. Рыбникова (стр. 381—406) помѣщены четыре былины, касающіяся этой эпохи: въ трехъ разсказывается о томъ, какъ Грозный «воспылалъ на Новгородъ и Псковъ», и какъ велѣлъ казнить сына Ѳеодора:

«Ай же вы, мои слуги вѣрные,
Палачи мои немилостивые!
Берите-ка моего сына царскаго,
Того ли Ѳеодора Иванова,
Ведите-ко на поле на Куликово.
Срубите-тко ему буйную головушку.»
Всѣ тутъ палачи затулялися,
Не смѣютъ подойти къ сыну царскому
И не смѣютъ казнить сына царскаго».

Иванушка Скурлатовъ сынъ беретъ Ѳеодора и кладетъ на плаху дубовую. Микитушка Романовичъ спасаетъ отъ смерти царевича, за что и получаетъ, въ послѣдствіи, отъ Грознаго вотчину. У *И. Худякова* изданы былины: взятіе Казани, свадьба Грознаго, казнь Ѳеодора царевича и смерть Іоанна. Про взятіе Казани напечатала г-жа Кобякова прекрасную пѣсню въ Совр. за 1850 г., № 7-й, и г-жа Пасхалова въ Памятн. и Образ. народнаго языка, стр. 320.

царевой царицѣ, благовѣрной Софьѣ Романовнѣ (т. е. Настасьѣ): плачъ изображенъ истинно поэтическими красками:

«Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ,
И на тѣ на круты бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная,
Молодая Софья дочь Романовна».

Умирая, царица заклинаетъ мужа своего не быть *ярымъ*, а быть *милостивымъ* къ дѣтямъ своимъ и боярамъ, къ солдатушкамъ и ко всему народу православному; проситъ его не жениться на Литвинкѣ, а жениться въ каменной Москвѣ, на «той Супавѣ Татарскіе». Грозный не послушался совѣта усопшей супруги своей: прошло времени *три* мѣсяца и —

«Захотѣлъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву,
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ».

Вѣнчается царь, пируетъ съ боярами и могучими богатырями до поздняго вечера. Все идетъ прекрасно; только одинъ случай приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ и пѣсня оканчивается трагически. Шуринъ Грознаго, Кострюкъ сынъ Темрюковичъ вызываетъ себѣ борца между Москвичами; является «Васенька хромоногенькій»; начинается состязаніе. Вася поборолъ Кострюка, металъ шурина царскаго о кирпичный полъ:

«Бралъ тутъ царь свою Марью Темрюковну,
И велъ онъ ее въ далеко чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце;
И женился онъ въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси».

Какъ не узнать въ приведенной пѣснѣ того Грознаго, который изъ-за-стола обѣденнаго отправлялся совершать казни; производилъ убійства, словно шутя (припомнимъ хоть этотъ случай, какъ онъ собственноручно пронзилъ ножемъ боярина, облеченнаго въ царскія одѣянія); въ сына ударилъ жезломъ смертоноснымъ во время обыкновенной бесѣды! Эта пѣсня, не давно напечатанная изъ собра-

нія Якушкина г. Тихонравовымъ въ его прекрасномъ, но мало въ публикѣ распространенномъ журналѣ [1]), даетъ новое сильное доказательство, что народная поэзія отражаетъ въ себѣ историческія эпохи.

Смутное время, время самозванцевъ, увѣковѣчено народомъ въ его устной поэзіи. Гришка Разстригинъ описанъ совершенно въ духѣ лѣтописцевъ и современныхъ разсказовъ. Ясно выражено, чѣмъ не понравился Самозванецъ въ Москвѣ, какъ оскорблялось чувство народное отступленіями отъ обычаевъ, утвержденныхъ вѣками:

«Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака поженитися:
Не въ своей онъ Россіи, въ каменной Москвѣ,
Поженился воръ-собака въ хороброй Литвы,
У Юрья пана Сендомирскаго,
На самой на меньшой на дочери,
На той ли на Маринушки Юрьевнѣ.
Оны свадьбу играли въ Филиповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день.
Вошло-то это время до Великаго дня,
До Великаго дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великаго
Всѣ князи-бояра къ обѣдни пошли,
Ударили въ большой во колоколъ:
Которы ко Христовой заутрени, —
Воръ Гришка Разстрижка во мыльну пошелъ
Со душечкой съ Маринушкой со Юрьевной».

Другой варіантъ той же пѣсни называетъ Марину не душечкой, а безбожницей, еретицей. Богатыя и роскошныя одежды носили Разстрига и Марина:

«На Гришкѣ кафтанъ въ пятьсотъ рублей,
На Маринушкѣ солонъ въ цѣлу тысячу».

Опять фактъ историческій передается. Извѣстно, какъ щедро одѣлилъ Лжедимитрій свою невѣсту и ея отца...

Скопинъ-Шуйскій, одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ родины отъ иноплеменныхъ враговъ, воспѣтъ народнымъ стихомъ.

Русская народная поэзія касалась иногда частныхъ явленій жизни исторической, если эти явленія имѣли въ свое время громкое значеніе, и приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе. Тутъ мы разумѣемъ пѣсни Джемса, относящіяся къ событіямъ Московскимъ 1618 — 1620 годовъ. Въ одной изъ нихъ описывается въѣздъ па-

[1]) Кн. 2, № VII. «Лѣтописи Русской Литературы и Древностей».

тріарха Филарета въ Москву; разсказывается про ту радость, которою были полны и самъ государь и вся земля святорусская. Мы не останавливаемся на пѣсняхъ Джемса, потому что онѣ дали поводъ г. Буслаеву написать большую статью «Русская поэзія XVII вѣка», напечатанную сначала въ Моск. Вѣд., а теперь помѣщенную въ его «Историч. Очеркахъ Русской народной словесности». (Т. I, стр. 470 и д.).

Въ собраніи пѣсенъ Якушкина находится пѣсня про осаду Соловецкаго монастыря—одно изъ важныхъ событій изъ временъ царя Алексѣя Михайловича.

Трудъ *Костомарова* «Бунтъ Стеньки Разина» показалъ всѣмъ, какъ живо хранится въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ воспоминаніе о людяхъ, подобныхъ Разину. Костомаровъ напечаталъ нѣсколько пѣсенъ, описывающихъ судьбу Стеньки, и всѣ онѣ имѣютъ историческую основу.

Слѣдя далѣе за выраженіемъ историческихъ эпохъ въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ, мы можемъ указать на извѣстные всѣмъ памятники этого рода, въ которыхъ представляется Петръ Первый, казакъ Краснощековъ, графъ Платовъ и другіе. Г. *Тихонравовъ*, въ «Лѣтоп. Рус. Литер.» (кн. 2, № XIV) напечаталъ пѣсню про XII-й годъ:

«Французъ съ арміей валитъ,
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
Еще много генераловъ —
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всею матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду».

Въ Современникѣ (1853, № 3. Библ. стр. 27) помѣщена пѣсня народная про графа Паскевича Эриванскаго. Изъ этихъ фактовъ видно, что творчество народное не изсякаетъ и до сего времени.

О былинахъ: Отеч. Зап. 1839, № 5. — Сочин. *Бѣлинскаго.* V, стр. 3 — 250.— *Шепинга.* Москвит. 1853, № 9.—Исторія Рус. Словесности. *Шевырева.* Т. I. Лекція II.—Сочин. *К. С. Аксакова.* 1 — 331. — Его же «Ломоносовъ» стр. 37 — 58. — Москов. Вѣдом. 1857, № 56, 64 и 65.—Историч. Очерки. *Буслаева.* 1—401.—Его же «Русскій богатырскій эпосъ» въ Рус. Вѣст. 1862, № 3, 9 и 10. — Въ «Очеркѣ Рус. поэзіи» *Милюкова* и С.-П.-Бургскихъ Вѣдом. 1861, № 109 высказанъ односторонній взглядъ на Русскую народную поэзію. Возраженіе на послѣднюю статью въ Жур. М. Нар. Пр. 1861, № 7.—Опытъ историч. обозрѣнія Р. словесности. *О. Миллера.* Спб. 1863, стр. 13—25.—О былинахъ Владимірова цикла. *В. Майкова.* Спб. 1863.

Изданія былинъ: Древнія Россійскія стихотворенія. *Кирши Данилова.* Москва. 1818. — Пѣсни, собранныя *Кирѣевскимъ.* М. 1862. — Пѣсни, собранныя *Рыбниковымъ.* М. 1862. — Русскія народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи *А. Н. Мордовцевой* и *Н. И. Костомаровымъ.* Лѣтоп. Рус. Литературы и Древно-

стей. Изд. *Тихонравова*. Т. IV.—Этнографич. Сборникъ, вып. V.—Памятники и Образцы народнаго языка и словесности. Изд. 2-го Отд. Академіи наукъ. — Русскія пѣсни изъ собранія *Якушкина*. Лѣтоп. Р. Литературы. *Тихонравова*. 1860.

Святогоръ.

Снарядился Святогоръ вовъ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжслаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ»!
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ:
Маленькая сумочка персметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется»!
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе.

Святогора и земля на себѣ черезъ силу держала.... Еще не встрѣчалось ему равнаго богатыря: не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться. Судьба приводитъ къ нему Илью Муромца. Встрѣча двухъ богатырей—одно изъ любопытнѣйшихъ преданій народныхъ:

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:

Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣнокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:
Мать сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Ай же ты, Илья Муромецъ!
Спишь себѣ, прохлаждаешься,
Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
Ты спущай меня во чисто поле,
А самъ полѣзай на сырой дубъ.»
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ.
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечь хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ
Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая [1]),
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ яствушки сахарнія,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.

[1]) Щегольская.

Пообѣдалъ Святогоръ и заснулъ, а жена пошла гулять по чисту полю; высмотрѣла Илью въ сыромъ дубѣ, и полюбила богатыря. Затѣмъ —

Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,
Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться,
И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ,
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Оперешь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей:
Дивно ли мнѣ потыкатися»?
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ.

Илья все разсказалъ: Святогоръ убилъ жену измѣнницу, а Илью назвалъ своимъ меньшимъ братомъ и выучилъ его «всѣмъ похваткамъ поѣздкамъ богатырскимъ.» Поѣхали оба богатыря къ сѣвернымъ горамъ, увидали гробъ съ надписью: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ» Легъ Муромецъ — не по немъ гробъ; Святогоръ—гробъ пришелся. Илья не хотѣлъ закрыть богатыря, крышкою, самъ Святогоръ закрылъ себя и тутъ случилось чудо: никакъ не могъ Святогоръ снять крышки. Онъ велѣлъ Ильѣ взять мечъ кладенецъ и ударить поперегъ крышки: ударилъ Муромецъ — и на томъ мѣстѣ выростаетъ полоса желѣзная. Еще ударилъ Илья вдоль крышки, опять выросла полоса желѣзная. Тогда сдѣлалось ясно, что насталъ смертный часъ Святогора: онъ передалъ свой богатырскій духъ сквозь щелочку гроба Ильѣ и—умеръ. Илья привязалъ коня Святогорова ко гробу, а самъ поѣхалъ въ чисто поле.

Примѣч.—Святогоръ открываетъ собою область богатырей старшихъ, бывшихъ до Владиміра. Онъ богатырь — стихія, — титаническая, міровая сила. Святогоръ—образъ громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ становится неподвиженъ. Въ лицѣ его изобра-

женъ самый первоначальный періодъ Русской земли, не сложившійся, не окрѣпшій; онъ представитель стихійныхъ началъ, броженій, кочевья, титаническихъ подвиговъ и при наступленіи новой эпохи, эпохи устоявшейся земли, сложившагося міра-народа, самъ обрекается на неподвижность: ибо сложившаяся уже земля крѣпче, тверже стихіи (Святогора).

Въ былинѣ о Святогорѣ особенно любопытно преданіе о смерти богатыря. Какъ жизнь, такъ и смерть богатырей исполнена чудеснаго. Богатыри рѣдко умираютъ своею естественною смертію. Въ первомъ выпускѣ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, г. *Безсоновъ* помѣстилъ замѣтку о смерти Ильи Муромца, которая совершенно похожа на смерть Святогора. Ѣхалъ Илья съ Добрынею и Алешей; видятъ желѣзный гробъ. Не пришелся гробъ ни Добрынѣ, ни Алешѣ. Влѣзъ Илья; откуда ни возьмись каменная крыша, захлопнула его накрѣпко. Ударили богатыри мечемъ по крышѣ — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали: стали рубить обручи, а ихъ стало четыре. «Пришелъ мнѣ конецъ», сказалъ Муромецъ: «прощайте, товарищи!» Раздѣлилъ богатырямъ доспѣхи и замолкъ... Мысль одна и та же въ двухъ различныхъ преданіяхъ. Смерть, исполненная чудесъ, не есть только принадлежность нашихъ народныхъ разсказовъ; она съ такимъ же колоритомъ существуетъ въ преданіяхъ всѣхъ народовъ. Такъ у Грековъ съ повѣствованіями о смерти великихъ трагическихъ поэтовъ Эсхила, Софокла и Еврипида соединено много чудеснаго, сверхъ-естественнаго. Эсхилъ, говорятъ, умеръ отъ орла, который несъ черепаху и уронилъ ее прямо на голову поэта. Софоклъ умеръ отъ виноградной ягоды, которую не могъ проглотить. Еврипидъ былъ растерзанъ собаками. Вообще, по народнымъ сказаніямъ, великіе люди не умираютъ своею смертію. Относительно нашихъ богатырей есть превосходное преданіе, недавно напечатанное *Меемъ* (Стихотв. Л. Мея. Спб. 1857, стр. 241), гдѣ разсказывается, отчего перевелись богатыри на Русской землѣ. Встрѣтили богатыри силу бусурманскую-Татарскую, стали ее бить-рубить, а она растетъ да растетъ...

«Испугались могучіе витязи:
Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры...
Какъ подбѣжитъ витязь къ каменной горѣ, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ...
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.»

Вольга Святославгичь.

I.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичь.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,

Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри въ темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-Кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первыимъ городомъ — Гурчевцомъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичь,
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ,
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ощё другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхать Вольга ощё третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,

Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати»!
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичь
— Со своею дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю?
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— А недавно я былъ въ городни, третьѐво-дни,
— На своей кобылкѣ соловой,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
— А былъ съ шалыгой подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ»!
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичь!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля-ради мужика деревенщины.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути,

— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ? —
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земелки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была, —

За эту кобылку пятьсот бы дали».
Говоритъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольга Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсот рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была, —
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ. —
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству»?
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дома вымолочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою. —
— Станутъ мужички меня покликивати:
— «Молодой Микулушка Селяниновичъ!» —

Примѣч. — *Г. Безсоновъ* говоритъ: «Олегъ родился, «когда возсіяло солнце красное на нашу на землю свято-Русскую:» начало княжеской дружины или дружинниковъ-князей, если не современно періоду сложившейся Земли Русской, какъ народа, то современно появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта (ибо конечно и самые князья призваны тогда, когда эти формы наиболѣе выяснились, съ своими достоинствами и недостатками).

«Всеобщій переломъ, изображенный въ пѣсняхъ при рожденіи Олега, помимо своего баснословнаго значенія, въ сферѣ бытовой означаетъ для Земли и ея Дружины появленіе новаго, небывалаго дотолѣ, *прибывшаго* начала. Впрочемъ эти образы повторяются въ пѣсняхъ и при рожденіи Добрыни: можетъ быть для очерка впечатлѣній отъ зародившейся Земской дружины, а можетъ статься и потому, что Добрыня ближе прочихъ богатырей къ дружинѣ князя, по родству съ нимъ.

«Народившись, Олегъ скоро «похотѣлъ мудрости», и «много мудрости: обучался и обучился всякихъ хитростей-мудростей, всякихъ языковъ разныхъ», «понимаетъ» и понялъ ихъ. Мудрость эта, съ своимъ послѣдствіемъ — вѣдѣніемъ, давала у насъ имя «вѣщаго»: «и прозваша Олега *Вѣщій*». Это вѣдѣніе, изъ мудрости переходившее въ вѣдовство, дѣлавшее вѣдуномъ, знаемъ мы выражалось въ народномъ творчествѣ переходомъ въ образы царства до-человѣческаго, вынесенные изъ космогоніи: «а и первой мудрости учился обертываться яснымъ-соколомъ; ко другой-то мудрости учился—обертываться сѣрымъ волкомъ; ко третей-то мудрости учился — обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога».

«На первыхъ же порахъ Олегъ прибираетъ себѣ дружину: она явилась Землѣ вмѣстѣ съ нимъ, творчеству съ его образомъ. И замѣчательно, въ этой дружинѣ ни одного Земскаго богатыря.

«Олегъ «пошелъ по сырой земли: мать сыра земля сколебалася», звѣри, птицы, рыбы попрятались, разбѣжались, разлетались, разметалися. Впечатлѣніе отъ появленія гостей призванныхъ, когда усѣвшись, зачали они въ Землѣ свое дѣло.

«Все въ Землѣ повыловлено, въ угодьяхъ ея поимано, добыто добычею.

«Олегъ ѣдетъ «со своей дружинушкой хороброю къ городамъ за получкою:» такъ и чаются погосты, дани, примучиванья. «Какъ начали они (по товариществу поѣздки, пѣсня въ это дѣло дружины затянула и Микулу, вопреки его характеру) мужиковъ чевствовать, чевствовать мужиковъ, жаловать, оплетьми они нахлыстывать, тутъ клянутся мужики, проклинаются.» Замѣчательно, что ни въ одной пѣсни богатыри Земскіе не занимаются подобными подвигами.

«Но всего больше славенъ Олегъ походомъ подъ Византію: за то его (по лѣтописному сказанью) прозвали Вѣщимъ, тамъ-то были его корабли на колесахъ. Въ пѣсняхъ всю силу оборотня, всю, стало быть, хитрость-мудрость приложилъ Олегъ въ походѣ на «Турецъ-землю», на «Турецъ-Салтана», смѣнившихъ Византію съ ея императорами.

«Такое же богатство добычи принесено оттуда по пѣснямъ, какъ разсказано и по лѣтописямъ.

«Теперь, какъ Святогоръ встрѣтился съ Микулою, какъ Илья Муромецъ предостереженъ отъ вражды съ нимъ, такъ третье начало, князь-дружинникъ встрѣчается съ нимъ же, чтобы въ этой встрѣчѣ выразить ярко взаимныя соотношенія.

«Выѣхалъ Олегъ въ раздольице чисто поле; онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая: оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ, сошка у ратая поскрипываетъ омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.

«Олегъ заслышалъ издалека: только на третій день онъ могъ доѣхать до ратая; и не мудрено: ратай «съ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать.» Земля раскинулась необозримо, все соха, все пахари.

«Земли представитель «оретъ да пашетъ, да крестьянстнуетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, коренья-каменья вывертываетъ.»

«Подъѣхавши на конѣ, Олегъ застаетъ ратая за сохою: «сошка у ратая кленовая, позолочена; омѣшики булатніе; гужики у ратая шелковые.» Такъ въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Чеховъ, пущенный конь останавливается передъ Премысломъ пахаремъ, представителемъ Чешской земщины; бояре Чешскіе, свергнувшіе Любушу, застаютъ Премысла за плугомъ, «оретъ мужъ великій, обвивъ ноги свои лыками (лапти).» Также точно Чехи застаютъ его слишкомъ рано, за неконченнымъ урокомъ пашни: и у Микулы «сошка еще не обрана.» Также точно выспрашиваютъ и узнаютъ его имя, какъ выспросилъ у Микулы Олегъ; также точно имѣютъ повелѣніе посадить Премысла на коня и вести за собою, какъ поднялъ Микулу и всадилъ на коня Олегъ. Можно бы найти сближенія и еще: всего же ближе духъ сказаній, убѣждающій насъ, что древнѣйшее творчество Чеховъ и Русскихъ сошлось въ этомъ дѣлѣ. Но Премыслъ пошелъ въ государи, онъ женился на правительницѣ: Микула остался въ сторонѣ отъ государства, тѣмъ же пахаремъ, прежнимъ семьяниномъ.—Соха позолоченая отводитъ Микулу не только къ сказаніямъ братьевъ Славянъ, но и къ первообразамъ пахарей у всѣхъ Индоевропейскихъ народовъ, къ этому «золотому плугу», столь извѣстному въ миѳологіи.

«Обряжая сошку, Микула оказался сильнѣе всей дружины: никто не могъ управиться съ сохою.

«Сѣли на коней; кобылка Микулы далеко опередила княжескую. Потому Земля крѣпче, что въ ней больше силъ для развитія, для движенія; потому хватаютъ дальше ея движенія или подвиги, что она стойче на основныхъ началахъ. Всякая дружина, отъ нея отдѣлившаяся, тѣмъ больше пришлая и допущенная, слабѣе Земли, ибо одностороннѣе; не быть дружинѣ впереди Земли, какъ государству не быть на мѣстѣ Земли, стойче Земли и крѣпче. — Дѣти знаменитой кобылки «Обнеси голова» перешли къ богатырямъ, Земскимъ дружинникамъ, Ильѣ Муромцу, Добрынѣ Никитичу, Дюку и Чурилѣ.

«Имя Микулѣ даютъ не подвиги ратные, не слава государственная, а дѣла пахаря, сельскій бытъ, хозяйство крестьянина, гостепріимство, сборъ вокругъ него общины, міра:

«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,—
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

«Наконецъ Микула, не какъ Премыслъ, не даетъ дѣтей своихъ на царство. У него нѣтъ сыновей, у него три дочери, но за то всѣ «поляницы», всѣ героини. Онѣ пошли за богатырей, дружинниковъ Земскихъ: старшая Василиса Микулишна, жена Ставра (по другимъ былинамъ, Данилы), образъ величайшаго мужества, самопожертвованія; младшая Настасья Микулишна, кроткая и изящная, вѣрная мужу при всѣхъ искушеніяхъ, жена Добрыни. Это два лучшіе образа женщины во всемъ народномъ творчествѣ.» (Сборн. Рыбникова. Т. I, стр. XVIII — XXIII).

II.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Росъ Вольга Буслаевичъ до пяти годковъ,
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю разметалися.
И пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ
Обучаться всякихъ хитростей, мудростей,
И всякихъ языковъ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буслаевичъ на семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ;
Обучался хитростямъ, мудростямъ,
Всякимъ языкамъ разныимъ.

Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
Собиралъ тридцать богатырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатымъ.
«Дружина, скаже, моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то:
Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темну лѣсу,
Становите веревочки по сырой земли,
И ловите вы куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
И ловите по три дня и по три ночи».
Слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темну лѣсу, по сырой земли,
Ловили по три дня и по три ночи, —
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь левымъ [1]) звѣрёмъ,
Поскочилъ по сырой земли, по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей, черныхъ соболей,
Большихъ поскакучіихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то:
Вейте силышка шелковыя,
Становите силышка на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птичку пташицу,
И ловите по три дня и по три ночи».
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили силышка шелковыя,
Становили силышка на темный лѣсъ, на самый верхъ,
Ловили по три дни и по три ночи, —
Не могли добыть ни одной птички.

[1]) Львомъ.

Повернулся Вольга сударь Буслаевичь Науй птицей [1]),
Полетѣлъ по подоблачью,
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныхъ соколей,
И малую птицу пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ,
Со своей дружинушкой хороброю,
Скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большаго братца, атамана-то,
Дѣлайте вы дѣло повелѣное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте суденышко дубовое,
Вяжите путевья шелковыя,
Выѣзжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученьку и плотиченку,
И дорогую рыбку осетринку.
И ловите по три дни и по три ночи».
И слухали большаго братца, атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Брали топоры дроворубные,
Строили суденышко дубовое,
Вязали путевья шелковыя,
Выѣзжали на сине море;
Ловили по три дни и по три ночи, —
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь рыбой щучиной
И побѣжалъ по синю морю,
Заворачивалъ рыбу семжинку и бѣлужинку,
Щученку и плотиченку,
Дорогую рыбку осетринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ,
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга сударь Буслаевичь:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Кого бы намъ послать во Турецъ-землю,
Провѣдати про думу про царскую,
Что царь думы думаетъ,
Думаетъ ли ѣхать на святую Русъ?
Стараго послать, — будетъ долго ждатъ;
А середняго послать-то, — виномъ запоятъ,

[1]) Страусъ.

А малаго послать, —
Маленькій съ дѣвушкамы заиграется,
Со молодушкамы распотѣшится,
А со старыма старушкамы разговоръ держать:
Это намъ будетъ долго ждать.
Будетъ, видно, Вольгѣ самому пойти»!
Повернулся Вольга сударь Буслаевичъ
Малою птицею пташицей.
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И скоро будетъ во Турецъ-землѣ,
Будетъ у царя Турецкаго,
Противъ самыхъ окошечекъ,
И слушаетъ онъ рѣчи тайныя, —
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталовна!
Я знаю про то, вѣдаю:
На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,
А видно, Вольги-то живаго нѣтъ».
Говоритъ царица Панталовна:
«Ай же ты, царь, Турецъ-Санталъ!
На Руси трава все растетъ по старому,
Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежнему.
А ночесь спалось, — во сняхъ видѣлось:
Бывъ [1]) сподъ восточнія сподъ сторонушки
Налетѣла птица малая пташица,
А сподъ западней сподъ сторонушки
Налетѣла птица черный воронъ;
Слеталися оны во чистомъ полѣ
Промежду собой подиралися;
Малая-то птица пташица
Чернаго ворона повыклевала,
По перышку она повыщипала
И на вѣтеръ все повыпускала».
Проговоритъ царь Турецъ-Санталъ:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
Возьму я девять городовъ
И подарю своихъ девять сыновей,
Привезу себѣ шубоньку дорогую».
Говоритъ царица Панталовна:

---

[1]) Быдто, будто.

«А не взять тебѣ девяти городовъ,
И не подарить тебѣ девяти сыновей,
И не привезти тебѣ шубоньку дорóгую».
Проговорить царь Турецъ-Санталъ:
«Ахъ ты, старый чортъ!
Сама спала, себѣ сонъ видѣла»!
И ударитъ онъ по бѣлу лицу,
И повернется, по другому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,
И кинетъ ю во второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,
Возьму я девять городовъ,
И подарю своихъ девять сыновей,
Привезу себѣ шубоньку дорóгую»!
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь
Малымъ горносталюшкомъ:
Зашелъ во горницу во ружейную;
И повернется онъ добрымъ молодцемъ:
И тугiе луки переломалъ,
И шелковыя тетивочки перервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
И у оружей замочки повывертѣлъ,
Въ бочепочкахъ порохъ перезалилъ.
Повернулся Вольга сударь Буслаевичь сѣрымъ волкомъ:
Поскочилъ онъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней перебралъ,
А глотки у всѣхъ у нихъ перервалъ.
  Повернулся Вольга сударь Буслаевичь
Малою птицею пташицей, —
И будутъ во градѣ во Кiевѣ,
Со своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемъ-те мы во Турецъ-землю»!
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу Турецкую во полонъ брали.
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Станемъ-те теперь полону подѣлять»!
Что было надѣлу дорого
И что было надѣлу дешево?
Вострыя сабли по пяти рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
А добрые кони по семи рублей;
А только надѣлу было — дешево, женскiй полъ:

Старушечки были по полушечкѣ,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Примѣч.—Въ этой былинѣ описывается набѣгъ Олега на Византію. Миѳическое значеніе былины о «Вольгѣ» указано *Буслаевымъ* въ его статьѣ «Р. богатырскій эпосъ».

Илья Муромецъ.

I.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Iсусъ Христосъ, два Апостола:
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
— Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ! —
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать—ровно встрепаный;
Онъ пошелъ принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки»?
— Отъ земли столбъ былъ да до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску повороти̇лъ! —
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ;
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки»?
—Во мнѣ силушки половинушка.—
«Проводи, Илья, насъ во чисто поле,
Во чисто поле, къ высоку бугру,
Къ высоку бугру, ко раскатисту.»
На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ.
Богатырскій сонъ на двѣнадцать денъ.

Онъ прославился сильнымъ воиномъ,
Богатыремъ сильнымъ, могучіимъ.

II.

По славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цица́рскіихъ,
Стояла застава богатырская.
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Под-атаманье былъ Добрыня Никитичь младъ;
Есаулъ Алеша поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополой.
Всѣ были братцы въ разъѣдьницѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поръ кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичь ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чисто́мъ полѣ,
Спалъ въ бѣло́мъ шатрѣ;
Добрыня Никитичь ѣздилъ ко синю́ морю,
Ко синю́ морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою-за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста́ поля,
Въ чисто̀мъ полѣ увидѣлъ и́скопоть великую,
Ископоть вели́ка — по́лъ-печи.
Учалъ онъ и́скопоть досматривать:
«Еще-что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ этой земли изъ Жидовскія
Проѣхалъ Жидовинъ могучь богатырь
На эти степи Цицарскія»!
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
Мы что́ па заставушкѣ устояли?
Что́ на заставушкѣ углядѣли?
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ»!
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичь:
«Не ладно, ребятушки, поло̀жили;

У Васьки полы долгія:
По землѣ ходитъ Васька, — заплетается;
На бою-на дракѣ заплетется;
Погибнетъ Васька по напрасному».
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, удумали;
Гришка рода боярскаго:
Боярскіе роды хвастливые;
На бою-дракѣ призахвáстается,
Погинетъ Гришка по напрасному».
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ,
Побить нахвальщика па чистóмъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили:
Алешвнька рода поповскаго;
Поповскіе глаза завидýщіе,
Поповскія руки загребýщія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата, сéребра, —
Злату Алеша позавидуетъ;
Погинетъ Алеша по напрасному».
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистóмъ полѣ.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добрá коня,
Уздаётъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлалъ въ сѣделышко Черкасское,
Въ торокá вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедрá беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелкóзую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ нá полѣ чернизину (черное пятно);

Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ звонкимъ, зычнымъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь чоломъ?
Под-атаману Добрынѣ Никитичу?
Есалу Алешѣ въ казну не кладешь,
Но всю нашу братiю наборную?»
Учу́лъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра́ коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичь младъ
Господу Богу возмо́лится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика»!
Подъ Добрыней конь посправился, —
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братiею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичь младъ:
«Какъ выѣхалъ на го́ру Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на́ полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину,
Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь чоломъ?
Под-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью на приборную»?
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на меня, добра молодца:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подо мною конь на колѣнца палъ.
Тутъ я Господу Богу возмолился:
«Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!»
Подо мною тутъ конь посправился,

Уѣхалъ я отъ нахвальщика,
И пріѣхалъ сюда на заставу богатырскую.»
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися:
Видно ѣхать атаману самому»!
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имáетъ Илья добрá коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмя́нную,
Сѣдлаетъ въ сѣдлышко Черкаское,
Въ торокá вяжетъ палицу боёвую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры́ беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелкóвую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
Под-атаманью Добрынѣ Никитичу!
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
На всю нашу братью наборную»?
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добрá коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удрóбился (не испугался),
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впéрвые палками ударились, —
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Вóстры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Другъ дружку не ранили;
Бились, дралúсь рукопашнымъ боёмъ,
Бились, дралúсь день до вечера,
Съ вечера бьются до полýночи,
Съ полýночи бьются до бѣлá свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою, —
Поскользнетъ у Илейка ножка лѣвая:

Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалищё булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
«Старый ты старикъ, старый, матёрый!
Зачѣмъ ты ѣздишь на чистó поле?
Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
Ты поставилъ бы себѣ келейку
При той путѣ—при дороженькѣ;
Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
Тутъ бы ты, старикъ, сытъ-питанёнъ былъ».
Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано;
Написано было у Сватыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперь Илья подъ богатыремъ!»
Лежучй у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго;
Палъ нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушелъ дó-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,—
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичь встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ вó полѣ тридцать лѣтъ,—
Экаго чуда не наѣзживалъ!»

Примъч. — Слова *А. С. Хомякова:* «Былина носитъ на себѣ признаки глубокой древности въ созданіи, въ языкѣ и въ характерѣ. Самый важный эпи-

ческій тонъ соединенъ въ ней съ тѣми легкими сатирическими намѣреніями, которыя такъ свойственны народной поэзіи. Простота и живописность соединены въ равной степени: ни одинъ анахронизмъ, ни одно явное искаженіе не нарушаютъ художественнаго наслажденія.

«По эпохѣ, въ которую эта сказка (былина) была сочинена, она кажется древнѣе всего собранія Кирши Данилова, за исключеніемъ, можетъ быть, сказокъ о Дунаѣ Ивановичѣ. Ни разу нѣтъ упоминанія объ Татарахъ, но за то ясная память о Козарахъ, и богатырь изъ земли Козарской, названной справедливо землею Жидовскою, является соперникомъ Русскихъ богатырей: это признакъ древности неоспоримой. Въ дѣйствіи является уже не отдѣльный какой-нибудь богатырь, а цѣлая богатырская застава, которой атаманъ Илья Муромецъ. Эта застава принадлежитъ вѣроятно княжескимъ пограничнымъ странамъ, хотя имя князя не упоминается нигдѣ. Стоитъ она на лугахъ Цицарскихъ (Цицарскими землями старыя лѣтописи называютъ область Византійскую), подъ горою Сорочинскою: оба названія указываютъ, если не ошибаюсь, на южныя области за Кіевомъ. Застава временно распущена: богатыри составляющіе ее, разъѣхались по своимъ дѣламъ; одинъ только под-атаманъ Добрыня, вездѣ охраняющій свой характеръ, тѣшится благородною охотою за гусями и лебедями у синяго моря, да атаманъ Илья ѣздитъ по степямъ, оберегая предѣлы своей земли. Возвращаясь съ охоты, Добрыня наѣзжаетъ на слѣдъ богатырскій, и по *ископыти* (*глыба*, вырванная конскимъ копытомъ) узнаетъ Козарскаго богатыря. Онъ собираетъ своихъ товарищей. Рѣшаются наказать смѣлаго пришельца; но бой долженъ быть честный, одиночный. Илья Муромецъ не совѣтуетъ высылать на опасный бой ни Ваську Долгополаго (дьяка или грамотѣя) — его погубитъ неловкость, ни Гришку Боярскаго сына — его погубитъ хвастливость, ни извѣстнаго Алешу Поповича — его погубитъ алчность къ корысти: приходится отправляться Добрынѣ, княжескому сроднику. Добрыня, типъ удалаго наѣздника, не отказывается. Кажется, въ немъ воображеніе народныхъ поэтовъ олицетворило дружину Варяжскую, и его постоянная вражда со зміемъ, до такой степени свойственная его лицу, что ему случается убивать трехъ-главыхъ змієвъ даже тогда, когда объ нихъ и не думаетъ, указываетъ, можетъ быть, на преданіе Скандинавское о Сигурдѣ зміеборцѣ. Но сила Добрыни не соотвѣтствуетъ его смѣлости. Онъ выѣхалъ въ поле, въ серебреную трубочку высмотрѣлъ богатыря, вызвалъ его на бой, но, когда увидѣлъ его страшную силу, спасся бѣгствомъ отъ неравной схватки. Некому выручать честь заставы, кромѣ одного уроженца села Карачарова, стараго Ильи Муромца. Онъ выѣхалъ на бой, также разглядѣлъ богатыря, только не въ трубочку серебреную, а въ кулакъ молодецкой; вызвалъ его и сразился. Долго борятся соперники, равные силой, но неловкое движеніе Ильи роняетъ его наземь. Казаринъ садится ему на грудь, вынимаетъ кинжалъ и посмѣевается надъ непобѣдимымъ старикомъ. Не падаетъ духомъ Илья; онъ знаетъ, что судьбы Божіи не назначили ему погибнуть въ сраженіи: онъ долженъ побѣдить, и дѣйствительно у крестьянина Ильи «лежучи на земли, втрое силы прибыло:» однимъ ударомъ кулака вскидываетъ онъ противника на воздухъ, и потомъ отрубленную его голову везетъ на заставу, замѣчая только товарищамъ, что «онъ уже тридцать лѣтъ ѣздитъ по полю, а такого чуда не наѣзживалъ.» Спокойное величіе древняго эпоса дышетъ во всемъ разсказѣ и лицѣ Ильи Муромца выражается, можетъ быть, полнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ, уже извѣстныхъ сказкахъ. Сила непобѣдимая, всегда покорная разуму и долгу, сила благодѣтельная, полная вѣры въ помощь Божію, чуждая страстей и — неразрывными узами связанная съ тою землею, изъ ко-

торой возникла. Да и не ее ли, не эту ли землю Русскую, олицетворило въ немъ безсознательно вдохновеніе народныхъ пѣвцовъ? и у ея на груди, какъ богатырь Козарскій у Ильи, сидѣлъ Татаринъ и Литвинъ и новый завоеватель всей Европы: но «не такъ у Святыхъ Отцовъ писано, но такъ у Апостоловъ удумано», чтобы ей погибнуть въ бою. Была бы только въ себѣ цѣльна, да знала бы откуда идетъ ея сила»!.. (Москов. Сборникъ 1852. Т. I, стр. 328 — 331).

Слова *К. С. Аксакова:* «Въ этой прекрасной и многозначительной пѣснѣ, въ которой Илья Муромецъ такъ выпукло и ясно выдается, образъ его все тотъ же: та же неодолимая сила и то же спокойствіе: отсутствіе всякаго раздраженія этой силы въ бою, и отсутствіе всякаго тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ; пріѣхавши, Илья не хвастаетъ и не удивляется своей побѣдѣ, — онъ говоритъ только, что тридцать лѣтъ не наѣзживалъ такого чуда. Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной; духовная умѣряетъ грубость и матеріальность тѣлесной силы, которая безъ нея была бы безправна и оскорбительна».

Вообще характеръ Ильи Муромца *К. С. Аксаковъ* опредѣляетъ такъ: «Среди молодыхъ сильныхъ могучихъ богатырей одинъ только старъ: богатырь Илья Муромецъ, далеко превосходящій силою всѣхъ остальныхъ.—Пѣсня не придаетъ ему обыкновеннаго присловья: *удалый;* и точно — въ немъ нѣтъ удальства. Всѣ подвиги его степенны, и все въ немъ степенно: это тихая, непобѣдимая сила. Онъ не кровожаденъ, не любитъ убивать и, гдѣ можно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ. Въ богатырѣ этомъ, не смотря на его страшную, внѣ всякаго соперничества, силу, слышится еще болѣе силы духа. — Это неодолимо-могучій и кроткій богатырь крестьянинъ... Полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ, по нашему мнѣнію, представитель, живой образъ Русскаго народа...

«Сила и кротость, внѣшнія битвы, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и миръ внутренній, вслѣдствіе высокаго православнаго строя его души, непобѣдимость богатыря и смиреніе христіанина, однимъ словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной — таковъ нашъ Русскій богатырь Илья Муромецъ.» (Сочиненія *К. С. Аксакова.* Т. I, стр. 369, 383 — 385. См. еще «Ломоносовъ» того же автора, стр. 58. Здѣсь говорится объ Ильѣ Муромцѣ).

Слова *Буслаева*: «Величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ быть, напоминала идеальные типы полу-боговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ-быть, она была снимкомъ съ миѳическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора Славянской миѳологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и защитникомъ его интересовъ передъ исключительнымъ господствомъ дружины.» (Историч. Очерки. Т. I, стр. 418).

III.

Пріѣзжалъ Идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Со грозою со страхомъ со великіимъ,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,

Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,
Чтобы князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки супротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
«Ты Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
Ладь-ка ты поединщика во чисто́ поле,
Поединщика и супротивника съ силушкой великою,
Чтобъ могъ онъ съ Идолищемъ поправиться».
Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,
Пріужахнулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою мнѣ-ка смерть не написана,
Поѣду я въ раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганаго».
Обулъ Илья лапо́тики шелковые,
Подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпку земли Греческой
И пошелъ онъ ко Идолищу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатнія
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ-то дорожкой — пораздумался:
«Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,
Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
И съ симъ мнѣ съ Идолищемъ будетъ поправиться»?
На тую пору, на то времячко
Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
Песетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко, —
Сходить мнѣ къ Идолищу къ поганому»?
Не даетъ ему каличище Ива́нище,
Не даетъ ему клюхи своей богатырскоей.
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:
Мнѣ на бою вѣдь смерть пе написана, —
Я тобя убью, мнѣ клюха и достанется».
Рассердился каличище Иванище,

Здынулъ эту клюху выше головы,
Спустилъ онъ клюху во сыру землю,
Пошелъ каличище, заво́рыдалъ.
Илья Муромецъ одва (едва) досталъ клюху изъ сырой земли.
И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну
Ко этому Идолищу поганому,
Пришелъ къ нему и поздравствовалъ.
Говорилъ ему Идолище поганое:
— Ай же ты, калика перехожая!
— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ? —
Говоритъ ему Илья таковы слова:
«Толь великъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ,
— По многу ли Илья вашъ пива пьетъ? —
Говоритъ Илья таковы слова:
«По стольку ѣстъ Илья, какъ и я,
По стольку пьетъ Илья, какъ и я».
Говоритъ ему Идолище поганое:
— Экой вашъ бога́тырь Илья:
— Я вотъ по семи ведръ пива пью,
— По семи пудъ хлѣба кушаю. —
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
У его была корова ѣдучая:
Она много пила — ѣла и лопнула».
Это Идолищу не слюбилося:
Схватилъ свое кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику перехожую
Со всея со силушки великія.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,
Пролетѣлъ онъ на воиную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпу земли Греческой,
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.
Тутъ ему Идолищу славу поютъ.

Примѣч. — Въ этой былинѣ, по всему вѣроятію, народъ увѣковѣчилъ истребленіе княземъ Владиміромъ *идоловъ*, вскорѣ послѣ принятія христіанства. Лучшее объясненіе былины находимъ въ слѣд. повѣствованіи Нестора: «Самъ (Владиміръ) приде Кіеву (изъ Корсуня). Яко приде, повелѣ кумиры (идолы) испровреще, овы осѣчи (сѣщи-изсѣчь), а другія огневи предати; Перуна же

повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа приставп бити жезлъемъ». (Полное собр. Рус. лѣт. 1, стр. 50).

Былина говоритъ: «Схватилъ (Илья) съ головушки шляпку *земли Греческой* и ляпнулъ онъ въ Идолище поганое». Смыслъ понятенъ. Вѣру христіанскую принялъ Владиміръ отъ *Грековъ*, по закону Греко-Восточному и ею прогналъ язычество (Идолище поганое) съ Русской земли.

Былины времени Владимірова всего лучше читать вмѣстѣ съ первыми страницами Нестора. И тамъ и здѣсь рѣшительно одинаковый тонъ, образъ воззрѣнія и даже языкъ. Въ напечатанной сейчасъ былинѣ говорится: приходилъ Идолище, требовалъ поединщика и—Владиміръ, не находя его, ужахнулся, закручинился. Въ лѣтописи, подъ 6500 (992) записано подобное же событіе. Явились Печенѣги; князь ихъ требовалъ поединщика. Но выпишемъ самыя слова Нестора: «И рече князь Печенѣжьскый (Владиміру): «выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимъ, да не воюемъ-ся за три лѣта, аще ли нашь мужь ударить вашимъ, да воюемъ за три лѣта», и разидостася разно. Володимеръ же приде въ товарыщи, посла бирича (вѣстника, глашатая) къ войску, глаголя: «пѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ (боролся съ нимъ) съ Печенѣжиномъ»? И не обрѣтеся никдѣ же. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля (посылая) по всѣмъ воемъ» и пр. (Лаврент. лѣт. стр. 52—53). Разсказъ лѣтописца совершенно сходенъ съ былиною.

IV.

Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимофеичъ.
У нихъ сынъ былъ Илья Муромецъ.
Онъ просилъ у родимаго батюшки
Благословенья великаго,
На вѣки не рушимаго:
Еще съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-Русскія
И кружала государева,
Чернаго корабля, яснаго сокола;
Во всѣ государевы вотчины.
Говоритъ ему батюшко:
«Ужъ ты свѣтъ мое чадо порожденное!
Потеряешь ты свою буйну голову,
Вмѣсто мѣдныя пуговки не за денежку;
Еще той дорогой никто не бывалъ,
Никто не ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ:
Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойничекъ,
Онъ со дѣтками и со дѣвками.
Еще той дорогой человѣку итти ровно два года,
А конному ѣхать полтора года».

А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора часа,
Между обѣднею ранней и утренней,
И поспѣть ко столу княженевскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.
И оттудова пошелъ Илья за Дунай рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому къ Миколѣ Заручевскому;
Онъ служилъ обѣдни запрестольныи,
Клалъ завѣты великіи,
Становилъ свѣчу двадцати пяти рублевъ,
Впередъ еще сулилъ пятьдесятъ рублевъ:
«Ты поправь меня, Господи,
Во путѣ-во-дороженькѣ,
Во чужой-дальней сторонѣ,
Во Сибирскихъ въ украйнахъ».
Еще видѣли,—Илья на коня-то сѣлъ,
А не видѣли,—куда поѣздку далъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей:
У его конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля устилаются.
Старши богатыри дивуются:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
— У его поѣздка молодецкая,
— Вся поступочка богатырская! —
Завидѣлъ его Соловей воръ-разбойничекъ,
Воръ-разбойничекъ да воръ Ахматовичь:
— Вонъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатается,
— Подъ нимъ конь спотыкается. —
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долони по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному:
Темны лѣсы отъ его реву къ землѣ преклонилися;
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася;
Въ то время подъ Ильей конь на колѣни палъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Еще самъ онъ коню приговариваетъ:
«Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ,
Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая!
Будь заступчива, да не уступчива.
Чего ты, лошадь, да перепалася?

Не слыхала ли ты эдова рёва коровьяго,
Писку, верезгу дроздоваго»?
Вынималъ Илья Муромецъ
Изъ карману изъ лѣваго
Свой тугой лукъ, калены стрѣлы;
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены стрѣлы да накладывалъ,
Еще самъ стрѣламъ приговаривалъ:
«Полетите, мои стрѣлы каленыи,
Повыше лѣсу дремучаго,
Пониже облака ходучаго, —
Вы падите Соловью вору-разбойнику
Во тепло́ гнѣздо, да во буйну голову,
И во самой во правой глазъ,
И вередите ему сердце ретивое»!
Полетѣли стрѣлы каленыи,
Всѣ перены[1], да начиненыи,
Повыше лѣсу дремучаго,
Пониже облака ходучаго,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во тепло гнѣздо, да во буйну голову,
И во самой во правой глазъ,
Вередили ему сердце ретивое,
И убилъ Илья Муромецъ Соловья,
Вора-разбойника да воръ-Ахматова.
Прiѣзжалъ онъ ко городу да ко Кидишу.
Кругомъ города да кругомъ Кидиша
Залегла сила поганая,
Вся Литва некрещеная:
Еще всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единаго,
Никого не оставилъ на сѣмена,
И поѣхалъ впередъ подъ восточную сторону,
Во Сибирскiи во украйины.
У города да было Кiева
Застава была великая:
Семь сыновъ вора-разбойничка.
Еще малой-отъ сынъ завидѣвши возговорилъ:
«Вонъ, де, ѣдетъ нашъ да батюшка»!
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
— Охъ вы глупыи да неразумныи!

[1] Перены перомъ, насаженныя копейцами.

— Это ѣдетъ сильной могучій богатырь
— Илья Муромецъ;
— Онъ везетъ нашего батюшка,
— Да у лѣваго стремени у булатнаго. —
Тутъ всѣ братьи да взбунтовалися,
Взбунтовалися да перепалися,
Во яростяхъ да во великіихъ;
Въ пять сотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ.
Соловей кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ахъ вы дѣточки да голубчики,
— Ихъ вы глупыи да неразумныи!
— Не вамъ [1]) кусъ, не вамъ и нсь [2]) его:
— Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
— Всѣмъ и вамъ ужъ не выстоять.
— Вы берите да спаены ключи,
— Отпирайте да погреба глубокіи,
— Вы берите много злата и серебра,
— И скатнóва жемчугу:
— Не отдастъ ли онъ, Илья Муромецъ,
— На выкупъ вамъ вашего батюшка? —
Илья на злато на серебро не зарится,
Онъ впередъ ѣдетъ да восточную [3]) сторону,
Во Сибирскіи да укрáины.
У Ильи конь бѣжитъ, да какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля укрываются,
Старши богатыри дивуются:
— Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
— У ево поѣздка да молодецкая,
— Вся поступочка да богатырская! —
Пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ,
Ко широкою да ко глубокою.
За ту рѣку да за широкую,
За широкую да за глубокую,
Перевощичкомъ была да Соловьева дочь,
Дочь большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зычнымъ голосомъ:
— Не вози, дочь любимая, Татарина да великаго
— За Дунай рѣку: ты въ тѣ-поръ его вези,

[1]) *Вашъ?*
[2]) *Ись — ѣсть.*
[3]) *Въ восточную.*

— Когда дастъ тебѣ батюшку на выкупъ твоего;
— Ты въ тѣ-поръ его вези да за Дунай-рѣку,
— За Дунай-рѣку, да за широкую,
— За широкую, да за глубокую. —
Илья на то да не вѣруетъ.
Сходилъ онъ со добра коня
На сыру землю да на матушку:
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелко́въ поводъ;
Правой рукой рветъ дубье съ кореньями;
Онъ мосты мостилъ крѣпко на крѣпко,
Крѣпко на крѣпко, да дѣльно на дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня перевелъ;
Еще взялъ изъ лѣваго кармана плетку шо́лкову,
Плетку шолковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволкой,
Дѣвкѣ стёжъ-то[1]) далъ, — съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ, — дѣвка скору смерть приняла;
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ.
Онъ впередъ ѣдетъ подъ восточную сторону,
Во Сибирскіи да во украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываются.
Старши богатыри да дивуются:
— Еще нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
— Поѣздочка у его да молодецкая,
— Вся поступочка да богатырская! —
Пріѣзжалъ онъ ко городу да ко Кіеву.
Становилъ коня да середи двора,
Становилъ онъ да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ;
Онъ пошолъ въ свѣтлыи свѣтлицы,
Въ княженецкіи горницы,
Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотничковъ,
У дверей да у придверничковъ;
Онъ беретъ двери за́ скобу,
Отпирастъ двери да на́ пяту[2]);
Онъ и крестъ кладетъ да по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,

[1]) *Стёжъ* — ударъ, которымъ Илья ее *стегнулъ*.
[2]) Отворить на-стежъ.

Еще князю-то да на особицу:
«Еще здравствуй, князь славной Кіевской,
Славной Кіевской да Владимірской»!
— Еще здравствуй ты, дѣтина сельщина,
— Ты дѣтина сельщина да деревеньщина!
— Ты откуль ѣдешь да откуль идешь?
— Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ? —
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
«Еще города Мурома, а села Карачарова,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичь.
Я пріѣхалъ ко вашею ко милости:
Прочищалъ я дорожиньку да прямохожую,
Прямохожую да прямоѣзжую,
А изъ Мурома да до Кидаша,
А изъ Кидаша да до Кіева,
Все до вашею да до милости;
Я убилъ Соловья вора-разбойничка,
Воръ-разбойничка да воръ-Ахматова,
Да привезъ его къ вамъ на показанье».
— Еще врешь ты, дѣтина сельщина, да полыгаешься,
— Надо мной надъ княземъ насмѣхаешься.—
«Ты изволь итти на свой широкой на полой дворъ,
Ты изволь смотрѣть соловья вора-разбойничка».
Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболокалъ [1]) кошулю [2]) соболюю,—
Еще та ли кошля въ пятьсотъ рублёвъ,
Зарукавьи серебряныи,
Ожерельи жемчужныи.
Повели его слуги подъ руки
На свой на широкой на полой дворъ.
И Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ,
Онъ стоитъ да не привязанной,
Никому держать да не приказанной.
А у лѣваго стремени да у булатнаго
Привязанъ Соловей воръ-разбойничекъ,
Воръ-разбойничекъ да воръ-Ахматовичь.
Еще тутъ-то князь да и конатся [3]):
— Соловей ты, воръ да воръ-разбойничекъ,
— Воръ-разбойничекъ да воръ-Ахматовичь!

---

[1]) *Оболокалъ* — надѣвалъ.
[2]) Рубашка не косоворотка.
[3]) *Конаться*—добиваться.

— Ты посвищи-ко по прежнёму да по соловьиному!—
Соловей да отвѣтъ держитъ,
Онъ отвѣтъ держитъ князю славному:
«Я не твой хлѣбъ и кушаю,
Не тебя князя-вора и слушаю».
Еще тутъ князь Ильѣ да и конаится:
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— Поленица великая!
— Ты заставь Соловья вора-разбойника
— Посвистать по прежнёму да по соловьиному.—
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойника
Отъ лѣваго стремени.
И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долони по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ да по звѣриному:
Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ [1]) кирпичьё заморское,
Полетѣли изъ окольницъ стекла аглицкія.
Еще князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ,
Еще тутъ онъ да и конаится:
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Ты уйми да сопостата великаго,
— Соловья вора-разбойничка,
— Воръ-разбойничка да воръ-Ахматова.—
Сталъ Илья унимать его по свойскому:
Онъ схватилъ его да за черны́ кудри,
Еще билъ его да о сыру землю о матушку,
Онъ въ подвергъ [2]) его кидалъ
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сырой камень;
Соловью отъ себя скора смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Въ княженецкія горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
«Еще ты, славной князь Кіевской да Владимірской!

[1]) *Дымолокъ*—проводъ дымовой трубы.
[2]) *Подвергъ*—подбросъ.

Ты неси-ко чашу большую да обѣручную,
Зелена вина да полтора ведра»!
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ.
Еще все-то ему мало кажется:
«Ты неси еще, князь, чашу бо́льшую,
Чашу бо́льшую да обѣручную,
Еще два ведра да зелена́ вина,
Все со водочкой, да со наливочкой,
Со крѣпкими да со напитками».
Илья принимается да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на одиной духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабу́рило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться, —
Поломалъ онъ ска́мьи да дубовыи,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныи.
А у князя во ту пору да во то времячко
Еще столъ идетъ да во полу́-столѣ,
Еще пиръ идетъ да во полу́-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговыи,
Еще сильны могучи бога́тыри,
Свято-Русскіи воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученыи,
— Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныи:
— У меня промежъ каждымъ бога́тыремъ
— Были сваи желѣзныи,
— Чтобы они въ пиру да напивалися,
— Напивалися да нестолкалися. —
Еще тутъ вѣдь князь да Ильѣ кона́ится:
— Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
— Ты изволь у нашей милости
— Да воеводой жить. —
«Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у васъ воеводой жить»!
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыи,
Онъ выма́лъ свою плетку шелко́вую
О семи хвостахъ да со проволкой,

Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще взялъ гостей да поколачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
«На пріѣздѣ гостя не употчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали!
Эта ваша мнѣ честь—не въ честь»!
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.
Еще царь-то въ ту пору да въ то времячко
За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.
Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до́ вѣку.—

Примѣч.—«Эта пѣсня почти единственная, какую только можно назвать полною, съ началомъ и концемъ, съ разсказомъ о всей богатырской дѣятельности Ильи Муромца. Правда, въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ подвиговъ, извѣстныхъ по другимъ пѣснямъ, но за то есть и такіе, которыхъ нѣтъ тамъ. По основѣ, она не уступаетъ другимъ въ древности: но по обработкѣ, хотя и чисто народной, но уряду, она явно позднѣйшая, и позднѣйшія обстоятельства Русской жизни оказали на нее замѣтное вліяніе. Владиміръ здѣсь называется уже царемъ; его и Илью водятъ слуги подъ руки,—обрядность, какою пѣсни не окружаютъ дворъ Владиміра; онъ встрѣчаетъ Илью названіемъ «сельщины и деревенщины»; даже убѣдившись въ силѣ его богатырства, сажаетъ его только «по край стола, по край скамьи»; самъ Илья является съ непривычной гнѣвностію и раздражительностію, даже жестокостію. Онъ видитъ хорошо, какъ его приняли, и на предложеніе служить воеводою, встаетъ и объявляетъ: «не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть, не хочу я у васъ воеводой жить; на пріѣздѣ гостя не употчивали, на поѣздинахъ не учествовали; эта ваша честь не въ честь», и, съ этими словами, избиваетъ всѣхъ вокругъ до послѣдняго; только царь за печку задвинулся, собольей шубкой закинулся. Илья исчезаетъ (т. е. умираетъ): «Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти, нынѣ и до вѣку». Чувствуется живо, какъ сходитъ онъ съ поприща внѣшнихъ дѣйствій и уходитъ внутрь народнаго сознанія, гдѣ теряется со своимъ именемъ, но продолжаетъ творить какъ сила внутренняя. И конечно въ самомъ Ильѣ, по преимуществу образѣ народа, народъ начерталъ свою собственную исторію, въ ту пору, когда уходилъ съ поля внѣшней дѣятельности во внутреннюю область глубокаго сознанія». (Замѣтка Общества Любителей Русской Словесности. Сборн. Кирѣевскаго. Вып. 1, стр. XXIV—XXVII).

Добрыня Никитичъ.

I.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимоѳеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичь младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитѣ (— ичу) въ наукъ пошла
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ
Со своею дружиною хораброю,
Во тѣ жары Петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
Купатися на Сафатъ-рѣку».
Она, вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
— Гой еси ты, чадо милое,
— А молодой Добрыня Никитичь младъ!
— Пойдешь ты, Добрыня, на Израй рѣку,
— На Израѣ рѣкѣ станешь купатися, —
— Израй рѣка быстрая,
— А быстрая она сердитая:
— Не плавай, Добрыня, за перву струю,
— Не плавай ты, Никитичь, за другу струю. —
Добрыня-то матушки не слушался.
Надѣлъ на себя шляпу земли Греческой,
Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинушкѣ хорабрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!

Не мнѣ вода грѣть, не тѣшити ее».
(Не мнѣ первому итти въ воду).
А всѣ молодцы разболокалися (раздѣвались);
И тутъ Добрыня Никитичь младъ, —
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ, —
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ
Перекрестясь Добрынюшка въ Израй рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за перву струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;
Ни отколь взялся тутъ лютой звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ-то говоритъ Горынчище,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
— А стары люди пророчили,
— Что быть змѣю убитому
— Отъ молода Добрынюшки Никитича:
— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ! —
Молился Добрыня Никитичь младъ:
«А и гой еси, змѣище, Горынчище!
Не честь, хвала молодецкая,
На нагое тѣло напущаешься!»
И тутъ змѣй Горынчище
Мимо его пролетѣлъ.
А стали его ноги рѣзвыя,
А молода Добрынюшки Никитьевича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ доброй молодецъ,
А молодой Добрынюшка Никитичь младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли Греческой
Съ тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчищу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчище
Во ту во матушку во Израй рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,

Во то время и во тотъ же часъ
Сваталъ (схваталъ) Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую:
«Сушися ты, змѣй Горынчище,
На той-то осинѣ на согнутыя!»
А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище;
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ много злата-серебра,
Нашелъ въ палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну, —
Выводитъ изъ пещеры бѣлокаменны.
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимыя своей:
А матушки дома не годилося,
Сидитъ у князя Владиміра;
Пришелъ, де, онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явитися.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклонятся;
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя, —
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выспрашивати:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь дядюшка,

Князь Владиміръ, солнце Кіевско!
А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
У лютаго змѣища Горынчища,
А всю породу змѣиную его я убилъ
И дѣтей всѣхъ погубилъ,
Родимую тетушку повыручилъ».
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтелъ, радошенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя — Марьи Дивовны.

II.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичь приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ;
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушкамъ [1]) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,
И во тотъ переулокъ Маринипъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!

---

[1]) Самый верхній покой для спанья.

Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука [1]),
Завыла да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Лѣвая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя [2]),
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяныя восплеснулися.
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкій дворъ:
— А кто это невѣжа во окошко стрѣляетъ?
— Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
— Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Разшибъ зеркало стекольчатое? —
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,
Брала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Съ тѣми слѣды горячими;
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
— Сколь жарко дрова разгораются
— Съ тѣми слѣды молодецкими,
— Разгоралось бы сердце молодецкое
— Какъ у молодца Добрынюшки Никитьевича! —
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера Добрыня хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не спится,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его-то щаски(?) великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:

[1]) Спѣла тетива — спущена стрѣла съ лука.
[2]) Причалина — навѣска у окна, петля, а также крючья и задвижки.

Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ, —
А у молодой Марины вечерника была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она молода Марина отказываетъ и прибраниваетъ.
Втапоры Добрыня ни во что положилъ
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ:
А стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять;
Завидѣлъ Добрыня онъ змѣя Горынчата;
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося, —
Сбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна:
А молодой Добрыня Никитичь младъ
Ухватилъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ (неучтиво) изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты;
Бросилась Марина Игнатьевна
Брбанить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты дѣтина, засельщина!
Вчерась ты, Добрыня, во дворъ заходилъ,
Проломилъ мою оконницу стекольчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое».
А бросится змѣища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ,
А и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его,
Больно пѣняти: — Не хочу я звати Добрынею,
— Не хочу величать Никитичемъ,
— Называю тс дѣтиною деревенщиною и засельщиною:
— Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
— Проломилъ ты оконицу стекольчатую,

— Разшибъ зеркало стекольчатое? —
Ему туто-тко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося,
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
«А и хощешь ли тебя, змѣя, изрублю я
Въ мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чисту полю»?
А и тутъ змѣй Горыничь хвостъ поджавъ
Да и вонъ побѣжалъ.
Бѣгучи онъ, змѣй, заклинается:
— Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
— Есть у нея не одинъ я другъ,
— Есть лучше меня и повѣжливѣе. —
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
А сама она змѣя уговариваетъ:
«Воротись, милъ надежа, воротись, другъ!
Хошь, — я Добрыню оберну клячею водовозною:
Станетъ, де, Добрыня на меня и на тебя возить?
А еще, хошь, — я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ»?
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его даже во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ-золотые рога.
  Безвѣстно не стало богатыря молода
Добрыни Никитича
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
А много, де, прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По нашему-то Сибирскому словетъ полгода.
У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова Аѳимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами (молодцами) княженецкими,

Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
— Гой еси вы, княгини, боярыни!
— Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
— А и я, де, обернула девять молодцовъ,
— Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я, де, отпустила десятаго молодца,
— Добрыню Никитьевича,
— Онъ всѣмъ атаманъ-золотые рога.—
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аоимья Александровна;
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимаго крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича:
Извела его Марина Игнатьевна,
А и нынѣ на пиру похваляется».
Проговоритъ Анна Ивановна:
— Я, де, сама эти рѣчи слышала,
— А слышала рѣчи ея похваленыя.—
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее....
Сама она, Марину, больно бранитъ.
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое (пугливое):
Обернулась Марина косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходятъ девять туровъ,
Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,

— Тебѣ чистое поле наскучило
— И зыбучія болоты напрокучили:
— А и хошь ли, Добрыня, женится?
— Возьмешь ли, Никитичь, меня за себя? —
«А право возьму, ей Богу возьму!
А и дамъ тѣ. Марина, поученьице,
Какъ мужья женъ своихъ учатъ».
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
А идетъ за нимъ Марина...
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичь младъ:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися;
А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье — ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна, —
Трепала она, рука, змѣя Горынчища».
А второе ученье — ноги отсѣкъ.
А третье ученье — губы ей отрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти, де, губы не надобны мнѣ, —
Цѣловали они змѣя Горынчища».
Четвертое ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ не надобенъ, —
Зналъ онъ дѣла еретическія».

Примѣч. — Былина про «Добрыню Никитича» замѣчательна по своему *двоевѣрію*. Въ ней съ одной стороны выступаютъ истинныя религіозныя убѣжденія, а съ другой — самыя сильныя языческія вѣрованія. Добрыня глубокій

приверженецъ христіанства; онъ свято чтитъ его уставы и обряды. Перекрестясь, онъ идетъ въ Израй рѣку купаться, напутствуемый материнскимъ благословеніемъ; вошедши къ великому князю Владиміру, Добрыня первымъ долгомъ считаетъ Спасову образу помолиться; чуть свѣтъ отправляется къ заутренѣ: такъ онъ усерденъ къ Церкви Божіей. Добрыня женится. Вводитъ свою жену, Марину, въ ея теремъ и, первое, что поражаетъ богатыря тамъ, — это отсутствіе иконы Спасителя. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ передается, что Добрыня вѣнчался съ Мариною и по христіанскому закону. Короче — былина характеризуетъ намъ Добрыню, какъ приверженца новой христіанской вѣры. Эта же былина представляетъ богатыря среди глубокаго языческаго мрака. Онъ идетъ купаться: встрѣчается со змѣемъ. Онъ идетъ къ Маринѣ: встрѣчается со змѣемъ. Подъ змѣемъ, очевидно, понимается язычество (См. Лѣтопись Лавр. стр. 60). Наконецъ самъ онъ дѣлается жертвою волшебства Марины: превращается въ тура. Сдѣлавшись опять богатыремъ, Добрыня по язычески вѣнчается съ Мариною «кругъ ракитова куста». Едва ли можно найти другое, болѣе убѣдительное, доказательство на то, что въ первое время на Руси идеи христіанскія и идеи языческія шли рука объ руку; онѣ враждовали между собою, поборали другъ друга и сильно давали чувствовать народу свое вліяніе. Былина про Добрыню тогда получитъ надлежащій свой свѣтъ, когда мы ее прочтемъ на ряду съ лѣтописью Нестора отъ стр. 67 и 71 до 73, 75, 82 и пр. — Лѣтописецъ на указанныхъ страницахъ является такимъ же Добрынею, — если позволятъ такъ выразиться, — какъ и настоящій Добрыня. Онъ говоритъ о разнаго рода волшебствахъ и чарахъ. Борется съ ними словомъ, силою убѣжденія своего: Добрыня физическою силою побѣдилъ змѣя. Несторъ призываетъ на помощь Священное Писаніе, прибѣгаетъ ко всеобщей исторіи, дабы дойти до надлежащей истины: но всѣ его доводы остаются тщетны передъ жизнію. Народъ все таки вѣритъ волхвамъ, идетъ за ними весь, весь до послѣдняго. Прочтемъ нѣсколько строкъ изъ Нестора «Въ си времєна (1071 г.) приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрнии же насмѣхаются, глаголюще ему: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ». — Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, какъ въ Ростовской области учинился мятежъ, по причинѣ голода. Мятежъ произведенъ былъ волхвами. Они увѣряли народъ, что женщины держатъ у себя жито, медъ, рыбу. Народъ взволновался и убилъ многихъ женщинъ... Самое же классическое мѣсто о вліяніи волхвовъ на юное Русское общество XI вѣка находится на стр. 77. Дѣло было въ Новгородѣ. Явился волхвъ и сталъ увѣрять, что онъ пройдетъ при всѣхъ по рѣкѣ Волхону. «И бысть мятежь въ градѣ, и *вси яша ему вѣру*, и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: «иже хощетъ вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, *а людье вси* идоша за волхва: и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же въземъ топоръ, приде къ волхву и рече ему: «то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера»? Онъ же рече: «все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «то вѣси ли, что хощеть быти днесь?» «Чудеса велика, створю», рече. Глѣбъ же вынемъ топоръ, ростя и, паде мертвъ, и людье разидошася; онъ же (волхвъ) погибе тѣломъ и душею, предавъся дьяволу» (Лавр. лѣт. стр. 77 — 78). При чтеніи подобныхъ мѣстъ у лѣтописца, былина о Добрынѣ получаетъ особенную важность.

Калинъ Царь.

Да изъ Орды, Золотой земли,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу Татарскаго,
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ сажень,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Которой котелъ сорока ведръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольной Кіевъ градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ;
Середи двора княженецкаго
Соскакивалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Бѣжитъ онъ во гридню, во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,

Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглой столъ
Предъ Великаго князя Владиміра.
Отошедъ Татаринъ слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
А на скорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія,
И безъ того кровопролитья напраснаго».
Владиміръ князь запечалился,
А на скорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ онъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей во Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы написано
Ни много ни мало — на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тмы [1]), по три тысячи,
По праву руку его зять сидитъ;
А по лѣвую руку сынъ сидитъ. —
И то у нихъ дѣло не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Въ ту пору Василій пьяница
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатой,
Калену стрѣлу перену,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь —
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ во Калина царя,
Не попалъ во собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его —
Угодила стрѣла ему въ правой глазъ;
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрѣзили,
Убили зятя любимаго

[1]) *Тма* — десять тысячъ.

Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Къ тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ виноватаго.
А мало время замѣшкавши
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясной соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,
Бѣжитъ старой казакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольной Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Соскочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны;
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаной?»
Владиміръ князь стольной Кіевской
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ;
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
«Гой еси, Илья Муромецъ!
Пособи мнѣ думушу подумати,
Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ градъ,
Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
Безъ того кровопролитья напраснаго»?
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольной Кіевской!
Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся:
Боже Спасъ оборонитъ насъ,
А не что, Пречистый и всѣхъ сохранитъ.
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую краспа золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
Поѣдемъ со мной ко Калину царю,
Со своими честными подарками,
Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ».
Наряжался князь тутъ поваромъ;
Замарался сажею котельною;

Поѣхали они къ Калину царю.
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья къ Калину царю
Въ его лагери Татарскіе:
Соскочилъ Илья со добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
Прими наши дороги подарочки
Отъ великаго князя Владиміра;
Перву мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатнаго жемчуга;
А дай ты намъ сроку на три дня,
Въ Кіевѣ намъ преуправиться,
Отслужить обѣдни съ панихидами
Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ съ дружкой проститися».
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромецъ!
Выдайте вы намъ виноватаго,
Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
Убилъ моего зятя любимаго».
Говорилъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
Прими наши подарочки
Отъ великаго князя Владиміра.
Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дни и на три часа,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?
И тутъ Калину за бѣду стало,
Велѣлъ Татарамъ схватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.
Въ ту пору Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ онъ таково слово:
«Собака, проклятой ты Калинъ царь!

Отойди прочь съ Татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть»?
И тутъ Калину за бѣду стало —
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
«А Русской людъ всегда хвастливъ,
Опутанъ весь, будто лысой бѣсъ,
Еще ли стоитъ передо мной, самъ хвастаетъ».
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его ли до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ — съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется».
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Остальные Татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ».
Согнетъ его корчагою,
Поднималъ выше головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Разшибъ его въ крошечки.
Остальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!

Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ»?
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева;
И скоро нашелъ его на кружалѣ [1]) Петровскомъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Василіемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названнымъ.
То старина, то и дѣянье.

Примѣч. — Калинъ Царь имѣетъ весь видъ Татарскаго Хана; его нашествіе дышетъ въ пѣснѣ ужасомъ нашествія Татарскаго, — анахронизмъ очевиденъ: явленіе позднѣйшее перенесено въ древнѣйшую эпоху. — Въ этой былинѣ является правъ и обычай Ильи Муромца. — Какъ онъ спокоенъ, какъ медлитъ онъ итти на бой, какъ онъ долготерпѣливъ, и только въ крайнемъ случаѣ, когда истощилось его терпѣнію и вооружается онъ всею своею силою, — какъ онъ могучъ и великъ.

Дунай Ивановичъ.

Ай былъ жилъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому-ли королю да Ляховинскому.
Три годы у короля Дунай конюхалъ,
Да три годы у короля онъ стольничалъ,
Ище три годы у короля онъ клюшничалъ.
Какъ король-отъ мóлодця да любилъ-жаловалъ,
Да и короліха мóлодця вить также,
А Настасья королевисьня молодця у души держитъ.
У короля въ тую пору завелся почестенъ пиръ;
Не стришшаетъ [2]) Настасья вить на пиръ мóлодця:
«Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ,
А на томъ-то пиру да напиваются,
Да на томъ-тамъ [3]) пиру все наѣдаются,

---

[1]) *Кружало* — питейный домъ.

[2]) *Стришшаётъ—спускаетъ. Спускать* знач. дозволять идти куда-либо изъ дому.

[3]) *На томъ-тамъ*, на томъ-то. Частица *тамъ* прибавляется только къ одному мѣстоименію *тотъ*, въ творит. падежѣ ед. числа поставленному: напр. «*на томъ-тамъ*» свѣтѣ безбожники будутъ мучиться.

Да похвасташь какъ мной ты, красной дѣвицей,
Дакъ потеряешь ты, Дунай, да свою голову».
Дунай-отъ Настасьи вить да не слушаетъ.
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру тутъ напивалися,
Вить и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
Да и всѣ на пиру да прирасхвастались.
А Дунай-отъ говорилъ да таковы слова:
«Гулялъ я молодець да изъ земли въ землю,
Загулялъ я молодець да къ королю въ Литву,
Король меня, молодця, да любилъ-жаловалъ,
Да и королиха вить молодця также,
А Настасья королевисьня у души держитъ».
А то вить какъ королю да не показалося.
Скрычалъ король да гласомъ громкіемъ:
«Ой же вы, палачи еси немилосливы,
Да возмите-тко Дуная за бѣлы руки,
Ише за тѣ перстни возмите за злаченые,
Да ведите-тко Дуная во чисто́ поле,
Отсѣките-тко Дунаю да буйну голову»!
Повели Дуная мимо домъ да Настасьюшкинъ;
А не дойдучись[1]) дому да Настасьиного,
Скрычалъ Дунай въ полгласа человѣческа:
«Спишь ты, Настасья, не пробудишься.
Вить ведутъ-то Дуная во чисто поле».
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
Да скрычалъ Дунай да во всю голову:
«Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься!
Вить ведутъ Дуная да во чисто поле»!
А скрычалъ Дунай то гласомъ громкіемъ;
Отъ того палата да и зашаталася,
И королевисьня Настасья пробужалася.
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
И крычала же она да гласомъ зычныемъ:
«Ой же вы еси, палачи немилосливые!
Возмите-тко казны да колько надобно,

---

[1]) *Не дойдучись*, не дошедши; *учись* и *ючись* суть особыя окончанія дѣепричастій настоящаго времени, наиболѣе употребительныя въ пѣсняхъ.

......Моя-то матушка
Не тужила, не плакала,
На чужихъ дѣтей *глядючись*,
Обо мнѣ вспоминаючись. *(Изъ свадебн. пѣсн.)*.

А спустите-тко Дуная во чисто поле!
Да подите-тко ише да па царевъ кабакъ,
И напойте, палачи, да пьяницю кабацкого,
Да отсѣките-тко ему да буйну голову,
Тую голову снесите королю Ляховинскому».
И послушались Настасью палачи немилосливы,
Да и брали они казны, да колько падобно,
И спустили вить Дуная во чисто поле,
И пошли ише да на царевъ кабакъ,
Напоили оны тамъ да пьяницю кабацкого,
Да отсѣкли оны ему да буйну голову,
И снесли ту голову да къ самому царю.
И пошелъ втогда Дунай да во чисто́ поле,
Да зашелъ ише Дунай какъ вить во Кіевъ градъ.
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
Про́пилъ тутъ Дунай да шляпу Гречеську,
Ише пропилъ онъ съ себя сапожки сафьяные,
Да съ собя онъ пропилъ и все платье цвѣтное.
Сидитъ теперь Дунай да вить въ рогозочки (рогожѣ).
Втогда зачался у Владиміра почестенъ пиръ,
Ише всѣ вить на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владиміръ таково слово:
«Всѣ у насъ во Кіеви пожепены,
Да и всѣ у насъ во Кіеви подаваны,
Только язъ, Владиміръ, одинъ холостъ хожу!
Хто бы мнѣ зналь жену да супротивную,
Да и станомъ мнѣ ровну, да и умомъ сверстну,
Што бы очи у ей были, какъ у ясна сокола,
Да и брови были, какъ у черна соболя,
Што у чернаго ли-то соболя Сибирского»?
А въ тую-то было пору, во то время:
Большой-отъ хоронится за среднего,
А середней-отъ хоронится за меньшого,
А отъ меньшаго — Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ во другой наконъ,
Говорилъ же вить Владиміръ и въ третѣй наконъ.
А и было въ тую пору, да во то время,
Выходилъ тутъ дороднѣ доброй молодець
Изъ-за того онъ стола да бѣлодубова,
Изъ-за тоя онъ скатерки-то берча́тыя [1]),

[1]) *Берча́тый*, отличающійся тонкою, нѣжною тканью.

Ише на́-имя Малюта Воскурлатовъ сынъ.
Самъ онъ говорилъ да таково слово:
«Ой же ты, осударь нашъ, Владиміръ князь,
Прикажи-тко-се мнѣ да слово молвити!
Безъ той ли безъ высылки безъ дальныя,
Безъ той ли безъ ка́зани бе́зъ смертныя»!
—И говори же ты, Малюта, тобя Богъ проститъ.—
«Есть на царевомъ большомъ ка́баки:
Сидитъ вить тамъ Дунай да въ рогозочки,
Къ тобѣ не въ чемъ притти ему да на почестенъ пиръ;
И знатъ онъ тобѣ жену да супротивницю,
И craномъ тобѣ ровну, да и умомъ сверстну,
Вить и очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
Да и брови-то у ей, какъ у черна соболя,
Што у черного ли-то соболя Сибирского».
Говорилъ тутъ Владиміръ таковы слова:
«Бери-тко ты, Малюта, золоты ключи,
Отмыкай-ко-се, Малюта, кованы сундуки,
Да бери-тко ты казны, колько надобно,
И поди же ты, Малюта, на царевъ кабакъ,
Выкупай-ко-се ты платье Дунаево,
Да веди-тко ты Дуная на почестенъ пиръ».
Бралъ Малюта да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ да кованы сундуки,
И онъ бралъ казны, да колько надобно.
Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ:
«Ой же вы, чумаки, цѣловальники!
Берите-тко вы денегъ, да колько надобно,
А отдавайте-тко вы пла̀тье Дунаево»!
Обирали оны деньги, колько надобно,
Отдавали оны платье Дунаево.
«Ты пожалуй-ко, Дунай, къ князю Владиміру,
Званъ ты имъ да вить на почестенъ пиръ».
Отвѣтъ держалъ Дунай, да таковы слова:
«Со похмѣлья у меня, видно, съ голоду
Розломило у меня да буйну голову».
Наливали ему чару зелена̀ вина,
(Ише тая-та чара вить въ полтора ведра);
Принималъ се Дунай да единой рукой,
Да выпивалъ Дунай да на единой духъ.
Тутъ молодцы заотправлялися,
Ише шли они по городу по Кіеву,
Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:

«Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися»?
Приходилъ Дунай къ Владиміру на почестенъ пиръ;
Началъ тутъ Владиміръ у Дуная спрашивати,
А Дунай-то сталъ ему отвѣтъ держать:
«Гулялъ я мо̀лодець, да изъ земли въ землю,
Загулялъ я, мо̀лодець, да къ королю въ Литву,
Былъ въ услуженьи у короля я девять лѣтъ,
Вить какъ есть у короля двѣ дочери:
Бо̀льшая дочка Настасья королевисьня,
Да все ѣздитъ во чисто̀ поле поляковать;
А вторая-то есть дочка да Опраксія,
Сидитъ она за тридевятью замка̀ми,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,
Штобы и вѣтеръ не за̀вѣлъ[1]), да и солнце не за̀пекло,
Да и добры мо̀лодци штобы не за̀видѣли,
И станомъ тобѣ ровна и умомъ сверстна̀,
И очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
А и брови-то у ей, какъ у черна соболя,
Што у черного ли-то соболя Сибирского».
— «Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Бери-тко ты, Дунай, да што тѣ надобно!
Городы тѣ нать-ли съ пригородками,
Ише села ли тѣ нать да со приселками,
Али мнова[2]) тобѣ надоть золота̀ казна,
Али сила тобѣ надоть несчетная;
Доставай-ко-се ты, Дунай, да Опраксію»!
Отвѣтъ держалъ Дунай, да таковы слова:
«Мнѣ не надоть твои городы да съ пригородками,
И не надоть мнѣ-ка села со приселками,
До не надоть и твоя мнѣ золота̀ казна,
Да не нать мнѣ-ка и сила да несчетная;
Только дай ты мнѣ Добрынюшку Никитича,
Да и дай-ко ты ише мнѣ Алешу Поповича».
И спустилъ съ Дунаемъ-то Владиміръ князь
Добрынюшку Никитича да со Алешею.
И поѣхалъ вить да сватати̇ся.
Только видѣли молодцевъ сѣдучись,
Да не видѣли вить ихъ да поѣдучись;
Только ходитъ пыль, да курева̀ столбомъ стоитъ[3]).

---

[1]) *Штобы и вѣтеръ не за̀вѣлъ*, чтобы лице не завѣтренѣло, не лишилось свѣжести.
[2]) *Мнова*, вм. многая, большая, великая.
[3]) *Курева̀*, пыль, поднимающаяся изъ-подъ копытъ лошадиныхъ, и клубящаяся въ видѣ дыма.

Пріѣзжали молодци къ королю да къ Ляховинскому,
И король-отъ молодци да стрѣчаетъ тутъ:
«Да ты здраствуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Ты служить ко мнѣ пріѣхалъ да по прежному,
Да служить ли ты пріѣхалъ мнѣ по старому»?
Отвѣчалъ ему Дунай да таковы слова:
«Не служить я къ тѣ пріѣхалъ да по прежному,
Не пріѣхалъ я служить тобѣ по старому;
Вишь я ѣжу за добрымъ дѣломъ — за сватовськомъ:
Да отдай-ко ты Опраксію да королевисьню
Да за нашего ли князя за Владиміра».
А и то вить королю не показалося,
Хочетъ король Дуная притѣснити тутъ.
А Дунай-отъ сдергивалъ скамейку дубовую,
Да завелъ вить онъ скамьею-то помахивать.
Втогда король одва и живъ лежитъ,
Вышелъ онъ потомъ да на крыльцо злаченое,
А Опраксію втогда вить на коня садятъ.
Говорилъ туто король да таковы слова:
«Ой же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Коли ты берешь у меня Опраксію,
Дакъ возми-тко ты съ ей и придано все»!
Обирали молодци все придапое,
И поѣхали молодци во чисто поле.
Ѣдутъ какъ оны по чисту полю —
Перепала [1]) ископыть [2]) лошадиная,
А на ископыти подпись нохвальная:
Хто во этую поѣдетъ дороженьку,
Дакъ тому-то и вить живу не быть.
Разгорѣлося тутъ у Дуная ретиво сарцо,
Помутилися его ясны очи:
«А возми-тко ты, Добрыня, Опраксію,
Да вези-тко ты ее да во Кіевъ градъ,
А самъ-отъ я поѣду во чисто поле».
Во чистомъ поли Дунай-отъ усматриваетъ,
Што богатырь какъ сѣнна куча шатается.
Съѣхались скоро молодци, ударились, —
Палици у ихъ поломалися;
Во второй разъ съѣхались, ударились, —
Сабли у ихъ пощербалися [3]);

[1]) *Перепала*, оторвалась, отпала.
[2]) *Ископыть*, подкова.
[3]) *Пощербалися*, зазубрились.

Сходили потомъ молодци рукопашкою:
Первой день водилися[1]) оны до вечера,
Да темну ноченьку водились до бѣла̀ свѣта̀.
И второй-отъ день водилися до вечера.
И упалъ дороднѣ доброй молодець,
Со добра коня упалъ на мать сыру землю,
А Дунай-отъ да садился на черны груди,
И говорилъ тутъ Дунай да таковы слова:
«Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,
Ты которой земли, да ты коей орды?
Ише какъ тобя да имепемъ зовутъ»?
Вынималъ Дунай да свой булатенъ ножь,
И индитъ молоде́ць, што хлопота̀ пришла:
«Да ты здраствуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
А помни-тко, какъ жилъ ты у нашего у батюшка,
Да у короля-та жилъ ты Ляховинскаго?
Я вить есть Настасья королевисьня»!
Ставалъ втогды Дунай да на рѣзвы ноги,
Подымалъ Дунай Настасью на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ Настасью онъ въ уста саха́рьныя;
Съ того со времени во Кіевъ градъ отправились.
Пріѣжжаютъ оны ко городу ко Кіеву, —
Опраксію королевисьню отвѣнчали ужъ,
А Настасью королевисьню ко вѣнцю ведутъ.
У Владиміра втогда зачался почестенъ пиръ.
Дакъ и всѣ на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да прирасхвастались.
А Настасья королевисьня похвастала:
«Вить не долго я во Кіеви пожила,
А все я во Кіеви повызнала:
Вить Алеша Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кіеви,
А Добрынюша вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кіеви!
А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
Дакъ метнѣ[2]) меня нѣтъ во всемъ Кіеви»!
То как да Дунаю и не показалося.
Положили оны великъ залогъ:
Отойти за̀ версту за мѣрную,
Положить злаченъ перстень на буйну главу,
Да на буйну главу положить да на Дунаеву.

---

[1]) *Водилися*, возились, — сражались, бились. — Собственно *водиться* значитъ: 1) нянчиться, 2) умирающаго возвращать къ жизни, или приводить въ чувство и сознаніе людей, лишенныхъ чувствъ.

[2]) *Метнѣ* — метнѣе. *Метной*, мѣткій, быстро и ловко попадающій въ цѣль.

Отходила Настасья за̀ версту за мѣрную;
Заводила она стрѣлить въ злаченъ перстѐнь,
Што на буйной головы да на Дунаевой.
Дакъ рошшибла она перстень на́-двое,
И никотора половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевисьня;
Положили ей злаченъ перстѐнь на буйну главу;
А Дунай-то отходилъ за́ версту мѣрную,
Въ первой разъ онъ стрѣлилъ, — не дострѣлилъ,
А въ другой разъ стрѣлилъ, да перѐстрѣлилъ.
И видитъ Настасья, што хлопота [1]) пришла,
Говорила Настасья да таковы слова:
«Не жаль мнѣ-ка свѣту бѣлого,
А жалко мнѣ младеня во череви;
По локоту у младеня руки въ се́ребри,
По колѣнъ у младеня ноги въ золоти».
Стрѣлилъ Дунай да и въ третѐй наконъ:
Попало Настасьв и въ ретиво сарцо,
И убилъ Дунай молоду жену;
Приходилъ къ ей Дунай шагомъ варовыемъ [2]),
И видитъ — Настасья мертва лежитъ...
Становилъ Дунай да въ мать сыру землю
Свой булатенъ ножь да тупымъ концомъ,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
«А гдѣ тѣло лежитъ Настасьино,
Да останься тутъ тѣло и Дунаево!»
И падалъ онъ на ножь да ретивымъ сарцомъ.
Со того ли времени, отъ крови горячія
Протекала матушка Дунай рѣка,
Отнынѣ Дунай да и да́ вѣку.

Примѣч. — Слова *Буслаева:* «Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у Славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту Славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, Славянскія племена, разнося съ собою общія начала Индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ не-

[1]) *Хлопота*, неминуемое несчастіе, гибель.
[2]) *Варо́вый*, быстрый, проворный.

проходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

«Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ Славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ. Сначала Славяне сѣли по Дунаю; оттуда пошли въ разныя стороны. Которые сѣли на Моравѣ, назвались Моравами; Ляхи сѣли на Вислѣ; Поляне по Днѣпру и проч.

«Разселяясь и садясь по рѣкамъ, Славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: *Сава*, *Драва*, *Одра*, или *Одеръ*, *Ра*, *Упа*, *Донъ*, *Дунай*, древнѣйшаго Индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ Санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ Индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранявшихся въ Санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей Арійской родины въ Европу, вынесли съ собою общее Индо-европейское имя рѣки вообще *дуни* [1]), и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у Славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай*, имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напримѣръ, поется въ одной Польской пѣснѣ: *за рѣками... за Дунаями* [2]).

«Согласно древнѣйшему быту Славянскихъ племенъ, Русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. По мѣрѣ того какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ въ памяти и воображеніи Славянскихъ племенъ, болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣкообразнаго существа, съ отличительными признаками извѣстнаго героя или героини. Чтобы выдѣлить изъ общей массы безразличныхъ представленій опредѣленныя и точныя очертанія извѣстной рѣки, надобно было сблизить ее съ интересами личными, сблизить съ человѣческою личностію, и это сближеніе, условливаемое уже самымъ разселеніемъ Славянскихъ племенъ, выразилось миѳами о происхожденіи Дуная, Дона и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ отъ человѣкообразныхъ существъ, въ которыхъ первоначально искало себѣ предмета для чествованія вѣрованіе въ стихійныя божества, и которыя потомъ перешли въ обыкновенныхъ героевъ народнаго эпоса. Сверхъ того, миѳъ о происхожденіи и зависимости рѣкъ отъ морскаго царя, или водяника, постоянно придавалъ этому олицетворенію оттѣнокъ миѳическаго характера.

«Итакъ, по Русскому эпосу [3]), рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ *богатыря Дона* и его вѣщей супруги *Нѣпры Королевичны*, то есть, *Днѣпры*

---

[1]) Въ формѣ *дуни*, *д* придыхательное, и притомъ *у* употребляется и долгое и краткое. Долгое сохранилось въ словѣ *Дунай;* краткое *у* перешло въ *о*, въ словѣ *Донъ*.

[2]) Значеніе и образованіе прочихъ, выше увомянутыхъ рѣкъ, смотр. Pictet: *Les origines Indo-Européennes*. 1859 г. Ч. I, стр. 135 и слѣд. Названіе *ра* я произвожу отъ корня *р* или *ар*, откуда Санскр. *Арна* — рѣка, вода, Нѣм. *rinnen* и. т. д.

[3]) Рыбник. стр. 194 — 7.

(вмѣсто муж. р. *Днѣпръ*), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная валькирія, и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ Сербскія вилы. Дону досадно стало, что жена его похваляется, будто искуснѣе его стрѣляетъ. Рѣшено было между ними состязаться въ стрѣльбѣ на пиру у князя Владиміра. Нѣпра удивила всѣхъ своею мастерскою стрѣльбою. Тогда Донъ съ досады стрѣлилъ въ свою жену, и убилъ ее. Распластавъ убитую Нѣпру, онъ нашелъ въ ея утробѣ чудеснаго сына, но своей необычайности достойнаго своихъ полумиѳическихъ родителей. У него:

По колѣнъ-то ноженьки въ серебрѣ,
По локоть-то рученьки въ золотѣ,
А по косицамъ будто звѣздушки,
А назади будто свѣтелъ мѣсяцъ,
А спереди будто солнышко.

«Въ отчаяніи, что такое чудесное существо, не будучи выношено въ утробѣ матери, должно было погибнуть, Донъ убилъ и себя.

Тутъ-то отъ нихъ протекла Донъ рѣка,
Отъ тыя отъ крови христіанскія,
Отъ христіанскія крови отъ напрасныя.

«Эта былина должна быть дополнена тою существенною своею частію, въ которой надобно бы упомянуть, что рѣка Днѣпръ потекла отъ крови Днѣпры Королевичны.

«То же разсказывается и *о Дунаѣ*, только вмѣсто Днѣпры, онъ женатъ на воинственной Настасьѣ Королевичнѣ, на сестрѣ Апраксѣевны, супруги князя Владиміра.

Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка:
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Иначе поется:

Исподъ эвтого сподъ мѣстечка
Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
И на двѣ струечки оны расходилися,
И еще оны въ мѣсто сходилися [1]).

(Русскій богатырскій эпосъ. Р. Вѣст. 1862, № 3, стр. 31—34).

Въ былинѣ этой замѣчателенъ воинственный образъ Настасьи Королевишны. Героизмъ Славянокъ, ихъ мужество и храбрость — фактъ историческій. Византійскіе писатели разсказываютъ, что жены Славянскія бились вмѣстѣ съ мужьями своими на войнѣ. Чит. Исторію Карамзина. Т. I. Исторію Россіи Соловьева. Т. I. «О нравахъ Славянъ Русскихъ».

[1]) Рыбник. стр. 186—194.

Ставръ Годиновичъ.

У ласкова князя у Владиміра
Былъ хорошъ пиръ - пированьице
На всѣхъ на князей и на бояръ,
На Русскіихъ могучихъ на богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны - веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались,
А только сидвтъ одинъ Ставёръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣстъ, не пьетъ, и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводилъ медамы настоялыма,
Подносилъ ко Ставру́ сыну Годиновичу,
А самъ говорвлъ таковы слова:
«Что же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣшь не пьешь и не кушаешь,
Самъ ты сидишь, ни чимъ не хвастаешь?
Или не чимъ тебѣ, молодцу, похвастати»?
Говорилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
— Влади́міръ, князь стольно-Кіевскій!
— Ощѐ есть у Ставра чимъ похвастати:
— Мои добрые молодцы не старятся,
— Мои добрые конюшки не держатся,
— Моя золота казна не тощвтся;
— Да още есть у Ставра чимъ похвастати, —
— Есть у Ставра молода жена,
— Молода Васвлиста Микулична:
— Всѣхъ-то князей - бояръ пріо́бманетъ,
— Самого тебя Владиміра съ ума сведетъ.
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
«Ай же, мои слуги вѣрные!
Берите-тко Ставра сына Годиновича
За него за ручушки за бѣлыя,
За него за перстии за злаченые,
И ведите-ка на погреба холодные
За него за рѣчи неумильныя».
Взяли Ставра сына Годвновича
За него за ручушки бѣлыя,
За эти за перстни за злаченые,

И свели его на погреба холодные.
Провѣдала его молода жена,
Молода Василиста Микулична,
Что ей любимый мужъ Ставрё̈ъ сынъ Годиновичь
Въ полону сидитъ на погребѣ холодноемъ.
Въ тотъ часъ Василиста Микулична
Пошла по палаты бѣлокаменной,
По своей по комнаты по богатырскоей,
Воскричала-то она во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:
«Ай же вы, служанки мои вѣрныя!
Поспѣвайте-ка ко мнѣ скоро на-скоро,
Рубите-тко мои косы русыя,
Несите-ка мнѣ платьица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго».
Подбѣгали къ ней служаночки вѣрныя,
Скорешенько отрубили ёй ты косыньки русыя,
Одѣли ёй одежицы посыльныя
И засѣдлали ёй добра коня богатырскаго.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырскаго,
Поѣхала она посломъ въ стольно-Кіевъ градъ.
Пріѣхала ко князю Владиміру на широкъ дворъ,
Шла она во палату бѣлокаменну,
На пяту дверь поразмахиватъ.
Ступила своёй ножкой правою
Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гриднѣ постряхнулися,
Околенки хрустальны поразсыпались,
Полагала она грамоту посыльную на золотъ столъ,
Называлась посломъ со славной земли Гленскія.
Тутъ она у князя у Владиміра
Посваталась на прекрасной дочери любимоей.
Говоритъ дочи князя Владиміра:
«Батюшка Владиміръ стольно-Кіевскій!
Не выдай дѣвчины за женщину:
Походочка у посла-то частенькая,
На мѣсто сядетъ, ноги жметъ, вещины бережетъ,
А гдѣ на рукахъ были жуковины, тутъ и мѣсто знать» [1]).

---

[1]) Владиміръ хочетъ испытать: женщина ли *посолъ* или мужчина, и между прочимъ, предлагаетъ ему единоборство съ богатырями. Василиста поборола всѣхъ борцовъ-поединщиковъ.

Пришли они въ палату бѣлокаменну,
И проситъ она борца-поединщичка,
Побороться ей надо объ одной ручкѣ....
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Какъ отдать Ставра, не видать Ставра,
— А не отдать Ставра, разгнѣвить посла.—
Приводили Ставра на широкъ дворъ
Со славнымъ посланникомъ боротися.
Середи двора они становилися,
На борьбу-рукопашку сходилися.
Тотъ посолъ земли Гленскія
Поборолъ Ставра сына Годиновича.
Здынула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на рѣзвы ноги,
Брала его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
Цѣловала во уста во сахарнія,
Называла его любимою семеюшкой,
Семеюшкой, законною сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:
«Ай же, Ставръ сынъ Годиновичъ!
Не учись-ка впредь женою хвастати:
Самъ ты погибнешь и меня сгубишь»!
Тутъ они садились на добрыхъ коней,
Поѣхали во свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, да долго здравствовать.

Садко купецъ, богатый гость.

Во славноемъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садке купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ-игралъ Садке.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился:
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень

И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садке перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился.
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ-горючь камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Садке Новгородскій!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи за великія,
— За твою-то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложи свою буйну голову,
— И выряжай съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень озерѣ
— Есть рыба-золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
— И поди-свяжи шелковой неводъ,
— И пріѣзжай ловить въ Ильмень озеро:
— Дамъ три рыбины-золоты перья.
— Тогда ты, Садке, счастливъ будешь. —
Пошелъ Садке отъ Ильмень отъ озера,
Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ;
Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке Новгородскій
Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку подпашивать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ подхвастывать:
«Ай же вы, купцы Новгородскіе!
Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
А есть рыба-золоты перья въ Ильмень озерѣ».

Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба-золоты перья».
— «Ай же вы, купцы Новгородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».—
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро;
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку-золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро;
Добыли другую рыбку-золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку-золоты перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садке все по небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.
Потомъ Садке купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ Новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей Новгородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Иный [1]) хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,

---

[1]) Единый, одинъ.

Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели Новгородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ мы на почестномъ напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садке ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садке ничѣмъ не похваляется»?
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ выкупить Садку товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садке на другой день ранымъ ранó,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новгородскую.
Опять выкупалъ товары Новгородскіе,

Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садке ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ припавезено,
Втройнѣ товаровъ припаполнено;
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Още новыкуплю товары Московскіе,
Подосиѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій, —
Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ Новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.
  На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садке тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новгородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары Новогородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корбали нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!

Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые,
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Видно, царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ,
Таковому идти во сине море».
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садке дѣлалъ на красноемъ золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Дѣлайте жеребья на красноемъ на золотѣ,
А я сдѣлаю жеребей вольжаный».
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садке дѣлалъ жеребей вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,

Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно [1]).
Говоритъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садка богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый)».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги (гербовый).
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садке купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты,
Поиграть-то мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати.
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море»?
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черные вороны.

Остался Садке на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой,
Проснулся Садке во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

---

[1]) Этимъ не оканчивается испытаніе: Садко предлагаетъ дружинѣ сдѣлать жеребья дубовые, а самъ дѣлаетъ липовый; потомъ дружина дѣлаетъ жеребья липовые, а онъ дубовый.

Увидѣлъ Садке, — во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— Ай же ты, Садке купецъ, богатый гость!
— Вѣкъ ты, Садке, по морю ѣзживалъ,
— Мнѣ царю дани не плачивалъ,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты.—
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садке сутки, игралъ и другія,
Да игралъ еще Садке и третьіи,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому,
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
— Полно играть въ гуселышки яровчаты!—
Обернулся — глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ,
Приказано играть въ гуселки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажи: «у меня струночекъ не случилось,
— А шпенечковъ не пригодилося,
— Не во что больше играть:
— Приломалися гуселки яровчаты».
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— «Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ»?
— Говори ему таковы слова:
— «У меня воля не своя во синемъ морѣ».

— Опять скажетъ царь морской:
— «Ну, Садке, вставай по-утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу».
— Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица красавица,
— Красавица дѣвица Чернавушка, —
— Бери тую Черпаву за себя замужъ.
— Будешь, Садке, во Новѣ-градѣ.
— А на свою безсчетну золоту казну
— Построй церковь соборную Миколы Можайскому. —
Садке струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садке Новгородскій!
— Что же не играешь во гуселки яровчаты? —
«У меня струночки во гуселкахъ выдернулись,
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
— На душечкѣ па красныя дѣвушкѣ? —
Говоритъ ему Садке Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять говоритъ царь морской:
— Ну, Садке, вставай по-утру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу. —
Вставалъ Садке по-утру ранешенько,
Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И другую триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ;
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Черпаву за себя замужъ.
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
Какъ ложится спать Садке,
Какъ проснулся Садке во Новѣ-градѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ

Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря! —
А дружина поминаетъ одного Садке:
«Остался Садке во синемъ морѣ»!
А Садке стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синемъ морѣ,
Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
Встрѣчаетъ дружину со Волхова»!
Встрѣтилъ Садке дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садке выгружать со черленыихъ со кораблей,
Имѣньице-безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садке на сине море,
Сталъ поживать Садке во Новѣ-градѣ.

Примѣч. — Садко — одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ эпическихъ преданій Новогородскаго цикла. Въ лицѣ его изображено богатство древняго Новгорода и его источники. См. Сѣверно-Русскія Народоправства, *Н. И. Костомарова.* Спб. 1863, Т. II стр. 246—258.

Взятіе Казани.

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить;
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана,
Про Васильевича;
Какъ царь государь
Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подконъ подкопалъ —
Сорокъ бочекъ закопалъ;
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ;
А на бочки становили
Воску ярова свѣчи.
Злы Татарева по городу
Похаживаютъ,
Похваляются
Да выхваляются,
Что не быть дескать Казанюшкѣ
Подъ бѣлымъ — подъ царемъ.
А и нашъ царь государь
Распаляется,
Распаляется, погнѣвляется,

А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
А за первое, царь, слово
Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши-то свѣчи,
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи
Онѣ шибче горятъ.
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ й взорвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати,
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей.
Одному пушкарю
Полтораста рублей.

Лжедимитрій.

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался —
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго разстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли онъ, разстрига, на царство сѣлъ?
Называется разстрига прямымъ Царемъ,
Царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углецкимъ.
Не долго разстрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ разстрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ разстрига въ проклятой Литвѣ,
У Юрія пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Князи и бояра пошли къ заутрени,
А Гришка разстрига онъ въ баню съ женой;
На Гришкѣ рубашка кисейная,
На Маринкѣ соянъ хрущатой камки.
А часъ другой пронзойдучи,
Уже князи и бояра отъ заутрени,
А Гришка разстрига изъ бани съ женой.

Выходитъ разстрига на красной крылецъ,
Кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
Приспѣвайте кушанье,
А и постное и скоромное;
Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
Юрья панъ со панею».
А втопоры стрѣльцы догадалися,
За-то-то слово спохватилися,
Въ боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ.
«Царица ты, Маѳа Матвѣевна!
Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
Царевичь Димитрій Ивановичь»?
А втопоры Царица Маѳа Матвѣевна,
И таковы рѣчи въ слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, не догадливы,
Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
На царствѣ у васъ сидитъ
Разстрига Гришка Отрепьевъ сынъ;
Потерянъ мой сынъ Царевичь Дмитрій Ивановичь
На Угличѣ отъ тѣхъ бояръ Годуновыхъ; —
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У чудной Софіи премудрыя, —
У того ли-то Ивана Великаго
Завсегда звонятъ во царь-колоколъ,
Соборны попы собираются,
За всякіе праздники совершаютъ панихиды
За память Царевича Дмитрія Ивановича, —
А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда».
Тутъ стрѣльцы догадалися;
Всѣ они собиралися,
Ко красному царскому крылечку металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися,
Гришка разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И на крѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася
Изъ палатъ вонъ она вылетѣла,
А Гришка разстрига втопоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя

Ко тѣмъ стрѣльцамъ удалымъ молодцамъ,
И тутъ ему такова смерть случилась.

Пѣсня царевны Ксеніи Борисовны Годуновой.

Сплачетца мала птичка
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыи дѣти побити,
Меня пелепелку поимати».
Сплачетца на Москвѣ царевна:
«Охте мнѣ молоды горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гриша Отреньевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Чернеческій чинъ наложити.
Ино мнѣ постритчися не хочетъ,
Чернеческого чину не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцевъ посмотрити.
Ино, охъ милыи наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царского нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сидѣти,
Послѣ царского нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?»

Смерть Петра Алексѣевича.

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,—
Не во всю землю Святорусскую?
Что съ вечера — не до полночи,
Со полуночи — не до бѣла свѣта?
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Какъ у насъ было на Святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскрашенова,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись — слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, ровно громъ гремитъ:

Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ:
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!
Разнесите вы снѣги бѣлые!
Разступись ты, мать сыра земля!
Развались ты, бѣлъ горючь камень!
Расколись ты, гробова доска!
Развернись ты, золота парча!
Распахнись ты, бѣлъ тонкой саванъ!
Ужъ ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петръ Алексѣевичь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Посмотри на свою армеюшку.
Хорошо твоя армеюшка обряжена:
Всѣ полковнички — во своихъ полкахъ,
Подполковнички — на своихъ мѣстахъ,
Всѣ майоры — на добрыхъ коняхъ.
Капитаны — передъ ротами,
Офицеры — передъ взводами,
А прапорщики — подъ знаменами.
Дожидають они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго —
Капитана бомбандирскаго».

Французъ съ арміей валитъ.

Заводилася война
Среди бѣлаго дня.
А какъ началъ палить,
Только дымъ столбомъ валитъ.
Каково есть красно солнышко
Не видно во дыму!
Только видно во дыму —
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ.
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
Мимо казаковъ проскакивалъ,
Два словечка сказалъ:
«Казаки, вы казаки,
Военные мои,
Удалые молодцы!
Безъ размѣрушки пейте
Зеленаго вина,
Посмѣлѣе поступайте
Со Французомъ воевать!»
— Ужъ мы рады воевать,
Слезны капли проливать! —
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ,
Самъ подналиваетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ —
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всея матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду!»

Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ!»
На лужку было лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздилъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для чего не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца-пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ,
Ужъ мы бились, рубилися
Четырнадцать часовъ.
Стали силу разбивать
И полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Генераловъ до осьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горѣ,
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ [1]);
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
«Вы подайте-ка, ребятушки,
Чернильницу съ перомъ,
Листь бумаги съ гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому —
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы раздержалъ.»

[1]) *Руда — кровь.*

ЛЕГЕНДА.

Значеніе легенды. — Слова *А. Н. Аѳанасьева:* «На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *легендъ*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія должны были найти въ ней живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ Священному Писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ Библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся въ народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный: пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи до-исторической и которыя повидимому уже противуположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ. Такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угод-

никовъ аттрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейскій оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ «съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двоевѣрнымъ*». (Народныя Русскія Легенды, собранныя А. Н. Аѳанасьевымъ. Москва. 1859. Разборъ: Отеч. Зап. 1860, № 4).

О легендахъ мало написано. Впрочемъ можно указать на нѣкоторыя по этому предмету статьи и матеріалы. *Буслаева:* Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда. Историч. Очерки. 1 — 269-433 и д. — Легенда о кровосмѣсителѣ. *Н. И. Костомарова.* Соврем. 1859, № 3. — Нѣкоторыя легенды изданы въ Памятникахъ старинной Рус. литературы. Вып. 1. — Этнографич. Сборникъ. Вып. V, стр. 43 библіограф. указателя. —

Царевичъ Евстафій.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ младой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколоть кряжъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замо́къ. Сдѣлали слесаря три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебреномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ накладена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «Что это за насмѣшку ты дѣлаешь»? — «Государь батюшка! говоритъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ»? Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на де-

ревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите, что́ въ нихъ»! Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной — и здѣсь то же; открыли деревянной, а въ немъ ростутъ древа съ плодами и листвіемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградою. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

Ангелъ.

Одна женщина имѣла двое дѣтей-малютокъ. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ къ Богу. «Что — вынулъ душу»? спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! — «Что-жъ такъ»? Ангелъ сказалъ: «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ же они станутъ питаться»? Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда»! сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ»? спросилъ Господь. — Вижу двухъ червяковъ. — «Кто питаетъ этихъ червяковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ младенцевъ»! И отнялъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живетъ у него годъ и другой: разъ послалъ его попъ куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ нее каменья, а самъ наровитъ, какъ бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись всѣ ругать его; чуть-чуть не прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе: на церковь каменья швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ»!.... А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидалъ нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попъ его допрашивать: «зачѣмъ де ты на церковь каменья бросалъ, на кабакъ Богу молился»? Говоритъ ему батракъ: «не на церковь бросалъ я каменья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божьимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много

народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смертной погибели». — А за что облаялъ убогаго? — «Какой тó убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да сбираетъ милостину: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою».

Отжилъ батракъ свои три года. Попъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ попъ провожать его. Вотъ шли они, шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ попъ, кто служилъ у него три года.

Примѣч. — *Буслаевъ* доказываетъ, что наши народныя легенды, къ древнѣйшему, иногда миѳологическому элементу присовокупляютъ позднѣйшій, заимствованный изъ источниковъ письменныхъ, и особенно изъ Палеи, въ которой къ библейскимъ сказаніямъ прибавлено много вымышленнаго, потомъ изъ разныхъ апокрифическихъ книгъ, и наконецъ изъ Патериковъ и другихъ повѣствовательныхъ сборниковъ. О легендѣ «Ангелъ» почтенный профессоръ говоритъ: «Народный разсказъ объ *Ангелѣ* есть не что иное, какъ передѣлка слова, помѣщаемаго въ Прологахъ подъ 21 числомъ ноября, *о судьбахъ Божіихъ неиспытаемыхъ.* Въ этомъ словѣ повѣствуется, какъ ангелъ въ видѣ черноризца странствуетъ съ однимъ старцемъ по землѣ. Разъ ангелъ бросилъ въ воду серебряное блюдо, на которомъ угощалъ ихъ обоихъ хозяинъ. Потомъ у другаго хозяина онъ удушилъ сына — отрока; и въ третій разъ — разрушилъ домъ, въ которомъ оба они остановились на пути. Послѣ того, недоумѣніе старца мнимый черноризецъ разрѣшилъ слѣдующимъ образомъ: блюдо было пріобрѣтено неправдою; отрокъ выросши сдѣлался бы злодѣемъ, а въ стѣнахъ разрушеннаго дома былъ заложенъ кладъ, добывая который многіе погубили бы свою душу. Въ этомъ же родѣ непонятныя для хозяина дѣла дѣлаетъ и мнимый работникъ въ народномъ разсказѣ. Бросаетъ камнями въ храмъ, чтобъ отогнать витающихъ кругомъ бѣсовъ; молится проходя мимо кабака, чтобъ Богъ не допустилъ православныхъ до пьянства и смертной погибели, и поноситъ словами нищаго, который, имѣя много денегъ, проситъ Христа ради. Или же, вмѣсто храма, бросаетъ каменьями въ избу, отгоняя бѣсовъ въ то время, когда хозяева въ ней обѣдаютъ». (Историч. Очерки. I — 444).

Св. Меркурій.

Смоленская легенда о св. Меркуріи принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-Русской литературы. Какъ народныя пѣсни заставляютъ князя Владиміра воевать съ Татарами, такъ и эта легенда соединяетъ въ одно поэтическое цѣлое древнѣйшія преданія народнаго эпоса съ характеристикою нравственнаго и религіознаго движенія Русской жизни во времена Татарщины.

Въ городѣ Смоленскѣ жилъ нѣкто молодой человѣкъ, по имени

Меркурій; былъ онъ благочестивъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ поучался день и ночь, процвѣталъ преподобнымъ житіемъ, постомъ и молитвою, и сіялъ, какъ звѣзда богоявленная, посреди всего міра. Былъ умиленъ душею и слезенъ, часто приходилъ къ кресту Господню молиться за міръ, *зовомый Петровскаго Ста.* А въ то время злочестивый царь Батый плѣнилъ Русскую землю и мучилъ христіанъ, проливая безвинную кровь, какъ сильную воду. И пришелъ тотъ царь съ великою ратью на богоспасаемый градъ Смоленскъ, и сталъ отъ него за тридцать поприщъ; много святыхъ церквей пожегъ и христіанъ побилъ, и твердо вооружался на тотъ городъ. Люди же были въ великой скорби, неисходно пребывали въ соборной церкви Пречистой Богородицы, и умильно вопіяли съ великимъ плачемъ и со многими слезами ко Всемогущему Богу и ко Пречистой Его Богоматери и ко всѣмъ святымъ, о сохраненіи града того отъ всякаго зла.

И было нѣкое смотрѣніе Божіе къ гражданамъ. Недалеко отъ города за Днѣпръ-рѣкою въ Печерскомъ монастырѣ преславно явилась Пречистая Богородица пономарю и сказала: «о человѣче Божій! скоро пзыди ко оному кресту, гдѣ молится угодникъ мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь»! Пономарь отправился, нашелъ его молящимся у креста, и назвалъ по имени: «Меркурій»! — А тотъ отвѣтствовалъ: «что ти есть, господине мой»? — И сказалъ ему пономарь: «иди скоро, брате! тебя зоветъ Божія Матерь въ Печерскую обитель»! — И пошелъ богомудрый Меркурій во святую церковь, и увидѣлъ тамъ Пречистую Богородицу на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ, окруженную ангельскимъ воинствомъ. И палъ онъ къ ногамъ Ея съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ. Божія Матерь возставила его отъ земли и сказала ему: «Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя! иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицемъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ; тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви». Меркурій сильно востужилъ о томъ и восплакалъ, и говорилъ: «О Пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло? Развѣ не достало Тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго царя»? Потомъ взялъ онъ отъ Нея благословеніе, и весь вооруженъ былъ и отпущенъ, и, поклонившись до земли, вышелъ изъ церкви. И нашелъ тамъ прехрабраго коня; сѣлъ на него и выѣхалъ изъ города. Достигши полковъ злочестиваго царя, Божіею помощію и Пречистой

Богородицы, побивалъ онъ враговъ, собирая плѣнныхъ христіанъ и отпущая ихъ въ свой городъ; и скакалъ по полкамъ, какъ орелъ летаетъ по воздуху. Злочестивый же царь, видя побѣду надъ людьми своими, одержимъ былъ страхомъ и ужасомъ, и скоро бѣжалъ отъ города того безъ успѣха, съ малою дружиной. И ушелъ онъ въ Угры, и тамъ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Тогда предсталъ Меркурію прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему и отдалъ ему свое оружіе; потомъ преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. И такъ, блаженный, взявъ голову свою въ одну руку, а другою ведя коня своего подъ уздцы, пришелъ въ свой городъ, обезглавленъ. Люди же, смотря на него, удивились Божію устроенію. И такъ дошелъ онъ до Мологинскихъ воротъ. Нѣкоторая дѣвица, вышедши по воду, увидѣла, какъ святой идетъ безъ головы, и начала его нелѣпо бранить. Онъ же въ тѣхъ воротахъ легъ и честно предалъ душу свою Господу, а конь его сталъ невидимъ.

И пришелъ архіепископъ того города съ крестами и со множествомъ народа, дабы взять честное тѣло святаго. И не вдался имъ святой. Великій плачъ былъ тогда въ людяхъ и рыданіе, что не восхотѣлъ святой подняться; архіепископъ же былъ въ великомъ недоумѣніи, моляся о томъ Господу. И былъ къ нему гласъ, глаголавшій: «О слуга Господень! не скорби о семъ! Кто послалъ его на побѣду, тотъ и погребетъ». И три дня лежалъ святой не погребенъ. Архіепископъ всю ночь безъ сна пребывалъ, моляся Богу, да явитъ ему эту тайну. И смотря въ оконце свое, прямо къ соборной церкви, видитъ онъ: ясно, въ великой свѣтлости, какъ въ солнечной зарѣ, вышла изъ церкви Пречистая Богородица съ архистратигами Господними, съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и, дошедши до того мѣста, гдѣ лежало тѣло святаго, взяла оное Пречистая Богородица въ полу свою, и принесла въ свою соборную церковь, и положила на его мѣсто, гдѣ и донынѣ, видимъ всѣми, творитъ чудеса во славу Христу Богу нашему, благоухая, какъ кипарисъ. Архіепископъ же, вошедши въ церковь къ заутренѣ, увидѣлъ преславное чудо: святой уже лежалъ на своемъ мѣстѣ, почивая. Сошелся народъ, и, видя то чудо, прославилъ Господа Бога. (Очерки Р. народной Словесности. *Ѳ. И. Буслаева.* Т. II, стран. 173).

БАСНЯ.

Происхожденіе басни. — *Флоріанъ*, въ предисловіи къ своимъ баснямъ (Leipsic. 1801) подъ видомъ разговора съ какимъ-то старикомъ, написалъ слѣдующее мнѣніе о началѣ басни:

«Обыкновенно изобрѣтеніе басни приписываютъ *Езопу*[1]), но Буланже въ разсужденіи своемъ о древнихъ писателяхъ отвергаетъ бытіе Езопа. Вы увидите, говоритъ онъ, что сей Езопъ, столько прославляемый за свои басни и котораго историки помѣщаютъ въ VI вѣкѣ до Р. Х., почитается въ одно и то же время современникомъ Лидійскаго царя Креза, Египетскаго Нектанеба, жившаго 180 лѣтъ послѣ Креза, и красавицы Родопы, построившей одну изъ славнѣйшихъ пирамидъ, а сіи пирамиды построены были, по крайней мѣрѣ, за 1800 лѣтъ до Креза. Вотъ сколько анахронизмовъ, показывающихъ несправедливость всѣхъ жизнеописаній Езопа. Что же касается его твореній, то восточные жители приписываютъ ихъ *Локману*, нѣсколько тысячъ лѣтъ прославляемому въ Азіи баснописцу, прозванному на всемъ Востокѣ *мудрымъ;* Локману, который, подобно Езопу, былъ уродъ и невольникъ. Г. Буланже доказываетъ весьма вѣроятно, что Езопъ и Локманъ — одинъ и тотъ же человѣкъ. Не осмѣливаясь ни утвердить, ни отвергнуть сей догадки, я скажу только, что сей Езопъ мнѣ кажется лицемъ вымышленнымъ, подъ которымъ въ Греціи выдавали апологи, давно уже на востокѣ извѣстные. Мы всѣмъ пользуемся отъ востока, а басня, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего сохранила свойство и обороты Азіатскихъ сочиненій. Вкусъ къ иперболамъ, къ загадкамъ, къ живописнымъ изображеніямъ, къ наставленіямъ, скрывающимся подъ покровомъ аллегоріи, продолжается въ Азіи и понынѣ; поэты и философы сей страны никогда иначе не писали. Итакъ вотъ мое

---

[1]) *Эзопъ* род. въ Амеріумѣ, Фригійскомъ городѣ, около 550 лѣтъ до Р. Х.

мнѣніе о происхожденіи басни; наиболѣе заниматься животными можно было въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ переселеніе душъ служило основаніемъ вѣры; а когда полагали, что души по смерти нашей переходятъ въ тѣла животныхъ, то самымъ благоразумнымъ дѣломъ казалось учиться познавать ихъ нравы, склонности и образъ жизни, потому что сіи животныя составляли для человѣка и будущее и прошедшее, потому что всегда видѣли въ нихъ отцевъ, дѣтей и самихъ себя.

«Отъ изученія животныхъ, отъ увѣренности, что въ нихъ наша душа, легко могли предположить, что имѣютъ они и свой языкъ. Послѣ сего одинъ только шагъ остается къ изобрѣтенію басни, то есть къ тому, чтобы заставить говорить сихъ животныхъ, чтобы сдѣлать ихъ нашими учителями; и заключаю, что басня должна имѣть начало свое въ Индіи, и что первый баснописецъ вѣроятно былъ Брахманъ.

«И малое понятіе, какое имѣемъ мы о сей землѣ, согласуется съ моимъ мнѣніемъ. Апологи *Бидпая* суть древнѣйшій монументъ въ семъ родѣ, а Бидпай былъ Брахманъ. Но какъ онъ жилъ при царѣ могущественномъ, у народа уже образованнаго, то вѣроятно, что басни его были не первыя; даже и то быть можетъ, что изданныя подъ именемъ его басни составляютъ только собраніе басенъ, кои училъ онъ въ школѣ гимнософистовъ. Впрочемъ извѣстно, что сіи Индѣйскія басни, въ числѣ которыхъ находится и басня *Два Голубя*, переведены на всѣ восточные языки, иногда подъ именемъ *Бидпая* или *Билпая*, а иногда подъ именемъ *Локмана*. Напослѣдокъ перешли онѣ въ Грецію подъ названіемъ басенъ или притчей Езоповыхъ. *Федръ* [1]) сдѣлалъ ихъ извѣстными Римлянамъ. Послѣ Федра многіе Латинскіе писатели, какъ то Афтоній, Авіенъ, Габрій и другіе, также сочиняли басни, а нѣкоторые писатели, ближайшіе ко временамъ новѣйшимъ, именно Фаернъ, Абстемій, Камерарій, дѣлали собраніе басенъ на Латинскомъ языкѣ. Въ концѣ XVI вѣка нѣкто *Гегемонъ*, изъ Шалона (Chalons sur Saône) осмѣлился первый писать басни на языкѣ Французскомъ. Чрезъ сто лѣтъ явился *Лафонтенъ* [2]) и заставилъ забыть всѣ прежнія басни; даже не ожидаю (такъ говоритъ Флоріанъ, не читавшій ни Дмитріева, ни Крылова!) лучшей участи и всѣмъ будущимъ сего рода сочиненіямъ.» (Словарь древней и новой поэзіи. *Остолопова*. Ч. 1, стр. 117 — 120).

Мнѣніе *Н. А. Полеваго:* «Апологъ, вообще, и раздѣляя его на басню и сказку, выражается буквально нашимъ словомъ: «иноска-

---

[1]) *Федръ*, освобожденный отъ рабства Августомъ, писалъ въ продолженіи его царствованія и преемника его Тиверія.

[2]) *Лафонтенъ* 1621 — 1695.

заніе». Это небольшое произведеніе воображенія, маленькая поэма, гдѣ внутренній смыслъ различенъ съ тѣмъ, который представляетъ наружность. Въ сказкѣ, апологъ — повѣствованіе о какомъ-нибудь вымышленномъ происшествіи, маленькая фантастическая драма, гдѣ дѣйствующія лица люди. Но въ баснѣ апологъ идетъ далѣе: его драма разыгрывается актерами, взятыми изъ всей природы, въ томъ числѣ и человѣкомъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ чувствовали, дѣйствовали, говорили и разсуждали, какъ человѣкъ, и наряду съ нимъ, не выходя, если они скоты, изъ своего званія.

«Было повѣрье, когда всѣ утверждали, что трагедія происходитъ отъ козла, будто какой-то мудрый невольникъ изобрѣлъ апологъ для поученія своего господина. На этомъ основаніи апологу было предписано «поучать людей», говоря имъ иносказательно истины, которыхъ они не выслушали бы не разсердившись, еслибы сказать эти истины прямо. Прежде всему назначалась своя неуклонная должность. Апологъ также имѣлъ свои неизмѣнныя правила, для характеровъ дѣйствующихъ лицъ, для разсказа, для способа «выводить нравоученіе». О происхожденіи его отъ мудраго невольника никто не смѣлъ спорить, и черезъ цѣлую династію мудрыхъ невольниковъ проходила его исторія. Локманъ и Езопъ были его родоначальники.

«Въ наше время люди сдѣлались прихотливѣе, или своевольнѣе, перестали вѣрить прежнимъ неизмѣннымъ границамъ каждаго рода произведеній воображенія, и поставили между баснями начало басни и ея прежнія правила.

«Что же такое апологъ, по нынѣшнимъ понятіямъ? Особенный родъ произведеній словесности, не положительныхъ, а отрицательныхъ. Такое раздѣленіе словесности, по мнѣнію нашему, необходимо. Прямая, чистая поэзія есть та, гдѣ собственно нѣтъ никакой цѣли, кромѣ проявленія произвольной идеи, кромѣ созданія чего-нибудь прекраснаго: это ода, драма, эпопея. Разумѣется, и тутъ есть родъ цѣли, или, правильнѣе, намѣреніе. Изображая великое событіе, выводя сильный характеръ, осуществляя музыкою слóва отдѣльную идею, поэтъ «поучаетъ» людей, не принимая на себя званія учителя и наставника. Не такова отрицательная поэзія, которую можно назвать вообще дидактическою. Здѣсь у поэта есть уже опредѣлительная цѣль, и сюда относятся дидактическая поэма, сатира и апологъ. Здѣсь вдохновеніе не свободно; уроки въ полезномъ, порывы добродѣтельнаго гнѣва, совѣты посредствомъ иносказаній, бываютъ музами поэтовъ.

«Не невольникъ и не востокъ изобрѣли апологъ. Пора бросить это невѣрное слово: «изобрѣлъ». Никто и ничего вдругъ не изобрѣтаетъ. Мысль каждаго предмета таится и проявляется въ разныхъ видахъ задолго до того, кому даютъ имя его изобрѣтателя.

Такъ и апологъ изобрѣтенъ вообще человѣкомъ и изобрѣтенъ вездѣ. У самыхъ грубыхъ дикарей находимъ начала аполога, и неоспоримо, что чѣмъ грубѣе и необразованнѣе языкъ, тѣмъ болѣе въ немъ метафоръ, аллегорій, иносказаній. Что мы говоримъ нынѣ положительною и самою опредѣленною прозою, то высказывалось прежде символически и стихотворными аллегоріями. Метафора совсѣмъ не высшая степень мудрости, а усиліе ума неразвитаго и языка, невышедшаго изъ дѣтства.

«Быть можетъ, что на востокѣ получилъ апологъ опредѣленную форму и извѣстное назначеніе. Облекая все въ символы, востокъ выдумалъ и для аполога таинственное лице мудреца, поучающаго великихъ міра иносказаніями. Мы не станемъ входить здѣсь въ споръ о началѣ разныхъ собраній басенъ, которыхъ сочиненіе приписываютъ различнымъ мудрецамъ: Пильпаю, Бидпаю, или Бейдебаю, Локману, Езопу и другимъ. Дѣло въ томъ, что древнѣйшія собранія басенъ, каковы Езопа, Локмана, Калиле и Демене, Панчатантра, и такъ далѣе, суть произведенія безконечной передѣлки, неоднократной литературной переработки иносказаній простонародныхъ, которыми изобилуютъ языки восточныхъ народовъ. Самая грубая форма ихъ является въ басняхъ Локмана и Византійскомъ собраніи басенъ Езопа; самая искусственная въ Калиле и Демене, или басняхъ Пильпая. Тѣ, кто въ состояніи читать ихъ по-Арабски, увѣряютъ, что нельзя ничего найти забавнѣе, остроумнѣе, и даже любопытнѣе, въ отношеніи къ познанію нравственныхъ понятій востока. Къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ Европейскихъ языковъ нѣтъ хорошаго перевода Калиле и Демене, потому, что для такого перевода нужно не только въ совершенствѣ знать Арабскій языкъ, но и основательно понимать востокъ во всѣхъ его подробностяхъ. Не будемъ здѣсь изыскивать, когда и какимъ образомъ апологи перешли въ Грецію и Римъ. Но, при имени Рима, каждый вспомнитъ знаменитое имя Федра. Отсюда переходъ ихъ къ новѣйшимъ поэтамъ. Наконецъ во Франціи взялся за апологъ Лафонтенъ. «Сказать — басня», говоритъ *Лагарпъ*, «значитъ сказать Лафонтенъ; родъ сочиненія и сочинитель составляютъ здѣсь одно. Езопъ, Федръ, Пильпай, Авіенъ создавали басни; Лафонтенъ беретъ ихъ все, и онѣ уже не Езоповы, не Федровы, не Пильпаевы, не Авіеновы: онѣ Лафонтеновы басни». За прекраснымъ поэтическимъ развитіемъ аполога въ рукахъ Лафонтена послѣдовала и смерть его: онъ попался въ немилосердыя руки систематиковъ; ему велѣли быть классическимъ: его сковали, бѣднаго; ему предписали правила житья, одежды, походки, словъ. Далѣе вы видите уже классическія подражанія Англичанъ, Нѣмцевъ, Испанцевъ, Итальянцевъ, Русскихъ, и должны проститься съ самобытнымъ апологомъ! Въ силу устава ложнаго

классицизма прекрасно станутъ писать басню Ламотты, Флоріаны, Геллерты, Сумароковы, и она умретъ сухоткою, затянутая въ корсетъ, какъ умерла Французская трагедія, какъ отъ этой классической натуги лопнула ода, и отъ торжественнаго восклицанія «пою», охрипла эпопея.

«Однакожъ умъ и поэзія живущи; человѣкъ смышленъ: послѣ каждаго припадка душевной летаргіи, онъ умѣетъ оживить въ новыхъ идеяхъ и свѣжимъ возрожденіемъ. Мы отвергли ложную теорію аполога. Не скажемъ, чтобы и Лафонтенъ былъ самымъ высокимъ идеаломъ басни.

«Какъ не замѣчали мнимые классики нелѣпости исторіи о началѣ аполога? И какъ не видѣли они того, что, подобно всѣмъ другимъ родамъ стихотвореній, апологъ всюду являлся разнообразнымъ? Или, что чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ своего отрицательнаго назначенія «поучать», чѣмъ болѣе входилъ онъ въ свободную область поэзіи положительной, тѣмъ становился выше, живѣе, прелестнѣе, достойнѣе искусства?

«Не вѣря въ смерть того или другаго рода поэзіи въ наше время, мы не вѣримъ также, чтобы апологъ умеръ для насъ. Умерла для насъ мнимая классическая форма его, но апологъ живъ, какъ трагедія въ драмѣ, которую назовемъ хоть романтическою.

«Апологъ, какъ иносказаніе, какъ шутка, какъ сатирическій намекъ, какъ маленькая фантастическая драма, и теперь существуетъ. Пусть только онъ не тянется въ нравоучители: мы выросли уже изъ ребятъ, и можемъ сказать каждому баснописцу-нравоучителю: «Соловья *баснями* не кормятъ». Скажите намъ апологомъ какую угодно истину; пусть онъ имѣетъ нравственную цѣль, только не говорите намъ, что вы насъ учите какъ школьниковъ, и покройте свою истину поэзіей разсказа. Вотъ первая тайна нынѣшняго аполога. Онъ всегда будетъ составлять одну изъ отраслей искусства. Но бросьте условныя формы, бросьте уже и потому, что онѣ надоѣли въ тысячахъ повтореній. Что намъ за дѣло, если, вопреки классическому кодексу, вы такъ или иначе выставляете характеры звѣрей вашихъ, если у васъ нарушаются законы произвольныхъ условій? Когда мы вѣримъ, что у васъ говорятъ рыбы, то мы можемъ повѣрить и болѣе; пусть только аллегорія ваша будетъ остроумна и вѣрна сама себѣ — и дѣло кончено! Еще менѣе намъ заботы, что вы смѣшиваете басню съ сказкой; что вы ставите выводъ напереди, назади, или совсѣмъ его не ставите; что вы приводите описанія, разговоры, подробности, или сжимаете разсказъ въ нѣсколько словъ? Требуемъ одного: будьте поэтомъ въ вашемъ апологѣ, и — Богъ съ вами! Мы готовы слушать, смѣяться — учиться у васъ, если угодно.

«Наконецъ, послѣднее условіе: будьте современны, будьте *на-*

роды, умѣйте постигнуть характеръ вашего народа и духъ вашего времени. Народность и современность одни изъ самыхъ необходимыхъ условій жизни аполога». (Очерки Русской литературы. Ч. I, стр. 386 — 391).

Изданія басенъ: Притчи Эссоповы на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, их же Авіени стихами изобрази — совокупно же Брань жабъ и мышей, Гомеромъ древле описана со изрядными въ обоихъ книгах лицами и с толкованіемъ. В Амстердамѣ напечатася. Лѣта 1700.—Эсоповы притчи, повелѣніемъ Царскаго величества, напечатаны въ Санктъпітеръбурхѣ, 1717 лѣта. Здѣсь помѣщено и «житіе по природѣ остроумнаго Есопа».—Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа Индѣйскаго; пер. съ Фр. *Борисъ Волковъ.* Спб. 1762.—Езоповы басни съ баснями Латинскаго стихотворца Филельфа, съ полнымъ описаніемъ жизни Езоповой, разсужденіями нравственными и историческими, пріобщеніемъ различныхъ басней Габріевыхъ, Авіеновыхъ, повѣстями Езоповыми и двумя сраженіями мышей съ кошками и лягушками. М. 1792. — Басни и сказки Индѣйскія, соч. Вишну-Сармы, на древнемъ Индусскомъ или Санскритскомъ языкѣ и служившія образцомъ баснямъ Пильпаевымъ, Езоповымъ и проч. Спб. 1803. — Басни Езоповы на Франц. языкѣ, съ переводомъ на Россійскій. М. 1809.—Езоповы басни, съ нравоученіями и примѣчаніями Рожера Летранжа; пер. *Сергѣй Волчковъ.* Спб. 1810. — Езоповы басни для обученія юношества Французскому языку, съ присовокупленіемъ словъ, служащихъ къ основательному познанію сего иностраннаго языка, во всѣхъ его грамматическихъ правилахъ и собственныхъ его выраженіяхъ; пер. съ Фр. *П. Петровъ*, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. Спб. 1812. — Отборнѣйшія Езоповы басни; издалъ *Михайла Маклаковъ* М. 1821.—Басни Езоповы; пер. съ Греч. *Иванъ Мартыновъ.* Спб. 1823. — Езоповы басни, на Россійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. М. 1827. — Древне-Русскіе переводы басенъ Езопа и другихъ указаны г. *Пыпинымъ* въ его диссертаціи: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ. Уч. Зап. 2-го Отд. Акад. наукъ. Кн. IV, стр. 358 — 179.—Федра, Августова отпущенника, нравоучительныя басни, съ Езопова образца сочиненныя; пер. съ Латинскаго *Иванъ Барковъ*; на Рос. и Лат. языкахъ. Спб. 1787. — Басни — Федра; издалъ *Кошанскій.* Спб. 1812. — Избранныя басни. Г. Е. Лессинга; пер. съ Нѣм. *Василій Папышевъ.* Спб. 1816. — Басни и сказки; соч. Геллерта; пер. съ Нѣм. *Матинскій.* Спб. 1788. — О другихъ басняхъ см. каталогъ Смирдина и Сопикова. — Неизданныя басни XII, XIII и XIV в. и басни Лафонтена, сличенныя съ баснями другихъ авторовъ, обработывавшихъ тѣ же сюжеты, соч. *Робера:* «Fables inédites des XII, XIII et XIV siecles etc. A. C. Robert» ... — Индѣйскія басни и ихъ распространеніе въ Европѣ: «Essai sur les fables Indiennes et sur leur introduction en Europe, par *A. Loiseler Dolongchamps*».—*Otto Keller:* Untersuchungen über die Geschichte der Griechischen Fabel.— О баснѣ и басняхъ Крылова. *Жуковскаго.* Соч. Жуков. Т. VII.—О баснѣ. Исторія поэзіи. *Шевырева.* Т. I, стр. 171 — 177.

Воля и Неволя.

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой, былъ тощъ, худой такой что кости лишь одни, да кожа. И Волку этому случилось съ Собакою сойтись, которая была собой росла, пригожа, жирна, до-

родна и сильна. Волкъ радъ былъ всей душей съ Собакою схватиться, и ею поживиться; да полно для того не смѣлъ, что не по немъ была собака, и не по немъ была бы драка. И такъ со стороны учтивой подошелъ; лисой къ ней началъ подбиваться: ея дородству удивляться, и всячески ее хвалить. «Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть», Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься идти со мною въ городъ жить. Ты будешь весь иной, и такъ переродишься, что самъ себѣ не надивишься. Что ваша жизнь и вирямъ? Скитайся все, рыщи, и съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи; а даромъ и кускомъ не думай поживиться: все съ бою должно взять! А это на какую стать? куда такая жизнь годится? вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ! не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые, поджарые, худые! Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ! Ѣшь не хочу! — всего, чего душа желаетъ! Послѣ гостей костей, костей, остатковъ отъ стола, такъ столько ихъ бываетъ, что некуда дѣвать! а ласки отъ господъ, ужъ подлинно сказать!» Растаялъ Волкъ, услыша вѣсть такую, и даже слезы на глазахъ отъ размышленія о будущихъ пирахъ.—А должность исправлять за это мнѣ какую? спросилъ Собаку Волкъ. — «Что? должность? ничего вотъ только лишь всего: чтобъ не пускать на дворъ чужаго никого, къ хозяину ласкаться, и около людей домашнихъ увиваться!» Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ; и лѣсъ ему такъ омерзѣлъ, что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ; и всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ. Вдругъ на Собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ, что съ шеи шерсть у ней сошла.—А это что такое, что шея у тебя гола?—«Такъ, это ничего, пустое».—Однако нѣтъ, скажи.—«Такъ, право, ничего. Я чаю это отъ того, когда я иногда на привязи бываю».—На привязи? Тутъ Волкъ вскричалъ: такъ ты не все живешь на волѣ? — «Не все. Да полно, что въ томъ нужды?» Песъ сказалъ.—А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ ни зá что всѣхъ пировъ твоихъ: нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ; а къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги!—Сказалъ, — и къ лѣсу дай Богъ ноги.

Хемницеръ.

Примѣч. — О Хемницерѣ приводимъ извлеченіе изъ статьи *Н. А. Полеваго:* «Иванъ Ивановичъ Хемницеръ не былъ Русскій по рожденію. Отецъ его выѣхалъ изъ Саксоніи, служилъ въ Россіи около пятидесяти лѣтъ, отличался честностью, и умеръ бѣднымъ, въ должности госпитальнаго надзирателя. Хемницеръ, нашъ баснописецъ, родился въ 1744 году. Надобно было искать хлѣба; отецъ назначалъ его въ лекаря, но сынъ не могъ преодолѣть своего отвращенія отъ анатоміи, и его записали въ военную службу во четырнадцатому году. Онъ служилъ двѣнадцать лѣтъ, бывалъ въ походахъ, и въ 1769 году вышелъ въ отставку поручикомъ. Куда дѣваться? Образованный отлично, онъ принятъ былъ чиновникомъ въ Горный Кадетскій Корпусъ, и здѣсь пробылъ на службѣ еще лѣтъ двѣнадцать.

«Тихій, скромный, застѣнчивый, разсѣянный, настоящее дитя, Хемницеръ не могъ быть дѣловымъ человѣкомъ и успѣть по службѣ. Умъ его былъ оригинальный, но не блестящій; познанія были необыкновенны, но онъ не умѣлъ ихъ высказывать. Только немногіе друзья понимали Хемницера, и дорожили его умомъ и вкусомъ, но и тѣ не могли удержаться отъ шутки, видя его простоту. Въ 1776 году одинъ изъ его покровителей взялъ его въ чужіе края. Хемницеръ объѣхалъ Францію, Голландію, Германію, и возвратился прежнимъ кроткимъ, простодушнымъ Хемницеромъ. Въ 1781 покровитель его оставилъ службу, и Хемницеръ долженъ былъ послѣдовать его примѣру. Онъ вышелъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ и бѣднякомъ, имѣя на рукахъ старушку мать. Скоро потомъ ему предложили мѣсто консула въ Смирнѣ. Дѣлать было нечего; съ горестью отправился бѣдный Хемницеръ на чужбину, въ дальнюю Турецкую сторону, страдалъ тамъ около года, и умеръ 20 марта 1781, сорока лѣтъ отъ роду.

«Вотъ все, что мы знаемъ о Хемницерѣ, и еще нѣсколько забавныхъ анекдотовъ.

«Этотъ *Нѣмецъ* зналъ однакожъ Русскій языкъ, какъ коренной православный. Державинъ былъ его другомъ и слушался его совѣтовъ. Россійская Академія избрала его въ члены при своемъ основаніи. Но Хемницеръ не смѣлъ писать по-Русски. Въ тишинѣ своего уединенія, можетъ быть, чувствуя иногда свое достоинство, онъ только изрѣдка рѣшался изливать свои остроумныя замѣтки на бумагу, испытывать свое необыкновенное поэтическое дарованіе. и все это облекалъ онъ въ простую форму аполога. Въ 1778 году друзья, которымъ онъ прочитывалъ свои басни, уговорили его напечатать ихъ, но Хемницеръ не осмѣлился объявить своего имени, и издалъ книгу подъ именемъ N. N.—Въ 1781, собираясь въ Смирну, къ изданнымъ прежде двадцати семи баснямъ онъ прибавилъ еще тридцать четыре. Черезъ пятнадцать лѣтъ по смерти автора, кто-то изъ друзей его собралъ еще въ бумагахъ Хемницера двадцать пять басенъ, и издалъ ихъ, съ предисловіемъ, въ 1799. Предисловіе было написано съ чувствомъ и умно; въ немъ сохранились и біографическія свѣдѣнія о Хемницерѣ. Къ несчастью, вотъ что говоритъ сочинитель: «Болѣе распространяться о немъ повѣстію скромность дружеству не позволяетъ, опасаясь, чтобы пріятное ему воспоминовеніе не показалось читателямъ скучнымъ и вниманія ихъ недостойнымъ». Далѣе: «О достоинствѣ вообще сихъ басенъ и сказокъ, въ сравненіи съ сочиненіями такого же рода, нѣтъ нужды говорить, ибо перо, дружествомъ водимое, можетъ показаться пристрастнымъ, и читатели одни только имѣютъ право судить о цѣнѣ и о преимуществѣ словесныхъ твореній». Съ такою-то робостью самые друзья Хемницера передавали творенія его тогдашней публикѣ. А читатели тогдашніе, что они сказали «о цѣнѣ и преимуществѣ сихъ словесныхъ твореній»? Кажется, *сіи творенія* промелькнули незамѣтно. Судьба, столь немилосердая къ поэту, была безжалостна и къ плодамъ его пера. Когда басни Хемницера явились безыменно въ 1778 году, могла-ли эта тоненькая тетрадка устоять передъ громкою славою и толстою книжицею притчей Сумарокова? Спустя двадцать лѣтъ бѣдняжки явились опять: новое столкновеніе случайностей! Реформа Карамзинская увлекала всѣхъ. Дмитріевъ восхищалъ въ баснѣ своимъ изящнымъ остроуміемъ и вкусомъ. Черезъ десять лѣтъ потомъ явился Крыловъ.

«Мы не скажемъ, чтобы Хемницеръ былъ вовсе забытъ въ нашей словесности; въ теченіе сорока лѣтъ нѣсколько разъ печатали его басни, приводили изъ нихъ примѣры въ нашихъ учебныхъ книгахъ, и помѣщали нѣкоторыя въ нашихъ *образцовыхъ* сочиненіяхъ. Но достаточно ли этого? Поль-

зуется-ли бѣдный Хемницеръ всею заслуженною славою? Показало-ль чье-нибудь искусное перо его великія достоинства? Нѣтъ!

«А между тѣмъ,—мы говоримъ по совѣсти,—Хемницеръ былъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и достоинъ стать наряду съ Крыловымъ. Его басни должны быть такою-же народною книгою, какъ басни Крылова. Онѣ могутъ выдержать судъ самый строгій, особливо, если сообразимъ, что Хемницеръ принадлежалъ еще ко временамъ Ломоносовскимъ.

«Всѣхъ басенъ его дошло до насъ восемьдесятъ шесть. Нѣкоторыя переведены имъ изъ Лафонтена и Геллерта, но большая часть ихъ оригинальныя. Мы уже сказали, что искусство изобрѣтать предметы для басенъ кажется намъ преимуществомъ, очень посредственнымъ въ баснописцѣ. Гораздо важнѣе то, что уже въ семидесятыхъ годахъ Хемницеръ постигъ тайну настоящаго перевода апологовъ. Читая его «Зеленаго Осла», его «Медвѣдя Плясуна», не вѣрится, чтобы это былъ переводъ, и переводъ, которому пятьдесятъ лѣтъ! Вообще нельзя не удивляться языку и легкости стиховъ Хемницера, живости его разговора, искусству его въ описаніяхъ. Весьма многія басни, съ начала до конца, выдержаны изумительно мастерски. Прочтите—Два Сосѣда, Лжецъ, Медвѣдь Плясунъ, Орлы, Богачъ и Бѣднякъ, Львиный Совѣтъ, Хитрецъ, Домовой, Зеленый Оселъ, Воля и Неволя, Лисица и Сорока, Левъ, Поборъ Львиный, Привиллегія, Метафизикъ, Мартышка.

««Какой-то въ Лондонѣ хитрецъ одинъ сыскался, который публикѣ въ листочкахъ обѣщался, что въ узенькій кувшинъ онъ, весь, каковъ онъ есть, съ руками и съ ногами, въ такой-то день намѣренъ влѣзть. При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ, почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ за входъ по стольку-то платить: начало ровно въ шесть часовъ имѣетъ быть. Пошли по городу листы.—«Ба! что такое? въ кувшинъ залѣзть? что онъ съ ума сошелъ? пустое! гдѣ это слыхано! да, и дуракъ пойметъ, что способу тутъ нѣтъ, хоть какъ ни сталъ-бы онъ ломаться... Однако, чтобы посмѣяться, поѣдемъ, поглядимъ, что это за чудакъ»»!

««Левъ учредилъ совѣтъ, какой-то неизвѣстно. И посадя въ него сочленами Слоновъ, прибавилъ больше къ нимъОсловъ»» и пр.

«Читая эти два примѣра, кто не изумится прелести и простотѣ стиха и разсказа? Разсказъ о битвѣ свиньи (Два Сосѣда), о пріемѣ бѣдняка и богача въ гостяхъ (Богачъ и Бѣднякъ), о чтеніи трагедіи поэтомъ и испугъ домоваго (Домовой), о давкѣ народа вокругъ Зеленаго Осла, разговоръ волка, когда онъ замѣчаетъ, что у собаки сошла съ шеи шерсть отъ цѣпи (Воля и Неволя): сорока, доказывающая лисицѣ, что хвостъ ея пятая нога; масло, которое катаютъ въ лапахъ сборщики львиные; метафизикъ, разсуждающій въ ямѣ, что за орудіе такое верешка, на которой хотятъ его вытащить—все это не уступитъ лучшимъ мѣстамъ изъ басенъ Крылова. Но Хемницеръ превосходитъ даже самого Крылова въ томъ зломъ простодушіи, въ той зацѣнкѣ мимоходомъ, которую онъ бросаетъ такъ легко, нечаянно, добродушно, что невозможно не подивиться чудному искусству поэта. Примѣры этого находятся почти въ каждой баснѣ.

А уставъ ужли переступить?

«Ослы составляютъ общество избранныхъ птицъ, и гонятъ отъ себя всѣхъ другихъ. Поэтъ продолжаетъ:

Прошло, не знаю сколько лѣтъ,
Однако, помнится, немного....

«Вотъ подаютъ голосъ принять сокола. Орлы слушаютъ, разсуждаютъ:

«И вправъ», орлы потомъ сказали.
Его полетъ!....
А сверхъ того одинъ соколъ куда нейдетъ»....

«Мужикъ ѣдетъ съ возомъ по льду и проваливается:

Мужикъ метаться и кричать:
«Ой, батюшки! тону, тону! Ой, помогите»!
— Ребята! что же вы стоите? и пр.

«Два богача начинаютъ тяжбу, и сыплютъ деньги судьямъ —

Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.

«Тяжба тянется нѣсколько лѣтъ. Отчего-же?

«Ужли ихъ судьи сговорились
Такъ долго дѣло волочить?
Вотъ тотчасъ клеветать, и на судей взносить,
И думать, что они изъ взятокъ согласились!..
Какъ будто-бы нельзя другимъ причинамъ быть,
Что дѣло тихо шло!.... Ну, какъ тутъ поспѣшить?
Съ годъ, говорятъ, объ немъ въ однихъ архивахъ рылись».

«Обезьяна обойдена при производствѣ. Она горько жалуется:

«И волка наградили!
Лисицу, черезъ чинъ,
Судьею посадили
Въ курятникъ судить!.....
Случится же такъ кстати посадить»!

«Начало сказки: Счастливое Супружество:

«Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жили,
И даже по смерть другъ друга-бы любили.
Ой! здѣшній свѣтъ!
Привыкнувъ клеветать, чего ужъ не взнесетъ»!

«Слѣдуетъ разсказъ о счастливыхъ супругахъ, разсказъ прелестный, который вдругъ прерывается вопросомъ:

А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?...
Да, сколько лѣтъ — съ недѣлю и всего,
А безъ того
На сказку-бъ походило.

«Никакого нравоученія тутъ не прибавлено. И на что оно?

«Уже и этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить высокое, неподдѣльное дарованіе. И не должно-ли удивляться, жалѣть, негодовать на собственное наше равнодушіе, что этотъ человѣкъ забытъ нами, онъ, который такъ писалъ въ семидесятыхъ годахъ!

«Рѣшительно, басни Хемницера являютъ образецъ *истинно-народнаго* Русскаго аполога до Крылова. Это драгоцѣнный алмазъ, заброшенный въ пыли, но достойный сіять въ вѣнцѣ Русской словесности. Конечно, очень трудно побѣдить предразсудокъ, но побѣдимъ-же его, отроемъ новый кладъ въ родной землѣ, возмемъ въ руки эти драгоцѣнныя басни Хемницера, и устыдимся непростительной холодности, съ какою мы смотрѣли на нихъ доселѣ! До Кры-

10*

лова, этотъ чудесный поэтъ уже превосходно постигалъ тайну Руссизмовъ. Мы видѣли это изъ приведенныхъ отрывковъ. — Разсмотрите, какъ хороши слѣдующіе. Строитель располагается строить домъ и собираетъ матеріялы.

«И собралъ ужъ не мало.
Построить долго ли? *Лиха бѣда начало»!*

«Мужъ спрашиваетъ у Харона, куда онъ отвезъ жену его?
Въ рай или въ адъ? — «Въ рай»! — Можно-ль статься!....
Меня-жъ куда везешь? «Туда-жъ гдѣ и она». —
«Ой, нѣтъ! такъ въ адъ меня»!

«Но мы не смѣемъ умножать числа выписокъ. Хемницера можно упрекнуть въ одномъ только: у него не было еще того полнаго Русскаго разгула, той Русской беззаботности, въ которыхъ такъ неподражаемъ Крыловъ. Хемницеръ иногда не смѣетъ разговориться, можетъ быть, чтобы не заговориться. На немъ примѣтны мѣстами слѣды оковъ классическихъ. Въ языкѣ своемъ, онъ, какъ будто хочетъ казаться человѣкомъ comme il faut — церемонія, совсѣмъ лишняя въ баснѣ — и боится часто употреблять коренныя Русскія рѣчи, хотя самъ такъ счастливо употребилъ слово *отнорокъ*, говоря о лисьей норѣ, или слово *безпокій*, говоря о старомъ конѣ. Слухъ нашъ оскорбляется еще иногда словами, уже вышедшими изъ употребленія, и изрѣдка старинною манерою стиха. Но вспомните жизнь Хемницера, вспомните время, когда онъ жилъ, и то, что у него не было образцовъ! Крыловъ уже не могъ не знать басенъ Хемницера.

«Русскій народъ, кажется, отгадалъ наконецъ Хемницера, и если молчатъ судьи словесности, за то, лучшій критикъ басенъ, народъ, начинаетъ цѣнить ихъ по достоинству. Онъ уже усвоилъ ихъ себѣ. Между-тѣмъ, какъ басенъ Крылова не могутъ довольно напечататься въ великолѣпныхъ и разнообразныхъ изданіяхъ, Хемницера также стали печатать безпрестанно, покамѣстъ для простонародья». (Очерки Русской литературы. Ч. I, стр. 402).

Паукъ и Мухи.

«Постой!» Паукъ сказалъ: «я чаю, я нашелъ причину, зачѣмъ еще большой я Мухи не поймалъ, а попадается все мелочь: дай раскину пошире паутину: авось-либо тогда поймаю и большихъ». Раскинувъ, нажидаетъ ихъ; все мелочь попадаетъ; большая Муха налетитъ, прорвется, и сама и паутину мчитъ. А это и съ людьми бываетъ, что маленькимъ, куда ни обернись, бѣда: воръ, напримѣръ большой, хоть въ кражѣ попадется, выходитъ правъ изъ-подъ суда; а маленькій наказанъ остается!

Хемницеръ.

Поборъ Львиной.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ, не помню, право, я за множествомъ, какихъ, опредѣленныхъ Льву съ звѣринаго народа, (такъ

какъ крестьяне по душамъ даютъ оброки господамъ), и масло также шло для Львова обихода. А сборъ такой, какъ всякой и другой, имѣлъ Приказъ особый свой: звѣрей особыхъ выбирали, чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли. Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать; а сборщиковъ не мало было. Да рѣчь здѣсь не о томъ: мнѣ хочется сказать, что какъ происходило, когда сбирали тотъ доходъ. Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая, другъ другу жирненькой оброкъ передавая, катали въ лапахъ напередъ; а масло вѣдь къ сухому льнетъ! То потому его не мало къ звѣринымъ лапамъ приставало. И такъ, переходя кругомъ, огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ. Левъ въ этомъ своего не находилъ разсчета; а Слонъ, котораго призвалъ онъ для совѣта, напрямики его величеству сказалъ: «Гдѣ сборы, тутъ и воры; и дѣло это таково: тѣмъ больше сборщиковъ тѣмъ больше воровство».

Хемницеръ.

Два Сосѣда.

Худой миръ лучше доброй ссоры,—пословица старинна говоритъ; и каждый день намъ то-жъ примѣрами твердитъ: какъ можно не вплетаться въ споры; а если и дойдетъ нечаянно до нихъ, не допуская вдаль, прервать сначала ихъ; и лучше до суда хоть кой-какъ помириться, чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудиться, иль, споря о грошѣ, всѣмъ домомъ разориться. На дворъ чужой свинья къ Сосѣду забрела, а со двора потомъ и въ садъ зашла. Въ саду бѣдъ пропасть накутила и гряду цѣлую изрыла. Встревожился весь домъ, и въ домѣ бѣганье, содомъ. «Собакъ, собакъ сюда!» домашніе кричали. Изъ избъ всѣ люди побѣжали, и свинью ну травить: швырять въ нее, гонять и бить: со всѣхъ сторонъ на свинью напустили; полѣньями ее, метлами, кочергой, тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой,—обычай на Руси такой. Тутъ лай собакъ и визгъ свиной, и крикъ людей, и стукъ побой, такую кашу заварили, что и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой; и люди травлю тѣмъ рѣшили, что свинью наконецъ убили.— Охотники тѣ люди были! Сосѣды въ тяжбу межъ собой. Непримиримая между Сосѣдовъ злоба; огнемъ другъ на друга Сосѣды дышутъ оба: тотъ проситъ на того за садъ изрытый свой; другой, что свинью затравили. И первый говорилъ: «я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ, что у меня ты садъ изрылъ». Другой же говорилъ: «я живъ быть не хочу, чтобъ ты не заплатилъ, что свинью у меня мою ты затравилъ». Хоть виноваты оба были, но кстати-ль, чтобъ они другъ другу уступили; нѣтъ, мысль ихъ не туда: во что-бъ

ни стало имъ, хотятъ искать суда. И подлинно суда искали, пока всѣ животы судьямъ перетаскали. Не стало ни кола у исцовъ, ни двора. Тогда имъ судьи говорили: «мы дѣло ваше ужъ рѣшили; для пользы вашей и добра мириться вамъ пора».

Хемницеръ.

Метафизикъ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ не отстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился.
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ;
И Малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало, глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думный между тѣмъ Дѣтина
Въ той ямѣ сидя разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье,
А въ яму скорое стремленье.

Центральное влеченье,
Воздушное давленье»....
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ», говоритъ: «тебѣ веревка: ухватися.
Я потащу тебя, держися».
— Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ,
(Понесъ Студентъ обычный бредъ):
Веревка вещь какая?—
Отецъ его былъ неученъ.
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка вещь», ему отвѣтствовалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».
— На это-бъ выдумать орудіе другое,
Ученый все свое несетъ:
А это что такое?...
Веревка — вервіе простое! —
«Да время надобно!» отецъ ему на то:
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово».
— Да время что? —
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди», сказалъ отецъ: «пока приду опять».
Что еслибы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

Хемницеръ.

Друзья.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился, чтобъ другомъ никого, не испытавъ, не звать. Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать, и возъ его сквозь ледъ, къ несчастью, провалился. Мужикъ метаться и кричать:—Ой, батюшки! тону, тону! Ой! помогите!—«Ребята! что же вы стоите? поможемте»! одинъ другому говорилъ, кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ. «Поможемъ»! каждый подтвердилъ. Но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ; а должно знать, что всѣ одной деревни были, друзьями межъ собою слыли, не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили; а сверхъ того между собою, для утвержденія ихъ дружбы круговой, крестами даже помѣнялись. Другъ друга братомъ всякъ зоветъ; а братній возъ ко дну идетъ! По счастью мужика, сторонніе сбѣжались, и вытащили возъ на ледъ.

Хемницеръ.

Левъ, учредившій совѣтъ.

Левъ учредилъ совѣтъ какой-то неизвѣстно, и, посадя въ него сочленами Слоновъ, прибавилъ больше къ нимъ Ословъ. Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и невмѣстно, но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать, какому надлежало въ совѣтѣ засѣдать. Ну, что-жъ! пускай числа всего бы не достало, вѣдь это-бъ не мѣшало дѣла производить? Нѣтъ! какъ-же? А уставъ ужли переступить? Хоть будь Ослы судьи, лишь счетомъ бы ихъ стало. А сверхъ того, какъ Левъ совѣтъ сей учреждалъ, онъ этакъ разсуждалъ и все надеждой льстился: что умъ Слоновъ на разумъ наведетъ Ословъ. Однако, какъ совѣтъ открылся, дѣла совсѣмъ другимъ порядкомъ потекли: Ослы Слоновъ съ ума свели.

Хемницеръ.

Котъ, Ласточка и Кроликъ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться, иль лучше: онъ пошелъ Аврорѣ поклониться на тьминѣ, вспрыснутомъ росой. Здоровъ, спокоенъ и на волѣ, попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ, приходитъ Кроличекъ домой, и что же?—чуть его не подкосились ноги! — Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ своихъ Пенатовъ по угламъ! — Во снѣ ли я, иль нѣтъ? страннопріимны боги! изгнанникъ возопилъ изъ отческаго дома. «Что надобно»? вопросъ хозяйки новой былъ.—Чтобъ ты, сударыня, безъ грома скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ: пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ. «Мнѣ выдти вонъ? она вскричала: вотъ прекрасно! да что за право самовластно? кто далъ тебѣ его? и стоитъ ли войны нора, въ которую и самъ ползкомъ ты входишь? Но пусть и царство будь, не всѣ-ль мы здѣсь равны? и гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь, что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ? Богъ создалъ Ласточку, тебя, и Дромадера, а землемѣра отнюдь не создавалъ. Но кто-же болѣ права далъ на эту десятину Петрушкѣ Кролику, племяннику иль сыну Филата, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ? Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ на-равнѣ; ты первый захватилъ: тебѣ принадлежала; ты вышелъ, я пришла: моею норка стала». Петръ Кроликъ приводилъ въ доводъ обычай, *давность* — ихъ закономъ; онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ безспорно этимъ домомъ, который Кроликомъ Софрономъ отказанъ, справленъ былъ за сына своего, Ивана Кролика; по смерти же его достался, въ силу права, тожъ сыну, именно мнѣ Кролику Петру; но если думаешь, что вру, такъ отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава*. —

А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ, былъ постный, жирный Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ, пустынникъ набожный средь свѣта, и въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта. «Съ охотой»! Ласточка сказала. — И потомъ пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ, и оба говорятъ: «Помилуй»! — Разсудите!.. Поближе, дѣтушки, ихъ перервалъ судья: не слышу я, отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите! — Они подвинулись, и вновь ему поклонъ, а онъ вдругъ обѣ лапы врозь, царапъ того, другова, и въ мигъ ихъ примирилъ, не вымолвя ни слова: задавилъ.

Дмитріевъ.

Примѣч.—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Росс. академіи, товарищъ министра удѣловъ, оберъ-прокуроръ и министръ юстиціи, род. въ 1760, умеръ въ 1837 г. — Хвалебную статью о немъ написалъ *князь Вяземскій*: она приложена къ сочиненіямъ Дмитріева. Истинный взглядъ на Дмитріева находимъ въ слѣдующихъ словахъ *Плетнева*: «Дмитріевъ, родившійся пятью годами ранѣе Карамзина, какъ землякъ его и другъ, долго шелъ съ нимъ ровнымъ шагомъ. Они вмѣстѣ открыли славный періодъ литературы нашей, ознаменовавшійся благотворнымъ вліяніемъ на образованіе всѣхъ сословій въ государствѣ. Дмитріевъ писалъ не однѣ басни. Его лирическія стихотворенія, сказки, сатиры и разныя мелкія пьесы обнаруживаютъ талантъ вѣрный, гибкій и прекрасно направленный. Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ началъ дорожить художественною стороною сочиненій. Такимъ образомъ и въ басню онъ принесъ живыя краски, поэтическій тонъ и оживленный разсказъ. Это былъ живописецъ образцовый по благородной игрѣ ума, по обработкѣ стиховъ, по живымъ описаніямъ, по мастерскому разсказу и по господствующему во всемъ вкусу». (Біографія Крылова, стр. VIII—IX).

Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! Мышенокъ, не видавши свѣта, попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней разсказывалъ въ семьѣ своей: «Оставя нашу нору и перебравшися чрезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать какъ молодой мышенокъ, который хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри самъ не зналъ! одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! другой — нахалъ, крикунъ; теперь лишь, словно, съ бою; весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ; надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ какой-то огненнаго цвѣта; и такъ... какъ двѣ руки, служащи для полета, онъ ими такъ махалъ, и такъ ужасно горло дралъ, что я таки не трусъ, а подавай Богъ ноги, — скорѣе отъ него съ дороги! Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ нашелъ наставника и друга, въ глазахъ

его была написана услуга. Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня, головка пестрая и вдоль спины узоры; а уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами». — А я тебѣ на то скажу, мышенка мать остановила — что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ — котъ! Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой же былъ пѣтухъ, смиренный куръ любитель. Не только отъ него не видимъ мы вреда, иль огорченья, но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда — впередъ же по виду не дѣлай заключенья.

Дмитріевъ.

Оселъ и Конь.

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою.
Онъ на него чепракъ надѣлъ,
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахрамою.
Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ.
И уши вверхъ поднявъ прегордо выступалъ.
На встрѣчу Конь ему попался,
А на Конѣ чепракъ обыкновенный былъ.
Тутъ длинноухій разсмѣялся,
И рыло отъ него свое отворотилъ.
Такихъословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ? — ну! догадайтесь сами.

А. Измайловъ.

Примѣч. — *Александръ Ефимовичъ Измайловъ* (1779 — 1831) одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей. Обстоятельную статью о немъ написалъ Галаховъ. Соврем. 1850, № 10 и 11.

Пушки и Паруса.

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ, Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О, боги! видано-ль когда,

Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ-будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по Ѳеану,
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами-ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы-ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами;
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался—летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья Паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что-жъ? Корабль безъ Парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ Пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.
Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А Паруса — гражданскія въ ней власти.

Крыловъ.

Примѣч. — *Иванъ Андреевичъ Крыловъ* (1768 — 1844) — геніальный Русскій баснописецъ. *Плетневъ* о немъ говоритъ: «9-го ноября 1844 г. скончался Иванъ Андреевичъ Крыловъ[1]). Съ этимъ именемъ мы всѣ привыкли соединять мысль о первостепенномъ талантѣ, о совершенной поэзіи, объ удивительномъ умѣ, о лучшемъ Русскомъ языкѣ — всѣ, безъ различія сословій, образованности и возрастовъ. Крыловъ для другихъ націй навсегда останется какъ самый

[1]) Въ 1809 году вышло первое изданіе басенъ Крылова въ числѣ двадцати трехъ. Писать басни онъ началъ съ 1806 года. Первыя басни Крылова: Дубъ и *Трость* и *Разборчивая Невѣста*, переводъ изъ Лафонтена. Дмитріевъ одобрилъ переводъ и уговаривалъ Крылова не покидать этого рода поэзіи.

вѣрный и точный представитель того, что есть только оригинальнаго, любопытнаго и выразительнаго въ Русскомъ духѣ, въ Русскихъ нравахъ, въ Русскомъ воображеніи и дѣтельности мысли. Посвятивъ свой талантъ апологической поэзіи, не смотря на тѣсную раму ея, онъ умѣлъ обнять главное въ народной жизни и нарисовать картины свои характерными красками, заимствованными изъ нашей природы, изъ нашей общежительности, изъ нашей чистой рѣчи[1]). Изученіе иностранныхъ языковъ, чтеніе писанныхъ на нихъ сочиненій, сближеніе съ людьми разныхъ націй, принятіе привычекъ, различающихъ насъ съ чисто-Русскимъ бытомъ, — словомъ все вліяніе той общежительности, которая въ Европѣ такъ сглаживаетъ національныя способности, не покорили себѣ Крылова, какъ многихъ изъ нашихъ писателей — и онъ своими сочиненіями оставилъ потомству памятникъ Русской народности въ совершеннѣйшемъ видѣ, по созданію, изложенію и краскамъ.

«Его талантъ, его тонкій умъ, его врожденное, такъ сказать, чутье указали ему истинный путь. Его басни вразумительны, увлекательны. Онъ простъ въ созданіи, кратокъ, но полонъ въ разсказѣ, живъ, точенъ, всегда правиленъ, выразителенъ и новъ въ языкѣ.

«Крылову были чужды эти утомительные и однородные академическіе труды. Ни частная, ни общая, ни сравнительная грамматика, ни лексикографія не привлекли его вниманія. Въ этомъ значеніи онъ не былъ академикомъ; но за то онъ былъ едва ли не цѣлою академіею. Въ творческомъ умѣ его возникали, принимали образы геніальныя откровенія, вѣчныя истины, уроки мудрости, завѣты опытовъ. Ихъ приняли милліоны людей. Всѣ академики въ мірѣ не могутъ похвалиться столь дѣйствительнымъ вліяніемъ на умственное, нравственное, гражданское и даже религіозное образованіе человѣчества, какое производитъ незамѣтно одинъ писатель геніальный.

«Онъ вошелъ, какъ любимецъ и другъ, въ семейный кругъ добраго Русскаго народа, въ шумливые классы дѣтей; его читали, изучали люди на всѣхъ степеняхъ гражданственности. Его почтили вниманіемъ, благоволеніемъ, любовію два монарха наши: Александръ и Николай[2]). Семейство ихъ усладило жизнь

---

[1]) Всѣхъ Крылова басенъ теперь 197. Изъ этого числа только 30 такихъ, которыхъ содержаніе заимствовалъ онъ у другихъ поэтовъ, а 167 принадлежатъ собственно ему и по вымыслу и по разсказу.

[2]) Въ первый годъ службы Крылова въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1,500 р. асс. пенсіи изъ Кабинета Его Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта милость была удвоена... Когда слухъ о страсти Крылова къ карточной игрѣ дошелъ до Императора Александра, то Государь произнесъ многозначительныя слова: «Мнѣ не жаль денегъ, которыя проигрываетъ Крыловъ; а жаль будетъ, если онъ проиграетъ талантъ свой». Въ 1831 году, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ числѣ подарковъ своихъ на новый годъ Великому Князю Наслѣднику, изволилъ прислать Его Высочеству бюстъ Крылова. Здѣсь, въ безмолвномъ явленіи высказалось все: и любовь, и урокъ, и почесть. Въ 1834 году, по высочайшему повелѣнію, пенсія—три тысячи рублей, получаемая Крыловымъ изъ Кабинета, удвоена была суммою изъ Государственнаго Казначейства «въ уваженіе заслугъ», какъ сказано въ указѣ, «оказанныхъ имъ Отечественной Словесности». Во всѣ остальные годы жизни, отношенія Крылова къ царскому семейству были самыя завидныя. Въ какое время и гдѣ бы ни встрѣчался съ нимъ поэтъ, оно непремѣнно привѣтствовало его восхитительными изъявленіями ласковости и дружелюбія». (Біографія Крылова, написан. Плетневымъ).

его нѣжнымъ участіемъ и осыпало гробъ его цвѣтами трогательнаго воспоминанія. Всѣ ученыя сословія наши внесли его въ свои лѣтописи. Министръ Сергій Семеновичъ Уваровъ исходатайствовалъ у Императора Николая позволеніе, чтобы открыта была повсемѣстно въ Россіи подписка на сооруженіе памятника Крылову». (Изъ отчета Академіи Наукъ за 1844 г.).

Въ Біографіи Крылова Плетневъ говоритъ: «Въ басняхъ Крылова, не говоря о поэтическихъ красотахъ ихъ и народности, выразилось много истинъ, которыя навсегда останутся пищею мыслящаго и любознательнаго ума, какому ни принадлежалъ бы онъ вѣку и народу. Убѣжденія нашего поэта, высказавшіяся въ его созданіяхъ, самостоятельны и рѣзки. Въ баснѣ *Безбожники* представлена картина, до такой степени разительная и согласная съ очевидностію, что, въ слѣдъ за нею, всякое сомнѣніе и легкомысліе уступятъ въ сердцѣ мѣсто отрадному вѣрованію. Его *Водолазы* рѣшатъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія. *Конь и Всадникъ* есть отвѣтъ на политическіе толки. *Листы и Корни* утверждаютъ законныя отношенія между сословіями. Въ *Мірской Сходкѣ* изъяснено начало несообразности многихъ общественныхъ постановленій. Крыловъ представилъ собою писателя, не увлекавшагося ни современными соблазнами, ни одностороннимъ направленіемъ. Для общества онъ проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія, законной власти. Злоупотребленія, пороки, происки, глупости нашли въ немъ неумолимаго обвинителя. Его правоученіе проникнуто свѣтомъ опытовъ и мудрости. Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ. Онъ воевалъ противъ крайностей во всемъ, зная, какъ близко отъ нихъ до бѣды. Вникнувъ мыслію въ тайный смыслъ его басенъ: *Огородникъ и Философъ*, *Червонецъ*, *Музыканты*, *Любопытный*, кто не почувствуетъ, что по его системѣ педантство нелѣпо во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ? Крыловъ умѣлъ выразить собственное мнѣніе въ самыхъ щекотливыхъ случаяхъ противъ людей сильныхъ и даже опасныхъ. Не было бича язвительнѣе басни его на спѣсь, самохвальство, невѣжество и тщеславіе. Достаточно для этого вспомнить басни: *Апеллесъ и Осленокъ*, *Булыжникъ и Алмазъ*, *Оселъ и Соловей*, *Парнасъ*. Какіе уроки заключилъ онъ въ *Бритвахъ*, *Голикѣ* и во множествѣ другихъ разсказовъ! Словомъ: книга его басенъ составляетъ основу истинъ обще-человѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, но какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни. Въ отношеніи къ Россіи, это лучшая галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностію не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи». (Стр. LXIII).

Мнѣніе *Гоголя*: «Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ перероcтаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ — Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку, и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая Русская голова, тотъ самый умъ, который съ-родни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ Русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ. Пословица не есть какое-нибудь впередъ поданное

мнѣніе, или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ. отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: *одна рѣчь не пословица.* Въ слѣдствіе этого задняго ума, или ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими Русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ выраженіи въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ—все шевелящее и задирающее за живое. Какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. Уваженіе къ нимъ выразилось многими поговорками: *пословица не даромъ молвится,* или: *пословица во-вѣкъ не сломится.* Извѣстно, что если сумѣешь замкнуть рѣчь ловко-прибранною пословицею, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятія.

«Отсюда-то ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его басни отнюдь не для дѣтей. Тотъ ошибется грубо, кто назоветъ его баснописцемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ были баснописцы Лафонтенъ, Дмитріевъ, Хемницеръ и наконецъ Измайловъ. Его притчи—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-Русски; въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и Русскую природу. Даже оселъ, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что стоитъ ему высунуть только уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: «Это оселъ Крылова!» даже оселъ, не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него Русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ чинолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысля того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Словомъ, всюду у него Русь и пахнетъ Русью. Всякая басня его имѣетъ, сверхъ того, историческое происхожденіе. Не смотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ, однакоже, слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ Русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые через-чуръ военные люди стали-было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ—врагамъ она сильна,
А Паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недальнозоркихъ начальниковъ утвердилось-было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Двѣ Бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И держатъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ «Музыканты», которую заключилъ онъ словами: «По мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!» Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они и не смыслятъ, но за то отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно обратить его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ, но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. *Въ воръ — что въ моръ, а въ дуракѣ—что въ прѣсномъ молокѣ*, говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за превратное и злое ихъ направленіе. Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова. Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной, и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощути-

тельно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ Бочки»:

Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самого размѣщенія словъ, какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка». (Соч. Гоголя. Т. III, стр. 461 и т. д.).

Статьи о Крыловѣ: *Плетнева*. Соврем. 1845, № 1 и 5.— Біографія Крылова, напис. *Плетневымъ*. — Сынъ-Отеч. 1847, № 1. — Спб. Вѣд. 1848, *Порошина*. — Москвит. 1845, № 1.—Библ. для Чт. 1845, № 3.—Сочин. *Бѣлинскаго*. Ч. IV.—Соврем. 1847, № 2.—Звѣздочка. 1844, № 1.— *Водовозова* въ Ж. М. Н. Пр. 1862.—Басни Крылова переведены на Франц. языкъ Орловымъ, Альфредомъ Бужо (Alfred Bougeault), Маскле и др. О переводѣ Орлова въ Соврем. 1854, № 1, Бужо въ Совр. 1852, № 2, Маскле Спб. Вѣд. 1854, № 21.—Статья Revue des deux mondes о Крыловѣ въ Совр. Т. XXXV.—Жизнь и сочиненія Крылова, соч. *Лобанова*.—Въ Ж. М. Н. Пр. нѣсколько статеекъ: ч. XVII. XLIV. XLVIII. LI. LXXVIII.

Листы и Корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что-бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы-ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы-ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».
— «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ»,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали»?
Листы, по дереву шумя, залепетали.

— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Уже ль не узнаете?
Мы Корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится, —
Не станетъ дерева, ни васъ».

Крыловъ.

Бритвы.

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю? — Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый?... Я надѣюсь,
Не боленъ ты». — «Охъ! ничего: я брѣюсь».
«Какъ! только»? Тутъ я всталъ — гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой:
«Что дива»? я сказалъ, «ты самъ себя тираннишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы, — косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними станешь».
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы;
Да острыми-то я порѣзаться боюсь».
«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею».
Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

Крыловъ.

Мірская Сходка.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.
Въ овечьи старосты у льва просился волкъ.
Стараньемъ кумушки-лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у львицы.
Но такъ какъ о волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ левъ на лицы;
То велѣно звѣриный весь народъ
Созвать на Общій Сходъ,
И разспросить того, другаго,
Что въ волкѣ добраго онъ знаетъ, иль худаго.
Исполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны.
На Сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны:
Но противъ волка нѣтъ ни слова,
И волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же овцы говорили?
На Сходкѣ вѣдь онѣ ужъ, вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Крыловъ.

Василекъ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ
Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,
И, голову склоня на стебелекъ,
Уныло ждалъ своей кончины;
Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ:
«Ахъ, еслибы скорѣе день насталъ,
И солнце красное поля здѣсь освѣтило,
Быть можетъ, и меня оно бы оживило!»
— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»
Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:
«Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,
И вянешь ты, или цвѣтешь?
Повѣрь, что у него ни время, ни охоты,
На это нѣтъ.

Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,
То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы
Имъ только и живутъ, имъ только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
И удивительною красотой
Цвѣты душистые богато убираетъ;
Да только тѣ цвѣты
Совсѣмъ не то, что ты:
Они такой цѣны и красоты,
Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
Такъ солнца ты своей докукою не мучь!
Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
И добиваться ты пустаго перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу освѣтило,
По царству Флорину разсыпало лучи,
И бѣдный Василекъ, завянувшій въ ночи,
Небеснымъ взоромъ оживило.
О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
— Былинкѣ ль, кедру ли — благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Крыловъ.

Примѣч. — Эта басня имѣетъ историческое происхожденіе. «Съ 1801 г. говоритъ *Плетневъ*, Императрица Марія Ѳеодоровна всегда покровительствовала Крылову и оказывала ему всѣ знаки благоволенія. Государыня лѣтомъ нерѣдко изволила приглашать его въ Павловскъ. Въ Павловскѣ написалъ Крыловъ свою басню *Василекъ*, оставивъ ее, какъ свидѣтельство глубочайшаго чувства признательности къ вѣнценосной Благотворительницѣ, въ одномъ изъ альбомовъ, которые въ *Розовомъ павильонѣ* разложены были для удовольствія посѣтителей». (Біографія Крылова, написанная Плетневымъ. Стр. LXXXII).

Квартетъ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой»! кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ итти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы»!
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось, Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
—«Пожалуй», говорятъ: «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ намъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь какъ намъ сѣсть!»
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,»
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

Крыловъ.

Примѣч. — Басня имѣетъ историческое происхожденіе. Въ началѣ царствованія Императора Александра I устраивался Государственный Совѣтъ; въ немъ должны были засѣдать всѣ тогдашніе министры: военный—Аракчеевъ,

морской — Мордвиновъ, просвѣщенія — Завадовскій и полиціи — Лопухинъ. Между ними постоянно возникали споры, кому въ общемъ засѣданіи первенствовать. Министры пересаживались неоднократно, обращались за разрѣшеніемъ своего наивнаго недоумѣнія къ Государю. Тогда-то Крыловъ написалъ «Квартетъ». (Жизнь Графа Сперанскаго, соч. Барона *Корфа*. Стр. 118, т. 1).

Французскій переводъ басни Крылова «Квартетъ»:

Le Quatuor.

L'Ane, le Bouc, le Singe grand farceur,
Et l'Ours à la jambe cagneuse,
Eurent un jour l'idée heureuse
De s'unir pour jouer en chœur.
Ils trouvent quelque part, avec de la musique
Une basse, un alto, de plus deux violons,
Et sous les verts tilleuls aux tapis de gazons
Notre groupe philharmonique,
En jouant à tort à travers,
A la prétention d'enchanter l'univers.
Bientôt le séance publique
Commence, et l'on entend nos gens
Racler de leurs archets en dépit du bon sens.
«Mes amis, dit le Singe en faisant la grimace,
«Arrêtez, attendez! cela va mal ainsi,
«Il faut que nous changions de place.
«Toi, Martin l'Ours, avec ta basse
«Assieds-toi vis-à-vis de l'alto par ici;
«Nous autres, violons, nous serons face à face.
«Vous allez voir quel changement!
«Bois et monts se mettront en danse.»
Le Quatuor se place et bientôt recommense:
Mais tout va comme auparavant.
«Arrêtez! j'ai trouvé le secret de l'affaire,
«Dit l'Ane en se mettant à braire.
«Pour réussir, il faut que nous soyons en rang.»
Le conseil plait et paraît digne
D'être suivi: chacun s'aligne,
Et le concert reprend son train:
Mais c'est toujours même refrain.
Entre les concertants un vif débat s'engage
Sur la question de savoir
Dans quel ordre et comment s'asseoir.
Chacun donne sa avis qu'il prétend le plus sage.
Attiré par tout ce tapage,
Un Rossignol survient: on lui soumet le cas.
«Arrêtez-vous, ami; tirez-nous d'embarras:
«Arrangez-nous un peu notre concert, de grâce.
«Nous avons bien tout ce qu'il faut:
«Musique, instruments sans défaut;
«Il ne nous reste plus qu'à bien nous mettre en place.»

— «Erreur! illusion! dit le chantre du soir.
«Si vous n'avez d'abord l'oreille et savoir,
«Vous aurez beau changer de place et de rubrique,
«Vous ne saurez jamais faire de la musique.»

Alfred Bougeault.

Въ біографіи Крылова Плетневъ говоритъ: «Иностранцы почти такъ же какъ и Русскіе, чувствовали достоинство таланта Крылова. Басни его, особенно тѣ, въ которыхъ болѣе національной прелести, переводимы были на разные Европейскіе языки. Но никогда поклоненіе генію его не доходило до такой торжественности, какъ было въ 1823 году въ Парижѣ. Извѣстно, что это была эпоха новыхъ литературныхъ идей во Франціи. Тогда *Вильменъ* открылъ курсъ лекцій своихъ, которыхъ неотразимая истина, изумительная ученость и мужественное краснорѣчіе произвели переворотъ въ понятіяхъ слушателей. Во Франціи убѣдились, что и за предѣлами ея, даже подъ сумрачнымъ небомъ, разцвѣтая, благоухаетъ иногда цвѣтъ поэзіи. Многіе перешли въ какую-то крайность и начали думать, будто у Французовъ до тѣхъ поръ не было еще поэзіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это слово въ Англіи и въ Германіи. Существенное пріобрѣтеніе отъ лекцій Вильмена состояло въ томъ, что преграда, столько вѣковъ останавливавшая эстетическое сближеніе Французовъ съ другими народами, наконецъ была разрушена. Любознательность повлеклась въ разныя страны за невѣдомыми, но уже сознаваемыми сокровищами ума и вкуса. Въ это время жилъ въ Парижѣ соотечественникъ нашъ графъ *Григорій Орловъ*, авторъ «Записокъ о Неаполитанскомъ Королевствѣ» и «Исторіи музыки и живописи въ Италіи», только что приготовлявшій къ печати еще сочиненіе: «Путешествіе въ полуденную Францію». У него въ домѣ собирались всѣ извѣстнѣйшіе ученые и литераторы. Графиня Орлова, урожденная графиня Салтыкова, хотя давно не пользовалась хорошимъ здоровьемъ, оживляла однако же это собраніе тѣмъ очаровательнымъ умомъ, который выражается въ участіи, въ любезности и вкусѣ. Естественно, что въ эту пору всего чаще разговоръ касался соединенія въ одну общую собственность того, что находится лучшаго въ иностранныхъ литературахъ. Графиня обратила вниманіе гостей на предметъ давняго поклоненія своего. Она имъ предложила мысль о новомъ, лучшемъ переводѣ Крылова на Французскій языкъ. Единодушно взъявили готовность участвовать въ этомъ дѣлѣ всѣ знаменитые тогдашніе литераторы. Совокупилось *пятьдесятъ семь* талантовъ, чтобы одолѣть одинъ. Въ домѣ Орловыхъ открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно. Наконецъ, сколько можно Русской природы внести во Французскую рѣчь, они сдѣлали все — и тогда-то облеклись лучшія Крылова басни въ стихи игривые и блестящіе, можетъ быть, едва узнавая себя въ этой щегольской одеждѣ, съ такою торжественностію для нихъ приготовленной въ столицѣ вкуса. Изданіе было самое роскошное и украшено прекрасными гравюрами. Всѣхъ басенъ переведено было 89. Надобно признаться, что это не только не переводъ, но часто и не подражаніе, а новыя басни, для которыхъ Крыловъ приготовилъ темы: по крайней мѣрѣ большая часть ихъ заставляетъ такъ думать. Напримѣръ, Герцогъ Бассано, въ баснѣ *Червонецъ*, вмѣсто 38 стиховъ Крылова, помѣстилъ въ 69 стихахъ разсказъ о крестьянинѣ и о какомъ-то прохожемъ. Амори Дюваль, въ баснѣ *Троеженецъ*, болѣе 20 стиховъ сочинилъ, чтобы пе-

ревести два первые стиха подлинника. Русская простота имъ повидимому непонятна. Тѣмъ не менѣе торжество таланта Крылова было полное». (Біографія Крылова. Стр. LXVII).

Переводъ *Альфреда Бужо* весьма удаченъ: онъ вышелъ въ 1852 г.

Волкъ на Псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку;
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ»!
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— «Огня»! кричатъ: «огня»! — Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разсчесться за овецъ, —
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: «Друзья! кчему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я» . . . — «Послушай-ка, сосѣдъ»,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

Крыловъ.

Примѣч.—Басня—историческаго происхожденія. Она написана по поводу событій 1812 года. «Волкъ», попавшій на псарню, есть Наполеонъ, пришедшій въ Россію. Самъ Кутузовъ примѣнялъ разсказъ Крылова къ себѣ. Вотъ что передаетъ Михайловскій-Данилевскій: «По окончаніи сраженія подъ Краснымъ, вечеромъ 6-го ноября, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ бивакамъ гвардейскаго корпуса и былъ встрѣченъ генералами, офицерами и солдатами. Поздравивъ отборное войско съ побѣдою, онъ сказалъ: «Дѣти! знаете ли, сколько взято орудій? *сто шестьдесятъ*», — и, указывая на везенные за нимъ Французскіе орлы, присовокупилъ: «какъ ихъ бѣднякъкъ жаль! они и головки повѣсили: вѣдь имъ холодно и голодно». Во время чая, собравшимся гвардейцамъ онъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: *ты сѣръ*»... при сихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку, и, потрясая наклоненною головою, продолжалъ: «*а я, пріятель, сѣдъ*»! Воздухъ потрясался отъ восклицаній гвардіи». (Описаніе войны 1812 года. Ч. IV, стр. 30—31). По поводу тѣхъ же событій 12 года написаны Крыловымъ басни: *Обозъ*, *Ворона и Курица*. Въ первой оправдываются благоразумныя мѣры Барклая де-Толли и Кутузова—ихъ медлительность въ отраженіи непріятеля; вторая происхожденіемъ своимъ обязана слѣдующему случаю: «Очевидцы разсказываютъ, — пишется въ Сынѣ Отечества 1812 года, на стр. 44 части 2-й, — что въ Москвѣ Французы ежедневно ходили на охоту — стрѣлять *воронъ* и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь,—замѣчается въ томъ же журналѣ,—можно дать отставку старинной Русской пословицѣ: *попалъ, какъ куръ во щи*, а лучше говорить: *попалъ, какъ ворона во Французской супъ*»! Въ баснѣ Крылова дѣйствительно такъ и говорится: *попался, какъ ворона въ супъ*. Обѣ басни напечатаны были въ Сынѣ Отеч. 1812, ч. 2.—Замѣтимъ, что весьма было бы любопытно знать историческое происхожденіе каждой басни Крылова: при такомъ знаніи онѣ получили бы свой особенный смыслъ, возрасло бы ихъ значеніе.

Демьянова Уха.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай».
— «Сосѣдушка! я сытъ по горло». — «Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена»!
— «Я три тарелки съѣлъ». — «И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты, —
А то, во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь-же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! да кланяйся, жена»!
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,

И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ;.
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. «Вотъ друга я люблю»! —
Вскричалъ Демьянъ: «За то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой»!
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку, —
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.
Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой Ухи.

Крыловъ.

Примѣч.—Слова *Лобанова*[1]): «Съ этой басней соединяется одинъ, весьма любопытный фактъ: «Въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова[2]), бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили Крылова прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя тогда были лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія, и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную піесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель *должностнаго разряда* А. С. Хвостовъ, сидѣвшій противъ него же за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ! что, привезли? — Привезъ. — Пожалуйте мнѣ. — Вотъ ужо, послѣ. — Длилось чтеніе, публика утомилась, начинала скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана піеса. Тогда И. А. руку въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ, и началъ: *Демьянова Уха.*

«Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, и принаровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за ея скуку, развеселивъ ее прелестью своего разсказа.

Французскій переводъ басни «Демьянова Уха»:

La soupe au poisson de Damien.

«Un peu de soupe encor, cher voisin, je vous prie».
— «Mersi, j'en ai déjà contenté mon envie».

[1]) Лобановъ Михайло Евстафьевичъ родился въ Петербургѣ 1787 г., умеръ тамъ же, 3 іюня, 1846 года.

[2]) Общество это было основано въ Петербургѣ въ 1811 году, и открыло свои

— «Qu'importe? à cette assiette, allons! faites honneur.
Cette soupe, ma foi, doit vous parler au cœur».
— «Sans doute; mais déjà j'ai vidé ma troisième».
— «Quoi! vous comptez! Alors voici la quatrième.
Mangez, soyez en joie. Il faut le confesser,
Un potage ainsi fait ne doit jamais lasser.
Comme il est gras! voyez cette conche onctueuse!
C'est de l'ambre fondu! ne me refusez pas,
Cher ami. Cette brême est, je crois, savoureuse;
Ce morceau de sterlet a bien quelques appas.
Mangez toujours, mangez, ne vous faites pas faute.
Et toi, ma femme, allons! presse à ton tour notre hôte».
C'est ainsi que maitre Damien
Exhortait Phocas son voisin,
Sans lui laisser reprendre haleine.
L'autre transpirait à la peine,
Sans voir un terme à son malheur.
Ne pouvant refuser, il accepte, il enrage;
Il prend à deux mains son courage;
Il avale. — «Voilà, certe, un ami de cœur»!
Lui criait le bourreau; «pour moi, j'aime qu'on mange;
Et les gens dédaigneux ne sont pas de mon goût.
Encore une assiettée, allons!» — Oh! pour le coup,
La proposition était par trop étrange.
Malgré tout son amour pour la soupe au poisson,
Phocas, abasourdi, perdit toute mesure;
Il saisit à deux bras son bonnet, sa ceinture,
S'enfuit bien vite à la maison,
Et ne revint jamais chez son amphitryon.
Bienheureux écrivain dont le talent sait plaire,
Quand il le faut, sache te taire
Et ménage un peu ton lecteur,
Ou sinon tes vers et ta prose,
Comme la soupe qu'on propose,
Dégoûteront bientot le public de l'auteur.

Alfred Bougeault.

Свинья подъ Дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до-сыта, до-отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ»,

дѣйствія 14 марта, при собраніи 200 человѣкъ обоего пола. Труды его были издаваемы подъ заглавіемъ: *Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова.*

Ей съ дуба воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
— «Пусть сохнетъ», горитъ Свинья:
«Ни чуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
—«Неблагодарная»! примолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».
Невѣжда такъ же, въ ослѣпленьѣ,
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно въ тебѣ умѣнье»?
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ

Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.
Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Примѣч.—Говорятъ, что эта басня написана въ отвѣтъ тѣмъ критикамъ которые, хваля Крылова, постоянно предпочитали ему Дмитріева и такимъ образомъ высказывали свое невѣжество.

Крыловъ.

Тема. — Все ли естественно въ этой баснѣ?

Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
«Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ Гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены»!
— «А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ.—«Да наши предки»...
«Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли»?
«Да наши предки Римъ спасли»!
— «Все такъ, да вы что сдѣлали такое?» —
«Мы? Ничего»!—«Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по-дѣломъ была и честь;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое».
Басню эту можно бы и болѣ пояснить —
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

Любопытный.

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ»?
—«Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ:
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки»!
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я, чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ»?
— «Да развѣ тамъ онъ»? — «Тамъ». — «Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

Крыловъ.

Лисица и Сурокъ.

— «Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки»?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— «Охъ, мой голубчикъ-куманёкъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки, —
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ попала;
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько.»
— «Нѣтъ, кумушка; я видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.»
Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:
И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой —
А смотришь, по-маленьку,
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшить, не скажешь:
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

Крыловъ.

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица»!
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье спёрло —

И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

Басня Лафонтена «Воронъ и Лисица»:

Le Corbeau et le Renard.

Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenoit en son bec un fromage.
Maître renard, par l'odeur alléché,
Lui tint à-peu-prés ce langage:
«Hé! bonjour, mousieur du corbeau.
Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!
Sans mentir, si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.»
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie;
Et, pour montrer sa belle voix,
Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie.
Le renard s'en saisit, et dit: «Mon bon monsieur,
Apprenez que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute:
Cette leçon vaut bien un fromage, sans doute».
Le corbeau, honteux et confus,
Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendroit plus.

La Fontaine.

Подстрочный переводъ басни «Воронъ и Лисица»:

Воронъ, усѣвшись на деревѣ, держалъ въ своемъ клювѣ сыръ. Лисица, привлеченная сырнымъ запахомъ, держала рѣчь къ нему почти что въ такихъ выраженіяхъ: «Ахъ! здравствуйте, господинъ воронъ! Какъ вы милы! Какъ вы мнѣ кажетесь прекрасны! Безъ шутокъ, если вашъ голосъ соотвѣтствуетъ вашимъ нерушкамъ, вы фениксъ въ ряду гостей этихъ деревъ». При сихъ словахъ воронъ не слышитъ себя отъ радости; и, чтобъ показать свой прекрасный голосъ, открываетъ свой широкій клювъ и роняетъ свою добычу. Лисица хватаетъ сыръ и говоритъ: «Мой добрый господинъ! научитесь, что всякій льстецъ живетъ на счетъ того, кто его слушаетъ: этотъ урокъ постоитъ сыру, безъ сомнѣнія». Воронъ, пристыженный и сконфуженный, поклялся, но нѣсколько поздно, что его больше не обманутъ.

Лисица и Виноградъ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ,
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;

А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймётъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

Крыловъ.

Басня Лафонтена «Лисица и Виноградъ»:

Le Renard et les Raisins.

Certain renard gascon, d'autres disent normand,
Mourant presque de faim, vit au haut d'une treille
Des raisins, mûrs apparemment (en apparence),
Et couverts d'une peau vermeille.
Le galant en eût fait volontiers un repas;
Mais comme il n'y pouvoit atteindre:
Ils sont trop verts, dit-il, et bons pour des goujats.
Fit-il pas mieux que de se plaindre?

La Fontaine.

Подстрочный переводъ басни «Лисица и Виноградъ»:

Лисица, одни говорятъ Гасконская, другіе—Нормандская, почти умирая съ голоду, увидѣла на верху плетня кисти виноградныя, съ виду зрѣлыя и покрытыя розовой кожицей. Ловкой лисѣ (le galant) хотѣлось бы ими пообѣдать, но такъ какъ не могла она ихъ достать,—то,—«они еще слишкомъ зелены и годны развѣ для мужиковъ», сказала. Что лучше могла въ этомъ случаѣ сдѣлать лисица, какъ не пожаловаться?

Дубъ и Трость.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ. — «Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу,» сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ. Чуть легкій вѣтеръ подернетъ рябью воду, ты зашатаешься, начнешь слабѣть, и такъ нагнешься сиротливо, что жалко на тебя смотрѣть. Межъ тѣмъ, какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво, не только солнца я препятствую лучамъ, но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ, стою и твердъ и прямъ, какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ: тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ. Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла, густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой — отъ непогодъ бы я быть могъ те-

бѣ защитой; но вамъ въ удѣлъ природа отвела брега бурливаго Эолова владѣнья: конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья.» — «Ты очень жалостливъ», сказала Трость въ отвѣтъ: «однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ. Не за себя я вихрей опасаюсь; хоть я и гнусь, но не ломаюсь: такъ бури мало мнѣ вредятъ; едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ! То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость твою не одолѣла крѣпость, и отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица; но — подождемъ конца»! Едва лишь это Трость сказала, вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ и съ градомъ и съ дождемъ шумящій аквилонъ. Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала. Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ, взревѣлъ — и вырвалъ съ корнемъ вонъ того, кто небесамъ главой своей касался и въ области тѣней пятою упирался.

Крыловъ.

Дубъ и Трость.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры: «Жалѣю», Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры: «жалѣю, Тросточка, объ участи твоей; я чаю, для тебя тяжелъ и воробей; легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду, ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду, и гнетъ тебя къ земли, тогда, какъ я—высокъ, осанистъ и вдали — не только Фебовы лучи пересѣкаю, но даже бурный вихрь и громы презираю; стою и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ; все для меня зефиръ, тебѣ жъ все аквилонъ. Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною, подъ тѣнію моей густою: ты бъ не страшилась бурь! но рокъ тебѣ судилъ расти, на мѣсто злачна дола, на топкихъ берегахъ владычества Эола. По-чести! и въ меня твой жребій грусть вселилъ».—«Ты очень жалостливъ», Трость Дубу отвѣчала: «но, право, о себѣ еще я не вздыхала: да не о чемъ и воздыхать; мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны. Хотя порывы ихъ ужасны и не могли тебя до-днесь поколебать, но подождемъ конца». — Съ симъ словомъ вдругъ завыла отъ сѣвера гроза и небо помрачила; ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ; летитъ, кружится листъ: Трость гнется — Дубъ стоитъ. Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи — и тотъ, на-коего съ трудомъ взирали очи, кто ада и небесъ едва не досягалъ... упалъ.

Дмитріевъ.

Басня Лафонтена «Дубъ и Тростъ»:

Le Chêne et le Roseau.

Le chêne un jour dit au roseau:
«Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau,
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir;
Je vous défendrois de l'orage:
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste».
«Votre compassion», lui répondit l'arbuste,
«Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin». Comme il disoit ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon; le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchoient à l'empire des morts.

La Fontaine.

Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:

Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова»?
— «Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова».
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И, точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ;
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но, какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ,
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ,
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ засни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.

А Мишка на часахъ—да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху»!
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ

Примѣч. — *Жуковскій*, сравнивъ эту басню съ баснею Лафонтена «L'Ours et l'Amateur des jardins», между прочимъ, говоритъ: «Авторъ описываетъ пустынника и друга его медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки: послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ — да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла:
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ; а муха снова
У друга на носу.

Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника. Лафонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer
Mit l'ours au désespoir—il eut beau la chasser!

Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная. Стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное, медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: *мишенька, увѣсистый, булыжникъ, корточки, переводитъ, думаетъ, и у друга, подкарауля,* прекрасно изображаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстро полустишіе:

— Хвать друга камнемъ въ лобъ.

Это молнія, это ударъ! Вотъ истинная живопись и какая противоположность послѣдней картины съ первою». (Соч. Жуков. VII).

Въ нашемъ изданіи басни Крылова напечатаны въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала идутъ басни, рѣшающія важные общественные, или жизненные вопросы; сюда относятся: *Пушки и Паруса*, *Листы и Корни*, *Бритвы* и *Мірская Сходка*. Потомъ слѣдуютъ басни историческаго происхожденія, — басни, написанныя по поводу современныхъ поэту явленій въ жизни общественной и политической; сюда принадлежатъ: *Василекъ*, *Квартетъ* и *Волкъ на псарнѣ*. Историческое ихъ происхожденіе объяснено выше въ примѣчаніяхъ. Далѣе въ «Христоматіи» напечатаны басни, отличающіяся или народностію или художественностію; таковы: *Демьянова Уха*, *Свинья подъ дубомъ*, *Оселъ и Соловей*, *Гуси*, *Любопытный* и *Лисица и Суркъ*. Наконецъ послѣднее мѣсто занимаютъ басни переводныя: *Ворона и Лисица*, *Лисица и Виноградъ*, *Дубъ и Трость* и *Пустынникъ и Медвѣдь*.

ИДИЛЛІЯ.

Гнѣдичъ (1784—1833) первый въ нашей литературѣ высказалъ вѣрный взглядъ на идиллію. Здѣсь перепечатывается вся его статья по этому предмету:

«Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературахъ Европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ *поэзіи пастушеской*; опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя, мнѣнія, что поэзія пастушеская (т. е. идиллія и эклога), въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ и проч. и проч.

«Идиллія Грековъ, по самому значенію слова [1]), есть *видъ, картина*, или то, что мы называемъ *сцена;* но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи *Ѳеокрита* (жилъ за 280 лѣтъ до Р. Х.), поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семъ особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обработывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. Занявъ для идиллій своихъ формы изъ *мимъ*, сценическихъ представленій, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержаній; но предметы для нихъ избиралъ большею частію простонародные, чтобы пышности двора Александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей Сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противо-

[1]) *Εἰδύλλιον*, происходитъ отъ *εἶδος*, видъ, и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

положности съ чрезмѣрною изнѣженностію и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

«Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни Греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по-своему переиначивать самую природу: чувство замѣняли чувствительностію, простоту — изысканностію. У Римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій; но не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Θеокрита; пастухи его большею частію ораторы. Калпурній и другіе изъ Римлянъ подражали Виргилію, не природѣ.

«Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, особенно въ Италіанской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій, посредѣ народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О Французахъ и говорить нечего. *Геснеръ*, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ: пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ миѳологію Греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе. Нимфы, Фавны, Сатиры для насъ умерли и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледянаго холода.—Такимъ образомъ Θеокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

«До сихъ поръ одни поэты Германскіе, намъ современные, хорошо поняли Θеокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ сему роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованія. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякой другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

«Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ нра-

вы, обычаи, жизнь, такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, Русскіе пастухи не спорятъ въ пѣснопѣніи, какъ Греческіе; не дарятъ другъ друга вазами и проч., но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей? — А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей, Русской природы? — Наши многообрядныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные суть живыя идилліи народныя, ожидающія своихъ поэтовъ. Какъ умѣлъ Ѳеокритъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, напримѣръ, *Праздникъ Адониса,* какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сію я перевесть осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ оборотовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка Греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе познакомить сколько-нибудь читателей, не знающихъ по-Гречески, съ однимъ изъ необыкновенно-оригинальныхъ произведеній поэта древняго, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія также существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Ѳеокриту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе сей идилліи:

«*Сиракузянки, съ семействами ихъ, пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой: желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.*

«Въ такой рамѣ, по-видимому, тѣсной, чего не заключается? Образъ жизни, нравы семейные, обычаи народные, военные, дѣла царствованія Птолемеева, обряды религіи, великолѣпіе ея празднествъ, все тутъ видимо, и все въ живомъ дѣйствіи, не въ холодномъ описаніи. Такова идиллія Древнихъ, или, лучше сказать, таковъ геній Ѳеокрита».

Къ превосходной статьѣ Гнѣдича присоединимъ нѣсколько историко-литературныхъ данныхъ, касающихся идилліи.

Буало требовалъ отъ идилліи четырехъ качествъ: simplicité, douceur, naiveté, élégance. Фонтенель въ разсужденіи объ эклогѣ [1]) упрекалъ древнихъ за то, что они не облагораживали природы; Жоффре назвалъ Ѳеокрита мало занимательнымъ, а пастуховъ его злыми, сварливыми. Бональ (Bonald) ставилъ Геснера выше Ѳеокрита. Онъ разсматриваетъ поэзію пасторальную и эпическую: идилліи Ѳеокрита, Виргилія и Геснера съ одной стороны, Иліаду, Энеиду и Освобожденный Іерусалимъ съ другой. Въ первыхъ (Ѳеокритѣ и

[1]) Эклоги — тоже, что идиллія. Отличаются своею формою. Эклога имѣетъ форму драматическую, а идиллія можетъ и не имѣть этой формы.

Гомерѣ) видитъ дѣтство поэтическаго рода, во вторыхъ (Энеидѣ и эклогахъ Виргилія)—его юношество, въ третьихъ (Геснерѣ и Тассо) мужество. Короче — нравы, изображенные Ѳеокритомъ, запечатлѣны грубой простотой; Геснеръ, корифей поэтовъ пасторальныхъ, описываетъ природу простую, необлагороженную; Виргилій занимаетъ средину. (Du style et de la littérature. 1806. Melanges).

Руководясь такими ложными воззрѣніями, ново-Европейскіе идиллисты начали облагораживать природу; они обманывали воображеніе читателя картиной небывалыхъ блаженствъ и быта, никогда не существовавшаго на землѣ; мужики и мужички изображались въ театральныхъ костюмахъ; настухи и пастушки носили соломенныя шляпки съ голубыми и розовыми лентами, башмаки съ высокими красными каблуками; натирались пудрою и завивали волосы въ локоны. Языкъ дѣйствующихъ лицъ былъ высокій; выказывали чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію; имена они носили вымышленныя; напр. Филлида, Хлоя, Адонисъ, Дамонъ, Палемонъ, Дафнисъ и пр. Представителями подобнаго направленія въ идилліи были — во Франціи *М-me Дезульеръ* (XVII в.), въ Германіи *Геснеръ*.

Противъ ложнаго направленія въ идилліи возсталъ Англійскій поэтъ *Георгъ Краббъ* (1754 — 1830). Онъ смѣло и прямо взглянулъ на вседневную простую жизнь во всей ея наготѣ и правдѣ. Его идиллическое сочиненіе «Деревня» было бичемъ ложноклассической идиллической музы. Авторъ «Деревни» старался свести поэзію въ міръ правды и неприкрашенной истины. «Я воспѣваю, говоритъ Краббъ, истинную, дѣйствительную жизнь бѣднаго человѣка». Потому не однѣ свѣтлыя стороны изображаются, но и темныя, пугающія. Такъ вторая половина поэмы посвящена описанію страданій, заблужденій и пороковъ женской части сельскаго населенія. Изобразивъ страшныя картины заблужденій, поэтъ говоритъ, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы люди не строили себѣ вредныхъ призраковъ и понимали правду жизни, — для того, чтобы бѣдный селянинъ понималъ свою долю горя и видалъ въ богатомъ одинаковые съ собою грѣхи и не завидовалъ бы его богатству,— для того, чтобы они оба, слѣдя за исторіею «горестей и пороковъ», поняли, что они оба — часть одного бѣднаго, неразумнаго, заблуждающагося племени, которое умираетъ равно и равно успокоивается, сравнявшись въ прахѣ. Краббъ былъ священникомъ и написалъ «Приходскіе Списки», «Мѣстечко». Хотя взглядъ его на жизнь не можетъ назваться веселымъ или радостнымъ, но его поэтическій талантъ не лишенъ веселости: послѣ сценъ печальныхъ и тяжелыхъ, Краббъ находилъ въ себѣ довольно энергіи на сарказмъ, на невинную шутку. Поэма «Приходскіе Списки» имѣетъ цѣлію — описаніе сельскихъ нравовъ и обычаевъ. Авторъ, какъ священникъ, сперва дѣлаетъ въ своемъ сочиненіи обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ браковъ крестьянъ, похоронъ въ его приходѣ за послѣдній годъ. При этомъ онъ изображаетъ намъ физіономію и приключенія своихъ героевъ. Вся поэма состоитъ изъ ряда портретовъ, списанныхъ въ самые важные и обычные моменты жизни человѣка, снятыхъ съ оригиналовъ изъ простаго и средняго общественнаго быта.

Шиллеръ высказалъ замѣчательное мнѣніе объ идилліи. Цѣль идиллій, по его словамъ, изобразить человѣка въ состояніи невинности, въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣмъ окружающимъ. Она способна принести влеченіе только сердцу больному, требующему покоя: сердцу здоровому она не можетъ дать пищи.

Въ нашей литературѣ *Сумароковъ* (XVIII в.) является первымъ писателемъ идиллій. Всѣ его идилліи отличаются искусственностію и однообразіемъ,

потому что созданы по ложно-классическому образцу. *Владиміръ Панаевъ*, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, довелъ искусственность Сумарокова до крайней степени; его идилліи совершенно во вкусѣ Дезульеръ и другихъ. Не смотря на то, критика двадцатыхъ годовъ съ радушіемъ встрѣчала пастушескія произведенія Панаева. (Род. 1792). Въ журналѣ «Благонамѣренный», издававшемся А. Измайловымъ, Панаевъ названъ замѣчательнѣйшимъ поэтомъ, изображающимъ не мечту, а человѣка, какимъ онъ долженъ быть при патріархальной простотѣ. (Благонам. 1823, № 23 и 24). Когда вышли идилліи Панаева, Измайловъ произнесъ самый благосклонный надъ ними приговоръ; критикъ нашелъ въ идилліяхъ нашего Өеокрита простоту и естественность разговора, нѣжность и силу чувствъ, легкую и исправную версификацію. Многія идилліи Панаева, по словамъ Измайлова, могутъ быть образцовыми. Измайловъ даже написалъ застольные стихи Панаеву. (Соч. А. Измайлова. 1 — 244). Идиллистъ пользовался въ ту эпоху всеобщимъ почетомъ. Отъ Россійской Академіи Наукъ онъ получилъ золотую медаль за свои пастушескія произведенія; за тѣ же самые труды Императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала поэту золотые часы. Доброе старое время!.. Основателемъ истиннаго взгляда на идиллію былъ Гнѣдичъ. Выше напечатана его статья объ этомъ предметѣ. Не только въ теоріи, но и на дѣлѣ Гнѣдичъ проводилъ свои идеи. Въ идилліи его «Рыбаки» нѣтъ ни Дафнисовъ, ни Хлой: за что въ свое время онъ былъ осужденъ критикою. Въ 1808 году *Егоръ Сферинъ* перевелъ Өеокрита; въ 1818 г. появились прекрасныя сельскія стихотворенія *Гебель* въ переводѣ Жуковскаго; въ 1820 г. *Павелъ Теряевъ* перевелъ превосходную идиллію Фосса «Луиза»; далѣе — *Мерзляковъ*, Баронъ *Дельвигъ* и особенно Гнѣдичъ, съ образцовою вѣрностью и изяществомъ переведшій идиллію Өеокрита «Сиракузянки»: всѣ эти писатели и переводчики способствовали къ установленію истиннаго взгляда на идиллію.

Въ послѣднее время познакомилъ съ идилліями Өеокрита *Мей*. Онъ перевелъ пять идиллій Греческаго поэта: Рыбаки, Амариллиса, Дѣтство Алкида, Алкидъ — побѣдитель льва и Волшебница. Переводъ Мея отличается буквальною точностію.

Переводы идиллій: Идилліи Өеокрита; пер. съ Греч. Егоръ *Сферинъ*. 1808.— Циклопъ, Рыбаки и Друзья, идилліи *Өеокрита*; пер. *Мерзлякова*.—Сиракузянки, идиллія Өеокрита; пер. *Гнѣдича*.—Идилліи Өеокрита въ стихотвореніяхъ *Л. Мея*. 1857. — Эклоги *Виргилія*; пер. Мерзлякова. 1807. — Идилліи и пастушьи поэмы *Геснера*; пер. Левшина. 1787. — Деревянная нога, Геснера; пер. *Карамзина*. 1784— Дафнисъ, Геснера; пер. *А. Шишкова*. 1785.—Идилліи *г-жи Дезульеръ*; пер. Мерзлякова. 1807. — Луиза, *Фосса*; пер. Павла Теряева. 1820. — Мѣстечко, *Георга Краббэ*. Москов. Вѣд. 1856, № 21. — Приходскіе Списки, его же. Рус. Вѣст. 1856. № 6.

Статьи объ идилліи: Наивная и сентиментальная поэзія. *Шиллера*. Отеч. Зап. 1850, № 2 и 3. — Ложно-классическое направленіе въ идилліи. Соврем. 1850, № 10; 1857, № 1. — О Георгѣ Краббѣ. *Дружинина*. Соврем. Т. LIV, LV. LVI, LVII. — О Георгѣ Краббѣ. Библ. для Чт. 1856, № 8.— Примѣч. къ Хрестоматіи *Галахова*, изданіе прежде 1861 г. — Словарь древней и новой поэзіи. *Остолопова*.

СИРАКУЗЯНКИ ИЛИ ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

(Өеокрита).

ЛИЦА.

Горго. **Праксиноя.**	Сиракузянки.	**Старуха.** **Незнакомецъ** первый.
Эвноя. **Эвтихида.**	Ихъ служанки.	**Незнакомецъ** второй.

ГОРГО.

Дома, иль нѣтъ Праксиноя?

ЭВНОЯ.

Ахъ, Горго, какъ поздно ты... дома.

ПРАКСИНОЯ.

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей креселъ, Эвноя;
Брось и подушку.

ГОРГО.

Спасибо; ахъ, какъ хорошо!

ПРАКСИНОЯ.

Ну, сиди же.

ГОРГО.

Счастливы души безплотныя: я такъ насилу спаслася,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу!
Все сапоги, да хламиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь — безъ конца! Далеко ты, мой другъ, поселилась.

ПРАКСИНОЯ.

Это все онъ, дуралей (мужъ): на краю мнѣ свѣта здѣсь нанялъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобъ съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!...

ГОРГО.

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа,
Въ слухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.

ПРАКСИНОЯ *(къ дитяти).*

Нѣтъ, мой Зопиріонъ, я говорю не про тятю, мой милой!

ГОРГО *(въ сторону).*

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. *(Въ слухъ).* Твой тятя прекрасенъ!

ПРАКСИНОЯ.

Этотъ тятя — вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю):
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?... соли! — въ тринадцать локтей мужчина!

ГОРГО.

Тоже сдѣлалъ, точь въ точь, Діоклидъ мой, пагуба денегъ!
Далъ семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштопкѣ заштопка, ну гадость! —
Но, надѣвай же ты платье, и плащъ твой съ застежками новый;
Время; пойдемъ-ка въ палаты Царя-богача, Птолемея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, Царица готовитъ
Много прекраснаго.

ПРАКСИНОЯ.

Дивно-ли? *все у богатыхъ богато.*
Ты жъ, что увидишь, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

ГОРГО.

Время однако отправиться: *празднымъ всякой день праздникъ.*

ПРАКСИНОЯ.

Эвно, воды ключевой, и поставь по срединѣ; скорѣе жъ!
Ахъ ты, нѣженка!.. *спать покойно хотятъ ужъ и кошки.*
Двигайся жъ, мигомъ воды! вода всего мнѣ нужнѣе.
Какъ она держитъ кувшинъ! По давай; безтолковая, тише
На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно! — Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась. —
Ключъ отъ шкатулки большой? поскорѣе сама принеси мнѣ.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! прелесть! А что оно стоитъ съ работой?

ПРАКСИНОЯ.

Лучше не спрашивай; чистымъ серебромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; объ работѣ молчу; приложила всю душу.

ГОРГО.

Вышло за то по желанію.

ПРАКСИНОЯ.

Да, твоя рѣчь справедлива.
Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу: приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ. — *(Къ ребенку).* А дитя не возьму я; тамъ бука, тамъ лошадь кусаетъ....
Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калекой.
Горго, идемъ. — Ну возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въ домъ позови собаку, и двери сѣнныя запри ты. —
Боги, какая толпа!.. неужели должны перейти мы
Эту бѣду? муравьи неисчетные, нѣтъ и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣ того, какъ къ богамъ пріобщенъ твой родитель! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны Египетскимъ подлымъ коварствомъ:
Прежде какъ шаловствамъ предавались искусники эти,
Всѣ на единую стать, негодяи, разбойники, воры....
Милая Горго... что съ нами будетъ? Воины сзади,
Конники царскіе скачутъ.... Другъ мой, меня ты задавишь!..
Сталъ на дыбы его рыжій!.. Онъ дикъ совершенно, онъ бѣшенъ!..
Гдѣ ты, Эвноя? куда ты?.. убьетъ этотъ конь человѣка!
Какъ хорошо я сдѣлала, дома оставивъ ребенка!

ГОРГО.

Ну, ободрись, Праксиноя! теперь позади мы всѣхъ конныхъ:
Строй ихъ пошелъ на площадь.

ПРАКСИНОЯ.

Теперь я, другъ, оживаю.
Змѣя да лошади пуще всего я на свѣтѣ боюся
Съ самаго дѣтства. — Пойдемъ, приближаются волны народа.

ГОРГО *(къ старухѣ, идущей на встрѣчу).*

Ты изъ дворца, моя матушка?

СТАРУХА.

Да, мои дѣти.

ГОРГО.

Легко ли
Будетъ войти намъ?

СТАРУХА.

Съ попыткою въ Трою вошли Аргивяне:
Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

ГОРГО.

Слышишь? старуха уходитъ и словно оракулъ бормочетъ.

ПРАКСИНОЯ.

Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юноной.

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

ПРАКСИНОЯ.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвноя,
Руку возьми, и держися ея, чтобъ отъ насъ не отстала.
Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися же насъ ты, Эвноя.
Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго.
Точно разорвано!.. *(Къ незнакомцу).* Ради Зевеса, да будешь ты счастливъ,
Добрый мой человѣкъ, я прошу охраняй мое платье.

НЕЗНАКОМЕЦЪ 1-й.

Здѣсь я не властенъ; но буду стараться....

ПРАКСИНОЯ.

Ужасная давка!
Лѣзутъ, какъ свиньи.

НЕЗНАКОМЕЦЪ 1-й.

Спокойтеся, женщины, мы на просторѣ.

ПРАКСИНОЯ.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!..
Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!...
Давятъ, Эвноя! впередъ, несчастная... силой ломися;
Славно! *всѣ дома:* какъ тотъ говоритъ, кто жену молодую,
Введши въ свой домъ, запираетъ [1]).

---

[1]) Свадебный обрядъ.

ГОРГО.

Здѣсь остановимся прежде,
Здѣсь, Праксиноя, на эти мы тканія прежде посмотримъ:
Какъ онѣ тонки, прекрасны! твореніе божіе скажешь.

ПРАКСИНОЯ.

Дѣва Аѳина! какія работали ихъ мастерицы?
Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
Точно, какъ будто стоятъ, и какъ будто движутся люди!
Это живое, не тканое! — Много ума въ человѣкѣ!
Самъ же, о, какъ онъ прекрасенъ лежитъ на серебряномъ ложѣ
Юный Адонисъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ.
Многолюбезный Адонисъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

НЕЗНАКОМЕЦЪ 2-й.

Вы перестанете-ль, жалкія, вздоръ молоть безконечный?
Горлицы... каждую рѣчь во весь ротъ распѣваютъ несносно?

ГОРГО.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
Слугамъ приказывай; ты Сиракузянкамъ развѣ указчикъ?
Мы Сиракузянки, да, чтобы зналъ ты, Коринѳянки родомъ,
Такъ какъ и Беллерофонъ. Нашъ выговоръ Пелопонезскій;
Но говорить по-Дорически, чаю, Доріянкамъ можно.

ПРАКСИНОЯ.

Нѣтъ, сохрани, о Сладчайшая [1]), насъ отъ владыки другаго;
Есть онъ одинъ. — На тебя не смотрю, и въ обиду не дамся
Даромъ...

ГОРГО.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Коею Сперхисъ пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ,
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она приступаетъ.

АРГИВЯНКА *(поетъ).*

О, Владычица Голгоса, ты, что Идалію любишь,
Холмный Эриксъ посѣщаешь, Киприда, играюща златомъ!

---

[1]) Эпитетъ Прозерпины.

Вотъ каковаго Адониса съ мрачныхъ бреговъ Ахерона [1]),
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжноногія Горы.
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ намъ,
Горы на всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи [2]), Киприда [3]) могучая, ты Беренисѣ [4]),
Такъ человѣки гласятъ, даровала безсмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амврозію капая неба,
Днесь въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Берениcы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.
Собрано все вкругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ сребряныхъ копнахъ, и Сиріи мѵро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противняхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшая цвѣты и душистыя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходитъ, ядомое, здѣсь, передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анеѳомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ
Силу ихъ крылъ испытуя, летаютъ съ вѣтки на вѣтку.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность,
Скажетъ про нихъ восхищенный Милетянинъ, или Самосецъ.
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа:
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ *бѣлорукій* Адонисъ,
Юный супругъ девятнадцати-лѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.

Радуйся, о Афродита, обрѣтшая паки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда

[1]) *Адонисъ* — любимецъ Венеры, извѣстный красотою своею пастушокъ. Когда онъ погибъ на охотѣ отъ дикаго вепря, Афродита (Венера) впала въ такое отчаяніе, что не имѣла силъ оторваться отъ мертваго. Боги въ утѣшеніе ей опредѣлили Адонису ежегодно на весну и лѣто покидать мрачную обитель Персефоны (Прозерпины), дабы видѣть Афродиту. Въ этомъ миѳѣ олицетворено разцвѣтанье природы до самой поры созрѣванья и конечной жатвы (осени и зимы: возвращенія къ Персефонѣ). Эта ежегодная естественная перемѣна въ природѣ была поводомъ къ особому празднеству въ честь Адониса. — Ахеронъ одна изъ адскихъ рѣкъ. См. Олимпъ, или Греческая и Римская миѳологія, соч. *Петискуса*. Спб. 1861.

[2]) Венера, по нѣкоторымъ сказаніямъ, произошла отъ Зевса и Діаны, почему и называлась *Діонея*.

[3]) На островѣ Кипрѣ у Венеры было нѣсколько храмовъ, но блистательнѣйшій изъ всѣхъ — въ городѣ Паѳосѣ. Сюда стекались тысячами, чтобы праздновать ежегодный праздникъ въ честь Афродиты. Тутъ былъ и оракулъ богини. По острову Кипру, Венера называлась *Кипридой*.

[4]) *Берениса* — жена Птолемея Эвергета.

На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія.
И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы звучно начнемъ пѣснопѣнье:
«Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону:
Доля, какой ни единый земный полубогъ не сподобленъ;
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ [1]),
Ни изъ Гекубиныхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе оныхъ, Лапиѳы, или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги.
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!»

ГОРГО.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье: Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость.

Гнѣдичъ.

Дѣтство Алкида.

(Ѳеокрита).

На ночь Алкмена, омывши и грудью вскормя лебединой
Чадъ своихъ милыхъ, — Алкида, которому только десятый
Мѣсяцъ пошелъ, и Ификла, юнѣйшаго ночью единой, —
Спать ихъ на мѣдномъ щитѣ уложила: доспѣхъ тотъ богатый
Былъ Амфитріономъ снятъ съ Птерелая, какъ памятникъ боя,
Боя, гдѣ палъ Птерелай отъ могучей десницы героя.
Нѣжно Алкмена своихъ сыновей цѣловала,
Нѣжныя рѣчи тому и другому вѣщала:
— «Спите, младенцы; души моей радость, чета дорогая,
Спите спокойно; спокойно по утру раскройте рѣсницы.
Пусть эта ночь переносится, вашего сна не смущая,
Пусть озаритъ васъ весельемъ и счастьемъ сіянье денницы».
Молвила; щитъ мѣднокованный тихо качаетъ, —
И невидимкою сонъ на младенцевъ слетаетъ.
Темная ночь перешла половину небесной дороги;

[1]) Аяксъ.

Выя Медвѣдицы плавно, подъ мощнымъ плечомъ Волопаса,
Стала склоняться къ закату...
Тогда-то къ Алкменѣ въ чертоги
Неумолимая Гера, во мракѣ полночнаго часа,
Местью дыша, ниспослала на гибель младенца-Алкида
Пару лазурно-чешуйчатыхъ зміевъ ужаснаго вида.
Крадутся вровень съ землею чудовища въ мракѣ полночи;
Длинныя кольца свои развиваютъ и движутся рядомъ;
Искрятся ярко зловѣщимъ огнемъ кровожадныя очи;
Страшныя пасти раскрыты и чернымъ опѣнились ядомъ.
Близятся зміи, ползутъ и острятъ ядовитое жало...
Но ничего не скрывается въ мірѣ отъ взоровъ Зевеса:
Вдругъ пробудилися чада Алкмены, и мрака завѣса
Спала съ чертоговъ и все въ нихъ внезапно, какъ днемъ, просіяло.
Первый примѣтилъ Ификлъ, на округлыхъ загибахъ щитовыхъ
Этихъ чудовищныхъ зміевъ, предать его смерти готовыхъ.
Страшные зубы завидѣвъ, онъ крикнулъ въ испугѣ, ногами
Сбросилъ съ себя одѣяло-руно, — и спастися пытаетъ...
Но ужъ младенецъ-Алкидъ ни испугу, ни страха не знаетъ:
Зміевъ схватилъ онъ и крѣпко имъ дѣтскими стиснулъ руками
Горло, налитое ядомъ, богамъ ненавистнымъ безъ мѣры.
Тщетно чудовища въ кольцахъ опутать Алкида хотѣли:
Имъ не подъ силу младенецъ, задержанный местію Геры
Въ часъ нарожденья и слезъ не знававшій съ самой колыбели.
Вскорѣ чудовища, силы утративъ въ борьбѣ безполезной,
Страшныя кольца развили и рвутся изъ петли желѣзной.
Въ это мгновенье Алкмена, заслышавъ въ безмолвіи ночи
Крики Ификла, открыла дремотой смеженныя очи:
— «Встань, Амфитріонъ! отъ ужаса дыбомъ вздымается волосъ...
Встань! необутый... Ты слышишь ли нашего младшаго голосъ?
Видишь ли свѣтъ этотъ странный, внезапно чертоги
Намъ до зари осіявшій? Какою напастію боги,
О, мой супругъ дорогой, угрожаютъ во гнѣвѣ мнѣ, бѣдной»?
Прянулъ въ волненьи съ одра Амфитріонъ и мечъ свой побѣдный
Снялъ съ одного изъ столповъ, въ изголовьѣ кедроваго ложа:
Новую, тканую перевязь лѣвой рукою хватаетъ,
Правою — мечъ изъ искусно-точеныхъ ноженъ извлекаетъ.
Вдругъ прекратилось сіяніе, мракъ непроглядный умножа...
Громко зоветъ Амфитріонъ невольниковъ:
— «Вѣрные слуги! Скорѣе свѣтильниковъ, ярко зажженныхъ!
Выбейте двери.... замки и запоры сломите!...
Встаньте отъ ложа, спѣшите, усердные слуги! спѣшите»!
Слуги на царскіе возгласы тѣсной толпой прибѣгаютъ,

Яркіе свѣточи вносятъ и дѣтскій чертогъ наполняютъ.
Видя, что змія вокругъ колыбели дѣтей обвилися,
Всѣ они вскрикнули въ страхѣ; Алкидъ же, не вѣдавшій страха,
Въ радости дѣтской чудовищъ отцу показалъ, смѣючися,
И—бездыханныхъ—къ ногамъ его бросилъ съ размаха...
Между тѣмъ, блѣднаго, оледененнаго страхомъ Ификла
Къ персямъ прижавши, Алкмена надъ нимъ со слезами поникла....
Слѣдомъ за ней, подъ руно уложивши младенца другова,
Царь возвратился въ ложницу, чтобъ сномъ успокоиться снова [1]).

Мей.

Лѣтній Вечеръ.

(*Гебеля*).

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ и лу-
гахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ при томъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи:
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ
пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

[1]) Далѣе у Өеокрита — переходъ къ предсказанію Терезіаса и къ воспитанію Алкида, но этотъ переходъ, повидимому, — отрывокъ, и идиллія не кончена.

И такъ совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И, намъ сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ:
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ: въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

Жуковскій [1]).

Утренняя Звѣзда.

(Гебеля).

Откуда, звѣздочка краса?
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.

---

[1]) Жуковскій 1783 — 1852.

А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано поутру —
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? Всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
«Небесный Царь, услыши насъ;
Твое владычество приди,
Насъ въ искушенье не введи;
На путь спасенія наставь
И отъ лукаваго избавь».

Зачѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?...
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что жъ? Увидятся ли?... Нѣтъ.
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?... Ужъ не блеститъ;
Печально-блѣдная, бѣжитъ;
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.

И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;
И дымъ клубится изъ печей
И будитъ мельницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Но кто тамъ въ утреннихъ лучахъ
Мелькнулъ и спрятался въ кустахъ?
Съ вѣтвей посыпалась роса.
Не ты ли, дѣвица-краса,
Душѣ сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звѣздой,
И будь на тверди голубой,
Моя звѣзда — подружка ты,
И мнѣ сіяй изъ высоты —
О звѣздочка — душа моя,
Не испугался бъ солнца я.

Жуковскій.

Птицы.

(Дезульерь [1]).

Весна нисходитъ къ намъ, и зимній мракъ исчезъ!
Свѣтлѣютъ небеса, цвѣтутъ луга и горы,
Шумитъ зеленый лѣсъ;

[1]) Антуанета дю Лижье де Лагардъ, по фамиліи своего мужа *Дезульерь*, родилась въ Парижѣ въ 1633 году. — Издатель Французскаго Парнаса говоритъ о госпожѣ Дезульеръ слѣдующее: Въ ней наиболѣе должно удивляться красотѣ чувствованій, пріятности выраженій, гармоніи стиховъ и счастливому расположенію

Расторглись на рѣкахъ хрустальные затворы;
Зима не можетъ удержать
Во влажныхъ храминахъ горюющихъ Наядъ!
Пастушки, пастухи на ближній холмъ выходятъ,
Играютъ, прыгаютъ, подъ шумомъ голосовъ;
Или, уединясь, попарно въ рощѣ бродятъ.
Стада оставили свой зимній, теплый кровъ;
Несчетны птичекъ вереницы,
Разсѣясь тамъ и здѣсь, въ честь новыя царицы,
Стремятся разбудить гулъ спящій по лѣсамъ!
Какой всесильный богъ прогналъ морозы, бури,
Облекъ небесный сводъ въ блистаніе лазури,
И отдалъ прелести лугамъ?
Малютка-богъ творитъ такія превращенья!
Веселая весна
Ему красой одолжена;
Ему за радость всѣ обязаны творенья!
Все жертва смерти безъ него;
Амуръ — душа всего!
Онъ ужасы зимы жестокой побѣждаетъ;
Онъ сердце хладное живитъ и согрѣваетъ!
Холодность мертвая въ сердцахъ
Есть то же, что зима въ поляхъ!
Увы! напрасно намъ природа повторяетъ
Съ весною каждой вновь пріятный сей урокъ:
Отъ колыбели насъ срѣтаетъ
Иль предразсудокъ, иль порокъ!
Счастливъ, кто ихъ не зналъ! плѣненные мечтами,
Мы учимся—чему? природѣ быть врагами;
Смѣясь ея святой, блаженной простотѣ,
Мы любимъ болѣе, въ постыдной слѣпотѣ,
Быть жертвой прихотей, людьми изобрѣтенныхъ,
Творимъ себѣ свой плѣнъ, рабы рабовъ презрѣнныхъ!
Гдѣ первый нашъ законъ? гдѣ первый образъ нашъ?

рифмъ.—Никто не говорилъ лучше о любви, никто не умѣлъ украшать нравственности столь простыми, и вмѣстѣ прелестными цвѣтами.—Признательные современники называли ее Сафою, десятою музою, Каллїопою Французскою. — Изъ книги собранныхъ ея стихотвореній видно, что она упражнялась въ сочиненіи пѣсенъ баллядъ, эклогъ, эпистолъ, идиллій, стансовъ и одъ. Она занималась и драматическою поэзіею, и написала двѣ трагедіи, Генсерика и Антонія, изъ которыхъ первая имѣла около 40 представленій. (Словарь древней и новой поэзіи. *Остолопова.* Ч. 2, стр. 11). Идиллія «Птицы» печатается въ образецъ ложно-классической теоріи въ поэзіи.

О птички милыя, завидень жребій вашъ!
Вы вздумали любить, и любите свободно!
Наскучило вамъ здѣсь: летите, въ добрый часъ!
Природа ваша мать: живете, какъ угодно!
Нѣтъ добродѣтелей, пороковъ нѣтъ для васъ.
Весь вѣкъ довольны вы одеждою одною;
Не слыхано въ лѣсахъ, чтобъ филинъ возблисталъ
Павлина красотою,
Чтобъ воронъ соловья напѣвы повторялъ!
Ахъ, искренность сія не наше достоянье!
Пристойность строгая, права, образованье,
Все требуетъ отъ насъ печальнѣйшихъ услугъ!
Что лести низкой хуже?
Но лги — и будешь правъ; но льсти — и будешь другъ!
Природа съ нами будто вчужѣ!
Или.... признаемся, краснѣя отъ стыда!
Отмщая праведно за наши къ ней измѣны,
Намъ пищи не даетъ безъ горя и труда!
Все, все противу насъ: стихійны перемѣны,
Огонь, земля, вода! Скрывайся непогодъ,
Одежду приготовь, посѣй, сбери плодъ нивы,
И послѣ трепещи за сей же самый плодъ!
Ахъ, птички, вы счастливы!
Для васъ готово все: ни сѣять, ни хранить!
Осталось лишь летать, пѣть пѣсни и любить!
Одни силки для васъ покоя возмущенье!
Ахъ! страшенъ тайный врагъ!
Но вамъ безпечность—другъ; а намъ товарищъ—страхъ!
Для васъ—мученій мигъ; вся наша жизнь—мученье!
Летите поскорѣй, малютки, поскорѣй!
Страшитеся ловца! или страшитесь болѣ
Вы легковѣрности своей.
Ахъ, горько, горько жить въ неволѣ!

Мерзляковъ.

Палемонъ [1]).

Прекраснѣйшимъ утромъ, зимою,
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ —
Дрова, запасены порою,

---

[1]) Печатается въ образецъ ложно-классической идилліи.

Пылали въ горнушкѣ трескучимъ огнемъ. —
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
«О сколь ты, природа, прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты:
Гроза ли пылаетъ ужасна,
Ревутъ ли Борея, цвѣтутъ ли цвѣты —
Всегда ты, во всемъ совершенна!...
Какъ блещетъ равнина, сквозь легкій туманъ,
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!...
Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены,
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;
Невидно на паствахъ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли
И пѣвчія птички нахохлясь сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокой,
Чирикая, скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далекой
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Лишь изрѣдка снѣжной равниной
Съ дровами лѣнивый протащится волъ». —
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ горнушкѣ, и снова къ окну подошелъ. —
«Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ;
Оставила прежняя сила;
Погаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но ахъ! сожалѣть ли о красной
Дней юныхъ, промчавшейся быстро, веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ,
Полезенъ семейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ!
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется, будто какого-нибудь

Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому же на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ отрадой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливымъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать?—
Подобно, какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Дametѣ моемъ разцвѣту!

В. Панаевъ.

БАЛЛАДА.

Баллада, по теперешнему о ней понятію, есть небольшая поэма фантастическаго содержанія.

В средніе вѣка баллада была народною пѣснію, или поэмою, изображавшею чувства и подвиги рыцарства. Баллады пѣлись, и пѣніе ихъ сопровождалось національными танцами, откуда произошло и самое слово баллада (βαλλίζω - пляшу). Этотъ видъ поэзіи преимущественно развился въ Испаніи. *Тикноръ*, авторъ «Исторіи Испанской литературы» о балладахъ Испанскихъ говоритъ слѣдующее: «Первое, что поражаетъ насъ, когда раскроемъ старинный сборникъ Испанскихъ балладъ, это національный духъ, которымъ онѣ проникнуты. Напрасно будемъ искать въ нихъ поэтическихъ вымысловъ другихъ народовъ современнаго періода, хотя встрѣтить ихъ здѣсь казалось бы естественнымъ. Даже рыцарство, столь свойственное характеру и положенію Испаніи въ эпоху появленія этихъ балладъ, и оно не ввело своихъ любимыхъ личностей въ эту область поэзіи... Исключеніе составляетъ одинъ только Карломанъ съ своими пэрами. Этотъ великій государь... породилъ цѣлый рядъ балладъ, въ которыхъ, однакожъ, національное тщеславіе Испанцевъ заставляетъ его послѣ всѣхъ великихъ подвиговъ пасть подъ мечами Испанцевъ со всѣми его пэрами. Это собственно *рыцарскія* баллады.

«Второй отдѣлъ составляютъ баллады *историческія* — самый важный и богатый отдѣлъ. Первые герои Испанской исторіи возникли такъ непосредственно изъ національнаго характера и первые подвиги Испанскаго оружія такъ близко касались положенія каждаго христіанина на полуостровѣ, что естественно сдѣлались главными предметами Испанской поэзіи, которая во всѣ времена въ замѣчательной степени была выраженіемъ чувствъ и страстей народныхъ. И всѣ эти произведенія народнаго генія запечатлѣны однимъ ха-

рактеромъ. Вѣрность и преданность господствуютъ во всѣхъ поступкахъ ихъ героевъ. Владѣтель Буртаго жертвуетъ своею жизнію для спасенія жизни государя; Бернардо дель-Карпіо покоряется дядѣ, который оскорбляетъ его сыновнія чувства, и когда, наконецъ, доведенный до отчаянія, онъ идетъ противъ этого дяди, баллады и хроники покидаютъ его. Эти и другія сильныя черты національнаго Испанскаго характера постоянно проявляются въ старыхъ историческихъ балладахъ.

«*Маврскія* баллады (Мавры нѣсколько вѣковъ господствовали надъ Испаніею) составляютъ сами по себѣ блестящій отдѣлъ, но сочиненіе ихъ относится къ позднѣйшимъ временамъ; немногія изъ нихъ касаются героевъ или событій ранѣе паденія Гранады. Должно полагать, что, по совершенномъ уничтоженіи Маврскаго могущества, когда побѣдители впервые вступили въ полное владѣніе всѣмъ, что произвела роскошь ихъ цивилизованныхъ непріятелей, народная поэзія была увлечена новымъ для нея очарованіемъ (т. е. климатомъ и мѣстоположеніемъ, иноземными, не чуждыми Испанцамъ, нравами, великолѣпною архитектурою, разсказами о воинскихъ подвигахъ Маврскихъ владѣтелей).

«Есть еще одинъ отдѣлъ, изображающій *частную* жизнь. Поэтическія чувства даже низшихъ слоевъ Испанскаго народа обнимали больше предметовъ, нежели мы могли бы предположить. Ясность понятій, живость и нѣжность впечатлѣній въ этомъ народѣ удивительны. Его домашнія, такъ сказать, баллады большею частію выражаютъ изліянія любви: но много между ними пастушескихъ, комическихъ и сатирическихъ; множество балладъ, изображающихъ нравы и забавы народа, въ обширномъ смыслѣ. Но всѣ онѣ имѣютъ одну общую характеристическую черту: всѣ эти баллады рисуютъ частную жизнь Испанцевъ, и можно сказать утвердительно, что ни одинъ языкъ не представляетъ такой богатой простонародной поэзіи.

«Англійскія и Шотландскія баллады принадлежатъ гораздо грубѣйшему состоянію общественной жизни, въ которой преобладали суровость и жестокость нравовъ.

«Ни одна народная поэзія въ Европѣ не проникнута такою національностію, какою дышутъ баллады Испанцевъ — эти созданія народнаго ихъ генія. Всѣ великія черты стараго времени Испаніи возникаютъ передъ глазами читающаго ихъ съ такою живостію, съ какою только можетъ ихъ представить поэтическій энтузіазмъ». (Исторія Испанской литературы, по Тикнору, составилъ *П. Кумшъ*. Спб. 1861, стр. 14 — 18).

Въ другомъ мѣстѣ Тикноръ говоритъ, что въ Испаніи прежде не что иное могло родиться, какъ баллада, ибо элементы народной жизни слагались изъ энтузіазма за вѣру и преданности пре-

столу. Сами вѣнценосцы писали баллады и хроники, напр. Альфонсъ Мудрый.

Провансальскіе поэты XII вѣка, усвоивъ себѣ балладу, придали ей только отдѣлку, не измѣняя сущности. Баллада стала повѣствовать о разныхъ приключеніяхъ рыцарскихъ. Самое содержаніе подавало поводъ развивать фантастической элементъ, чудесный. Время и мѣсто дѣйствія избирались такія, въ которыхъ могла бы свободно разгуливать фантазія. Время дѣйствія назначалось ночью, при лунѣ; мѣстомъ дѣйствія избирались лѣсъ, кладбище, скала надъ моремъ, монастырь, пустыня и пр.

Періодъ рыцарства прошелъ, — и баллада, произведеніе преимущественно рыцарскихъ временъ, должна бы исчезнуть, но Нѣмецкіе поэты прошлаго вѣка: *Уландъ*, *Бюргеръ*, *Гете и Шиллеръ* воскресили любовь къ средневѣковой старинѣ. Баллада опять явилась въ Европейской литературѣ.

Надо замѣтить, что баллада имѣетъ полное право на существованіе, какъ особый, самостоятельный видъ поэзіи. Что составляетъ ея сущность? Чудесное, сверхъ-естественное, фантастическое. А чудесное есть принадлежность каждаго народа, во всѣ времена его бытія на землѣ: значитъ баллада не можетъ быть исключена изъ разряда видовъ поэзіи.

У насъ впервые сталъ писать баллады *Жуковскій*. Онъ извѣстенъ, какъ превосходный писатель балладъ. Знаменитость литературную прежде всего поэтъ пріобрѣлъ балладами. Въ одномъ своемъ посланіи Батюшковъ называетъ Жуковскаго балладникомъ. Первая баллада Жуковскаго называлась *Людмила:* передѣлана имъ изъ Бюргера. Баллада явилась въ 1808 году и произвела сильное впечатлѣніе на общество.

«Было время», говоритъ *Бѣлинскій*, «когда эта баллада доставляла намъ какое-то сладостно-страшное удовольствіе, и чѣмъ болѣе ужасала насъ, тѣмъ съ большею страстію мы ее читали. Она коротка казалась намъ, во время оно, не смотря на свои 252 стиха». (Соч. Бѣлинскаго. VIII — 185). «Свѣтлана», оригинальная баллада Жуковскаго, была признана за его chef-d'oeuvre, такъ что критики и словесники того времени (баллада напечатана въ 1813 г.) титуловали Жуковскаго «пѣвцемъ Свѣтланы», и самъ онъ въ Арзамасскомъ обществѣ подписывался «Свѣтланою». Лучшее мѣсто въ этой балладѣ — ея начало, гдѣ описываются святочныя гаданья. У Жуковскаго много балладъ. Лучшія: Ахиллъ, Ивиковы Журавли, относящіяся, по содержанію, къ древней Греческой жизни; Кубокъ, Графъ Габсбургскій, Замокъ Смальгольмъ, Рыцарь Тогенбургъ, заимствованныя изъ средневѣковой жизни; Лѣсной Царь — изъ народныхъ преданій, Ночной Смотръ — изъ исторіи Наполеона I.

Есть превосходныя баллады и у другихъ нашихъ поэтовъ. *Пушкинъ* написалъ три образцовыхъ баллады изъ народнаго быта: Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, Бѣсы и Утопленникъ; *Лермонтова* — Воздушный Корабль; *Полонскаго* — Солнце и Мѣсяцъ; Графъ *Ал. Толстой* извѣстенъ своею балладою Василій Шибановъ.

Тредьяковскій, лучшій теоретикъ своего времени, говоритъ: «*О балладахъ*, тріолетахъ, маскарадахъ и рондахъ чтобъ читатель не изволилъ заботиться много; онѣ всѣ небольшія штучки, собственныя (свойственныя) Французскому стихотворенію, составляемыя опредѣленнымъ числомъ стиховъ, риомъ и опредѣленнымъ повтореніемъ одного стиха». (Соч. Тредьяковскаго. 1 — 34). Въ самомъ дѣлѣ баллада, по ложно-классической теоріи, отличалась отъ другихъ видовъ поэзіи только извѣстною внѣшнею формою.

Остолоповъ говоритъ: «Баллады состояли изъ трехъ куплетовъ въ 8, 10, или 12 стиховъ; имѣли на концѣ *обращеніе* къ тому лицу, для котораго сочинялись, или къ какому-нибудь другому. Требовалось, чтобы на концѣ куплетовъ повторялся одинъ стихъ, и чтобы стихи, соотвѣтствующіе между собою въ числѣ отъ начала каждаго куплета, имѣли одинакую рифму. *Обращеніе же* содержало половину числа стиховъ, заключающихся въ куплетахъ, т. е. ежели куплеты писаны по 12, то въ обращеніи слѣдовало быть 6 и т. п. — обращеніе имѣло рифмы второй половины куплетовъ. — Матерія такой *баллады* могла быть и шуточная и важная». (Словарь древней и новой поэзіи. Остолопова. Ч. I, стр. 69).

О балладѣ: *Форіель* въ «Histoire de la poësie provençale» говоритъ о происхожденіи баллады. Извлеченіе приведено въ примѣч. къ Хрестоматіи *Галахова*, изданіе прежде 1861 г. — *Вильгельмъ Гриммъ* подробно разсуждаетъ объ исторіи баллады въ своемъ сочиненіи: Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen. — Словарь древней и новой поэзіи. *Остолопова*. Ч. I, стр. 58 и д.

Ивиковы Журавли.

(Шиллера [1]).

На Посидоновъ [2]) пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы [3])

---

[1]) Шиллеръ 1759 — 1805.

[2]) *Посидонъ* — Нептунъ. Повсюду въ Греціи, особенно въ приморскихъ городахъ и гаваняхъ, Посидону воздавалось самое ревностное и многообразное почитаніе. Въ честь его были построены прекрасные храмы въ Өессаліи, въ Аөинахъ, на Истмѣ и др. мѣстахъ. На Истмѣ два раза въ каждую Олимпіаду, осенью, праздновались блистательныя игры, устроенныя Тезеемъ (однимъ изъ героевъ Греческихъ) въ честь Посидона. Эти игры были знамениты не менѣе Олимпійскихъ.

[3]) *Гела* — Греція. Гела была дочь правнука Девкаліона. Она утонула на томъ

Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

«О спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ - хранитель
Бѣду отъ странничей главы».

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ мирными струнами,
Напрячь онъ лука не успѣлъ.

Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;

мѣстѣ, гдѣ море сжимается между Европой и Азіей. Въ воспоминаніе погибшей названо это мѣсто Геллеспонтомъ.

И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей».

И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ, привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу».

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искажены
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ».

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Пританов [1]) окружилъ народъ,
И вопитъ: «старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ»!

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жъ — разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ [2]) то зрѣлъ священный,
Все-озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,

---

[1]) *Пританы* — избранные люди въ городѣ, судьи.
[2]) *Геліосъ* — солнце.

Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капицѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладонъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была,
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И, свитыя межъ ихъ власовъ,
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ завѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній [1]) страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.

«Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита [2]),
Но не покинемъ васъ и тамъ».

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ —

---

[1]) *Эринии* — духи злобы, адскія фуріи. Эти существа, опоясанныя змѣями и со змѣями вмѣсто волосъ на головѣ, съ горящими факелами въ рукахъ, находились при входѣ въ подземное царство и терзали тѣхъ умершихъ, которые надѣлали въ жизни много зла и не примирились съ богами. Этотъ миѳъ олицетворяетъ терзанія нечистой совѣсти.

[2]) *Коцитъ* — одна изъ адскихъ рѣкъ.

Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Пареенiй, слышишь?... Крикъ вдали:
«То Ивиковы журавли!....»
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ — черной полосою
Станица журавлей летитъ.

«Что? Ивикъ!» Все восколебалось —
И имя Ивика промчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нѣтъ, добрый Ивикъ нашъ, сраженный
Врагомъ незнаемымъ, поэтъ!
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «убiйца тутъ.
То Эвменидъ [1]) ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ....
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ».

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была ихъ приговоръ.

Жуковскiй.

[1]) *Эвмениды* — Эринніи.

Примѣч. — Идея баллады — преступленіе не останется безъ наказанія. Баллада замѣчательна по превосходному описанію Греческаго театра и того могущественнаго дѣйствія, которое производили въ дѣйствительности театральныя зрѣлища на Грековъ. Объ устройствѣ древне-Греческаго театра см. статью *Ордынскаго* въ Соврем. 1851 г., № 2. О впечатлѣніи драматическихъ представленій свидѣтельствуетъ Ѳукидидъ; онъ говоритъ, что драматическія представленія сильнѣе рѣчей Димосѳеновыхъ воспламеняли Аѳинское юношество къ борьбѣ съ врагами отечества.

Кубокъ.

(Шиллера).

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой:
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.»

Такъ царь возгласилъ, — и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
«Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?»

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ;
Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньѣ на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
«Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?»

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ....
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
«Ахъ, юноша! кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину....

Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ....
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ:
«Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ!»
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездной утихло.... въ ней глухо шумитъ....
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
«Красавецъ отважный, прости!»
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

«Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной—
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

«Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой

Съ ея неприступнаго дна....»
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ....
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ.... что-то, сквозь пѣну сѣдой глубины,
Мелькнуло живой бѣлизной....
Мелькнула рука и плечо изъ волны —
И борется, споритъ съ волной....
И видятъ — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ....
И каждый съ весельемъ: «онъ живъ!» повторялъ....
«Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
Спасъ душу живую красавецъ отважной.»

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ,
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда,
И въ сладость была для него та награда.

«Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ....
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

«Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда....
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ

Меня въ глубину съ непонятною силой....
И страшно меня тамъ кружило и било.

«Но Богу молитву тогда я принесъ,
    И онъ мнѣ Спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
    И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла.
Въ бездонное влага его не умчала.

«И смутно все было внизу подо мной,
    Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой:
    Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

«Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
    Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
    И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

«И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
    Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
    Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

«И я содрогался.... вдругъ слышу: ползетъ
    Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ....
    Я въ ужасѣ прочь отъ скалы....
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ,
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ».

Чудесенъ разсказъ показался царю:
    «Мой кубокъ возьми золотой;
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
    Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскаго».

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова.»

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты:
«И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою».

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ....
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны....

Утихнула бездна.... и снова шумитъ —
И пѣною снова полна....
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ....
И бьетъ за волною волна....
Проходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

Жуковскій.

Примѣч.—Баллада, по содержанію своему, относится къ средневѣковому міру. Всѣ главныя черты этой эпохи—отвага, религіозность, обожаніе красоты и повиновеніе королю — отражаются въ «Кубкѣ». Баллада, сверхъ того, замѣчательна по описанію водоворота. Жуковскій еще въ молодости началъ переводъ «Кубка», но оставилъ его не доконченнымъ, ибо не могъ совладѣть съ оригиналомъ. Уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ поэтъ окончилъ свой трудъ, и все таки у Шиллера выразительнѣе представлена картина морской пучины. См. біографію Жуковскаго, написанную Плетневымъ.

Альпухара[1].

(Мицкевича).

Смерть Маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма.

[1] Изъ поэмы «Конрадъ Валленродъ.» См. 1 выпускъ 1-го изданія нашей Христоматіи. Стр. 482 — 513.

У Мавровъ остались твердыни Гренады,
Но — горе! Въ Гренадѣ — чума.

Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея — Альманзоръ,
Но врагъ поступилъ ужъ къ пятамъ ея башенъ,
И завтра — послѣдній напоръ.

Чуть утро настало: Испанцы напали —
Твердыни разсыпались въ прахъ;
Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ — въ Испанскихъ рукахъ.

Все пало: одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;
Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился,
И бѣгствомъ спасъ душу свою.

Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ: все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина.

И вдругъ ихъ начальникамъ стража доноситъ,
Что прибылъ какой-то посолъ
Съ дарами, и въ замокъ ихъ допуска проситъ.
«Впустить!» И посланникъ вошелъ.

То былъ Альманзоръ, то былъ царь мусульманской.
Покорный верховной судьбѣ,
Онъ самъ предаетъ себя власти Испанской,
И проситъ нощады себѣ:

«Испанцы!» — взываетъ — «въ смиреньѣ глубокомъ
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ,
И вашему Богу служить.

«Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣжденный,
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другаго царя».

Того, кто явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали Испанцы, и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его;

И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему;

Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ;

И всталъ, и ужасенъ Испанцамъ явился.
Весь синій, взглянулъ на враговъ,
Средь адскаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.

«Взгляните, гяуры: каковъ я! Предъ вами,
Въ лицѣ моемъ, гибель сама.
Я къ вамъ изъ Гренады посланникъ съ дарами:
Гяуры! мой даръ вамъ — чума.

«Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки,
Мой ядъ будетъ васъ пожирать.
Мои изучайте вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать!»

Онъ ринулся на-земь, и, кажется, хочетъ
Обнять всѣхъ Испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя,

И стынетъ; и взоръ онъ свой, кровью налитый,
Со злобой на вѣкъ закатилъ;
И рта не сомкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.

Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, и войска ихъ тьма,
Средь страшныхъ мученій, легла на дорогѣ:
Ихъ всѣхъ доконала чума [1]).

Бенедиктовъ.

[1]) Эту балладу еще перевелъ г. *Миллеръ.* (Р. В. 1857 г., № 1).

Приговоръ.

(Легенда о Констанскомъ Соборѣ).

На соборѣ, на Констанскомъ,
Богословы засѣдали,
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи, докторъ черный,
Разобравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборнѣ
Присудить колесованье,

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ,

Самый трупъ предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый....

Такъ по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ,
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали «bene, bene»!
Люди опытные въ спорѣ.

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ какъ изъ лѣсу выводитъ....

И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье....
И случился грѣхъ великій!
Такъ гласитъ бытописанье:

Былъ при Кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый.
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы.

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя....

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и оживился;
За пажомъ невольно Кесарь
Поглядѣлъ, развеселился.

За владыкой—рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Отъ Сорбонны депутаты,
Трирскій, Лютихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа!
И—суровый ликъ дотолѣ,
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился по неволѣ.

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться.

И куда они глядѣли?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое
Или розовыя горы?

Но они таятъ дыханье,
И предавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ.

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній.

Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный;

Кто таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто трактировъ швабскихъ Гебу—
Разливательницу пива....

Словомъ—всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые сны свободы.

Исторія не знаетъ,
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья....

Былъ въ собраньѣ этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской красной шляпой,—

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И какъ шопотъ раздастся
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
«Жалко Гуса» — прозвучали.

Машинально, безотчетно
Поднялся онъ, и объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: «братья!...»

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ-полъ
И упалъ на мѣстѣ снова.

«Пробудитесь!» возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
«Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его проклятый!

«Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной,—

«И вошелъ въ меня нечистый!
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
Гусъ невиненъ!.. Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье;
Встало съ мѣстъ своихъ и хоромъ —
«Да воскреснетъ Богъ!» запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ.

И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ Распятьемъ;

И, возставъ, Іогана Гуса, —
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,—
Осудили на сожженье.

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада.
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ, искры сѣя....

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки,
И одинъ Констанскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

Майковъ.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянной.
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своего отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану».

И князь доскакалъ. Подъ Литовскимъ шатромъ,
Опальный сидитъ воевода,
Стоятъ въ отдаленьи Литовцы кругомъ, —
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ Русскому витязю честь воздаетъ;
Не даромъ дивится Литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ».

Но Князя не радуетъ новая честь.
Исполненъ онъ желчи и злобы;

Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно царю напишу,
Скажу на-прямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо».

И пишетъ бояринъ всю ночь на-пролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ:
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова?
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли....
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
«Вишь наши меня не догнали»!

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи;
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье»!
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки».

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой;
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мирно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ Московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричины кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье.
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго князя Андрея»!
И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова?
Читайте жъ, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!

«Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ»!
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ:
Налегъ на костыль и внимаетъ.
«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ.
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?

«Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Безъ счету твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,

«И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тя аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану»!

Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ:
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали:
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной,
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный:

«Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
И много знать вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ»!
Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну»!

И царь вопрошаетъ: «Ну что же гонецъ?
Назвалъ ли онъ князя друзей наконецъ»?
— Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ своего господина!
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрыпятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ»?
— Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ своего господина:

«О князь! ты который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О князь, я молюсь, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,

Но въ сердцѣ любовь и прощенье, —
Помилуй... мои прегрѣшенья!...

«Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ!
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За Грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной»!
Такъ умеръ Шибановъ стремянной.

Графъ Алексѣй Толстой.

Свѣтлана.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
Скуй мнѣ злать и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое;
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ».

— Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель! —

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчею;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:

Стукнетъ въ двери милый твой
  Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
  Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна;
  Къ зеркалу садится:
Съ тайной робостью она
  Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
  Мертвое молчанье.
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
  Чуть лiетъ сiянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
  Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
  Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
  Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
  Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
  За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
  Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
  Тихiй, легкiй шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
  Твой услышенъ ропотъ!»

Оглянулась.... милый къ ней
  Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
  Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
  Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
  Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ.
Идутъ на широкiй дворъ,
  Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
  Повода шелковы.

Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ;
  Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
  Вьюга подъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ;
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  «Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
  Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
  Топчутъ снѣгъ глубокiй....
Вотъ, въ сторонкѣ Божiй храмъ
  Виденъ одинокiй;
Двери вихорь отворилъ;
  Тьма людей во храмѣ;
Яркiй свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳимiамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылый.

Вдругъ метелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,

Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонекъ;
Видѣнъ мирный уголокъ —
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ....
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрыпитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?.. Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запóной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?... Дрожитъ....
Гибель близко... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....

Глядь, Свѣтлана... о Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ!
Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ жъ?... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана.
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ;
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава — насъ учили — дымъ;
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день.
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла;
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

Жуковскій.

Темы. — Планъ баллады. — Что въ ней фантастическаго? — Картины природы. — Черты Р. обычаевъ. — Смыслъ баллады.

Лѣсной Царь.

(*Гёте* [1]).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

— Дитя, что ко мнѣ такъ робко прильнулъ? —
«Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
— О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой. —

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
Изъ золота слиты чертоги мои.»

«Родимый, Лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
— О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы. —

«Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
— О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

«Дитя! я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать».

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ —
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

[1]) Гете 1748 — 1832.

Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ
    Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
    Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
    Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
    Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
    Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей враговъ,
    Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любаго возьмешь ты коня».

—«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
    А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
    И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
    Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
    Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
    Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
    Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».—

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой оперишсь на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся; да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый»?
И внемлетъ отвѣту: «на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и до нынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видитъ: на холмѣ у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости:
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ уже недалекой
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Пушкинъ.

Примѣч. — О смерти Олега сдѣлаемъ выписку изъ лѣтописи *Нестора:* «И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда на нь. Бѣ бо преже вьпрошалъ волъхвовъ кудесникъ: «отъ чего ми есть умьрети»? И рече ему одинъ кудесникъ: «княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети». Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: «николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити *и* и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя (не видѣ) его, дондеже и на Греки иде. И пришедшю ему къ Кіеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекли волъхви умрети Ольгови и призва старѣйшину конюхомъ, ркя: «кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» Онъ же рече: «умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, ркя: «то неправо молвять волъсви, но все то

лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его». И прiѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся рка: «отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти»? и вступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя (изо лба), и уклюну *и* въ ногу, и съ того разболѣвся умьре. И плакашася по немъ вси людiе плачемъ великомъ, и несоша *и*, и погребоша *и* на горѣ, иже глаголеться Щековица; есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова. И бысть всѣхъ лѣтъ его княженiя 33. Се же дивво есть, яко отъ волхвованiя сбывается чародѣйствомъ». (Лавр. л. стр. 16).

Темы.—Черты древней Р. жизни на основанiи «Олега»:— воинственность, религiозныя вѣрованiя, народные обычаи, отношенiе князя къ дружинѣ, древнее вооруженiе, набѣги дикихъ народовъ и расплата за нихъ. — Характеристика Олега.

Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».

— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....

Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ»!
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрый неводъ.
Мертвый видѣнъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ:

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ.
И отъ берега крутаго
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то, поколочу».

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ;
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.

Темы. — Какая идея этой баллады? — Какое народное повѣрье представлено здѣсь поэтомъ? — Черты правды и быта крестьянина въ описаніи «утопленника». — Указать на живописныя картины баллады. — Объясните чисто-народныя выраженія.

Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ?... —
«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;

Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...— «Что тамъ въ полѣ?»—
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

Пушкинъ.

Темы. — Какое народное суевѣріе здѣсь представлено? — Гдѣ источникъ народныхъ суевѣрій? — Олицетвореніе вьюги. — Планъ баллады. — Сравненія.

Воздушный Корабль.

(Зейдлица).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,

Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любимаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ,—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ [1]).

Власъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ — старикъ сѣдой.

На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;

Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ....
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ

[1]) Лермонтовъ 1815 — 1841.

Бога не было; побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;

У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!

Бралъ съ роднаго, бралъ съ убо-
гаго,
Слылъ кащеемъ-мужикомъ.
Нрава былъ крутаго, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!

Власу худо; кличетъ знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?

Только пуще все неможется.
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ.

Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду.
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду.

Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза.
Ефіопы — видомъ черные
И какъ угліе глаза,

Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ....
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ.

Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ гро-
хотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ

И кружитъ надъ ними съ хохо-
томъ
Черный тигръ-шестикрылатъ.

Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ.....
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ:

Сочтены дѣла безумныя.
Но всего не описать!
Богомолки, бабы умныя,
Могутъ лучше разсказать....

Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ....
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.

Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается —
Строго держитъ свой обѣтъ.

Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была....

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.

Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань,
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань....

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары —

И даютъ, даютъ прохожіе....
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіе
По лицу земли родной....

Некрасовъ [1]).

[1]) Современный писатель.

ПОЭМА.

Поэма (poëma) слово въ слово значитъ *твореніе.* Дабы намъ былъ понятенъ вполнѣ смыслъ этого слова, теперь сдѣлавшагося самымъ обыкновеннымъ, мы должны исторически прослѣдить его развитіе. Въ древности, у Грековъ, былъ особый родъ поэтическаго искусства, *эпопея.* Слово *эпопея* происходитъ, по толкованію однихъ, отъ Греческаго *ἔπος,* рѣчь, разсказъ, сказаніе; по объясненію другихъ — отъ *ἔπος* и *ποιῶ,* дѣлаю, изобрѣтаю, творю. Какъ бы то ни было, только *эпопеею* называлось у Грековъ поэтическое *повѣствованіе о событіи, важномъ въ жизни народа.* Таковы эпопеи Гомера: *Иліада* и *Одиссея.* Предметъ первой — война Троянская, предметъ второй — возвращеніе одного изъ героевъ Греческихъ изъ-подъ Трои на родину. *Дѣйствіе* въ эпопеѣ есть достиженіе героемъ цѣли своей посредствомъ преодолѣнія встрѣчающихся ему препятствій: такія препятствія у Гомера зависятъ отъ воли боговъ, вмѣшивающихся въ дѣла человѣческія,—отсюда беретъ свое начало такъ называемое *чудесное.* Герои Гомера совершаютъ свои подвиги по волѣ и при содѣйствіи боговъ. Въ *изложеніи* эпопеи господствуетъ непосредственное отношеніе къ музѣ и Парнасу. Начало Иліады: «Гнѣвъ, *богиня* (муза), воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Начало Одиссеи: «Воспой мнѣ, муза, многохитраго мужа!» По образцу Гомера созданы всѣ такъ называемыя ложно-классическія эпопеи, или поэмы: *Энеида*—Виргилія, *Фарсалида*—Лукана, *Лузіада*—Камоэнса, *Освобожденный Іерусалимъ* — Тасса, *Потерянный Рай* — Мильтона, *Мессіада*—Клопштока, *Генріада*—Вольтера и наши Русскія—*Россіяда* и *Владиміръ* — Хераскова. Во всѣхъ этихъ поэмахъ изображаются событія, имѣвшія важное значеніе въ жизни народовъ или народа, событія, исполненныя чудеснаго, даже неправдоподобно-чудеснаго. У Камоэнса въ одно и то же время являются Іисусъ Христосъ, Святая Дѣва, *Венера и Бахусъ.* Герой его во время бури возсылаетъ молитву къ Іисусу Христу, а Венера оказываетъ ему помощь; Венера же принимаетъ на себя успѣхъ въ предпріятіи Пор-

тугальцевъ, которое состоитъ въ распространенiи христiанской религiи!... У Тасса находимъ волшебницу, которая превращаетъ рыцарей въ *рыбы*, видимъ Армиду, выходящую къ Ринальду изъ *мирты*.

У Мильтона встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы Цербера, Тантала, Медузу и пр.

Изъ всѣхъ Новоевропейскихъ поэмъ только «Божественная Комедiя» *Данте* рѣзко отличается своею оригинальностiю. Она подъ покровомъ аллегорiи изобразила самые существенные моменты бытiя средневѣковаго человѣчества.

Ложно-классическая эпопея совершенно пала съ появленiемъ *Байрона*. Онъ-то и создалъ собственно такъ называемую поэму. Подъ перомъ Байрона и его безчисленныхъ послѣдователей поэма сдѣлалась поэтическимъ разсказомъ о наиболѣе интересныхъ сторонахъ въ извѣстномъ событiи, или фактѣ. Берутся, по прекрасному выраженiю Бѣлинскаго, «самые поэтическiе, идеальные моменты» въ томъ или другомъ происшествiи, особенно поразившiе фантазiю поэта. «Содержанiе поэмъ составляютъ глубочайшiя мiросозерцанiя и нравственные вопросы современнаго человѣчества». (Соч. *Бѣлинскаго*. VI—531). Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина и др.

Только Гоголя «Мертвыя души» не подходятъ подъ это опредѣленiе. Названiе «поэма», приданное «Мертвымъ Душамъ», еще во времена Бѣлинскаго сбивало нашу публику. Собственно для учениковъ замѣтимъ: не въ названiи толкъ, а въ дѣлѣ, въ сущности дѣла. Гоголь назвалъ свое произведенiе поэмою потому, что думалъ изобразить въ ней всю Россiю, съ ея свѣтлыми и мрачными сторонами: о томъ онъ самъ говоритъ. А коли *всю Россiю*, то значитъ имѣлъ полное право назвать свою книгу поэмою, т. е. творенiемъ. Еслибы окончены были «Мертвыя Души», то мы имѣли бы свою Одиссею.

НАЛЬ и ДАМАЯНТИ.

(Вiаса).

Образцами Индѣйскаго эпоса служатъ «Рамаяна» и «Магабгарата». Первая поэма изображаетъ седьмое воплощенiе бога Вишну въ лицѣ героя Рамы для избавленiя Индiи отъ злодѣянiй гигантовъ. Здѣсь, по всему вѣроятiю, представлена борьба древняго Индѣйскаго племени съ природою физическою, съ ея внѣшними препятствiями. Авторъ «Рамаяны»—поэтъ Вальмики, неизвѣстно когда жившiй. — «Магабгарата»— великая война—описываетъ междоусобную войну древняго царскаго дома Бгараты за право престолонаслѣдiя. Авторъ «Магабгараты» — поэтъ Вiасъ.

Характеръ Индѣйскаго эпоса опредѣляется религіознымъ ученіемъ Индѣйцевъ и природою ихъ страны. Потому необходимо указать на главныя черты вѣроученія Индусовъ и особенности обитаемаго ими края.

Сущность Индѣйскаго религіознаго ученія составляетъ *пантеизмъ*, т. е. всебожіе. Индѣецъ видитъ во вселенной воплощеніе одного невидимаго и верховнаго существа, Брамы. Во всѣхъ твореніяхъ міра (даже въ цвѣтку, въ листѣ дерева, въ каплѣ росы) живетъ эта дробящаяся до безконечности душа Брамы. Здѣсь начало Индѣйскаго пантеизма. Всѣ твари имѣютъ часть божественной души и каждая изъ этихъ частей, переступая съ одной ступени на другую, посредствомъ многихъ очищеній, стремится къ тому, чтобы соединиться съ своимъ безконечнымъ началомъ, съ Брамою. Индѣецъ не думаетъ, что душа — личная собственность человѣка; нѣтъ, Индѣецъ уничтожаетъ свои права: онъ сливаетъ себя съ безконечнымъ божествомъ, разлитымъ въ природѣ и ея созданіяхъ. *Религіозное созерцаніе* есть главная внутренняя духовная дѣятельность Индѣйца. Вслѣдствіе чего у Индѣйцевъ развилось отшельничество — *анахоретство*. Желающіе созерцать Браму удаляются въ глубокія дебри, подвергаютъ себя самому сильному постничеству, изнуренію, истощанію. Анахоретамъ приписываютъ божескую силу. Таковъ въ «Налѣ и Дамаянти» старецъ Иерада.

Съ пантеистическимъ ученіемъ связывается *дуализмъ*, т. е. признаніе двухъ началъ: добраго и злаго. Индѣйцы думаютъ, что есть боги добрые, свѣтлые, и есть боги злые, темные, — особый богъ зла и особый богъ добра.

Особенность Индѣйскаго религіознаго вѣроученія составляетъ — вѣра въ переселеніе душъ. Переселеніе душъ вытекаетъ изъ того же пантеизма. Души постепенно проходятъ всѣ царства природы, все очищаясь и совершенствуясь. Онѣ находятся въ растеніяхъ, потомъ въ животныхъ поселяются, далѣе въ планеты переходятъ. Бирманы и Сіамцы думаютъ, что душа царя всегда переселяется въ слона. Жители Борнео полагаютъ, что орангутангъ есть человѣкъ, превращенный въ звѣря за оскорбленіе боговъ.

Теперь скажемъ о природѣ Индіи. Исторія доказала, что подъ вліяніемъ явленій внѣшней природы развивается характеръ народа; одни изъ этихъ явленій усиливаютъ дѣятельность воображенія и ослабляютъ умъ, другія — наоборотъ вліяютъ. Природа Индіи такова, что народъ, живущій на этомъ полуостровѣ, долженъ преимущественно развивать въ себѣ воображеніе. Богатство и разнообразіе произведеній Индіи изумительны. Ни одна страна на земномъ шарѣ не можетъ въ этомъ отношеніи оспорить превосходство у Индіи. Особенно растительное царство являетъ себя тамъ во

всемъ великолѣпіи. Рисъ, — самое питательное изъ хлѣбныхъ растеній,—даетъ жатву самъ-шестьдесятъ. На югѣ Индостана, кромѣ риса, растетъ подобное же хлѣбное растеніе — роджи. Бананъ, раскидывая далеко свои вѣтви, образуетъ гроты, аллеи; подъ тѣнію одного банана могутъ укрыться нѣсколько тысячъ человѣкъ. Тутъ существуютъ непроходимые лѣса (Малабарскіе) съ безчисленнымъ множествомъ животныхъ; за лѣсами начинаются пустыни, поросшія нескончаемымъ тростникомъ, а тамъ обнаженная, безграничная пустыня. Въ Индіи находятся огромнѣйшія горы, которыя, кажется, касаются неба; на горахъ берутъ свое начало могущественныя рѣки; никакое искусство не можетъ отвести въ другую сторону этихъ рѣкъ: черезъ нихъ почти невозможно перекинуть мостъ. Страна примыкаетъ къ огромнымъ морямъ, опустошаемымъ бурями болѣе страшными, чѣмъ бури Европейскихъ морей и до того неожиданными и сильными, что отъ нихъ трудно спастись какими бы то ни было средствами. Частыя землетрясенія, сильные, похожіе на потопъ, дожди довершаютъ картину внѣшней природы Индостана. Человѣкъ въ Индіи устраненъ; препятствія всякаго рода такъ многочисленны и такъ, по-видимому, неодолимы, что всѣ затрудненія жизни могутъ только разрѣшаться прямымъ дѣйствіемъ сверхъ-естественныхъ силъ. Такъ какъ эти причины находятся внѣ области разума, то всѣ усилія воображенія употреблены на постиженіе ихъ; воображеніе дѣлается слишкомъ напряжено. Вездѣ замѣтно всеобщее начало: ослабленіе разума и возбужденіе воображенія. Въ догматахъ религіи Индѣйцевъ, въ характерѣ ихъ божества (Вишну имѣетъ четыре руки, Брама — пять головъ, Шива опоясанъ змѣями: у него три глаза, на немъ ожерелье изъ человѣческихъ костей), даже въ формахъ ихъ храмовъ видно, какъ величавыя и ужасныя явленія внѣшняго міра наполнили умъ народа великими и страшными образами.

Если мы взглянемъ на литературу Индіи, то замѣтимъ безграничное господство воображенія. Въ огромномъ ряду фактовъ мы находимъ разсказы о томъ, что въ древнія времена жизнь обыкновенныхъ людей продолжалась 80,000 лѣтъ, а что святые люди жили 100,000 лѣтъ. Встрѣчается сказаніе о нѣсколькихъ поэтахъ, жившихъ 500,000 лѣтъ. Одинъ царь и вмѣстѣ святой до вступленія на престолъ жилъ 2 милліона лѣтъ, а потомъ царствовалъ 6 милліоновъ триста тысячъ лѣтъ, потомъ отказался отъ власти и еще прожилъ 100,000 лѣтъ. То же самое безграничное уваженіе къ древнимъ заставляетъ выставлять такія числа, которыя приводятъ въ изумленіе. Такъ напр. «Законы Менy» (сборникъ законовъ Индусовъ), по свидѣтельству туземныхъ авторитетовъ, открыты человѣку за 200 милліоновъ лѣтъ (а на самомъ дѣлѣ за 3,000 лѣтъ назадъ).

Короче — воображеніе, настроенное до излишества, воображеніе необузданное, проявляется при всякомъ случаѣ. Эта особенность замѣтна преимущественно въ произведеніяхъ, наиболѣе народныхъ, каковы «Рамаяна» и «Магабгарата». Возьмемъ для примѣра въ началѣ «Рамаяны» описаніе столицы царя Души-Руты и золотаго вѣка, при немъ бывшаго. Царь живетъ 9,000 лѣтъ, а обитатели счастливаго города проживаютъ по 1,000 годовъ. Всякій видитъ свое многочисленное потомство; главы чертоговъ и храмовъ равняются вершинамъ горъ; лукъ, натянутый Рамою, треснулъ въ рукахъ героя и трескъ былъ подобенъ грохоту падшаго утеса. Такимъ образомъ главная черта Индѣйскаго эпоса — *сверхъ-естественность*, объясняется религіозными вѣрованіями Индусовъ и природою ихъ страны.

Замѣтимъ, что Индѣйцы питаютъ святое уваженіе къ своей поэзіи. Въ извѣстные мѣсяцы года, въ числѣ четырехъ или пяти тысячъ, они собираются подъ наметомъ какого-нибудь богача каждый день, для слушанія «Рамаяны» и «Магабгараты». Передъ чтеніемъ кланяются книгѣ; потомъ приносятъ цвѣты въ жертву автору и герою поэмы; садятся по кустамъ и слушаютъ. Такія собранія продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ сряду: Магабгарата читается въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Очевидно, что Индѣйцы ищутъ въ поэзіи не одного наслажденія, но и религіозныхъ ученій.

Жуковскій первый изъ Русскихъ писателей познакомилъ насъ съ Индѣйскимъ эпосомъ. Онъ перевелъ съ Нѣмецкаго подлинника (изъ Рюккерта) эпизодъ «Магабгараты» подъ названіемъ «Наль и Дамаянти». Этотъ эпизодъ составляетъ какъ бы цѣлую поэму и представляетъ всѣ черты Индѣйскаго эпоса, о которыхъ выше было замѣчено. Сверхъ-естественность образовъ ясно видна на каждой страницѣ. Пантеизмъ выражается въ рѣчахъ Дамаянти, обращенныхъ къ тигру, владыкѣ лѣсовъ, къ горѣ, къ дереву Гореусладу: съ ними бесѣдуетъ Дамаянти, какъ съ могущественными существами, всезнающими, божественными. Гуси и птички представлены разсуждающими не хуже людей: это опять слѣдствіе пантеизма. Дуализмъ виденъ на первыхъ же страницахъ. На выборъ къ невѣстѣ Дамаянти отправляются боги свѣтлые: Индра, богъ небесной тверди; Агнисъ, властитель огня; Варуна, воды повелитель и Яма, богъ земледержецъ, а также и темные, мрачные боги: Калй, адскій богъ и Двепара, его помощникъ. Калй вселился въ Наля, а Двепара въ кости. Оба подземные бога разожгли въ Налѣ страсть къ игрѣ въ кости и несчастный Наль проигралъ все свое царство. Великое значеніе анахоретства весьма ясно обнаруживается въ «Налѣ и Дамаянтѣ». Старецъ Нерада проникаетъ изъ пыльныхъ міра темныхъ гробовъ въ царство небеснаго свѣта. Ему извѣстно все, что дѣется на землѣ. Онъ одаренъ могущественною силою,

повелѣваетъ природою: такъ Перада осудилъ на ужасную муку царя змѣинаго Керкоту. — Великолѣпіе и ужасы Индѣйской природы видны въ описаніи лѣса, по которому шла покинутая Налемъ Дамаянти, въ описаніи мученій змѣинаго царя Керкоты и другихъ мѣстахъ.

Мы напечатали тотъ отрывокъ изъ «Наля и Дамаянти», въ которомъ болѣе всего выражается существо Индѣйскаго эпоса.

Наль, обладатель царства Нишадскаго въ Индіи, покинулъ вслѣдствіе покушеній адскаго бога Кали, свою жену Дамаянти, дочь Бимы, царя Видарбинскаго. Дамаянти пошла отыскивать своего мужа. Входитъ въ лѣсъ. На нее бросается неномѣрной величины змѣй. Гибель царицы неизбѣжна, но звѣроловъ убиваетъ чудовище и спасаетъ Дамаянти. Умертвивши змѣя, звѣроловъ пораженъ былъ красотою царицы и «взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ онъ». Дамаянти была оскорблена; «очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули»: она поразила проклятіемъ врага ненавистнаго, и тотъ палъ замертво, убитый ея заклинаньемъ. — Далѣе см. уже самый отрывокъ.

Сочиненія и статьи для изученія литературы Индіи: *Бенфея* «Indien» въ энциклопедіи Эрша и Грубера 1840 г. — *Лассена* «Indische Alterthumskunde», многотомное сочиненіе. — *Вебера* «Indische Skizzen, Indische Studien, Akademische Vorträge über Indische Literaturgeschichte». — *Макса Миллера* «History of ancient Sanscrit literature». 1859 г. — У *Дункера* во второмъ томѣ его исторіи древняго міра есть превосходныя страницы о литературѣ Индіи. — *Фридриха Шлегеля* «Исторія древней и новой литературы». Рус. переводъ. Глава 5. — *Шевырева* «Исторія поэзіи». — Индѣйская поэзія. Сынъ Отеч. 1840, № 13. — Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1840, № 12, отд. I. — *Бокля* «Исторія Цивилизаціи въ Англіи». Русскій пер. 1862 г. Т. I, стр. 148 — 155.

Русскіе переводы: Наль и Дамаянти въ соч. *Жуковскаго*. Т. V, — Сундъ и Упасундъ, пер. *Берга*. Москвит. 1851, № 14.

Дамаянти въ лѣсу.

Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплеталися вѣтвями: мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ шипя ворочались змѣи;

Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору, гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ неизмѣнной
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ сердцемъ смиреннымъ,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста растворила
Къ жалобѣ нѣжной, и такъ, поминая его, говорила:
«Гдѣ ты, царь благородный, Нишадецъ прекрасный, могучій?
Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, покинувъ въ безлюдномъ
Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ, какъ могъ ты, усердный
Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о нашемъ союзѣ?
Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нарушить?
Какъ можешь
Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ тебѣ быть защитой
Данной имъ жены, какъ и мнѣ они повелѣли
Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ? О! зачѣмъ ты
Слово нарушилъ? Виной ли какою я то заслужила?
Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй; зачѣмъ ты
Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?
Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься, оставивъ
Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда ты, Нишадскій
Царь, ушелъ? По тебѣ твоя Видарбинка тоскуетъ;
Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго Бимы
Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голосъ подай ей въ этой пустынѣ: ей здѣсь угрожаетъ
Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; неужели
Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью покрытой,
Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной, бродящей
Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Неужели ко мнѣ ты,
Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты безотвѣтенъ;
Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей, величавой

Стройностью стана, лица красотою божественный, гдѣ ты?
Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бъ мнѣ сказать: *не видалъ ли ты Наля?*
Кто бъ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ отвѣтъ: *твой прекрасный,*
Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ сѣтуешь, близко!—
Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, могучій
Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и скажу: благородный
Тигръ, владыка лѣсовъ, я царская дочь Дамаянти,
Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ горѣ,
Въ страхѣ, въ нуждѣ, за нимъ безотрадно бродящая; гдѣ онъ?
Если ты знаешь объ этомъ, звѣрей повелитель, скажи мнѣ;
Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай, чтобъ отъ муки
Душу мою изцѣлить. Но, мои молящіе вопли
Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей въ море,
Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса уходитъ. Я вижу,
Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной, обвитый
Пышнымъ вѣнцомъ изъ деревъ и кустовъ благовонныхъ, цвѣтами
Ярко пестрѣющій, солнечно-блещущій, слитый изъ твердыхъ
Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкъ и потоковъ
Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня, пустыни
Сторожъ, владыка горъ — подойду и скажу: о владыка
Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ поклоняюсь;
Слезно тебя, о великій, молю, скажи: не видалъ ли
Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя, Дамаянти;
Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой, Нишады
Царь благомудрый, глубоко постигнувшій Ведду святую,
Чистый и мыслью и словомъ и дѣломъ, гонимыхъ защитникъ,
Зла истребитель, сѣятель благъ, мнѣ данный богами
Спутникъ, покинулъ меня и разставшися съ нимъ, я разсталась
Съ жизнію. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавый властитель
Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный? гдѣ мой желанный?
Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ милый сопутникъ?
Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангелъ хранитель?
Рвется сердце къ нему; по немъ душа униваетъ;
Очи ищутъ его и голоса милаго жаждетъ
Слухъ... О! когда же придется услышать мнѣ снова
Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ устъ: «*Дамаянти!*»
Такъ говорила въ своемъ сокрушеньи съ горою пустынной
Бѣдная царская дочь, но гора не дала ей отвѣта.
Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три дня и три ночи

Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрекшись.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душей на землѣ небожители, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древесные были. Дивяся, смотрѣла на этотъ,
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, какъ будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она имъ сказала:
«Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спасенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаетъ огонь покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо»? — Они отвѣчали: «Все намъ во благо;
Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но скажи намъ,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Насъ свѣтлый
Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ и открой намъ,
Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль потоковъ»? — На то имъ,
Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ: «Не богиня
Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяжкимъ
Горемъ гнетомая, смертная женщина; вамъ благодушнымъ
Старцамъ я все разскажу. Владыка Видарбы, могучій,
Славнодержавный Бима отецъ мой; властитель Нишады,
Грозный могуществомъ, въ каждомъ бою побѣдитель великій,
Свѣтлый душею, неба достойный земли урожденецъ,
Правды защитникъ, правды вѣщатель, божественно-царскимъ
Блескомъ сіяющій, градохранитель, градорушитель,
Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ совмѣстившій,
Наль, мой супругъ, игрокомъ коварно-искуснымъ былъ вызванъ
Въ кости играть; и ему все царство свое проигралъ онъ.
Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пустынямъ
Вслѣдъ за Наломъ скитаюсь, крушимая горемъ, и нынѣ,
Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ узнать, не встрѣчался ль

Гдѣ-нибудь вамъ мой утраченный царь? Не видали ль въ Эдемской
Рощѣ своей вы его, за которымъ я, слѣдуя, этотъ
Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ, старцы,
Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мнѣ она! одно нестерпимое бремя
Жизнь безъ него, усладителя жизни». На жалобы царской
Дочери, съ нѣжнымъ объ ней сожалѣніемъ, такъ отвѣчали
Старцы, читая пророчески въ будущемъ: «Праведны боги!
Вѣруя имъ, не смущайся душею, прекрасная; свѣтлы,
Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной
Полные, будутъ грядущіе дни для тебя; то являетъ
Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины невольныя чистый,
Царски вѣнчанный, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,
Скорби твоей изцѣлитель, жизни твоей украшенье,
Прежній твой другъ, твой сопутникъ, совѣтникъ, защитникъ—и все то
Сбудется, если въ тебѣ не ослабнетъ терпѣнье и вѣрность...»
То сказавши, тихо изчезли пустынники; съ ними
Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огнь, и молитвы
Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей рощи исчезли....
Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: «Не сонъ ли
Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники? Гдѣ ихъ
Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы, ихъ звѣри?
Гдѣ ихъ цвѣты благовонные»? — Такъ въ изумленьи подумавъ,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ далѣ.

Примѣч. — Судьба потомъ опять соединяетъ Дамаянти съ Налемъ, къ ихъ взаимному счастію. Вотъ что говоритъ *А. В. Шлегель* о «Налѣ и Дамаянти:» «По моему мнѣнію, эта поэма не уступаетъ ни какой изъ древнихъ и новыхъ въ красотѣ поэтической, въ увлекательности страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ и мыслей. Прелесть ея доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть любимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каждому, какъ у насъ постоянство Пенелопы.» Но, замѣтимъ отъ себя, повѣсть тогда выступитъ во всемъ блескѣ, когда мы будемъ ее разсматривать въ связи съ вѣроученіемъ Индѣйцевъ и природою ихъ страны. Иначе «Наль и Дамаянти» представится неопытному читателю сборомъ всевозможныхъ чудовищныхъ образовъ, безъ смысла и цѣли.

РУСТЕМЪ и ЗОРАБЪ.

(Фирдуси [1]*).*

«Рустемъ и Зорабъ» составляетъ отдѣльный эпизодъ изъ эпоса Персидскаго, носящаго названіе «Шахъ-Наме», т. е. царственной книги. «Шахъ-Наме» изображаетъ не одно какое-либо событіе, а всю всемірную исторію съ точки зрѣнія Персовъ. Въ поэмѣ описываются миѳологическія времена Персіи и ея историческія судьбы, какъ ихъ понималъ народъ. Преимущественно на двухъ герояхъ сосредоточивается дѣйствіе поэмы: на Рустемѣ — героическая эпоха и Александрѣ Македонскомъ — историческая эпоха.

«Рустемъ и Зорабъ» совершенно отражаетъ въ себѣ древнѣйшій періодъ Персидской исторіи. Въ основѣ этого эпизода лежитъ — борьба двухъ областей: Турана и Ирана, борьба, засвидѣтельствованная исторіею Персіи. Народъ Персидскій — народъ воинственный исключительно. Въ поэмѣ ярко обозначены нравы его: глубокое почтеніе къ богатырямъ, т. е. силѣ физической, страсть къ битвамъ: Рустемъ и Зорабъ три боя ведутъ между собою,—коварство и хитрость, столь не разлучныя съ войною,—исполинское мужество женщинъ, отношеніе богатырей къ шаху, вѣра во вліяніе на жизнь звѣздъ. *Плетневъ* говоритъ: «Нельзя вообразить событія болѣе трагическаго, трогательнаго и вмѣстѣ величественнаго, какъ разсказанное въ повѣсти «Рустемъ и Зорабъ», хотя оно совершается со всею простотою истины, безъ всякой театральности и натяжки. Сердце разрывается отъ трепета и боли передъ созерцаніемъ страшнаго могущества рока. И въ то же время картины природы, описанія нравовъ, крики страстей, сокровенные изгибы человѣческаго сердца, въ краскахъ самыхъ разнообразныхъ, поочередно являются и уносятся передъ зрителемъ, наполняя его разнородными ощущеніями». (Извѣстія 2-го Отдѣл. Академіи Наукъ. Т. 1, стр. 271). Въ этихъ словахъ указано на глубокое значеніе «Рустема и Зораба», а также на главную мысль повѣсти — могущество рока.

Дѣйствительно, сила рока неотвратима. Рустемъ, будучи на охотѣ, во время сна лишился коня. Отыскивая его, богатырь зашелъ въ городъ Семенгамъ:

Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого

[1] Фирдуси (райскій) жилъ въ 1030 г. Онъ тридцать лѣтъ писалъ Шахъ-Наме.

На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,
Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтило,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣнцемъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ, облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.
И царь сошелъ съ крыльца принять Рустема.
Онъ поклонился и сказалъ:
«Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и всѣ мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ». Рустему
Смиренная понравилася рѣчь;
Они, подумалъ онъ,
Передо мной робѣютъ.
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ
Тогда, какъ на твоемъ лугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубитъ мнѣ
Къ нему широкую дорогу».
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
«Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь!
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;

Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи,
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ».
Левъ мужества, Рустемъ, доволенъ былъ
Царя привѣтственною рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лвцемъ веселымъ;
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ стоя, подчивалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лице Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ:
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струнъ, при сладкомъ пѣньи,
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ
Подъ тонкой шелковою тканью
Въ глубокій сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепетъ.

Темина, дочь царя, предлагаетъ руку Рустему: богатырь не отвергаетъ ея. Но скоро оставляетъ Темину и дастъ ей такое за-

вѣщаніе: если родится сынъ, то не иначе онъ можетъ назваться его сыномъ, какъ ознаменовавъ себя дѣлами богатырства. Сынъ, по имени Зорабъ, принялъ близко къ сердцу завѣтъ отца и идетъ его отыскивать. Поднимается война между Тураномъ и Ираномъ; на сторонѣ перваго Зорабъ, на сторонѣ втораго Рустемъ. Рокъ не судилъ имъ знать другъ друга, хотя того сильно домогался Зорабъ. Два боя выдерживаютъ богатыри, почти не уступая другъ другу въ силѣ. Наконецъ третій бой рѣшаетъ дѣло.

Третій Бой.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды [1]),
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ —
Какъ будто что напомнилось ему —
Пошелъ и поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ:
Его земля не выносила;
Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у Турковъ, онъ
Во мракѣ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.

---

[1]) Во второмъ бою Зорабъ одолѣлъ Рустема, но Рустемъ хитростью вымолилъ себѣ жизнь.

Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
Осиплый хохотъ. «Кто хохочетъ»? гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: — я! —
«А ты кто?»—Горный духъ.—«Чему смѣешься?»
— Смѣюсь тому, что ты, сплачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если —
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены —
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда и кликни — я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно. —
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;
Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою поруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь

По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы; и духъ
Сталъ видимъ, хмурный и туманный;
И онъ спросилъ: — Къ кому пришелъ ты? —
«Къ тебѣ», отвѣтствовалъ Рустемъ.
«Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые;
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли»? Темный духъ
Отвѣтствовалъ: — Съ трудомъ; ты сталъ
И старъ и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли? —
Рустемъ сказалъ: — «Отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ:
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье».
Духъ отвѣчалъ: — Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ —
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Невзмѣненная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плеча дряхлыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,

И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще не поздно; мой совѣтъ
Спасителенъ: прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ не мало совершилъ —
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу. —

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался —
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба день ужъ начиналъ
Сходить и тѣни становились
Длиннѣе. Но.... Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
«Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ —
Я вечеромъ его дождаться долженъ».
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
«Но гдѣ же онъ?»... И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема;
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ: «Должны ли

Мы продолжать? До наступленья ночи
Успѣемъ ли»?... «Успѣемъ», перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли — яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день —
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившійся простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя....
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око....
Они сошлись — и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ — Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ — и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: «О ты, невѣрный обольститель!
Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной, укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ,
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ Рустема и Темины».
Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
«Что говоришь ты, сынъ бѣды»?

Воскликнулъ онъ. «Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ»? — «Я сынъ Рустема и Темины»,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ, сказалъ Зорабъ.
«Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь — увидишь самъ».
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ....
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,
Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ;
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ, ее увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ будто задушенный:
«Зорабъ, ты сынъ мой.... я Рустемъ»!

V.

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ....
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,

Имъ въ логѣ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,
Слѣпой отъ голода, отецъ въ остервененьи
Бросается, его когтями
На части рветъ и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотолѣ, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра —
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,
Какъ будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулся. Всю память потерявъ.
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ рядомъ сынъ;
Еще его•лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца.
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти, и наконецъ такъ страшно
Нашелъ.... И онъ теперь (какъ наканунѣ
Ему привидѣлось во снѣ)
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ мракѣ оба войска
Стояли, молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ;
И все опять утихло;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто; когда же наконецъ
Нашлись отважные и подойти

Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича: Рустемъ
Убитъ! на Громѣ нѣтъ Рустема!
Тогда нашелъ на войско трепетъ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чѣмъ оно прійти успѣло къ мѣсту,
Достигъ туда его далекій шумъ;
Имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному страданью
Былъ пробужденъ; и тяжко
Онъ застоналъ — но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Послѣднее дыханье,
Послѣдній свѣтъ души своей онъ собралъ,
И на его блѣднѣющихъ устахъ
Чуть слышною музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная рѣчь;
И тихо рѣчь лилась,
Какъ теплая, слабѣющая кровь,
Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

VII.

«Отецъ, пока еще во мнѣ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ — къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,
Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
Произносимое на свѣтѣ слово:
Отецъ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славѣ подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ

Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушишься? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убилъ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звѣздами предназначенъ.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ; позволь, чтобъ Баруманъ
Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ,
Онѣ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ;
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ,
Тебя назвать отрекся... Ахъ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесять сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣетъ
Хеджиръ и Бѣлымъ Замкомъ [1]);
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ, какъ сонъ,
Гурдаферидъ [2]) себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнитъ:
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнесть въ Сабулъ и положить
Туда, гдѣ всѣ положены

[1]) На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость *Бѣлый Замокъ*:
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ.

Крѣпостью повелѣвали два вождя: Гездехомъ и Хеджиръ. Зорабъ въ одномъ бою побѣдилъ Хеджира и взялъ его въ плѣнъ. Разъ Зорабъ спрашивалъ Хеджира о Рустемѣ, но тотъ не назвалъ ему Рустема.

[2]) Гурдаферидъ — дочь Гездехема.

Мои прославленные предки;
А здѣсь пускай раскинутъ надо мною
Рустемовъ царственный шатеръ.
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь....
Пришелъ, какъ молнія; ушелъ, какъ вѣтеръ....
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,
И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема».

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ:
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Желѣзной судорогой были.
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.
Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынѣ темноты
Онъ остается, и ему
Ужъ никакое на пути
Не руководствуетъ сіянье —
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался;
Рустемъ въ разстройствѣ скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ на встрѣчу.
Окровавленный, весь въ пыли,
Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
Не видывалъ... но громозвучнымъ крикомъ
По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ, живой, явился.
Такой подъемлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ

Ее схватившаго врага:
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликовало
Рустема встрѣтившее войско.
И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ: «Сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите всѣ, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ;
Вотъ онъ лежитъ, вашъ грозный богатырь;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана.
Я много боевъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью,
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славѣ:
Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына».
Такъ говорилъ Рустемъ и голосъ
Его не трепеталъ; и были сухи
Его глаза; и былъ онъ страшно тихъ.
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго;
Еще за часъ цвѣтущій, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ —
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лице....
«Еще онъ живъ»! воскликнулъ онъ:
«Скорѣй гонца отправьте къ шаху
Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ исцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ....
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался».

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
Гонецъ, и такъ сказалъ:—Рустемъ

Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью
Всѣ пораженные, рыдаютъ; имп
Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
Молить. чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.—
Но шахъ отвѣтствовалъ на это.
Не торопясь: «Благодаренье Богу!
Рустемъ спасенъ. а врагъ лежитъ убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для Турка.
Ирану и одной ужъ силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ. ихъ обоихъ
Не выдержать Ирану.
Но если такъ Рустемъ желаетъ.
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость.
И самъ сюда придетъ.
И проситъ милости у шаха на колѣняхъ».
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы словъ.
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ
Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказѣ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ;
Не могъ пойти, не могъ остаться:
Но наконецъ передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
Пошелъ.... но десяти шаговъ переступить

Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кромѣ гроба.

Жуковскій.

Рустемъ приходитъ въ отчаяніе: велитъ войскамъ удалиться, сына взять отъ него прочь и отнести на родину, а самъ остается въ пустынѣ, дабы съ избыткомъ предаться неутолимому горю. Такъ оканчивается въ переводѣ Жуковскаго «Рустемъ и Зорабъ» [1]).

Примѣч. — Идея поэмы — могущество рока — весьма ярко выражена. Звѣзды осудили Зораба на смерть отъ руки отца, и несчастный, но благородный юноша, ничѣмъ не могъ отвратить удара судьбы. Онъ спрашивалъ передъ началомъ боя объ имени своего противника; Рустемъ отвѣчалъ: «я не Рустемъ». Зорабъ, видя сѣдые волосы Рустема, умолялъ не вступать съ нимъ, могучимъ юношею, во второй бой, — старый богатырь, жившій одною славою, отвергнулъ голосъ своего сына. Рокъ неумолимъ: онъ влечетъ человѣка къ погибели неудержимо.

Характеры героевъ изображены отчетливо. Рустемъ силенъ физически, любитъ воинскую славу, опытенъ, хитръ, коваренъ и наконецъ отечески-нѣженъ къ сыну. Зорабъ могучъ не менѣе отца, но въ немъ болѣе человѣческихъ свойствъ: онъ отвращается отъ пролитія крови, онъ ищетъ мира, почитаетъ сѣдины даже врага, «незлобивъ какъ младенецъ и великодушенъ какъ герой».

ПОЭМЫ ГОМЕРА.

Ни одно произведеніе ума человѣческаго — ни въ древнее, ни въ новое время — не имѣло столь блистательнаго успѣха, какъ великія творенія Гомера (Азіатскаго Грека, жившаго въ половинѣ X-го вѣка передъ Р. Х.).

Произведенія Гомера имѣютъ огромныя преимущества надъ всѣми сочиненіями древнихъ, содержанія исключительно историческаго. Ни одно изъ этихъ послѣднихъ не характеризуетъ такъ живо, рѣзко и отчетливо современной эпохи, какъ творенія Гомера, въ которыхъ мы видимъ въ дѣйствіи современное ему общество со всѣми его вѣрованіями и убѣжденіями, нравами и обычаями. «Онѣ, говоритъ Гнѣдичъ, подобно книгамъ Бытія, суть печать и зерцало вѣка». Этотъ вѣкъ со всѣми его совершенствами и слабостями схваченъ поэтомъ съ природы и художнически изображенъ въ самыхъ яркихъ картинахъ. Въ Ахиллесѣ, Одиссеѣ, Патроклѣ, Агамемнонѣ, Несторѣ, Діомедѣ, Аяксѣ, Пенелопѣ, Навзикаѣ и дру-

[1]) Жуковскій передалъ поэму въ вольномъ подражаніи Рюккерту.

гихъ очерченъ характеръ Грековъ героической эпохи: въ Ахиллесѣ — физическая сила, геройская храбрость и неустрашимость; въ Одиссеѣ — благоразумная хитрость, изобрѣтательность и терпѣніе; въ Патроклѣ — искреннее дружество; въ Агамемнонѣ — царскія качества: бодрость, заботливость; въ Несторѣ — сатирическая мудрость, въ Діомедѣ и Аяксѣ — отчаянное, неудержимое мужество: въ Пенелопѣ — вѣрность супруги и нѣжная любовь матери; въ Навзикаѣ — типъ древней Греческой дѣвушки. Въ ихъ чувствованіяхъ и поступкахъ отражается образъ мышленія и дѣйствій всѣхъ Грековъ. Изъ произведеній Гомера мы можемъ составить ясное понятіе о гражданскомъ устройствѣ древняго Греческаго міра, о религіозныхъ убѣжденіяхъ Грековъ, семейной ихъ жизни, объ эстетическомъ ихъ развитіи, о положеніи странъ, народовъ и городовъ. На этомъ основаніи Иліада и Одиссея служили источникомъ, изъ котораго Греки почерпали все свое умственное, нравственное и общественное образованіе.

Нѣкоторые знали наизусть всю Иліаду и всю Одиссею. Значеніе Иліады и Одиссеи особенно усилилось, когда въ VI вѣкѣ до Р. Х. Солонъ, Пизистратъ и дѣти его различными постановленіями усыновили, такъ сказать, Аѳинамъ эти поэмы, возникшія, безъ сомнѣнія, въ Малоазійскихъ колоніяхъ. Солонъ предписалъ, чтобы творенія Гомера, какъ и законы, читались въ общественныхъ собраніяхъ. Во времена Солона Гомеровы поэмы болѣе и болѣе входили въ Греческую жизнь вообще. Не только съ Гомера начиналось воспитаніе Аѳинскаго юношества, но даже и въ зрѣломъ возрастѣ Гомеровы поэмы были любимымъ чтеніемъ. Изъ нихъ возникла Греческая трагедія: она и содержаніемъ, и воззрѣніемъ и даже языкомъ обязана Гомеру. Вотъ почему Аѳиняне называли Гомера первымъ трагикомъ. Далѣе, изъ Иліады и Одиссеи скульпторы брали сюжеты для своихъ произведеній. Фидій самъ сознавался, что свою статую Юпитера Олимпійскаго онъ создалъ по идеямъ Гомера. На поэмы ссылались Греческія государства, какъ въ наше времена ссылаются на трактаты и договоры. Нѣкоторыя государства нарочно поддѣлывали, вставляли стихи въ свою пользу; историки и географы опирались на Гомера, какъ на правдиваго свидѣтеля. Многіе стихи изъ поэмъ Гомера приводились въ обыденной жизни, какъ пословицы. Гомеръ былъ идеаломъ мудрости [1]), былъ *поэтомъ* по преимуществу (*ὁ ποιητής*). Послѣ этого неудивительно, что Гомера въ школахъ изучали болѣе, чѣмъ другихъ поэтовъ. Значеніе его не утратилось даже до паденія Визан-

---

[1]) Семь городовъ Греческихъ спорили о мѣстѣ рожденія Гомера: въ такомъ онъ былъ почетѣ....

тійской имперіи. Такъ извѣстно, что въ христіанскихъ школахъ Гомера изучали наровнѣ съ Библіею. Къ твореніямъ его дѣлались для школъ рисунки и до насъ дошли такіе рисунки: такъ называемая Tabula Iliaca.

Мнѣніе Гнѣдича о поэмахъ Гомера. — «Поэмы Гомера, по признанію лучшихъ критиковъ, древни, какъ Псалмы Давида; онѣ сочинены около 150 лѣтъ послѣ разоренія Трои. Предполагаютъ, что Иліада первоначально не составляла одной Поэмы, и что нынѣшняя форма ей дана послѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ изслѣдованія подробнѣйшія. Сто лѣтъ послѣ Гомера, Ликургъ, законодатель Спартанскій, принесъ изъ Іоніи въ Грецію отдѣльныя пѣсни Иліады и Одиссеи; 250 лѣтъ спустя, Пизистратъ, правитель Аѳинскій, собралъ ихъ, и его сынъ, Гиппархъ, повелѣлъ, чтобы ихъ пѣли во время Панаѳенеевъ, праздниствъ въ честь Аѳинѣ, покровительницѣ города. Аристотель сдѣлалъ изъ нихъ для Александра Великаго списокъ, старательно имъ выправленный. Послѣ, не упоминая о Рапсодахъ, Философахъ, Софистахъ, Грамматикахъ, Схоліастахъ, толковавшихъ и поправлявшихъ Гомера, Аристархъ Самосскій и Аристофанъ, библіотекарь Александрійскій, болѣе всѣхъ другихъ занимались исправленіемъ текста, щедро награждаемые за труды свои золотомъ Птоломея, царя Египетскаго, который одною любовію къ наукамъ обезсмертилъ имя свое. Ихъ списокъ есть образецъ печатныхъ изданій Поэмъ Гомеровыхъ.

«Ошибается, кто сіи Поэмы принимаетъ въ понятіи этого слова народномъ или школьномъ. Понятіе и сужденіе о предметѣ всегда несправедливо, когда смотрятъ на него съ одной, и сверхъ того не съ надлежащей точки зрѣнія. Подобныя понятія, не ясныя, часто ложныя, не удовлетворяютъ ни уму, ни сердцу. По мѣрѣ вѣрности и многообъемности воззрѣній, удовольствіе возрастаетъ; и мы съ новымъ, живѣйшимъ чувствомъ наслаждаемся книгою, картиною, статуей, на которыя прежде смотрѣли равнодушно, не зная, съ какой стороны должно смотрѣть.

«Гомеръ никогда не могъ быть книгою общею, а тѣмъ болѣе въ наше время, въ вѣкъ переворотовъ всѣхъ мнѣній человѣческихъ, переворотовъ, бывшихъ впрочемъ и прежде, вновь быть имѣющихъ, и всегда окончившихся тѣмъ, что разумъ человѣка обращался вновь къ однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ началамъ истиннаго и прекраснаго. Поэмы Гомера не суть произведенія чисто поэтическія; въ нихъ напрасно будутъ искать одного наслажденія, какое привыкли находить въ поэзіи современной, живой для насъ всѣми своими сторонами. Иліада, въ отношеніи къ намъ, есть, такъ сказать, первая исторія народа мертваго: но какая Исторія! Были герои до Ахиллеса; не одно приключеніе романическое, и не въ одномъ царствѣ, волновало, подымало, вооружало народы. Иліада одна сотворила великое воспоминаніе. Какъ Греки достигли общежитія, въ Иліадѣ изображеннаго? Мы не знаемъ, Исторія молчитъ; но творенія Пѣснопѣвца, подобно яркому воздушному огню среди глубокой ночи, озаряютъ мрачную древность. Иліада заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, не мечтательный, воображеніемъ украшенный, но списанный такимъ, какимъ онъ былъ, міръ древній, съ его богами, религіею, философіею, исторіею, географіею, нравами, обычаями, словомъ всѣмъ, чѣмъ была древняя Греція. Твореніе Гомера есть превосходнѣйшая Энциклопедія древности.

«Съ такой точки зрѣнія должно смотрѣть на Поэмы Гомера. Онѣ, подобно книгамъ Бытія, суть печать и зеркало вѣка. И кто любитъ восходить къ

юности человѣчества, чтобы созерцать нагую прелесть природы, или питаться уроками временъ минувшихъ, предъ тѣмъ цѣлый міръ, земный и небесный, разовьется въ Иліадѣ картиною чудесною, кипящею жизнію и движеніемъ, прекраснѣйшею и величайшею, какую только создавалъ геній человѣка. Не славу одного какого-либо племени, но цѣлаго великаго народа; не одни блестящія свойства какого-либо героя, всѣ характеры, всѣ страсти человѣчества юнаго, всѣ стороны жизни героической обнялъ и изобразилъ великій живописецъ Древности. — Чтобы читать картину его, чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукою генія набросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны предуготовительныя познанія. Но большая часть людей не считаетъ ихъ нужными, когда произноситъ сужденія. Мы, съ образомъ мыслей, намъ свойственнымъ, судимъ народъ, имѣвшій другой образъ мыслей; подчиняемъ его обязанностямъ и условіямъ, какія общество налагаетъ на насъ. Забывая даже различіе религіи, а съ нею и нравственности, мы заключаемъ, что справедливое и несправедливое, нѣжное и суровое, пристойное и непристойное наше, сегодняшнее, было такимъ и за три тысячи лѣтъ. И вотъ почему судимъ ложно о герояхъ Гомеровыхъ. Воображеніе безъ понятій не говоритъ, или темно говоритъ сердцу. Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями, и царями-пастырями, чтобы хорошо понимать ихъ. — Тогда Ахиллесъ, который на лирѣ воспѣваетъ героевъ, и самъ жаритъ барановъ, который свирѣпствуетъ надъ мертвымъ Гекторомъ, и отцу его Пріаму такъ великодушно предлагаетъ и вечерю и ночлегъ у себя въ кущѣ, не покажется намъ лицемъ фантазическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивалась со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще неполинскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностію и вдохновеніемъ человѣкъ возвышался до боговъ. — Тогда міръ, за три тысячи лѣтъ существовавшій, не будетъ для насъ мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо сердце человѣческое не умираетъ и не измѣняется: ибо сердце не принадлежитъ ни націи, ни странѣ, но всѣмъ общее; оно и прежде билося тѣми же чувствами, кипѣло тѣми же страстями, и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Пріама, не смотря на образъ выраженія, столь далекій отъ нашего.

«Такъ, языкъ страстей человѣчества юнаго, кипящаго всею полнотою силы и духа, еще не стѣсняемый условіями образованности, изливавшійся со всею свободою и со всею простотою душъ царей-пастырей, не могъ быть образомъ выраженія подобенъ нашему; онъ не облекался въ блестящія и разнообразныя формы, которыя мы изыскиваемъ: или, лучше сказать, онъ не имѣлъ другихъ формъ, кромѣ вдохновенію принадлежащихъ — *простоты* и *силы*. Изъ сихъ начал истекаютъ величайшія красоты поэзіи Гомерической, красоты, не включая мѣстныхъ, всемірныя и вѣчныя, какъ природа и сердце человѣка. Гомеръ и природа одно и то же. «Двадцать столѣтій протекло по лицу земли, говоритъ почтенный Муравьевъ (М. Н.), а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего, столь же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходятъ во мнѣ самомъ»!

«Сія простота сказанія, жизни, нравовъ, изображаемыхъ въ Иліадѣ, и многія особенныя свойства поэзіи, въ ней раскрытой, сильно напоминаютъ глубокую древность Востока, и поэмы Гомера сближаютъ, въ литературномъ отношеніи, съ писаніями Библіи. Та же торжественная важность и величе-

ственная простота въ рѣчахъ; то же участіе божества въ связяхъ семействъ, непосредственное явленіе его, торжественность и значительность его словъ. Сіи многоразличныя сравненія и подобія въ Иліадѣ, какъ образы, какъ примѣры для объясненія и вразумленія, суть явныя свойства языка жители восточнаго, который обыкновенно, разсѣянное въ обширномъ кругу природы и опыта, собираетъ, чтобы быстро означить предметы. Патріархальность, свойственная всему западному Востоку, очевидна какъ въ жизни, такъ и въ образѣ управленія многихъ племенъ, въ Иліадѣ изображаемыхъ, но болѣе всѣхъ у Троянъ: цари ихъ сами еще пасутъ стада; Пріамъ въ семействѣ своемъ болѣе, нежели глава семейства: отецъ многочисленныхъ сыновъ, онъ и царскую славу свою основываетъ собственно на обширномъ родствѣ; возвышаемый глубокимъ уваженіемъ, которое дѣти къ нему оказываютъ, онъ ихъ и отецъ и деспотъ; они его страшатся; воля его для нихъ непремѣнна. Самъ Зевсъ, обыкновенно сидящій на Идѣ, являющійся среди грома и молніи, благодѣтельствующій вообще роду человѣческому въ древнемъ поколѣніи Дардана, но часто споспѣшествующій одному прадѣду противъ другаго, племени Анхизову противъ преемниковъ Пріамовыхъ, есть богъ семейства.

«Такимъ образомъ языкъ, и вообще образъ повѣствованія творца Иліады, истекающій изъ тѣхъ же началъ простоты, болѣе всего отличенъ; онъ совершенно противоположенъ всѣмъ его послѣдователямъ, начиная отъ Виргилія. Въ немъ не найдутъ обычныхъ красотъ стихотворцевъ ученыхъ, выраженій искусственныхъ, фразъ сочиняемыхъ, въ которыхъ видна работа, и которымъ въ наше время предпочтительно удивляются. Изъ устъ сына природы, генія, одушевляемаго полнотою духа и силы, не исходитъ ничего мелкаго, ничего изысканнаго. Выраженіе духа его вольно, какъ игра фантазіи, и льется свободно, подобно рѣкѣ величественной. Къ стихамъ его, кажется, не касались поправки; всѣ они излилися, кажется, по первому внушенію. Музы диктовали, а Гомеръ писалъ, говорили Древніе.

«Въ образѣ повѣствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обымая небо и землю, онъ въ высочайшемъ пареніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который, плавая въ высотахъ поднебесныхъ, часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ.— Богатства его поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ океану, который пріемлетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ Элегій, веселыхъ Идилій смѣшано съ грозными, трагическими картинами Эпопеи. Картины сіи чудны своею жизнію; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставитъ передъ глаза: вы его видите. Это волшебство производятъ простота и сила разсказа. Не менѣе удивительна противоположность сихъ картинъ; ничего нѣтъ простѣе, естественнѣе и трогательнѣе однихъ, въ которыхъ дышетъ нагая красота природы; ничего нѣтъ величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образы ознаменованы возвышенностію и величіемъ не обычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которомъ еще носилися въ вѣкахъ героическихъ и питали поэзію.

«Говоря вообще, геній Гомера мужественъ, иногда даже суровъ; его картины подобны ваяніямъ Древности, которыхъ формы, сильныя и строгія, какъ въ ваяніяхъ Парѳенона, удивляютъ изнѣженность нашего вкуса. Причины сей мужественности генія древняго заключаются сколько въ простотѣ нравовъ, столько въ религіи и отношеніяхъ женскаго пола къ тогдашнему обществу, совершенно противоположныхъ нашему. Отъ сей послѣдней причины словесность Древнихъ и особенно Грековъ была, по выраженію *Ф. Шлегеля*,

словесностію, такъ сказать, мужескою, и въ нѣкоторыхъ частяхъ осталась навсегда суровѣе и грубѣе, нежели ихъ умственное образованіе.

«Не ставя алтарей Гомеру, какъ *Скалигеръ* Виргилію, — поклоненіе несообразное съ успѣхами разума, — скажемъ вообще: Гомеръ, въ отношеніи къ намъ, не есть образецъ, до котораго духъ человѣческій въ Поэзіи возвыситься можетъ; но онъ опредѣляетъ ту черту, отъ которой геній древняго человѣка устремилъ смѣлый полетъ, кругъ, который обнялъ, и предѣлъ, до котораго достигнулъ. Въ такомъ отношеніи поэтическія творенія Гомера, безъ сомнѣнія, суть произведенія совершеннѣйшія. Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ, могутъ черпать въ нихъ полезные уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ, и клалъ себѣ подъ голову, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей, и, какъ говоритъ знаменитый историкъ *Мюллеръ*, лучшій учитель первѣйшей науки, мудрости. По симъ легкимъ очертаніямъ [1]), можно видѣть, что, за исключеніемъ свойствъ механическихъ, какъ гармонія, и проч. отличительныя свойства Поэзіи, языка и повѣствованія Гомерова, суть простота, сила и важное спокойствіе. — Да не помыслятъ однако, что важность сія состоитъ въ однообразной высокости слога, которую иначе не можно передать намъ, какъ языкомъ Славянскимъ. При безчисленномъ разнообразіи характеровъ и предметовъ, заключаемыхъ Иліадою; въ сихъ переходахъ отъ Олимпа къ кухнямъ; отъ совѣта боговъ къ спорамъ героевъ, ча-

---

[1]) Для дополненія понятій о Гомерѣ, едва ли найдетъ читатель, даже на языкахъ иностранныхъ, что-либо лучшее и столь вѣрное, какъ мысли о немъ *Муравьева* (М. Н.), писателя, который такъ хорошо былъ знакомъ съ Древними, и въ твореніяхъ своихъ оставилъ прекрасную душу и богатые плоды познаній. Не излишнимъ считаю присовокупить ихъ.

«Кажется, что юная природа истощила всѣ свои силы и хитрости на образованіе разумовъ и дарованій. Какихъ она имѣла любимцевъ и наперсниковъ въ первыхъ зрителяхъ ея прелести! Нѣтъ, скажу (подобно Гомерову Нестору) нынѣшній вѣкъ не увидитъ мужей, равняющихся съ богоподобнымъ пѣвцомъ Ахиллесовымъ.... Природа сіяла тогда собственными красотами и не обременялася украшеніями, которыя думаютъ нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнушались тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природныя преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностію была единая драгоцѣнная стыдливость, вдохновенная природою, тѣмъ болѣе наблюдаемая и не нарушаемая, что предписанія ея не отягощалися хитрыми толкованіями ложнаго стыда. Всѣ таинства природы выражены у Древнихъ съ симъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслитъ худаго. Не есть то безстыдство, но нѣкая прелесть цѣломудрія, не имѣющаго причины таиться. Любовь имѣла одну только простоту и беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей непросвѣщенныхъ. Измѣнило бы ей притворство; и простота, хранитель священнаго къ ней почтенія, простота прекраснѣйшая хитрость любви.... Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ Древнихъ.... Не знаетъ тотъ эпическаго стихотворства, кому не нравится Гомеръ.» Его сказки, его длинныя рѣчи въ сраженіяхъ, самыя ошибки его стократно драгоцѣннѣе для стихотворства, нежели измѣренные шаги писателя, никогда не падающаго, единственно потому, что онъ никогда не имѣетъ силы возвыситься. Полн. Собр. соч. М. Н. Муравьева. Т. III, стр. 295.

сто грубымъ; отъ Ѳерсита, представителя наглой черни, каркающаго подобно воронѣ, по выраженію Гомера, къ пышному витійству Одиссея; отъ пламеннаго Ахиллеса къ кроткому, сладкорѣчивому Нестору и проч.: Гомеръ естественно не могъ быть однообразенъ ни въ языкѣ, ни въ слогѣ; отъ высокости ихъ онъ долженъ былъ нисходить до простоты языка народнаго. Но важное спокойствіе повѣствованія его состоитъ въ какомъ-то важномъ теченіи рѣчей, одному гекзаметру свойственномъ, которое, связывая стихъ за стихомъ, льется какъ волны, непрерывно, до конца періодовъ поэтическихъ, безъ сихъ оборотовъ короткихъ, фразъ отрывистыхъ, принадлежащихъ слогу искусственному». (Предисловіе къ переводу Иліады).

Мнѣніе Вольфа. — Германскій ученый *Фридрихъ Августъ Вольфъ* въ своемъ сочиненіи «Prolegomena ad Homerum (1795)» доказываетъ, что Иліада и Одиссея—твореніе не одного Гомера, а всего народа. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ Вольфъ, что Гомеровы пѣснопѣнія создавались первоначально безъ помощи письма и во время своего созданія были мало извѣстны и мало распространены. Съ другой стороны, невѣроятно, чтобъ могли удержаться въ памяти цѣлыя поэмы въ 12 и 15 тысячъ стиховъ; а еслибъ и могъ кто-либо сочинить и запомнить, безъ помощи письма, такую громаду, то у него не было бы средствъ подѣлиться своимъ изданіемъ съ современниками, слѣдовательно Иліада и Одиссея не могли быть трудомъ одного человѣка и въ началѣ не имѣли нынѣшняго стройнаго, цѣлостнаго вида».

Содержаніе Иліады и Одиссеи. — Въ Иліадѣ описывается гнѣвъ Ахиллеса съ его послѣдствіями, бѣдствія Грековъ при осадѣ Трои и страшное мщеніе Ахиллеса за смерть Патрокла.—Въ Одиссеѣ поэтъ воспѣваетъ странствованія царя Одиссея (Улисса), послѣ взятія Трои и его возращеніе на родной островъ Итаку. Иліада изображаетъ преимущественно боевую жизнь Грековъ, Одиссея — мирную, семейную.

Переводы.—Иліада переведена на Русскій языкъ *Гнѣдичемъ* (1826), а Одиссея—*Жуковскимъ* (1849). Переводили Иліаду *Костровъ, Мартыновъ, Ордынскій, Жуковскій* и другіе. Ордынскій пытался переводить языкомъ народныхъ Русскихъ пѣсенъ (его переводъ въ Отеч. Зап. 1853, № 1 и 2); Жуковскій перевелъ только двѣ рапсодіи. Замѣтимъ здѣсь, что Жуковскій не зналъ Греческаго языка и переводилъ Одиссею по подстрочному Нѣмецкому подлиннику. Достоинства и недостатки переводовъ Гнѣдича и Жуковскаго указаны Ордынскимъ въ Отеч. Зап. 1849 года, № 8 и 1850, № 5. Ордынскій говоритъ о переводѣ Гнѣдича: «Гнѣдичъ скорѣе переводилъ *Фосса* (Нѣмецкій переводчикъ Гомера), нежели Гомера; слѣпо держался подлинника, уродывалъ свой языкъ для языка подлинника: обременилъ его множествомъ чуждыхъ ему формъ и оборотовъ, образовалъ по своему непонятныя слова. Мы потеряли въ Гнѣдичѣ ту нѣжность, игривость и простодушіе, которыя столь свойственны Гомеру».—Не смотря, впрочемъ, на недостатки, переводъ Гнѣдича—великій трудъ. Нашъ писатель долго и глубоко изучалъ подлинникъ. Живой Эллинскій духъ разлитъ въ экзаметрахъ Гнѣдича. *Пушкинъ* написалъ слѣд. двустишіе Гнѣдичу:

«Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душей».

Жуковскій, по словамъ Ордынскаго, въ иныхъ мѣстахъ даетъ чувствовать красоты подлинника: у него есть Гомерическіе пріемы, то же простодушіе и спокойствіе. Высокій поэтическій талантъ Жуковскаго далъ его переводу несомнѣнное преимущество передъ Гнѣдичемъ. Недостатки: искусственное образованіе большей части Гомеровскихъ эпитетовъ; напр. *звонко-пространныя сѣни, мягко-упругое ложе, дерзко-рѣшительный, медленно-ходный корабль, крѣпко-ременныя петли, пурпурногрудый корабль, волнисто-кипучее устье, тучно-полянистый городъ.*—Славянизмы

попадаются часто: *понеже*. Новыя слова выдумываетъ поэтъ: *защитный, наелечь тѣло, добычникъ*. Всѣ эти недостатки есть и у Гнѣдича, но только въ сильнѣйшей степени.—Одиссею перевелъ еще, съ примѣчаніями, *Мартыновъ* (1828).

Статьи о Гомерѣ: Мнѣніе *Вико*. Журн. М. Народ. Просвѣщ. Часть XII.— Мнѣніе *Эдгарда Кине*. Сынъ Отеч. 1840, № 7.—Предисловіе *Гнѣдича* къ переводу Иліады.—Сравненіе Одиссеи Жуковскаго съ подлинникомъ. *Н. Лавровскаго*. Отеч. Зап. 1849.—О переводѣ Одиссеи Жуковскимъ. *Дестуниса*. Ж. М. Нар. Пр. 1850, № 3.—Объ Одиссеѣ Жуковскаго. *Гоголя:* Переписка съ друзьями.—Значеніе Гомера. *Ордынскаго*. Пропилеи. 1—169.—Одиссея Жуковскаго и журнальные толки о ней. Соврем. Т. XX.—Исторія литературы древняго и новаго міра. *А. Милюкова*. Спб. 1862. Т. I, стр. 9—60.—Исторія Греческой поэзіи. *Эдуарда Мунка*. Р. переводъ *Соколова*. М. 1863, стр. 29—63.

ИЛІАДА.

Діомедъ.

Аѳина Тидея великаго сыну
Крѣпость и смѣлость дала, да отличнѣйшимъ онъ между всѣми
Аргоса воями будетъ, и громкую славу стяжаетъ.
Пламень ему отъ щита и шелома зажгла неугасный,
Блескомъ подобный звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана:
Пламень подобный зажгла вкругъ главы и раменъ Діомеда,
И устремила въ средину, въ ужасное брани волненье.
Былъ въ Иліонѣ Даресъ, непорочный священникъ Гефеста [1]),
Мужъ и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегѐсъ и Идей, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, отдѣлясь, полетѣли противъ Діомеда;
Но они на коняхъ; Діомедъ устремляется пѣшій.
Только лишь стали сближаться, идущіе другъ противъ друга,
Первый Троянецъ Фегѐсъ устремилъ длиннотѣнную пику:
Низко, блестящая жаломъ, надъ лѣвымъ плечомъ Діомеда
Мѣдь пронеслася, не ранивъ его; и воздвигнулся съ пикой
Онъ; и его не напрасно копье изъ руки полетѣло:
Въ грудь поразилъ, и противника сбилъ съ колесницы.
Спрянулъ Идей, побѣжалъ, колесницу прекрасную бросивъ;
Въ трепетѣ сердца не смѣлъ защитить и убитаго брата;
Онъ бы и самъ не избѣгъ отъ грозящаго, чернаго рока,
Но исторгнулъ Гефестъ и, покрытаго мрачностью ночи,
Спасъ, да не вовсе отецъ сокрушится печалью о дѣтяхъ.

---

[1]) *Гефестъ* (Ифестъ) — Вулканъ, богъ огня.

Коней межъ тѣмъ изловивъ Діомедъ, воеватель могучій,
Ввѣрилъ дружинѣ, да гонятъ къ судамъ многомѣстнымъ. — Трояне,
Бодрые въ битвѣ дотолѣ, узрѣвъ, что Даресовы чада,
Тотъ, устрашенный бѣжитъ, а другой съ колесницы низверженъ,
Духомъ смутилися всѣ: и тогда Паллада Аѳина,
За руку взявши, воскликнула къ бурному богу Арею [1]):
«Бурный Арей, истребитель народовъ, стѣнъ сокрушитель,
Кровью покрытый! Не бросимъ ли мы и Троянъ и Ахеянъ
Спорить однихъ, да Кронидъ [2]) промыслитель имъ славу присудитъ?
Сами жъ съ полей не сойдемъ ли, да Зевсова гнѣва избѣгнемъ»?
Такъ говоря, изъ сраженія вывела бурнаго бога,
И посадила его на возвышенномъ брегѣ Скамандра.
Гордыхъ Троянъ отразили Данаи; низвергъ браноносца
Каждый ихъ вождь: и первый владыка мужей Агамѣмнонъ
Мощнаго сбилъ съ колесницы вождя Гализоновъ, Годія:
Первому, въ бѣгъ обращенному, пику ему Агамѣмнонъ
Въ спину межъ плечъ углубилъ, и сквозь перси широкія выгналъ;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Идоменей поразилъ, Меонійцемъ рожденнаго Боромъ,
Феста, притекшаго къ брани изъ Тарны, страны плодоносной.
Мужа сего Девкалидъ копьеносецъ копьемъ длиннотѣннымъ
Вдругъ, въ колесницу всходившаго, въ правое рамо ударилъ:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и ужасною тьмой окружился.
Быстро его обнажили царя Девкалида клевреты.
Такъ господы сіи подвизались на пламенной битвѣ.
Но Діомеда вождя не узналъ бы ты, гдѣ онъ вращался,
Съ кѣмъ воевалъ, съ племенами Троянъ, съ племенами ль Ахеянъ?
Рѣялъ по бранному полю, подобный рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты разсыпаетъ;
Бѣга его укротить ни мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ,
Если незапный онъ хлынетъ, дождемъ отягченный Зевеса;
Вкругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы:
Такъ отъ Тидида кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ, и стоять не могли, превосходныя силой.
Храбрый Эней усмотрѣлъ истребителя строевъ Троянскихъ;
Быстро пошелъ сквозь гремящую брань, сквозь жужжащія копья,
Пандара, богу подобнаго, смотря кругомъ, не найдетъ ли.
Скоро нашелъ Ликаонова храбраго, славнаго сына;
Сталъ передъ нимъ, и такія слова говорилъ, негодуя:

[1]) *Арей* — Марсъ, богъ войны.
[2]) *Зевсъ.*

«Пандаръ! гдѣ у тебя и лукъ и крылатыя стрѣлы?
Гдѣ твоя слава, которой никто изъ Троянъ не оспорилъ,
И въ которой Ликіецъ тебя превзойти не гордился?
Длани къ Зевесу воздѣвъ и пусти ты пернатую въ мужа.
Кто бы онъ ни былъ, могучій: погибели много нанесъ онъ
Ратямъ Троянскимъ; и многимъ и сильнымъ сломилъ онъ колѣна!
Развѣ не есть ли онъ богъ, на Троянской народъ раздраженный?
Гнѣвный, быть можетъ, за жертвы? а гнѣвъ погибеленъ бога [1])!
Прянулъ на землю Эней со щитомъ и съ огромною пикой
Въ страхѣ, да Пандаровъ трупъ у него не похитятъ Ахейцы.
Около мертваго ходя, какъ левъ, могуществомъ гордый,
Онъ передъ нимъ и копье уставлялъ и щитъ круговидный,
Каждаго, кто бъ ни приближился, душу исторгнуть грозящій
Крикомъ ужаснымъ. Но камень рукой захватилъ сынъ Тидеевъ,
Страшную тягость, какой бы не подняли два человѣка,
Нынѣ живущихъ людей; но размахивалъ имъ и одинъ онъ:
Камнемъ Энея такимъ поразилъ по бедру, гдѣ крутая
Лядвея ходитъ въ бедрѣ, по составу, зовому чашкой:
Чашку ударъ раздробилъ, разорвалъ и бедерныя жилы,
Сорвалъ и кожу камень жестокій; герой пораженный
Палъ на колѣно впередъ; и колеблясь, могучей рукою
Въ долъ упирался, и взоръ его черная ночь осѣнила.

Тутъ неизбѣжно погибъ бы Эней, предводитель народа,
Еслибъ того не увидѣла Зевсова дочь Афродита,
Матерь, его породившая съ пастыремъ юнымъ, Анхизомъ.
Около милаго сына обвивъ она бѣлыя руки,
Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящіе сгибы,
Кроя отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой-либо конникъ Данайскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Такъ уносила Киприда любезнаго сына изъ боя.
Тою порою Сѳенелъ Капанидъ не забылъ наставленій,
Данныхъ ему Діомедомъ, воинственнымъ сыномъ Тидея:
Коней своихъ звуконогихъ вдали отъ бранной тревоги
Онъ удержалъ, и бразды затянувъ за скобу колесницы,
Бросился быстро на праздныхъ Энея коней пышногривыхъ,
И, отогнавъ отъ Троянъ, къ мѣднолатнымъ дружинамъ Ахеянъ,
Другу отдалъ Деипилу, котораго сверстниковъ въ сонмѣ
Болѣе всѣхъ онъ любилъ, по согласію чувствъ ихъ сердечныхъ,—
Гнать повелѣвъ къ кораблямъ мореходнымъ; самъ же безстрашный,
Ставъ къ колесницѣ своей, и блестящія вожжи ослабивъ,

[1]) Вступаютъ въ бой: Діомедъ поражаетъ Пандара и убиваетъ.

Въ слѣдъ за Тидидомъ царемъ, на коняхъ звуконогихъ понесся
Пламенный. Тотъ же Киприду преслѣдовалъ мѣдью жестокой,
Зная, что она не отъ мощныхъ богинь, не отъ оныхъ безсмертныхъ,
Кои присутствуютъ въ браняхъ и битвы мужей устрояютъ,
Такъ какъ Аѳина, или какъ громящая грады Эніо [1]).
И едва лишь догналъ, сквозь густыя толпы пролетая,
Прямо уставивъ копье Діомедъ, воеватель безстрашный,
Острую мѣдь устремилъ и у кисти ранилъ ей руку
Нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возлѣ перстовъ: заструилась безсмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ:
Ибо ни брашнъ не ѣдятъ, ни отъ гроздій вина не вкушаютъ;
Тѣмъ и безкровны они, и безсмертными ихъ нарицаютъ.
Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріялъ и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, да какой-либо коникъ Ахейскій
Мѣдію персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.
Грозно межъ тѣмъ на богиню вскричалъ Діомедъ воеватель:
«Скройся, Зевесова дочь! удалися отъ брани и боя.
Или еще не довольно, что слабыхъ ты женъ обольщаешь?
Если же смѣешь и въ брань ты мѣшаться, впередъ, я надѣюсь,
Ты ужаснешься, когда и названіе брани услышишь»!

Рекъ; и она удаляется смутная, съ скорбью глубокой.
Быстро Ириса [2]) ее, поддержавъ, изъ толпищъ выводитъ
Въ омракѣ чувствъ отъ страданій; померкло прекрасное тѣло!
Скоро ошуюю брани богиня находитъ Арея;
Тамъ онъ сидѣлъ, но копье и кони безсмертные были
Мракомъ закрыты; упавъ на колѣна, любезнаго брата
Нѣжно молила она, и просила коней златозбруйныхъ:
«Милый мой братъ, помоги мнѣ, дай мнѣ коней съ колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища боговъ безмятежныхъ.
Страшно я мучуся язвою; мужъ уязвилъ меня смертный,
Вождь Діомедъ, который готовъ и съ Зевесомъ сразиться»!

---

[1]) *Эніо* — Беллона, богиня войны. Отъ Паллады-Минервы отличается суровая и дикая Эніо тѣмъ, что она вокругъ себя на полѣ битвы разливаетъ ярость и ужасъ. Ее изображаютъ въ видѣ свирѣпой женщины, съ разметанными по воздуху волосами, съ кровавымъ бичемъ въ одной рукѣ и устремленнымъ копьемъ въ другой. Олимпъ. *Петискуса*. Стр. 285.

[2]) *Ириса*, богиня радуги. Она — посланница Юноны, Зевса и прочихъ Олимпійскихъ божествъ.

Такъ изрекла; и Арей отдаетъ ей коней златозбруйныхъ.
Входитъ она въ колесницу съ глубокимъ крушеніемъ сердца;
Съ нею Ириса взошла, и, бразды захвативши въ десницу,
Коней стегнула бичемъ; полетѣли послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища безсмертныхъ.
Тамъ удержала коней вѣтроногая вѣстница Зевса,
И, отрѣшивъ отъ ярма, предложила амврозію въ пищу.
По Киприда стенящая пала къ колѣнамъ Діоны,
Матери милой; и матерь въ объятія дочь заключила,
Нѣжно ласкала рукой, вопрошала, и такъ говорила:
«Дочь моя милая, кто изъ безсмертныхъ съ тобой дерзновенно
Такъ поступилъ, какъ бы явно какое ты зло сотворила»?

Ей возстенавъ отвѣчала владычица смѣховъ Киприда:
«Ранилъ меня Діомедъ, предводитель Аргосцевъ надменный;
Ранилъ за то, что Энея хотѣла я вынесть изъ боя,
Милаго сына, который всего мнѣ любезнѣе въ мірѣ.
Нынѣ уже не Троянъ и Ахеанъ свирѣпствуетъ битва;
Нынѣ съ богами сражаются гордые мужи Данаи!»

Ей богиня почтенная вновь говорила Діона:
«Милая дочь, ободрись, претерпи, какъ ни горестно сердцу.
Много уже отъ людей, на Олимпѣ живущіе боги
Мы пострадали, взаимно другъ другу бѣды устроя.
Такъ пострадалъ и Арей, какъ его Эфіальтесъ и Отосъ,
Два Алоида огромные, страшною цѣпью сковали:
Скованъ, тридцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился.
Еслибы мачиха ихъ, Эривѣя прекрасная, тайно
Гермесу не дала вѣсти; Гермесъ Арея похитилъ
Силы лишеннаго: страшныя цѣпи его одолѣли.
Гера подобно страдала, какъ сынъ Амфитріона мощный
Въ перси ее поразилъ трехконечною горькой стрѣлою.
Лютая боль, безотрадная, Геру богиню терзала!
Самъ Айдесъ, межъ богами ужасный, страдалъ отъ пернатой.
Тотъ же погибельный мужъ, Громовержцева отрасль, Айдеса
Ранилъ у вратъ подлѣ мертвыхъ, въ страданія горькія ввергнулъ.
Онъ въ Эгіоховъ домъ, на Олимпъ высокій вознесся
Сердцемъ печаленъ, болѣзнью терзаемъ; стрѣла роковая
Въ мощномъ Айдесовомъ рамѣ стояла и мучила душу.
Бога Пеонъ [1]) врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
Скоро его исцѣлилъ, не для смертной рожденнаго жизни.

[1]) *Пеонъ* — Аполлонъ.

Дерзкій, неистовый! онъ не страшась совершалъ злодѣянья:
Лукомъ боговъ оскорблялъ, на Олимпѣ великомъ живущихъ!
Но на тебя Діомеда воздвигла Паллада Аѳина.
Мужъ безразсудный! не вѣдаетъ сынъ дерзновенный Тидеевъ:
Кто на боговъ ополчается, тотъ не живетъ долголѣтенъ;
Дѣти отцемъ его, на колѣни садяся, не кличутъ,
Въ домъ свой пришедшаго съ подвиговъ мужеубійственной брани.
Пусть же теперь сей Тидидъ, не взирая на горькую силу,
Мыслитъ, да съ нимъ кто иной, и сильнѣйшій тебя, не сразится;
И Адрастова дочь, добродушная Эгіалея
Нѣкогда воплемъ полночнымъ отъ сна не разбудитъ домашнихъ,
Съ грусти по юномъ супругѣ, храбрѣйшемъ героѣ Ахейскомъ,
Вѣрная сердцемъ супруга Тидида, смирителя коней.»

Такъ говоря, на рукѣ ей безсмертную кровь отирала:
Тяжкая боль унялась, и незапно рука исцѣлѣла.
Тою порою, зрѣвшія все, и Аѳина и Гера
Рѣчью язвительной гнѣвъ возбуждая Кроніона Зевса:
Первая рѣчь начала свѣтлоокая дѣва Аѳина:
«Зевсъ нашъ отецъ, не прогнѣваю ль словомъ тебя я, могучій?
Вѣрно Ахеянку новую нынѣ Киприда склоняла
Ввѣриться Трои сынамъ, безпредѣльно богинѣ любезнымъ?
И, быть можетъ, Ахеянку въ пышной одеждѣ лаская,
Пряжкой златою себѣ поколола нѣжную руку?»

Такъ изрекла; улыбнулся Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ,
И, призвавъ предъ лице, провѣщалъ ко златой Афродитѣ:
«Милая дочь! не тебѣ заповѣданы шумныя брани.
Ты занимайся дѣлами пріятными сладостныхъ браковъ;
Тѣ же бурный Арей и Паллада Аѳина устроятъ».

Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали [1].

Гнѣдичъ.

Гекторъ и Андромаха.

Предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе, младенца,

[1] Далѣе разсказывается, что *Діомедъ* ранилъ и самого бога войны, *Арея:*
И взревѣлъ Арей мѣднобронный
Страшно, какъ будто бы девять, или десять воскликнули тысячъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
Дрогнули всѣ, и дружины Троянъ и дружины Ахеянъ
Съ ужаса: такъ заревѣлъ Арей ненасытный войною.

Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной,
Гекторъ его называлъ Скама́ндріемъ; граждане Трои
Астіана́ксомъ: единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подлѣ него Андромаха стояла, ліющая слезы;
Руку пожала ему, и такія слова говорила:
«Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери; скоро
Буду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
Вмѣстѣ напавши убьютъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
Если постигнутый рокомъ, меня ты оставишь: удѣлъ мой
Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
Старца отца моего умертвилъ Ахиллеесъ быстроногій,
Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ:
Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
Создалъ надъ прахомъ могилу; и окрестъ могилы той ульмы
Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
Братья мои однокровные: семь оставалось ихъ въ домѣ:
Всѣ, и въ единый день, переселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу,
Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ, съ другими добычами брани;
Но даровалъ ей свободу, принявъ несчислимый выкупъ;
Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
Гекторъ, ты все мнѣ теперь, и отецъ и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
Сжалься же надо мною, и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ:
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои,
Оба Аякса могучіе, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
Вѣрно о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце».
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
«Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,

Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ,
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
Но, не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
И невольница, въ Аргосѣ, будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гиперея,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставитъ жестокая нужда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ Троянъ, какъ сражалися вкругъ Иліона!
Скажетъ; и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
Но, да погибну, и буду засыпанъ я перстью земною,
Прежде, чѣмъ плѣнъ твой и жалобный вопль твой услышу!»
Рекъ; и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышнопоясной кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида;
Яркою мѣдью испуганъ, и гривой косматаго гребня,
Грозно надъ шлемомъ отца поколебавшейся конскою гривой.
Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій; и на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его, и поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
«Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
Онъ и отца превосходитъ! И пусть съ кровавой корыстью
Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!»
Рекъ, и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнялъ ее, и рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:

«Добрая! сердца себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу;
Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами;
Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
Дѣло свое исправлять; а война — мужей озаботитъ
Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ».
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираяся, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въономъ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Ими заживо Гекторъ былъ въ своемъ домѣ оплаканъ.
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не пріити, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ.

Примѣч. — Въ лицѣ Андромахи видна нѣжно-любящая жена и мать; въ лицѣ Гектора — любящій мужъ и отецъ, а болѣе всего — доблестный сынъ своей родины. Онъ — оплотъ и твердыня Трои. Чувство любви къ отечеству въ немъ преобладаетъ надъ чувствомъ любви къ женѣ и сыну. Во всемъ отрывкѣ показана самая трагическая борьба чувствъ нѣжныхъ съ чувствами сильными и крѣпкими.

Ахиллесъ и Гекторъ.

Онъ (Ахиллесъ) передъ грудью уставилъ щитъ велелѣпный,
Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его, четвероблящный,
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Но, какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяетъ,
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе:
Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный,
Пышный, который похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла.
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна:
Тамъ налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень

Вовсе, чтобъ могъ умирающій нѣсколько словъ онъ промолвить;
Грянулся въ прахъ онъ; и громко вскричалъ Ахиллесъ торжествуя:
«Гекторъ, Патрокла убилъ ты, и думалъ живымъ оставаться!
Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
Врагъ безразсудный! но мститель его, несравненно сильнѣйшій,
Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
Я, и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ; а его погребутъ Аргивяне.»
Дышущій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю,
О! не давай ты меня на терзаніе псамъ Мирмидонскимъ;
Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй;
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь;
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.»

Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными!
Самъ я, коль слушалъ бы гнѣва, тебя растерзалъ бы на части,
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я: то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять, и въ двадцать кратъ мнѣ
Пышныхъ даровъ привезутъ, и столько жъ еще обѣщаютъ;
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ; и тогда — на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья;
Птицы твой трупъ и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!»

Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
«Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но, трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ,
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержецъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя инспровергнутъ!»
Такъ говорящаго Гектора мрачная смерть осѣняетъ:
Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.

Но къ нему и къ умершему сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: «Умирай! а мою неизбѣжную смерть я
Встрѣчу, когда ни пошлетъ Громовержецъ и вѣчные боги!»
Такъ произнесъ, и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его, и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе Ахейскіе мужи;

Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора, и приближаяся, каждый пронзалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другаго взглянувши:
«О! несравненно теперь къ осязанію мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожвращющій пламень!»

Такъ не одинъ говорилъ, и копьемъ прободалъ приближаясь.
Но его между тѣмъ обнаживъ Ахиллесъ быстроногій,
Сталъ средь Ахеянъ, и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
«Други, герои Ахейцы, безстрашные слуги Арея!
Мужа сего побѣдить наконецъ даровали мнѣ боги,
Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ Иліонцы.
Нынѣ, съ оружіемъ мы покусимся на градъ крѣпкостѣнный;
Граждань Троянскихъ извѣдаемъ помыслы: какъ полагаютъ,
Бросить ли замокъ высокій, сраженному сыну Пріама,
Или держаться дерзаютъ, когда и вождя ихъ не стало?
Но какимъ помышленіямъ сердце мое предается!
Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
Если жъ умершіе смертные память теряютъ въ Аидѣ:
Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга!
Нынѣ побѣдный Пеанъ воспойте Ахейскіе мужи;
Мы же пойдемъ, волоча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.
Добыли свѣтлой мы славы! поверженъ божественный Гекторъ!
Гекторъ, котораго Трои сыны величали какъ бога!»

Рекъ, и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія,
И продѣвши ремни, къ колесницѣ
Сзади отъ пятъ и до глезнъ,
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
Сталъ въ колесницу, и пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ; по землѣ растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!
Вся голова почернѣла подъ перстью. — Мать увидала,
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко, и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане
Подняли плачъ; раздавалися вопли по цѣлому граду.

Гнѣдичъ.

Погребеніе Патрокла

Такъ сокрушались Трояне по граду. Въ то время Ахейцы,
Къ чернымъ своимъ кораблямъ возвратяся, на брегъ Геллеспонта,
Быстро разсѣялись всѣ по широкому ратному стану.
Но Мирмидонцамъ своимъ расходиться Пелидъ не позволилъ;
Ставъ по срединѣ дружинъ ихъ воинственныхъ, онъ говорилъ имъ:
«Быстрые конники, вѣрные други мои, Мирмидонцы!
Мы отъ ярма отрѣшать не станемъ коней звуконогихъ;
Мы на коняхъ въ колесницахъ, приблизимся всѣ и оплачемъ
Друга Патрокла: почтимъ подобающей мертваго честью.
Но когда мы сердца удовольствуемъ горестнымъ плачемъ,
Здѣсь, отрѣшивши коней, вечерять неразлучные будемъ.»
Рекъ, и рыданіе началъ; и всѣ зарыдали дружины.
Трижды вкругъ тѣла они долгогривыхъ коней обогнали,
Съ воплемъ плачевнымъ: Өетида ихъ чувства на плачь возбуждала.
Вкругъ орошался песокъ, орошались слезами доспѣхи
Каждаго воина: такъ былъ оплакиванъ вождь ихъ могучій.
Царь Ахиллесъ между ними рыданіе горькое началъ,
Грозныя руки на грудь положивъ бездыханнаго друга:
«Радуйся, храбрый Патроклъ, и въ Аидовомъ радуйся домѣ!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гекторъ сюда привлеченъ, и повергнется псамъ на терзанье;
Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать славнѣйшихъ,
Юныхъ Троянскихъ сыновъ, за смерть твою отомщая!»

Рекъ, и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Ницъ, предъ Патрокла одромъ распростеръ Дарданіона въ прахѣ.
Тою порой Мирмидонцы съ раменъ свѣтозарныя брони
Сняли, отъ ярмъ отрѣшили гремящихъ копытами коней,
И, несчетные, близъ корабля Ахиллеса героя
Сѣли; а онъ учреждалъ имъ блистательный пиръ похоронный.
Множество сильныхъ тельцовъ подъ ударомъ желѣза ревѣло,
Вкругъ поражаемыхъ; множество козъ и агнцовъ блеющихъ;
Множество, тукомъ цвѣтущихъ, закланныхъ свиней бѣлоклыкихъ
Окрестъ разложено было на яркомъ огнѣ обжигаться:
Кровь какъ изъ чашъ, лилася вокругъ Менетидова тѣла.
Но царя Эакида, Пелеева быстраго сына,
Къ сыну Атрея царю повели воеводы Ахеянъ,
Съ многимъ трудомъ убѣдивъ, огорченнаго гнѣвомъ за друга.
Сонму пришедшему къ сѣни Атреева мощнаго сына,
Царь повелѣлъ немедленно вѣстникамъ звонкоголосымъ

Мѣдный треножникъ поставить къ огню; не преклонится ль къ просьбѣ
Царь Ахиллесъ, чтобъ омыться отъ браннаго праха и крови.
Онъ отрекался рѣшительно, клятвою онъ заклинался:
«Нѣтъ, Зевесомъ клянусь, божествомъ высочайшимъ, сильнѣйшимъ!
Нѣтъ, моей головы не коснется сосудъ омовеній,
Прежде, чѣмъ друга огню не предамъ, не насыплю могилы,
И власовъ не обрѣжу! Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдетъ мнѣ, пока средь живыхъ я скитаюсь!
Но поспѣшимъ, и приступимъ не медля къ ужасному пиру.
Ты, владыка мужей, повели, Агамемнонъ, заутра
Лѣса къ костру навозить и на берегѣ все уготовить,
Что мертвецу подобаетъ, сходящему въ мрачныя сѣни.
Пусть Менетида скорѣе священное пламя Гефеста
Скроетъ отъ взоровъ моихъ, и воинство къ дѣлу приступитъ».

Такъ говорилъ; и внимательно слушавъ, ему покорились.
Скоро подъ сѣнью Атридовой вечерю имъ предложили;
Всѣ наслаждались, довольствуя сердце обиліемъ разнымъ;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Всѣ разошлись успокоиться, каждый подъ сѣнь уклонился.

Только Пелидъ на брегу неумолкношумящаго моря
Тяжко стенящій лежалъ, окруженный толпой Мирмидонянъ,
Ницъ на полянѣ, гдѣ волны лишь мутныя билися въ берегъ.
Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ укротитель,
Сладкій разлился: герой истомилъ благородные члены,
Гектора быстро гоня предъ высокой стѣной Иліона.
Тамъ Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный;
Та жъ и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу знакомый.
Стала душа надъ главой, и такія слова говорила:
«Спишь, Ахиллесъ! неужели меня ты забвенію предалъ?
Не былъ ко мнѣ равнодушенъ къ живому ты, къ мертвому ль будешь?
О! погреби ты меня, да войду я въ обитель Аида!
Души, тѣни умершихъ меня отъ воротъ его гонятъ,
И къ тѣнямъ пріобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
Тщетно скитаюся я предъ широковоротнымъ Аидомъ.
Дай мнѣ, печальному, руку: во вѣки уже предъ живущихъ
Я не приду изъ Аида, тобою огню пріобщенный!
Больше съ тобой, какъ бывало, вдали отъ друзей Мирмидонскихъ
Сидя, не будемъ совѣты совѣтовать: рокъ ненавистный,
Мнѣ предназначенный съ жизнью, меня поглотилъ невозвратно.
Рокъ — и тебѣ самому, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,

Здѣсь подъ высокой стѣною Троянъ благородныхъ погибнуть!
Слово еще реку; завѣщанью внимай и исполни.
Кости мои, Ахиллесъ, да не будутъ розно съ твоими;
Вмѣстѣ пусть лягутъ, какъ вмѣстѣ отъ юности мы возрастали
Въ вашихъ чертогахъ . . . .
Въ домъ свой принявъ благосклонно меня, твой отецъ благородный
Нѣжно съ тобой воспиталъ, и твоимъ товарищемъ назвалъ:
Пусть же и кости наши гробница одна сокрываетъ,
Урна златая, Θетиды матери даръ драгоцѣнный!»

Быстро къ нему простираясь, воскликнулъ Пелидъ благородный:
«Ты ли, другъ мой любезнѣйшій, мертвый меня посѣщаешь?
Ты ль полагаешь завѣты мнѣ крѣпкіе? Я совершу ихъ,
Радостно все совершу, и исполню, какъ ты завѣщаешь!
Но приблизься ко мнѣ, хоть на мигъ обоймемся съ любовью,
И взаимно съ тобой насладимся рыданіемъ горькимъ!»
Рекъ, и жадныя руки любимца обнять распростеръ онъ;
Тщетно: душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю
Съ воемъ ушла. И вскочилъ Ахиллесъ, пораженный видѣньемъ,
И руками всплеснулъ, и печальный такъ говорилъ онъ:
«Боги! такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный!
Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ;
Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно подобясь!»

Такъ говорилъ, и во всѣхъ возбудилъ онъ желаніе плакать.
Въ плачѣ взошла ихъ Заря, розоперстая вѣстница утра,
Около тѣла печальнаго.—Царь Агамемнонъ съ зарею
Месковъ яремныхъ и ратниковъ многихъ къ свезенію лѣса
Выслалъ изъ стана Ахейскаго; съ ними возсталъ и почтенный
Мужъ Меріонъ, Девкалида героя служитель разумный.
Взявъ топоры древорубные въ руки и верви крутыя,
Воины къ рощамъ пускаются; мулы идутъ передъ ними;
Часто съ крутизвъ на крутизны, то вкось ихъ, то вдоль переходятъ.
Къ холмамъ пришедши лѣсистымъ обильной потоками Иды,
Всѣ изощренною мѣдью высоковершинные дубы
Дружно рубить начинаютъ; кругомъ они съ трескомъ ужаснымъ
Падаютъ; быстро древа разсѣкая на бревна, Данаи
Къ муламъ вяжутъ; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выйти сквозь частый кустарникъ.
Всѣ древосѣки несли совокупно тяжелыя бревна:
Такъ Меріонъ повелѣлъ, Девкалидовъ служитель разумный;

Кучей сложили на брегѣ, гдѣ Ахиллесъ указалъ имъ,
Гдѣ и Патроклу великій курганъ и себѣ онъ назначилъ.
Страшную лѣса громаду сложивъ на брегу Геллеспонта,
Тамъ Аргивяне остались и сѣли кругомъ. Ахиллесъ же
Далъ повелѣнье своимъ Мирмидонянамъ браннолюбивымъ
Мѣдью скорѣй препоясаться всѣмъ, и коней въ колесницы
Впрячь; поднялися они, и оружіемъ быстро покрылись;
Всѣ на свои колесницы взошли, и боецъ и возница;
Начали шествіе, спереди конные, пѣшіе сзади,
Тучей; друзья по срединѣ несли Менетида Патрокла,
Все, посвященными мертвому, тѣло покрывъ волосами.
Голову сзади поддерживалъ самъ Ахиллесъ благородный,
Горестный: друга онъ вѣрнаго въ домъ провожалъ Аидеса.

Къ мѣсту пришедши, которое самъ Ахиллесъ имъ назначилъ,
Одръ опустили, и быстро костеръ наметали изъ лѣса.
Думу иную тогда Пелеіонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ при кострѣ, у себя онъ обрѣзалъ русые кудри,
Волосы, кои Спѐрхію съ младости нѣжной ростилъ онъ;
Очи на темное море возвелъ и, вздохнувши, воскликнулъ:
«Спѐрхій! напрасно отецъ мой, моляся тебѣ, обрекался,
Тамъ, когда я возвращуся въ любезную землю родную,
Кудри обрѣзать мои и тебѣ принести съ гекатомбой,
И тебѣ жъ посвятить пятьдесятъ овновъ плодородныхъ,
Возлѣ истоковъ, гдѣ роща твоя и алтарь благовонный.
Такъ обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнилъ.
Я никогда не увижу драгаго отечества! Пусть же
Храбрый Патроклъ унесетъ Ахиллесовы кудри въ могилу!»
Рекъ, и обрѣзавши волосы, въ руки любезному другу
Самъ положилъ, и у всѣхъ онъ исторгнулъ обильныя слезы.
Плачущихъ ихъ надъ Патрокломъ оставило бъ вѣрно и солнце,
Еслибы скоро Пелидъ не простеръ къ Агамемнону слова:
«Царь Агамемнонъ, твоимъ повелѣньямъ скорѣй покорятся
Мужи Ахейскіе: плачемъ и послѣ насытиться можно.
Всѣхъ отошли отъ костра, и вели, да по стану готовятъ
Вечерю; мы жъ озаботимся дѣломъ, котораго больше
Требуетъ мертвый. Ахеянъ вожди да останутся съ нами».

Выслушавъ рѣчи его, повелитель мужей Агаме́мнонъ
Весь не медля народъ отпустилъ къ кораблямъ мореходнымъ.
Съ ними остались одни погребатели: лѣсъ навалившн,
Быстро сложили костеръ, въ ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертваго, скорбные сердцемъ;

Множество тучныхъ овецъ и великихъ воловъ криворогихъ
Подлѣ костра заколовъ, обрядили; и тукомъ, отъ всѣхъ ихъ
Собраннымъ, тѣло Патрокла покрылъ Ахиллесъ благодушный
Съ ногъ до главы, а кругомъ разбросалъ обнаженныя туши;
Тамъ же разставилъ онъ съ медомъ и со свѣтлымъ елеемъ кувшины,
Всѣ ихъ къ одру прислонивъ; четырехъ онъ коней гордовыйныхъ
Съ страшною силой повергъ на костеръ, глубоко стеная.
Девять псовъ у царя, при столѣ его вскормленныхъ, было;
Двухъ и изъ нихъ закололъ, и на срубъ обезглавленныхъ бросилъ;
Бросилъ туда жъ и двѣнадцать Троянскихъ юношей храбрыхъ,
Мѣдью убивъ ихъ: жестокія въ сердцѣ дѣла замышлялъ онъ.
Послѣ, костеръ предоставивши огненной силѣ желѣзной,
Громко Пелидъ возопилъ, именуя любезнаго друга:
«Радуйся, храбрый Патроклъ, и въ Аидовомъ радуйся домѣ!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Плѣнныхъ двѣнадцать юношей, Трои сыновъ знаменитыхъ,
Всѣхъ съ тобою огонь истребитъ; но Пріамова сына,
Гектора, нѣтъ! не огню на пожраніе, псамъ я повергну!»

Такъ угрожалъ онъ; но къ мертвому Гектору псы не касались:
Ихъ отъ него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амврозическимъ масломъ
Розъ благовонныхъ, да будетъ безъ язвъ Ахиллесомъ влачимый.
Облако темное богъ Аполлонъ преклонилъ надъ героемъ
Съ неба до самой земли, и пространство, покрытое тѣломъ,
Тѣнію все осѣнилъ, да отъ силы палящаго солнца
Прежде на немъ не изсохнутъ тѣлесныя жилы и члены.

Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ.
Сердцемъ иное тогда Пелеіонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ отъ костра въ отдаленіи, началъ молиться онъ Вѣтрамъ,
Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ обѣщая.
Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино, и молилъ ихъ
Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорѣе сожечь. — Златокрылая дѣва Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вѣстницей къ Вѣтрамъ,
Кои въ то время, собравшись у Зефира шумнаго въ домѣ,
Весело всѣ пировали. Ириса, принесшися быстро,
Стала на каменномъ прагѣ; и Вѣтры, увидѣвъ богиню,
Всѣ торопливо вскочили, и каждый къ себѣ ее кликалъ. Воздвиглися Вѣтры,
Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубя предъ собою.
Къ понту примчались неистово дуя; и пѣнныя волны

Встали подъ звонкимъ дыханіемъ; Трои холмистой достигли,
Всѣ на костеръ налегли, и огонь загремѣлъ пожиратель.
Вѣтры всю ночь волновали высоко крутящеесь пламя,
Шумно дыша на костеръ; и всю ночь Ахиллесъ быстроногій,
Черпая кубкомъ двудоннымъ вино изъ сосуда златаго,
Окрестъ костра возливалъ и лице орошалъ имъ земное,
Душу еще вызывая бѣднаго друга Патрокла.
Словно отецъ сокрушается, кости сжигающій сына,
Въ гробъ женихомъ нисходящаго, къ скорби родителей бѣдныхъ:
Такъ сокрушался Пелидъ, сожигающій кости Патрокла,
Окрестъ костра пресмыкаясь, и сердцемъ глубоко стеная.

Въ часъ, какъ утро землѣ возвѣститъ Свѣтоносецъ выходитъ,
И надъ моремъ Заря разстилается ризой златистой,
Срубъ надъ Патрокломъ истлѣлъ, и багряное пламя потухло.
Вѣтры назадъ устремились, къ вертепамъ своимъ полетѣли
Моремъ Ѳракійскимъ; и море шумѣло, высоко бушуя.
Грустный Пелидъ наконецъ, отъ костра уклонясь недалеко,
Легъ изнуренный; и сладостный сонъ посѣтилъ Пелеіона.
Тою порой собралися многіе къ сыну Атрея;
Топотъ и шумъ приходящихъ нарушили сонъ его краткій;
Сѣлъ Ахиллесъ приподнявшись, и такъ говорилъ воеводамъ:

«Царь Агамемнонъ, и вы, предводители воинствъ Ахейскихъ!
Время костеръ угасить; виномъ оросите багрянымъ
Все пространство, гдѣ пламень пылалъ, и на пеплѣ костерномъ
Сына Менетія мы соберемъ драгоцѣнныя кости,
Тщательно ихъ отдѣливъ отъ другихъ: распознать же удобно:
Другъ нашъ лежалъ на срединѣ костра; но далеко другіе
Съ краю горѣли набросаны кучей, и люди и кони.
Кости въ фіалъ золотой, двойнымъ окруживши ихъ тукомъ,
Вы положите, доколѣ я самъ не сойду къ Аидесу.
Гроба надъ другомъ моимъ не хочу великаго видѣть;
Такъ, лишь пристойный курганъ; но широкій надъ нимъ и высокій
Вы сотворите, Ахеяне, вы, которые въ Троѣ
Послѣ меня при судахъ мореходныхъ останетесь живы».

Такъ говорилъ; и они покорились герою Пелиду.
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ поливая пространство
Все, гдѣ пламень ходилъ; и обрушился пепелъ глубокій;
Слезы ліющіе, друга любезнаго бѣлыя кости
Въ чашу златую собрали, и тукомъ двойнымъ обложили
Чашу подъ кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругомъ означили мѣсто могилы, и бросивъ основы

Около сруба, поспѣшно насыпали рыхлую землю.
Свѣжій насыпавъ курганъ, разошлися они.

Наконецъ въ честь умершаго Ахиллесъ предлагаетъ подвиги разнаго рода и награды; ихъ заслуживаютъ вожди: ристаніемъ на колесницахъ, Діомедъ, Антилохъ, Менелай, Несторъ и др.; кулачнымъ боемъ, Эпеосъ и Эвріалъ; борьбой, Аяксъ Теламонидъ и Одиссей; бѣгомъ, Одиссей, Аяксъ Оилидъ и др.; битвой оружіемъ, Діомедъ и Аяксъ Теламонидъ; метаніемъ круга, Полипетъ; стрѣльбой, Меріонъ и Тевкръ; метаніемъ копья, Агамемнонъ и Меріонъ. *Гнѣдичъ.*

Пріамъ въ кущѣ Ахиллеса.

Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:
«Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Старца, такого жъ какъ я, на порогѣ старости скорбной!
Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его окружившіи сосѣды,
Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
Сердце тобой веселитъ, и вседневно льстится надеждой,
Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой,
Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Выкупить тѣло его, приношу драгоцѣнный я выкупъ.
Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю»!

Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому [1]).

Гнѣдичъ.

[1]) Ахиллесъ возвратилъ тѣло Гектора.

ОДИССЕЯ.

Одиссей у Алкиноя.

. . . . . . Одиссей
Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь [1]) ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ:
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ
Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь Феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Такъ же и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ;

---

[1]) Притолки, что надъ дверями.

Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе:
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,
Гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали псокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были; одинъ обтекалъ извиваясь
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.
Тамъ онъ узрѣлъ Феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ
Зоркому богу [1]) убійцѣ Аргуса [2]) виномъ возліянье
(Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній).
Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный;
Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аѳина,
Прямо къ Аретѣ приблизился онъ и въ это мгновенье
Вдругъ разступилась его облекавшая тьма не земная.
Всѣ замолчали, могучаго мужа незапно увидя;
Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:
«Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами
Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши
Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться

---

1) Меркурію, или Ермію.

2) *Аргусъ*, прозванный «всевидящимъ» потому, что по всему тѣлу покрытъ былъ глазами. Юнона (Гера, Ира) приставила его стеречь Іо, дочь Инаха, отъ преслѣдованій Юпитера (см. трагедію «Прометей» въ III том. нашей Христоматіи, стр. 36). Зевесъ послалъ Ермія (Гермеса, Меркурія) убить Аргуса. Ермій убилъ Аргуса, а Юнона превратила его, т. е. Аргуса въ павлина. Юнона, обыкновенно, изображается съ павлиномъ, который, какъ всякому извѣстно, имѣетъ много глазокъ на хвостѣ: это — *прежніе глаза Аргуса*. Аргусъ считался однимъ изъ ужаснѣйшихъ чудовищъ: онъ—убійца страшнаго звѣря Ехидны.— У древнихъ Грековъ была поговорка «видѣть зорче Аргуса».

Въ землю отцевъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими».
Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.
Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе длилось.

Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, разсказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берегъ Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ Феакійскомъ въ Итаку.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ [1] —
Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На площадь, гдѣ не вдали кораблей Феакійцы сбирались.
Сѣли, пришедши, на гладко обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ
Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:
«Вы, Феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе
На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который
Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:
Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ».
Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье
Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли
Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали
Взоръ на Лаэртова сына: ему красотой несказанной
Плеча одѣла Паллада, главу и лице озарила,
Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ
Могъ пріобрѣсть отъ людей Феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ
Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ
Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ.
Тутъ, обратяся къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: «Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, людей Феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Гость иноземный — его я не знаю; бездомно скитаясь,
Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ —
Молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,

[1] *Эосъ* — заря, денница.

Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.
Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій,
Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два
Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
Вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ
Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный
Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто; позовите
Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ».
Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ Демодока.
Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
Брегѣ безплодносоленаго моря собравшися, вмѣстѣ
Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они собралися
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и залы народомъ
Сдѣлались полны — тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ сребрякованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее могъ найти онъ —
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ.

Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему Феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.
Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ Феакіянамъ веселолюбивымъ сказалъ: «Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ Феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкуснообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей показать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ».
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить Феакійцы.
На площадь всѣ собралися; толпой многочисленношумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его:
Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный — какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, на сколько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу;
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска [1])

[1]) *Дискъ* — металлической кругъ. Его метали вдоль поприща, т. е. извѣстнаго пространства.

Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: «Не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; годами
Также не старъ; но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ».
«Умнымъ» сказалъ, отвѣчая на то, Эвріалъ Лаодаму —
«Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ».
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
«Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ—но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы; яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный
Съ берега сдвинутъ и наши готовы къ отплытію люди».
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
«Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться».
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
«Странникъ, я вижу, что ты неподобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно,
Ты изъ числа промышлёныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ».
Мрачно взглянувъ изъ-подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
«Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный;
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ —
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ

Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.
Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно.
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы;
Видѣлъ немало я бравей и долго среди бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.»
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантіи съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжелѣ всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми Феакійскими былъ; и съ размаха
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ, далеко черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
«Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ
Бросить». Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душей онъ сказалъ предстоявшимъ:
«Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я — съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его — подыму ли на друга любящаго руку»?
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ Одиссею:
«Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только
Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
Дерзкой насмѣшкой — за то ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій

Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.
Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;
Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясуновъ Феакійскихъ; зову я
Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратяся
Въ домъ свой, тамъ всѣмъ разсказать, какъ другихъ мы людей
превосходимъ
Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и въ пѣньи.
Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру;
Гдѣ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ».
Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.
Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли;
Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.
Тою порой изъ дворца возвратился глашатай и лиру
Подалъ пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва
Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ.
Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ
Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучно, пѣлъ Демодокъ вдохновенный
Пѣснь о прекрасно-кудрявой Киприлѣ и богѣ Ареѣ.
Одиссей благородный
Въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы.
Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ
Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ.
Мячъ разноцвѣтный, для нихъ рукодѣльнымъ Полибіемъ сшитый,
Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ
Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прянувъ высоко,
Мячъ на лету подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.
Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,
Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.

Долго смотрѣвъ, напослѣдокъ сказалъ Одиссей Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится;
Правда твоя: то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся».
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.
Царь Феакіянамъ весполюбивымъ сказалъ: «Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ;
Разумъ великій имѣетъ, я вижу, нашъ гость иноземный;
Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить намъ подарки;
Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ,
Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый
Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ талантомъ
Золота нашему гостю въ подарокъ назначитъ обычный.
Все повелите сюда принести и своими руками
Страннику сдайте, чтобъ веселъ онъ былъ за трапезою нашей.
Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, передъ нимъ повинившись,
Давъ и подарокъ: его оскорбилъ неприличнымъ ты словомъ».
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе;
Каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ подарки принесъ онъ.
Но Эвріалъ, повинуясь, отвѣтствовалъ такъ Алкиною:
«Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей Феакійскихъ,
Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.
Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебряной въ новыхъ
Чудной работы ножнахъ изъ слоновыя кости, охотно
Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой высоко оцѣнитъ».
Такъ говоря, сребркованный мечъ свой онъ снялъ и возвысилъ
Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртову сыну:
«Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И если сказалъ я
Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ;
Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь супругу,
Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлукѣ съ семьею».
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
«Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь счастливъ.
Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не раскайся, что мнѣ драгоцѣнный
Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удовольствовавъ словомъ».
Такъ отвѣчавъ, сребркованный мечъ на плечо онъ повѣсилъ.
Солнце зашло; всѣ богатые собраны были подарки;
Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Алкиноевъ;
Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши подарки,
Отдали матери ихъ многоумной царицѣ Аретѣ.
Царь же повелъ знаменитаго гостя со всѣми другими
Въ домъ свой и сѣли пришедши они на возвышенныхъ креслахъ.
Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благородный

Царь: «принеси намъ, жена, драгоцѣннѣйшій самый изъ многихъ
Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верхнее платье
Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на огонь, вскипятите
Воду, чтобъ гость нашъ омылся и, все осмотрѣвши подарки,
Имъ полученные здѣсь отъ людей Феакійскихъ, былъ веселъ,
Съ нами сидя за вечерней трапезой и пѣнью внимая.
Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золотой на прощанье
Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него ежедневно
Дома творить возліяніе Зевсу и прочимъ безсмертнымъ».
Такъ онъ сказалъ и царица Арета велѣла рабынямъ
Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ треножнымъ;
Тотчасъ котелъ треножный на яркомъ огнѣ былъ поставленъ.
Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.
Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ покоевъ
Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ положили подарки,
Золото, ризы и все, что ему Феакійскіе мужи
Дали: сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.
Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:
«Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ, завяжи ты
Узелъ, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда
Будешь покоиться сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ».
То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,
Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный
Узелъ (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею) сдѣлалъ.
Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню
Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ
Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ
Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили.
Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,
Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцевъ возвратяся,
Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ» [1]).

[1]) Аѳина въ сновидѣніи побудила Навзикаю, дочь Алкиноя, итти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть бѣлье въ потокѣ. Онѣ собрались близъ того мѣста, гдѣ находился Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробудили Одиссея. Онъ приблизился къ Навзикаѣ и просилъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна дала ему платье и пригласила въ домъ ея отца.

Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
«О Навзикая, прекрасноцвѣтущая дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ дозволитъ,
Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ».
Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
Было ужъ роздано мясо: ужъ чаши виномъ наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцемъ Демодокомъ,
Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря
Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ),
Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною:
«Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя».
Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку
Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно дааніе принялъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:
«Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ Ахейцами въ Троѣ,
Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
Чудномъ Эпеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи,
Спой намъ, какъ въ городъ овъ былъ остроумнымъ введенъ Одиссеемъ,
Полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ.
Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили».
Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога:
Объ Ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ,
Силясь отъ дня роковаго спасти согражданъ и семейство.
Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись

Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.
Всѣми другими онѣ не замѣчены были, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: «Приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ.
Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;
Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ
Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ
Странникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладѣло.
Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться
Гость нашъ и всѣ мы; конечно, для насъ то пріятнѣе будетъ.
Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово
Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.
Странникъ молящій не менѣе брата роднаго любезенъ
Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.
Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,
Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе
Въ градѣ твоемъ и отечествѣ миломъ тебя величаютъ».

(Одиссей начинаетъ разсказывать всѣ свои приключенія).

Танталъ, Сизифъ и Геркулесъ въ аду.

Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:
Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ, и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову къ ней онъ склонилъ, уповая напиться,
Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами являлось
Черное дно и его осушалъ во мгновеніе Демонъ.
Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.
Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,
Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымалися темнымъ.
Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью;
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши,
Тѣло въ поту, голова вся покрыта черною пылью.
Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебеи, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и, темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вкругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный
Перевязь блескъ издавала, ему поперегъ перерѣзавъ
Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ
Львы грозноокіе, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были:
Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.
Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
«О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго долженъ
Я увести: уповалъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.
Я же его совершилъ и похищенъ былъ песъ у Аида;
Помощь мнѣ подали Эрмій и дочь громовержца Аѳина».
Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Аидову призракъ.

Жуковскій.

Танталъ и Сизифъ въ аду.

Послѣ увидѣлъ я Тантала; горькую муку онъ терпитъ:
Въ озерѣ старецъ стоитъ; и вода къ подбородку доходитъ;
Но сгарая отъ жажды, напиться страдалецъ не можетъ:
Каждый разъ—лишь наклонится старецъ, напиться пылая,
Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ ногами
Видитъ лишь землю черную: Демонъ ее изсушаетъ.

Вкругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли,
Груши, блестящія яблоки, полные сока гранаты,
Ярко зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы:
Но какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устремлялся,
Вѣтръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ темныхъ.
Тамъ и Сизифа узрѣлъ я; жестокія муки онъ терпитъ:
Тяжкій, огромный, руками обѣими камень катаетъ:
Онъ и руками его и ногами, что силъ подпирая,
Катитъ скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Частъ вскатить, какъ назадъ устремляется страшная тягость;
Снова на долъ закрутившися, падаетъ камень коварный.
Снова тотъ камень онъ катитъ и мучится; льется ручьями
Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вкругъ главы его вьется.

Гнѣдичъ.

Примѣч. — Читая приведенные отрывки изъ поэмъ Гомера, мы можемъ составить ясное понятіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ Грековъ, устройствѣ общественной ихъ жизни, о ихъ нравахъ и о состояніи искусства у Эллиновъ.

Религіозныя вѣрованія. Греки думали, что боги принимаютъ непосредственное участіе въ дѣлахъ человѣка. Аѳина постоянно сопутствуетъ Одиссею. Богиня окружила Улисса туманомъ, при входѣ его во дворецъ Алкиноя; въ образѣ глашатая она ходила всюду и созывала народъ на площадь; она красотою несказанной одѣла Одиссея, дабы вселить къ нему пріязнь отъ другихъ; подъ видомъ старца Паллада извѣстила Улисса, что его камень брошенъ дальше всѣхъ. Во всей эпопеѣ Минерва всегда содѣйствуетъ Одиссею и его семейству. Она является Телемаку, Пенелопѣ. — По убѣжденію Грековъ, всѣ блага, каковы бы они ни были, исходятъ отъ боговъ. Одиссей прямо высказываетъ эту мысль: «Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ» — вотъ слова Улисса! Не только что красота, умъ, даръ слова и поэзія, но самые обыкновенные предметы, которыми владѣетъ человѣкъ, суть даръ боговъ. Тканью женъ Феакійскихъ научила Аѳина; простой узелъ завязывать на ящикѣ Одиссея научила Цирцея. Короче — все отъ боговъ. — Богамъ своимъ Гомеръ приписываетъ человѣческія свойства. Боги на Олимпѣ пьютъ нектаръ; Ермій (Меркурій) у Калипсы вкушалъ пищу (V — 94). Боги подвержены страданіямъ смертныхъ. Въ Иліадѣ разсказывается, что Діомедъ ранилъ стрѣлой Венеру и Марса.

Общественное устройство. У Грековъ всѣ дѣла рѣшались на площади, предъ лицемъ народа. Алкиной созываетъ народъ на общее совѣщаніе, желая отправить Одиссея на его родину. Между царемъ и народомъ самое близкое, семейное отношеніе. Царь—отецъ, народъ — дѣти. Доступъ къ царю имѣютъ одинаково всѣ. На обѣдѣ у Алкиноя участвовали даже гребцы, которые должны были ѣхать на кораблѣ съ Одиссеемъ. У самаго дворца протекалъ ручей для всеобщаго пользованія.

Гимнастическія игры считались общественнымъ занятіемъ. Народъ собирается, чтобъ быть свидѣтелемъ и участникомъ гимнастическихъ игръ. Для Грековъ гимнастическія игры были постоянною необходимостію. При воспитаніи юношества одинаковое вниманіе было обращаемо какъ на духовныя такъ и на физическія силы. Такъ было въ школахъ, такъ было и въ самой жизни. Гимнастическія игры, о которыхъ упоминается въ напечатанной рап-

содія, различнаго рода, именно: борьба, кулачный бой, бѣганье, пляска, метанье диска и игра въ мячъ. Юношество отличалось умѣньемъ и ловкостью въ играхъ.

Черты нравовъ. Гостепріимство считалось священной обязанностію. Греки давали у себя пріютъ странникамъ, не спрашивая ихъ роду и званія. Царь Алкиной принимаетъ Одиссея радушно, устраиваетъ для него гимнастическія игры, одаряетъ подарками и снаряжаетъ корабль для его отправленія. Кромѣ гостепріимства, нравы Грековъ отличались еще простотою и патріархальностью. Условій цивилизаціи и царь и народъ не знаютъ. Царица Арета сучитъ нити, прядетъ; Елена прядетъ, Пенелопа ткетъ, Навзикая сама правитъ лошадьми, запрягаетъ ихъ, ѣдетъ мыть бѣлье, даже богиня Калипсо ткетъ. Цари и герои сами приготовляютъ пищу: обдираютъ животныхъ. Въ Иліадѣ говорится, что Ахиллесъ самъ разсѣкалъ хребты овцы, козы, окорокъ борова, дробилъ ихъ на куски, разгребалъ угли и жарилъ мясо на веретелѣ. Огонь разводился въ палатѣ пиршественной и при всѣхъ готовилось съѣстное.

Любовь къ изящному искусству. Греки — народъ эстетическій. У нихъ искусство было вопіющею потребностію жизни, а не предметомъ роскоши или забавы. Пѣніе и музыка—подруги пировъ сладкогласныхъ. Демодокъ трижды, въ продолженіе сутокъ, пѣлъ и игралъ передъ слушателями. Онъ пѣлъ во время трапезы, во дворцѣ Алкиноя и во время гимнастическихъ игръ, на площади. Муза пѣвца вѣщала о предметахъ національныхъ — историческихъ и миѳологическихъ. На музу, на даръ пѣсней, Греки смотрѣли какъ на дщерь Дія. Муза имѣла высокое, святое, божественное происхожденіе. Греки любили музыку и пѣніе. Самъ Ахиллесъ пѣлъ, Ахиллесъ... Навзикая поетъ. Кромѣ тоническихъ, развиты были искусства пластическія: ваяніе и скульптура. Дворецъ Алкиноя—чудо искусства: двѣ собаки—золотая съ серебряною, золотыя двери, мѣдныя стѣны съ лазоревымъ карнизомъ, статуи вылитыя изъ золота. Припомните поясъ Геркулеса, подарки Пенелопѣ, щитъ Ахиллеса и вы получите самое ясное понятіе о блестящемъ состояніи искусства у Грековъ. Исторія подтверждаетъ разсказъ поэта. Дѣйствительно, искусство считалось у Эллиновъ насущною потребностью каждаго. Эпаминондъ танцевалъ прекрасно, превосходно пѣлъ и искусно игралъ на флейтѣ. Пелопидъ славился своимъ искусствомъ въ танцахъ и музыкѣ. Сократъ упрекалъ Алкивіада за то, что онъ не выучился играть на флейтѣ. Ѳемистоклъ въ полномъ блескѣ славы часто извинялся въ томъ, что не владѣлъ никакимъ пріятнымъ искусствомъ и приводилъ въ оправданіе свои воинскіе подвиги, которые спасли отечество отъ ига Персовъ. (Пропилеи. I. Гіератика въ древнемъ искусствѣ).

Свойства Гомеровскаго эпоса ясно видны въ приведенныхъ отрывкахъ.

ЭНЕИДА.

(Виргилія).

«Энеида» *Виргилія* (за 70 л. до Р. Х. и на 19 г. по Р. Х.)—самый замѣчательный памятникъ эпической музы у Римлянъ. Современники превозносили ее до небесъ. Одинъ изъ нихъ, еще прежде появленія «Энеиды» въ свѣтъ, говорилъ: nescio, nascitur quid majus Iliade (не знаю, рождается что-то выше Иліады). Не только современники, но и позднѣйшія поколѣнія довольно

долго преклонялись передъ поэмою Виргилія, а самого его считали божествомъ. Въ средніе вѣка передъ Виргиліемъ благоговѣли. Въ «Божественной Комедіи» Данте, поэтъ Римскій является учителемъ сего послѣдняго и указываетъ ему дорогу въ Аду и Чистилищѣ.

Что же особенно замѣчательнаго въ «Энеидѣ?» Почему она пользовалась такимъ безграничнымъ почетомъ?

«Энеида» содержитъ въ себѣ описаніе странствованій Троянскаго царя Энея, послѣ взятія Греками Трои и—войнъ его съ Латинскимъ царемъ Турномъ, который противится желанію Энея—выстроить городъ при устьѣ рѣки Тибра. «Энеида» нравилась современникамъ потому, что имѣла самое близкое отношеніе къ эпохѣ Августа. Въ лицѣ Энея Виргилій изображаетъ благочестіе, чувствительность и воинскую доблесть — тѣ самыя свойства, которыми отличался Августъ. Въ поэмѣ находятся прямые намеки на золотой вѣкъ перваго цезаря Римскаго: Юпитеръ пророчитъ о блистательномъ времени Августа, о томъ, что это время есть слѣдствіе пришествія Энея въ Лаціумъ и что самъ императоръ есть отрасль этого прекраснаго корня. Въ основѣ «Энеиды» положена счастливая мысль — имперія Августа есть исполненіе совѣта боговъ, предначертаннаго еще для Энея. Само собою разумѣется, что такою идеею проникнутое твореніе не могло не увлекать современниковъ перваго Цезаря Римскаго, а паче — его самого.

Въ средніе вѣка Виргилій почитался за божественнаго поэта, во-первыхъ потому, что Римская образованность прежде Греческой стала извѣстна въ это время, а во-вторыхъ потому, что «Энеида» отличается многими безусловными достоинствами. Въ поэмѣ соблюдено удивительное единство дѣйствія, событія расположены и изложены стройно, художнически; языкъ представляетъ образецъ совершенства: онъ обработанъ какъ нельзя лучше.

Самъ Виргилій, умирая, завѣщалъ сжечь «Энеиду:» поэтъ будто предчувствовалъ, что новѣйшая критика найдетъ въ его поэмѣ большіе недостатки. Главный недостатокъ «Энеиды»—отсутствіе оригинальности. Виргилій не самобытно творилъ, а подражалъ Гомеру, и подражалъ слѣпо, даже въ мелочахъ. Одиссея удерживаетъ Калипсо и Энея удерживаетъ Дидона; Одиссей разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ Алкиною и Эней разсказываетъ о своихъ Дидонѣ; Гомеръ описываетъ щитъ Ахиллеса: тоже дѣлаетъ и Виргилій; Одиссей сходитъ во адъ и Эней сходитъ во адъ. «Энеида» — сколокъ съ поэмъ Гомера. Сверхъ того «Энеида» страждетъ искусственностью. Самая мысль ея—натяжка; происхожденіе Августа отъ самихъ боговъ—тѣмъ болѣе, а между тѣмъ Виргилій всѣ усилія устремляетъ къ тому, чтобы развить свою ложную мысль.

Изъ характеровъ лучше всего удался характеръ Дидоны. Отдѣльныхъ частностей, прекрасно обработанныхъ, не мало въ «Энеидѣ», но въ цѣломъ—поэма слаба.

Разборъ Энеиды написанъ проф. *Шевыревымъ* въ Ученыхъ Зап. Москов. Университета 1833 г. Переводъ «Энеиды» *Шершеневича* въ Соврем. 1852 и 1853 г.— У *Жуковскаго* отрывокъ «Разрушеніе Трои».

Лаокоонъ.

Вдругъ неожиданно-страшное зрѣлище взору предстало;
Ужасъ объемлетъ сердца и повсюду несется тревога.

Избранный Лаокоонъ жрецомъ Нептуна по жребью
Въ жертву тельца приносилъ торжественно этому богу.
Море спокойно было, какъ вдругъ (разсказывать страшно)
Двое ужасныхъ драконовъ несутся къ намъ отъ Тенедоса.
Страшно влечется ихъ тѣло, сгибаясь въ безмѣрныя кольца;
Дыбомъ ихъ длинныя выи; грудь поднялась надъ волною;
Крови подобные гребни багровые грозно поднялись;
Прочее тѣло кругами гигантскими по морю вьется.
Съ шумомъ вскипѣла волна, взбивая сребристую пѣну.
Кровью облитыя очи ихъ огненнымъ взоромъ сверкаютъ;
Быстро мелькаетъ языкъ ихъ и пастью свистъ испускаетъ.
Блѣдность покрыла намъ лица, и мы разбѣжались отъ страха.
Ближе и ближе плывутъ, ужъ на берегъ оба выходятъ,
Къ Лаокоону прямо несутся; тутъ оба дракона,
Пастію сильно схвативъ двоє дѣтей малолѣтнихъ,
Кольцами вьются по нимъ и страшныя язвы наносятъ.
Къ дѣтямъ на помощь кидается онъ; но быстрые змѣи
Вдругъ обхватили отца и гигантскими вяжутъ узлами.
Дважды ужъ грудь обвили и, дважды чешуйчатой выей
Выю страдальца связавъ, головами машутъ высоко;
Жалятъ смертельно, и ядъ ихъ черною пѣной клубится.
Тщетно метаясь, то хочетъ расторгнуть онъ сильные узы,
То испускаетъ ужасные вопли до сводовъ небесныхъ:
Жертвенный быкъ, уязвленный невѣрнымъ ударомъ сѣкиры,
Такъ реветъ и бѣжитъ, и кровавую выю уноситъ.
Оба чудовища, трупы оставивъ, вмѣстѣ несутся
Дружно и быстро къ святынѣ храма гнѣвной Минервы;
Тамъ подъ стопами богини, подъ сѣнью Эгиды таятся.

Шершеневичъ.

ПѢСНЬ О РОЛАНДѢ.

«Пѣснь о Роландѣ» — памятникъ средневѣковаго народнаго эпоса.—13-го октября 1066 года, въ ту минуту, когда полки Гаральда и Вильгельма готовились вступить въ бой въ долинахъ Гастингса, Норманскій наѣздникъ выступилъ изъ рядовъ, пустилъ своего коня передъ боевымъ строемъ Саксонцевъ, и, чтобъ приготовить товарищей къ смерти, или къ побѣдѣ, запѣлъ «Пѣснь о Роландѣ». Самые достовѣрные историки: *Вильгельмъ Мальмсбёри, Матвѣй Парижскій, Рольфъ Гайденъ, Альберикъ Детруафонтенъ, Матвѣй Вестминстерскій* — всѣ говорятъ объ этой Карловингской Пѣснѣ, которою началась Гастингская битва и которая была повторена всѣми воинами Вильгельма-Завоевателя. Мы знаемъ даже имя неустрашимаго трувера, который пѣлъ эту пѣснь передъ обѣими арміями: онъ былъ служителемъ графа Мортена и назывался Тальеферъ.

Объ этой Пѣснѣ упоминаютъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, особенно въ XII и XIII столѣтіяхъ: утверждаютъ, что даже въ XIV Французы пѣли ее въ сраженіяхъ. Іоаннъ Безземельный сказалъ одному изъ воиновъ своей свиты: «Къ чему нѣть о Роландѣ? нѣтъ болѣе Роланда»; на что воинъ отвѣчалъ: «Были бы Роланды, еслибъ были Карлы Великіе». Впродолженіе этихъ трехъ или четырехъ столѣтій, впродолженіе всей рыцарской эпохи имя Роланда не перестаетъ гремѣть въ шатрахъ и хижинахъ, во дворцахъ и замкахъ.

Откуда возникла эта громкая слава Роланда, откуда взялось это народное и всеобщее почитаніе? Почему имя это считалось символомъ мужества и геройства? Какъ проникло оно не только въ послѣднюю хижину древней Галліи, но въ Италію, въ Испанію, въ Венгрію, въ Тироль, въ глубину Датскихъ и Норвежскихъ пустынь? По ту сторону Альповъ, при въѣздѣ въ Верону, въ притворѣ собора, видѣнъ воинъ, изваянный изъ камня: преданіе опять говоритъ, что это Роландъ. Дѣйствительно ли существовалъ Роландъ? Исторія назвала его, но только однажды, мимоходомъ; она упомянула о немъ, исчисляя убитыхъ при Ронсевалѣ. Роландъ въ этомъ разсказѣ не племянникъ Карла Великаго, не величайшій изъ паладиновъ; онъ префектъ Британской мархіи (Britannici limitis praefectus). Безъ этихъ словъ *Эдингарда*, никакая нить не связывала бы Роланда съ міромъ дѣйствительнымъ. Между Эдингардомъ и Тальферомъ протекло около трехъ столѣтій, впродолженіе которыхъ имя Роланда не упоминается ни разу; во время этихъ-то трехъ столѣтій составилось въ тишинѣ и постепенно поэтическое и народное произведеніе, воспѣвающее этого героя.

Принадлежитъ ли «Пѣснь о Роландѣ» къ числу тѣхъ народныхъ пѣсенъ, составитель которыхъ неизвѣстенъ, которыя сохраняются въ устахъ народа и исчезаютъ съ теченіемъ времени? Или, напротивъ, не было ли это литературное произведеніе, задуманное, написанное, поэма, эпопея, отрывки которой могли быть пѣты когда-нибудь? Пѣснь въ XI столѣтіи означала поэму, состоящую не изъ нѣсколькихъ строкъ или куплетовъ, какъ нынѣшнія пѣсни, но изъ нѣсколькихъ тысячъ стиховъ, раздѣленныхъ, правда, на станцы, которые, очень удобно могли быть пѣты.

Было открыто нѣсколько поэмъ, въ которыхъ говорится о Роландѣ и Ронсевалѣ, но ни одна изъ нихъ не была написана на довольно-древнемъ языкѣ и не можетъ относиться къ 1066 году.

Кто авторъ «Пѣсни о Роландѣ»? Имя *Турольда*, являющееся въ послѣднемъ стихѣ, подпись ли поэта, какъ это полагаетъ Жененъ, или, просто, подпись кописта, какъ предполагаютъ другіе ученые? Первая ипотеза вѣроятнѣе.

Одинъ Турольдъ былъ наставникомъ Вильгельма-Завоевателя, и умеръ въ 1035 году: его ли это поэма? или другаго Турольда, сына или племянника перваго, бенедиктинца Фекампскаго Аббатства? Послѣдній сопровождалъ Вильгельма въ Англію, оказалъ ему большія услуги и сдѣлался, послѣ побѣды, аббатомъ Мальмесбери, потомъ Петерборуга.

Вѣрно только, что авторъ долженъ быть Норманъ. Для него Норманы первые воины въ мірѣ; онъ дважды это повторяетъ.

Мы попробуемъ, сколь можно ближе, передать главныя части этого произведенія, самую сущность содержанія, основаніе первобытной поэмы, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ.

Король Карлъ, нашъ великій императоръ, уже семь лѣтъ воюетъ въ Испаніи. Ни одинъ замокъ не устоитъ передъ нимъ; ни одинъ

городъ не оставитъ запертыми своихъ воротъ. Одна Сарагосса сопротивляется, Сарагосса, гдѣ царствуетъ невѣрный король Марсиль, слуга Мухаммеда и Аполлона. Онъ не поклоняется Богу; несчастіе постигнетъ его.

Король Марсиль лежитъ въ своемъ виноградникѣ, на мраморномъ крыльцѣ, подъ лиственною тѣнью. Болѣе двадцати тысячъ воиновъ окружаютъ его. Онъ требуетъ совѣта у своихъ герцоговъ и графовъ: «Какъ избѣгнуть смерти или поношенія? Армія его не въ силахъ сражаться. Что предпринять?»

Всѣ молчатъ. Одинъ только хитрый Бланкандринъ рѣшается говорить: «Сдѣлай видъ, что покоряешься; пошли этому гордому императору возы съ золотомъ и серебромъ. Обѣщай ему, если онъ вернется во Францію, ѣхать къ нему туда, въ Ахенъ, на великій праздникъ святаго Михаила; обѣщай принять тамъ христіанскую вѣру и сдѣлаться его данникомъ. Потребуетъ ли онъ заложниковъ? Мы ихъ дадимъ ему. Мы пошлемъ дѣтей нашихъ, женъ: я пошлю мое дитя, жертвуя его жизнью. Когда Французы будутъ далеко и каждый возвратится подъ кровъ свой, когда пройдетъ срокъ, Карлъ не услышитъ о насъ никакой вѣсти; можетъ быть, онъ велитъ отрубить головы нашимъ заложникамъ. Но лучше пусть они потеряютъ тамъ головы, нежели мы нашу прекрасную Испанію».

И язычники говорятъ: «онъ правъ»! Король Марсиль распустилъ свой совѣтъ. Онъ велитъ привести десять красивыхъ бѣлыхъ муловъ, съ золотыми уздами, съ серебряными сѣдлами. «Поѣзжайте», говоритъ онъ Бланкандрину и другимъ девяти вѣрнымъ совѣтникамъ: «ступайте на встрѣчу Карлу; несите въ рукахъ вѣтви оливы, въ знакъ мира и покорности. Если вашимъ искусствомъ вы освободите меня отъ Карла, много золота, много серебра, много земель дамъ я вамъ»!

Посланные садятся на муловъ и выступаютъ въ путь.

Тутъ сцена перемѣняется. Мы въ Кордовѣ: тамъ дворъ Карла. Онъ тоже въ виноградникѣ: подлѣ него Роландъ, Оливье, Готфридъ Анжуйскій и многіе другіе сыны милой Франціи; тамъ ихъ пятнадцать тысячъ. Сидя на шелковыхъ тканяхъ, они проводятъ время въ забавахъ; постарѣе и поопытнѣе играютъ въ шахматы, молодые бьются на шпагахъ.

Императоръ сидитъ въ золотомъ креслѣ, подъ тѣнью сосны и дикаго шиповника; борода его блеститъ какъ снѣгъ, станъ благороденъ и строенъ, чело величественно. Языческіе послы, сошедъ съ муловъ, смиренно кланяются императору. Карлъ велитъ раскинуть въ виноградникѣ обширную палатку для десяти пословъ. Они проводятъ тамъ ночь. Рано утромъ императоръ встаетъ. Онъ слушаетъ заутреню и обѣдню и приходитъ подъ тѣнь большой сосны

держать совѣтъ съ своими баронами: безъ нихъ онъ ничего не хочетъ дѣлать.

Скоро они всѣ явились, и герцогъ Ожеръ, и архіепископъ Тюрпенъ, и Роландъ, и храбрый Оливье, и Ганелонъ, который всѣмъ имъ измѣнитъ. Тогда открывается совѣщаніе.

Карлъ повторяетъ своимъ баронамъ слова Бланкандрина. «Будетъ ли Марсиль въ Ахенъ? сдѣлается ли христіаниномъ? будетъ ли моимъ вассаломъ? Что объ этомъ думать»?

И Французы отвѣчаютъ: «Будь осторожевъ». Роландъ поднимается и говоритъ: «Не вѣрь Марсилю! Уже семь лѣтъ мы въ Испаніи, и Марсиль только измѣнялъ тебѣ; веди войну, поведи свою армію къ Сарагоссѣ, осади ее и отомсти за тѣхъ, кого погубилъ вѣроломный».

Слушая его, императоръ хмурится, поглаживаетъ бороду и ничего не отвѣчаетъ племяннику. Всѣ Французы молчатъ. Одинъ Ганелонъ встаетъ съ высокомѣрнымъ видомъ, приближается къ императору и держитъ такую рѣчь: «Не слушай легкомысленныхъ, не слушай ни меня, никого, послушайся одной своей пользы. Когда Марсиль простираетъ къ тебѣ руки, объявляя, что хочетъ быть твоимъ вассаломъ, принять нашу святую вѣру, тебѣ смѣютъ совѣтовать отвергнуть его предложенія! Это значитъ не заботиться о томъ, какою мы умремъ смертью: гордый совѣтъ! ему ли одержать верхъ! Оставимъ безумныхъ и присоединимся къ мудрымъ».

— Владѣтельные бароны! начинаетъ Карлъ Великій: — кого же пошлемъ мы въ Сарагоссу, къ королю Марсилю?

— Ганелона, отвѣчаетъ Роландъ: — тестя моего. Французы подтверждаютъ: это именно такой человѣкъ, какого надо; искуснѣе его ты не найдешь.

При этихъ словахъ Ганелонъ впадаетъ въ страшвое безпокойство. Широкая соболья мантія спадаетъ съ его плечъ; станъ его величественъ и строенъ подъ шелковымъ нагрудникомъ; взоръ сверкаетъ гнѣвомъ. «Безумецъ», говоритъ онъ Роланду: «если Богъ допуститъ меня возвратиться, я сохраню къ тебѣ, за твой совѣтъ, такую благодарность, которая кончится съ твоею жизнію».

— Не боюсь угрозъ твоихъ, отвѣчаетъ Роландъ: — гордость помрачаетъ твой разсудокъ. Здѣсь надо посла мудраго. Если императоръ хочетъ, я замѣню тебя.

— Нѣтъ, я ѣду, говоритъ Ганелонъ: — Карлъ повелѣваетъ, я повинуюсь ему; но я подожду, пока утихнетъ мой гнѣвъ.

Роландъ засмѣялся. Ганелонъ это видитъ; ярость его удвоивается и едва не лишаетъ его разсудка. Онъ бросаетъ на зятя гнѣвные взоры, потомъ, обращаясь къ императору, говоритъ: «Я готовъ исполнить твою волю. Вижу, что мнѣ надо идти въ Сарагоссу; а кто идетъ туда — не возвращается. Государь, не забудь,

что я мужъ твоей сестры и имѣю отъ нея сына: прекраснѣе его не найдешь на свѣтѣ. Прійдетъ время, Балдуинъ будетъ храбръ! я оставляю ему мои земли и мои владѣнія. Храни его, я болѣе его не увижу!»

— У тебя слишкомъ нѣжное сердце, говоритъ Карлъ. — Когда я повелѣваю, тебѣ надо итти. Приблизься, Ганелонъ, прійми жезлъ и перчатку. Ты слышалъ, Франки избираютъ тебя посломъ.

— Нѣтъ, государь! одинъ Роландъ совѣтовалъ это, а потому я ненавижу и его, и дорогаго ему Оливье, и всѣхъ двѣнадцать перовъ, которые его такъ любятъ! Я всѣмъ имъ бросаю вызовъ въ глазахъ твоихъ.

Императоръ велитъ ему умолкнуть и приказываетъ ѣхать.

Король Марсиль средн своихъ Сарациновъ. Они хранятъ мрачное молчаніе, боясь узнать, что несутъ имъ посланные. Ганелонъ, собравъ мысли, начинаетъ такъ:

— Будьте спасены Богомъ, которому всѣ мы должны поклоняться! Вотъ воля могущественнаго Карла: ты примешь христіанскую вѣру; половина Испаніи будетъ дана тебѣ въ удѣлъ. Если ты не согласенъ на эти условія, то будешь взятъ, закованъ, приведенъ въ Ахенъ и присужденъ къ позорной казни. При этой рѣчи король блѣднѣетъ и дрожитъ отъ гнѣва. Золотой дротикъ колеблется въ рукѣ его; онъ хочетъ пронзить имъ Ганелона. Его удерживаютъ. Ганелонъ кладетъ руку на мечъ, на два пальца вынимаетъ его изъ ноженъ.

— Добрый мечъ мой, говоритъ онъ: — пока ты блестишь при бедрѣ моемъ, никто не пойдетъ сказать императору, что въ этой чуждой странѣ я палъ одинъ.

Сарацины восклицаютъ: «не допустимъ битвы!» По просьбѣ ихъ, Марсиль утихаетъ. Онъ садится въ свое кресло.

— Безуміе овладѣло тобою, говоритъ ему калифъ, его дядя. — Ты вздумалъ поразить этого Француза, когда долженъ былъ его выслушать.

Ганелонъ стоитъ твердо, положивъ правую руку на рукоять своего меча.

Зрители говорятъ: «Вотъ благородный баронъ!»

Король вышелъ въ садъ; онъ спокоенъ и прогуливается, среди подданныхъ, съ своимъ сыномъ и наслѣдникомъ Юрфале. Онъ посылаетъ за Ганелономъ. Бланкандринъ приводитъ его.

— Благородный рыцарь Ганелонъ! говоритъ король: — я принялъ тебя сначала немного горячо. Я сдѣлалъ видъ, что готовъ поразить тебя. Чтобъ загладить мою ошибку, позволь надѣлить тебя собольими мѣхами. Они стоятъ болѣе пяти сотъ ливровъ зо-

лотомъ. Прежде чѣмъ настанетъ слѣдующій день, я награжу тебя еще лучше.

— Принимаю, государь! да наградитъ тебя за это Богъ! Марсиль продолжаетъ:

— Вѣрь, графъ, что мое искреннее желаніе быть твоимъ другомъ. О Карлѣ буду я говорить съ тобою. Онъ очень старъ какъ я полагаю! Даю ему, по крайней мѣрѣ, двѣсти лѣтъ! У меня четыреста тысячъ воиновъ, которыхъ я могу выставить противъ Карла и Французовъ.

— Не слишкомъ полагайся на нихъ! Дорого поплатишься ты и твои воины. Оставь безумную смѣлость, прибѣгни къ хитрости. Дай императору такихъ сокровищъ, чтобы Французы наши пришли въ изумленіе. Дай ему двадцать заложниковъ. Онъ возвратится въ милую Францію, оставивъ за собою арьергардъ, въ которомъ, надѣюсь, будетъ графъ Роландъ, его племянникъ и храбрый Оливье. Они погибли, вѣрь мнѣ, если ты меня послушаешь.

— Научи меня, храбрый рыцарь (и да благословитъ тебя Богъ), какъ могу убить я Роланда?

— Научить тебя я съумѣю: императоръ, вступивъ однажды въ большія Цизарійскія ущелья, будетъ далеко отъ своего арьергарда. Онъ оставитъ въ немъ своего гордаго племянника и Оливье, на которыхъ столько полагается. Съ ними будетъ двадцать тысячъ Французовъ. Твоихъ язычниковъ пошли сто тысячъ. Я не ручаюсь, что въ первую битву, какъ бы ни была она гибельна Французамъ, не погибло много твоихъ воиновъ; но будетъ бой вторичный: въ томъ или въ другомъ ляжетъ на мѣстѣ Роландъ! Вы окажете великій примѣръ мужества, и во всю жизнь не будете имѣть войны. Что можетъ Карлъ безъ Роланда? Не лишится ли онъ своей правой руки?

Какъ только онъ кончилъ, Марсиль бросился къ нему на шею и заключилъ его въ объятія; потомъ предложилъ Ганелону поклясться, что измѣнитъ Роланду.

— Пусть будетъ по твоему, говоритъ Ганелонъ, и на ножнахъ меча своего клянется въ измѣнѣ, и довершаетъ преступленіе.

Тогда Марсиль призываетъ Модунта, своего казнохранителя:

— Приготовилъ ли ты дары для Карла Великаго?

— Государь, дары готовы. Семьсотъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и серебромъ, и двадцать заложниковъ, благороднѣе которыхъ нѣтъ подъ небесами.

На разсвѣтѣ Ганелонъ приближается къ стану императора.

— Государь! говоритъ онъ: — я несу тебѣ ключи отъ Сарагоссы, великія сокровища и двадцать заложниковъ; прикажи хорошенько стеречь ихъ; Марсиль ихъ тебѣ посылаетъ. Прежде исте-

ченія мѣсяца, вѣрь мнѣ государь, Марсиль будетъ съ тобою во Франціи, приметъ нашу вѣру, сдѣлается твоимъ вассаломъ и приметъ, какъ данникъ, отъ тебя Испанію.

— Хвала Богу! сказалъ Карлъ: — ты хорошо исполнилъ порученіе и не останешься въ убыткѣ.

Играютъ трубы; Карлъ объявляетъ окончаніе войны; воины снимаютъ станъ, вьючатъ лошадей; войско заколыхалось и выступаетъ по дорогѣ во Францію.

Ночь бѣжитъ; восходитъ бѣлая заря. Карлъ, величественный императоръ, садится на коня и обводитъ взорами армію: «Владѣтельные бароны»! говоритъ онъ: — видите эти узкія долины, эти мрачныя ущелья: кому присовѣтуете поручить арьергардъ? — «Кому?» отвѣчаетъ Ганелонъ: — «Роланду, моему зятю. Кто изъ бароновъ мужественнѣе его»?

Императоръ подзываетъ Роланда, вручаетъ ему лукъ и говоритъ: «Прекрасный племянникъ, знаешь ли, что я хочу оставить половину моей арміи. Послушай меня, возьми ее: въ ней твое спасеніе».

— «Нѣтъ, не сдѣлаю этого», говоритъ Роландъ: — «покарай меня Богъ, если я унижу родъ свой! Оставь мнѣ двадцать тысячъ храбрыхъ Французовъ и отправляйся со всѣми остальными. Проходи спокойно ущелья; пока я живъ, не страшись никого въ мірѣ».

Роландъ садится на коня; къ нему присоединяется вѣрный Оливье, потомъ Жераръ, потомъ Беранже и старый Апсей, Жераръ Руссильйонскій и герцогъ Гефье.

— И я иду, говоритъ Тюрпенъ архіепископъ: — я долженъ слѣдовать за моимъ полководцемъ. «И я тоже», говоритъ графъ Готье: — «Роландъ — мой повелитель, я не могу его покинуть».

Авангардъ выступилъ въ путь.

Какія высокія горы! какія темныя долины! какія черныя скалы! какія глубокія ущелья! Въ этихъ переходахъ Французы объяты мрачною грустью; глухой шумъ шаговъ ихъ слышенъ за пятнадцать миль.

Приближаясь къ родной сторонѣ и завидя Гасконскія земли, они вспоминаютъ о своихъ удѣлахъ, о своихъ владѣніяхъ, о своихъ нѣжныхъ дѣтяхъ, благородныхъ супругахъ. Очи ихъ наполняются слезами; очи Карла полнѣе слезами, чѣмъ у другихъ; у Карла стѣснено сердце: горамъ Испаніи оставилъ онъ племянника. Онъ скрываетъ подъ мантіей грустное чело.

— Что съ тобою, государь? говоритъ ему старый герцогъ Нимскій, ѣдущій рядомъ.

— Объ этомъ ли спрашивать? какъ не сокрушаться мнѣ отъ горя? Ганелонъ погубитъ Францію. Нынѣшнею ночью ангелъ предсказалъ мнѣ это во снѣ. Ганелонъ переломилъ копье въ рукахъ

моихъ. Онъ виною, что я вручилъ арьергардъ моему племяннику, что покинулъ его въ этой суровой странѣ. Боже! если я потеряю Роланда, у меня не будетъ ему равнаго.

И Карлъ не можетъ удержать слезъ; и сто тысячъ Французовъ, тронутые ими, содрогаются, помышляя о Роландѣ. Вѣроломный Ганелонъ продалъ его язычнику за золото, за серебро, за блестящія ткани, за коней, за верблюдовъ, за львовъ.

Король Марсиль созвалъ всѣхъ бароновъ Испаніи: графовъ герцоговъ и виконтовъ, эмировъ и сыновъ сенаторовъ; онъ собралъ ихъ четыреста тысячъ въ три дня! Барабаны бьютъ въ Сарагоссѣ; изображеніе Мухаммеда выставлено на самой высокой башнѣ: нѣтъ язычника, который не пылалъ бы огнемъ при этомъ видѣ.

Вотъ они всѣ отправляются, ускоряя шаги въ глубинѣ узкихъ долинъ. Скорый бѣгъ далъ имъ усмотрѣть знамена Франціи и арьергардъ двѣнадцати храбрыхъ паладиновъ. Подъ елями лѣса, по краямъ скалъ прячутся враги вечеромъ въ засадѣ. Четыреста тысячъ невѣрныхъ ожидаютъ тамъ солнца. Боже! какое горе! Французы объ этомъ не знаютъ!

Раздаются звуки тысячи трубъ. Французы прислушиваются. «Товарищъ»! говоритъ Оливье: «кажется, намъ прійдется биться съ Сарацинами».—«Пошли Господь!» отвѣчаетъ Роландъ.

— «Вспомнимъ нашего императора: за своего властелина надо умѣть страдать, переносить зной и холодъ, отдать свое тѣло, положить голову! Пусть каждый готовится наносить сильные удары. Будемъ остерегаться пѣсенъ, которыя могутъ сложить о насъ! Христіане! съ нами правда—съ язычниками преступленіе! Отъ меня вы никогда не увидите дурнаго примѣра».

Оливье взбирается на высокую сосну, глядитъ направо, въ густую долину и видитъ подходящую орду Сарациновъ. «Товарищъ!» кричитъ онъ Роланду: — «тамъ, въ сторонѣ Испаніи, какой шумъ! какая тревога! Боже! сколько бѣлыхъ панцырей, сколько блестящихъ шишаковъ! Для нашей Франціи какая тяжелая встрѣча! Ганелонъ зналъ это, измѣнникъ! вѣроломный!»

— Молчи, Оливье! отвѣчаетъ Роландъ: — Ганелонъ мнѣ тесть. Оливье сходитъ на землю. «Владѣтельные бароны!» говоритъ онъ: «я видѣлъ столько язычниковъ, сколько не видѣлъ никто въ мірѣ! Насъ ждетъ битва, какой никогда не бывало. Просите у Бога мужества». И Французы восклицаютъ: «Горе тому, кто побѣжитъ! Ни одинъ изъ насъ не побоится умереть!» — «Товарищъ Роландъ»! продолжаетъ мудрый Оливье: — «язычники многочисленны, а насъ немного. Послушай меня, труби въ твой рогъ; императоръ услышитъ и приведетъ назадъ армію».—«Ты считаешь меня безумцемъ!» говоритъ Роландъ:—«хочешь, чтобъ я обезчестилъ себя въ нашей

милой Франціи? Предоставь все дюрандалю, мечу моему; дай ему сыпать славные удары, погрузиться въ крови до рукояти. Всѣ эти язычники погибли, ручаюсь тебѣ!»

— Сарациновъ такъ много, что ими все покрыто: долины, горы, степи и равнины. Я видѣлъ ее, эту безчисленную рать, а насъ небольшое число!—«Мужество мое растетъ», говоритъ Роландъ. «Богъ не попуститъ, чтобъ изъ-за меня погибла слава нашей Франціи. Другъ, не повторяй мнѣ этихъ словъ. Мы устоимъ; императоръ хочетъ этого. Между воинами, которыхъ онъ поручилъ намъ, не отыщется труса: онъ это знаетъ. Императоръ любитъ насъ за то, что мы бьемся храбро. Рази же копьемъ, я буду рубить дюрандалемъ, добрымъ мечемъ, подареннымъ Карломъ! Если я умру, тотъ, кто овладѣетъ имъ, можетъ сказать: онъ былъ мечемъ храбраго!»

Французы кричатъ: «Monjoie!» Тотъ, кто ихъ слышалъ, не забудетъ этого всю жизнь.

Потомъ они выступаютъ съ отвагою. Чтобъ покончить разомъ съ язычниками, они пустили коней; они нападаютъ. Что могутъ они сдѣлать болѣе? Язычники не отступаютъ; завязалась схватка. Движеніемъ и голосомъ называютъ другъ друга. Племянникъ Марсиля подступаетъ съ словами оскорбленія и кидается на Роланда. Роландъ ударомъ меча пронзаетъ ему грудь и сбрасываетъ къ ногамъ своимъ. Братъ короля, Фальзаронъ, хочетъ отмстить за смерть племянника. Оливье его предупреждаетъ и погружаетъ ему въ тѣло копье свое. Корсабликсъ, одинъ изъ королей варварскихъ, произноситъ брань и угрозы; архіепископъ Тюрпенъ его слышитъ, летитъ на него съ копьемъ и повергаетъ мертвымъ на землю. И каждый разъ, какъ падаетъ Сарацинъ, Французы восклицаютъ:

—«Monjoie!» Кликъ Карла Великаго.

Какое страшное побоище! сколько нанесенныхъ и принятыхъ ударовъ! сколько переломленныхъ и окровавленныхъ копій! сколько разорванныхъ знаменъ! И сколько добрыхъ Французовъ погибло тамъ въ цвѣтущей молодости! Не видать имъ болѣе во Франціи матерей, женъ, друзей своихъ, которые ждутъ ихъ за горами!

Карлъ Великій, между тѣмъ, крушится и вздыхаетъ. Что пользы? Поможетъ ли онъ слезами? Ганелонъ оказалъ ему печальную услугу поѣздкой въ Сарагоссу; измѣнникъ будетъ наказанъ; висѣлица ему готова, но между тѣмъ, смерть не щадитъ Французовъ. Сарацины валятся тысячами, но и наши также; лучшіе изъ нихъ падаютъ!

Въ эти часы, во Франціи подымаются яростныя бури; вѣтры бушуютъ, громы гремятъ, молніи блестятъ; дождь, градъ льютъ потокомъ. Отъ св. Михаила Парижскаго до Сана, отъ Безансона до пристани Виссантской поколебалась земля; нѣтъ обители, кото-

рой бы стѣны не распадались. Среди дня наступаетъ густая мгла; нѣтъ на небѣ свѣта, кромѣ огня молній; нѣтъ человѣка, который бы не трепеталъ, и многіе говорятъ: «это кончина міра, конецъ настоящаго вѣка!» Они не знаютъ, они обманываются: это глубокій трауръ по смерти Роланда!

Марсиль, стоявшій до тѣхъ поръ въ отдаленіи, видитъ погибель своихъ; онъ велитъ трубить въ рога; онъ посылаетъ въ дѣло свою главную армію. Французы, увидя, какъ со всѣхъ сторонъ выступаютъ новыя волны враговъ, ищутъ взорами Роланда, Оливье и двѣнадцать перовъ; каждый желалъ бы укрыться за ними. Архіепископъ подкрѣпляетъ ихъ: «Именемъ Бога, бароны, не бѣгите! Лучше умереть сражаясь. Все рѣшено! Мы умремъ здѣсь. Пройдетъ этотъ день, ни одного изъ насъ не будетъ въ этомъ мірѣ; но рай вамъ открытъ, за это я порукой». При этихъ словахъ, рвеніе ихъ возгарается и они опять кричатъ: «Monjoie!» Какъ рѣдѣютъ наши ряды! Битва яростна и ужасна! Вы никогда не видали такихъ грудъ мертвецовъ, — столько ранъ и крови: по зеленой травѣ течетъ она ручьями! Наши сыплютъ отчаянные удары! Четыре нападенія были имъ счастливы, но въ пятомъ всѣ они падаютъ сраженные; только шестьдесятъ изъ нихъ Богъ сохраняетъ. Прежде чѣмъ умрутъ, они дорого продадутъ свою жизнь. Роландъ, видя это несчастіе, говоритъ: «Товарищъ Оливье, сколько храбрыхъ простерто на землѣ! Какая утрата для нашей милой Франціи! Карлъ, нашъ императоръ, зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь? — Братъ мой, Оливье, что дѣлать? какъ найти средство дать ему вѣсть о насъ?» — «Нѣтъ его болѣе», говоритъ Оливье: — «лучше умереть, чѣмъ постыдно бѣжать.» — «Иду», продолжаетъ Роландъ — «трубить въ мой рогъ: Карлъ услышитъ звукъ его изъ глубины ущелій; онъ вернется, вѣрь мнѣ». — «Полно, какой срамъ, другъ! А родъ твой? подумай о немъ. Когда я просилъ тебя трубить, ты этого не сдѣлалъ; не дѣлай же и теперь, послушай меня: у тебя не достанетъ силы затрубить такъ, чтобъ тебя услышали. Взгляни на свои руки: онѣ всѣ въ крови»! — «За то какіе я наносилъ удары! Но противъ насъ было слишкомъ много. Я возьму рогъ и Карлъ меня услышитъ». — «Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь. Клянусь бородою, если я увижу когда-нибудь милую Оду, благородную сестру мою, ты не будешь въ ея объятіяхъ!» — «Зачѣмъ этотъ гнѣвъ?» говоритъ Роландъ. —

— «Товарищъ! ты погубилъ насъ! Безумство не мужество. Эти Французы погибли по твоей неосторожности. Когда бъ ты послушалъ меня, императоръ былъ бы здѣсь, сраженіе выиграно, Марсиль взятъ, живой или мертвый. Роландъ, твоя неумѣстная храбрость была причиною нашего несчастія! Карлъ, великій нашъ Карлъ! никогда болѣе не будемъ мы служить тебѣ!»

Архіепископъ Тюрпенъ слышитъ друзей; онъ спѣшитъ къ нимъ, восклицая:

—«Именемъ Бога, оставьте ваши ссоры! Теперь, конечно, поздно трубить въ твой рогъ; но пусть императоръ возвратится. Карлъ отмститъ за насъ. Язычники не должны вернуться въ свою Испанію. Наши Французы найдутъ насъ мертвыми и изрубленными; они положатъ насъ въ гробъ, понесутъ съ трауромъ и слезами и погребутъ на погостѣ родныхъ церквей; по крайней мѣрѣ не съѣдятъ насъ ни волки, ни кабаны, ни псы.» — Правду говоришь ты, отвѣчаетъ Роландъ и, приложивъ рогъ къ устамъ своимъ, извлекаетъ изъ него полные звуки. Звукъ несется и перекатывается по длиннымъ долинамъ; за тридцать миль повторяетъ его эхо.» Карлъ слышитъ; армія также.

—«Наши сражаются!» восклицаетъ императоръ. «Роландъ трубитъ только въ пылу битвы».

— Какая битва! спѣшитъ отвѣтить Ганелонъ. Развѣ ты не знаешь Роланда? Изъ-за одного зайца онъ протрубитъ цѣлый день. Идемъ впередъ! Что медлить? Земли нашей Франціи отъ насъ еще далеки.

Но Роландъ продолжаетъ трубить; отъ сильнаго напряженія кровь брызжетъ изъ его устъ, изъ жилъ его чела.—«Протяжно звучитъ рогъ», говоритъ императоръ, и герцогъ Нимскій прибавляетъ: «Герой трубитъ; вокругъ него бьются. Клянусь честью, тотъ измѣнникъ, кто старается тебя разувѣрить въ этомъ. Вѣрь мнѣ; идемъ на помощь твоему благородному племяннику. Роландъ подаетъ печальную вѣсть!» Императоръ даетъ знакъ возвратиться въ путь, онъ велитъ схватить Ганелона; поваренкамъ своимъ отдаетъ онъ измѣнника. Они вырываютъ по волоску бороду и усы его, бьютъ кулаками и палками, надѣваютъ ему на шею цѣпь, какъ медвѣдю, и довершаютъ поношеніе, взваливъ его на вьючное животное.

По знаку императора, всѣ Французы повернули коней, вонзили шпоры и быстро помчались по темнымъ ущельямъ, по краямъ стремнинъ.

Конь Карла летитъ. Нѣтъ Француза, который не вздыхалъ бы на этомъ пути, не говорилъ бы своему товарищу: «Еслибъ мы могли еще найти Роланда, взглянуть на него прежде, чѣмъ онъ умретъ! Сколько ударовъ нанесли бы мы вмѣстѣ!» Увы! напрасно всѣ усилія храбрыхъ: они слишкомъ далеко и не поспѣютъ во время.

Роландъ, между тѣмъ, обводитъ взорами вокругъ себя: на горахъ, на равнинѣ видны одни мертвые Французы. Благородный рыцарь, онъ плачетъ и молится о нихъ: «Бароны, да помилуетъ васъ Богъ! да отворитъ онъ свой рай душамъ вашимъ! Лучшихъ

воиновъ я нигдѣ не видѣлъ! Долго вы намъ служили, много странъ намъ завоевали! Франція, милая отчизна! сколько храбрыхъ ты теперь оплакиваешь! Бароны Французскіе, вы умираете изъ-за меня! я не могъ ни спасти, ни защитить васъ; да поможетъ вамъ Богъ! Умру отъ горя, если не поразитъ меня вражескій мечъ! Оливье, братъ мой, возвратимся въ бой».

Роландъ вновь появился въ схваткѣ. Какъ передъ псами бѣжитъ трепещущій олень, такъ передъ Роландомъ убѣгаютъ невѣрные. Но вотъ Марсиль выступаетъ впередъ, опрокидывая на пути Жерара Руссильйонскаго и другихъ храбрыхъ Французовъ. «Будь проклятъ!» кричитъ ему Роландъ: — «за то, что поразилъ моихъ товарищей», и однимъ взмахомъ дюрандаля онъ отсѣкаетъ ему кисть руки, потомъ схватываетъ за бѣлокурые волосы Юрфале, сына короля. При этомъ видѣ, Сарацины восклицаютъ: «Помоги намъ Мухаммедъ! отомсти за насъ! Спасайтесь, спасайтесь!» Съ этимъ словомъ сто тысячъ убѣгаютъ. «Не страшитесь ихъ возврата: они ушли навсегда. Но что въ бѣгствѣ Марсиля! Дядя его, Марганикъ, остается на полѣ битвы съ своими черными Эѳіопами. Онъ подкрадывается къ Оливье, поражаетъ его въ спину и тѣмъ же ударомъ пронзаетъ грудь. Оливье, смертельно пораженный, подымаетъ руку, опускаетъ мечъ свой, отклеръ, на шлемъ Марганика, разсѣкаетъ его и голову невѣрнаго до самыхъ зубовъ. — «Проклятый!» говоритъ онъ, «ни одной женщинѣ твоей страны не пойдешь ты хвалиться тѣмъ, что поразилъ меня».

Потомъ онъ зоветъ на помощь Роланда. Роландъ видитъ Оливье помертвѣлаго, блѣднаго, истекающаго кровью. Твердость его поколебалась и онъ пошатнулся на конѣ. Оливье не видитъ товарища: его зрѣніе помрачилось отъ потери крови. Онъ не различаетъ ничего ни вблизи, ни вдали. Рука его все наноситъ удары, вновь опускаетъ отклеръ, и ударъ падаетъ теперь на шлемъ Роланда. Шлемъ распадается на двое, но голова уцѣлѣла. Роландъ смотритъ на Оливье и спрашиваетъ его съ кротостію: «Товарищъ, съ умысломъ ли сдѣлалъ это? Передъ тобою Роландъ, твой лучшій другъ. Сколько я помню, ты не вызывалъ меня на поединокъ».—«Слышу твой голосъ», говоритъ Оливье, «но не вижу тебя. Если я поразилъ тебя, другъ, прости мнѣ». — «Я невредимъ, и прощаю тебя, товарищъ, здѣсь, и передъ Богомъ!» Они наклоняются другъ къ другу и за словомъ прощанія наступила разлука. Роландъ не можетъ оторваться отъ тѣла друга, простертаго безъ жизни на землѣ; онъ смотритъ на него, плачетъ по немъ, громко припоминаетъ ему столько дней, проведенныхъ вмѣстѣ въ нѣжной дружбѣ. Оливье не стало. Какъ тяжела теперь жизнь для Роланда!

Онъ и не замѣчаетъ, что между тѣмъ всѣ Французы погибли,

кромѣ архіепископа и Готье. Раненные, но еще не сбитые съ ногъ, они призываютъ Роланда. Онъ слышитъ, идетъ къ нимъ и язычники восклицаютъ: «Вотъ страшные бойцы! смотрите, чтобъ эти трое не вышли живыми изъ битвы!» Они тотчасъ бросаются на нихъ со всѣхъ сторонъ. Готье палъ, а Тюрпена разбитъ шлемъ, разорванъ панцырь, четыре раны на тѣлѣ; лошадь подъ нимъ убита. Роландъ, помня императора, еще разъ берется за рогъ, но издаетъ одинъ слабый и жалобный звукъ.

Карлъ, однакожъ, слышитъ его. «Горе намъ!» говоритъ онъ:— «Роландъ, дорогой мой племянникъ! мы прійдемъ слишкомъ поздно; я узнаю по этому звуку. Впередъ! звучите трубы». И всѣ трубы арміи вдругъ зазвучали.

Звукъ этотъ достигъ до слуха язычниковъ. «Увы!» говорятъ они:—«это Карлъ возвращается, это великій императоръ! Роковой день! всѣ предводители наши убиты. Если Роландъ останется живъ, война вновь начнется — и Испанія для насъ потеряна. Никогда смертный не побѣдитъ Роланда! Не приближайтесь: пустимъ въ него всѣ стрѣлы, чтобъ онъ остался на мѣстѣ». Они сбираются въ отдаленіи и сыплютъ въ Роланда дождемъ стрѣлъ, дротиковъ, копій. Щитъ Роланда пробитъ, раздробленъ, панцырь разорванъ, но тѣло невредимо. Конь его, въ двадцати мѣстахъ раненный, падаетъ безъ дыханія, подъ своимъ сѣдокомъ. Битва кончена. Язычники бѣгутъ и скачутъ по направленію къ Испаніи. Роландъ, лишенный коня, не въ силахъ за ними гнаться. Онъ идетъ помочь архіепископу, растегиваетъ его шлемъ, перевязываетъ зіяющія раны, прижимаетъ его къ своему сердцу и тихо кладетъ на траву. Потомъ кротко говоритъ ему: «Оставимъ ли мы безъ молитвы мертвыхъ товарищей, которыхъ такъ любили? Я пойду, отыщу тѣла ихъ и положу передъ тобой». «Ступай», говоритъ архіепископъ: «поле битвы за нами, ступай и возвратись скорѣе».

Роландъ оставляетъ его и бродитъ одинъ на полѣ смерти: на горахъ и въ долинахъ. Находитъ онъ храбрыхъ товарищей: герцога Санхо, и стараго Ансея, и Жерара, и Беранже. Одного за другимъ переноситъ онъ ихъ и кладетъ у ногъ прелата, со слезами ихъ благословляющаго. Но когда приходитъ очередъ Оливье, когда Роландъ, крѣпко прижавъ къ сердцу друга, хочетъ принести дорогое тѣло, чело его блѣднѣетъ, силы оставляютъ и онъ безъ чувствъ падаетъ на землю.

Видя это, архіепископъ пораженъ смертельнымъ горемъ. Въ Ронсевальской долинѣ есть ключъ: еслибъ онъ могъ принести Роланду воды! Онъ беретъ рогъ и пытается добрести до ключа, шатаясь отъ слабости; но силы покидаютъ его и онъ падаетъ на землю, въ предсмертныхъ мукахъ.

Роландъ приходитъ въ чувство и видитъ святаго воина, простертаго по землѣ. Поднявъ взоръ къ небу и сложивъ руки, исповѣдуется онъ Богу и молитъ открыть небесныя врата доброму воину Карла Великаго; потомъ подходитъ къ окровавленному тѣлу святаго прелата, поднимаетъ его бѣлыя, прекрасныя руки, складываетъ ихъ крестомъ на груди и говоритъ ему послѣднее прости.

Въ свою очередь чувствуетъ Роландъ, что смерть приближается къ нему. Онъ молитъ Бога за перовъ своихъ, проситъ Его призвать ихъ къ себѣ, а за себя умоляетъ св. Архангела Гавріила. Взявъ въ одну руку рогъ, съ которымъ не хочетъ разстаться, въ другую дюрандаль, онъ всходитъ на возвышеніе, въ виду Испаніи, и ложится на землю, подъ деревомъ, среди зеленѣющей ржи.

Невдалекѣ, за мраморной скалой, подстерегалъ его Сарацинъ, лежа между мертвыми тѣлами, измаравъ кровью лице, чтобъ лучше притвориться мертвымъ. Видя какъ падаетъ Роландъ, онъ быстро поднимается, бѣжитъ къ нему и бросается на него съ крикомъ: «Побѣждевъ племянникъ Карла! Мнѣ его мечъ; я отнесу его въ Аравію!» Онъ хочетъ выдернуть мечъ, но Роландъ, чувствуя это, открываетъ глаза, произноситъ только: «Ты кажется, не изъ нашихъ!» и своимъ рогомъ наноситъ ударъ по шлему язычника: мозгъ брызнулъ, Сарацинъ палъ мертвый къ ногамъ Роланда. «Низкій язычникъ!» говоритъ онъ: — «ты былъ очень смѣлъ, даже безуменъ, что поднялъ на меня руку!... Я, однакожъ, разбилъ свой рогъ, золото и каменья осыпалвсь отъ удара».

Мало по малу Роландъ замѣчаетъ, что зрѣніе его помрачается. Онъ поднимается на ноги, силится побѣдить слабость, но лице его блѣдно и помертвѣло. Десять разъ ударяетъ онъ дюрандалемъ по ближней скалѣ. Онъ желалъ бы разбить вѣрный мечъ. Какое горе оставлять его невѣрнымъ! Да избавитъ Богъ Францію отъ этого стыда! Но сталь скрипитъ, а не ломается. Роландъ ударяетъ еще по гранитному утесу — сталь цѣла; вновь ударяетъ онъ — утесъ разлетается въ дребезги, а мечъ остается невредимъ! «Дюрандаль мой, ты блестящій, при солнечномъ свѣтѣ, ты, прекрасный и священный, врученный мнѣ Карломъ, по повелѣнію самого Бога, ты, которымъ я завоевалъ ему Бретань и Нормандію, Мэнъ и Пуату, Аквитанію и Романью, обѣ Фландріи, Баварію, Германію, Польшу, Константинополь, Саксонію, Исландію, Англію: долго былъ ты въ рукахъ храбраго — суждено ли тебѣ достаться трусу! ужели невѣрный овладѣетъ тобою!» При этихъ словахъ смерть прерываетъ Роланда, и подступаетъ къ сердцу. Онъ ложится на зеленую траву и кладетъ подлѣ себя и дорогой рогъ свой; потомъ, обратясь лицемъ къ мертвымъ Сарацинамъ, чтобъ Карлъ и Французы сказали,

отыскавъ его, что онъ умеръ побѣдителемъ, онъ ударяетъ себя въ грудь, испрашивая у Бога помилованія.

Многое приходитъ ему на память: и славныя битвы, и милая родина, и друзья, и Карлъ, вскормившій его. «Боже мой!» говоритъ онъ: «Ты, воскресившій Лазаря и изведшій Даніила изо-рва львинаго, спаси душу мою, не дай ей погибнуть за грѣхи моей жизни!» Говоря это, Роландъ склоняетъ голову на лѣвую руку, правую простираетъ онъ къ Богу....

Душа графа улетаетъ въ рай.

Карлъ Великій возвратился въ Ронсевальскую Долину. Нѣтъ дороги, тропинки, шага земли, которыхъ бы не покрывали трупы. Карлъ громко зоветъ племянника, зоветъ Оливье, зоветъ архіепископа, Гверина и Беранже, и Герцога Санхо, и всѣхъ своихъ перовъ.... На что звать? Никто не отзовется. «Зачѣмъ не было меня въ этой битвѣ?» восклицаетъ императоръ, въ отчаяніи терзая сѣдую бороду, и вся армія скорбитъ вмѣстѣ съ нимъ; одни оплакиваютъ сына, другіе брата, племянника, друга, господина.

Во время общаго горя, мудрый герцогъ Нимскій приближается къ императору: «Взгляни впередъ», говоритъ онъ ему: «видишь ли пыль по дорогѣ: это орда язычниковъ убѣгаетъ! На коней! отомстимъ за падшихъ братьевъ!»

Прежде чѣмъ погнаться за невѣрными, Карлъ повелѣваетъ четыремъ баронамъ и тысячѣ всадникамъ охранять поле битвы. «Не троньте мертвыхъ», говоритъ онъ: — «удаляйте отъ нихъ хищныхъ животныхъ, чтобъ никто, ни оруженосецъ, ни слуга не прикасались къ нимъ до того часа, когда Богу будетъ угодно, чтобъ мы возвратились». Потомъ онъ велитъ трубить и гонится за Сарацинами.

Солнце остановилось. Язычники бѣгутъ. Французы настигаютъ ихъ, мнутъ, побиваютъ. Въ быстрыхъ волнахъ Эбро тонутъ бѣглецы. Карлъ сходитъ съ коня и, преклонивъ колѣни, благодаритъ Бога.

Въ это время Марсиль, измученный, изувѣченный, достигъ Сарагоссы. Королева плачетъ при видѣ супруга; она проклинаетъ злыхъ боговъ, измѣнившихъ ему. Одна надежда ей остается: эмиръ Вавилонскій, старый Балиганъ не оставитъ ихъ безъ помощи, онъ придетъ отомстить за нихъ.

Марсиль въ бѣдѣ своей рѣшается отдать Испанію эмиру Балигану. Лѣвой рукой, которая одна ему остается, подаетъ онъ ему свою перчатку: «Князь эмиръ», говоритъ онъ: — «я вручаю тебѣ всѣ мои земли; защищай ихъ и отомсти за меня». Эмиръ принимаетъ перчатку и обязывается принести ему голову стараго Карла; потомъ вскакиваетъ на коня, крича своимъ Сарацинамъ: «Впередъ! Французы отъ насъ уходятъ»! Карлъ, на разсвѣтѣ, выступаетъ къ

Ронсевалю. «Рыцари»! говоритъ онъ, приближаясь къ мѣсту боя: — «ступайте медленнѣе; оставьте меня одного идти впередъ, отыскивать тѣло племянника. Однажды, я помню, въ Ахенѣ, на торжествѣ, говорилъ онъ намъ, что если умретъ въ чужомъ краю, тѣло его найдутъ впереди всѣхъ воиновъ и перовъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ вражьей землѣ; что онъ, храбрый, умретъ какъ побѣдитель».

Сказавъ это, Карлъ въѣзжаетъ на холмъ. На трехъ обломкахъ скалы узнаетъ онъ удары дюрандаля, а вблизи, на зеленой травѣ, тѣло племянника. «Другъ Роландъ!» восклицаетъ онъ съ безпредѣльною тоскою, приподнимая трупъ въ свои объятія: — «да упокоитъ Богъ душу твою на райскихъ цвѣтахъ, между своими святыми! Увы! для чего вступилъ ты въ Испанію? отнынѣ я не проведу дня, не оплакивая тебя! У меня нѣтъ болѣе друга подъ небесами. Есть у меня родные, но ни одного подобнаго тебѣ. Другъ Роландъ! я возвращусь во Францію. Когда я буду въ Ланѣ, во дворцѣ моемъ, со всѣхъ сторонъ будутъ говорить мнѣ: «Гдѣ же нашъ полководецъ»? Я отвѣчу имъ: — «Онъ умеръ въ Испаніи. Онъ умеръ, племянникъ мой, завоевавшій мнѣ столько земель. Кто теперь поведетъ мои арміи? Кто поддержитъ мою имперію? Франція, милая родина, она погубила тебя, убивъ Роланда»!

Французы готовились къ отъѣзду, когда вдали показался Сарацинскій авангардъ. Императоръ разгоняетъ грустныя думы, устремляетъ на храбрыхъ гордый взоръ и громко восклицаетъ: «Бароны Франціи, на коней и къ оружію»!

Первый напоръ ужасенъ: кровь льется волнами съ обѣихъ сторонъ. Бой длится до вечера; но къ концу дня, когда смерклось, встрѣчаются эмиръ и Карлъ, и подъ Французскимъ мечемъ эмиръ падаетъ мертвый.

Языческая армія бѣжитъ; Французы гонятся за нею до самой Сарагоссы; городъ взятъ. Король Марсилъ умираетъ съ отчаянія. Побѣдители истребляютъ ложныхъ боговъ: ударами сѣкиры разрушаютъ они идоловъ. Сарациновъ крестятъ, крестятъ ихъ болѣе ста тысячъ. Тѣхъ, кто противится, сжигаютъ, исключая, однакожъ, королеву Брамимонду; во Францію ведутъ ее въ неволю: Карлъ хочетъ обратить ее кротостью.

Карлъ болѣе не останавливается на пути. Онъ отдохнетъ только въ добромъ городѣ Ахенѣ. Вотъ онъ ужъ тамъ, и тотчасъ разсылаетъ пословъ по всѣмъ своимъ государствамъ и провинціямъ, чтобъ сбирались къ нему всѣ перы. Будутъ судить Ганелона.

Но вступивъ въ свой дворецъ, императоръ видитъ идущую къ нему Оду, прекрасную Оду. «Гдѣ Роландъ», говоритъ она: «Роландъ полководецъ, обѣщавшій сдѣлать меня своею женою»? Эти

слова пробуждают смертельную тоску Карла; онъ плачетъ горькими слезами.

«Милое дитя мое»! говоритъ онъ:—«нѣтъ болѣе того, о комъ ты спрашиваешь! Но я дамъ тебѣ, вмѣсто него, достойнаго супруга; лучше Людовика я не могу тебѣ назвать; онъ мой сынъ; ему останется мое царство»! — «Странныя слова»! говоритъ она: «Да не попуститъ ни Богъ, ни святые, ни ангелы Его, чтобъ по смерти Роланда Ода оставалась въ живыхъ»! Съ этимъ словомъ она блѣднѣетъ и падаетъ у ногъ Карла. Она умерла! да помилуетъ ее Богъ!

Перы собрались. Ганелонъ предстаетъ предъ нихъ; онъ хитро защищается: «Я отомстилъ за себя», говоритъ онъ: «но не измѣнилъ»! Судьи переглядываются между собою и склоняются къ милосердію. «Государь», говорятъ они: — «оставь его жизнь, онъ благородный рыцарь, смерть его не возвратитъ тебѣ Роланда». Карлъ говоритъ имъ: «Всѣ вы мнѣ измѣняете»! — «Государь»! восклицаетъ одинъ изъ перовъ, Тьери, братъ Готфрида Анжуйскаго: «Я обвиняю Ганелона, я называю его измѣнникомъ и вѣроломнымъ, я присуждаю его къ смерти. Если у него есть другъ или родственникъ, не признающій этого, то у меня есть мечъ отвѣчать ему».

Тотчасъ Пинобель, другъ Ганелона, смѣлый, ловкій и сильный, принимаетъ вызовъ. Императоръ повелѣваетъ вступить въ бой.

Оба противника, принявъ исповѣдь, отпущеніе и благословеніе, отслушавъ обѣдню, и взявъ въ руки мечи, выступаютъ въ бой, на лугу, у воротъ Ахена. Богъ одинъ знаетъ конецъ битвы.

Пинобель побѣжденъ и предъ Божіимъ приговоромъ преклоняются бароны; всѣ они говорятъ императору: «Ганелонъ долженъ умереть»! Ганелонъ умираетъ смертью измѣнниковъ: его четвертуютъ.

Потомъ императоръ собираетъ епископовъ. «Въ моемъ домѣ», говоритъ онъ: — «одна благородная плѣнница многому научилась изъ проповѣдей и примѣровъ и желаетъ увѣровать въ истиннаго Бога: крестите ее». Это—королева Испанская; ее крестятъ подъ именемъ Юліаны; она стала христіанкой отъ искренняго сердца.

День уходитъ; ночь покрываетъ землю; ангелъ, знакомый Карлу по прежнимъ видѣніямъ, нисходитъ къ его изголовью и говоритъ: «Карлъ! иди къ городу, осажденному язычниками! Христіане громко призываютъ тебя»!

«Что за тяжкій трудъ—жизнь моя»! восклицаетъ императоръ.—

Примѣч. — «Этимъ оканчивается разсказъ, писанный *Турольдомъ*. Эта поэма имѣетъ особое значеніе, выходящее изъ общаго разряда между извѣстными до сихъ поръ произведеніями средневѣковой поэзіи. Величіе колорита, вѣрность красокъ, сила впечатлѣнія, глубина чувства ставятъ «Пѣснь о Роландѣ» на ряду съ превосходнѣйшими произведеніями эпической поэзіи. Есть ли другая поэма, въ которой бы единство дѣйствія было соблюдено въ такой сте-

пени, такъ строго подчинено одному плану, развито въ такомъ порядкѣ и ясности?

«Во всѣхъ средневѣковыхъ поэмахъ содержаніе — чистый вымыселъ. Если даже дѣйствующія лица носятъ историческія имена, похожденія ихъ вымышлены. Мѣстная баснословная легенда почти всегда даетъ основную идею поэмы, и поэтъ, развивая ее, не дѣлаетъ ни малѣйшаго усилія, чтобъ придать ей видъ правды; онъ еще прибавляетъ къ невѣроятностямъ преданія. Пѣснь о Роландѣ, напротивъ, основана на истинномъ событіи и не отдаляется отъ него. Исторія, конечно, въ ней обезображена, или, точнѣе говоря, исторія вовсе въ ней не проявляется; она уступаетъ мѣсто легендѣ, но сущность событія сохранена. Нѣтъ ничего справедливѣе Ронсевальскаго пораженія. *Эгингардъ* говоритъ: «Всѣ Французы, участвовавшіе въ битвѣ, погибли до одного». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Это несчастіе отравило въ сердцѣ Карла всѣ побѣды, одержанныя имъ въ Испаніи». Значитъ это было настоящимъ пораженіемъ, единственнымъ, какое претерпѣлъ этотъ великій императоръ впродолженіе сорока шестилѣтняго царствованія. Понятно, что впечатлѣніе было глубоко; оно сдѣлалось неизгладимымъ, когда, по странной случайности, спустя полвѣка, была въ свою очередь разбита, въ тѣхъ же самыхъ ущельяхъ, армія Людовика Благочестиваго, одного изъ сыновей Карла Великаго. Воображеніе западныхъ народовъ изъ этихъ двухъ катастрофъ вскорѣ сдѣлало одну, и мало по малу, въ два вѣка тьмы и невѣжественной простоты, всѣ дополнительныя обстоятельства первобытнаго событія перешли въ потомство искаженными. Но что за дѣло до того, что Карлъ является въ Испанію двадцатью годами ранѣе, облеченнымъ въ императорскую мантію, что едва тридцати пяти лѣтъ его представляютъ намъ сѣдовласымъ патріархомъ, — что болѣе чѣмъ сомнительное родство соединяетъ его съ однимъ изъ сражавшихся, съ тѣмъ, въ которомъ легенда олицетворила героизмъ этого мрачнаго дня? Какое дѣло до того, что Гасконскіе горцы, виновники вѣроломной засады, замѣнены Сарацинами, и что, вмѣсто предводителя ихъ Лупа, герцога Гасконскаго, поэма выводитъ два лица: короля Марсиля и измѣнника Ганелона?

«Любовь и война, какъ извѣстно, любимые и непремѣнные сюжеты каждой средневѣковой поэмы. Въ самомъ жару битвы сражающіеся думаютъ о дамахъ своего сердца, и умираютъ, воспѣвая ихъ красоту. Рыцарская любезность — душа этой поэзіи: отъ нея проистекаютъ тѣ безчисленные эпизоды, которымъ нѣтъ конца, но гдѣ часто являются самыя свѣжія, самыя привлекательныя сцены. Въ Пѣснѣ о Роландѣ нѣтъ ни одной сцены любви, ни одного слова нѣжности; нѣсколько стиховъ едва говорятъ намъ, что Роландъ любилъ; онъ любитъ, но не говоритъ объ этомъ. Какая другая поэма написана единственно съ цѣлью обезсмертить несчастіе? Всѣ онѣ воспѣваютъ счастливое мужество, утѣхи, побѣды, эта же — пораженіе и смерть. Древняя муза ни разу не позволила себѣ прославлять несчастія отчизны. Ѳермопилы не имѣли своего Гомера; Римъ только оплакалъ своихъ трехсотъ Фабіевъ; никогда Виргилій не думалъ посвящать имъ стиховъ. Чтобъ поэзія рѣшалась избрать такіе предметы, надо, чтобъ свѣтъ христіанства озарилъ вселенную и чтобъ лучи его упали на прямыя и простыя сердца, знающія цѣну земнымъ побѣдамъ и убѣжденныя, что слава воина меркнетъ предъ славою мученика. Это единство дѣйствія, это краткое и простое изложеніе историческаго сюжета, національнаго и религіознаго, это высокое и серьезное умѣнье вызывать воспоминанія, объяснять чувства, возбуждать вѣру цѣлаго народа — не первыя ли условія и основанія эпическаго рода поэзіи? А если отъ цѣлой поэмы мы переходимъ къ частностямъ: сколько проявляется въ ней другихъ

признаковъ эпопеи! Эти описанія, сдѣланныя широкими, быстрыми, поразительными, краткими, схваченными будто на лету чертами, эта простота, всегда соединенная съ величіемъ и составляютъ настоящую эпопею; только одного звучнаго, стройнаго языка не достаетъ Пѣсни о Роландѣ. Недостатокъ этотъ исчезаетъ, или скорѣе забывается въ минуты вдохновенія. Когда мысль поэта трогаетъ насъ своимъ величіемъ, кто станетъ разбирать тогда, въ какія формы она облечена?

«Но вскорѣ, не будучи поддержано могуществомъ слога, вдохновеніе ослабляется, мысль бѣднѣетъ, поэзія исчезаетъ. Эти богатыя сравненія, эти широкія развитія картинъ, которыми славится Гомеръ, которыя обстанавливаютъ и украшаютъ менѣе блестящія части поэмъ его, можно ли требовать подобныхъ картинъ отъ бѣднаго Турольда?

«Всегда найдутся люди, вооруженные маленькимъ циркулемъ, которые въ самомъ чудномъ храмѣ не позволятъ себѣ удивляться ему, потому что какой-нибудь орнаментъ, какой-нибудь базисъ колонны не подходитъ подъ тѣ законы архитектуры, которые они изучали. Но есть и такіе люди, которые, пренебрегая этими мелочами, для того, чтобъ удивляться прекрасному, обращаются только къ своему личному впечатлѣнію. Гомеръ, говорившій еще за четыре вѣка языкомъ Софокла, кромѣ того, зналъ все, что знали семь мудрецовъ, взятые вмѣстѣ. Нашъ поэтъ не знаетъ ничего; ни слова изъ хронологіи, еще менѣе изъ географіи; но онъ знаетъ сердце человѣческое, знаетъ его до глубины, знаетъ сокровеннѣйшіе его изгибы; онъ лучше ученаго умѣетъ обрисовать характеръ. Доказательствомъ этому лице Роланда — этотъ живой образъ, который въ чертахъ одного человѣка показываетъ намъ черты цѣлаго народа; Роландъ — это Франція, это ея слѣпое и пылкое мужество. Азенкуръ и Пуатье, также, какъ Ронсеваль подтверждаютъ намъ эту черту сходства Франціи съ Роландомъ». (От. Зап. 1853 года, № 1).

Превосходное, истинно-поэтическое предисловіе и изслѣдованіе объ этомъ важномъ памятникѣ средневѣковой поэзіи находится въ сочиненіи *В. Гримма*: «*Ruolandslied*». Средневѣковая Германская литература обстоятельно разобрана въ трудѣ *Гёдеке* «Deutsche Dichtung im Mittelalter von Karl Goedeke»: тутъ и прекрасно составленная хрестоматія. — Памятникомъ средневѣковаго Германскаго народнаго эпоса служитъ знаменитая поэма «Нибелунги». Разборъ ея: *Карлейля* въ Биб. для Чтенія 1857, № 1. — *Водовозова* въ Разсвѣтѣ 1861, № 1, — неизвѣстнаго автора въ Москвитянинѣ 1853, № 3. — Памятникъ Британскаго народнаго средневѣковаго эпоса — преданія объ Артурѣ и его кругломъ столѣ. Объ Артурѣ и вообще о древнемъ Французскомъ эпосѣ см. изслѣдованія *Фердинанда Вольфа*, *Гёреке*, *Вильмарке*; наприм. Poëmes des Bardes Bretons, Les Romans de la Table Ronde. — Памятникомъ Испанскаго народнаго средневѣковаго эпоса служитъ Поэма о Сидѣ. Романсы о Сидѣ въ соч. *Жуковскаго*. Т. V. Испанскій эпосъ въ соч. *Грановскаго*. —

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

(Данте).

Біографія Данте. — «Исторія жизни Данте (1265—1321) глубоко-трогательна, говоритъ *Карлейль*. Простой, бездомный скиталецъ, терзаемый скорбію человѣкъ. Его портретъ — самое трогательное лице. Одно только лице, на тем-

номъ, пустомъ фонѣ, съ простымъ лавромъ вокругъ головы; безконечное горе и скорбь. Въ основѣ его — мягкость, нѣжность, крѣпкая любовь какъ у дитяти; но все это сжалось въ самоотреченіе, въ одиночество, въ гордое, безнадежное горе. Губы сжаты, словно отъ какого-то возвышеннаго презрѣнія къ тому, что гложетъ его сердце, какъ къ чему-то пошлому, ничтожному».

Данте родился во Флоренціи, въ высшемъ сословіи. Воспитаніе его, по тогдашнему времени, было отличное: много школьной учености, логика Аристотеля, нѣкоторые Латинскіе классики, довольно значительныя свѣдѣнія въ иныхъ предметахъ. Въ жизни онъ шелъ обыкновеннымъ путемъ: былъ два раза солдатомъ въ войнахъ Флорентинской республики, пріоромъ высшаго правленія во Флоренціи, нѣсколько разъ посланникомъ.

Флоренція во времена Данте была раздираема партіями: Гвельфы и Гибеллины враждовали между собою; ихъ споры оканчивались ужасными кровопролитіями. Одерживавшая верхъ партія жестоко мстила своимъ врагамъ. Данте испыталъ это на себѣ. Поэтъ былъ посланникомъ въ Римѣ (онъ хлопоталъ передъ папою Бонифаціемъ VIII о томъ, чтобъ онъ не помогалъ Донати, предводителю партіи *черныхъ*, овладѣть Флоренціею), когда противная партія вторглась во Флоренцію и осудила его на вѣчное изгнаніе. Ему запрещено было вступать въ родной городъ: въ противномъ случаѣ угрожали сжечь живаго. Отсюда начинается скитальническая жизнь поэта: онъ повременно находился въ Сіеннѣ, Ареццо, Болоньи и Веронѣ. Данте опечаливало положеніе жены и дѣтей, покинутыхъ во Флоренціи. Семейство вело самую бѣдственную жизнь: чтобы не умереть съ голоду, оно должно было работать изъ-за куска хлѣба. Находясь въ изгнаніи, Данте написалъ три книги «De Monarchia». Это сочиненіе едва не подвергло костей Данте ужасной судьбѣ: ихъ хотѣли вырыть изъ могилы и сжечь, какъ еретика. Въ 1315 году Данте вторично приговорили къ вѣчному изгнанію. Онъ умеръ въ Равеннѣ.

Еще въ дѣтствѣ, познакомился онъ съ Беатриче, — дѣвочкой одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ и званія (поэту пошелъ девятый годъ тогда), часто видалъ ее потомъ, но въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи. Скоро они разлучились: она вышла за другаго, потомъ умерла. Ея образъ всю жизнь занималъ Данте. Вотъ что говоритъ проф. *Кудрявцевъ* объ этой высокой, безпримѣрной любви Данте: «Данте на 9 году увидѣлъ Беатриче и предался ей. На 18 году еще встрѣтились, она ему поклонилась и онъ воскресъ. Любовь Данте была то самое чувство, которое впервые сказалось въ Провансальской поэзіи и наполняло собою почти все ея содержаніе; это была та идеальная любовь, которая обыкновенно разрѣшалась поэтическими звуками и скоро переходила въ обожаніе женщины. Въ ней выразилось идеальное стремленіе вѣка; она служила ему источникомъ высокаго вдохновенія и во многихъ случаяхъ замѣняла недостатокъ твердыхъ нравственныхъ началъ въ жизни. Данте былъ истинный сынъ своего вѣка. Развитіе чувствъ Данте къ Беатриче совершилось подъ вліяніемъ современной поэзіи. Служеніе женщинѣ, а не обладаніе ею, было крайнею цѣлію поэзіи тогдашней. Какая бы перемѣна ни произошла во внѣшней судьбѣ «избранной», она стояла одинаково высоко въ глазахъ того, кто однажды посвятилъ себя на служеніе ей. Таковъ и былъ Данте въ отношеніи къ своей Беатриче. Онъ все таки любилъ ее, хотя она вышла уже замужъ. Беатриче была не только самою яркою звѣздою его юности, но и возбудительницею его къ «новой жизни». Скажемъ больше: на ней именно нѣкоторое время сосредоточена была вся его жизнь, ибо около нея постоянно обращалась его мысль, какъ ею неизмѣнно было занято его сердце. Потому забылъ Данте о праздникахъ Флорентинскихъ, открывшихся въ самый

годъ торжества Гвельфовъ надъ Гибеллинами, когда его постигли двѣ чувствительныя потери: сначала умеръ отецъ Беатриче, а вскорѣ потомъ и она послѣдовала за нимъ въ могилу. Для Данте не могло быть болѣе жестокаго лишенія. Когда уже Беатриче не существовала, поэтъ продолжалъ еще обращаться къ ней мысленно. Смерти Беатриче предшествовало видѣніе, которое такъ поразительно описываетъ Данте. Казалось поэту, что и солнце померкло и надъ головою Данте замерцали звѣзды, но такимъ блѣднымъ свѣтомъ, что будто и онѣ оплакивали чью-то смерть. Страхъ объялъ его душу, когда послышался чей-то дружескій голосъ, говорившій ему: знаешь ли ты, что твоя чудная дама покинула свѣтъ? При этихъ словахъ горячія слезы полились изъ глазъ поэта. Сердце говорило: да, она умерла. Я пожелалъ видѣть тѣло, въ которомъ обитала эта благородная душа и увидѣлъ ее во гробѣ; кругомъ ея стояли подруги и набрасывали бѣлое покрывало на лице ея, въ которомъ казалось было написано: «для меня наступило время покоя». Смиряясь передъ видомъ смерти, Данте и самъ сталъ призывать ее себѣ на помощь, чтобы соединиться съ тою, которая для него не существовала болѣе. «О, сладкая смерть, говоритъ онъ, — приди ко мнѣ, не будь жестокою; ты видишь, что я ищу тебя и уже ношу твой цвѣтъ на себѣ».

Послѣ смерти Беатриче, Данте думалъ, что съ нею все потерялъ въ мірѣ. Какъ на осиротѣлую вдову, смотрѣлъ онъ на Флоренцію: «какъ скоро не стало этой благородной дамы, говоритъ онъ простою прозаическою рѣчью,— весь городъ какъ будто осиротѣлъ, лишившись лучшаго своего украшенія». Наконецъ время взяло свое; Данте сталъ хладнокровнѣе къ горю своему, но не къ Беатриче и обѣщался болѣе не говорить о Беатриче въ своихъ канцонахъ: «я надѣюсь, продолжаетъ онъ,—прославить Беатриче, какъ не была еще прославлена ни одна женщина въ мірѣ».

«И, дѣйствительно, въ «Божественной Комедіи» онъ изобразилъ намъ неизгладимыми чертами Беатриче».

Содержаніе и значеніе поэмы Данте. — «Божественная Комедія» Данте, по словамъ Карлейля, самая замѣчательная книга изъ всѣхъ книгъ новаго міра. Онъ сочинялъ ее въ изгнаніи. Трудъ писанья былъ, кажется, тяжелъ для него; онъ говоритъ: «книга эта меня много лѣтъ изнуряла». «Божественная Комедія»—вся исторія Данте. Данте умеръ, когда окончилъ ее,—умеръ, какъ пишутъ, отъ разрыва сердца....

«Божественная Комедія» состоитъ изъ 100 пѣсенъ. Три царства—Inferno, Purgatorio, Paradiso — Адъ, Чистилище и Рай — описываются въ этой поэмѣ. («Адъ» оконченъ въ 1308 году; по напечатаніи его, поэтъ не замедлилъ издать Чистилище и Рай). Она глубоко проникала въ сердца современниковъ. Народъ, встрѣчая Данте на улицѣ, обыкновенно говорилъ: «вотъ человѣкъ, который былъ въ аду». Загаръ его лица, курчавые волосы, печальный и мрачный видъ — все служило для современниковъ доказательствомъ, что это — слѣды адскаго пламени, дыма и мученій. Тѣхъ, кого онъ заживо помѣстилъ въ «Адъ», считали ужъ мертвыми. О нихъ говорили, что только дьяволъ оживляетъ ихъ бездушные трупы; знакомые, друзья, родные бѣжали отъ нихъ, какъ отъ отверженныхъ.

Твореніе Данте — душа среднихъ вѣковъ; въ немъ выражены всѣ убѣжденія и вѣрованія тогдашней католической Европы.

«Адъ» Данте имѣетъ видъ конуса, въ которомъ—девять круговъ. Въ каждомъ кругу, по роду преступленій, мучатся грѣшники. На вратахъ ада написано:

«Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Оставь надежду всякъ, сюда идущій».

Первый кругъ ада составляютъ умершіе до крещенія младенцы и добродѣтельные язычники: Гомеръ, Гекторъ; во второмъ встрѣчаетъ Данте адскаго судію Миноса, котораго тѣло оканчивается змѣинымъ хвостомъ. Здѣсь находятся души преданныхъ чувственнымъ страстямъ—Дидона, Семирамида. Клеопатра, Ахиллесъ, Парисъ. Они испытываютъ страшное мученіе: среди вѣчнаго мрака неистовый вихрь носитъ ихъ во всѣ стороны со скалы на скалу. Въ третьемъ кругу, подъ вѣчнымъ градомъ и дождемъ, страдаютъ души чревоугодниковъ; въ четвертомъ мучатся скупые и расточители: здѣсь много папъ и кардиналовъ; въ пятомъ находятся души тѣхъ, которыхъ грѣхи происходили отъ гнѣва и мстительности. Въ шестомъ Данте представляется необозримое поле, изрытое могилами, въ которыхъ и между которыми вылаетъ пламя: тутъ наказываются ересіархи. Здѣсь Эпикуръ, умерщвляющій душу вмѣстѣ съ тѣломъ, папа Анастасій и нѣсколько Флорентинцевъ. Въ седьмомъ передъ глазами Данте открывается необозримая и безплодная степь, горячіе пески которой вѣчно раскаляются огнемъ, падающимъ на нихъ длинными полосами. Грѣшники образуютъ изъ себя разныя группы: одни лежатъ навзничь — это богохулители: другіе сидятъ скорчившись — это ростовщики. Осьмой кругъ дѣлится на девять рвовъ. Въ третьемъ Данте видитъ людей, производившихъ симонію (продажу духовныхъ даровъ) и здѣсь болѣе всѣхъ страдаетъ папа Николай III, ибо онъ только обогащалъ своихъ родственниковъ. Девятый кругъ — самая глубь бездны адской. Здѣсь всѣ адскія рѣки сливаются въ ледяное море, служащее мѣстомъ мученія измѣнниковъ. Тутъ Данте видитъ графа Уголино, который, пожираемый голодомъ, грызетъ голову архіепископу Руджіери и наконецъ—Іуду-предателя съ Брутомъ и Кассіемъ, которыхъ Люциферъ дробитъ зубами. Грѣшники девятаго круга, затертые льдомъ, лежатъ въ разныхъ положеніяхъ.

Карлейль говоритъ: «Поэма отличается великою силою зрѣнія; Данте уловляетъ существенный типъ каждой вещи. Вотъ представляется намъ адскій городъ Дисъ: раскаленныя желѣзныя башни, рдѣющія въ безпредѣльномъ мракѣ; бѣшеный Плутусъ съ раздутой пастью падаетъ отъ укора Виргилія, какъ «падаютъ надутые вѣтромъ паруса, когда вдругъ переломится мачта»; или бѣдный Брунетто Латини (учитель Данте, одинъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени) со своимъ поджареннымъ лицемъ, сморщеннымъ и высохшимъ и «огненный снѣгъ», который тамъ падаетъ на нихъ, «огненный снѣгъ безъ вѣтра», падающій тихо, нескончаемо; или крыши у этихъ могилъ: четырехъугольные саркофаги, въ безмолвномъ, мрачномъ, раскаленномъ пространствѣ, и въ каждой могилѣ душа въ мукахъ; крыши приподняты: въ день страшнаго суда онѣ упадутъ и закроютъ гробы на вѣчность. Во всемъ этомъ отражается подвижная, огненная натура человѣка съ ея нѣмымъ, блѣднымъ бѣшенствомъ. Живопись Дантовская, будучи изобразительна, въ то же время благородна во всѣхъ отношеніяхъ. Франческа и ея возлюбленный! Чего нѣтъ въ этомъ образѣ! Словно сотканъ онъ изъ цвѣтовъ радуги на фонѣ вѣчнаго мрака. Тихимъ звукомъ флейты, исполненнымъ безконечной жалобы, льется онъ въ самую внутренность нашего сердца. Эта глубокохудожественная черта, вслѣдствіе которой Франческа даже на мѣстѣ мученія все утѣшеніе получаетъ въ томъ, что *онъ* никогда не разлучится съ нею. Странно, когда подумаешь, что Данте былъ пріятелемъ отца этой Франчески, что сама она, можетъ быть, свѣтлымъ милымъ ребенкомъ сиживала на колѣ-

ніяхъ поэта! Безконечное сострадание, но и безконечная строгость закона: такова во всемъ природа. Въ мірѣ нѣтъ любви, равной любви Данте. Его стремленія къ своей Беатриче, ихъ встрѣча въ Paradiso, его долгій взоръ въ ея чистыя, просвѣтленныя очи—все это чистѣйшее выраженіе любви, можетъ быть, какое изливалось изъ души человѣка».

«Чистилище» — символъ Римско-католическихъ понятій того времени. Если грѣхъ (продолжаемъ словами Карлейля) ведетъ за собою такія роковыя послѣдствія, если адъ такъ ужасенъ, однакожъ и раскаяніе — великій христіанскій подвигъ. Какъ превосходно Данте изображаетъ это трепетаніе морскихъ волнъ при первомъ чистомъ лучѣ утра, отблескъ котораго вдали отражается на двухъ странникахъ (на Данте и Виргиліи). Показалась надежда, никогда не умирающая надежда. Мрачный вертепъ демоновъ и отверженныхъ находится подъ ними: тихіе вздохи раскаянія восходятъ все выше и выше, до самаго престола Милосердія. «Молись за меня», говорятъ Данте обитающіе на горѣ страданія: «скажи моей Джіованнѣ, чтобъ молилась за меня—моей дочери Джіованнѣ: я думаю, мать ея уже не любитъ меня». Съ усиліемъ цѣпляясь, взбираются кающіеся по этимъ извилистымъ крутизнамъ, согбенные, иные почти придавленные «грѣхомъ гордости»; но пройдутъ года и тысячелѣтія и они, по Римско-католическимъ понятіямъ, достигнутъ вершины, гдѣ врата Неба и Милосердіе примутъ ихъ. У Данте радость общая, когда кто достигнетъ вратъ сихъ; вся гора потрясается отъ радости, поднимается гимнъ хвалебный, когда душа, исполнившая покаяніе, отрѣшается наконецъ отъ грѣха и муки.» Въ «Чистилищѣ» видитъ Данте благородное лице Катона, кающихся императоровъ Рудольфа, Филиппа смѣлаго и Оттокара Богемскаго, — видитъ свѣтлаго ангела, перевозящаго души на лодкѣ по озеру, слышитъ пѣсни Козелло (учителя музыки). Описаніе странствованій поэта отъ подошвы горы покаянія до вратъ рая представляетъ живую картину современныхъ нравовъ и жизни первыхъ императоровъ Габсбургскаго дома.

Является Беатриче, т. е. сама благодать (а по другимъ, Богословіе) и вводитъ Данте въ «Рай». Ведомый ею, поэтъ восходитъ отъ планеты къ планетѣ, отъ неба къ небу и достигаетъ до крайнихъ предѣловъ вселенной. Здѣсь въ первый разъ онъ видитъ славу Спасителя, Дѣвы Маріи и рядъ Апостоловъ, патріарховъ, пророковъ. Потомъ онъ приближается къ центру вселенной и напутствуемый Богородицею созерцаетъ славу Пресвятой Троицы.

«Божественная Комедія» можетъ быть названа превосходнѣйшей эпопеей всей средневѣковой Европы. Въ ней отразилась современная поэту жизнь западной Европы, существеннѣйшіе вопросы ея политическаго бытія, все богатство религіознаго, умственнаго и нравственнаго ея развитія. Въ ней Данте разрѣшаетъ самый важный вопросъ современной ему политики — вопросъ объ отношеніи власти папы къ императорамъ. Отъ первой онъ домогался храненія чистоты нравовъ въ Италіи, а отъ вторыхъ—поддержки справедливаго управленія. Этой мысли Данте не терялъ при описаніи самыхъ фантастическихъ картинъ ада и рая. Тамъ на ряду съ мятежникомъ противъ Бога, Іудой Искаріотскимъ, мучатся мятежники противъ имперіи — Брутъ и Кассій, убійцы перваго цезаря Римскаго; здѣсь первообразомъ рая представленъ орелъ — символъ имперіи.

Карлейль пишетъ: «Inferno, Purgatorio, Paradiso — суть символы, образное символическое представленіе вѣрованій Данте о дѣйствительности невидимой. Это самое возвышенное воплощеніе средневѣковыхъ вѣрованій. Въ могучихъ образахъ поэма представляетъ намъ, какъ католическій Данте понималъ до-

бро и зло за двѣ противоположныя стихіи этого творенія; понималъ, что оба эти начала не на столько различаются между собою, чтобы можно было предпочесть одно другому, но что онѣ безъ всякаго изъятія навсегда и безконечно несовмѣстны одно съ другимъ, что одно высоко и прекрасно, какъ свѣтъ и небо, другое темно, какъ геенна, какъ бездна ада».

«Божественная Комедія» поразила, какъ уже сказано, изумленіемъ современниковъ. По смерти поэта, она еще болѣе стала славиться. Списки поэмы размножились, явилось множество толкованій на ея тѣмныя мѣста; во Флоренціи и Болоньи учреждены были отдѣльныя каѳедры для объясненія «Божественной Комедіи».

Сочиненія и статьи о Данте.— Кромѣ *Гёте* и *Шиллера*, едва ли какой-нибудь писатель вызвалъ столько комментаріевъ, какъ Данте; — и лучшія сочиненія принадлежатъ Германіи: имена *Шлоссера*, *Витте* и *Филалета* навсегда соединились со всякимъ дѣльнымъ изученіемъ Итальянскаго поэта. *Бланъ* издалъ цѣлый словарь для сочиненія Данте — Vocabolario Dantesco — въ которомъ объясняетъ слова на Франц. языкѣ. Превосходная книга о жизни и твореніяхъ Данте, въ которой поэтъ вводится въ рядъ историческихъ явленій, издана проф. *Вегеле*, въ Іенѣ, *Wegele:* Dante's Leben und Werke.—Въ 1853 г. вышла первая часть сочиненія доктора *Рута* «Добавленія и объясненія къ Божественной Комедіи». (Ein Beitrag zum Verständniss der göttischen Komödie, von Dr. Emil Ruth). Сначала онъ собралъ всѣ мѣста изъ сочиненія Данте, въ которыхъ мысль писателя совершенно ясна, а потомъ уже раскрылъ то, что таится въ «Божественной Комедіи» подъ покровомъ аллегоріи.

О Данте на Русскомъ языкѣ.—Данте Алигіери. *Лоренца*. Журн. М. Народ. Просвѣщ. 1835. Май. — Дантъ и его вѣкъ. *Шевырева*. Уч. Зап. Москов. Унив., № V—XI. — Данте Алигіери. Журналъ для Дѣтей 1855, стр. 707 — 721. — Данте Алигіери. Библіот. для Чтенія 1852. Т. 114, № 8. — Дантъ, его вѣкъ и жизнь. *Кудрявцева*. Отеч. Зап. 1855, № 5 и 6, — 1856, № 3. — Данте. *Гартвига Флото*. От. Зап. 1859, № 7. — Дантъ. *Карлейля*, перев. *Боткина*. Соврем. 1856, № 1. — Теорія поэзіи. *Зеленецкаго*. Стр. 123 и д. — Курсъ Исторіи поэзіи. *Линниченко*. Стр. 73 и д. — Исторія литературы. *Милюкова*. Спб. 1863. Т. II, книга 2, вып. I, стр 12—152. Здѣсь статья о Данте составляетъ большую часть всего выпуска.—«Адъ» перевелъ Д. *Минъ*. М. 1855. — Нѣкоторыя пѣсни «Божественной Комедіи» перевелъ *Фанъ-Димъ*.

Примѣч. — Среди междоусобій Италіи распространился слухъ о концѣ міра, о мукахъ грѣшниковъ въ аду: отчасти это настроеніе умовъ, а болѣе всего, быть можетъ, примѣръ Виргилія, который изобразилъ въ Энеидѣ сошествіе Энея во адъ и свиданіе съ родными, навели Данте на мысль изобразить загробный міръ. Комедіею назвалъ поэтъ свое произведеніе на томъ основаніи, что она написана народнымъ языкомъ и хотя имѣетъ начало мрачное, но окончаніе свѣтлое и радостное. Потомство, желая выразить самымъ заглавіемъ геніальность творенія, назвало его «Божественною Комедіею (Divina Comedia)» [1]).

---

[1]) *Лагарпъ* называлъ поэму Данте «безобразной рапсодіей», а *Вольтеръ* — «глупой варварской шуткой».

Входъ въ Адъ.

Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь мною входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.
Подвигнутъ правдой вѣчный Зодчій мой:
Господня сила, разумъ всемогущій
И первыя любовь духъ святой
Меня создали прежде твари сущей,
Но послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ.
Оставь надежду всякъ, сюда идущій!
Въ такихъ словахъ, имѣвшихъ темный цвѣтъ,
Я надпись зрѣлъ надъ входомъ въ область казни
И рекъ: «Жестокъ мнѣ смыслъ ея, поэтъ!»
И какъ мудрецъ, вѣщалъ онъ, полнъ пріязни:
«Здѣсь мѣста нѣтъ сомнѣньямъ никакимъ,
Здѣсь да умретъ вся суетность боязни.
Вотъ край, гдѣ мы, какъ я сказалъ, узримъ
Злосчастный родъ, утратившій душою
Свѣтъ разума со благомъ пресвятымъ».
И длань мою пріявъ своей рукою,
Лицемъ спокойнымъ духъ мой ободрилъ
И къ тайнамъ пропасти вступилъ со мною.
Тамъ въ воздухѣ без солнца и свѣтилъ
Грохочатъ въ безднѣ вздохи, плачъ и крики,
И я заплакалъ, лишь туда вступилъ.
Смѣсь языковъ, рѣчей ужасныхъ клики,
Порывы гнѣва, страшной боли стонъ
И съ плескомъ рукъ то хриплый гласъ, то дикій,
Раждаютъ гулъ, и въ вѣкъ кружится онъ
Въ пучинѣ, мглой безъ времени покрытой,
Какъ прахъ, когда крутится аквилонъ.
И я, взглянувши, знамя тамъ узрѣлъ:
Оно, бѣжа, взвивалося такъ сильно,
Что, мнилось, отдыхъ — не ему въ удѣлъ.
За нимъ бѣжалъ строй мертвыхъ столь обильный,
Что вѣрить я не могъ, чтобъ жребій свергъ
Такое множество во мракъ могильный.
И я, узнавъ тамъ нѣкоторыхъ, вверхъ
Взглянулъ и видѣлъ тѣнь того, который
Изъ ярости великій даръ отвергъ [1]).

---

[1]) *Тѣнь кого-то.* Комментаторы угадываютъ въ ней—то Исава, уступившаго брату своему Іакову право первородства; то императора Діоклетіана, который въ ста-

Презрѣнный родъ [1]), не жившій никогда,
Нагой и блѣдный, былъ язвимъ роями
И мухъ и осъ, слетающихъ туда.
По лицамъ ихъ катилась кровь струями,
И, смѣшана съ потокомъ слезъ въ пыли,
У ногъ съѣдалась гнусными червями.
И я, напрягши зрѣніе, вдали
Узрѣлъ толпу на берегу великой
Рѣки и молвилъ: «Вождь, благоволи
Мнѣ объяснить: что значитъ сонмъ толикой,
И что влечетъ его со всѣхъ сторонъ,
Какъ вижу я сквозь мракъ, въ долинѣ дикой?»
— «О томъ узнаешь», отвѣчалъ мнѣ онъ,
Когда достигнемъ берега крутова,
Гдѣ разлился болотомъ Ахеронъ». —
И взоръ смущенный я потупилъ снова
И, чтобъ вождя не оскорбить, къ брегамъ
Рѣки я шелъ, не говоря ни слова.
И вотъ въ ладьѣ гребетъ на встрѣчу намъ
Старикъ суровый съ древними власами,
Крича: «О горе, злые, горе вамъ!
Здѣсь навсегда проститесь съ небесами:
Иду повергнуть васъ на томъ краю
Въ тьму вѣчную и въ жаръ и хладъ со льдами.
А ты, душа живая, въ семъ строю,
Разстанься съ этой мертвою толпою!»
Но увидавъ, что недвижимъ стою:
«Другимъ путемъ», сказалъ, «другой волною,
Не здѣсь, проникнешь ты въ печальный край:
Легчайшій челнъ помчитъ тебя стрѣлою».
И вождь ему: «Харонъ, не воспрещай!
Такъ *тамъ* [2]) хотятъ, гдѣ каждое желанье
Ужъ есть законъ: старикъ не вопрошай!»
Косматыхъ щекъ тутъ стихло колыханье [3])
У кормщика, но огненныхъ колесъ
Усилилось вокругъ очей сверканье.

рости сложилъ съ себя императорское достоинство; то папу Целестина V, который, по проискамъ Бонифація VIII, отказался въ пользу послѣдняго отъ папской тіары.

[1]) *Презрѣнный родъ.* Несмѣтная толпа людей ничтожныхъ, не дѣйствовавшихъ, не отличившихъ памяти своей ни добрыми, ни злыми дѣлами.

[2]) На небѣ.

[3]) Пластически-вѣрное изображеніе беззубаго старика, который, когда говоритъ, приводитъ въ сильное движеніе щеки и бороду.

Тутъ сонмъ тѣней, взволнованный хаосъ,
Въ лицѣ смутился, застучалъ зубами,
Едва Харонъ судъ грозный произнесъ, —
И проклиналъ родителей хулами,
Весь родъ людей, рожденья мѣсто, часъ
И сѣмя сѣмени съ ихъ племенами.
Потомъ всѣ тѣни, въ сонмъ единъ столпясь,
На взрыдъ взрыдали на брегу жестокомъ,
Гдѣ будетъ всякъ, въ комъ Божій страхъ угасъ.
Харонъ же, бѣсъ, какъ угль сверкая окомъ,
Маня, въ ладью вгоняетъ сонмъ тѣней,
Разитъ весломъ отсталыхъ надъ потокомъ.
Какъ осенью въ лѣсу кружитъ борей
За листомъ листъ, доколь его порывы
Не сбросятъ въ прахъ всей роскоши вѣтвей:
Подобно родъ Адамовъ нечестивый,
За тѣнью тѣнь, метался съ береговъ,
На знакъ гребца, какъ соколъ на призывы [1]).
Такъ всѣ плывутъ по мутной мглѣ валовъ,
И прежде чѣмъ взойдутъ на берегъ сонный,
На той странѣ ужъ новый сонмъ готовъ.
«Мой сынъ», сказалъ учитель благосклонный:
«Предъ Господомъ умершіе въ грѣхахъ
Изъ всѣхъ земель парятъ къ рѣкѣ бездонной
И чрезъ нее торопятся въ слезахъ;
Ихъ правосудье Божье побуждаетъ
Такъ, что въ желанье превратился страхъ.
Душа благая въ адъ не проникаетъ,
И если здѣсь такъ встрѣченъ ты гребцомъ,
То самъ поймешь, что крикъ сей означаетъ». —
Умолкъ. Тогда весь мрачный долъ кругомъ
Потрясся такъ, что хладный потъ донынѣ
Меня кропитъ, лишь вспомню я о томъ.
Промчался вихрь по слезной сей долинѣ,
Багровый лучъ сверкнулъ со всѣхъ сторонъ,
И, чувствъ лишась, въ отчаянной пучинѣ
Я палъ какъ тотъ, кого объемлетъ сонъ.

---

[1]) Подражаніе Виргилію, хотя Дантово сравненіе несравненно лучше:
Quam multa in silvis autumni frigore primo
Lapsa cadunt folia. Aeneid. VI, 309—310.

Уголино и Руджіери.

Въ ямѣ я узрѣлъ
Двоихъ замерзшихъ такъ, что покрываетъ
Глава главу — мученія предѣлъ.
И какъ голодный жадно хлѣбъ съѣдаетъ,
Такъ верхній зубы въ нижняго вонзалъ
У выи тамъ, гдѣ въ черепъ мозгъ вступаетъ.
Какъ Меналипповы виски глодалъ
Тидей, безумнымъ ослѣпленъ раздоромъ [1]):
Такъ этотъ грѣшникъ черепъ раздиралъ.
«О ты, который столь съ свирѣпымъ взоромъ
Грызешь главу сосѣду своему,
Скажи, за что»? спросилъ я, «съ уговоромъ,
Что если ты по праву мстишь ему,
То я, узнавъ о васъ, о вашей долѣ,
Предамъ его отзорному клейму,
Коль не отсохнетъ мой языкъ дотолѣ».
Уста подъялъ отъ мерзостнаго брашна
Сей грѣшникъ, кровь отеръ съ нихъ по власамъ
Главы, имъ въ тылъ изгрызенной такъ страшно,
И началъ онъ: «Ты хочешь, чтобъ я самъ
Раскрылъ ту скорбь, что грудь томитъ какъ бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ [2]).
Но коль слова мои должны быть сѣмя,

---

[1]) Тидей, одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы, былъ смертельно раненъ Меналиппомъ, которому онъ тоже нанесъ смертельную рану. Истекая кровью, Тидей просилъ принесть трупъ своего врага, и когда желаніе его было исполнено, онъ приказалъ отрубить ему голову и съ бѣшенствомъ началъ ее грызть. Паллада, вымолившая Тидею у Зевса безсмертіе, увидѣвъ это звѣрство, удалилась отъ него съ содроганіемъ.

[2]) Къ поясненію этого знаменитаго разсказа служитъ слѣдующее историческое событіе. 1288 года графъ Уголино, родомъ Гвельфъ, былъ капитаномъ и подестою въ республикѣ Пизѣ (подеста — собственно судебная власть). Гибеллины требовали, чтобы графъ взялъ въ товарищи своей власти архіепископа Руджіери, или кого другаго изъ ихъ вождей. Графъ не соглашался. Тогда Руджіери, — уже давно питавшій въ душѣ мщеніе къ графу за то, что графъ убилъ племянника архіепископа, — велѣлъ ударить въ набатный колоколъ, при крикахъ: *къ оружію!* Уголино тоже велѣлъ бить въ набатъ. Партіи имѣли стычку. Уголино былъ побѣжденъ и заключенъ съ своими сыновьями Гаддо и Угиччьоне и внуками Нино (Нино — племянникъ графа) въ башню. Пизанцы, не смотря на отчаянные крики заключенныхъ, велѣли запереть башню, а ключи бросить въ Арно. По прошествіи 8 дней, отворили башню и умершихъ голодною смертью похоронили съ оковами на ногахъ въ одномъ монастырѣ.

Чтобъ плодъ его злодѣю въ срамъ возникъ, —
И рѣчь и плачъ услышишь въ то же время.
Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!
Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ архіепископъ Руджіеръ,
И почему сосѣдъ мой, вотъ причина.
Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ лицемѣръ.
Но, выслушавъ, разсѣй свое сомнѣнье,
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни;
Потомъ суди: то было ль оскорбленье!
Печальное отверстье западни —
По мнѣ ей имя *Башня Глада* стало [1]):
Погибли въ мукахъ въ ней не мы одни! —
Семь разъ луны рожденье мнѣ являло [2])
Сквозь щель свою, какъ вдругъ зловѣщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало.
Приснилось мнѣ [3]): какъ вождь охоты, онъ
Гналъ волка и волчатъ къ горѣ, которой
Для Пизы видъ на Лукку загражденъ.
Со стаей псицъ, голодной, чуткой, скорой,
Гваландъ, Сисмонди и Ланфранкъ неслись
Предъ бѣшенымъ ловцомъ, въ погонѣ спорой.
По малой гонкѣ — мнѣ потомъ приснись —
Отецъ съ дѣтьми попалъ усталый въ сѣти
И псы клыками въ ребра имъ впились.
Проснулся я и слышу на разсвѣтѣ:
Мучительнымъ встревоженныя сномъ,
Рыдая громко, просятъ хлѣба дѣти.
Жестокъ же ты, когда ужъ мысль о томъ,
Что мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводить!

---

[1]) Мѣстность этой башни опредѣлена теперь довольно вѣрно: остатки ея и понынѣ еще видны въ одномъ зданіи, принадлежащемъ ордену Св. Стефано, въ Пизѣ.

[2]) Уголино оставался въ Башнѣ Голода съ августа 1288 по мартъ 1289; стало быть около семи мѣсяцевъ.

[3]) Этотъ сонъ Уголино есть предзнаменованіе близкой его смерти. Руджіери очень глубокомысленно представляется въ этомъ сновидѣніи какъ вождь и глава охоты; Сисмонди, Гваланди и Ланфранки, прочіе вожди Гибеллинской партіи, суть ловчіе, управляющіе псицами — чернью Пизы; волкъ съ волчатами очевидно Уголино съ дѣтьми.

Не плачешь здѣсь — ты плакалъ ли о комъ?
Ужъ мы проснулись; вотъ и часъ приходитъ,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ,
Но страшный сонъ въ сомнѣнье всѣхъ приводитъ.
Вдругъ слышу: сверху забиваютъ склепъ
Ужасной башни! Я взглянулъ съ тоскою
Въ лице дѣтей, безмолвенъ и свирѣпъ.
Не плакалъ я, окаменѣвъ душею;
Они жъ рыдали, и Ансельмій [1]) мой:
«Что смотришь такъ, отецъ мой? что съ тобою [2])»?
Я не рыдалъ, молчалъ я, какъ нѣмой
Весь день, всю ночь, доколѣ свѣтъ денницы
Не проблеснулъ на тверди голубой.
Чуть слабый лучъ проникъ во мглу темницы. —
Свое лице, ужасное отъ мукъ,
Я вмигъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшны лицы [3]),
И укусилъ я съ горя пальцы рукъ:
Они жъ, мечтавъ, что голода терзанье
Меня томитъ, сказали, вставши вдругъ:
«Отецъ! насыться нами: тѣмъ страданье
Намъ утолишь; одѣвъ дѣтей своихъ
Въ плоть бѣдную, сними съ нихъ одѣянье».
Я горе скрылъ, чтобъ вновь не мучить ихъ;
Два дни молчали мы въ темницѣ мертвой:
Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ!
Но только день лишь наступилъ четвертый,
Мой Гаддо [4]) палъ къ ногамъ моимъ, стеня:
«Да помоги жъ, отецъ мой!» и простертый,
Тутъ умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
Отъ пятаго и до шестаго дня

---

[1]) Ансельмій (Anselmuccio, ласкательное отъ Anselmo), одинъ изъ внуковъ Уголино.

[2]) Во всей этой сценѣ ужаса сыновья и внуки графа Уголино представляются намъ юношами и дѣтьми, а ниже прямо сказано, что они, по молодости лѣтъ своихъ, не могли быть причастны преступленію, въ которомъ обвиняли ихъ отца и дѣда. Между тѣмъ теперь доказано, что младшій изъ нихъ былъ женатъ во время этого событія. Но кто же упрекнетъ великаго художника въ томъ, что онъ пожертвовалъ историческою вѣрностью поэтической цѣли, которая только тогда и могла быть достигнута, когда мы убѣждены, что дѣйствующія лица не только невинны, но и неспособны къ преступленію? *Штрекфуссъ.*

[3]) Взглянувъ на искаженныя лица дѣтей своихъ, Уголино узнаетъ въ нихъ страшное изображеніе своего лица.

[4]) Гаддо одинъ изъ сыновьей Уголино.

Попадали. Ослѣпнувъ, на просторѣ
　　Бродилъ я три дни, мертвыхъ звалъ дѣтей [1]) ....
　　Потомъ.... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе [2])!»
Сказавъ, схватилъ съ сверканіемъ очей
　　Несчастный черепъ острыми зубами,
　　Что какъ у пса окрѣпли для костей [3]). —
Мы прочь пошли туда [4]), гдѣ, весь объятый
　　Тяжелымъ льдомъ, лежитъ не вверхъ спиной,
　　Но опрокинутъ навзничь, родъ проклятый.

[1]) И такъ Уголино умеръ на девятый день. Франческо де Бути повѣствуетъ, что двери башни отворили черезъ 8 дней.

[2]) Нѣкоторые комментаторы новѣйшаго времени (Розини, Карминьяно) старались объяснить этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что будто бы голодъ заставилъ наконецъ Уголино питаться трупами своихъ дѣтей. Куда ни заводитъ людей сильное желаніе блеснуть своимъ остроуміемъ! Съ какимъ изумительнымъ искусствомъ умѣлъ великій поэтъ остаться въ крайнихъ границахъ между ужаснымъ и отвратительнымъ: и вотъ теперь въ послѣднемъ стихѣ однимъ ударомъ уничтожаетъ въ насъ все участіе, которое до сего времени мы питали къ несчастному старцу! Въ грандіозномъ этомъ разсказѣ мы видимъ престарѣлаго отца, который, чтобъ не печалить дѣтей своихъ, великодушно скрываетъ въ сердцѣ мучительнѣйшую скорбь и молча сноситъ муки голода,—старца, который не прежде, какъ по смерти всѣхъ дѣтей своихъ и внуковъ, начинаетъ оглашать воздухъ темницы ихъ именами,—который, ослѣпнувъ отъ потери силъ, еще бродитъ по тѣламъ своихъ возлюбленныхъ: эта великодушная твердость, эта безпредѣльная любовь торжественно возстаютъ передъ нашими глазами и наполняютъ сердце наше чувствомъ неизъяснимаго умиленія, чувствомъ, уравновѣшивающимъ до нѣкоторой степени всѣ ужасы голодной смерти. Представьте же теперь, что отецъ рѣшается утолить свой голодъ трупами дѣтей своихъ, что старикъ вынужденъ голодомъ къ тому, что не входило въ голову даже его дѣтямъ, не смотря на то, что муки голода несравненно сильнѣе въ дѣтскомъ возрастѣ; представьте всю омерзительность такого поступка, и вы навѣрное съ отвращеніемъ и негодованіемъ закроете книгу. *Штрекфуссъ.*

[3]) Смыслъ этой группы слѣдующій: въ воображеніи Руджіери, какъ скоро пробудилась въ немъ совѣсть, безпрестанно рисуется ужасный образъ голоднаго Уголино; такъ равно и графъ Уголино вѣчно видитъ передъ очами ненавистную тѣнь своего предателя и вѣчно питаетъ къ ней только одно чувство: ненависть и жажду мести. *Копишъ.*

[4]) Поэты вступаютъ теперь въ третье отдѣленіе девятаго круга — въ Птоломею, названную по имени Птоломея, сына Авувова, умертвившаго Симона Маккавея съ его сыновьями Іудою и Маттафіемъ и множество друзей ихъ во время пира. (Кн. 1. Маккав. гл. XVI, 15—16). Поэтому Піетро да Данте полагаетъ, что здѣсь наказуются души только тѣхъ грѣшниковъ, которые измѣннически погубили своихъ друзей во время пира, стало быть души нарушителей гостепріимства.

Іуда Искаріотскій, Брутъ и Кассій.

«Vexilla regis prodeunt inferni [1])
На встрѣчу къ намъ!» сказалъ учитель мой:
«Направь же взоръ къ нему сквозь мракъ вечерній.»
Какъ въ часъ, когда намъ міръ задернутъ мглой,
Являются въ дали туманной взору
Размахи крыльевъ мельницы большой [2]):
Такое зданье я узрѣлъ въ ту пору.
Тогда я сталъ, отъ вѣтра [3]), за вождемъ,
Затѣмъ что въ немъ имѣлъ одну опору.
Страшусь сказать: я былъ ужъ тамъ, гдѣ льдомъ
Со всѣхъ сторонъ затерты духи злые,
Какъ пузырьки мелькая подъ стекломъ [4]).
Лежатъ одни, приподняты другіе;
Кто внизъ ногами, кто главой поникъ;
Кто, согнутъ въ лукъ, прижатъ ногами къ выѣ.
Какъ скоро вождь въ тѣ области проникъ,
Гдѣ онъ желалъ мнѣ указать творенье,
Имѣвшее когда-то дивный ликъ [5]).
Стать передъ собой онъ далъ мнѣ повелѣнье,
Сказавъ: «Вотъ Дисъ и вотъ страна, гдѣ вновь
Вооружись отвагой на мгновенье».
Какъ я нѣмѣлъ, какъ леденѣла кровь,

---

[1]) Vexilla regis prodeunt inferni — начало нѣсколько измѣненнаго Данте католическаго гимна: слова эти значатъ въ переводѣ: знамена ада приближаются къ намъ.

[2]) Не безъ умысла сравненъ Люциферъ съ мельницею, если вспомнимъ, что онъ зубами дробитъ по грѣшнику въ каждомъ изъ трехъ своихъ зѣвовъ. *Копишъ.*

[3]) «Адскій вѣтръ, волновавшій сперва море житейское (Ада І, 22—24), потомъ укрощенный блескомъ божественной молніи (Ада III, 133—134) и наконецъ явленіемъ божественнаго посла (Ада IX, 69—72), теперь съ большею яростью повѣялъ на поэта; но онъ беретъ въ защитники Виргилія, разумъ человѣческій и смѣло идетъ ему на встрѣчу». *Копишъ.*

[4]) Поэты вступаютъ въ послѣднее отдѣленіе Коцита, въ такъ-наз. Джіудекку, гдѣ казнится грѣхъ высочайшаго эгоизма—измѣна благодѣтелямъ и Богу. «Здѣсь полнѣйшая замкнутость души въ самой себѣ: все горе здѣсь тяготѣетъ прямо на сердце; здѣсь грѣшники вполнѣ оцѣпенѣли во льду своихъ грѣховъ; здѣсь никакое человѣческое движеніе не имѣетъ уже мѣста; все тутъ окаменѣло, какъ отъ окаменяющаго взгляда Медузы. (Ада IX, 56—61)». *Копишъ.*

[5]) Это созданіе, когда-то прекраснѣйшее и свѣтлѣйшее изъ ангеловъ, теперь безобразнѣйшее чудовище, есть самъ Люциферъ, Вельзевулъ, Дисъ (имена у Данте однозначущія); возмутившись противъ своего Создателя, онъ вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ былъ свергнутъ въ эту пропасть Архангеломъ Михаиломъ. (Ада VII, 12).

Тебѣ, читатель, я сказать не въ силахъ;
То выразить ни чьихъ не станетъ словъ.
Не умеръ я, но жизнь застыла въ жилахъ:
Вообрази жъ, чѣмъ въ ужасѣ я сталъ,
И жизнь и смерть утративъ въ сихъ могилахъ?
Владыка царства вѣчныхъ слезъ возсталъ
До полу-груди надъ льдяной пещерой,
И предъ гигантомъ я не такъ былъ малъ,
Какъ малъ гигантъ предъ дланью Люцифера:
Представь же самъ, каковъ былъ ростъ его,
Коль члены въ немъ столь страшнаго размѣра.
И если онъ, возставъ на своего
Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ,
То онъ отецъ конечно зла всего.
О дивный видъ! какъ былъ мнѣ Дисъ ужасенъ,
Когда узрѣлъ я три лица на немъ:
Одинъ передній — былъ какъ пламя красенъ [1]):
Другія жъ два сливались съ тѣмъ лицемъ
Въ срединѣ плечъ и, сросшись у вершины,
Вздымались гребнемъ надъ его челомъ.
Былъ блѣдно-желтъ ликъ правой половины;
Но тотъ, что слѣва, цвѣтъ имѣлъ людей,
Живущихъ тамъ, гдѣ Нилъ падетъ въ долины [2]).
Шесть грозныхъ крылъ, приличныхъ птицѣ сей,
Подъ каждымъ ликомъ по-два выходили:
Такихъ вѣтрилъ не зрѣлъ я средь морей!
Безперыя, на крылья походили
Нетопыря: такъ ими онъ махалъ,
Что изъ-подъ нихъ три вѣтра бурей выли,
Коцитъ же весь отъ стужи замерзалъ.
Шестью очами плакалъ онъ и токомъ

---

[1]) Древніе комментаторы видѣли въ красномъ лицѣ символъ гнѣва, въ блѣдно-желтомъ символъ зависти, въ черномъ символъ праздности и лѣни. По толкованію Ломбарди, различные цвѣта лицъ обозначаютъ три, тогда единственно извѣстныя страны стараго свѣта, на которыя жадными глазами смотритъ Люциферъ: красное соотвѣтствуетъ розовому цвѣту лица Европейцевъ, блѣдно-желтый цвѣту Азіатскаго или Монгольскаго племени, черный цвѣту Мавровъ и Негровъ. Если допустить, что поэты спустились въ адскую бездну изъ Италіи, обратившись лицемъ къ Іерусалиму (черезъ который, по представленію Данте, проходитъ продольная ось ада), и теперь описавъ почти полную спираль, опять идутъ въ прежнемъ своемъ направленіи, т. е. обратившись лицемъ къ Іерусалиму, то лице Люцифера, обращенное къ Азіи, направлено на-право, а лице, обращенное къ Африкѣ, — на-лѣво. *Филалетесъ.*

[2]) Т. е. было черно, какъ у народовъ, обитающихъ у водопадовъ Нила.

Кровавыхъ слезъ три груди орошалъ.
Какъ мялами [1]), онъ въ каждомъ ртѣ глубокомъ
Дробилъ въ зубахъ по грѣшнику, заразъ
Казня троихъ въ мученіи жестокомъ [2]).
Но мощь зубовъ переднему сто разъ
Сноснѣе лапъ, которыми по кожѣ
Спины его онъ проводилъ подъ-часъ.
А вождь сказалъ: «Вонъ тотъ, казнимый строже,
Съ главой внутри, съ ногами внѣ зубовъ, —
Искаріотъ на раскаленномъ ложѣ!
Изъ двухъ другихъ висящихъ внизъ духовъ —
Вотъ Брутъ торчитъ главой изъ пасти темной:
Смотри, какъ тамъ крутится онъ безъ словъ!
А тотъ плечистый — Кассій вѣроломный. —
Но сходитъ ночь: уже пора намъ въ путь [3]);
Все видѣли мы въ безднѣ сей огромной».

Минъ.

---

[1]) *Мяло*, орудіе, которымъ мнутъ ленъ, или пеньку.

[2]) «Чудовищный образъ Люцифера задуманъ во идеѣ весьма глубокомысленной. Вооруженный безперыми крыльями, свойственными только птицамъ ночи, чѣмъ болѣе усиливается онъ взлетѣть на нихъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ вѣчную свою неволю; ибо потокъ грѣховный, имъ же возбуждаемый, обратно устремляетъ къ нему свои волны, которыя и замерзаютъ въ мертвый ледъ отъ вѣянія крылъ его—прямая противоположность тому потоку блаженства, который, исходя свыше, животворитъ вселенную. Какъ прекрасенъ былъ нѣкогда Люциферъ, такъ теперь онъ гнусенъ. Безобразно-страшнымъ чудовищемъ воздымается онъ въ средоточіи вселенной, въ центрѣ тяжести амфитеатра адскихъ круговъ—исполинскій символъ черной совѣсти. Въ каждомъ изъ трехъ своихъ зѣвовъ онъ терзаетъ по одному грѣшнику; но, самъ мучитель, плачетъ, на себѣ испытуя жесточайшую муку, плачетъ кровавыми слезами, орошающими три соединенныя вмѣстѣ лица его! Мудрость божественная уже не свѣтитъ ему, мысль о Божіемъ всемогуществѣ есть огненная мука, а отъ святой любви божественной онъ самъ отложился: такимъ образомъ испытуетъ онъ самъ на себѣ всѣ казни своего тройственнаго царства—тьму, жаръ и холодъ. Изъ очей его чернаго лица льются слезы его *чувственнаго ослѣпленія*; слезами кроваво-огненнаго лица онъ оплакиваетъ свое дерзновенное *насиліе*; блѣдно-желтый заливается слезами его *обмана*. Этимъ тремъ грѣховнымъ побужденіямъ соотвѣтствуютъ и три бури, возбуждаемыя его крылами; имъ же соотвѣтствуютъ и три чудовища первой пѣсни: обезумливающій чувственностію Барсъ, угрожающій насиліемъ Левъ и, мать обмана, губительная своею скупостью, Волчица. Три грѣшника испытываютъ злѣйшую муку въ тройственной пасти Люцифера: въ передней — Іуда, предатель своего Божественнаго Благодѣтеля и царствія Божія: за то и казнь ему изъ всѣхъ жесточайшая; другіе два виновны передъ свѣтскою властію Римской Имперіи, какъ измѣнники своей верховной главѣ и благодѣтелю Цезарю; они висятъ внизъ головами: увлеченный страстями Брутъ изъ черной, дѣйствовавшій по холодному разсчету Кассій изъ блѣдно-желтой пасти. Такъ на самомъ днѣ ада Данте является въ одно время и христіаниномъ и Гибеллиномъ». *Копишъ.*

[3]) И такъ время теперь между 5 и 6 часомъ вечера 26 марта, 6 или 9 апрѣ-

ЛУЗІАДА.

(Камоэнса).

Біографія Камоэнса.—Лудовикъ Камоэнсъ (1525—1579), знаменитый Португальскій поэтъ, учился въ Коимбрѣ; будучи еще въ университетѣ, онъ написалъ нѣсколько сонетовъ и другихъ стихотвореній. Камоэнсъ имѣлъ вольное, кипучее воображеніе. По окончаніи курса наукъ, онъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ полюбилъ одну придворную даму, Катарину Атайде; любовь вовлекла его въ ссору, вслѣдствіе которой поэтъ былъ изгнанъ изъ Лиссабона. Въ изгнаніи Камоэнсъ написалъ нѣсколько стихотвореній. Недостатокъ въ средствахъ для жизни заставилъ его итти въ военную службу. Ставъ человѣкомъ военнымъ, онъ продолжалъ писать стихи и отличился въ сраженіи близъ Цейты, въ которомъ пуля лишила его праваго глаза. Это принудило Камоэнса возвратиться въ Лиссабонъ, гдѣ онъ надѣялся получить награду за отличіе на полѣ брани. Но въ Лиссабонѣ никто и не думалъ заниматься поэтомъ. Негодованіе овладѣло Камоэнсомъ, и онъ отправился въ восточную Индію. На пути едва не погибъ во время бури, истребившей три корабля эскадры. Въ Индіи опять ожиданія Камоэнса не сбылись и онъ снова поступилъ въ военную службу. Патріотизмъ поэта все болѣе и болѣе разгорался, когда онъ посѣтилъ мѣста, прославленныя блестящими подвигами Португальцевъ въ Индіи. Но поступки тамошняго правительства возбуждали въ немъ сильное негодованіе; поэтъ написалъ сатиру, подъ названіемъ «Безпорядки въ Индіи»; вице-король былъ оскорбленъ обличеніемъ Камоэнса и сослалъ его на островъ Макао, къ берегамъ Китая. Бѣдность довела поэта до того, что онъ въ Макао рѣшился принять должность надсмотрщика надъ имѣніями умершихъ. Такъ онъ жилъ пять лѣтъ, трудясь надъ эпопеей, которая должна была упрочить его славу. На самой высокой точкѣ перешейка, соединяющаго городъ Макао съ твердою землею Китая, въ томъ мѣстѣ, откуда открывается прелестный видъ на оба моря и на цѣпи горъ, опоясывающихъ ихъ берега, показываютъ еще и теперь галлерею въ скалѣ, висящую почти надъ моремъ, которую называютъ гротомъ Камоэнса: туда, говорятъ, удалялся онъ писать свою поэму.... Новый вице-король позволилъ Камоэнсу возвратиться въ Гою. При этомъ случаѣ, корабль, на которомъ возвращался Камоэнсъ, потонулъ близъ устья одной рѣки, и поэтъ, на доскѣ, едва-едва успѣлъ спасти себя и свое единственное сокровище—поэму. Несчастія продолжали преслѣдовать Камоэнса. Въ Гоѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму за дурное исправленіе должности надсмотрщика и за долги. Любители изящнаго, по подпискѣ, собрали деньги и возвратили поэту свободу. Камоэнсъ отправился въ Лиссабонъ, въ то время, когда страшная язва свирѣпствовала въ Португаліи. Король Себастіанъ принялъ посвященіе поэмы и назначилъ Камоэнсу небольшой пансіонъ—100 р. Камоэнсъ терпѣлъ ужасную нужду: часто у него не было хлѣба, и слуга долженъ былъ ходить ночью по улицамъ просить милостыню для несчастнаго поэта. Король Себастіанъ въ 1578 г. погибъ въ сраженіи: съ нимъ рушились и послѣднія надежды Камоэнса на лучшую будущность. Глу-

---

ля; слѣд. теперь опять ночь, какъ и въ началѣ замогильнаго странствованія, изъ чего заключить должно, что Данте находился въ аду 24 часа, изъ которыхъ двѣнадцать употреблено на прохожденіе шести верхнихъ и 12 на прохожденіе трехъ нижнихъ круговъ. *Филалетесъ.*

бокая скорбь повергла поэта въ жестокій недугъ. Послѣдніе дни жизни Камоэнсъ провелъ, окруженный духовными лицами, и умеръ, какъ полагаютъ, въ госпиталѣ, въ Лиссабонѣ.... Филиппъ II, спустя шестнадцать лѣтъ послѣ смерти поэта, велѣлъ отыскать его могилу и на камнѣ изсѣчь слѣд. надпись: «Здѣсь покоится Лудовикъ Камоэнсъ, первый поэтъ своего времени. Онъ жилъ въ бѣдности».

Характеристика Лузіады.—Поэма, на которой основана Европейская извѣстность Камоэнса, и которую мы называемъ «Лузіадой», на Португальскомъ носитъ заглавіе: os Lusiados, «Лузитанцы», т. е. Португальцы. И, въ самомъ дѣлѣ, Камоэнсъ хотѣлъ написать поэму чисто національную, предпринялъ воспѣть отечественную славу. Если онъ избралъ предметомъ своей поэмы завоеваніе Португальцевъ въ Индіи, тѣмъ не менѣе съумѣлъ вмѣстить въ нее всѣ ихъ великія дѣла въ другихъ частяхъ свѣта, съумѣлъ соединить въ ней все, что исторія или вымыселъ заключаютъ въ себѣ славнаго для соотечественниковъ. Ошибаются, полагая, что герой Камоэнса есть Васко-де-Гама, что все остальное, не относящееся къ экспедиціи этого великаго адмирала, одинъ только эпизодъ. Въ «Лузіадѣ» главное лице — отечество, а эпизоды — все, что не прямо къ нему относится. Онъ писалъ свою поэму въ такое время, когда слава Португаліи достигла своего зенита, когда Португальцы измѣнили видъ цѣлой вселенной, когда это маленькое государство совершало великія дѣла.

Особенность Камоэнса та, что съ миѳологіею древнихъ онъ слилъ христіанскія вѣрованія. Съ одной стороны Юпитеръ, Венера, Діана, Нимфы и Вакхъ, а съ другой Богъ, Божія Матерь и святые принимаютъ участіе въ поэмѣ. Васко-де-Гаму застаетъ сильная буря на морѣ; Гама бросается на колѣни передъ иконою Спасителя съ молитвою; но, по духу миѳологіи, принятой въ поэмѣ, его спасаетъ не Христосъ, а Венера. Намъ противно это смѣшеніе двухъ божественныхъ посредничествъ, несогласныхъ съ нашимъ религіознымъ убѣжденіемъ, но странность эта объясняется воспитаніемъ (въ университетѣ особое вниманіе обращали тогда на изученіе миѳологіи) и національнымъ предразсудкомъ. (Португальцы думали, что Богъ и всѣ святые содѣйствовали имъ въ завоеваніи Индіи).

«Лузіада» есть первая новѣйшая эпическая поэма. Аріостъ тогда еще и не думалъ писать эпической поэмы. Освобожденный Іерусалимъ Тасса вышелъ въ 1580 г., спустя годъ по смерти Камоэнса. Первое изданіе «Лузіады» появилось въ 1572 году.

«Лузіада» состоитъ изъ десяти пѣсенъ, въ которыхъ считается не больше 1102 стиховъ. Въ началѣ описывается совѣтъ боговъ. Юпитеръ, Венера, Марсъ и Меркурій стоятъ на сторонѣ Португальцевъ и желаютъ имъ новыхъ открытій и завоеваній, а Вакхъ, древній обладатель Индіи, объявляетъ себя врагомъ Португальцевъ. Потомъ Камоэнсъ переходитъ къ своимъ героямъ, Португальцамъ. Они плывутъ съ Васко-де-Гамой по неизвѣстнымъ морямъ, дабы открыть путь въ Индію. Меркурій проводитъ Васко-де-Гаму въ Мелиндъ, Мавританское государство, царю котораго Васко-де-Гама разсказываетъ всю исторію Португаліи. Разсказъ этотъ занимаетъ почти треть поэмы. Лучшіе эпизоды его: Отъѣздъ Васко-де-Гамы въ Индію, явленіе Адамастора (привидѣнія) и Инеса. Остановимся на прочтеніи перваго и послѣдняго.

Отъѣздъ Васко-де-Гамы въ Индію.

(8 іюля 1497 года).

Приготовивъ души къ смерти, всегда близкой на морѣ, мы вышли[1]) изъ храма, построеннаго на берегу во имя Святой земли, гдѣ воплотился Господь.... Въ тотъ день жители города, наши друзья, родственники, всѣ, которыхъ любовь или любопытство привлекли, собрались на берегу, безпокоясь и жалѣя о насъ. Между тѣмъ мы шли къ своимъ кораблямъ торжественной процессіей въ сопровожденіи священнаго собора духовенства, молившагося о нашемъ благополучномъ плаваніи. Всѣ считали насъ людьми погибшими. Женщины проливали слезы состраданія, мужчины испускали раздирающіе вздохи; матери, жены, сестры, которыхъ безпокойная любовь лишала всякой надежды, приводили насъ въ трепетъ и наводили тоску на сердце; страшно было не увидѣть больше отечества.

Одна говорила: «Сынъ мой! ты, котораго я почитала единственнымъ утѣшеніемъ, единственною подпорою истощенной старости, ты, котораго отнынѣ мнѣ прійдется оплакивать горькими слезами, зачѣмъ покидаешь меня несчастную? зачѣмъ, сынъ мой любезный, удаляешься отъ меня? зачѣмъ ѣдешь искать могилы въ морѣ и сдѣлаться пищею рыбъ»? Другая, съ растрепанными волосами, кричала: «Супругъ мой, милый, дорогой мой супругъ, безъ кого и жизнь мнѣ не въ жизнь! для чего ты бросаешь дни свои въ ярое море, дни, которые принадлежатъ мнѣ, а не тебѣ? для чего такое опасное путешествіе предпочитаешь любви, царствующей между нами? Ужели ты хочешь, чтобъ вѣтеръ, подувшій въ ваши паруса, унесъ и любовь нашу, и мирное спокойствіе»? Съ такими и подобными словами, внушаемыми любовью и нѣжнымъ сожалѣніемъ, шли за нами и старцы, рыдая какъ дѣти. Горы отвѣчали ихъ стенаніямъ и, казалось, также глубоко были тронуты и сожалѣли о насъ; слезы катилися у насъ по щекамъ, слезы обильныя, какъ песокъ, на который онѣ падали.

Но не поднимая глазъ ни на матерей, ни на женъ, чтобъ не увеличить тоски, не измѣнить однажды принятому намѣренію, мы обнялись съ ними молча, не предаваясь отчаянію обыкновенныхъ прощаній: прощанье только усиливаетъ скорбь и отъѣзжающаго и остающагося. Но одинъ старецъ почтеннаго виду, остановившійся

[1]) Дѣло было при королѣ Эммануилѣ. Флотъ экспедиціи состоялъ изъ 3 небольшихъ военныхъ кораблей и одного транспортнаго судна; экипажу было 148 человѣкъ. Кораблями командовали Васко-де-Гама, братъ его Павелъ-де-Гама и Николай Коэли.

на берегу посрединѣ толпы, поглядѣлъ на насъ пристально и потрясши трижды головою съ видомъ неудовольствія, возвысивъ хриплый голосъ, сказалъ слѣдующія мудрыя слова, внушенныя ему долговременною опытностію:

«О славолюбіе! славолюбіе! о пустое стремленіе къ суетности, которую мы называемъ славою! обманчивая страсть, раздуваемая народнымъ вѣтромъ, который намъ кажется извѣстностію въ свѣтѣ! какое наказаніе сердцамъ суетнымъ, которыя алчны къ тебѣ! Сколько смертей, сколько бѣдъ, бурь и страданій заставляешь ты претерпѣвать! Слава, жестокое безпокойство души, источникъ лишеній и злодѣйствъ, ты, которая быстро пожираешь имѣнія, царства, имперіи: тебя называютъ блестящею, тебя именуютъ высокою, но ты заслуживаешь однихъ безславныхъ упрековъ; тебя называютъ славою и честію верховною, и этимъ только обманываютъ несвѣдущій народъ. Въ какія новыя бѣды рѣшилась ты вовлечь эту страну и этихъ воиновъ? какія напасти придумала имъ? какія ты такъ щедро обѣщаешь имъ царства и золотые рудники, чтобъ обольстить ихъ? какія сулишь имъ почести, какую благодарность въ потомствѣ, какія торжества, вѣнцы, побѣды?... И ты, племя желѣзное, родъ непокорный и буйный, ты, который въ своемъ воображеніи возвысилъ эту пустую суетность на высокую степень, который звѣрство и жестокость хищныхъ животныхъ именуешь мужествомъ и силою, и такъ уважаешь прѣзрѣніе къ жизни, которою должно дорожить, потому что она хранима тѣмъ, кто далъ ее, скажи, развѣ нѣтъ у тебя въ сосѣдствѣ Измаильтянъ, съ которыми ты вѣчно можешь воевать? Не безбожникъ ли Арабъ, и не проклято ли его вѣроисповѣданіе?... Если правда, что ты хочешь подвизаться за Христа и за вѣру, то развѣ у Арабовъ нѣтъ ни городовъ, ни земель? посмотри, у нихъ городовъ множество и земли ихъ неизмѣримы. Если ты жаждешь военной славы, то развѣ мало тебѣ будетъ побѣдить страшныхъ Измаильтянъ?... Ты оставляешь врага буйствовать у порога твоего дому, а ѣдешь въ дальнія стороны искать другаго, изъ-за котораго ослабѣетъ и опустошится твое древнее царство! Ты идешь искать отдаленныхъ враговъ, неизвѣстныхъ опасностей, только для того, чтобъ молва гремѣла о тебѣ, чтобъ слава ласкала тебя и называла повелителемъ Индіи, Аравіи, Персіи и Еѳіопіи»!

Пока старецъ говорилъ это, мы отплыли. Горы родины уже мало-по-малу терялись изъ виду; уже исчезалъ любимый Тагъ; темнѣла ясная Цинтра, на которой держались еще наши взоры; сердца наши еще жили на этой возлюбленной землѣ, къ которой они прикованы были тоскою. Наконецъ все исчезло: остались одно небо и море.

Инеса [1].

Ты, чистая любовь, ты, съ такимъ могуществомъ владычествующая надъ сердцами людей, ты одна причиною плачевной ея смерти! подумаешь, что она была твоимъ ненавистнымъ врагомъ. Жестокая любовь! твоя жажда не утоляется слезами скорби: въ тиранствѣ своемъ, ты хочешь еще, чтобы человѣческая кровь омывала твои алтари! Милая Инеса! мирно ты жила въ укромномъ убѣжищѣ, вкушая сладкіе плоды молодыхъ своихъ лѣтъ; мирно покоилась ты въ тихомъ и слѣпомъ сердечномъ обаяніи, которымъ судьба не надолго окружаетъ бѣднаго влюбленнаго! Ты гуляла по уединеннымъ берегамъ Мондего, роняя въ его волны горячія твои слезы; ты повѣряла горамъ и молодымъ кустарникамъ дорогое имя, написанное на твоемъ сердцѣ. Мечты принца летѣли къ тебѣ, — твои хранились въ душѣ твоей. Но онъ, и въ разлукѣ съ тобою, видѣлъ тебя и днемъ и ночью въ сладкихъ снахъ и упоительныхъ мечтахъ. Все рисовало тебя въ его глазахъ; во всемъ онъ видѣлъ тебя, и все, что представлялось, что напоминало тебя, было ему залогомъ счастія.

Онъ отвергъ прелестнѣйшихъ дѣвъ, не смотрѣлъ на высокихъ принцессъ; его чистѣйшая любовь покорилась одному твоему ангельскому взору. Но ропотъ народный испугалъ стараго отца. Онъ рѣшился погубить Инесу, чтобъ вырвать у нея сына, котораго она такъ очаровала. Онъ думалъ, что съ кровью ея потухнетъ въ немъ пылкій огонь любви. Но какая слѣпая ярость заставила его поднять на слабую и нѣжную женщину острый мечъ, разившій нѣкогда свирѣпыхъ Мавровъ? Страшная стража привела Инесу предъ царя. Невинная красота уже укротила-было добраго старца, но буйный народъ съ шумомъ обвинялъ ее и требовалъ ея смерти.

Печальнымъ и жалобнымъ голосомъ плачетъ Инеса по своемъ государѣ-супругѣ и по дѣтяхъ. Не смерть, нѣтъ! разлука съ милыми причиняетъ ей столько скорби. Поднявъ къ небу свои слезные глаза,—руки были связаны—и обратившись къ дѣтямъ, своимъ милымъ и дорогимъ дѣтямъ, которыхъ страшилась покинуть сиротами, нѣжная мать такъ говорила жестокому ихъ дѣду:

«Если у дикихъ звѣрей, которыхъ сама природа учитъ быть лютыми; если у хищныхъ птицъ, живущихъ одною кровью, есть добрыя чувства къ младенцамъ; ты, котораго лице и сердце человѣческія, хотя ты и безчеловѣчно хочешь убить слабую и беззащит-

[1]) Донъ Педро, сынъ Португ. короля Альфонса храбраго (XIV в.), любилъ Инесу; по смерти жены, онъ взялъ ее за себя замужъ. Но отецъ и нація не хотѣли Инесу видѣть королевой: она была умерщвлена. Донъ-Педро, сдѣлавшись королемъ, жестоко отомстилъ убійцамъ, вырѣзавъ у нихъ сердца и сожегши тѣла.

ную женщину: ужели ты не призришь этихъ слабыхъ созданій, когда губительная смерть отнимаетъ у нихъ подпору? Сжалься надъ ними, ради меня! ахъ! ты не имѣешь жалости къ моей невинности. Ты побѣждалъ упорныхъ Мавровъ, ты умѣлъ разливать смерть огнемъ и мечомъ: почему же не умѣешь даровать жизни той, которая не сдѣлала ничего достойнаго смерти? Если невинность моя сколько-нибудь трогаетъ тебя, то спаси меня; сошли въ вѣчное заточеніе, сошли въ холодную Скиѳію или въ знойную Ливію: только спаси меня; я стану жить тамъ моими слезами. Брось меня къ тиграмъ и львамъ: можетъ быть, я отъ нихъ скорѣе вымолю состраданіе, въ которомъ отказали мнѣ сердца людей. Тамъ, съ этою любовью, которая наполняетъ мою душу, съ этою нѣжностію, за которую хотятъ меня наградить гробомъ, я стану воспитывать залоги любви того, кого я такъ люблю; они будутъ утѣшеніемъ печальной своей матери». Смягченный, умиленный мольбами, произающими сердце, король хотѣлъ уже оправдать ее; но упорный народъ и судьба возстали противъ нея. Тѣ, которые произнесли жестокій приговоръ, уже потрясали своими крѣпкими мечами. Рыцари! вы какъ варвары, возстаете противъ женщины, и являетесь палачами!

Подобно какъ жестокій Пирръ поднялъ мечъ на прекрасную Поликсену, послѣднее утѣшеніе старой матери, за то, что тѣнь Ахилла обвиняла ее; подобно какъ Поликсена, обративъ къ небесамъ свои чистые глаза, кругомъ разливающіе миръ и свѣтъ, принесла себя въ жертву какъ тихій и непорочный агнецъ: такъ и Инеса обнажила передъ жестокими убійцами алебастровую шею и грудь, которыми любовь покорила человѣка, хотѣвшаго сдѣлать ее королевою. Мечъ обагрился; злодѣи осквернили себя убійствомъ; они въ своемъ гнѣвѣ не подумали о наказаніи, ожидающемъ ихъ. Солнце! для чего не отвратило ты лучей своихъ отъ такого зрѣлища, какъ ты отвратило ихъ отъ кроваваго обѣда Тіеста, когда онъ пожиралъ дѣтей своихъ, подаваемыхъ ему рукою Атрея? И вы, долины, слышавшія послѣднія слова этихъ оледенѣвшихъ устъ, и повторявшія долго имя донъ Педро, скажите, что говорила она? Какъ бѣлая, прозрачная маргаритка, сорванная преждевременно неблагоразумною рукою дѣвушки, заплетшей ее въ свои кудри, теряетъ блескъ и цвѣтъ, точно такъ же и розы на лицѣ этой юной красоты погибли отъ блѣдности смерти. Цвѣтъ и блескъ кипѣвшей жизни исчезли съ ея послѣднимъ дыханіемъ. Дѣвушки Мондего, долго рыдая, воспоминали ся жалкую смерть, и слезы, пролитыя ими въ ея память, превратились въ чистый фонтанъ. Ему дано имя «Инесина-Любовь», и онъ теперь еще стоитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершилась кровавая казнь. И нынѣ этотъ свѣжій фонтанъ орошаетъ ро-

зы: воды его — слезы, имя — любовь. Скоро донъ Педро отмстилъ за убійство; когда бразды правленія перешли въ его руки, его первымъ дѣломъ было наказать враговъ. Для этого онъ заключилъ трактатъ съ Педро Кастильскимъ, такимъ же звѣремъ какъ самъ, и первымъ условіемъ этого трактата было преслѣдованіе убійцъ.

Примѣч. — Въ третьей и четвертой пѣснѣ Комоэнсъ описалъ всю политическую исторію, всю исторію царей Португальскихъ. Въ пятой, шестой, седьмой и осьмой онъ нашелъ средства вмѣстить все, что басни или преданіе сохранили славнаго о жизни отечественныхъ героевъ. Въ девятой пѣснѣ описывается волшебный островъ среди равнинъ океана, съ нимфами, амурами и другими миѳологическими существами. Въ десятой геній Комоэнса открываетъ все будущее Португальцевъ. Такимъ образомъ Камоэнсъ пополнилъ исторію Португаліи и сдѣлалъ «Лузіаду» прекраснѣйшимъ памятникомъ національной славы.

На Русскій языкъ переведена «Лузіада» *А. Дмитріевымъ* съ Франц. въ 1788 г.— Ученымъ образомъ комментировалъ поэму *Маноэль-де Фаріа Суза.* — Статья *Сисмонди* о Камоэнсѣ въ Сынѣ Отеч. 1840, № 10. — Катарина д'Атайде, возлюбленная Камоэнса, статья въ Отеч. Зап. 1854, № 1. — Камоэнсъ, драматическая поэма *Жуковскаго,* въ его сочиненіяхъ. Т. V. — Разборъ поэмы Жуковскаго въ Журналѣ для Дѣтей.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

(Мильтона).

Біографія Мильтона. — Джонъ Мильтонъ (1608 — 1674) одинъ изъ знаменитыхъ людей Англіи XVII вѣка. Онъ знаменитъ, какъ политическій дѣятель и какъ первоклассный поэтъ. Сообразно своему раннему призванію и духу вѣка, Мильтонъ глубоко изучалъ Библію и для того занимался многими иностранными языками: Сирійскимъ, Халдейскимъ, Еврейскимъ; былъ отличный филологъ, глубокомысленный схоластикъ; основательно зналъ философскія системы, точныя и естественныя науки; пріобрѣлъ богатыя свѣдѣнія въ языкахъ новыхъ, въ литературѣ и исторіи, въ политикѣ и правовѣдѣніи; любилъ сверхъ того изящное искусство во многихъ его видахъ. Ученое образованіе свое Мильтонъ довершилъ путешествіемъ по Франціи и Италіи, во время котораго бесѣдовалъ съ замѣчательными умами вѣка и, главное, съ мученикомъ науки, съ жертвою инквизиціи, Галилеемъ.

Всю свою многообразную ученость Мильтонъ посвятилъ родинѣ, ея главному благу — политической жизни. Мильтонъ въ борьбѣ парламента съ Карломъ I держалъ сторону перваго; героически защищалъ дѣло народа; писалъ противъ деспотизма самыя сильныя и рѣзкія сочиненія; говорилъ самыя пламенныя рѣчи и былъ главнымъ двигателемъ, столь трагической въ Англійской исторіи, борьбы парламента съ королемъ. Сочиненія Мильтона запрещала цензура: онъ поднялъ вопросъ о свободѣ слова. Онъ же, по поводу событія въ домашней своей жизни, поставилъ на видъ вопросъ о разводѣ. Короче—Мильтонъ былъ одинъ изъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей XVII

вѣка. *Маколей*, Англійскій историкъ, цѣлую краснорѣчивую статью посвятилъ разсмотрѣнію политической жизни Мильтона. (Соч. Маколея. Изданіе Тиблена).

Кромѣ политической, Мильтонъ ознаменовалъ себя поэтическою дѣятельностію. Когда событія измѣнились, Стюарты были возвращены на Англійскій престолъ, всѣ защитники и приверженцы Кромвеля разсѣялись и подвергнуты были наказаніямъ, — Мильтонъ, секретарь Кромвеля, удаляется въ уединеніе. Его сочиненія, разжигавшія революцію, жгутъ. Поэтъ, уже потерявшій зрѣніе отъ усиленныхъ прежнихъ занятій, исключительно предается поэзіи и пишетъ »Потерянный Рай», мысль о которомъ уже давно занимала его.

Характеристика Потеряннаго Рая. — Предметъ «Потеряннаго Рая» — грѣхопаденіе первыхъ человѣковъ. Поэма имѣетъ самое близкое отношеніе къ вѣку. Она вся исполнена метафизическихъ тонкостей — слабость, которой одержимо было все XVII столѣтіе. Какъ на вывѣску метафизическихъ отвлеченій можно указать на пятую пѣснь «Потеряннаго Рая». Ангелъ бесѣдуетъ съ Адамомъ: ихъ бесѣда — чистѣйшая философская лекція. Они разсуждаютъ о пищѣ для ангеловъ, о питаніи всей природы, о перехожденія людей въ эѳиръ. «Цвѣты и плоды, пища человѣковъ, въ восходящей постепенности улетучиваемые, возвышаются *до жизненнаго духа*, до животнаго, до *разумнаго* — даютъ жизнь и чувство, *воображенье и пониманье; отсель душа получаетъ разсудокъ*. Можетъ быть ваши тѣла (говоритъ ангелъ прародителямъ) одухотворятся и вы окрыленные вознесетесь въ эфиръ» (стр. 109). Въ поэмѣ нельзя не замѣтить сатирическаго направленія: такъ говорится, что Адамъ встрѣтилъ ангела въ раю безъ всякой свиты: «между тѣмъ нашъ великій праотецъ выходитъ на встрѣчу богоподобному гостю, безъ всякой другой свиты, кромѣ собственныхъ полныхъ совершенствъ; въ немъ самомъ заключается весь его штатъ, болѣе торжественный, чѣмъ скучная пышность, окружающая государей, когда длинный рядъ коней и пажей, облитыхъ золотомъ, ослѣпляетъ толпу». (Пѣснь V, стр. 106).

Поэма имѣетъ близкое отношеніе къ вѣку и по изображенію сатаны. Сатана, дерзкій возмутитель противъ Бога и вина паденія первыхъ человѣковъ, представленъ у Мильтона особенно ярко. Рѣчи и дѣйствія сатаны такъ и обличаютъ неудержимаго республиканца. Характеристикѣ сатаны поэтъ посвящаетъ самыя симпатическія страницы. Изъ этого видно, что поэма имѣетъ важное политическое значеніе.

Но есть картины, превосходныя въ общечеловѣческомъ смыслѣ: таково описаніе блаженной жизни Адама и Евы въ раю (ниже напечатана эта пѣснь), описаніе наслажденія, происходящаго отъ созерцанія Божества, славословія ангеловъ и утѣшенія падшихъ прародителей.

Нельзя обойти молчаніемъ недостатковъ «Потеряннаго Рая». Мильтонъ, подражая древнимъ, наполнилъ свою поэму неестественнымъ чудеснымъ. Онъ заставляетъ добрыхъ ангеловъ сражаться со злыми въ доспѣхахъ древнихъ героевъ; изобрѣтаетъ порохъ и пушки; сатану разрубаетъ безъ всякаго для него вреда; Бога вводитъ вѣщающимъ такъ, какъ будто бы онъ въ опасности потерять свое божество; наконецъ, совершенно некстати, языческую миѳологію перемѣшиваетъ съ христіанскими догматами.

Переводы: 1780, *Амвросія Подобѣдова;* 1810 г., 1824 г.,— первый неизвѣстно чей, а второй *Люценко;* въ 1861 г. вышелъ переводъ *Зиновьева.* Здѣсь указаны сочиненія о Мильтонѣ.

Блаженная Жизнь Адама и Евы въ Раю.

О зачѣмъ не теперь раздался остерегающій голосъ, громко въ небѣ вопіявшій: «горе живущимъ на земли [1]», слышанный ясновидцемъ откровенья, когда драконъ, вторично пораженный, съ яростью бросился мстить людямъ? Теперь этотъ голосъ еще во время предупредилъ бы нашихъ праотцевъ о приближеньи ихъ тайнаго врага, и они, можетъ быть, избѣгли бы его смертельнаго кова; ибо воспаленный яростью Сатана пришелъ въ первый разъ какъ искуситель, а не обвинитель человѣчества, чтобы вымѣстить невинному слабому человѣку за потерю своего перваго сраженья и бѣгство въ адъ. Дерзкій и безстрашный, онъ однако еще не радуется въ своей поспѣшности и безъ причины къ похвальбѣ начинаетъ ужасное покушенье. Готовое осуществиться, оно кипитъ, волнуясь въ его мятежной груди, и, подобно адской машинѣ, отдаетъ на него самого. Ужасъ и сомнѣнье колеблютъ смущенныя мысли, и поднимаютъ адъ въ глубинѣ его души. Онъ носитъ адъ внутри, вокругъ себя, и не можетъ ни на шагъ уйти отъ ада, какъ не можетъ убѣжать отъ самаго себя. Совѣсть пробуждаетъ горькое воспоминанье о томъ, чѣмъ онъ былъ, что есть и чѣмъ долженъ быть— злѣйшія дѣла неминуемо навлекутъ злѣйшія казни. То съ грустью устремляетъ онъ печальный взоръ на Эдемъ, съ такою прелестью лежащій предъ его глазами, то на небо, на лучезарное солнце, стоявшее теперь высоко въ своей полуденной башнѣ.

Сатана подходитъ къ эдемскимъ предѣламъ. Тамъ восхитительный рай увѣнчиваетъ своей зеленой оградой, на подобіе сельскаго вала, плоскую возвышенность утесистой пустыни, мохнатые бока которой, поросшіе дикимъ и своенравнымъ кустарникомъ, преграждали доступъ, а вершина поросла недосягаемо высокимъ кедромъ, пихтой, сосной и широколиственной пальмой—лѣсная картина! Рядами сѣнь, возвышаясь надъ сѣнью, образуетъ великолѣпнѣйшій древесный амфитеатръ. Но еще выше поднималась надъ ихъ вершинами зеленѣющая стѣна рая, откуда нашему праотцу откры-

[1] Поэтъ желалъ бы, чтобъ теперь, съ приближеніемъ Сатаны къ нашимъ праотцамъ, раздался остерегающій голосъ, слышанный св. Іоанномъ при второмъ пораженіи врага человѣчества. Въ XII главѣ «Откровенія», по преимуществу принадлежащей къ тѣмъ мѣстамъ Св. Писанія, откуда Мильтонъ заимствовалъ завязку поэмы, содержатся два пораженія, потерпѣнныя Сатаной: первое на небѣ, имѣвшее слѣдствіемъ его изгнанье; второе — по рожденіи Искупителя; ибо христіанамъ также угрожало искушеніе отъ діавола. «Горе живущимъ на земли и морѣ, яко сниде діаволъ къ вамъ, имѣя ярость великую, вѣдый, яко время мало имать». Ст. 12. Выше въ ст. 10 онъ названъ «клеветникомъ (обвинителемъ) братій нашихъ».

вался обширный видъ на низменныя сосѣднія окрестности его царства; а надъ стѣной видѣнъ былъ окружный рядъ лучшихъ деревъ, обремененныхъ прекраснѣйшими плодами; цвѣты и вмѣстѣ золотые плоды пестрѣли яркими разнообразными красками эмали. На нихъ солнце радостнѣе напечатлѣвало свои лучи, чѣмъ на прекрасномъ вечернемъ облакѣ, или на влажной дугѣ послѣ дождя, ниспосланнаго Богомъ для орошенья земли: такъ восхитительнымъ казалось это мѣсто. По мѣрѣ приближенья, Сатана встрѣчаетъ и болѣе чистый воздухъ, оживляющій сердце весенней отрадой и радостью, способными изгнать всякую грусть, кромѣ отчаянья. Пріятные вѣтерки, вѣя благоуханными крыльями, распространяютъ естественные ароматы и шепчутъ, откуда унесли свою бальзамическую добычу. Такъ плавателямъ, перешедшимъ за мысъ Доброй Надежды и миновавшимъ Мозамбикъ, сѣверовосточный вѣтеръ издали навѣваетъ Сабейскіе ароматы [1]) съ благоухающаго берега Счастливой Аравіи. Очень довольные этимъ замедленіемъ, они сдерживаютъ свой бѣгъ на разстояньи нѣсколькихъ миль; старый океанъ улыбается, услаждаемый пріятнымъ запахомъ. Такъ услаждался врагъ этимъ благовоніемъ, которое шелъ отравить, хотя и обонялъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ Асмодей [2]) дымъ рыбы, прогнавшій его, влюбленнаго, отъ жены сына Товитова и принудившій бѣжать съ задуманной местью отъ предѣловъ Мидіи въ Египетъ, гдѣ былъ онъ крѣпко скованъ.

Теперь Сатана, въ раздумьи и нерѣшимости, взошелъ на крутой дикій холмъ, но далѣе не находилъ дороги: такъ плотно низкій кустарникъ, свившійся сплошнымъ плетнемъ, и цѣпкій терновникъ преграждали входъ звѣрю или человѣку, которые покусились бы пробраться этимъ путемъ. Тамъ была одна только дверь, обращенная на востокъ съ другой стороны. Увидя ее, злоначальникъ пренебрегъ должнымъ входомъ и въ презорствѣ однимъ легкимъ прыжкомъ махнулъ чрезъ ограду холма, или высшую стѣну, и сразу внутри ея опустился на ноги.

Какъ бродящій волкъ, побуждаемый голодомъ искать новыхъ слѣдовъ добычи, подстерегаетъ, гдѣ среди безопаснаго пастбища пастухи загоняютъ на ночь свои стада въ огороженныя станы, и легко перепрыгиваетъ чрезъ плетень овчарни; или какъ тать, высматривающій, какъ выкрасть казну богатаго горожанина, у котораго плотныя запертыя двери, задвинутыя болтами, не боятся взлому, влѣзаетъ въ окно или по крышѣ, — такъ перелѣзъ первый вели-

[1]) Діодоръ Сицилійскій говоритъ объ ароматахъ Сабейскихъ или Счастливой Аравіи, доносимыхъ вѣтрами до плавающихъ по океану на далекомъ разстояніи.

[2]) Имя бѣса, который убивалъ жениховъ Сары, дочери Рагуила, но былъ изгнанъ Товіею, по наставленію ангела Рафаила.

кій тать въ Божію овчарню; такъ съ тѣхъ поръ перелѣзали въ церковь развращенные наемники!

Потомъ онъ полетѣлъ и, подобно морскому ворону, опустился на дерево жизни, высшее всѣхъ и насажденное въ срединѣ рая; чрезъ него однако онъ не возвратилъ себѣ истинной жизни, а, сидя, замышлялъ смерть живущимъ; не думая о свойствѣ этого животворнаго растенія, онъ воспользовался имъ лишь для обзора, тогда какъ благое его употребленіе служило залогомъ безсмертія. Такъ никто, кромѣ Бога, не умѣетъ справедливо цѣнить предлежащее благо, и лучшія вещи бываютъ употребляемы во зло, или для самыхъ низкихъ цѣлей.

Съ новымъ изумленіемъ онъ видитъ предъ собой все богатство природы для полнаго услажденья человѣческихъ чувствъ, расположенное въ тѣсномъ пространствѣ; видитъ болѣе: небо на землѣ; ибо блаженный рай былъ Божій садъ, насажденный на востокѣ Эдема. Эдемъ простирался отъ Харана до царскихъ башенъ великой Селевкіи, построенной Греческими царями, или тамъ, гдѣ сыны Эдема задолго прежде обитали въ Теласарѣ [1]). На этой прекрасной почвѣ Богъ расположилъ свой прекраснѣйшій садъ. Тучной землѣ Онъ повелѣлъ произвести всѣ породы благороднѣйшихъ деревъ, пріятныхъ для зрѣнія, обонянія и вкуса, а между всѣми посреди возвышалось дерево жизни, великолѣпнѣйшее, увѣшанное плодами амврозіи — растительнаго золота. Но возлѣ самой жизни росла наша смерть — древо познанія — познаніе добра, дорого купленное познаніемъ зла!

На югѣ текла чрезъ Эдемъ широкая рѣка и не уклонялась отъ своего направленія, а уходила въ глубь подъ тѣнистую гору. Богъ повергнулъ эту гору въ основаніе своему саду, возвышавшемуся надъ быстриной; потокъ скрыто катился по жиламъ рыхлой земли, всасываемый ея пріятной жаждой, снова поднимался свѣжимъ фонтаномъ; раздѣлясь на многіе ручьи, орошалъ садъ, а потомъ, соединя ихъ, падалъ по крутой опушкѣ и встрѣчался съ нижней рѣкой, что показывалась изъ своего темнаго русла и, опять раздѣлясь на четыре главные рукава [2]), стремилась въ разныя стороны,

[1]) Мильтонъ, согласно Св. Писанію, полагаетъ Эдемъ въ Месопотаміи. Харанъ — городъ при Евфратѣ; Селевкія — при Тигрѣ.— Другое описаніе мѣстности даетъ Мильтонъ, указывая на Теласаръ или Деласаръ, городъ и область при стеченіи Тигра и Евфрата.

[2]) Быт. II. Имена рѣкъ: Фисонъ, Геонъ, Тигръ и Евфратъ. У Евреевъ рай означаетъ просто садъ. Еккл. 11, 5. Въ Н. З. «означаетъ иногда блаженное состояніе на небесахъ. Лук. XXIII, 42. 2 Кор. XII, 2—4. Апок. 71, 7». «Не только на землѣ, даже въ цѣломъ мірѣ не осталось почти мѣста, гдѣ бы любопытство не искало, а легковѣріе не находило рая. Но вмѣсто того, чтобы скитаться по распутіямъ человѣческихъ мнѣній, лучше остановиться въ семъ изслѣдованіи на яс-

блуждая по многимъ знаменитымъ царствамъ и областямъ, о чемъ здѣсь не слѣдъ говорить.

Лучше скажемъ, если искусство можетъ высказать, какъ извилистые ручьи этого сапфирнаго тока, катясь по восточному жемчугу и золотому песку, разными изгибами, подъ нависшей тѣнью, разливаютъ свой нектаръ, доходящій къ каждому растенію, и питаютъ цвѣты, достойные рая; не утонченное искусство расположило ихъ грядами и изящными цвѣтниками, но благая природа обильно разсыпала по холмамъ, долинамъ, равнинамъ, тамъ, гдѣ утреннее солнце бросаетъ жаркіе лучи на открытое поле и гдѣ непроницаемая тѣнь бесѣдки освѣжаетъ въ полдень.

Таково было это мѣсто—счастливое сельское убѣжище, съ разнооброзными видами. Здѣсь рощи пышныхъ деревъ, слезящихъ благовонной смолой и бальзамомъ; тамъ живыя бесѣдки, осыпанныя золотокожими плодами, прелестными и усладительными для вкуса. Между ними разстилаются луга, или ровныя поляны, пасутся по нѣжной травѣ стада, холмы украшаются пальмами, цвѣтистое лоно орошенной долины пестрѣетъ всѣмъ разнообразіемъ цвѣтовъ и безшиповными розами. Съ другой стороны тѣнистые альковы и пещеры съ прохладными кровами, по которымъ виноградъ развѣшиваетъ пурпуровыя кисти и нѣжно разстилаетъ роскошные побѣги. Между тѣмъ журчащія воды падаютъ съ покатыхъ холмовъ, раздѣляя или соединяя свои струи въ озерѣ, простирающемъ кристальное зеркало до окаймленныхъ и увѣнчанныхъ миртами береговъ. Распѣваютъ хоры птицъ; весенніе вѣтры, дыша ароматами полей и рощей, настроиваютъ однозвучно трепещущіе листки, а всемірный Панъ [1]), соединясь съ пляшущими Граціями и Горами, ведетъ вѣчную Весну. Ни прелестное Еннское поле [2]), гдѣ собиравшая цвѣты Прозерпина—сама прекраснѣйшій цвѣтъ—похищена сумрачнымъ Діемъ, что стоило Церерѣ столь трудныхъ поисковъ по всему свѣту, — ни веселая роща Дафны при Оронтѣ и вдохновляющій Кастальскій источникъ не могли бы спорить съ Эдемскимъ раемъ, въ которомъ неутѣшный врагъ видѣлъ всѣ утѣхи, всѣ роды живущихъ тварей, для его глазъ новыхъ и странныхъ.

ныхъ токмо указаніяхъ Слова Божія и съ покорностію признать власть херувима, поставленнаго охранять путь къ *древу жизни*». Записки на книгу Быт. Митрополита Москов. *Филарета*. 1, 63.

[1]) *Панъ*—природа; Граціи—прекрасныя времена года; Горы—время для произрастанія и зрѣлости существъ: они вели безпрерывные пляшущіе весенніе хоры вокругъ земли, еще дѣвственной.

[2]) *Енна*—прекраснѣйшая мѣстность въ Сициліи, откуда Плутонъ похитилъ Прозерпину. Кастальскій источникъ находился въ Дафнійской рощѣ, знаменитой прорицалищами по берегамъ Оронта, близъ Антіохіи въ Сиріи.

Двое изъ нихъ далеко благороднѣйшіе видомъ, прямаго и высокаго роста, богоподобно прямые, облеченные природной честію, казались въ обнаженномъ величіи владыками всего, и достойно казались; ибо въ ихъ божественныхъ взорахъ сіялъ образъ ихъ славнаго Творца, правда, мудрость, строгая и чистая святость, строгая, но являвшаяся въ истинной сыновней свободѣ, внушающей истинное уваженье къ людямъ: оба однако не казались равными, какъ и полъ ихъ казался неодинаковъ. Онъ созданъ для созерцанія и мужества, она для нѣжности и граціи; онъ только для Бога, она для Бога въ немъ [1]).

Проходили они нагіе, не убѣгали очей Божіихъ или ангельскихъ, ибо не думали ничего дурнаго; рука въ руку проходили они, любезнѣйшая чета, какая едва ли съ тѣхъ поръ соединялась въ объятіяхъ любви: Адамъ — совершеннѣйшій рожденныхъ имъ сыновъ, прекраснѣйшая своихъ дочерей — Ева.

Они садятся на зеленой муравѣ у свѣтлаго источника подъ тѣнистымъ навѣсомъ вѣтвей, пріятно шумящихъ. Потрудившись въ своемъ любимомъ саду не болѣе, сколько нужно было, чтобы отдыхъ сдѣлать отраднѣе, а здоровую жажду и аппетитъ пріятнѣе, они нарвали къ своему ужину нектарныхъ плодовъ, что уступали послушныя вѣтви имъ, возлежавшимъ на мягкой пушистой грядѣ, испещренной цвѣтами. Они ѣли сочную мякоть плодовъ, а, чувствуя жажду, древесной корой черпали изъ полноводнаго ручья. Около нихъ прыгая, веселились земныя животныя, впослѣдствіи дикія и преслѣдуемыя охотниками въ лѣсахъ, пустыняхъ, дебряхъ и пещерахъ. Играющій левъ дыбился и въ лапахъ нянчилъ козленка; медвѣди, тигры, барсы и пантеры скакали предъ ними. Неповоротливый слонъ для нихъ забавы употреблялъ всю хитрость и свивалъ гибкій хоботъ; рядомъ хитрая змѣя вкрадчиво сплетала гордіевымъ узломъ свой извилистый хвостъ й давала незамѣченное доказательство роковаго лукавства. Другія, лежа на травѣ, теперь сытыя, глазѣли или жевали полусонныя; ибо солнце, уже понижавшееся, склонялось къ островамъ океана, и на поднимающейся чашѣ небесныхъ вѣсовъ восходили звѣзды, спутницы ночи.

А грустный Сатана, все по-прежнему стоявшій въ изумленіи, такъ наконецъ продолжалъ измѣнившее ему слово:

«О адъ! что глаза мои съ прискорбіемъ видятъ? На мѣсто насъ, столь высокимъ блаженствомъ наслаждаются твари, другія по существу, можетъ быть, земнородныя, не духи, но малымъ чѣмъ ума-

---

[1]) 1 Кор. XII, 7. Мужъ — «образъ и слава Божія сый, жена же слава мужу есть».

ленныя предъ свѣтлыми небесными духами[1]). За ними съ удивленіемъ слѣдятъ мои мысли и, кажется, полюбили бы ихъ: такъ живо проявляютъ они божественное подобіе и такую грацію излила на нихъ рука, ихъ создавшая. А, прелестная чета! ты не думаешь, какъ близка отъ тебя перемѣна, когда всѣ эти наслажденія исчезнутъ и предадутъ васъ горю, тѣмъ большему горю, чѣмъ больше вы теперь вкушаете радости! Счастливцы, но дурно обезпеченные для прочнаго продолженья такого счастія; это ваше высокое жилище, ваше небо дурно укрѣплено для неба, чтобъ остановить врага, какой теперь вторгнулся. Но я рѣшительный врагъ не вамъ; я сжалился бы надъ вами, такъ брошенными, хотя надо мной не сжалились. Я ищу съ вами союза и взаимнаго дружества, столь тѣснаго и твердаго, что или мнѣ отнынѣ должно жить у васъ, или вамъ у меня. Мое жилище, можетъ, не понравится вашимъ чувствамъ, какъ этотъ прекрасный рай; но примите его, какъ дѣло рукъ своего Творца. Онъ далъ его мнѣ, а я также щедро отдаю. Адъ на встрѣчу вамъ двоимъ отворитъ самыя широкія врата и вышлетъ всѣхъ своихъ царей. Тамъ будетъ просторъ, не похожій на эти тѣсные предѣлы, для поселенія вашего многочисленнаго потомства. За недостатокъ лучшаго мѣста благодарите Того, Кто меня заставляетъ мстить противъ воли вамъ, не сдѣлавшимъ мнѣ зла, за Другаго, Кто меня оскорбилъ. Да еслибъ я и тронулся, какъ теперь тронутъ вашей миролюбивой невинностью, то законная общественная причина, честь и связанное съ местію распространеніе царства чрезъ завоеваніе новаго міра, побуждаютъ меня къ тому, къ чему иначе я, хотя и осужденный, питалъ бы отвращеніе».

Такъ говорилъ врагъ и необходимостію[2]), предлогомъ тирановъ, извинялъ свои дьявольскія дѣйствія. Потомъ спускается съ своего возвышеннаго мѣста на ономъ великомъ деревѣ къ играющему стаду четвероногихъ породъ, превращаясь то въ одно, то въ другое, смотря по тому, какой видъ лучше велъ его къ цѣли — ближе разглядѣть свою добычу и, не бывъ узнаннымъ, ознакомиться съ ихъ состояніемъ изъ замѣчательныхъ словъ или поступковъ. Вотъ около нихъ онъ — то выступаетъ львомъ съ огненными глазами, то, какъ тигръ, нечаянно въ перелѣсьи завидѣвшій двухъ играющихъ нѣжныхъ сернъ, вдругъ прилегаетъ къ землѣ, потомъ, подстерегая съ разныхъ мѣстъ, выбираетъ такое, откуда безъ промаху обѣихъ можетъ схватить когтями.

[1]) Пс. V, III, 6. «Умалилъ еси его (человѣка) малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его».

[2]) Разсказываютъ, что когда тѣло Карла I лежало въ одномъ изъ покоевъ Вейтголя, Кромвель, ходя тамъ взадъ и впередъ, въ длинномъ черномъ плащѣ, говорилъ про себя: страшная *«необходимость»!*

Въ то время Адамъ, первый изъ мужей, бесѣдуя къ Евѣ, первой женѣ, привлекъ вниманіе дьявола, который весь превратился въ слухъ, чтобы вникнуть въ теченье новой рѣчи:

«Единственная участница и часть всѣхъ этихъ радостей, но сама всѣхъ ихъ дражайшая [1]! несомнѣнно, что Всемогущество, сотворившее насъ и для насъ этотъ великій міръ, есть безпредѣльно благое и въ дарахъ своихъ столь же щедрое, свободное какъ и безпредѣльное. Оно возставило насъ изъ праха и поселило здѣсь среди всего этого блаженства, когда мы ничего не можемъ сдѣлать, въ чемъ бы Онъ нуждался, Онъ, который не требуетъ отъ насъ иной службы какъ блюсти эту одну, эту легкую заповѣдь — изъ всѣхъ райскихъ деревъ, приносящихъ прекрасные и разнообразные плоды, не вкушать лишь отъ дерева познанія, насажденнаго близъ дерева жизни. Такъ близко жизни растетъ смерть! Что бы ни было смерть — она, безъ сомнѣнія, нѣчто страшное; ибо, какъ ты очень знаешь, Богъ произнесъ, что вкушеніе этого плода есть смерть — вотъ одинъ оставленный знакъ повиновенія среди столь многихъ знаковъ власти и господства, врученныхъ намъ надъ всѣми другими тварями, что владѣютъ землею, воздухомъ и моремъ. Не станемъ же тяготиться однимъ легкимъ запретомъ, пользуясь полнымъ свободнымъ разрѣшеніемъ столь щедрымъ на всѣ вещи и неограниченнымъ выборомъ разнообразныхъ удовольствій. Будемъ всегда прославлять и превозносить Его благость, продолжая свои пріятныя занятія, расчищая эти растущія деревья, ухаживая за этими цвѣтами: все это, еслибъ даже было и трудно, съ тобой всегда будетъ пріятно».

Ева такъ отвѣчала:

«О ты, для кого и изъ кого я сотворена, плоть отъ твоей плоти, и безъ кого мнѣ нѣтъ цѣли; мой вожатый и глава! что ты сказалъ, то вѣрно и истинно. Мы конечно должны воздавать Ему хвалу и вседневную благодарность, особенно я, надѣленная далеко счастливѣйшимъ жребіемъ; я обладаю тобой, возвышающимся столь многими преимуществами, а ты не можешь себѣ найти равнаго товарища.

«Часто я вспоминаю тотъ день, когда впервые пробудилась отъ сна и, найдя себя лежащею на цвѣтахъ подъ тѣнью, много дивилась, гдѣ и кто я? откуда и какъ сюда занесена? Не подалеку журчалъ выбѣгавшій изъ пещеры ручей и разливался влажной равниной, неподвижной и чистой, какъ небесное пространство. Съ не-

[1]) Адамъ напоминаетъ Евѣ о заповѣди, данной Богомъ (Быт. II, 16, 17. I, 28): «отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него; а въ онь же аще день снѣсте отъ него, смертію умрете».

опытной мыслію я туда подошла и легла на зеленомъ берегу, чтобъ заглянуть въ чистое гладкое озеро, которое представлялось мнѣ другой твердью. Едва я наклонилась, чтобъ заглянуть и насупротивъ, въ водяномъ зеркалѣ, явился образъ, склонявшійся смотрѣть на меня. Я бросилась назадъ, онъ бросился также; но я скоро въ радости воротилась; онъ также скоро воротился радостный, отвѣчая взорами сочувствія и любви. Тамъ бы я до сихъ поръ смотрѣла неподвижно и измучилась тщетнымъ желаніемъ, еслибъ не остерегъ меня голосъ:

«Что ты видишь, что ты тамъ видишь, прекрасное созданье, это ты сама, это съ тобою приходитъ и уходитъ; но послѣдуй за мной и я приведу тебя туда, гдѣ не тѣнь ждетъ твоего прихода, а тотъ, чей ты образъ, кѣмъ будешь владѣть нераздѣльно».

«Что мнѣ было дѣлать, какъ не слѣдовать прямо за незримымъ вождемъ, и вскорѣ я въ самомъ дѣлѣ увидѣла тебя подъ тополемъ, прекраснаго и величаваго; но ты показался менѣе прекрасенъ, менѣе прелестенъ, менѣе любовно кротокъ, чѣмъ тотъ нѣжный водяной образъ. Я, обернувшись, побѣжала прочь, а ты, слѣдуя за мной, громко звалъ: «воротись, прекрасная Ева! кого ты убѣгаешь? Ты убѣгаешь того, отъ кого произошла, чья ты плоть, чья ты кость. Чтобы дать тебѣ бытіе, я удѣлилъ отъ своего бока ближайшую къ сердцу существенную жизнь, и ты отнынѣ должна быть со мной, моя неразлучная и дорогая утѣха. Часть души моей, я ищу тебя и требую, свою другую половину»! Тутъ нѣжная твоя рука схватила меня, я уступила, и съ того времени вижу, сколько превосходитъ красоту мужественная грація и мудрость, одна истинно прекрасная».

Такъ говорила наша общая мать. Дьяволъ ревниво и злобно посматривалъ на нихъ искоса.

Онъ нагло обращаетъ свои гордые шаги, но съ хитрой осмотрительностью, и начинаетъ обходъ по лѣсамъ, равнинамъ, холмамъ и полямъ.

Между тѣмъ на отдаленнѣйшемъ западѣ, гдѣ небо встрѣчается съ землей и океаномъ, заходящее солнце медленно опускалось и горизонтально бросало вечерніе лучи на восточную дверь рая.

То была алебастровая скала, восходившая до облаковъ, далеко видная, съ одной извилистой тропой, доступной отъ земли и ведущей къ высокому входу, а впрочемъ снизу до верху, какъ обрывистый утесъ, нависшая и недоступная. Между столпами этого утеса сидѣлъ Гавріилъ [1]), начальникъ ангельской стражи, въ ожиданіи

[1]) Архангелъ Гавріилъ былъ посланъ показать Даніилу видѣнье четырехъ монархій и семидесяти седминъ (Дан. IX, 21 — 24) и съ благовѣстіемъ ко Пресвятой Маріи (Ев. Лук. 1). *Гавріилъ* съ Евр. значитъ «крѣпость Божія», а потому поэтъ назвалъ его начальникомъ стражи.

ночи. Около него упражнялось въ героическихъ играхъ безоружное молодое небесное войско; высоко надъ ихъ головами висѣли на готовѣ небесныя брони, щиты, шлемы и копья, горящіе алмазами и золотомъ. Туда прибылъ Уріилъ, скользя по солнечному лучу, чрезъ сумерки, съ быстротою звѣзды падающей въ осеннюю ночь, когда воспламененные пары давятъ воздухъ, и предвѣщающей, съ какой точки компаса моряку должно остерегаться бурнаго вѣтра. Онъ началъ съ поспѣшностію:

«Гавріилъ! на тебѣ, по очереди и по жребію [1]), лежитъ обязанность и строгій присмотръ, чтобъ къ этому счастливому мѣсту ничто злое не приближалось и въ него не проникло. Сего дня, въ полуденную высоту, подходилъ къ моей сферѣ духъ, по-видимому, ревновавшій болѣе узнать о дѣлахъ Всемогущаго, и въ особенности о человѣкѣ, послѣднемъ образѣ Божіемъ».

Крылатый воинъ отвѣчалъ:

«Если въ чертѣ этихъ переходовъ, въ какомъ бы ни было образѣ, скрылся тотъ, о комъ ты сказываешь, я развѣдаю завтра на разсвѣтѣ».

Такъ онъ обѣщалъ, и Уріилъ возвращается къ своему мѣсту по тому же свѣтлому лучу, котораго оконечность теперь поднялась и перенесла его наклонно къ солнцу, погрузившемуся за Азорскіе острова, — отъ того ли что первенствующее свѣтило непостижимо быстро скатилось туда въ суточномъ обращеніи, или менѣе поворотливая земля кратчайшимъ полетомъ къ востоку оставила его тамъ [2]), осыпающее золотомъ и пурпуромъ облака, что окружаютъ его на западномъ тронѣ.

Вотъ наступилъ тихій вечеръ, и сѣдые сумерки одѣли все своей степенной одеждой: ихъ провожало молчаніе; ибо и звѣри и птицы удалились; одни на свои злачныя постели, а другія въ гнѣзда; всѣ кромѣ бдительнаго соловья: онъ цѣлую ночь пѣлъ свою мелодію и восхищалъ молчаніе.

Вскорѣ твердь заблистала живыми яхонтами. Гесперъ, ведшій звѣздное войско, течетъ яснѣе всѣхъ; пока наконецъ луна въ покровенномъ величіи, видимая царица ночи, разоблачила свой несравненный свѣтъ и бросила на мракъ серебряную мантію.

Подойдя къ своему тѣнистому крову, Адамъ и Ева остановились, оба обернулись назадъ и подъ открытымъ небомъ поклонились Богу, сотворившему небо, воздухъ и твердь, ими созерцаемые, свѣтящій шаръ луны и звѣздный полюсъ.

---

[1]) У Евреевъ священники служили въ храмѣ, наблюдая очередь по жребію. 1 Парал. XXIV. Ев. Лук. 1, 8, 9.

[2]) Уріилъ летѣлъ по солнечному лучу, горизонтально сіявшему; въ продолженіи его бесѣды солнце понизилось.

«Ты сотворилъ и ночь, Всемогущій Творецъ, и день, что провели мы въ опредѣленныхъ намъ занятіяхъ, счастливые своей взаимной помощію и взаимной любовію, вѣнцомъ всего нашего блаженства, устроеннаго Тобой! и это прекрасное мѣсто, для насъ слишкомъ просторное, гдѣ твое богатство ожидаетъ участниковъ и несобранное падаетъ на землю. Но Ты обѣщалъ, что отъ насъ двоихъ племя наполнитъ всю землю, съ нами будетъ превозносить твою безконечную благость, когда мы пробуждаемся и, какъ теперь, отходимъ ко сну, Тобой даруемому».

Такъ они произносили и, убаюкиваемые соловьями, заснули.

Сатана, съежась жабою и прильнувши къ уху Евы, своимъ дьявольскимъ искусствомъ старался коснуться органовъ ея воображенья, а чрезъ нихъ породить мечты, видѣнья и грезы, по своему умыслу, или ядовитымъ дыханьемъ заразить жизненные духи, подымающіеся отъ чистой крови, подобно легкимъ парамъ чистыхъ рѣкъ, а чрезъ то, по крайней мѣрѣ, возбудить разстроенныя и недовольныя мысли, суетныя надежды, суетныя стремленья, безпорядочныя желанія, надутыя надменными замыслами, рождающими гордость. Итуріилъ (ангелъ) легко коснулся злоумышленника своимъ копьемъ: — никакой обманъ не можетъ выдержать прикосновенья небесной стали, не принимая невольно своего вида. Открытый и застигнутый Сатана содрогается: какъ искра падаетъ на кучу сѣрнаго пороха, приготовленнаго въ боченки, для снабженья магазина вслѣдствіе молвы о войнѣ, и угольное сѣмя, разметанное внезапнымъ взрывомъ, воспламеняетъ воздухъ, такъ испрянулъ врагъ въ собственномъ образѣ. Два прекрасные ангела, полуизумленные незапнымъ явленіемъ чудовищнаго царя, отступили; но вскорѣ, не смущаясь страхомъ, вопрошаютъ:

«Который ты изъ этихъ мятежныхъ духовъ, присужденныхъ аду, тюремный бѣглецъ? Зачѣмъ, преобразившись, прилегъ, подобно засѣдшему врагу, сторожить у изголовья спящихъ здѣсь»?

«А развѣ не знаете, сказалъ Сатана, полный злобы, развѣ вы не знаете меня? Вы знали меня прежде не своимъ ровнею, сидѣвшаго тамъ, куда вы не смѣли подняться. Не знать меня! это изобличаетъ вашу неизвѣстность и низшее званіе въ своей толпѣ. Если же знаете, зачѣмъ спрашивать и ненужными разговорами начинать посольство, которое также ничѣмъ кончится»?

Затѣмъ вступаютъ въ разговоръ Сатана и Гавріилъ. Сатана предлагаетъ ангелу вступить съ нимъ въ бой.

Свѣтлый ангельскій отрядъ вспыхнулъ огненнымъ цвѣтомъ, заострилъ, подобно рогамъ полумѣсяца, свою фалангу и сталъ его обходить съ наклоненными копьями, столь же густыми, какъ поле Цереры, поспѣвшее для жатвы, колеблющее свою косматую рощу

колосьевъ, склоняемыхъ по вѣтру. Заботливый земледѣлецъ стоитъ, задумавшись, чтобы на гумнѣ его надежные снопы не оказались соломой.

Съ другой стороны Сатана, встревоженный, стоялъ, выпрямившись, подобно Тенерифу или Атласу, неколебимый: станомъ своимъ онъ доставалъ до неба; на его гребнѣ сидѣлъ оперенный ужасъ. Кисть его руки держала что-то похожее и на копье и на щитъ.

Теперь совершились бы страшныя дѣла, и не только рай въ этомъ бою, но и звѣздный сводъ неба, или наконецъ всѣ стихіи, сокрушились, колеблемыя и раздираемыя силой ударовъ, еслибы вскорѣ Всевышній, предупредя страшную борьбу, не вывѣсилъ на небѣ свои золотые Вѣсы, теперь видимые между Астреей и Скорпіономъ. На нихъ Онъ прежде вѣсилъ всѣ сотворенныя вещи [1], висящій земной шаръ въ равновѣсіи съ воздухомъ; нынѣ вѣситъ всѣ событія, сраженія и царства; а теперь положилъ двѣ тяжести: на одну чашу — разойтись, на другую — сразиться. Послѣдняя быстро поднялась и ударилась въ коромысло, что увидя, Гавріилъ такъ сказалъ врагу:

«Сатана! я знаю твою силу, ты знаешь мою; обѣ не наши, а данныя; и такъ, не безумно ли гордиться тѣмъ, что можетъ сдѣлать оружіе? Твое — не болѣе сколько попуститъ небо, а равно и мое, хотя теперь удвоенное на сокрушенье тебя въ прахъ. Въ доказательство взгляни вверхъ, и прочти свой удѣлъ въ томъ небесномъ знакѣ, гдѣ ты взвѣшенъ, и гдѣ очевидно сколько легокъ, сколько слабъ въ случаѣ сопротивленія».

Врагъ поднялъ взоры, узналъ свою чашу, поднявшуюся вверхъ, и не медля бѣжалъ съ ропотомъ, а съ нимъ сбѣжала ночная тѣнь.

Зиновьевъ.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

(Байрона).

Біографія Байрона. — Слова *Лининченки*: «Жоржъ Гордонъ Байронъ [2], величайшій творческій геній новѣйшихъ временъ, вѣрный и любимый сынъ и

[1]) Вѣсы судьбы, рѣшающіе участь сраженій, часто встрѣчаются у Гомера и Виргилія. Чаша съ жребіемъ Сатаны не опускается на небесныхъ вѣсахъ, какъ у Гомера, а поднимается вверхъ, означая легкость или безсиліе. Мильтонъ утверждается на текстахъ Св. Писанія. Дан. V, 26, 27. «Се сказаніе глагола: Мани, измѣри Богъ царство твое, и скончa е. Фекел, поставися въ мѣрилахъ, и обрѣтеся лишаемо» и д. Іов. XXVIII, 25. «Вѣтромъ вѣсъ, и водѣ мѣру егда сотвориль». Также XXVIII, 25. Иса. XL, 12. 1 Цар. II, 3. Прит. XVI, 2.

[2]) О Байронѣ шесть статей *П. Н. Рѣдкина* напечатано въ Соврем. Т. XIX—XXII.

вмѣстѣ изгнанникъ и отверженникъ Англіи, глубоко-національный поэтъ, родился въ Лондонѣ 1787 г. Отецъ его, отчаянный и разгульный буршъ, умеръ черезъ три года послѣ его рожденія, оставивъ жену и дѣтей въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Молодая вдова — мать Байрона, женщина довольно ограниченная, удалилась въ Аберденъ, единственное оставшееся ей родовое имѣніе въ Шотландіи, и посвятила себя исключительно воспитанію сына. Но, не смотря на всю нѣжность материнской любви и заботливости, она едва ли не была однако изъ первыхъ причинъ той вражды къ людямъ и мрачности духа, которыя съ такою силою рано развились въ поэтѣ. Высокомѣрный, вспыльчивый и мстительный по натурѣ, Байронъ безпрестанно сталкивался съ матерью, женщиною весьма ограниченною, исполненною самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и не менѣе его вспыльчивою. Неудивительно, что семейный разладъ и вѣчная кутерьма должны были родиться съ такого столкновенія и что между матерью и сыномъ происходили часто самыя непріятныя сцены, въ слѣдствіе которыхъ они иногда разставались, и по нѣскольку времени не видались. Гордый по природѣ, съ прекрасною наружностію и изящными манерами, Байронъ имѣлъ несчастіе быть хромымъ. Понятно, опять, что, при необыкновенной чувствительности и щекотливости дитяти, упреки и насмѣшки надъ хромотою, которыя приходилось слышать отъ сверстниковъ и которыя вырывались даже иногда изъ устъ недалекой матери, произвели самое пагубное вліяніе на юную душу Байрона. И въ природѣ прежде всего подѣйствовали на юное воображеніе Байрона картины угрюмыхъ горъ Шотландіи. Правда, что горный климатъ Шотландіи укрѣпилъ слабое тѣло дитяти, такъ что онъ рано превосходилъ всѣхъ товарищей дѣтства ловкостію, терпѣніемъ и смѣлостію, подобно тому, какъ въ послѣдствіи, въ юношествѣ, постоянно одерживалъ верхъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ: въ плаваніи, верховой ѣздѣ, фехтованіи, стрѣльбѣ. Живописныя окрестности развили эстетическое чувство наслажденія красотами природы. Но съ другой стороны, это превосходство и укрѣпило рано заронившуюся въ душу поэта мрачность, раздражительность, упрямство и капризы, если вспомнимъ обращеніе съ нимъ матери и сверстниковъ. Значительную часть дѣтства онъ провелъ въ порядочной бѣдности, въ старомъ, полуразвалившемся родовомъ замкѣ. Естественно, что на живую воспріимчивую душу его должны были произвесть глубокое впечатлѣніе развалины замка, его темные корридоры, одинокая башня, полуобвалившіяся залы и вокругъ обнаженныя и безлюдныя поля. То же впечатлѣніе поддерживалось, если не усиливалось мрачною природою и полными таинственности Шотландскими народными сагами. Въ школѣ встрѣтилъ онъ сухое и холодное ученье, между тѣмъ, какъ отъ природы былъ надѣленъ характеромъ живымъ и страшною любознательностію. Способности, которыми богато былъ одаренъ Байронъ, не имѣли свободнаго развитія, а потому, вырываясь по временамъ отъ школьной принужденности, онъ съ жаромъ предавался тому влеченію, какое получала свобода, и безпрестанно подчинялся то одной, то другой страсти. И въ свѣтѣ, при первомъ столкновеніи съ людьми, встрѣченъ былъ измѣною, презрѣніемъ, холодною гордостію, даже отъ своихъ родственниковъ, тогда какъ самъ былъ страшно гордъ. Тѣ, къ кому питалъ Байронъ расположенность, какъ напр. мисс Мери Хавортъ, отталкивали его и смѣялись надъ чувствами «юнаго хромца». Разумѣется, что это только развивало въ Байронѣ враждебныя чувства къ людямъ. Изъ Гарровской школы, въ которой провелъ 6 лѣтъ за сухою и скучною наукою, Байронъ перешелъ въ Кембриджскій университетъ, для окончанія образованія.

Къ несчастію, здѣсь попалъ въ самое отчаянное студенческое общество, велъ разгульную жизнь и, не окончивъ курса, бросилъ университетъ.

«Первые поэтическіе опыты Байрона, небольшое собраніе стихотвореній, подъ названіемъ: «Часы музъ», изданное по настоянію друзей,—публика приняла благосклонно. Но критика напала на нихъ, какъ на литературную жертву и произнесла презрительнымъ тономъ въ высшей степени неблагопріятный судъ. Раздраженный юноша-поэтъ какъ бы вдругъ возмужалъ и, разразившись убійственною сатирою на критиковъ и литературные недостатки вообще, сразу вступилъ на собственную поэтическую дорогу и обратилъ вниманіе на себя всей Англіи. Но въ отношеніи къ душевному настроенію поэта, критика только помогла прежнимъ вліяніямъ. Послѣ героическаго литературнаго подвига, Байронъ бросился, со всею необузданностію, въ дикія наслажденія столицы и затѣмъ, когда встрѣченъ былъ враждебно и въ томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ по своему рожденію, бросилъ Англію и отправился путешествовать по Европѣ. Чрезъ Португалію, Испанію и Средиземное море онъ прибылъ въ Грецію. Въ одинокихъ поѣздкахъ по Греціи, Байронъ находилъ величайшее наслажденіе сидѣть по цѣлымъ днямъ на вершинѣ какой-нибудь уединенной скалы надъ моремъ и смотрѣть оттуда на небо и воду, забываясь въ неопредѣленныхъ мечтахъ. Тамъ все было ново и полно очарованія. Его поэтическую душу волновала быстрая перемѣна мѣстъ и сценъ, разнообразіе людей и нравовъ, ожиданіе приключеній и жажда опасностей. Здѣсь началъ Байронъ своего «Чайльдъ Гарольда» и, разсѣявшись путешествіемъ и примирившись нѣсколько съ людьми, возвратился въ отечество. Появленіе первыхъ двухъ пѣсенъ «Чайльдъ Гарольда» произвело необыкновенный успѣхъ и глубокое впечатлѣніе: въ одинъ день разошлось 14,000 экземпляровъ поэмы и менѣе чѣмъ въ одну недѣлю все изданіе. Самые враги и завистники поражены были непритворнымъ удивленіемъ и поставили Байрона въ первые ряды литературныхъ знаменитостей. Восторженный пріемъ первой поэмы увлекъ поэта къ дѣятельности и за Чайльдъ Гарольдомъ слѣдовалъ рядъ блистательныхъ произведеній: Байронъ вступилъ на почву поэтической повѣсти, ту форму искусства, которая нашла въ немъ величайшаго художника. Вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія поэта къ обществу измѣнились. Знаменитѣйшіе люди Великобританіи искали его дружбы, отвсюду присылали ему поздравленія, письма и стихи; высшее Лондонское общество приняло его съ распростертыми объятіями; въ гостиныхъ его Байронъ игралъ главную роль; его благородная наружность, его задумчивость, его слова, самыя странности его характера и судьбы восхищали и привлекали къ нему всѣхъ. Въ это время созданы имъ повѣсти: Гяуръ, Абидосская Невѣста, Корсаръ, много лирическихъ стихотвореній, собранныхъ подъ именемъ Еврейскихъ Мелодій, и нѣкоторыя другія пьесы.

«Но дружескія отношенія Байрона къ обществу были непродолжительны. По мѣрѣ того, какъ, съ появленіемъ новыхъ произведеній, возрастала его слава, росла толпа враговъ и завистниковъ. Разводъ со второю супругою подалъ поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ и клеветамъ. Байронъ снова вошелъ въ неблагопріятныя отношенія къ обществу. Оскорбленный и разочарованный вторично, продалъ онъ свой родовой замокъ и навсегда оставилъ Англію. Проживъ довольно въ Швейцаріи и Италіи жизнью самою разнообразною и разгульною, онъ кончилъ свое поприще въ Греціи, сражаясь за ея свободу (1824 г.). Во время пребыванія въ Италіи и Швейцаріи написаны имъ повѣсти: Шильонскій Узникъ, 2 послѣднія пѣсни Гарольда, Мазепа, Донъ Жуанъ, драма Манфредъ, трагедія Марино Фальери, Сарданапалъ и многія другія пьесы». (Курсъ исторіи поэзіи. *Линниченко.* Кіевъ. 1860, стр. 116 — 121).

Братья Узники.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ
Покрыты влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ,
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу.
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночномъ.
Колонна каждая съ кольцомъ,
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ,
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ;
Мнѣ въ члены вгрызлося оно;
Не будетъ въ-вѣкъ истреблено
Клеймо, надавленное имъ;
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ столь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душей остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я — живой —
Терзался на полу тюрьмы.

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены;
Хоть вмѣстѣ, но разлучены:
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лице чужое далъ, —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснію войны —
Но скоро то же и одно

Во мглѣ тюрьмы истощено;
Нашъ голосъ страшно одичалъ;
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Въ тѣ дни, подобно намъ самимъ,
Могучимъ, вольнымъ и живымъ.
Мечта ль?... но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой.

Изъ насъ троихъ я старшій былъ;
Я жребій собственный забылъ,
Дыша заботою одной,
Чтобъ имъ не дать упасть душей.
Нашъ младшій братъ, любовь отца....
Увы, черты его лица
И глазъ умильная краса,
Лазоревыхъ какъ небеса,
Напоминали нашу мать.
Онъ былъ мнѣ все,—и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,
Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески-игривъ,
Безпечно-веселъ самъ съ собой....
Но передъ горестью чужой
Изъ голубыхъ его очей
Бѣжали слезы какъ ручей.

Другой былъ столь же чистъ душей,
Но духъ имѣлъ онъ боевой:
Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ
И въ первый рядъ на смерть готовъ....
Но безъ терпѣнья для оковъ.
И онъ отъ звука ихъ завялъ.
Я чувствовалъ, какъ погибалъ,
Какъ медленно въ печали гасъ
Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ.
Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —

И гробъ тюрьма ему была:
Неволи сила не снесла.

Смерть Младшаго Брата.

Но онъ — нашъ милый, лучшій цвѣтъ,
Нашъ ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ — образъ матери душей
И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Онъ — для кого я жизнь щадилъ,
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть....
Увы! онъ долго могъ сносить
Съ младенческою тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой;
Не я ему — онъ для меня
Подпорой былъ.... вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и, молча, вялъ.
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка.... я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ;
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей;
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,
Пока ихъ смерть не заперла;
Но тамъ былъ страхъ — здѣсь скорбь была,
Болѣзнь глубокая души.
Смирѣннымъ ангеломъ въ тиши
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ.... увы, онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ.

Ни вздоха скорби на устахъ,
Ни ропота на жребій свой;
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьѣ.... Но, объятъ
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи.
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ....
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ,...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшеный.... стѣна
Откликнулась.... и умеръ гулъ!
Я цѣпь отчаянно рванулъ
И вырвалъ.... къ брату.... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ, предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ;
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моей;
Все страшно вдругъ сперлося въ ней.
Я дико по тюрьмѣ бродилъ,
Но въ ней покой ужасный былъ;
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой
Какой-то холодъ гробовой;
И, взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ.
О, сколько муки въ знаньѣ томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю, вѣра ль то была,
Иль хладность къ жизни жизнь спасла?

Но что потомъ сбылось со мной,
Не помню.... свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;

Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытія,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я;
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ;
Все въ мутную слилося тѣнь;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкій свѣтъ тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей;
То было тьма безъ темноты:
То было бездна пустоты
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ.
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Вдругъ лучъ внезапный посѣтилъ
Мой умъ.... то голосъ птички былъ.
Онъ умолкалъ; онъ снова пѣлъ.
И, мнилось, съ неба онъ летѣлъ;
И былъ утѣшно-сладокъ онъ.
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я;
Но не надолго.... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся.... и была
Опять передо мной тюрьма;
Молчанье то же, та же тьма;
Какъ прежде блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ....
Но тамъ же, въ свѣтѣ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ;
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной....

Какъ много было въ пѣснѣ той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ;
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братѣ и покинутъ былъ;
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ;
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или, недавно изъ цѣпей,
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ?
Скажу ль?... Мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость; что братній духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ....
Но утѣшитель вдругъ исчезъ;
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня....
Нѣтъ, нѣтъ, то не былъ братъ.... меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я, съ нимъ дважды разлученъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ.

Видъ Природы.

Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,
На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На слиты съ ними небеса.
Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Все были тѣ жъ: на вышинѣ
Вѣками созданы снѣга,
Подъ ними Альпы и луга.
И бездна озера у ногъ,
И Роны блещущій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышенъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ,
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ,
И кровы свѣтлыхъ городовъ

Сквозь паръ мелькали вдоль бре-
говъ....
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ го-
лубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравѣ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжвѣй
Кругомъ родныхъ бреговъ онѣ.
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у брега, отплывалъ,
И при свободномъ вѣтеркѣ,
Летя, скрывался вдалекѣ;
И въ облакахъ орелъ игралъ,
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ—то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взлеталъ—за нимъ душа рвалась;
И слезы новыя изъ глазъ
Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь.... мнѣ стало
жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей.
Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —
Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,
Мой милый братъ передо мной
Былъ взятъ несытою землей!
Но какъ ни тяжко ныла грудь—
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,
Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ.

Жуковскій.

Примѣч. — Слова *Жуковскаго:* «Замокъ Шильонъ, въ которомъ съ 1530—37 заключенъ былъ Бониваръ, Женевскій гражданинъ, находится между Клараномъ и Вильневомъ у самыхъ восточныхъ береговъ Женевскаго озера. Изъ оконъ его видны, съ одной стороны, устье Роны, снѣжныя Валисскія горы, а съ другой множество деревень и замковъ; передъ нимъ разстилается необъятная равнина водъ, ограниченная въ отдаленіи низкими, голубыми берегами, а позади его падаетъ съ холма шумный потокъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ озеромъ, котораго глубина въ этомъ мѣстѣ простирается до 890 Французскихъ футовъ. Можно подумать, что онъ выходитъ изъ воды; ибо совсѣмъ не видно утеса, служащаго ему основаніемъ: гдѣ кончается поверхность озера, тамъ начинаются стѣны замка. Темница, въ которой страдалъ Бониваръ, до половины выдолблена въ гранитномъ утесѣ; своды ея, поддерживаемые семью колоннами, опираются на дикую скалу; на одной изъ колоннъ виситъ еще то кольцо, къ которому была прикрѣплена цѣпь Бониварова, а на полу, у подошвы той же колонны, замѣтна впадина, вытоптанная ногами узника, который столько времени принужденъ былъ ходить на цѣпи своей все по одному мѣсту. Неподалеку отъ устья Роны, вливающейся въ Женевское озеро, находится небольшой островокъ, единственный на Леманѣ: его можно различить изъ оконъ темницы». (Стих. Жук., т. 5).

ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

(Мицкевича).

Біографія Мицкевича.—Адамъ Мицкевичъ (1798—1855)—знаменитый Польскій поэтъ. По силѣ таланта и значенію для Польскаго народа онъ равенъ Пушкину.

Родился въ Минской губерніи, подъ Новогрудкомъ, гдѣ родителямъ его принадлежало небольшое имѣніе. Когда онъ достигъ десятилѣтняго возраста, его отдали въ Доминиканское училище; въ 1812 году вступилъ въ ополченіе; потомъ слушалъ лекціи въ Виленскомъ университетѣ. По окончаніи курса, былъ учителемъ Латинскаго языка въ Ковно. 1825 года посѣтилъ Одессу, Крымъ. Путешествіе по югу Россіи не осталось безслѣднымъ въ поэтической жизни Мицкевича. «Крымскіе Сонеты» написаны большею частію въ Одессѣ. Въ 1826—1827 годахъ посѣтилъ Москву и Петербургъ. Въ послѣдней столицѣ его искренно встрѣтилъ Пушкинъ.... Затѣмъ Мицкевичъ отправился за границу. Въ Веймарѣ 1829 года былъ радушно принятъ Гете. Великій Нѣмецкій поэтъ подарилъ Мицкевичу золотое перо и сказалъ: «Вы теперь величайшій изъ живущихъ Европейскихъ поэтовъ: Гете ужъ сходитъ въ могилу». Былъ въ Швейцаріи, Римѣ, Парижѣ. Съ 1834 г. Мицкевичъ предается религіозному мистицизму и начинаются его испытанія въ жизни. Въ Лозаннѣ онъ занялъ должность профессора Латинской словесности, а въ Парижѣ, въ Collège de France, въ 1840 г., каѳедру Славянской литературы. По закрытіи сей послѣдней, въ 1844 г., отправился въ Римъ, имѣлъ свиданіе съ папою Піемъ IX; затѣмъ опять возвратился въ Парижъ. Огорченный смертію жены, 1855 г., Мицкевичъ жилъ въ Фонтенбло у друзей своихъ Залѣсскихъ. Потомъ Французскимъ правительствомъ отправленъ былъ вмѣстѣ съ ученою экспедиціею въ Константинополь съ цѣлію описанія Славянскихъ земель, но смерть прервала дѣятельность поэта. Онъ умеръ въ Константинополѣ. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, во время своего пребыванія въ Варшавѣ, разрѣшилъ издать всѣ сочиненія Мицкевича, чѣмъ искренно былъ обрадованъ Польскій народъ.

О Мицкевичѣ четыре статьи *Дубровскаго* въ Отеч. Зап. 1858. Т. CXX и CXXI. Здѣсь весьма много выписокъ изъ сочиненій Мицкевича, а Панъ Тадеушъ почти весь переведенъ въ прозѣ. Въ *Библіограф. Записк.* есть кое-что о Мицкевичѣ.

Переводы: Крымскіе сонеты, пер. въ прозѣ, кн. *Вяземскаго.* Моск. Телеграфъ 1827, ч. XIV.—Крымскіе Сонеты, *Козлова*, *Лермонтова* (въ собраніи ихъ стихотвореній), *Луговскаго* 1858 г. — Поминки усопшихъ (Dziady). *Врончевки.* Невскій Альманахъ 1829. — Гражина. *Бенедиктова.* Сѣв. Пчела 1862. — Конрадъ Валленродъ. *Аѳанасія Шпигоцкаго.* Спб. 1832. Конрадъ Валленродъ. *Шершеневича.* Соврем. 1858, № 5. *Берга.* Русская Бесѣда 1858, книга 2. *Бенедиктова.* Сѣв. Пчела 1862, № 45—52. Гражина и Конрадъ, перев. *Бенедиктова*, изданы отдѣльною книгою. Спб. 1863. *Пушкинъ* перевелъ начало Валленрода и перевелъ мастерски. Онъ же перевелъ изъ Мицкевича двѣ баллады: Воевода и Будрысъ и его сыновья.— Панъ Тадеушъ, поэма Мицкевича. *Берга.* Отеч. Зап. 1862, № IV—VIII.—Дубровскій находитъ, что переводъ Пушкина самый лучшій; остальные весьма неудовлетворительны [1]). (См. От. Зап. 1858, № 10). Не знаемъ, что онъ скажетъ о переводѣ Бенедиктова.

Панъ Тадеушъ. — «Панъ Тадеушъ» — самое лучшее произведеніе Мицкевича. Въ немъ поэтъ изобразилъ главныя стороны умствен-

[1]) Впрочемъ Дубровскій одобряетъ только начало перевода Валленрода; баллады же, по его мнѣнію, неудачно переведены. «Будрысъ» говоритъ о Полькахъ:

У Мицкевича:

Веселенькія, какъ молодые котята,
Лице бѣлѣе молока, вѣжди съ черною рѣсницею,
Глаза блестятъ, какъ двѣ звѣздочки.

ной и гражданской жизни своей отчизны, въ ея извѣстномъ историческомъ развитіи, богато обставивши предметъ поэмы плѣнительными картинами Литовской природы. Литва встаетъ передъ нами, какъ живая съ ея былыми смутами, наѣздами, пирушками, корчмами, жидами-гуслистами, гражданскими распрями, грабежами и своею тихою, вѣчно прелестною и своеобразною природою. *Дубровскій* говоритъ: «Въ этомъ произведеніи, изображающемъ старинный бытъ Польской шляхты, Мицкевичъ является истинно-народнымъ поэтомъ. Оно вполнѣ самобытно какъ по идеѣ, такъ и по исполненію своему, и не напоминаетъ ни одного произведенія другихъ Европейскихъ литературъ. Поэтъ со всею правдивостью представляетъ живую картину сварливой и гордой шляхты, которая рѣзко выражала въ себѣ типъ и характеръ Поляковъ, считаясь равною не только другъ другу, но королю и каждому въ свѣтѣ. Мицкевичъ, преданный родному міру, не скрывалъ, однако, и недостатковъ своего народа. Дѣйствующія лица его эпопеи (такъ можно назвать «Пана Тадеуша»), храбры, набожны, гостепріимны, привязаны къ родной землѣ, но вмѣстѣ съ этимъ шумливы, любятъ споры и драку, всегда готовы взяться за саблю и дѣлать нападенія. Здѣсь представлены всѣ старинные Польскіе обряды, обычаи и предразсудки въ хозяйствѣ, на охотѣ, въ битвѣ, за трапезою,—словомъ, «Панъ Тадеушъ» навсегда останется вѣрнымъ изображеніемъ домашняго и политическаго быта старинныхъ Поляковъ». (Отеч. Зап. 1858, № 11, ст. «Адамъ Мицкевичъ»).

Слова Линниченки: «Народная поэзія *Поляковъ*, запечатлѣнная чисто лирическимъ характеромъ, соотвѣтственно характеру самаго народа, совсѣмъ почти не имѣетъ достойныхъ вниманія памятниковъ эпическихъ. За то ихъ новѣйшая искусственная поэзія съ гордостію можетъ указать на эпическія созданія Адама Мицкевича, особенно на его поэму «Панъ Тадеушъ», можно сказать, перлъ Славянской поэзіи и одинъ изъ лучшихъ стихотворныхъ романовъ новой Европы вообще.

«Историческія рамки этой «шляхетской исторіи», въ 12 книгахъ, составляютъ событія 1812 года, когда походъ Наполеона на Россію возбудилъ въ Польской націи разныя надежды. Разсказъ вращается около наѣзда, одного изъ тѣхъ золъ, которыя лишили Польшу единодушія и погубили ея силы. Эпическія нити, связывающія поэму, довольно шатки, но къ нимъ съ великимъ искусствомъ прикрѣплены національныя воспоминанія и картины, Литовскія сцены домашней и деревенской жизни, идиллическіе и комическіе очерки. Изъ картинъ природы особенно выдается наводящее ужасъ описаніе дикихъ мрачныхъ лѣсовъ Литовскихъ (кн. 4). Герой и героиня поэмы, панъ Тадеушъ и панна Зося, стоятъ больше на заднемъ планѣ и какъ будто только

У Пушкина:

Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла, что *сметана;*
Очи свѣтятся *будто двѣ свѣчки.*

для того, чтобъ представить эротическую сторону этого Славянскаго романа высокаго стиля; за то тѣмъ значительнѣе и величественнѣе выступаютъ фигуры и характеры судьи, жида Янкеля, бернардина Робака и трехъ шляхтичей Гервася, Сасцянека и Мацеки. Комизмъ поэта проявляется въ полномъ блескѣ въ эпизодѣ Домейко и Довейко и въ изображеніи имѣнія графа Горешка, въ высшей степени смѣшнаго своими сантиментальными и романтическими чувствами; не менѣе комическаго представляютъ фигуры пана Реента и Ассесора, съ ихъ потѣшнымъ собаколюбіемъ. Узелъ поэмы завязывается тѣмъ, что шляхтичъ Гервасій уговариваетъ своего пана, графа, къ вооруженному наѣзду на судью Соплицу, владѣющаго многими имѣніями графа Горешко: графъ соглашается наконецъ на это, единственно изъ романтизма. Гервасій дѣйствительно нападаетъ на замокъ Соплицу, но исполненію его намѣренія препятствуетъ появляющееся Русское войско — и обѣ Польскія партіи соединяются противъ Русскихъ и поражаютъ ихъ; въ то же время является Польскій генералъ съ Французскимъ отрядомъ, и наѣздъ оканчивается двойнымъ союзомъ, который обращается въ національное торжество, исполненное надеждъ на возстановленіе Польши. Панъ Тадеушъ и по содержанію и по внѣшней отдѣлкѣ совершеннѣйшее твореніе Мицкевича». (Курсъ исторіи поэзіи. *Линниченко.* Кіевъ. 1860, стр. 178 — 179).

Огородъ [1]).

По вдругъ по сторонамъ блуждать пуская взгляды,
Цвѣтущій огородъ увидѣлъ [2]) сквозь ограды.
На правильныхъ грядахъ, какъ въ рамѣ, за травой,
Капуста лысою качала головой;
Широкій сморщивъ листъ, какъ бы насупя брови,
Казалось, о судьбахъ задумалась моркови....
За ней, вдали, горохъ — бобовнику родня,
Рядами круглыхъ глазъ мигалъ промежъ плетня,
И живописною гирляндой черезъ сучья
Развѣшивалъ свои темнозелены стручья;
Здѣсь яркій папушой вытягивалъ свой станъ,
И въ воздухѣ ходилъ златой его салтанъ [3]);
А далѣ, наконецъ, изъ зелени кудрявой
Выкатывалъ арбузъ свой корпусъ величавый,
И дынѣ на ухо нашептывалъ порой....
Тамъ темныхъ коноплей виднѣлся ровный строй;
Качались на грядахъ они, какъ лѣсъ дремучій,
Пугая гусеницъ изъ зелени пахучей;

---

[1]) Въ подлинникѣ: «Dziewczyna w ogórkach»—Дѣвушка (Телимена) въ огурцахъ.

[2]) Графъ изъ фамиліи Горешковъ.

[3]) У Дубровскаго такъ переведены эти два стиха: «Далѣе, кукуруза выставляетъ золотистые усики». От. Зап. 1858, № 11, стр. 101, строка 24.

За ними маковъ шла цвѣтущая гряда,
Какъ будто мотыльковъ игривыя стада
Усѣлись, трепеща, на стебляхъ чуть замѣтныхъ,
И блеща искрами каменьевъ самоцвѣтныхъ....

Межъ тѣхъ пушистыхъ грядъ дѣвица шла, не шла,
А точно по волнамъ, по зелени плыла;
Косынка на плечахъ, простое платье было;
Рукой отъ солнышка тихонько заслонила
Она свое лице; глаза спустила внизъ;
Двѣ ленты алыя за косами вились.
Вотъ наклонилася, какъ будто что-то ловитъ
Рукою на грядахъ; вдругъ взоры остановитъ,
И быстро побѣжитъ.... Все это видѣлъ графъ;
Дыханье затаивъ, на стремени привставъ,
Коня остановилъ, и чудное видѣнье
Безмолвно созерцалъ; вдругъ слышитъ онъ движенье
И шелестъ позади: то былъ отецъ плебанъ,
Ксендзъ Робакъ: «Огурцовъ, спросилъ онъ, хочешь, панъ,
Иль такъ, о чемъ другомъ мечтаешь на свободѣ?
Нѣтъ овощу про васъ на этомъ огородѣ»!
И, пальцемъ погрозивъ, пошелъ-себѣ опять.
Слегка смущенный графъ сталъ снова наблюдать,
Со смѣхомъ и въ сердцахъ, но были пусты гряды....
Лишь пара алыхъ лентъ мелькнула сквозь ограды,
Да чуть еще вдали сверкнуло чрезъ окно
Какъ снѣгъ бѣлѣйшее сорочки полотно,
Да по лугу еще, гдѣ пробѣжали ножки,
Едва замѣтныя виднѣлись двѣ дорожки;
Тихонько подлѣ нихъ качалися кусты,
И что-то межъ собой шептали ихъ листы.
Да позабытая корзинка тамъ осталась,
И тихо на травѣ зеленой колыхалась....

Литовскіе Лѣса.

Ровесники князей воинственной Литвы,
Дремучіе лѣса [1])! все тѣ же ль нынче вы?
Все также ль дѣвственны, благоуханно-свѣжи
Вы, рощи Свитези и пущи Бѣловѣжи?

[1]) Въ подлинникѣ: «Rówienniki Litewskich Wielkich Kniaziów, drzewa, Białowieży, Świtezi, Ponar, Kuszelewa!»

Среди чужихъ полей, я вспомнилъ нынче васъ,
Чья царственная тѣнь ложилася не разъ
На думную главу великаго Миндо́вы;
Гдѣ часто Гедиминъ, среди своей дубровы,
Удачно совершивъ благопріятный ловъ,
Перуну приносилъ барановъ и воловъ,
И, лежа у костра, внималъ, подъ шумъ Вилейки,
Заманчивымъ рѣчамъ маститаго Лиздейки [1]),
Любя его живыхъ разсказовъ благодать;
Дремалъ и въ вѣщихъ снахъ онъ думалъ градъ создать,
И жертвуя потомъ Перуну изобильно,
Среди завѣтныхъ пущъ, построилъ городъ Вильно,
Столицу всей Литвы, и грозно стали тутъ,
Въ защиту родины, и Ольгердъ, и Кейстутъ
Равно счастливые и славные въ ловитвѣ
За дикими звѣрьми и съ недругами въ битвѣ.
Въ тѣ рощи наѣзжалъ съ облавой иногда
Лихой монархъ-ловецъ, въ преклонные года,
Любимый нашъ король, наслѣдникъ Ягеллону,
Послѣдній, кто носилъ Витольдову корону....
Лѣса родимые! случится ли опять,
Хотя подъ старость лѣтъ, мнѣ взоромъ васъ обнять?
Придется ль встрѣтиться съ родимой стороною,
Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я дитею
По мягкой муравѣ, среди косматыхъ пней,
Гдѣ пѣлъ и гдѣ любилъ на утрѣ лучшихъ дней?
Стоитъ ли нынѣ тамъ, надъ Росью серебристой,
Могучій Баублисъ [2]), широкій и вѣтвистый,
Въ сѣни котораго, какъ будто подъ шатромъ,
Двѣнадцать человѣкъ садилось за столомъ?
И липа старая, предъ домомъ Головинскихъ,
Свидѣтель мирныхъ битвъ и подвиговъ воинскихъ,
Гдѣ прежніе вожди сходились искони
О замыслахъ своихъ бесѣдовать въ тѣни,
И гдѣ, не такъ давно, при Августѣ, бывало,
Сто бравыхъ молодцовъ мазурку танцовало....

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
Я вижу васъ опять: угрюмая краса

---

[1]) Извѣстный того времени поэтъ и прорицатель, по Литовски: вайделота. См. пѣснь вайделоты въ I т. *перваго* изданія нашей Христоматіи. Стр. 490.

[2]) Собственное имя историческаго дуба, въ повѣтѣ Росіенскомъ. Дубъ этотъ помнитъ времена языческія, когда его почитали, какъ нѣкоторую святыню.

И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!
Все также ли, какъ встарь, величественны вы,
Невозмутимые? Все также ль горделиво
Растете въ облака и, смертному на диво,
Стоите, крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли выдерживая бой?
Все та же ль тишина подъ вашими вѣтвями?
Любимы ль также вы пернатыми пѣвцами?
Поютъ ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
Иль безпощадная прокралася нужда
Въ обитель тихую торжественнаго мира —
И тамъ звенитъ теперь тяжелая сѣкира
По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонъ?...

Былое предо мной мелькаетъ, будто сонъ!
Лѣса родимые, отеческія сѣни!
О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
Вы мнѣ навѣяли! какъ часто отъ друзей
Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумрокомъ вѣтвей
Задумывался я и было мнѣ отрадно,
Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
Здѣсь повѣсть чудную, преданія вѣковъ,
Мнѣ дубъ разсказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи,
И три столѣтія на рамена могучи
Поднявъ. Тамъ, издали, замѣтная едва,
Береза плакала, какъ скорбная вдова,
Иль матерь нѣжная, утратившая сына.
Вакханка юная, румяная рябина,
Стояла близъ нея съ пылающимъ лицемъ.
А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
Орѣшина, своей вершиною кивая
Черешнѣ молодой, которую внизу
Ужъ обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
Забросилъ далѣе....
Порою пробѣгалъ надъ ними гулъ протяжный
И вихорь темныя вершины колебалъ:
Казалось, тамъ прошелъ бурливый моря валъ —
И все стихало вновь. Лишь изрѣдка, высоко,
Въ дубъ дятелъ клевомъ билъ и улеталъ далеко;

Иль векша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
Вдругъ, гостя чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
Стрѣляла въ глушь лѣсовъ — и въ сумракѣ глубокомъ
Терялась.... Тихо все.

Охота.

Кто свѣдалъ глубину Литовскихъ темныхъ пущей?
Проникнулъ въ сердце ихъ, до твари тамъ живущей?
Рыбакъ, въ своей ладьѣ, снуетъ у береговъ,
Не смѣя средь морей затѣять дерзкій ловъ:
Охотникъ по лѣсамъ съ опушки только кружитъ
И тайнъ глубокихъ ихъ во вѣкъ не обнаружитъ.
Лишь басня темная бѣжитъ подъ-часъ въ народъ,
Что есть въ срединѣ пущъ таинственный оплотъ
Изъ вала старыхъ пней, изъ кряжей и каменьевъ,
Изъ груды мховъ сѣдыхъ, разросшихся кореньевъ;
А далѣе идутъ трясины и ручьи,
Гдѣ искони въ дуплахъ кипятъ шмелей рои,
По зыбкимъ тростникамъ шипятъ и бьются гады.
Когда жъ настойчиво пробьешь сіи преграды
И взглянешь издали во глубь лѣсныхъ пучинъ:
Тамъ, въ чащѣ, что ни шагъ, нарыта тьма сурчинъ
И волчьихъ, и другихъ: какъ мракъ чернѣютъ норы,
А около идутъ болота и озеры,
Заросшія травой окошки, бочаги,
Чтобъ далѣе не шли упрямые враги.
Потокъ зловонія, вокругъ болотъ смердящій,
Мертвитъ и губитъ лѣсъ, вблизи отъ нихъ стоящій:
Деревья, сгорбившись, присѣли до земли
И вѣтви темными сѣтями заплели
Непроницаемо и, мхомъ колтуноваты,
Въ грибахъ и въ болонахъ согнулись, сномъ объяты,
Какъ вѣдьмы старыя, когда, усѣвшись въ рядъ,
Онѣ себѣ въ котлѣ на ужинъ трупъ варятъ.
За эти бочаги не смѣй взглянуть и окомъ:
Глухая пуща спитъ въ молчаніи глубокомъ,
И неподвижная, синѣющая мгла
На вѣки вѣчные тамъ тяжко залегла.
За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,

Равнина злачная раскинулася пышно,
Благоуханная, цвѣтущая страна,
Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и зелій сѣмена,
И тамъ живутъ звѣрей сѣдые патріархи,
Самодержавные лѣсовъ своихъ монархи:
Туръ древній, дикій зубръ и царственный медвѣдь.
Кругомъ, на деревахъ, приказано сидѣть
То рыси дерзостной, то алчной россомахѣ
И шляхту мелкую держать въ обычномъ страхѣ.
А далѣе живутъ, разгуливая врозь,
Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
Вверху, въ сѣни вѣтвей, уставя очи быстро,
Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
Оглядываютъ даль и озираютъ вкругъ,
Всегда готовые монархамъ для услугъ.
Такъ, скрытые въ чащѣ, невидимые свѣтомъ,
Владыки царствуютъ зимой, весной и лѣтомъ,
Изъ пущъ не выходя, не жертвуя собой,
И только молодежь къ опушкѣ шлетъ на бой,
Далеко отъ своихъ заповѣдныхъ жилищей,
Границы наблюдать и пробавляться пищей.
Монарховъ не разитъ ни пуля, ни стрѣла;
Когда жъ почувствуютъ, что смерть уже пришла
Неотразимая: заматерѣвши, сами
Идутъ почить въ глуши, укрытые лѣсами.
Медвѣдь—какъ зубы съѣстъ, рога собьетъ олень
И, ноги чуть влача, шатается какъ тѣнь;
Когда у кречета внезапно кровь окрѣпнетъ;
Какъ воронъ станетъ сѣдъ, и соколъ вдругъ ослѣпнетъ:
Идутъ на кладбище, гдѣ боръ еще густѣй—
И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
И даже малый звѣрь, почуявъ пламень раны,
Бѣжитъ почить домой, въ отеческія страны....
Никто не возмутитъ завѣтныхъ пущъ красу:
Правленье тихое и мирное въ лѣсу;
Исполненъ простоты наслѣдственный обычай:
Какъ дѣды не гнались за чуждою добычей,
Не зарились въ раю на роскошь братнихъ блюдъ:
Такъ нынѣ внуки ихъ въ согласіи живутъ;
И даже человѣкъ, проникши безоружный,
Въ средину тварей тѣхъ,—привѣтъ нашелъ бы дружный:
Глядѣли бъ, выразивъ тревогу и испугъ,

Какъ въ оный день шестой, когда узрѣли вдругъ
Ихъ прародители созданнаго Адама....

Но рѣдко и ловецъ, настойчиво-упрямо
Владѣющій собой, достигнетъ этихъ мѣстъ
Лишь только иногда, охотяся окрестъ,
Бросаетъ гончихъ онъ въ трущобу мглы дремучей,
Но псы назадъ бѣгутъ, къ нему ласкаясь кучей,
Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
Спѣшатъ, дрожа какъ листъ, прилечь къ его ногамъ.
Тѣ заповѣдныя, таинственныя пущи,
Гдѣ лѣсъ всегда ростетъ непроходимѣй, гуще,
Гдѣ звѣри старые безвыходно живутъ,
Крепями въ языкѣ охотниковъ слывутъ.

Медвѣдь! сидѣлъ бы ты въ крепяхъ своихъ глубокихъ,
Никто бы на тебя изъ ловчихъ быстроокихъ
Во вѣки не напалъ, не зналъ твои слѣды
И жилъ бы ты себѣ безъ горя и бѣды!
Но знать, медвянаго благоуханье сота,
Иль къ стаду буйволовъ обычная охота
Взманили вонъ тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсъ —
И тутъ-то на тебя панъ Войскій [1]) и налѣзъ!
Теперь тебя слѣдятъ; проникнули въ дубраву
И хитрую вокругъ раскинули облаву.
Тадеушъ, прискакавъ, узналъ, что ужъ давно
Охоту начинать ловцами рѣшено.
Все тихо. Напряглось внимательное ухо
Охотника: стоятъ и слушаютъ — все глухо!
Лишь музыка лѣсовъ играетъ иногда.
Вотъ гончихъ брошена завзятая орда
Пошли себѣ нырять и шмыгать безъ умолку;
А бодрые стрѣлки, уставя въ лѣсъ двустволку,
Глядятъ на Войскаго: склонился до земли
И гончихъ слушаетъ: вотъ къ звѣрю натекли!
Хотя еще молчатъ, но для него ужъ ясно.
Другіе слушаютъ, припали, все напрасно:
Не слышатъ ничего! Вдругъ отозвался песъ,

[1]) *Войскій* (tribunus) нѣкогда былъ законнымъ опекуномъ женъ и дѣтей шляхты во время всеобщаго ополченія. Съ давнихъ поръ это званіе сдѣлалось только почетнымъ, не соединяясь ни съ какою должностью. Въ Литвѣ есть обыкновеніе, что почтеннымъ лицамъ, изъ учтивости, дается какой-нибудь древній титулъ, который узаконяется употребленіемъ. *Дубровскій.*

Другой, тамъ два еще, тамъ пять отозвалось,
Вотъ довалились всѣ, вотъ звѣря узпраютъ —
И громко залились; какъ музыка играютъ,
Перекликаются.... вотъ стихли всѣ на мигъ;
Потомъ отрывочный ударилъ въ уши крикъ:
Насѣли! Рявкнулъ звѣрь, обороняться началъ
И когти острые на гончихъ обозначилъ....
Стрѣлки безмолвные недвижимо стоятъ,
Подавшись напередъ и въ лѣсъ вперяя взглядъ.
Не выдержали вдругъ, и бросились въ дубраву,
Чтобъ раньше выстрѣломъ стяжать и честь, и славу;
Хоть Войскій передъ тѣмъ ихъ всѣхъ остерегалъ,
Молилъ, упрашивалъ, а послѣ обѣщалъ
Тому, кто двинется смычокъ надѣть на шею,
Ясновельможному, равно какъ и лакею.
Напрасно всѣ мольбы, угрозы и смычки:
Широко по лѣсу разсыпались стрѣлки,
Три выстрѣла гремятъ, потомъ — огонь батальный,
Затѣмъ медвѣдя рыкъ и чей-то визгъ печальный....
Спѣшитъ на выстрѣлы охотниковъ гурьба.
Лай псовъ, медвѣдя ревъ, трескучая труба —
Все перепуталось; всѣ думали: ловитвѣ
Конецъ, и ужъ успѣхъ предсказывали битвѣ,
Лишь Войскій говорилъ, что сбились.... и вотъ
Звѣрь точно повалилъ отъ ловчихъ на уходъ,
Взявъ въ сторону, собакъ отбросивши по-свойски,
Полѣзъ, гдѣ графъ стоялъ съ Тадеушомъ и Войскій.
Тутъ лѣсъ порѣже былъ; изъ чащи и кустовъ,
Рыча, нагрянулъ звѣрь, какъ громъ изъ облаковъ,
Всталъ на ноги, валитъ; а сзади, слѣдомъ, стая
То прочь откинется, то разомъ налетая,
Хватаетъ и деретъ; звѣрь ломитъ черезъ пни
Въ ту сторону, гдѣ графъ съ Тадеушомъ одни
Отбившись ото всѣхъ, стоятъ и выжидаютъ....
И вотъ предъ ними онъ! Глаза какъ жаръ блистаютъ,
Разинутъ страшный зѣвъ, уставились клыки,
Ревётъ: не дрогнули отважные стрѣлки,
Нацѣлились въ него, прищурясь лѣвымъ глазомъ,
Еще единый мигъ — и выстрѣлили разомъ!
Но промахъ! звѣрь валитъ; предъ ними тутъ какъ тутъ!
Прочь ружья! молодцы рогатину берутъ,
Заспорили.... а онъ не ждетъ и прямо ломитъ
На нихъ, того и жди, что лапой ошеломитъ,

Иль черепъ, что колпакъ, водниметъ съ головы....
Бѣгутъ.... а ноги ихъ межъ кочекъ и травы
Скользятъ, сбиваются.... медвѣдь ужъ недалеко....
Вотъ, кажется, насѣлъ... еще мгновенье ока —
И когти страшные на части разорвутъ
Сробѣвшаго стрѣлка. Все кончено.... Но тутъ,
Откуда ни возмись, ксендзъ съ ключникомъ-Гервазомъ [1]),
Ассессоръ, становой — всѣ выстрѣлили разомъ:
Медвѣдь откинулся, вернулся колесомъ,
Протяжно заревѣлъ и въ землю ткнулся лбомъ.
Тогда щѣвились псы, припомнивъ свой обычай,
«Квартальный»—въ лѣвый бокъ, а въ правый—«городничій».
Тутъ Войскій ухватилъ широкою рукой
Свой буйволовый рогъ, изогнутый змѣей,
Прижалъ его къ устамъ, надулся, подъ лобъ очи
Немного закатилъ, сталъ дуть, что было мочи —
И грянулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
Утихли всѣ кругомъ, заслыша гулъ призывный
И наслаждаяся гармоніею дивной.
Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ слылъ,
Теперь въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,
Наполнилъ звуками широкую дубраву
Какъ будто бы въ нее пустилъ борзыхъ араву,
За гончими во-слѣдъ — и травлю началъ вдругъ.
Имѣлъ особое значенье каждый звукъ:
Сначала позывъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тоны,
Завыли голосовъ собачьихъ милліоны:
Ведутъ по красному.... вотъ стихли; а потомъ
Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавшагося громъ.
Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рогъ
Мѣняетъ образы: то длиненъ и широкъ,
Ревётъ медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
Какъ хитрая лиса; вдругъ взвылъ какъ ураганъ
И рявкнулъ вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.
Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.

---

[1]) *Гервасій* — шляхтичъ, послѣдній изъ оставшихся придворныхъ Горешки, высокій, сѣдой старикъ.

За звукомъ улеталъ, переливаясь, звукъ,
Дубъ дубу повторялъ, кленъ кленамъ, буку букъ.
Вдругъ Войскій къ небесамъ уставилъ рогъ могучій
И гимнъ торжественный тріумфомъ грянулъ въ тучи.
Воинственный финалъ, громоподобный гласъ —
И музыка въ лѣса далеко понеслась.
Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ казалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что́ лѣсу, то роговъ, играютъ и поютъ,
И пѣсню дивную другимъ передаютъ,
И долго шла игра отъ края и до края,
Переливаяся, слабѣя, замирая,
Покуда гдѣ-то тамъ погасла въ небесахъ....
Настала тишина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ, бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки
И, вдохновенія вкушая торжество,
Стоялъ, пылая весь; межъ тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленья,
И долго слышался ихъ крикъ и поздравленья....
Лишь смолкъ послѣдній звукъ послѣдняго ура,
Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
Лежалъ косматый звѣрь, когтями землю роя,
А злые мордаши терзали грудь героя.
Но Войскій оттащить велѣлъ свирѣпыхъ псовъ —
И снова загремѣлъ виватъ среди лѣсовъ.

Сборы въ Заѣздъ [1].

Вмѣшался ключникъ въ рѣчь. Опять поднялись споры,
Волненье, кутерьма, задоръ и разговоры.
«Позвольте!» Янкель жидъ о голосѣ просилъ,
На лавку [2]) взгромоздясь, крича, что было силъ,
И лисьимъ колпакомъ надъ шляхтою махая,
Ажъ вѣтеръ по избѣ понеслъ отъ малахая
Жидовскаго. Толпа утихла наконецъ....

---

[1]) *Zajazd.* Встарину это слово извѣстно было также въ Россіи и означало отдѣльное дѣйствіе отряда внѣ расположенія главнаго войска, малую войну, партизанство.

[2]) Дѣло происходило въ корчмѣ.

Герва́зъ, какъ водится, сейчасъ къ жиду въ корчму;
Заста́нокъ весь за нимъ, а онъ кричитъ ему:
«Команда! пояса́! тащи три бочки меду!
Двѣ пива и вина! На пиръ всему народу!»
И вотъ шибнула въ носъ разымчиво-остро
Струя, какъ золото, струя, какъ серебро;
А третья — алая; и, пѣнисто играя,
Сто кубковъ жестяныхъ наполнила до края.
Жидъ Янкель на утекъ; прусакъ тихонько тожъ,
Но кто-то увидалъ и крикнулъ: «Не уйдешь!
Лови его, держи! въ погоню! стой! измѣна!»
Мицкевичъ въ конопли — въ него летитъ полѣно!
Войницкій получилъ уже съ десятокъ ранъ;
На выручку бѣгутъ два Чечета и Запъ.
Волнуется толпа, сбираясь вкругъ Герваза
И графа — ждутъ отъ нихъ рѣшенья и приказа;
Берутъ оружіе, садятся на коней;
Тревога, споры, шумъ, все громче и сильнѣй,
И вотъ, въ огромную собравшись вереницу,
Всѣ двинулись крича: *Ну, гай же на Соплицу* [1])!»

Игра Жида на Цимбалахъ.

На свадьбѣ Янкель жидъ на это [2]) засмѣялся,
И въ знакъ согласія красавицѣ кивнулъ
Сѣдою бородой, сѣлъ, пейсами тряхнулъ,
И съ гордостью вокругъ веселыми глазами
Повелъ, какъ ветеранъ, покрытый сѣдинами,
Когда зовутъ его опять на поле сѣчь,
И внуки подаютъ ему тяжелый мечъ;
Смѣется дѣдъ сѣдой, поднявъ его рукою,
И чуя, что рука не измѣнитъ герою....

Молчанье. Инструментъ недвижимо лежитъ
Передъ художникомъ. Поднявши руки, жидъ
На мигъ оцѣпенѣлъ, слегка глаза прищуря;
Спустилъ — и грянула могучихъ звуковъ буря,
Какъ будто шумный дождь по струнамъ пролился.

[1]) Шляхтичъ. Между нимъ и графомъ былъ процессъ на право владѣть замкомъ.

[2]) На просьбу Зоси заиграть на ея свадьбѣ.

И вихрей острые промчались голоса;
Далися диву всѣ, но то была лишь проба —
И снова молотки онъ къ верху подынялъ оба....

Затѣмъ опять спустилъ. Едва звенитъ струна;
Небесно-тихая гармонія слышна;
Цимбалы замерли, поютъ и стонутъ глухо,
Какъ будто по струнамъ крыломъ звонила муха.
Взглянувъ на небеса, художникъ вдругъ утихъ,
И вдохновенія просилъ себѣ у нихъ;
Затѣмъ, свой инструментъ измѣривъ мѣткимъ глазомъ,
Приподнялъ молотки, и грянулъ ими разомъ....

Бергъ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Содержаніе Слова.— Содержаніе «Слова о полку Игоревѣ» заключаетъ въ себѣ походъ, предпринятый около 1185 г. Игоремъ Святославичемъ, княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ, и оно почти современно самому событію. Вся эта эпопея запечатлѣна духомъ южной Руси, еще незнакомой съ Татарскимъ владычествомъ. Изложеніе ея болѣе историческое, чѣмъ сказочное, и отличается благородствомъ выраженій. Въ немъ бояре не пьютъ зелена вина, и въ немъ не замѣтно тѣхъ выраженій и грубыхъ вымысловъ, которыми отличаются Русскія народныя сказки позднѣйшихъ вѣковъ. «Слово о полку Игоревѣ» дѣлится на три отдѣла: вѣщее затмѣніе, походъ на Половцевъ, первая удача Игоря и его разбитіе, потомъ Русь того времени.—Сонъ Святослава Ростиславича съ его чудною импровизаціею, и наконецъ побѣгъ Игоря, разсказанный очень поэтически. Неизвѣстный авторъ этого сочиненія начинаетъ его воззваніемъ къ своимъ слушателямъ, обѣщая имъ пѣсню по былинамъ своего времени, а не по замышленію Бояна.

«Боянъ, говоритъ онъ, *вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли и сизымъ орломъ подъ облака».*

Кто такой былъ вѣщій Боянъ, на котораго указываетъ авторъ, неизвѣстно, и жаль, что лѣтописи не сохранили намъ какихъ-либо, хотя темныхъ, свѣдѣній о человѣкѣ, который *«свои вѣщіе персты на живыя струны вскладаше, они же сами славу князем рокотаху»!*

Вотъ краткое содержаніе этой Пѣсни: Игорь, князь Новгородъ-Сѣверскій, сбирается съ братомъ своимъ Всеволодомъ противъ Половцевъ, отмстить имъ за бѣдствія, нанесенныя его отечеству. «Хочу, сказалъ онъ своей дружинѣ, преломить съ вами, *Русицы*, копье на землѣ Половецкой, хочу либо положить свою голову, либо испить шеломомъ Дону. Тебѣ бо воспѣть это внукъ Велесовъ, Боянъ вѣщій. Кони, (въ подлинникѣ *комони*), ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубятъ трубы въ Новгородѣ, развиваются знамена *(стяги)* въ Путивлѣ. Ждетъ Игорь своего милаго брата Всеволода.

И молвилъ ему буйтуръ (богатырь) Всеволодъ: «одинъ ты братъ у меня, одинъ *свѣтъ свѣтлый*, Игорь! оба мы Святославичи. Сѣдлай ты, брате, сво-

ихъ борзыхъ комоней (коней), мои же давно готовы и стоятъ осѣдланы у Курска. А Куряне мои въ метаніи стрѣлъ искусны [1]), подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ копья вскормлены; пути ихъ свѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; носятся они въ полѣ, какъ волки сѣрые, ища чести самимъ себѣ, а князю славы». Вступаетъ Игорь въ золотое стремя и ѣдетъ по чистому полю. За нимъ да около выростаетъ изъ темнаго лѣса дружина могучая; солнце начинаетъ гаснуть; рычатъ звѣри; *заукали* птицы зловѣщія; лѣшій крикнулъ съ вершины дубовъ; орлы клектомъ сзываютъ звѣрей на кости; лисицы брешутъ на багряные щиты дружины. (Мѣсто это искажено переписчиками). Наконецъ Русскіе вступили въ землю Половецкую. Половцы идутъ отъ Дона, отъ моря, отъ всѣхъ сторонъ: Русскіе отступили. Половцы преградили имъ путь. «Яръ-Туре Всеволодъ! стоишь ты на боронѣ, прыщешь на враговъ стрѣлами, мечами булатными гремишь о шеломы ихъ!» восклицаетъ тутъ пѣвецъ. Всеволодъ раненъ, но что ему раны, когда забылъ онъ и почести, и жизнь и городъ Черниговъ, и золотой престолъ отеческій и обычай своей милой *хоти* (жены), прекрасной Глѣбовны! Два дня продолжался бой и на третій палъ *стягъ* (знамя) княжескій. «Поникла трава отъ жалости, и дерева преклонились къ землѣ отъ печали». За этимъ слѣдуютъ отступленія, заключающіяся въ жалобахъ на междоусобія. Послѣ разбитія, оба князя взяты въ плѣнъ, но Игорь, воспользовавшись оплошностію стражи, бѣжитъ въ отечество.—Вотъ краткое содержаніе всей поэмы, богатой подробностями и красотою выражеій. Оба князя—и Игорь и Всеволодъ—обрисованы очень хорошо; слова обоихъ ихъ дышатъ страстію и ратнымъ вдохновеніемъ. Вообще вся поэма проникнута какою-то кротостію и любовію, и слово *братъ* всегда почти неразлучно съ эпитетомъ *милый*. Скорбь о родной христіанской Руси, несчастной отъ междоусобія князей, сообщаетъ разсказу пѣвца живость умиляющую.

Выступленіе Игоря.

Вѣступи Игорь Князь въ злать стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди, свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ връху древа: велитъ послушати земли незнаемѣ,—Влъзѣ, и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ телѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ; уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ на чрьленыя щиты. О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси.

Длъго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

[1]) А мои Куряни свѣдоми къ мети.

Переложеніе.

Вступаетъ Игорь-Князь въ золотъ стремень.
Выѣзжаетъ въ поле чистое....
Заступило солнце путь ему потемками
Застонала ночь, грозою разбудила птицъ;
Воютъ звѣри на распутіи;
Кличетъ *диво* съ вершины дерева,
Вѣсти шлетъ землямъ незнаемымъ:
И Поморью, и Посулію,
И Корсуню, и Сурожу съ Волгой-рѣченькой.
И тебѣ, Тмутараканскій истуканъ!
Тутъ-то Половцы путями неготовыми
Побѣжали на великій Донъ;
Заскрыпѣли ихъ телѣги со полуночи,
Словно лебеди крикливые снялися съ мѣстъ.
Игорь воиновъ на Донъ ведетъ:
Налетаютъ птицы стаями, почуя кровь,
По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу,
И орлы звѣрей сзываютъ клёктомъ на кости
И лисицы на красны щиты разлаялись....
Охъ ты, гой-еси земля Русская,
За холмами ты схоронилася!
Поздно. Меркнетъ ночь; свѣтъ-зорька закатилася;
Потемнѣло поле чистое;
Задремала пѣсня соловьиная;
Пробудился говоръ галочій.
А какъ Русскіе по полю по великому
Изгороду изъ щитовъ багряныхъ вывели,
Себѣ чести, князю славы добываючи!

Мей.

Пораженіе.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна: тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить далечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось.

Переложеніе.

От разсвѣта золотого
До глубокой мглы ночной
И отъ сумрака ночного
До денницы золотой

Свищутъ стрѣлы каленыя,
Копья крѣпкія трещатъ,
О шеломы боевые
Сабли острыя гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Половецкихъ дикарей.

Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта, —
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костьми удобрена:
И надъ Русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.

Что за топотъ, что за звонъ[1])
Рано утромъ, предъ зарею?
Это Игорь! — это онъ,
Онъ, съ дружиной удалою:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.

Бились, полные отваги,
Бились день, за нимъ другой —
А на третій, предъ зарей,
Пали княжескіе стяги[2]):
И опять разлучены
Братья жребіемъ войны,
Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла[3]).
Чаша выпита до дна!...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало!
Тамъ у вражеской рѣки
Наши братья-земляки
Пиръ кровавый довершили,
Жданыхъ сватовъ напоили.
И за честь своей земли
Сами трупами легли.

Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.

Гербель.

Плачь Ярославны[4]).

Ярославнинъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: «полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «о вѣтрѣ! вѣтрило! чему, Господине, насильно вѣеши? чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя»? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: «о, Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ

---

[1]) Подъ словомъ *«звонъ»* надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ. *Звонить* значитъ сзывать народъ на вѣче, дружину на рать; а *звонъ слышать* — идти на звонъ, готовиться къ оборонѣ.

[2]) *Стягъ* — главное войсковое, сборное знамя.

[3]) Нынѣшній Кагальникъ, впадающій въ Азовское море.

[4]) Жена Игоря.

вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Переложеніе.

Ярославны голосъ слышанъ....
Перелетною кукушкой
По-утру она кукуетъ:
— «Полечу, Княгиня молвитъ,
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Вытру раны я у князя
На его кровавомъ тѣлѣ!»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, вѣтеръ, буйный вѣтеръ!
Для чего насильно вѣешь,
Для чего на легкихъ крыльяхъ
Ты стрѣлковъ наносишь ханскихъ
На удалую дружину
Моего милова друга?
Али мало тебѣ вѣять
Вверхъ подъ облако, лелѣя
Корабли на синемъ морѣ?
Для чего мое веселье
По ковыль-травѣ развѣялъ?»
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, Днѣпръ мой пресловутый!
Черезъ каменныя горы
Въ Половецкую страну
Ты пробился; ты лелѣялъ
Святославовы насады
До Кобякова полку:
Прилелѣй-же мнѣ милова,
Чтобы на море по-утру
Мнѣ не слать къ милому слезъ»!
Ярославна рано плачетъ
Во Путивлѣ на оградѣ,
Приговариваючи:
— «Охъ ты, солнце, мое солнце,
Солнцо свѣтлое мое!
Всѣмъ тепло и всѣмъ красно ты:
Для чего жъ лучемъ горячимъ
Опалило ты дружину
Моего милова друга
И въ безводномъ полѣ жаждой
У нея луки стянуло,
И колчаны ей истомой
Заложило, занекло?»

Мей.

«Я касаткой по Дунаю
Въ свою отчину слетаю,
А назадъ какъ полечу,
То рукавъ бобровой шубы
Я въ Каялѣ омочу!
Раны Игоря святыя,
За отчизну добытыя,
Я водою залечу».

Ярославна поетъ въ тишинѣ,
И идетъ, все идетъ по стѣнѣ.
И стоны и звуки несутся къ нему.
И хочется пѣсню все слушать ему.

«Вѣтеръ, вѣтеръ, что ты воешь,
Что ты путь широкій роешь
Распашнымъ своимъ крыломъ?
Ты, какъ рабъ Аварской-рати,
Носишь къ знаму благодати
Стрѣлы ханскихъ дикарей,
На престолѣ горъ подъ тучей,
Для чего ты не лежишь,
Что ты по морю, могучій,
Съ кораблями не летишь?
Господинъ мой, для чего ты
Горькой старости заботы
Юности моей принесъ?»

Ярославна одна въ тишинѣ
Все поетъ и поетъ на стѣнѣ,
И стоны и звуки несутся къ нему,
И хочется пѣсню все слушать ему.

«Господинъ мой, Днѣпръ могучій,
Ты прославленъ съ давнихъ поръ,
Ты волной своей кипучей
Сквозь пробился грозныхъ горъ!
Ты привольными струями
Землю Половцевъ вспоилъ,
Святослава ты съ полками
На зыбяхъ своихъ носилъ.
Днѣпръ мой! Игоря на чудо,
По волшебной сторонѣ
Ты въ ладьѣ широкогрудой

Принеси теперь ко мнѣ.
Властенъ ты, мой Днѣпръ, такъ горю
Положи конецъ, чтобъ я
Завтра съ свѣтомъ, стонъ мой къ морю
Не послала отъ себя».

Ярославна одна въ тишинѣ
Все поетъ и поетъ на стѣнѣ.
И стоны и звуки несутся къ нему,
И хочется пѣсню все слушать ему.

«Солнце, солнце золотое,
Всѣмъ тепло, красно съ тобой!
Твое небо голубое,
Словно битью залитое,
Распахнулось надъ землей.
Царь мой, выслушай молитвы:
Ликъ свой въ тучахъ погаси,
И по полю жаркой битвы
Стрѣлъ каленыхъ не носи!
Луки витязей тугіе
Ты въ желѣзо иссушилъ
И кольчаны боевые
По неволѣ заострилъ»!

Минаевъ.

У *И. И. Козлова* плачъ Ярославны болѣе импровизація, чѣмъ переводъ и начинается такъ:

Я покину боръ сосновый и пр.

Примѣч. — «Слово» открыто въ 1795 г. графомъ *Мусинымъ-Пушкинымъ* въ одномъ старинномъ сборникѣ и издано имъ въ 1800 г. въ Москвѣ. Затѣмъ многіе наши ученые и литераторы разбирали, или переводили «Слово». Въ изданіи *Гербеля* они перечислены всѣ. Вотъ ихъ имена: *А. Шишковъ*—1805, *Я. Пожарскій*—1819, *Н. Грамматинъ* — 1823, *Л. Вельтманъ* — 1833, *М. Максимовичъ* — 1837, *Дубенскій*—1844 (эти писатели представили прозаическое переложеніе «Слова»),— *Сѣряковъ* — 1803, *А. Палицынъ* — 1807, *Н. Язвицкій*—1812, *И. Левитскій* — 1813 *Н. Грамматинъ* — 1821, *Де-ла-Рю* — 1839, *Д. Минаевъ* — 1846, *Л. Мей* — 1850 и *Н. Гербель* — 1855 (эти писатели въ стихи переложили «Слово»). Объясненіемъ «Слова» занимались многіе ученые, напр. *Малиновскій*, *Бантышъ-Каменскій*, *Калайдовичъ*, *Тимковскій*, *Ермолаевъ*, *Карамзинъ*, *Пушкинъ (А.)*, *Н. Полевой*, *Болтинъ*, *Бутковъ*, *Востоковъ*, *Погодинъ*, *Шевыревъ*, *Руссовъ*, *кн. Вяземскій*, *Глаголевъ*, *Снегиревъ*, *Сахаровъ* и др. — Много было толковъ и споровъ объ этомъ древнемъ памятникѣ. Одни почитаютъ его чуть ли не равнымъ Греческой Иліадѣ, другіе отрицаютъ всякое достоинство, и наконецъ третьи считаютъ «Слово» подложнымъ и отзываются о немъ, какъ о произведеніи времени гораздо позднѣйшаго.

ПОЛТАВА.

Богатство Кочубея.

Богатъ и славенъ Кочубей [1]).
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ

[1]) Василій Леонтьевичъ Кочубей — Генеральный Судья.

Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ [1]....

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ,
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?... Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
Невинной крестницы своей....
Безумецъ, на закатѣ дней,
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!»
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить....
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія ни пила, ни ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла!

[1] Мазепа, въ самомъ дѣлѣ, сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Казакъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Кочубей въ Оковахъ.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шепотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.

Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.

Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго —
Свирѣпый Орликъ [1]) передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

ОРЛИКЪ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

ОРЛИКЪ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ [2]) укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

---

[1]) Генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы.
[2]) Деревня Кочубея.

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы, три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ....
Мазепа этотъ кладъ укралъ!...
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ — святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

ОРЛИКЪ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

КОЧУБЕЙ.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ велѣной,
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

ОРЛИКЪ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствие плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ [*])!

Палачъ вошелъ....
О, ночь мученій!
Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Казнь Кочубея.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки [2]),
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,

---

[1]) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

[2]) Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетманов.

Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по Кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра [1]) тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ — тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
«Ужъ поздно», кто-то имъ сказалъ

---

[1]) Полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлявшій съ нимъ его умыселъ и участь.

И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой намостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу поднимали
Два казака дубовый гробъ.

Полтавскій Бой.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Клубами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ»! Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;

Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился;
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....

Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями ввуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Пушкинъ.

Примѣч. — «Полтава» издана въ 1828 году. Цѣль поэмы — показать, какъ развилось въ старикѣ Мазепѣ чувство любви и чувство властолюбія. Почти всѣ личности созданы художнически: отъ пламенно-страстнаго, честолюбиваго, мстительнаго, терзаемаго совѣстію Мазепы, оскорбленнаго въ чувствахъ родительскихъ, благороднаго и бодраго духомъ, набожнаго Кочубея и Великаго Петра, до незначительныхъ — Орлика и Карла XII-го. Только характеръ Маріи не удался: она слишкомъ монотонна и сверхъ того мелодраматична въ сценѣ сумасшествія. Въ основныхъ чертахъ поэма вѣрна исторіи, въ частностяхъ отступаетъ отъ нея. Измѣна Мазепы Петру — фактъ историческій, но причина измѣны у Пушкина представлена не та, какая была на самомъ дѣлѣ. Петръ подралъ за усы Мазепу — вотъ что оскорбило Гетмана и заставило его мстить: такъ говоритъ поэтъ.

Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ.

По исторіи дѣло Мазепы иначе представляется. Мазепа глубоко былъ огорчаемъ тѣмъ, что Петръ постоянно предпочиталъ Меньшикова ему, даже повелѣлъ разъ Мазепѣ быть подъ командою знаменитаго временщика. Гетманъ сильно оскорблялся такими распоряженіями Государя. Потомъ пронесся слухъ, что Меньшикова назначаютъ Гетманомъ Малороссіи. Опять ударъ! Начинавшаяся война съ Карломъ XII, когда объявлены были тяжкіе поборы съ казаковъ Украинскихъ, когда всеобщій ропотъ распространился по Украйнѣ и требовали отъ Мазепы защиты, — эта война окончательно рѣшила измѣну Гетмана. См. статью *Соловьева* «Мазепа». — Отношенія Мазепы къ Маріи у Пушкина изображены не совсѣмъ согласно съ исторіей. По исторіи Гетманъ всячески убѣждалъ свою крестницу быть осторожнѣе, подавлять свои чувства къ нему; Мазепа, избѣгая соблазна, переслалъ ее отъ себя въ родительскій домъ; совѣтовалъ ей итти даже въ монастырь. Пушкинъ идеализировалъ любовь Мазепы къ Маріи (по исторіи Матрена). — У поэта казакъ везетъ доносъ Петру, по исторіи — доносъ былъ отправленъ съ монахомъ. — «Полтава», съ исторической стороны, разобрана *Максимовичемъ* въ Атенеѣ 1829 г.

Частности поэмы удивительны: Богатство Кочубея, казакъ, Украинская ночь и муки Мазепы — контрастъ поразительный между тишиною ночи и мрачными душевными страданіями Гетмана, Кочубей въ оковахъ, его казнь, Полтавская битва. Разборъ «Полтавы» съ поэтич. стороны въ соч. *Бѣлинскаго*. VIII — 483 и д. Соч. Пушкина, изд. *Анненкова*. 1 — 212.

Темы. — Картины природы. — Характеръ Кочубея. — Характеръ Орлика. — Картина казни. — Картина Полтавскаго боя. — Петръ I. — Языкъ Пушкина.

ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,

молодаго опричника и удалаго купца Калашникова.

Охъ, ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре, да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь, —
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;

А которая въ тучку прячется,
То стремглавъ на землю падаетъ....
Не прилично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ,
А семьею ты вскормленъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ
Царю грозному, въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную — не заподчивать!
А прогнѣвалъ я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ клонится. —
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парченой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная?
Или конь захромалъ, худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудряною:
— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ!
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другаго нарядимся.

Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыхъ

Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь:
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается....

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебедушка,
Смотритъ сладко — какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ.
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются.
Въ семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

Какъ увижу ее, и я самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи Приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы Татаровья
Коня добраго, саблю вострую
И сѣдельцо браное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется....

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,

Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся».

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему, христіанскому....

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію. Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ мятелица распѣваючи.
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою,
Да замкомъ Нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго

На желѣзную цѣпь привязываетъ,
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молодая жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
И свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя —
Чай, забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися»?
— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное;
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ пришелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ-плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны;
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ жена, жена, шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобою, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила....»

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася:

«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ,
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни домой шла я нонѣче
Вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки,
И сказалъ мнѣ такимъ тихимъ шопотомъ:
— Что пугаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,

Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной....
Испугалась я пуще прежняго;

Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, что тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные....
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали....
Изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь!

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ на поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти;
А меньшой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное....»
Говорила такъ Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные,
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, нашъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ.»

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы Московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго боя, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ;
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную;
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника....
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего батюшку.»

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ Бѣлому Кремлю, да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу Русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могучія плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго....
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный.
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи....
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ, —
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ губахъ слово замерло....

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:

«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался онъ со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ-корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лице свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти, —
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на-смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью....

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству Русскому, широкому,
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить, навострить,
Палача велю одѣть, нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди Московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью....»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостренымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,

Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъимянной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ добрый молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Лермонтовъ.

Примѣч. — Поэма Лермонтова явилась въ 1836 г. — Лучшій ея разборъ написанъ *Бѣлинскимъ*. Критикъ въ восторгѣ отъ произведенія начинающаго поэта. Онъ пишетъ: «Здѣсь поэтъ, отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его Русской жизни, перенесся въ ея историческое прошедшее, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размётъ его чувства, и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками.... На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Гроз-

ваго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа.... Взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь всего этого, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа». (Соч. Бѣлинскаго. IV—283 и д.). Эту поэму лучше всего читать, сравнивая ее съ IX томомъ Исторіи *Карамзина*. Семейные нравы, описываемые въ ней, поставить въ рядъ съ «Домостроемъ».

Темы.—Нравы Русскихъ XVI вѣка.—Что такое опричники?—Характеристика Грознаго и Кирибѣевича.—Характеристика Калашникова.

МЕРТВЫЯ ДУШИ [1]).

Коробочка.

Вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами, или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатой сестры вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ. «Ничего, ничего», сказала хозяйка. «Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая.... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя».

Слова хозяйки были прерваны страшнымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало храпѣнье и наконецъ, понатужась

---

[1]) Поэма явилась въ 1842 году.

всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только узнать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова? сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ не слыхивала, нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди, или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать, а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья! принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ.— Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бока въ грязи! гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился! нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! сказала хозяйка, обращаясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчею, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ.— Ты возьми ихній-то кафтанъ и прежде просуши передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова, сказала хозяйка. Прощай, батюшка! желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, поставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись по всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ, и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чхнуть — обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не всё были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова, и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лице и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лице показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ: кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ,—окно же было очень близко отъ земли,—заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно «желаю здравствовать», на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды: окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь

былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, расгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка, и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ перегораждалъ досчатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ распростертыми руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя были выстроены въ разсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей; ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоявшую запасную, почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у ней деревушка не маленькая»! сказалъ онъ, и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она-было высунула голову, и, увидѣвъ ее сидящею за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка! Каково почивали? сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера,— въ темномъ платьѣ, и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо, говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой!

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка! На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлѣбнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка! хлѣбнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, не смотря на ласковый видъ, говорилъ однакоже съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ въ другомъ за иностранцами, то далеко угнали ихъ въ умѣньи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ, или Нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ, словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярія, не здѣсь, а въ тридесятомъ государствѣ, а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ,— да просто отъ страха слова не выговоришь! гордость и благородство, и ужъ чего не выражаетъ лице его! просто, бери кисть да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ будь всѣ небольшаго чина — Прометей такъ и остается Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! Да это не Иванъ Петровичъ, говоришь, глядя на него. Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе, глядишь — точно Иванъ Петровичъ! Эхе, хе, думаешь себѣ.... Но однакожъ обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ уже мы видѣли, рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошенькая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80, сказала хо-

зяйка: да бѣда, времена плохи; вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни!

— Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣнкія. А позвольте узнать фамилію вашу? Я такъ разсѣялся.... пріѣхалъ въ ночное время.

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, — Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица. Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: чай не засѣдатель, а ѣздимъ такъ, по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево, а вотъ бы ты, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да, вишь, и пеньки-то у меня теперь маловато: полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка, другаго рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ! сказала старуха, вздохнувши. И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда народилось, да что въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ, подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ чуръ выпилъ, только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь. А такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ, некому лошадей подковать.

— На все воля Божія, матушка! сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать.... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ, просто. Или, пожалуй, продайте: я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же?... я, право, въ толкъ-то не возьму. Нештo хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко, и что необходимо нужно ей растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ, или покупка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ? сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, произнесла хозяйка съ разстановкой. Вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, еслибъ вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

— Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ ужъ мертвыя.

«Ну, баба, кажется, крѣпколобая!» подумалъ про себя Чичиковъ. — Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго....

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ, подхватила помѣщица. — Еще третью недѣлю внесла больше полутораста. Да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги, — понимаете ли это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло точно, какъ будто, выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ что ли? говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать покойниковъ. Живыхъ-то я уступала, вотъ и третьяго года Прото-

попову двухъ дѣвокъ по сту рублей за каждую и очень благодарилъ; такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того.... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка!... Эхъ какія вы! Что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? Это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику; а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.

«Экъ ее дубинно-головая какая!» сказалъ про себя Чичиковъ, ужъ начиная выходить изъ терпѣнія: «пойди ты, сладь съ нею! въ потъ бросила, проклятая старуха!» Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отеривъ потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. «Вы, матушка», сказалъ онъ, «или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ, нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить.... Я вамъ даю деньги—пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?»

— По двѣнадцати рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка! По двѣнадцати не продали.

— Ей Богу, продала.

— Ну, видите ль? Такъ за то — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами: ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія; на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, — нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе, двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій, Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха подастся.

— Право, отвѣчала помѣщица, мое такое неопытное вдовье

дѣлю! Лучше жъ я маленько повременю, авось, понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

— Срамъ, срамъ, матушка! Просто, срамъ! Ну, что вы это говорите? Подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то, какъ-нибудь подъ случай, понадобятся.... возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ, и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать въ вашемъ огородѣ по почамъ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! проговорила старуха крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ!

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька пенькою; въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — «Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!» вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. «Еще третьяго дня всю ночь снился мнѣ, окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ».

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду.... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!...

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурнаго слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды разные веду.... Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ вся-

каго дальнѣйшаго размышленія, по неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: «Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.»

— Есть изъ чего сердиться! Дѣла яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацiей! Только смотри, отецъ мой, на счетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго, или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.—Какъ же! протопопа, отца Кирилы, сынъ служитъ въ палатѣ, — сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо, и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было», подумала между тѣмъ про себя Коробочка, «еслибы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ испекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ немного.» — Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль на счетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостинную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостинной давно уже было все прибрано: роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро.—«Экъ уморила какъ, проклятая старуха!» сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Чичиковъ тутъ же занялся, и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, сказала она, подсѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я уже знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ

гербовой бумаги! продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. — И въ самомъ дѣлѣ гербовой бумаги было тамъ не мало.— Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! а у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться, и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть; онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ-Савельевъ-Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: экой длинный! Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени *Коровій Кирпичъ;* иной оказался просто: Колесо-Иванъ. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой съ лучкомъ, припёкой съ макомъ, припёкой съ творогомъ, припёкой со сняточками, и невѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ, и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой, показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это, Чичиковъ свернулъ три блинка вмѣстѣ, и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да, у меня-то ихъ хорошо пекутъ, сказала хозяйка: да вотъ бѣда, урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная.... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ, пожалуста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свинаго сала не покупаете? сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю, только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ и свинаго сала купимъ.

— Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги?

— Какъ же бы это сдѣлать? сказала хозяйка. Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты смотри, не завези ея! у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея; вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-помалу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная жизнь, или нехозяйственная—мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей представится поле блеснуть умомъ, и высказать вытверженныя мысли, мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ? Но мимо,

мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди не думающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою, вдругъ пронесется иная, чудная струя? еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лице....

— А вотъ бричка, вотъ бричка! вскричалъ Чичиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно вчерашній хмѣль у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же, гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея, сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью. — Покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣсть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши: — А! теперь хорошо! прощайте, матушка! — Кони тронулись. *Гоголь* [1]).

Темы. — Планъ отрывка. — Домъ Коробочки. — Характеристика Коробочки. — Характеристика Чичикова. — Характеристика Гоголевскаго юмора. — Языкъ Гоголя.

Русь.

.... И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи;» зеленыя, желтыя и свѣжо раскрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянутая вдали пѣсня, сосновыя

[1]) Н. Гоголь 1810 — 1852.

верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца.... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далёка тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, спутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся во всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!... *Гоголь.*

Тройка.

.... И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ сво-

ихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога невѣсть куда въ пропадающую даль — и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, до продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица-тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ хваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню— кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ....

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая и необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился, пораженный Божьимъ чудомъ, созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, — и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не дастъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земли, и косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Гоголь.

Примѣч. — Слова *Бѣлинскаго:* «Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паѳосъ, эти гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго Русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хохотать отъ того, отчего у другаго волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ». (Соч. Бѣлинскаго. VI — 413).

СЛѢПОРОЖДЕННЫЙ.

Пустыня.... Знойные пески....
На сѣверъ—голыхъ скалъ уступы;
На югъ — излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ — моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса —
Другой безбрежною пустыней....
Кой-гдѣ межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, нардовъ и маслинъ,
Евреевъ пастырскія веси
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ....
Истоменъ воздухъ воспаленной;
Земля безтѣнна; тишина
Пески сыпучіе объемлетъ;
Природа будто бы больна
И въ забытьи тяжеломъ дремлетъ,
И каждый образъ и предметъ
И каждый звукъ—какой-то бредъ.
Порой, далеко, точкой черной,
Газель, иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ—и пропадутъ;
Порой, волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клекотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины—
И снова все мертво и глухо....
Слабѣетъ взоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины....
Зачѣмъ къ поморью Галилеи,
По лону жгучему песковъ,
Изъ горныхъ селъ и городовъ
Толпами сходятся Евреи?
Пастухъ, рыбакъ и селянинъ,
И рабъ, и мытарь, и раввинъ,
И мать съ младенцемъ, и вдовица,
И роза горъ-отроковица,
И смолекудрая жена
Спѣшатъ пустынною дорогой.
Одѣтый ризою убогой,
Въ новоѣ грубомъ полотна,
Идетъ слѣпецъ съ толпой народа,
Усталый, блѣдный и худой,
Изнеможенный нищетой.
Онъ—Вносандецъ. Мать-природа
Ему злой мачихой была
И на страданье обрекла,
Безъ облегченья, безъ прощенья:
Онъ слѣпъ отъ самаго рожденья.
Ростя бездомнымъ сиротой,
Въ пыли, въ пескѣ степной дороги,
Иль у порога синагоги,
На знойныхъ плитахъ мостовой,
Онъ испыталъ, по волѣ неба,
Всю горечь нищенскаго хлѣба,
Извѣдалъ съ болью, какъ тяжка
Благодающая рука....
Не мало грубыхъ разговоровъ,
Намековъ, брани и укоровъ
Еще ребенкомъ вынесъ онъ.
«Слѣпецъ»! Евреи говорили:
«Отецъ и мать твои грѣшили —
И ты въ грѣхахъ отъ нихъ рожденъ»!
Въ грѣхахъ рожденъ! слѣпыя очи
Покрыты мракомъ вѣчной ночи.
И яркій день, и небеса,
И пышноцвѣтная краса
Земной, полуденной природы,
Лѣса, пустыня, горы, воды,
И красота самихъ людей,
И отчій кровъ, и кругъ друзей,
Вниманье, ласки и участье,

Любовь, и радости, и счастье:
Все — непонятныя слова
Для слѣпоты и сиротства!
И тяжкій жребій безнадежно,
Но и безропотно сносилъ.

Теперь пустыню пробѣгаетъ
Онъ за толпою, изнуренъ,
И худъ, и блѣденъ, и согбенъ.
Зачѣмъ идетъ — и самъ не знаетъ:
Пошла толпа — пошелъ и онъ....
Спросить не смѣлъ: на немъ съ измладу
Лежитъ молчанія искусъ;
Но слышалъ онъ: въ Тивсріаду
Приплылъ недавно Іисусъ
Изъ Назарета... Поучаетъ
О Богѣ истинномъ народъ;
Бѣсовъ молитвой изгоняетъ;
Недужнымъ помощь подаетъ
И прокаженныхъ очищаетъ.
Затѣмъ-то на берегъ морской,
Песками знойными угорья,
Евреи сходятся толпой.
Слѣпецъ любилъ холмы поморья....
Тамъ на поляхъ растетъ трава,
Свѣжѣй цвѣты благоухаютъ,
И надъ землею дерева
Намётъ тѣнистый разбиваютъ....
И жизнь слышна: свои стада
Туда охотно пастырь гонитъ.
И, не смолкая никогда,
Тамъ море плещется и стонетъ...
Его тревожный, дикій стонъ
Слышнѣй, слышнѣе... Понемногу
Песокъ мелѣетъ.... Слава Богу,
Конецъ пути! — и конченъ онъ.
Подъ сѣнью пальмоваго свода,
Въ траву, на мягкій одръ земли,
Слѣпецъ и путники легли....
Какое множество народа!
Гулъ голосовъ растетъ-растетъ
И заглушаетъ постепенно
Однообразный говоръ водъ....
Но вдругъ все смолкнуло мгновенно
И шумный берегъ онѣмѣлъ....

Узрѣвъ народъ, Учитель сѣлъ
На холмъ, возвышенный средь поля;
По манію Его руки,
Къ Нему сошлись ученики,
И Онъ отверзъ уста, глаголя....
Не передать словамъ людей
Его божественныхъ рѣчей:
Нѣма предъ ними рѣчь людская....
. . . .
Умолкъ Божественный Учитель...
И вотъ, снѣдаемый стыдомъ,
Раввинъ, законовъ охранитель,
Поникъ, зардѣвшимся челомъ;
Смутился книжникъ; фарисеи
Поносъ сдѣлались бѣлѣе,
И жадный мытырь волоса
Рветъ на себѣ, и, не дерзая
Поднять свой взоръ на небеса,
Рыдаетъ грѣшница младая....

Что чувствовалъ слѣпецъ, — въ словахъ
Не можетъ быть изобразимо....

Когда же шелъ Учитель мимо,
Слѣпецъ упалъ предъ нимъ во прахъ,
И, вдохновенный высшей силой,
Воскликнулъ съ вѣрою: «Равви!
Спаси страдальца и помилуй
Во имя Бога и любви»!

Безумецъ! Слыхано ль отъ вѣка,
Чтобъ кто слѣпаго человѣка
Могъ изцѣлить отъ слѣпоты?
Но вѣра малыхъ—ихъ спаситель.
И подошелъ къ нему Учитель....

И непорочные персты,
Во имя Господа живаго,
Въ очахъ безжизненныхъ слѣпаго
Свѣтильникъ зрѣнія зажгли, —
И онъ, какъ первый сынъ земли,
Исполненъ радости и страха,
Возсталъ изъ тлѣнія и праха,
Съ печатью свѣта на челѣ,
И — поелику вѣрилъ много —
Узрѣлъ въ предвѣчной славѣ
Бога —
На небесахъ.... и на землѣ.

Мей.

Темы. — Планъ піэсы. — Картины природы. — Сила проповѣди Спасителя.

САВОНАРОЛЛА [1]).

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся страшный карнавалъ.
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ высокихъ потрясенъ.
Они на площадь направлялись.
Туда жъ, по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались
Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ и, съ лавкой разныхъ стклянокъ,
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.

[1]) Монахъ, католическій проповѣдникъ XIV в.

Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстныхъ кантиленъ,
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи....
Надъ этой грудою стояло,
Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
Изображенье карнавала —
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.
Сюда процессія вступила.
На помостъ всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса....
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтилися глаза.
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ Христіанъ,
«А вы», сказалъ: «вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую библію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли
Пиры Египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете ль свое?...
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ —
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски

И въ сердце вамъ вливаетъ ядъ.
Въ винѣ, въ наукѣ
Вамъ сѣти ставитъ хитрый адъ,
И, какъ безсмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!...
Пора! зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!
Спѣшите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здѣсь искупленіе грѣхамъ.
Проклятье играмъ и костямъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь! услышь мои моленья:
Въ сей день великій искупленья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златаго!
Во имя чистое Христово
Весь домъ грѣха испепели»!
Умолкъ — и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Te Deum грянулъ мрачный хоръ —
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святаго ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала, —
Его колпакъ и дѣтскій конь, —
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой —
И городъ весь преобразился.

Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница,
Постомъ измученныя лица,
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ
И дерзко ссорился онъ съ Папой,
Въ безвѣрьи Папу уличалъ.
Но съ Папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ
И главъ вѣнчанныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ....
И вотъ опять костеръ багровой
На той же площади пылалъ;
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ,
И грозный папскій трибуналъ
Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть какъ мученики шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитанъ
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа же именемъ прочитанъ
Монаху смертный протоколъ
И то же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя въ мигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени: «Христосъ!»
Христосъ, Христосъ! но умирая,
И по слѣдамъ твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! онъ понялъ ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ,
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!

И человѣкъ, въ твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ....
Своею кровью жизни слово
Ты освятилъ, — и возрасло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца жъ кликъ суровый
Былъ чуждъ любви — и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою. . . . . . .

Майковъ.

РОМАНЪ, ПОВѢСТЬ и РАЗСКАЗЪ.

ДОНЪ КИХОТЪ:

(Сервантеса).

Біографія Сервантеса. — «Въ краткихъ словахъ вотъ жизнь Сервантеса (1547—1616)», говоритъ Французскій писатель *Віардо:* «онъ родился отъ бѣдныхъ, благородныхъ родителей. Получивъ хорошее образованіе, онъ принужденъ былъ бѣдностію вступить въ число прислужниковъ. Сначала былъ онъ пажемъ, потомъ камердинеромъ, наконецъ солдатомъ. Въ сраженіи Лепантскомъ (1571 г., окт. 7-го) его изувѣчили (у Сервантеса раздроблена была лѣвая рука); при штурмѣ Туниса онъ отличился. Пять лѣтъ пробылъ онъ въ плѣну, въ Алжирѣ, и послѣ тщетныхъ усилій освободиться, былъ выкупленъ на общественный счетъ. Послѣ того опять служилъ солдатомъ въ Португаліи и на Азорскихъ островахъ. Любовь заставила его приняться за перо, но нужда вскорѣ удалила его отъ литературы. За заслуги и дарованія онъ награжденъ былъ званіемъ провіантскаго коммиссара. По подозрѣнію въ растратѣ казенныхъ денегъ, онъ посаженъ былъ въ тюрьму, но оправдался и былъ освобожденъ. Въ другой разъ посадили его въ тюрьму возмутившіеся поселяне. Онъ сдѣлался поэтомъ и стряпчимъ, снискивая свой хлѣбъ адвокатствомъ и сочиненіемъ театральныхъ пьесъ. Не ранѣе, какъ въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, онъ понялъ настоящее свое назначеніе. Онъ не зналъ, какому покровителю посвятить свой трудъ. Публику нашелъ онъ равнодушною, которая смѣялась, но не могла ни оцѣнить, ни понять его [1]). Нашлись ревнивые соперники, которые насмѣхались надъ нимъ и поносили его. За-

[1]) «Трудно объяснить одно обстоятельство: это забвеніе, которому предали этого знаменитаго человѣка. Разсказываютъ, что однажды Филиппъ III съ дворцоваго балкона увидѣлъ студента, который читалъ книгу на берегу Мансанареса. Студентъ поминутно размахивалъ руками, ударялъ рукою по лбу и громко смѣялся. Филиппъ, наблюдая за его тѣлодвиженіями, сказалъ: «этотъ студентъ или помѣшался, или читаетъ Донъ Кихота». Придворные побѣжали узнать: вѣрна ли догадка короля, и возвратились съ донесеніемъ, что студентъ дѣйствительно читалъ Донъ Кихота. Но ни одному изъ нихъ не пришло на мысль напомнить государю, въ какомъ бѣдственномъ положеніи живетъ сочинитель этой любимой народомъ книги». *Віардо.*

вистливые друзья его предали. Съ нуждами онъ принужденъ былъ бороться до самой старости. Многіе его забыли, и никто не понялъ. Умеръ онъ въ уединеніи и бѣдности. Такова была жизнь Мигеля Сервантеса Сааведры. Черезъ два уже столѣтія послѣ него начинаютъ отыскивать мѣсто его рожденія и его могилу, украшаютъ мраморною доскою домъ, въ которомъ онъ умеръ, воздвигаютъ въ честь ему памятникъ на площади, и вырѣзываютъ на углу небольшой Мадридской улицы имя великаго человѣка, извѣстное всему свѣту». *К. Масальскій.*

Содержаніе романа Сервантеса и характеристика главныхъ его героевъ.— Слова *Тиккора:* «Общій планъ, начертанный Сервантесомъ, отличается столько же простотою, какъ и оригинальностію. Деревенскій дворянинъ въ Ламанчѣ помѣшался на продолжительномъ чтеніи рыцарскихъ романовъ, которые онъ принимаетъ за истинныя исторіи, и чувствуетъ въ себѣ призваніе сдѣлаться странствующимъ рыцаремъ, какіе описываются въ этихъ романахъ. Въ слѣдствіе этого, онъ дѣйствительно пускается въ свѣтъ защищать угнетенныхъ, мстить за обиженныхъ, какъ изображенные въ этихъ романахъ герои.

«Онъ началъ свое поприще устройствомъ странныхъ въ его время доспѣховъ, и чтобъ быть рыцаремъ вполнѣ, выбралъ себѣ въ оруженосцы среднихъ лѣтъ мужчину, невѣжественнаго и суевѣрнаго въ высшей степени, но очень добродушнаго, иногда довольно смышленаго, чтобъ понимать нелѣпость ихъ положенія, но постоянно смѣшнаго, а иногда и ѣдкаго въ истолкованіи рыцарства. Оба выѣзжаютъ изъ своей деревни искать приключеній и находятъ ихъ множество, потому что разгоряченное романами воображеніе рыцаря превращаетъ мельницы въ великановъ, уединенные постоялые дворы—въ замки, а галерныхъ колодниковъ—въ угнетенныхъ невинно страдальцевъ. Оруженосецъ, между тѣмъ, переводитъ весь этотъ поэтическій бредъ на обыкновенную прозу дѣйствительности съ удивительнымъ простодушіемъ, нисколько не подозрѣвая въ себѣ юмора, и представляетъ рѣшительный контрастъ съ возвышенными великолѣпными образами, которыми наполнена голова его господина. Такого рода приключенія естественно должны были имѣть одинъ только исходъ: рыцарь и оруженосецъ терпятъ рядъ смѣшныхъ неудачъ и возвращены наконецъ домой, какъ сумасшедшіе.

«Вторая часть Сервантесова романа стоитъ выше первой, по свободѣ и силѣ творчества. Если въ ней каррикатура бываетъ часто доведена до послѣдней границы, то изобрѣтательность, складъ мыслей и все содержаніе книги роскошнѣе, а отдѣлка тщательнѣе, нежели въ первой. Напримѣръ, характеръ Сампсона Карраско есть очень удачное добавленіе къ прежнимъ дѣйствующимъ лицамъ; также приключенія въ замкѣ герцога и герцогини, губернаторство Санчо Пансы, видѣнія и сны въ Монтессинской пещерѣ, сцены съ разбойникомъ Рокъ-Гинартомъ, съ галерными колодниками и кукольными комедіантами, гостепріимство донъ Антоніо Морено въ Барселонѣ и окончательное пораженіе рыцаря — все это несравненно.

«Въ обѣихъ частяхъ этого романа Сервантесъ обнаруживаетъ больше всего силу своего оригинальнаго генія въ развитіи характеровъ Донъ Кихота и Санчо Пансы. Въ этихъ двухъ несравненныхъ созданіяхъ выказался весь его дивный, ему только свойственный юморъ. Рыцарь, сперва выступившій въ видѣ пародіи на Амадиса, дѣлается постепенно особеннымъ и совершенно самостоятельнымъ лицемъ, въ которомъ столько благородной и возвышенной натуры, столько учтивости и деликатности, столько чистаго пониманія чести и столько теплой любви ко всему благородному и доброму, что

мы чувствуемъ къ нему (полнѣйшую) привязанность и готовы горевать о его смерти.

«Санчо возбуждаетъ къ себѣ столько же, если еще не болѣе, симпатій. Сперва онъ является для того только, чтобъ представить контрастъ съ Донъ Кихотомъ. Не раньше, какъ въ половинѣ первой части романа онъ произноситъ пословицу, которая составляетъ какъ бы тему юмора его поступковъ, и только въ началѣ втораго тома, когда онъ выступаетъ со своею сметливостью и легковѣріемъ въ роли губернатора Баратаріи, характеръ его развивается до полныхъ своихъ размѣровъ, дикихъ, но натуральныхъ». *П. Кулишъ.*

Состояніе умовъ во время появленія Донъ Кихота и его значеніе. — Слова *Віардо:* «Первая часть Донъ Кихота была издана въ началѣ 1605 года. Надобно изобразить состояніе умовъ во время его появленія.

«Періодъ, въ которомъ процвѣтало странствующее рыцарство и къ которому относятся приключенія паладиновъ, членовъ этого мнимаго сословія, начинается съ паденія древняго образованнаго міра и оканчивается съ возрожденіемъ новѣйшей образованности. Въ этомъ періодѣ мрака и варварства сила составляла право, поединокъ заступалъ мѣсто суда, феодальное безначаліе опустошало страны, и власть духовная, призванная на помощь свѣтской, въ одномъ *мирѣ Божіемъ* находила средство дарить людей нѣсколькими днями спокойствія.

«Надобно сознаться, что въ такое время посвятить себя защитѣ несчастныхъ, покровительству угнетенныхъ, значило рѣшиться на знаменитый подвигъ. Воинъ знатнаго происхожденія, покрытый бронею, съ копьемъ въ рукахъ отправлявшійся въ путь искать случаевъ доказать въ исполненіи высокихъ обязанностей своего званія великодушіе и силу руки своей, былъ существо благодѣтельное, достойное благодарности, удивленія и славы. Когда онъ истреблялъ разбойниковъ на большихъ дорогахъ или выгонялъ разбойниковъ другаго рода, отличенныхъ рыцарскими гербами, изъ ихъ убѣжищъ, построенныхъ на вершинахъ утесовъ, откуда они, какъ хищныя птицы, устремлялись на безоружныхъ путниковъ; когда онъ освобождалъ плѣнниковъ отъ оковъ, спасалъ невиннаго отъ казни, наказывалъ убійцу и хищника; когда онъ, наконецъ, въ это время младенчества новѣйшихъ обществъ, возобновлялъ труды Геркулеса или Тезея, полубоговъ прежняго младенчествующаго міра,—тогда имя его, переходя изъ устъ въ уста, сохранялось въ памяти людей со всѣми украшеніями, свойственными преданію. Въ то время женщины, которыхъ слабость не имѣла еще защиты въ общественныхъ правахъ, становились главнымъ предметомъ покровительства странствующаго рыцаря. Угодничество прекрасному полу, этотъ новый родъ любви, неизвѣстный древнимъ, составившійся изъ смѣшенія понятій о чувственности съ понятіями о христіанской нравственности, служило рыцарю отрадою въ свободное время, такъ, что вся жизнь его посвящалась попеременно то воинскимъ подвигамъ, то любви.

«Изъ такого источника, еслибы за него приняться какъ слѣдуетъ, набралось бы предметовъ не на книгу, а на цѣлую литературу. Къ жизнеописанію рыцарей можно было бы присоединить описаніе тогдашнихъ обычаевъ, турнировъ, праздниковъ, вѣжливаго правосудія судилищъ любви, пѣсней трубадуровъ и плясокъ фигляровъ, путешествій и походовъ къ святымъ мѣстамъ; востокъ со всѣми своими чудесами открылся бы воображенію романиста. Но не къ этимъ предметамъ обратились сочинители рыцарскихъ книгъ. Не уважая ни истины, ни даже вѣроятія, они ввели въ нихъ грубыя погрѣшности противу исторіи, географіи, физики и даже опасныя нравственныя за-

блужденія; они ничего не могли придумать, кромѣ ломанья копьевъ, ударовъ мечей, кромѣ безпрерывныхъ сраженій, невѣроятныхъ подвиговъ, приключеній безсвязныхъ, нелѣпыхъ; смѣшали нѣжность съ жестокостью, порокъ съ суевѣріемъ; помогали скудости своего воображенія, вымышляя великановъ, чудовищъ, волшебниковъ, однимъ словомъ старались превзойти одинъ другаго преувеличеніемъ невозможнаго и чудеснаго.

«Между тѣмъ этотъ родъ книгъ не могъ не нравиться самыми своими недостатками. Правда, что во время ихъ появленія нѣкоторые ученые начали уже прилежно изучать древности; но невѣжественная и праздная толпа, не находя еще въ области ума ничего такого, что было бы ей по силамъ и заставляло бы ее жертвовать досугомъ, бросилась съ жадностію на эту добычу. Кромѣ того, со времени крестовыхъ походовъ общій вкусъ къ исканію приключеній приготовилъ путь для рыцарскихъ романовъ, и если они въ Испаніи, болѣе, нежели гдѣ-нибудь, сдѣлались такъ прочно народными, то это потому, что ни въ какой другой странѣ вкусъ къ рыцарской жизни такъ глубоко не укоренялся. За безпрерывными, шесть столѣтій длившимися войнами противу Арабовъ и Мавровъ, слѣдовало открытіе и завоеваніе Новаго Свѣта, потомъ войны въ Италіи, Фландріи и Африкѣ. Не удивительно, что къ рыцарскимъ книгамъ явилась страсть въ государствѣ, гдѣ примѣры, въ нихъ заключавшіеся, были исполняемы на дѣлѣ. Донъ Кихотъ былъ не первый своего рода безумецъ, и имѣлъ предшественниковъ, которые въ самомъ дѣлѣ жили на свѣтѣ. Стоитъ заглянуть въ книгу *О знаменитыхъ мужахъ Кастиліи* Гернандо дель Пульгара, чтобъ удостовѣриться, какъ онъ выхваляетъ знаменитое сумасбродство Донъ Суеро де Киньонеса, сына великаго Бальи Астурійскаго, который, чтобы отдѣлаться отъ своей возлюбленной, произнесъ обѣтъ переломить триста копьевъ, и въ продолженіи тридцати дней защищалъ переправу чрезъ Орбиго, какъ Родомонтъ, охранявшій Монпельерскій мостъ. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что въ царствованіе Іоанна II (1407 по 1454 годъ) онъ лично зналъ много военныхъ людей, и между прочими Гонзало де Гусмана, Хуана де Мерло, Гутьерре Кехада, Хуана де Поланко, Перо Вазкеза де Сейаведра, Діего Варела, которые отправлялись не только къ сосѣдямъ своимъ, Маврамъ Гренадскимъ, но объѣхали, какъ истинные странствующіе рыцари, Францію, Германію, Италію, предлагая всякому, принимавшему ихъ вызовъ, переломить съ ними копье въ честь дамъ.

«Сильное пристрастіе къ рыцарскимъ романамъ вскорѣ принесло плоды, какихъ ожидать надлежало. Молодые люди, бросивъ изученіе исторіи, которая не удовлетворяла ихъ любопытству, получившему ложное направленіе, начали подражать не только языку, но и дѣйствіямъ любимыхъ романическихъ героевъ. Повиновеніе женскимъ капризамъ, ложное понятіе о чести, кровавое мщеніе за малѣйшія обиды, неограниченная роскошь, презрѣніе къ общественному порядку, все это исполнялось на самомъ дѣлѣ, и рыцарскія книги имѣли одинаково вредное вліяніе на чистоту и нравовъ, и вкуса.

«Эти гибельныя послѣдствія возбудили прежде всего ревность моралистовъ. Люисъ Вивесъ, Алехо Венегасъ, Діего Грасіанъ, Мельхоръ Кано, Люисъ де Гранада, Малонъ де Чанде, Аріасъ-Монтано и другіе умные и благочестивые писатели наперерывъ возвышали голосъ негодованія противу вреда, производимаго чтеніемъ такихъ книгъ. Къ нимъ впослѣдствіи присоединились и законы. Декретомъ Карла V, послѣдовавшимъ въ 1543 г., повелѣно вицекоролямъ и присутственнымъ мѣстамъ Новаго Свѣта не дозволять никакому Испанцу или Индѣйцу ни печатать, ни продавать, ни читать рыцарскихъ романовъ. Въ 1555 году Вальадолидскіе Кортесы просьбою, написанною въ

сильныхъ выраженіяхъ, ходатайствовали о такомъ же запрещеніи для полуострова, требуя сверхъ того, чтобы повелѣно было собрать и сжечь всѣ существующія этого рода книги. Королева Іоанна обѣщала издать законъ, но онъ не былъ изданъ [1]).

«Но ни краснорѣчіе риторовъ и моралистовъ, ни запрещенія законодателей не прекращали заразы. Всѣ эти средства были безсильны противу страсти къ чудесному, страсти, отъ которой и мы, при всей помощи разсудка, наукъ и философіи, не совсѣмъ могли освободиться. Чтеніе рыцарскихъ романовъ продолжалось. Принцы, вельможи, прелаты позволяли посвящать ихъ своему имени. Тереза, любившая въ молодости это чтеніе, сочиняла рыцарскій романъ прежде, нежели написала *Внутренній Замокъ* и другія свои мистическія творенія. Карлъ V наслаждался тайкомъ чтеніемъ *Донъ Белліаниса Греческаго*, самымъ чудовищнымъ произведеніемъ этой сумасбродной литературы, между тѣмъ издавалъ противу ней запретительные декреты. Когда сестра его, королева Венгерская, захотѣла торжествовать возвращеніе его изъ Фландріи, то не придумала ничего лучшаго на знаменитыхъ своихъ Бинскихъ праздникахъ (1549 года), какъ представить въ лицахъ рыцарскій романъ, въ представленіи котораго принимали участіе всѣ знатные придворные, не исключая и суроваго Филиппа II. Эта страсть проникла даже въ монастыри; и тамъ читали, сочиняли романы. Францисканскій монахъ, Габріель де Мата, въ 1589 году напечаталъ рыцарскую поэму, въ которой вывелъ героемъ св. Франциска, патрона своего ордена и назвалъ ее: *Рыцарь Асисскій* (el caballero Asisio). На заглавной виньеткѣ изображенъ былъ святой верхомъ, вооруженный съ головы до ногъ, какъ изображались герои въ Амадисахъ и Эспландіанахъ. Лошадь была украшена чепракомъ и страусовыми перьями. На всаднивѣ былъ шлемъ, на верхушкѣ котораго утвержденъ былъ крестъ и терновый вѣнецъ; на щитѣ было изображеніе пяти казней Египетскихъ, а на значкѣ копья изображеніе вѣры съ крестомъ и чашею въ рукахъ, съ надписью: En esta no faltare, то есть: въ этой не оскудѣю. Эта странная книга посвящена была Коннетаблю Кастильскому.

---

[1]) Вотъ отрывокъ изъ этого любопытнаго прошенія:

....«Мы присовокупляемъ, что въ этихъ королевствахъ весьма извѣстенъ вредъ, причиняемый молодымъ людямъ и дѣвицамъ чтеніемъ книгъ, исполненныхъ лжи и вздору, каковы *Амадисъ* и другія того же разбора, изданныя послѣ него. Такъ какъ молодые люди и дѣвицы отъ праздности преимущественно ими занимаются, то получаютъ вкусъ къ бреднямъ о любви, о военныхъ подвигахъ, и къ прочимъ пустякамъ, содержащимся въ этихъ книгахъ; а получивъ вкусъ, они при верномъ случаѣ осуществляютъ свои помыслы на самомъ дѣлѣ, чего не было бы, еслибъ они не занимались подобнымъ чтеніемъ. Часто матери запираютъ дочерей дома, находя, что уединеніе для нихъ полезно; а дочери читаютъ подобныя книги, и выходитъ, что лучше бы было матерямъ водить дочерей съ собою. Это чтеніе имѣетъ вредное вліяніе не только на внѣшнія отношенія, но и на совѣсть; ибо, чѣмъ болѣе люди прилѣпляются къ такимъ пустякамъ, тѣмъ болѣе отстаютъ отъ ученія истиннаго, святаго, христіанскаго.... Для исправленія вышеозначеннаго вреда мы умоляемъ Ваше Величество повелѣть, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, чтобы ни одна изъ этихъ и имъ подобныхъ книгъ не употреблялись для чтенія и не печатались, а существующія нынѣ были бы собраны и сожжены. Исполненіемъ того Ваше Величество угодите Богу, отвративъ людей отъ вздорнаго чтенія, и обративъ ихъ къ чтенію книгъ священныхъ, укрѣпляющихъ и душу и тѣло, и окажете этимъ королевствамъ благодѣяніе и милость».

«Вотъ какое было положеніе умовъ въ то время, когда Сервантесъ, заключенный въ тюрьмѣ Ламанчской деревни, задумалъ ниспровергнуть рыцарскую литературу. Бѣдный, неизвѣстный, безъ имени, безъ покровительства, при одной помощи своего генія и пера, онъ не побоялся напасть на эту стоглавую гидру, поправшую и разумъ и законы, и еще въ такое время, когда она была въ полной своей силѣ. Но онъ избралъ оружіе, которое могло помочь здравому смыслу лучше всѣхъ доказательствъ, проповѣдей и запрещеній, а именно оружіе насмѣшки. Успѣхъ былъ полный. Придворный Филиппа III, Донъ Хуанъ де Сильва-и-Толедо, владѣлецъ Каньяда-Гермозы, издалъ въ 1602 году *Лѣтопись принца Донъ Полисисне де Боесія*. Эта книга, одна изъ глупѣйшихъ въ своемъ родѣ, была послѣднимъ рыцарскимъ романомъ, изданнымъ въ Испаніи. Съ появленіемъ Донъ Кихота не только не выходило новыхъ романовъ, но и старые не перепечатывались, и нынѣ считаются библіографическою рѣдкостью. О нѣкоторыхъ осталось только воспоминаніе, а многихъ другихъ и названія вѣроятно погибли. Наконецъ успѣхъ Донъ Кихота былъ такъ великъ въ этомъ отношеніи, что люди взыскательные упрекали его за то, что онъ, какъ весьма сильное средство, произвелъ противоположное зло, и утверждали, что иронія его сатиры, превзойдя мѣру, коснулась дотолѣ свято соблюдаемыхъ *правилъ чести* Кастильской и ослабила ихъ». *К. Масальскій.*

Переводы Донъ Кихота и статьи о немъ: «Можно рѣшительно сказать, пишетъ Віардо, что ни одна книга не имѣла столько читателей, не находила столько переводчиковъ, какъ Донъ Кихотъ. Въ Германіи перевели ее *Тикъ* и *Зольтау*. Въ Англіи было десять переводчиковъ Донъ Кихота: *Шильтонъ, Гейтонъ, Смоллетъ* и пр.— *Докторъ Джонъ Боуль* издалъ подробные комментаріи къ Донъ Кихоту. Не менѣе было переводовъ въ Италіи. Во Франціи эта книга имѣла еще большее число переводчиковъ, начиная съ *Цесаря Удена* и *де Россета*, современниковъ Сервантеса, до настоящаго времени. Переводъ *Флло де Сенъ-Мартеня* считался долгое время лучшимъ. Онъ былъ изданъ пятьдесятъ два раза». Віардо сдѣлалъ еще новый переводъ съ комментаріями и біографіею Сервантеса, составленною по новѣйшимъ источникамъ. Донъ Кихотъ переведенъ на Голландскій, Датскій и Шведскій языки. Русскіе переводы: Донъ-Кишотъ ла Манхскій; соч. Сервантa; пер. съ Фр. *Флоріанова* перевода *Василій Жуковскій*. 6 частей. М. 1805 г.— Тожъ, изданіе 2-е. 6 частей. М. 1815 г. — Донъ-Кишотъ ла Манхскій; соч. Серванта; пер. съ Фр. *Н. Осиповъ*. 2 части. М. 1812. К. Масальскій называетъ переводъ Жуковскаго прекраснымъ, а Осипова — ничтожнымъ: «Осиповъ превратилъ Донъ-Кихота въ какого то неслыханнаго чудодѣя». — Донъ Кихотъ Ла Манхскій, соч. Сервантеса. Пер. съ Фр. *С. де-Шаплетъ*. VI частей. 1831. — Донъ Кихотъ Ламанчскій, сочиненіе Мигеля Сервантеса Сааведры, переведенное съ Испанскаго *Константиномъ Масальскимъ*. Томъ первый. Спб. 1838. Переводъ прекрасный. При немъ находится обстоятельная статья (изъ Віардо) о жизни и твореніяхъ Сервантеса. Томъ второй еще не вышелъ, хотя и сказано на оберткѣ перваго слѣдующее: «Изданіе Донъ Кихота продолжается; второй томъ въ скоромъ времени будетъ выходить выпусками, по два печатныхъ листа въ каждомъ.» — Исторія Испанской литературы, по Тикнору, сост. *П. Кулишъ*. Здѣсь о Сервантесѣ говорится отъ стр. 41 до 74. — Гамлетъ и Донъ Кихотъ. *Тургенева*. Соврем. 1860. — Замѣчательное сходство Псковскаго преданья о горѣ Судомѣ съ однимъ эпизодомъ Сервантесова Донъ Кихота. См. Историч. Очерки Р. народной Словесности. *Ѳ. И. Буслаева*. Т. I, стр. 464 и д.

ДОНЪ КИХОТЪ и СТАДО ОВЕЦЪ.

Въ разговорахъ рыцарь и оруженосецъ продолжали путь, и вдругъ первый увидѣлъ, что къ нимъ приближалось по дорогѣ, по которой они ѣхали, большое и густое облако пыли. Онъ обернулся къ оруженосцу и сказалъ: «наступилъ день, о Санчо, въ который окажется все благо, хранимое для меня рокомъ моимъ, наступилъ, говорю, день, въ который, какъ и во всякій другой, увидятъ силу руки моей и подвиги мои, которые останутся начертанными въ лѣтописи славы для всѣхъ будущихъ вѣковъ! Видишь ли облако пыли, которое тамъ поднимается, Санчо? Это идетъ сюда огромное войско, состоящее изъ разныхъ и безчисленныхъ народовъ». — Если такъ, то войскъ должно быть два, замѣтилъ Санчо, потому что съ этой, противной стороны поднимается такое же облако пыли. Донъ Кихотъ обернулся и увидѣлъ, что оруженосецъ сказалъ правду. Это привело его въ восторгъ. Онъ подумалъ, ни мало не сомнѣваясь, что два войска идутъ одно противъ другаго и хотятъ сразиться посреди той обширной равнины. Каждую минуту воображеніе это было наполнено битвами, очарованіями, торжествами, отважными подвигами, любовными приключеніями, поединками, о которыхъ повѣствуется въ рыцарскихъ книгахъ. Всѣ слова, мысли и поступки его клонились къ подобнымъ вещамъ. Облака пыли, которыя онъ увидѣлъ, поднимались оттого, что по дорогѣ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, шли два большія стада овецъ и барановъ. Въ пыли нельзя было разсмотрѣть ихъ, пока они не приблизились, а Донъ Кихотъ съ такимъ жаромъ утверждалъ, что это были войска, что и Санчо наконецъ ему повѣрилъ.—Что жъ намъ, сударь, дѣлать? сказалъ онъ. — «Что дѣлать? вскричалъ рыцарь. Подать помощь слабымъ и оставленнымъ. Знай, Санчо, что войскомъ, которое идетъ съ этой стороны, предводительствуетъ великій императоръ Алифанфаронъ, владѣтель большаго острова Трапобаны [1]), а другое войско ведетъ врагъ его, король Гарамантовъ [2]), Пентаполинъ - засученная рука, названный такъ потому, что онъ всегда вступаетъ въ сраженіе, засучивъ по самое плечо рукавъ на правой рукѣ». — За что же эти господа такъ озлились другъ противъ друга? спросилъ Санчо. — «За то, отвѣчалъ Донъ Кихотъ, что Алифанфаронъ, свирѣпый язычникъ, полюбилъ дочь Пентаполина, прелестнѣйшую красавицу и христіанку, но родитель ея не хочетъ выдать ее замужъ за языческаго короля, если онъ напередъ не отречется отъ закона

[1]) *Трапобана* — древнее названіе острова Цейлана.
[2]) Народъ, обитавшій во внутренности Африки.

лжепророка Магомета и не обратится въ христіанскую вѣру».—Клянусь бородой моей, сказалъ Санчо, что Пентаполинъ дѣло дѣлаетъ и я готовъ помогать ему, сколько силъ моихъ хватитъ.—«Ты исполнишь долгъ свой, Санчо, сказалъ Донъ Кихотъ. Для вступленія въ подобныя сраженія не требуется быть посвященнымъ въ рыцари».—Я это очень хорошо понимаю, продолжалъ оруженосецъ, но куда мы дѣнемъ этого осла? Куда бы его поставить такъ, чтобы можно было отыскать его послѣ драки? Я думаю, что до сихъ поръ не водилось вступать въ сраженіе на такомъ длинноухомъ конѣ?—«Ты правъ, отвѣчалъ Донъ Кихотъ: тебѣ больше нечего дѣлать, какъ предоставить его на произволъ судьбы. Погибнетъ онъ, или нѣтъ,— все равно потому, что у насъ будетъ въ запасѣ столько лошадей послѣ побѣды, что даже самъ Росинантъ подвергается опасности быть перемѣненнымъ на другаго коня. Посмотри сюда и будь внимателенъ: я хочу изчислить тебѣ всѣхъ главныхъ рыцарей, которые въ этихъ двухъ войскахъ находятся. Чтобы ты лучше могъ ихъ разсмотрѣть и замѣтить, удалимся на этотъ холмъ, который тамъ возвышается; оттуда можно будетъ обозрѣть оба войска». Они остановились на скатѣ холма, съ котораго можно было бы ясно различить оба стада, принятыя Донъ Кихотомъ за войска, еслибы облака пыли не скрывали ихъ отъ глазъ. Не смотря на это, видя въ своемъ воображеніи невидимое и несуществующее, рыцарь возвысилъ голосъ и сказалъ: «Рыцарь, котораго ты тамъ видишь въ желтыхъ доспѣхахъ, и который держитъ щитъ съ изображеніемъ коронованнаго льва, лежащаго у ногъ красавицы, это храбрый Лауркалько, владѣтель серебрянаго моста. Другой, въ доспѣхахъ съ золотыми цвѣтами, держащій щитъ съ изображеніемъ трехъ серебряныхъ коронъ въ голубомъ полѣ, это страшный Микоколембо, великій герцогъ Кироційскій. По правую его сторону рыцарь гигантскаго роста, это неустрашимый Брандабарбаранъ Боличскій, обладатель трехъ Аравій; на немъ латы изъ змѣиной кожи; вмѣсто щита у него желѣзная дверь, которая, какъ носится молва, была одною изъ дверей храма, разрушеннаго Сампсономъ, когда онъ своею смертію отомстилъ врагамъ своимъ. Теперь посмотри въ противоположную сторону, и увидишь передъ другимъ войскомъ всегда побѣждающаго и никогда не побѣжденнаго Тимонеля Каркахонскаго, принца новой Бискаіи. Доспѣхи его украшены голубыми, зелеными, бѣлыми и желтыми квадратами. На щитѣ у него золотая кошка въ полѣ львинаго цвѣта съ подписью: *Міу*; это начало имени его подруги, которая, какъ говорятъ, есть несравненная Міулина, дочь герцога Альфеньикена Альгарвскаго. Другой, который скачетъ на росломъ и сильномъ конѣ, въ доспѣхахъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и съ бѣлымъ щитомъ безъ всякаго на немъ изображенія, это новый рыцарь, родомъ Французъ,

по имени Пьеръ Папенъ, владѣтель баронствъ Утрикскихъ. Пришпоривающій эту пеструю и легкую зебру, одѣтый въ латахъ съ голубыми фигурами, это могущественный герцогъ Нербійскій Эспартафилардо дель Боске. На щитѣ его изображенъ кустъ спаржи съ подписью: изслѣдуй родъ мой».

Такимъ образомъ Донъ Кихотъ перечислилъ многихъ рыцарей въ обоихъ войскахъ, которыя ему мечтались, описывая доспѣхи, цвѣтъ ихъ, изображенія на щитахъ и подписи, и почерпая все это въ разстроенномъ своемъ воображеніи. Не давая себѣ отдыха, онъ продолжалъ: «Эскадронъ, который теперь передъ нами, состоитъ изъ воиновъ разныхъ народовъ. Вотъ тѣ, которые пьютъ сладкія воды знаменитаго Ксанта; здѣсь горцы, которые попираютъ поля Масиликскія, далѣе тѣ, которые просѣваютъ тончайшее и мельчайшее золото въ счастливой Аравіи, тѣ, которые наслаждаются знаменитыми и свѣжими берегами свѣтлаго Термодонта, тѣ, которые истощаютъ многими и различными путями Пактолъ, изобилующій золотомъ, Нумидійцы, сомнительные въ своихъ обѣщаніяхъ, Персы, славящіеся своими луками и стрѣлами, Пароы и Мидяне, которые сражаются, отступая, Аравитяне, преданные кочевой жизни, Скиѳы бѣлолицые и жестокіе, Эѳіопы съ губами, на которыхъ висятъ украшенія, однимъ словомъ множество народовъ; хотя и не могу вспомнить ихъ названій, но лица ихъ вижу и знаю. Въ другомъ войскѣ идутъ тѣ, которые пьютъ кристальныя струи осѣненнаго оливами Бетиса, тѣ, которые умываютъ лица водами золотоноснаго Тага, тѣ, которые пользуются водами божественнаго Хениля, тѣ, которые попираютъ Тартезійскія поля, изобилующія паствами, тѣ, которые веселятся на орошенныхъ водами лугахъ Елисейскихъ, богатые Манчеги, увѣнчанные золотистыми колосьями, тѣ, которые одѣты въ желѣзо, древніе остатки крови Готовъ, тѣ, которые купаются въ Писуергѣ, извѣстной тихостію струй своихъ, тѣ, которые пасутъ стада свои на пространныхъ пастбищахъ извилистой Гвадіаны, славящейся неизвѣстностію ея теченія, тѣ, которые дрожатъ отъ холода свистящихъ вихрей Пиренейскихъ и отъ бѣлыхъ снѣговъ, падающихъ на высокіе Аппенины. Однимъ словомъ тутъ всѣ народы, которые обитаютъ въ Европѣ».

Одинъ Богъ знаетъ, сколько Донъ Кихотъ насчиталъ земель и народовъ, описывая съ удивительною быстротою свойства каждаго, и съ восторгомъ увлекаясь тѣмъ, чего онъ начитался въ своихъ лживыхъ книгахъ. Санчо Панса слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ, не говоря ни слова, и по временамъ оборачивалъ голову то въ ту, то въ другую сторону, чтобы разсмотрѣть рыцарей и великановъ, которыхъ называлъ по именамъ господинъ его; но не разсмотрѣвъ никого, онъ сказалъ:—Чортъ меня побери, сударь, если

я вижу хоть одного человѣка, великана, или рыцаря, о которыхъ вы говорить изволите. Можетъ быть все это одно волшебство, какъ вчерашнія привидѣнія.—«Что говоришь ты! возразилъ Донъ Кихотъ. Развѣ не слышишь ржанія коней, звука трубъ, грома барабановъ»? —Я слышу только, отвѣчалъ Санчо, блеяніе овецъ и барановъ.—Это была и правда, потому, что два стада тогда приблизились. «Страхъ твой, сказалъ Донъ Кихотъ, произвелъ то, что ты ничего не видишь и не слышишь порядкомъ. Одно изъ дѣйствій страха: смущать чувства и представлять намъ вещи въ превратномъ видѣ. Если ты такъ трусишь, то отъѣзжай въ сторону и оставь меня одного. Меня и одного достаточно, чтобы склонить побѣду на ту сторону, которой окажу помощь». Сказавъ это, онъ пришпорилъ Росинанта и, держа копье на перевѣсъ, спустился съ холма, какъ молнія. Санчо закричалъ ему:—Воротитесь, господинъ Донъ Кихотъ! Клянусь вамъ папою, что вы нападаете на барановъ и овецъ. Воротитесь, о я несчастный и съ произведшимъ меня на свѣтъ родителемъ! Да что это за сумасшествіе! Посмотрите, что тутъ нѣтъ ни великановъ, ни рыцарей, ни кошекъ, ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни чорта, ни дьявола! Что онъ это творитъ, помилуй меня, Господи, многогрѣшнаго!

Донъ Кихота не остановило это; напротивъ того онъ скакалъ впередъ, крича: «Не робѣйте, рыцари, идущіе подъ знаменами храбраго императора Пентаполина-засученой руки; слѣдуйте всѣ за мною; вы увидите, какъ я легко отомщу за него врагу, Алифанфарону Трапобанскому»! Съ этими словами онъ въѣхалъ въ средину стада и началъ поражать копьемъ овецъ съ такою храбростію, какъ будто въ самомъ дѣлѣ кололъ своихъ смертельныхъ враговъ. Пастухи, гнавшіе стадо, закричали ему, чтобы онъ остановился; но видя, что это не помогло, они сняли съ поясовъ своихъ пращи, и камни, величиною съ кулакъ, начали свистать у самыхъ ушей рыцаря. Донъ Кихотъ не послушался и камней; напротивъ того, бросаясь во всѣ стороны, онъ кричалъ: «Гдѣ ты, надменный Алифанфаронъ? Иди ко мнѣ: я одинъ хочу испытать твои силы и лишить тебя жизни въ наказаніе за скорбь, которую ты наносишь храброму Пентаполину Гарамантскому». Въ эту минуту камешекъ изъ ручья попалъ ему въ бокъ и помялъ два ребра. Рыцарь подумалъ, что онъ убитъ или тяжело раненъ, и, вспомнивъ о своемъ бальзамѣ, вынулъ свою посудину, поднесъ ее ко рту и началъ пить чудесное лекарство; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ проглотить столько, сколько ему казалось нужнымъ, прилетѣла другая миндалинка и такъ ловко попала въ сосудъ, что разбила его въ куски, ушибла два пальца и по дорогѣ вышибла три или четыре зуба у рыцаря. Эти два удара принудили его упасть съ лошади. Пастухи подбѣ-

жали къ нему и, подумавъ, что онъ убитъ, съ большою поспѣшностью собрали свое стадо, взвалили на плеча убитыхъ овецъ и барановъ, которыхъ оказалось болѣе семи, и, не входя ни въ какое дальнѣйшее изслѣдованіе, удалились. Во все это время Санчо оставался на скатѣ холма, глядя на сумасбродство своего господина и вцѣпясь въ свою бороду, съ досады. Онъ проклиналъ часъ, въ который судьба свела его съ нимъ. Увидѣвъ, что рыцарь упалъ на землю, и что пастухи уже ушли, онъ спустился съ холма и, приблизившись къ нему, нашелъ его не очень въ хорошемъ положеніи, хотя и не въ обморокѣ.—Не говорилъ ли я вамъ, господинъ Донъ Кихотъ, сказалъ онъ: чтобы вы воротились, и что тѣ, на которыхъ вамъ напасть заблагоразсудилось, были не войска, а просто стадо барановъ?— «Это все надѣлалъ извѣстный бездѣльникъ чародѣй, личный врагъ мой! Знай, Санчо, что этимъ господамъ ничего не стоитъ представить намъ, что имъ угодно; злодѣй, меня преслѣдующій, завидуя славѣ, которая предстояла мнѣ въ бывшемъ сраженіи, превратилъ эскадронъ враговъ въ стада овецъ. Если не вѣришь, Санчо, то послушайся меня, любезный: ты тотчасъ увидишь свое заблужденіе и справедливость словъ моихъ. Сядь на осла и просто поѣзжай за баранами. Увидишь, что, отойдя отсюда не далеко, они примутъ всѣ первоначальный видъ свой, и изъ барановъ превратятся въ настоящихъ людей, именно въ такихъ, какихъ я тебѣ сначала описывалъ. Впрочемъ не уѣзжай теперь; мнѣ нужна твоя помощь. Подойди ко мнѣ и посмотри, сколькихъ зубовъ я лишился въ сраженіи? Мнѣ кажется, что у меня ни одного зуба не осталось во рту». Оруженосецъ подошелъ къ самому лицу господина, но занахъ бальзама, которымъ Донъ Кихотъ былъ облитъ, такъ перепугалъ Санчо, напомнивъ ему страданія въ гостинницѣ, что онъ отскочилъ и приблизился къ своему ослу, чтобъ снять съ него суму и взять изъ нея что-нибудь, чѣмъ бы можно было отереть латы господина, облитыя ужаснымъ бальзамомъ. Не найдя сумы, Санчо чуть съ ума не сошелъ. Онъ проклялъ себя и рѣшился непремѣнно, оставивъ рыцаря, возратиться домой, не смотря на потерю награды за службу и надежды получить во владѣніе обѣщанный островъ. Донъ Кихотъ между тѣмъ всталъ и, приложивъ лѣвую руку ко рту, чтобы поддержать свои зубы, взялъ правою поводья Росинанта, который не отошелъ ни на шагъ отъ господина (такой былъ вѣрный и добронравный конь). Рыцарь подошелъ къ оруженосцу; тотъ, прислонясь грудью къ ослу, поддерживалъ щеку ладонью, съ видомъ человѣка въ глубокой задумчивости. Донъ Кихотъ, видя унылие оруженосца, сказалъ ему: «Знай, Санчо, что всѣ люди равны; одни дѣла ставятъ человѣка выше другихъ. Всѣ эти бури, нами встрѣчаемыя, предвѣщаютъ, что скоро наступятъ ясные

дни, и что наши дѣла пойдутъ, какъ нельзя лучше. Невозможно, чтобы худое или хорошее было продолжительно. Худое для насъ тянулось очень долго; изъ этого слѣдуетъ, что хорошее уже близко. И такъ ты не долженъ сокрушаться о бѣдствіяхъ, мнѣ приключающихся, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ не достается ничего на твою долю».—Какъ не достается! возразилъ Санчо. Развѣ тотъ, котораго вчера взбрасывали на одѣялѣ, былъ кто-нибудь другой, а не сынъ моего отца? Развѣ не ему же, а кому-нибудь другому принадлежала сума, которая у меня пропала сегодня со всѣми моими пожитками? — «Какъ? Сума твоя пропала, Санчо»? вскричалъ рыцарь.— То-то и есть, что пропала! отвѣчалъ оруженосецъ. — «Этакъ намъ нечего будетъ ѣсть сегодня»! продолжалъ Донъ Кихотъ.—Да вышло бы такъ, сказалъ Санчо, еслибъ на этихъ лугахъ не было травъ, которыя, по словамъ вашимъ, вы знаете, и которыми обыкновенно пропитываются такіе же горемычные странствующіе рыцари, какъ мы съ вами.—«Однакожъ, замѣтилъ Донъ Кихотъ, я бы теперь охотнѣе съѣлъ фунтовъ семь хлѣба, или небольшой, домашній хлѣбъ съ двумя сардинскими селедками, чѣмъ всѣ травы, которыя описываетъ Діоскоридъ, хотя бы его украсилъ комментаріями самъ Докторъ Лагуна [1]). Не смотря на все это, сядь на твоего осла, добрый Санчо, и слѣдуй за мной. Богъ, пекущійся о всѣхъ, не оставитъ и насъ, тѣмъ болѣе, что мы съ такимъ усердіемъ исполняемъ долгъ нашего званія. Онъ не оставляетъ даже мошекъ воздушныхъ, ни червячковъ земли, ни насѣкомыхъ, живущихъ въ водѣ. Онъ такъ милосердъ, что повелѣваетъ восходить своему солнцу надъ добрыми и злыми, и орошаетъ дождемъ неправедныхъ и праведныхъ».—Ваша милость, сказалъ Санчо, гораздо способнѣе быть проповѣдникомъ, чѣмъ странствующимъ рыцаремъ.— «Все знали и должны все знать странствующіе рыцари, Санчо, сказалъ Донъ Кихотъ: въ прошлыхъ вѣкахъ бывали рыцари, которые останавливались посреди поля для произнесенія проповѣди или рѣчи, и говорили такъ, какъ будто они были возведены въ ученую степень Парижскимъ Университетомъ Изъ этого видно, что никогда копье не притупляло пера, ни перо копья». — Пусть все это будетъ ладно, что изволитъ говорить ваша милость, отвѣчалъ Санчо: однакожъ теперь поѣдемъ отсюда и поищемъ убѣжища, гдѣ бы намъ переночевать, и дай Господи, чтобы тамъ не нашлось ни одѣялъ, ни качальщиковъ, ни привидѣній, ни очарованныхъ Мавровъ; если же они и тамъ найдутся, то я такъ взбѣленюсь, что самъ чортъ испугается. — «Поручи себя небу, сынъ мой, сказалъ Донъ Кихотъ, и веди меня, куда хочешь: въ этотъ

[1]) Докторъ Карла V и папы Юлія III, переводчикъ и комментаторъ Діоскорида.

разъ я предоставляю тебѣ избрать для насъ убѣжище; но прежде протяни сюда руку и ощупай пальцемъ: сколькихъ зубовъ недостаетъ у меня въ правой, верхней деснѣ? тутъ я чувствую боль». Санчо, осмотрѣвъ десны, спросилъ:—Сколько зубовъ было у вашей милости вотъ здѣсь? — «Четыре, отвѣчалъ рыцарь, не считая глазнаго, и всѣ цѣлые и здоровые».—Такъ ли точно?—«Говорю тебѣ, что четыре, если не пять. Во всю мою жизнь мнѣ не выдернули ни одного зуба, и самъ ни одинъ не выпалъ».—Ну, такъ, извольте видѣть, здѣсь внизу у вашей милости обрѣтается въ наличности только два зуба съ половиной, а вверху нѣтъ и половины: тутъ все гладко, какъ на ладони.—«О я несчастный! вскричалъ Донъ Кихотъ, услышавъ печальную новость, сообщенную оруженосцемъ. Я предпочелъ бы, чтобъ отрубили мнѣ руку, только бы не ту, которою мечъ держатъ. Знай, Санчо, что ротъ безъ зубовъ тоже, что мельница безъ жернова; зубъ должно цѣнить гораздо дороже алмаза. Но дѣлать вечего: всѣмъ этимъ бѣдствіямъ подвержены тѣ, которые исполняютъ уставъ рыцарства. Сядь, мой другъ, на осла и будь моимъ вожатымъ. Я послѣдую за тобой всюду, куда хочешь».

Санчо послушался и отправился въ ту сторону, гдѣ казалось ему возможнымъ найти пріютъ, не съѣзжая съ большой дороги, которая тутъ тянулась не прерываясь. Такъ какъ боль въ деснахъ мѣшала Донъ Кихоту и отдохнуть и поспѣшно ѣхать, то Санчо, продолжая путь тихонько, захотѣлъ занять и развеселить его разговорами. *К. Масальскій.*

Примѣч. — Объ основной идеѣ романа Сервантеса замѣчательно мнѣніе *Гейне:* «Какая основная мысль руководила великимъ Сервантесомъ, когда онъ писалъ свою великую книгу?... Перо генія всегда болѣе велико, нежели онъ самъ; оно не ограничивается его временными цѣлями, но всегда достигаетъ большаго; Сервантесъ, самъ того ясно не сознавая, написалъ величайшую сатиру на человѣческую *восторженность*». Потомъ Гейне высказываетъ еще слѣд. мысль о значеніи вообще романа Сервантеса: «Въ лицѣ Сервантеса мы должны почитать основателя новаго романа. Объяснимся. Древнѣйшій романъ, такъ называемый рыцарскій, получилъ свое начало въ средневѣковой поэзіи; это былъ романъ дворянства и дѣйствующія лица въ немъ были или баснословные, фантастическіе образы, или рыцаря съ золотыми шпорами [1]); нигдѣ не было и слѣда народа. Эти-то романы, подъ конецъ вы-

[1]) Хорошо передаетъ сущность рыцарскихъ романовъ *Тимковскій*. Вотъ его слова: «Рыцарскіе романы исказили вкусъ народа, представляя ему вымыслы блестящіе и чудовищные, физическій и нравственный порядокъ вещей совершенно въ иномъ видѣ противъ существующаго. Они нанизывали чудеса на чудеса. Дамы-красавицы, принцы, короли и императоры; отсутствіе, разлука и ревность, турниры, дерзкія предпріятія, труды сверхъестественные; мѣдныя башни, хрустальные дворцы, кипящія озера, страшныя пустыни, плавающіе острова, воздушныя колесницы, волшебники, феи, духи, чудовища, карлы, великаны, драконы, крылатые кони: все это входило въ составъ рыцарскаго романа». (Пантеонъ 1841, № 2).

родившіеся и сдѣлавшіеся безсмысленными, и уничтожилъ Сервантесъ своимъ Донъ Кихотомъ. Сервантесъ основалъ новый романъ, введя въ рыцарскій романъ вѣрнѣйшее изображеніе низшихъ классовъ, подмѣшавъ въ его содержаніе жизнь народа. Подобно тому, какъ Сервантесъ ввелъ въ романъ демократическій элементъ, когда въ немъ преобладалъ рыцарскій, такъ и Вальтеръ Скоттъ снова ввелъ въ романъ элементъ аристократическій, когда онъ совершенно въ немъ исчезъ и когда въ немъ начала играть важнѣйшую роль прозаическая буржуазія». (Библ. для Чт. 1860, № 11).

Тема. — Составить понятіе о рыцарскомъ романѣ на основаніи этого отрывка.

АЙВЕНГО́.

(Вальтеръ-Скотта).

Біографія В.-Скотта. — Слова *Линниченки:* «Конецъ XVIII и начало XIX вѣка въ наукѣ и искусствѣ Европы были временемъ борьбы прежнихъ идей съ новыми, прошедшаго съ возникавшею будущностію. Представителями этого движенія въ литературѣ Англіи были: Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ.

«Въ то время, какъ подъ конецъ восьмнадцатаго столѣтія пришли въ совершенный упадокъ всѣ стороны средневѣковой жизни, Нѣмцы и Англичане судорожно схватились за изученіе прошлаго и въ поэзіи хотѣли воскресить угасавшій духъ среднихъ вѣковъ. Совершить это дѣло вполнѣ суждено было Вальтеръ-Скотту [1]. Въ немъ соединились всѣ качества, необходимыя для исполненія этой задачи. Онъ былъ въ одно время и глубокимъ знатокомъ средневѣковыхъ древностей, и страстнымъ феодаломъ, и наконецъ величайшимъ художникомъ своего времени, одареннымъ способностію переноситься всѣмъ существомъ своимъ во всѣ времена и во всякую мѣстность. Обстоятельства жизни какъ нельзя больше способствовали къ тому, чтобъ образовать изъ него великаго живописца среднихъ вѣковъ. Онъ родился въ Шотландіи, странѣ, постоянно отличавшейся неподвижностію: ни у одного народа Западной Европы привязанность къ старинѣ не была такъ могущественна, нигдѣ такъ долго не сохранялись средніе вѣка, какъ у жителей горъ и долинъ Шотландскихъ. Родители Вальтеръ-Скотта происходили отъ древняго рода, извѣстнаго въ Шотландской исторіи, напитаны были феодальнымъ духомъ и сыну передали глубокое уваженіе къ памяти предковъ и страсть къ стариннымъ преданіямъ. Нѣсколько лѣтъ своего дѣтства Вальтеръ-Скоттъ провелъ тамъ, гдѣ почти на каждомъ шагу можно было встрѣтить то камень или холмъ, напоминавшіе о какой-нибудь замѣчательной схваткѣ, то ручей, воспѣтый въ народныхъ романахъ и балладахъ. Все это очень рано развило въ немъ непобѣдимую страсть къ романическимъ разсказамъ. Отецъ предназначалъ Вальтеръ-Скотта къ званію адвоката. Приготовленіе къ этой должности состояло большею частію въ изученіи древностей, и потому не только не противорѣчило его наклонности, но еще способствовало развитію ея. Мѣсто помощника шерифа, полученное имъ по окончаніи образованія, дало возможность предаться вполнѣ своей склонности. Безпрестанныя путешествія

[1]) Вальтеръ-Скоттъ р. въ Эдинбургѣ, 1771 г., ум. въ Абботфордскомъ замкѣ (вблизи Эдинбурга), 1832 г.

въ горы, бесѣды съ старыми пастухами, изученіе историческихъ памятниковъ на мѣстѣ и собираніе старинныхъ преданій окончательно переселили его мысль въ средніе вѣка. Страсть Вальтеръ-Скотта къ среднимъ вѣкамъ въ это время была такъ сильна, что перешла даже въ странность. Онъ построилъ себѣ на берегу р. Твида готическій замокъ, совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ: снаружи красовался со всѣхъ сторонъ фамильный гербъ, внутри по стѣнамъ развѣшаны были портреты Шотландскихъ королей; расположеніе, названіе комнатъ соотвѣтствовало всему остальному; а образъ жизни въ замкѣ, отношенія домашнихъ, ихъ развлеченія и разговоры, — все это до такой степени приближалось къ описанію частной жизни въ средніе вѣка, что самъ Вальтеръ-Скоттъ называлъ свой замокъ Абботфорь «жилищемъ, похожимъ на сновидѣніе».

«Плодомъ путешествій Вальтеръ-Скотта по дико-романтическимъ мѣстамъ западной Шотландіи, глубокаго и обширнаго изученія средневѣковой жизни и страстной любви къ ней было сначала изданіе народныхъ балладъ, собранныхъ изъ устъ народа, потомъ рядъ историческихъ романовъ, которые пріобрѣли ему славу основателя историческаго романа и перваго романиста Европы новыхъ временъ. Замѣчательнѣйшіе романы его: Ваверлей, Айвенгб, Квентинъ-Дюрвардъ, Кенильвортъ, Гюй-Маннерингъ или Астрологъ [1]).

[1]) Романъ «Ваверлей» превосходно изображаетъ эпоху послѣдняго возстанія Шотландіи въ пользу Стюартовъ, въ царствованіе Англійскаго короля Георга II (1727 — 1760). Герой романа—молодой Англичанинъ Эдуардъ Ваверлей, перешедшій на сторону претендента на Шотландскую корону — принца Карла Эдуарда. Сцена дѣйствія — Шотландія. Предметъ дѣйствія—сердечныя отношенія Ваверлея къ Флорѣ, сестрѣ Макъ Ивора, приверженца Стюартовъ. Сюжетъ романа «Айвенгб» взятъ изъ временъ Крестовыхъ походовъ и изъ исторіи короля Ричарда — Львиное-Сердце (1189—1199). Герой романа—храбрый и благородный рыцарь Айвенгб. Пламенная любовь гордаго и храбраго рыцаря — храмовника Гильбера къ прекрасной еврейкѣ Ребеккѣ, взятой подъ защиту рыцаремъ Айвенгб—главная тема. Дѣйствіе происходитъ въ Англіи. Къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ романа принадлежитъ король Ричардъ-Львиное-Сердце и храбрый рыцарь Бріанъ, отличающійся чрезвычайною безнравственностію и дикостью страстей. Фигура его очерчена такъ рѣзко, что въ сравненіи съ нимъ Айвенгб кажется блѣдною тѣнью, потому что въ то время, какъ Бріанъ безпрестанно дѣйствуетъ съ силою и энергіею, Айвенгб дѣйствуетъ мало: онъ то раненъ, то при смерти, то въ плѣну. Этотъ романъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ, между прочимъ прекрасно изображаетъ отношенія Саксовъ къ позднѣйшимъ завоевателямъ Англіи, Норманнамъ и рыцарство, особенно рыцарскіе турниры. Исторія молодаго благороднаго Шотландца Квентинъ-Дюрварда, поступившаго въ службу къ Людовику XI, королю Французскому, составляетъ сюжетъ романа этого имени. Здѣсь мастерски изображены король Французскій Людовикъ XI и Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій. Въ романѣ «Кенильвортъ» завязка основана на любви графа Лейчестера къ Эми Робсартъ, трагически окончившей свою жизнь. Здѣсь особенно хорошо очерчены личности королевы Елисаветы и ея любимца графа Лейчестера *). Содержаніе романа «Гюй-Маннерингъ» слѣдующее: молодой Англичанинъ Гюй-Маннерингъ, по окончаніи университета, отправляется въ Шотландію, предсказываетъ по звѣздамъ судьбу новорожденному сыну одного владѣльца и исчезаетъ. Чрезъ нѣсколько времени

*) Романъ называется Кенильвортомъ по имени замка, въ которомъ графъ Лейчестеръ устроилъ однажды великолѣпнѣйшій праздникъ для королевы Елисаветы.

Значеніе романовъ В.-Скотта. — *Слова Линниченки:* «Вальтеръ-Скоттъ принадлежитъ къ числу немногихъ великихъ эпическихъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Онъ создалъ такъ называемый исторический романъ, замѣнившій для новѣйшихъ временъ эпопею древнихъ. Въ романахъ его изображены, въ поэтической картинѣ, всѣ стихіи и всѣ типы семейной, государственной и церковной жизни Англіи и Шотландіи. Норманъ, Англо-Саксъ, Кельтъ, феодальный вельможа, придворный временъ позднѣйшихъ, гражданинъ временъ Кромвелевыхъ, и, среди всѣхъ этихъ типовъ, ангелъ-хранитель семейныхъ нравовъ Англіи всѣхъ временъ, идеалъ рыцаря, подруга гражданина—преданная и чистая женщина. Они разоблачаютъ предъ нами внутреннюю сторону историческихъ событій, вводятъ въ кабинетъ историческихъ лицъ и дѣлаютъ свидѣтелями ихъ домашняго быта, ихъ семейныхъ тайнъ. Въ каждой чертѣ этихъ романовъ ярко, пластически высказываются предъ нами колоритъ страны и вѣка, ихъ обычаи и нравы. Читая романъ Вальтеръ-Скотта, мы дѣлаемся какъ бы сами современниками эпохи, гражданами странъ, въ которыхъ совершается событіе, имъ изображаемое, и получаемъ о нихъ такое понятіе, какое едва ли дастъ какая угодно исторія. Пластическая изобразительность и вѣрность жизни простирается въ этихъ романахъ до того, что невозможно замѣтить личныхъ чувствованій и мыслей о нихъ поэта. Описываетъ ли онъ старинные патріархальные нравы сѣверной Шотландіи, разсказываетъ ли о подвигахъ рыцарей въ Палестинѣ, изображаетъ ли великолѣпіе педантическаго двора королевы Елисаветы,—по этимъ описаніямъ нельзя угадать, что думаетъ самъ поэтъ о патріархальности, о фанатизмѣ, о придворной роскоши. Это-то живое, свѣтлое, полное и вездѣ ровное изображеніе жизни внѣшней и почти всякое отсутствіе личности поэта, существенныя черты эпоса народнаго, составляютъ, между прочимъ, отличительное свойство романовъ Вальтеръ-Скотта, слишкомъ рѣдкое въ искусственной поэзіи временъ позднѣйшихъ. Впрочемъ, въ эпическую поэзію новѣйшихъ временъ внесена и стихія драматическая; и это потому, что для христіанскаго искусства личность человѣческая и развитіе ея внутренней стороны выше событія. И Вальтеръ-Скоттъ платилъ иногда дань духу этого искусства: лучшія и высшія его произведенія болѣе или менѣе проникнуты стихіею драматическою. Такъ, сцены свиданія въ горахъ Тирреля съ Кларою и потомъ свиданія Тирреля съ капитаномъ Джекилемъ, уполномоченнымъ посредникомъ со стороны брата, трагическія отношенія Франца Тирреля къ Кларѣ Мобрай, въ романѣ «Сенъ-Ронанскія воды,» отличаются такою глубиною сердцевѣдѣнія и тайнъ страстей и страданія, что украсили бы собою любую драму Шекспира; а «Ламмермурская Невѣста» даже можетъ быть названа трагедіею въ формѣ романа.

«Наконецъ къ предыдущимъ свойствамъ романовъ Вальтера-Скотта надобно присоединить еще любовь къ народу. Правда, что, вѣрный своимъ феодально-аристократическимъ взглядамъ, Вальтеръ-Скоттъ почти всегда умѣетъ устроить такъ, что для благородныхъ бродягъ его романовъ всегда отыскивается знатный родоначальникъ и богатое наслѣдство, и что они, восходя постепенно по лѣстницѣ счастія, не стѣсняясь могутъ наконецъ просить ру-

потомъ онъ снова является въ Шотландіи, изъ Индіи, отставнымъ полковникомъ. Дитя, которому онъ предсказалъ его судьбу, пропадаетъ на 5 году жизни, служитъ въ Индіи подъ командою Маннеринга, какъ лице вовсе ему неизвѣстное, въ одно время съ нимъ возвращается на родину и наконецъ, побѣдивъ множество препятствій, женится на дочери Маннеринга.

ки знатной дамы. Но за то, съ другой стороны, надобно отдать поэту справедливость: онъ рисуетъ народъ истинно поэтическими красками и изображаетъ въ немъ тѣ сильныя и величественныя натуры, которыя нисколько не ниже рыцарства ни силою тѣлесною, ни красотою нравственною, часто даже превосходятъ и затмѣваютъ ихъ.

«Двѣ великія услуги оказалъ Вальтеръ-Скоттъ своими романами исторической наукѣ Западной Европы. Первая заключается въ безпристрастномъ изображеніи среднихъ вѣковъ, — и замѣчательнѣйшіе историки нашего времени Гизо, Тьерри, Барантъ, положившіе начало новому направленію науки исторіи, воспитались на романахъ Вальтеръ-Скотта. Другая заслуга его состоитъ въ измѣненіи самого способа изложенія исторіи. Вальтеръ-Скоттъ первый возобладалъ тайной возсоздавать прошедшее во всей его физіономіи. Онъ первый показалъ своими романами, что исторія тогда только и можетъ сдѣлаться картиною прошедшаго, когда заставитъ людей и событія говорить самихъ за себя, не навязывая древнему обществу такихъ мыслей, чувствъ и стремленій, которыя принадлежатъ собственно историку или его современникамъ. Наконецъ романамъ же Вальтеръ-Скотта обязана исторія тѣмъ, что она перестала излагать одни только войны и миры, и вообще политическія только событія, а стала излагать и частную жизнь, въ подробностяхъ которой и выражается наилучшимъ образомъ духъ времени». (Курсъ исторіи поэзіи. *Линниченко*. Кіевъ. 1860, стр. 110 и д.).

Турниръ.

Состояніе Англійской націи въ это время [1]) было довольно бѣдственно. Король Ричардъ находился въ отсутствіи, въ плѣну у вѣроломнаго и жестокаго герцога Австрійскаго. Даже самое мѣсто его заключенія было невѣдомо; судьба его оставалась почти неизвѣстною для большей части его подданныхъ, которые въ то же время были преданы всякаго рода невыносимымъ угнетеніямъ.

Принцъ Іоаннъ, въ союзѣ съ Филиппомъ Французскимъ, смертельнымъ врагомъ Львинаго-Сердца, употреблялъ все свое вліяніе на герцога Австрійскаго, чтобъ продлить плѣнъ брата своего Ричарда, которому онъ былъ обязанъ столь многими милостями. Между тѣмъ, Іоаннъ усиливалъ свою партію въ королевствѣ, намѣреваясь, въ случаѣ смерти короля, оспоривать престолъ у законнаго наслѣдника, Артёра, герцога Британскаго, сына старшаго его брата, Готфрида Плантагенета. Всѣмъ извѣстно, что этотъ замыселъ онъ успѣлъ привести въ исполненіе въ послѣдствіи; — легкомысленный, развратный и вѣроломный Іоаннъ, легко привязалъ къ себѣ и своей партіи не только всѣхъ, имѣвшихъ причину бояться гнѣва Ричардова за противозаконные поступки во время его отсутствія,

---

[1]) Въ концѣ XII вѣка, при королѣ Ричардѣ-Львиное-Сердце.

но также и многочисленный классъ *отчаянныхъ смѣльчаковъ*, которые, возвратившись изъ Крестовыхъ походовъ на родину, напитались всѣми пороками Востока, растратили свое имущество и, закаливъ свой характеръ, возлагали полную надежду на потрясенія, порождаемыя междоусобіемъ.

Къ этимъ причинамъ народнаго бѣдствія должно прибавить множество разбойниковъ, которые, будучи доведены до отчаянія угнетеніями феодальнаго дворянства и строгимъ исполненіемъ лѣсныхъ законовъ, собирались огромными шайками, и, владычествуя въ лѣсахъ и долинахъ, ни во что не ставили мѣстный судъ и расправу. Самые бароны, укрѣпившись въ замкахъ и разыгрывая роль мелкихъ королей въ своихъ владѣніяхъ, становились предводителями шаекъ, не менѣе беззаконныхъ и столько же опасныхъ, какъ и шайки самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ. Для содержанія такихъ шаекъ и для удовлетворенія разорительнаго великолѣпія, требуемаго гордостію, дворяне занимали огромныя суммы у Жидовъ за самые большіе проценты, истощавшіе ихъ владѣнія, какъ самая изнурительная болѣзнь, почти неизлечимая, если обстоятельства не представляли имъ случая освободиться отъ нея какимъ-нибудь беззаконнымъ насиліемъ въ отношеніи къ своимъ кредиторамъ.

Подъ гнетомъ такихъ разнообразныхъ бѣдствій, при этомъ несчастномъ порядкѣ дѣлъ, народъ Англійскій глубоко страдалъ въ настоящемъ и имѣлъ причину въ будущемъ опасаться угнетеній еще болѣе тягостныхъ. Къ довершенію бѣдствія, заразительная, весьма опасная болѣзнь распространилась по всему государству и дѣлалась упорнѣе отъ неопрятности, нездоровой пищи и худаго помѣщенія низшихъ классовъ, похищала многихъ, которыхъ участь для людей, оставшихся въ живыхъ, становилась причиною зависти, потому что избавляла ихъ отъ страданій, грозившихъ въ будущемъ.

Но среди несчастій, всѣ люди безъ различія, бѣдные и богатые, чернь и дворянство принимали участіе въ *турнирѣ*, величественномъ зрѣлищѣ того времени, заботились о немъ съ такимъ же жаромъ, съ какимъ нынѣ полуголодная чернь Мадридская, у которой не остается и реала для покупки пищи семейству, бѣжитъ смотрѣть бой быковъ. Ни обязанности, ни слабость здоровья, не могли удержать людей молодыхъ и старыхъ отъ подобнаго зрѣлища. Турниръ назначенъ былъ въ Эшби, въ графствѣ Лейстерскомъ. Туда должны были явиться знаменитѣйшіе рыцари передъ лице принца Іоанна, который, какъ полагали, самъ будетъ предсѣдательствовать въ аренѣ. Это обстоятельство привлекало всеобщее вниманіе, и потому огромныя толпы людей всѣхъ званій спѣшили въ назначенное утро къ мѣсту битвы.

Выбранное для этого мѣсто было истинно романическое. У опушки

лѣса, отстоявшаго на милю отъ города Эшби, разстилался обширный лугъ, покрытый самою восхитительною зеленью и окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, а съ другой рѣдкими дубами, изъ которыхъ иные были необыкновенной величины. Это поле, какъ бы нарочно назначенное для воинскихъ упражненій, постепенно склонялось со всѣхъ сторонъ къ ровной площади, которая обнесена была крѣпкимъ палиссадомъ и имѣла около четверти въ длину и въ половину менѣе этого въ ширину. Обнесенное мѣсто имѣло форму продолговатаго четвероугольника, углы котораго были значительно скруглены для большаго удобства зрителей. Входы для сражающихся, находившіеся на сѣверной и южной оконечностяхъ арены, затворялись крѣпкими деревянными воротами, довольно широкими для въѣзда двухъ всадниковъ въ рядъ. При каждыхъ изъ этихъ воротъ стояло по два герольда, съ шестью трубачами, съ такимъ же числомъ прислужниковъ и сильнымъ отрядомъ воиновъ, для соблюденія порядка и для опредѣленія степени рыцарей, желавшихъ принять участіе въ воинственныхъ играхъ.

Позади южнаго входа, на платформѣ, образованной естественнымъ возвышеніемъ земли, были разбиты пять великолѣпныхъ палатокъ, украшенныхъ вымпелами темнаго и чернаго цвѣта, избраннаго пятью рыцарями вызывающими. Канаты палатокъ были тѣхъ же цвѣтовъ. Передъ каждою палаткою висѣлъ щитъ занимавшаго ее рыцаря, а возлѣ щита стоялъ его оруженосецъ, облеченный въ причудливую одежду сильвана или лѣснаго человѣка, или въ другой какой-нибудь странный нарядъ, сообразный со вкусомъ его господина и тѣмъ характеромъ, который ему было угодно принять на себя во время турнира [1]). Шатеръ, стоявшій на срединѣ, какъ на почетномъ мѣстѣ, назначался Бріану де-Буа-Гильберу (тампліеру), котораго слава во всѣхъ рыцарскихъ увеселеніяхъ, равно и связь съ рыцарями-распорядителями турнира, заставили принять въ число вызывающихъ и даже доставили ему честь предводителя всѣхъ прочихъ, не смотря на то, что онъ присоединился къ нимъ еще такъ недавно.

По одну сторону его шатра разбиты были палатки Реджинальда Фрон-де-Бёфа и Филиппа де-Мальвуазена; по другую шатеръ Гюга де-Гранмениля, благороднаго сосѣдняго барона, котораго предокъ былъ лордомъ-великимъ-гофмаршаломъ въ Англіи во времена Завоевателя и сына его, Вильгельма-Рыжаго. Ральфъ де-Випонъ, рыцарь ордена Іоанна-Іерусалимскаго, владѣвшій старинными помѣстьями въ мѣстечкѣ, называемомъ Гитеръ, близъ Эшби де-ла-

[1]) Полагаютъ, что подобные маскарады дали начало щитодержцамъ въ геральдикѣ.

Зушъ, занималъ пятую палатку. Отъ входа въ арену вела отлогая дорога, въ десять ярдовъ шириною, къ платформѣ, на которой были разбиты палатки. Она, такъ же какъ и площадка передъ шатрами, была обнесена съ обѣихъ сторонъ крѣпкимъ палиссадомъ и охранялась множествомъ воиновъ.

Сѣверная дорога въ арену оканчивалась подобнымъ же входомъ, шириною въ 30 футовъ, въ концѣ котораго находилось обширное огороженное пространство для рыцарей, желающихъ сразиться въ аренѣ съ вызывающими; сзади расположены были шатры съ прохладительными всякаго рода для рыцарей, съ оружейниками, кузнецами и другими прислужниками, готовыми подать пособіе въ случаѣ нужды.

Возлѣ одной части арены устроены были временныя галлереи, устланныя коврами и шитыми матеріями и снабженныя подушками для дамъ и дворянства, ожидаемаго на турниръ.

Узкое пространство между этими галлереями и циркомъ, назначалось для помѣщенія йоменовъ [1]) и жителей, выходившихъ изъ числа обыкновенной черни: эту часть галлереи можно было сравнить съ партеромъ нашихъ театровъ. Простой народъ помѣщался на широкихъ дерновыхъ скамьяхъ, нарочно для того приготовленныхъ, и которыя, при естественномъ возвышеніи земли, давали возможность смотрѣть черезъ галлерею и хорошо видѣть циркъ. Не смотря на это удобство, множество народа взобралось на вѣтви деревъ вокругъ луга; даже колокольня сельской церкви, находившейся въ нѣкоторомъ разстояніи, была покрыта зрителями.

Остается замѣтить, для полнаго понятія объ устройствѣ цирка, что часть галлереи въ самой срединѣ восточной стороны арены, и, слѣдовательно, совершенно противъ того мѣста, гдѣ должна была произойти сшибка сражающихся, возвышалось надъ всѣми другими нѣчто въ родѣ трона и балдахина, богато украшенныхъ королевскимъ гербомъ. Оруженосцы, пажи и тѣлохранители въ богатыхъ ливреяхъ окружали это почетное мѣсто, предназначенное для принца Іоанна и его свиты. Противъ королевской галлереи находилась другая столь же высокая, съ западной стороны цирка, и была украшена если не такъ великолѣпно, какъ предназначенная для принца, то, по крайней мѣрѣ, съ бо́льшимъ блескомъ. Толпа пажей и дѣвицъ, самыхъ красивыхъ, какихъ только можно было выбрать, въ блестящихъ фантастическихъ одеждахъ зеленаго и розоваго цвѣта, окружали тронъ, украшенный тѣми же цвѣтами. Между вымпелами

[1]) Мы рѣшились сохранить въ Русскомъ переводѣ слово *yeomen*, потому что замѣнить его невозможно ничѣмъ. Оно означало иногда богатыхъ мызниковъ, среднее сословіе между чернію и дворянствомъ, иногда ратныхъ людей, собранныхъ изъ жителей, ремесло которыхъ не составляла одна война.

и флагами съ изображеніемъ сердецъ раненныхъ, сердецъ пылающихъ, сердецъ окровавленныхъ, луковъ и колчановъ, и всѣхъ истертыхъ эмблемъ торжества Купидона, надпись на щитѣ говорила зрителямъ, что это почетное мѣсто предназначалось для *La Reyne de la Beauté et des Amours.* Но кому суждено было представлять царицу красоты и любви при этомъ случаѣ, еще никто не могъ отгадать.

Между тѣмъ, зрители всѣхъ состояній торопились занять мѣста, сообразныя со своимъ званіемъ, причемъ не обошлось безъ ссоръ касательно распредѣленія мѣстъ по достоинству. Ссоры людей низшаго разряда были рѣшены военною стражею безъ дальнихъ околичностей: рукояти алебардъ и эфесы мечей здѣсь были главнѣйшими доказательствами для людей слишкомъ разборчивыхъ. Но споры людей болѣе значительныхъ разбирались герольдами, или двумя маршалами турнира, Вильямомъ де-Уйвилемъ и Стефеномъ Мартивалемъ; вооруженные съ головы до ногъ, они разъѣзжали взадъ и впередъ по аренѣ и поддерживали порядокъ между зрителями.

Мало-по-малу, галлереи наполнились рыцарями и баронами въ мирной одеждѣ; ихъ длинныя и разноцвѣтныя мантіи составляли рѣзкую противоположность съ болѣе блестящими и щеголеватыми нарядами дамъ, которыя еще въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ мужчины, спѣшили быть свидѣтельницами увеселенія, можетъ быть, слишкомъ кроваваго и страшнаго для ихъ пола. Низшее и внутреннее пространства тотчасъ наполнились йоменами, мѣщанами, также тѣмъ разрядомъ дворянства, которому скромность, бѣдность и сомнительное происхожденіе не дозволяли домогаться высшаго мѣста. Между ними-то и происходили самыя частыя ссоры.

— Невѣрная собака! говорилъ какой-то старикъ, котораго вытертая туника обнаруживала бѣдность, а мечъ, кинжалъ и золотая цѣпь — притязаніе на дворянство: — проклятый волченокъ! какъ ты смѣешь толкать христіанина и Норманскаго дворянина, происходящаго отъ крови Мондидье?

Это грубое привѣтствіе обращено было не къ кому иному, какъ къ нашему знакомцу Исааку (Жиду), который богато, даже великолѣпно одѣтый въ плащъ, украшенный кружевами и подбитый мѣхомъ, старался занять мѣсто въ переднемъ ряду подъ галереею для своей дочери, прекрасной Ревекки. Она присоединилась къ отцу своему въ Эшби; и теперь, прижавшись къ рукѣ его, не мало была испугана народнымъ неудовольствіемъ, сдѣлавшимся общимъ при такомъ намѣреніи Еврея. Но Исаакъ, котораго мы видѣли довольно робкимъ въ другихъ случаяхъ, теперь видѣлъ, что здѣсь ему нечего бояться. Не въ общественныхъ мѣстахъ, не тамъ, гдѣ соби-

рались ему равные, онъ долженъ былъ опасаться обиды со стороны какого-нибудь корыстолюбиваго и злонамѣреннаго барона: въ такихъ собраніяхъ Жиды были подъ покровительствомъ общаго закона; а еслибъ и этого было недостаточно, то всегда среди дворянства отыскивался какой-нибудь баронъ, который изъ собственныхъ видовъ готовъ былъ оказать имъ покровительство. Въ настоящемъ случаѣ, Исаакъ еще болѣе имѣлъ самоувѣренности, зная, что принцъ Іоаннъ въ это самое время велъ переговоры съ Йоркскими Жидами о займѣ огромной суммы денегъ подъ залогъ нѣкоторыхъ драгоцѣнностей и земель. Нашъ пріятель принималъ въ этомъ дѣлѣ весьма значительное участіе и очень хорошо зналъ, что сильное желаніе принца привести это дѣло къ концу теперь навѣрное доставитъ ему покровительство въ трудномъ положеніи, въ которомъ онъ находился.

Ободренный этими соображеніями, Еврей продолжалъ продираться сквозь толпу и толкалъ Норманца-христіанина, не обращая вниманія на его происхожденіе, санъ и религію. Жалобы старика возбудили, однакожъ, негодованіе въ окружающихъ. Одинъ изъ нихъ, высокій, плечистый йоменъ, въ платьѣ изъ зеленаго линкольнскаго сукна, съ дюжиною заткнутыхъ за поясъ стрѣлъ, съ перевязью в серебряною пряжкою, и съ лукомъ въ шесть футовъ длиною, проворно обернулся назадъ и съ гнѣвомъ, отъ котораго загорѣвшее лице его сдѣлалось еще мрачнѣе, посовѣтовалъ Жиду вспомнить, что только богатство, нажитое имъ высасываніемъ крови изъ несчастныхъ жертвъ, надуло его подобно пауку, который въ углу своемъ не замѣтенъ, но можетъ быть раздавленъ тотчасъ, какъ выползетъ на свѣтъ. Этотъ намекъ, сказанный на языкѣ Англо-Норманскомъ твердымъ голосомъ раздраженнаго человѣка, заставилъ Жида отступить назадъ. Онъ, безъ сомнѣнія, совсѣмъ бы удалился отъ сосѣда, столь опаснаго, еслибъ въ эту минуту вниманіе каждаго не было привлечено внезапнымъ появленіемъ принца Іоанна, который въѣхалъ въ арену въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, состоявшей изъ лицъ частію свѣтскихъ, частію духовныхъ; одежда послѣднихъ была столько же нарядна, лица столько же веселы, какъ и наружность и нарядъ ихъ товарищей. Между посѣтителями находился пріоръ изъ Жорво въ самомъ щегольскомъ убранствѣ, какое когда-либо видано было на духовной особѣ. Мѣхъ и золото щедро разсыпались по его одеждѣ; а носки его сапоговъ, перещеголявъ велѣпую моду того времени, загибались такъ высоко, что задѣвали не только за колѣни, но даже за поясъ, и тѣмъ совершенно препятствовали пріору ставить ногу въ стремя. Это неудобство, однакожъ, было ничтожно для щеголеватаго пріора, который, можетъ быть, радовался представившемуся

случаю показать во всей полнотѣ свое наѣздническое искусство предъ такимъ множествомъ зрителей, особенно предъ прекраснымъ поломъ; употребленіе же стремянъ предоставлялъ онъ наѣзднику болѣе трусливому. Остальная часть свиты Іоанновой состояла изъ любимыхъ предводителей его наемныхъ войскъ, нѣсколькихъ хищныхъ бароновъ и многихъ рыцарей-Храма и Іоанна Іерусалимскаго.

Сопровождаемый этою щегольскою свитою, въ блестящей одеждѣ алаго цвѣта, вышитой золотомъ, съ соколомъ на рукѣ, съ головой, покрытою богатой мѣховой шапочкой, украшенной рядами драгоцѣнныхъ каменьевъ, изъ-подъ которой упадали длинные курчавые волосы, принцъ Іоаннъ на сѣромъ горячемъ конѣ галопировалъ по аренѣ, во главѣ своей веселой свиты; громко смѣясь, разговаривалъ съ приближенными и обозрѣвалъ съ смѣлостію вѣнценоснаго критика красавицъ, украшавшихъ высокія галлереи.

Во время веселаго поѣзда по аренѣ, вниманіе принца Іоанна привлечено было еще непрекратившимся волненіемъ, которое возбуждено было честолюбивымъ движеніемъ Исаака, усилившагося занять высшее мѣсто. Проницательный взоръ принца Іоанна тотчасъ узналъ Жида, но еще съ бóльшимъ удовольствіемъ былъ привлеченъ прекрасною дочерью Сіона, которая, устрашенная тревогою, крѣпко прижалась къ рукѣ престарѣлаго отца своего.

Въ самомъ дѣлѣ, Ревекка, даже въ глазахъ столь взыскательнаго знатока, какъ Іоаннъ, могла быть сравнена съ самыми гордыми красавицами Англіи. Всѣ части ея тѣла были необыкновенно пропорціональны и еще съ бóльшею прелестію обозначались особеннымъ восточнымъ нарядомъ, который носила она по обычаю женщинъ своего народа. Желтая шелковая чалма прекрасно гармонировала со смуглымъ лицемъ ея. Огонь ея глазъ, гордое очертаніе бровей, прекрасный орлиный носъ, зубы бѣлые, какъ перлы, и роскошь черныхъ кудрей, маленькими завитками ниспадавшихъ на шею и на симмару, сдѣланную изъ богатѣйшаго Персидскаго шелка, вышитую по алому полю какъ будто живыми цвѣтами, — все это составляло такое соединеніе прелестей, что Ревекка нисколько не уступала прекраснѣйшимъ дѣвицамъ, ее окружавшимъ. Алмазное ожерелье и серьги чрезвычайно высокой цѣны. Страусовое перо, прикрѣпленное къ чалмѣ пряжкою съ брильянтами, было другимъ отличіемъ прекрасной Еврейки, которую съ завистью пересуживали гордыя дамы, сидѣвшія вверху, но въ тайнѣ завидовавшія ея красотѣ и богатству.

— Клянусь лысою бородою Авраама! сказалъ принцъ Іоаннъ: — эта Жидовка навѣрное была образцомъ той совершенной красавицы, которой прелести довели до безумія самаго мудраго изъ царей земныхъ. Что скажешь на это, пріоръ Эймеръ? Клянусь храмомъ этого

мудраго царя, который не могъ завоевать намъ болѣе мудрый братъ Ричардъ, это сущая невѣста Пѣсни Пѣсней!

— Роза шаронская и лилія долины! отвѣчалъ пріоръ нѣсколько гнусливымъ голосомъ: — но, ваше высочество, не забудьте, что она все-таки Жидовка.

— Да, прибавилъ принцъ Іоаннъ, не обращая вниманія на его слова: — да вотъ и мой маммонъ нечестивый — маркизъ марокъ, баронъ Византійскихъ червонцевъ: онъ споритъ о мѣстѣ съ собаками, у которыхъ нѣтъ ни пенни, а въ карманахъ истертыхъ платьевъ нѣтъ ни креста, чтобъ отогнать отъ себя дьявола. Клянусь тѣломъ Св. Марка! мой князь заемныхъ писемъ съ прекрасною своею дочерью будетъ имѣть мѣсто въ галлереѣ! Кто она, Иссаакъ? жена что ли, или дочь твоя, эта восточная гурія, которую ты держишь подъ руку, какъ будто ящикъ съ своей казною?

— Это дочь моя Ревекка, если угодно вашему высочеству, отвѣчалъ Исаакъ съ низкимъ поклономъ, нисколько не смутившись отъ привѣтствія Іоаннова, въ которомъ столько же было насмѣшки, сколько учтивости.

— Тѣмъ лучше для тебя, сказалъ Іоаннъ съ громкимъ смѣхомъ, къ которому не замедлили присоединиться и его веселые спутники. — Но дочь или жена, она будетъ уважена сообразно со своею красотою и твоими заслугами. Кто сидитъ тамъ вверху? продолжалъ онъ, устремивъ глаза въ галлерею. — А! Саксонскіе грубіаны, растянувшіеся во весь лѣнивый ростъ свой! Долой ихъ! пусть потѣснятся и дадутъ мѣсто моему царю ростовщиковъ и его прекрасной дочери. Я хочу научить болвановъ, чтобъ они умѣли дѣлиться высшими мѣстами синагоги съ тѣми, которымъ принадлежитъ синагога.

Занимавшіе галлерею, къ которымъ были устремлены эти обидныя и неучтивыя рѣчи, были: семейство Седрика-Саксонца [1]) и его друга и родственника Адельстана-Конингсборгскаго, того лица, которое, по происхожденію своему отъ послѣднихъ Англо-Саксонскихъ монарховъ, пользовалось глубочайшимъ уваженіемъ между Саксонцами Сѣверной Англіи.

Къ этому-то лицу обращено было приказаніе принца дать мѣсто Исааку и Ревеккѣ. Адельстанъ, совершенно потерявшійся отъ приказанія, которое, по чувствамъ и нравамъ того времени, было величайшею обидою, не желая повиноваться и не рѣшившись еще, какъ ему противиться, противопоставилъ одну только *vis inertiae*

---

[1]) *Седрикъ* — владѣлецъ Ротервудскаго замка, по званію своему — *тане*, или франклейнъ. Онъ является въ романѣ представителемъ Англо-Саксонскаго племени, врагомъ Норманнов.

волѣ Іоанна, и не дѣлая никакого движенія, открылъ свои большіе сѣрые глаза и устремилъ ихъ на принца съ удивленіемъ, имѣвшимъ въ себѣ что-то очень смѣшное. Но нетерпѣливый Іоаннъ смотрѣлъ на это съ другой стороны.

— Саксонскій свинопасъ или спитъ, или не понимаетъ меня... Кольни его копьемъ, де-Браси, сказалъ онъ ѣхавшему за нимъ рыцарю, начальнику отряда вольныхъ товарищей, или кондотьери, т. е. наемныхъ воиновъ, не принадлежавшихъ ни въ какой націи, но на время приставшихъ ко всякому монарху, который платилъ имъ. Это произвело ропотъ даже между свитою принца Іоанна; но де-Браси, котораго ремесло избавляло отъ всякихъ недоумѣній, протянулъ свое длинное копье чрезъ все пространство, отдѣлявшее галлерею отъ арены, и исполнилъ бы приказаніе принца прежде, чѣмъ Адельстанъ-Мѣшкотный собрался бы съ духомъ, чтобъ посторониться отъ оружія, еслибъ Седрикъ, столько же быстрый, сколько товарищъ его былъ мѣшкотенъ, не обнажилъ съ быстротою молніи короткаго меча своего и однимъ ударомъ не отсѣкъ копейнаго острія. Принцъ вспыхнулъ отъ гнѣва. Онъ произнесъ одно изъ самыхъ сильныхъ ругательствъ, и готовъ уже былъ произнесть не менѣе сильную угрозу, какъ былъ отклоненъ отъ этого намѣренія отчасти своею свитою, которая, собравшись вокругъ него, умоляла его успокоиться, отчасти же и общимъ восклицаніемъ толпы, громко рукоплескавшей смѣлому поступку Седрика. Принцъ смотрѣлъ во всѣ стороны съ негодованіемъ, какъ будто бы стараясь выбрать жертву менѣе опасную, и встрѣтилъ твердый взоръ того же самаго іомена, котораго мы уже замѣтили, и который продолжалъ рукоплескать, не смотря на грозный, обращенный на него взоръ принца.

— Что касается до васъ, Саксонскіе болваны, продолжалъ взбѣшенный принцъ: — встаньте! Клянусь свѣтомъ неба: Жидъ, какъ сказалъ я, будетъ сидѣть между вами!

— Ни подъ какимъ видомъ, ваше высочество! Намъ, Евреямъ, неприлично сидѣть съ сильными земли, сказалъ Жидъ.

— Всходи, невѣрная собака, когда я приказываю! сказалъ принцъ Іоаннъ: — или я велю содрать съ тебя смуглую шкуру и выдѣлать изъ нея конскую сбрую.

Послѣ этого Исаакъ началъ взбираться по узкимъ ступенямъ въ галлерею.

— Посмотрю я, кто осмѣлится остановить его! сказалъ принцъ, устремивъ глаза на Седрика, котораго положеніе показывало намѣреніе сбросить Еврея внизъ.

Развязку этой катастрофы предупредилъ шутъ Уамба, который, прыгнувъ между своимъ господиномъ и Исаакомъ, вскричалъ въ

отвѣтъ на слова прница: — А вотъ я осмѣлюсь! — и уставилъ въ бороду Еврея щитъ изъ окорока, который вытащилъ изъ-водъ влаща, и который, безъ сомнѣнія, былъ припасенъ имъ для удовлѣтворенія аппетита въ случаѣ, еслибъ турнирь былъ очень продолжителенъ. Видя мясо проклятое для его племени, передъ самымъ посомъ, и деревянный мечъ, которымъ вертѣлъ шутъ въ то же время, Еврей отступилъ, оступился и покатился по ступенькамъ; это было прекрасною шуткою для зрителей, поднявшихъ громкій хохотъ, къ которому присоединился прнцъ, забывшій гнѣвъ свой, а за нимъ и вся свита.

— Выдай мнѣ награду, братъ принцъ! сказалъ Уамба: — я побѣдилъ своего врага въ славномъ бою мечомъ и щитомъ, прибавилъ онъ, потрясая въ одной рукѣ окорокъ, а въ другой деревянный мечъ.

— Кто и откуда ты, благородный витязь? спросилъ принцъ, продолжая смѣяться.

— Дуракъ по праву рожденія, отвѣчалъ шутъ. — Я Уамба, сынъ Уитлесса, внукъ Уитербрена, правнукъ одного альдермэна.

— Очистите же мѣсто Жиду внизу впереди низшей галлереи. Законы геральдики не позволяютъ сажать побѣжденныхъ рядомъ съ побѣдителями, сказалъ принцъ Іоаннъ, который, можетъ быть, радъ былъ, что нашелъ предлогъ отказаться отъ своего прежняго приказанія.

— Худо, если рабъ сядетъ возлѣ дурака, сказалъ шутъ: — а еще хуже, если Жидъ помѣстится возлѣ свинины.

— Спасибо, пріятель! закричалъ ему принцъ Іоаннъ: — ты разсмѣшилъ меня... Послушай, Исаакъ, дай-ка мнѣ горсть бизановъ.

Пока Жидъ, изумленный требованіемъ, боясь отказать и не желая исполнить, шарилъ въ мѣховомъ мѣшкѣ, висѣвшемъ у него съ боку на поясѣ, и, можетъ быть, намѣревался сосчитать, сколько червонцевъ можетъ помѣститься въ горсти, принцъ нагнулся съ лошади и рѣшилъ недоумѣніе Исаака, сорвавъ мѣшокъ его съ пояса, и швырнувъ пару золотыхъ монетъ Уамбѣ, потомъ продолжалъ свой галопъ вокругъ поприща, — и всѣ смѣялись надъ Жидомъ, а принца осыпали такими рукоплесканіями, какъ будто бы онъ сдѣлалъ честное и благородное дѣло.

Занявъ тронъ свой и будучи окруженъ свитою, Іоаннъ далъ знакъ герольдамъ объявить законы турнира, которые вкратцѣ состояли въ слѣдующемъ:

Во-первыхъ, пять вызывающихъ рыцарей должны биться съ каждымъ, кто изъявитъ желаніе.

Во-вторыхъ, каждый рыцарь, желающій сражаться, можетъ по волѣ избрать себѣ противника изъ числа вызывающихъ прикосно-

веніемъ къ щиту его. Если онъ коснется древкомъ копья, то испытаніе искусства должно совершаться карусельнымъ оружіемъ, т. е. копьями, на концѣ которыхъ насажена круглая широкая дощечка, такъ что никакой опасности не могло произойти, исключая паденія коня и всадника. Если ударъ наносится въ щитъ остріемъ копья, то сраженіе должно происходить *à outrance*, т. е. острымъ оружіемъ, какъ въ настоящей битвѣ.

Въ-третьихъ, если присутствующіе рыцари исполнятъ свои обязанности, т. е. если каждый изъ нихъ переломитъ пять копій, то принцъ имѣетъ право провозгласить побѣдителя въ первый день турнира, и этотъ побѣдитель получаетъ въ награду отличнаго коня необыкновенной красоты и силы, и въ добавокъ къ этой наградѣ самъ рыцарь имѣетъ право наименовать царицу красоты и любви, которая въ слѣдующій день будетъ раздавать награды побѣдителямъ.

Въ-четвертыхъ объявлялось, что на второй день будетъ общій турниръ, въ которомъ всѣ присутствующіе рыцари, желающіе получить награду, могутъ принять участіе, и, раздѣлившись на двѣ равныя части, сражаться до тѣхъ поръ, пока принцъ Іоаннъ не подастъ знака прекратить битву. Тогда избранная царица красоты и любви увѣнчаетъ рыцаря, котораго принцъ провозгласитъ побѣдителемъ въ этотъ второй день, и возложитъ на него вѣнецъ изъ золотой пластинки, выбитой на подобіе лавроваго вѣнка. На второй день рыцарскія увеселенія кончаются; но въ слѣдующій за тѣмъ день назначаются стрѣльба изъ лука, бой быковъ и другія народныя увеселенія. Этимъ способомъ принцъ Іоаннъ старался положить основаніе своей народности, которую онъ безпрестанно ослаблялъ самыми неблагоразумными поступками, оскорбляя чувства и предразсудки народа.

Арена представляла теперь великолѣпное зрѣлище. Верхнія галлереи были наполнены всѣмъ, что только было благороднаго, богатаго и прекраснаго въ сѣверныхъ и среднихъ провинціяхъ Англіи. Разнообразіе одежды сановитыхъ зрителей представляло пріятную и великолѣпную картину, тогда какъ внутреннее и нижнее пространства, наполненныя богатыми горожанами и йоменами веселой (т. е. древней) Англіи, въ костюмахъ болѣе простыхъ, составляли темную кайму около этого блистательнаго круга, возвышая и дѣлая рельефнѣе его блескъ и великолѣпіе.

Герольды окончили свое провозглашеніе обычнымъ возгласомъ: «Щедрость, щедрость, храбрые рыцари»! И дождь серебряныхъ и золотыхъ монетъ полился на нихъ съ галлерей, потому что высшимъ долгомъ рыцарства почиталось оказывать щедрость къ тѣмъ, которыхъ тотъ вѣкъ считалъ въ одно время и распорядителями и

историками подвиговъ чести. На щедрость зрителей герольды отвѣчали обычными криками: «Любовь прекраснымъ, смерть противникамъ! честь великодушнымъ! слава храбрымъ»! Къ этому болѣе бѣдные зрители присоединили свои восклицанія, а многочисленные трубачи огласили воздухъ воинскими инструментами. Какъ скоро эти звуки умолкли, герольды удалились изъ арены въ великолѣпномъ и блестящемъ порядкѣ, и на поприщѣ не осталось никого, кромѣ маршаловъ турнира, которые, вооруженные съ головы до ногъ, въ противоположныхъ концахъ арены сидѣли на коняхъ своихъ неподвижно, какъ статуи. Въ то же время, какъ ни была обширна площадка у сѣверной оконечности цирка, она вдругъ почти наполнилась толпами рыцарей, желавшихъ испытать свою силу съ вызывающими. Съ галлереи представляла она видъ моря волнующихся перьевъ, перемѣшанныхъ съ блестящими шлемами и высокими копьями, на концѣ которыхъ у многихъ были прикрѣплены небольшіе шириною въ четверть, флюгера, волновавшіеся въ вѣтрѣ, вмѣстѣ съ безпрерывными движеніями перьевъ, и придававшіе еще большую живость зрѣлищу.

Наконецъ, барьеръ былъ приподнятъ, и пять рыцарей, избранные по жребію, медленно въѣхали на арену: одинъ изъ нихъ ѣхалъ впереди, другіе четверо слѣдовали за нимъ по два въ рядъ. Всѣ были въ великолѣпномъ вооруженіи. Мой Саксонскій лѣтописецъ (Уардоръ) подробно описываетъ ихъ девизы, цвѣта и шитье конской сбруи. Безполезно входить здѣсь въ эти подробности. Приведемъ стихи современнаго поэта, который, къ сожалѣнію, написалъ слишкомъ мало:

«Рыцари обратились въ прахъ, добрые мечи ихъ съѣла ржа; души ихъ, надѣемся мы, почиваютъ во святыхъ [1])».

Время свергло ихъ щиты и гербы со стѣнъ ихъ замковъ. Самые замки превратились въ разсѣявшіяся развалины и зеленые курганы… едва примѣтно мѣсто, гдѣ они находились…. даже многія поколѣнія исчезли съ тѣхъ поръ и забыты въ той сторонѣ, гдѣ они существовали со всею славою феодальныхъ властителей и бароновъ. Послѣ этого какая нужда читателю знать ихъ имена, или преходящіе символы ихъ воинскаго сана?

Однакожъ, рыцари, нисколько не помышляя о забвеніи, грозившемъ покрыть имена ихъ и подвиги, въѣзжали на арену, сдерживая горячихъ коней и заставляя ихъ идти впередъ тихо, хотя въ то же время старались показать ихъ выѣздку и свою ловкость наѣздническую. Съ появленіемъ всадниковъ, звукъ дикой восточной музыки раздался изъ-за рыцарскихъ шатровъ, гдѣ скрывались тру-

[1]) Изъ неизданной поэмы Кольриджа.

бачи. Это восточное обыкновеніе было принесено изъ Святой Земли; смѣшанный звукъ литавръ и колоколовъ, казалось, привѣтствовалъ и вызывалъ на бой рыцарей, приближавшихся къ платформѣ, гдѣ были поставлены шатры. Здѣсь, отдѣлившись другъ отъ друга, каждый тихо древкомъ копья ударилъ по щиту противника, съ которымъ хотѣлъ сразиться. Большая часть зрителей изъ низшаго разряда, многіе изъ высшаго и даже — какъ говорятъ — нѣкоторыя изъ дамъ, досадовали на рыцарей за ихъ намѣреніе биться карусельнымъ оружіемъ. Тотъ же классъ людей, который въ наше время осыпаетъ самыми громкими рукоплесканіями отчаянныя трагедіи, тогда тѣмъ большее принималъ участіе въ турнирныхъ сраженіяхъ, чѣмъ бóльшей опасности подвергались дѣйствующія лица.

Изъявивъ свое миролюбивое намѣреніе, принимающіе вызовъ рыцари удалились къ концу арены, гдѣ выстроились въ линію; между тѣмъ, вызывающіе, выступивъ изъ шатровъ своихъ, вскочили на коней, и, предводительствуемые Бріаномъ де-Буа-Гильберомъ, спустились съ платформы, и каждый воспѣшилъ вступить въ бой съ рыцаремъ, ударившимъ въ его щитъ.

При звукѣ трубъ и литавръ, во весь опоръ бросились они другъ на друга, и таково было превосходство силы и необыкновенное счастіе вызывающихъ, что противники Буа-Гильбера, Мальвуазена и Фрон-де-Бёфа, брошенные съ коней, покатились по землѣ; соперникъ же Грантмениля, вмѣсто того, чтобъ направить остріе копья въ гребень или щитъ своего непріятеля, такъ уклонился отъ прямаго пути, что раздробилъ свое оружіе о латы противника, — а это считалось постыднѣе, нежели быть сброшеннымъ съ коня, потому что послѣднее могло произойти отъ случая, тогда какъ первое показывало неловкость и неумѣнье управлять копьемъ и оружіемъ. Только пятый рыцарь поддержалъ честь своей стороны: раздробивъ копья, онъ и его противникъ, рыцарь Іоанна-Іерусалимскаго, со славою разошлись, не одержавъ верха другъ надъ другомъ.

Крики толпы, восклицанія герольдовъ и звуки трубъ возвѣстили торжество побѣдителей и пораженіе побѣжденныхъ. Первые возвратились въ свои шатры, а послѣдніе, собравшись какъ могли, удалились со стыдомъ и досадою для переговоровъ о выручкѣ коней и оружія, которые, по законамъ турнира, должны были принадлежать побѣдителямъ. Одинъ только пятый рыцарь еще оставался нѣкоторое время на аренѣ, привѣтствуемый рукоплесканіями зрителей, въ среду которыхъ онъ удалился — конечно, къ не малой досадѣ побѣжденныхъ его товарищей.

Второй и третій отрядъ рыцарей появились на поприщѣ одинъ за другимъ, и хотя успѣхъ ихъ былъ не одинаковъ, однакожъ, говоря вообще, перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ вызывающихъ,

изъ которыхъ ни одинъ не былъ выброшенъ изъ сѣдла, и никто не давалъ промаха, что при каждой сшибкѣ случалось нѣсколько разъ съ ихъ противниками. Столь постоянный успѣхъ, казалось, значительно охладилъ жаръ въ ихъ соперникахъ. Въ четвертомъ отрядѣ уже явилось только три рыцаря, которые, избѣгая щитовъ Буа-Гильбера и Фрон-де-Бёфа, осмѣливались коснуться щитовъ только трехъ другихъ рыцарей. Но такой выборъ не измѣнилъ счастія поля: вызывающіе по прежнему оставались побѣдителями; одинъ изъ ихъ противниковъ былъ опрокинутъ, другіе два не успѣли въ *attaint* [1]), т. е. въ нанесеніи удара въ шлемъ или щитъ противника копьемъ, направленнымъ прямо, такъ что оружіе должно переломиться, если непріятель усидитъ на конѣ.

Послѣ четвертой сшибки, арена довольно долго оставалась пустою; казалось, никто не рѣшался возобновить споръ. Зрители роптали, потому что между вызывающими рыцарями Мальвуазенъ и Фрон-де-Бёфъ не были любимы за свой характеръ, а другіе, кромѣ Гранмениля, были ненавидимы, какъ иностранцы.

Таково было общее чувство негодованія между зрителями; но никто не ощущалъ его такъ сильно, какъ Седрикъ-Саксонецъ, который въ каждой побѣдѣ, одерживаемой вызывающими Норманами, видѣлъ торжество непріятеля надъ славою Англіи. Его собственное воспитаніе не научило его искусству сражаться на турнирахъ, хотя, владѣя оружіемъ своихъ Саксонскихъ предковъ, онъ во многихъ случаяхъ показалъ себя смѣлымъ и рѣшительнымъ воиномъ. Седрикъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Адельстана, обладавшаго всѣми совершенствами тогдашняго воспитанія, какъ бы желая, чтобъ онъ лично своею храбростью вырвалъ побѣду изъ рукъ тампліера и его товарищей. Но Адельстанъ, при всемъ своемъ мужествѣ и крѣпости тѣла, былъ слишкомъ тяжелъ на подъемъ и такъ мало честолюбивъ, что не рѣшился на дѣло, котораго Седрикъ, казалось, ожидалъ отъ него.

— Счастіе противъ Англіи, милордъ! сказалъ Седрикъ значительнымъ тономъ: — не потрудитесь ли вы взяться за копье?

— Я намѣренъ драться завтра, отвѣчалъ Адельстанъ: — въ общемъ *mêlée*; нынче же стóитъ ли вооружаться?

Двѣ вещи не понравились Седрику въ этомъ отвѣтѣ: въ немъ заключалось Норманское слово *mêlée* (общая схватка) и какое-то равнодушіе къ славѣ отечества.

Бездѣйствіе среди арены оставалось прежнее; одни восклицанія герольдовъ раздавались порою: «Любовь къ женщинамъ! Ломайте

---

[1]) Этотъ рыцарскій терминъ, перенесенный въ языкъ юридическій, получилъ названіе *измѣны*.

копья, спѣшите выступить, храбрые рыцари! глаза прекрасныхъ смотрятъ на ваши подвиги»!

Музыка вызывающихъ рыцарей отъ времени до времени издавала громогласные звуки торжества и вызова на бой; народъ сожалѣлъ о праздникѣ, проведенномъ въ бездѣйствіи; а старые рыцари и дворяне изъявляли въ-полголоса сожалѣніе объ упадкѣ воинственнаго духа, говорили о торжественныхъ турнирахъ своей молодости, и соглашались, что государство не имѣетъ уже такихъ красавицъ, которыя оживляли турниры прежняго времени. Принцъ Іоаннъ началъ поговаривать со свитою о приготовленіяхъ къ пиру и о необходимости присудить награду Бріану де-Буа-Гильберу, который, не мѣняя копья, выбросилъ изъ сѣдла двухъ рыцарей и опрокинулъ третьяго.

Наконецъ, когда Сарацинская музыка только что окончила одинъ изъ тѣхъ продолжительныхъ и громкихъ аккордовъ, которыми она нарушала тишину цирка, въ отвѣтъ ей у сѣверной оконечности раздался звукъ чьей-то трубы, вызывающей на единоборство. Всѣ устремили глаза въ ту сторону, чтобъ увидѣть неожиданнаго противника вызывающихъ. Новый пришлецъ, — сколько можно было судить о немъ въ полномъ его вооруженіи, — былъ немного выше средняго роста и казался не слишкомъ крѣпкаго сложенія. Его латы были стальные съ богатою золотою насѣчкою, а девизомъ щита его — молодой дубъ, вырванный съ корнемъ, съ Испанскою надписью: *Desdichado*, т. е. *лишенный наслѣдства*. Онъ сидѣлъ на лихомъ ворономъ конѣ, и, проѣзжая по аренѣ, съ особенною ловкостью привѣтствовалъ дамъ наклоненіемъ копья. Искусство, съ которымъ онъ управлялъ конемъ, и что-то пріятное, что-то юношеское, разлитое во всѣхъ его движеніяхъ, тотчасъ же пріобрѣли ему благосклонность зрителей, которую многіе изъ низшаго класса выражали возгласами: — Коснитесь щита Ральфа Випона! коснитесь щита госпиталита! онъ слабѣе прочихъ держится на конѣ: побѣда надъ нимъ обойдется дешево.

Рыцарь, подвигаясь впередъ среди этихъ доброжелательныхъ намековъ, взъѣхалъ на платформу по скату, ведущему къ ней отъ арены, и, къ удивленію всѣхъ, подъѣхавъ къ среднему шатру, сильно ударилъ остріемъ копья въ щитъ Бріана де-Буа-Гильбера. Всѣ изумились этой самонадѣянности, но всѣхъ болѣе изумился самъ грозный рыцарь, котораго вызывали такимъ образомъ на смертный поединокъ, и который, не ожидая столь дерзкаго вызова, беззаботно стоялъ при входѣ въ шатеръ.

— Покаялся ли ты въ грѣхахъ своихъ, братъ мой? спросилъ тампліеръ: — и отслушалъ ли сегодня заутреню, подвергая жизнь свою такой опасности?

— Я лучше тебя умѣю встрѣчаться со смертію, отвѣчалъ Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства: подъ этимъ именемъ неизвѣстный былъ внесенъ въ книги турнира.

— Занимай же мѣсто на аренѣ, сказалъ Буа-Гильберъ: — и взгляни послѣдній разъ на солнце: нынѣшнюю ночь ты будешь спать въ раю.

— Благодарю за вѣжливость, отвѣчалъ Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства: — и въ замѣнъ ея совѣтую тебѣ перемѣнить коня и оружіе; клянусь честію, то и другое будутъ тебѣ нужны.

Выразившись такъ самоувѣренно, онъ началъ осаживать коня, заставилъ его идти задомъ по аренѣ, пока не достигъ такимъ образомъ сѣвернаго конца поприща, гдѣ и сталъ неподвижно въ ожиданіи своего противника. Этотъ образецъ наѣздническаго искусства снова заслужилъ рукоплесканіе народа.

Бріанъ де-Буа-Гильберъ, какъ ни былъ взбѣшенъ совѣтомъ противника принять предосторожность, однакожъ не пренебрегъ имъ.

Нетерпѣніе зрителей достигло высшей степени, когда два рыцаря стали одинъ противъ другаго на противоположныхъ концахъ арены. Немногіе полагали возможнымъ, чтобъ бой кончился въ пользу Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства; но его смѣлость и ловкость почти во всѣхъ пробуждали желаніе ему успѣха.

Какъ скоро трубы подали знакъ, рыцари съ быстротою молніи понеслись съ прежнихъ мѣстъ своихъ и въ срединѣ цирка сшиблись другъ съ другомъ; этотъ ударъ подобенъ былъ грому. Копья до самыхъ рукоятей разлетѣлись въ дребезги, и въ первую минуту казалось, что оба рыцаря пали, потому что кони ихъ отъ сильнаго удара присѣли на заднія ноги. Но искусство рыцарей, при помощи узды и шпоръ, избавило коней отъ паденія, и, бросивъ другъ на друга взоръ, который, казалось, металъ пламя въ отверстія наличниковъ, каждый сдѣлалъ пол-оборота, и отъѣхавъ къ концамъ арены, они оба взяли другія копья у своихъ оруженосцевъ.

Громкій крикъ зрителей, развѣвавшіеся шарфы и платки и всеобщее восклицаніе показывали, какое участіе принимали зрители въ этой сшибкѣ, самой ровной и самой искусной изъ всѣхъ бывшихъ въ тотъ день. Но едва рыцари стали на свои мѣста, какъ громъ рукоплесканій смѣнился тишиною, столь глубокою и мертвою, что, казалось, зрители боялись переводить дыханіе.

Дано было нѣсколько минутъ для отдыха сражающимся и ихъ конямъ. Принцъ Іоаннъ движеніемъ жезла далъ знакъ трубить къ нападенію. Рыцари во второй разъ бросились другъ на друга и сшиблись въ срединѣ арены съ тою же быстротою, съ тѣмъ же искусствомъ и силою, но бой былъ не такъ счастливъ, какъ прежде.

Въ эту вторую сшибку, тамплiеръ направилъ копье въ средину

щита своего противника и попалъ въ него такъ вѣрно и съ такою силою, что копье разлетѣлось въ дребезги, а Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства опрокинулся въ сѣдло. Съ другой стороны, этотъ же Рыцарь въ началѣ сшибки направилъ было остріе копья въ щитъ Буа-Гильбера; но, перемѣнивъ цѣль почти передъ самымъ ударомъ, устремилъ остріе въ шлемъ, — цѣль, въ которую трудно попасть, и въ случаѣ удачи ударъ становится невыносимымъ. Онъ ударилъ Норманца прямо въ наличникъ, такъ что наконечникъ копья его остался въ забралѣ. — Даже и въ этомъ случаѣ тампліеръ не уронилъ своей славы, и еслибъ не лопнули подпруги, онъ навѣрное не былъ бы сброшенъ съ лошади. Какъ бы то ни было, но сѣдло, конь и всадникъ покатились по землѣ подъ облакомъ пыли.

Высвободиться изъ стременъ и изъ-подъ упавшей лошади, было для тампліера дѣломъ одного мгновенія и, кипя отъ бѣшенства, какъ за свое безславіе, такъ и за восклицанія, которыми зрители его привѣтствовали, онъ выхватилъ мечъ и устремился на побѣдителя. Лишенный-Наслѣдства соскочилъ съ коня и также обнажилъ мечъ. Однакожъ маршалы турнира, пришпоривъ коней, стали между ними и напомнили, что, по законамъ турнира, въ настоящемъ случаѣ воспрещаются поединки такого рода.

— Я увѣренъ, что мы еще встрѣтимся, сказалъ тампліеръ, злобно взглянувъ на своего противника: — тамъ, гдѣ никто не станетъ между нами.

— Если мы не встрѣтимся, отвѣчалъ Лишенный-Наслѣдства: — то не я буду тому причиною. Пѣшій или конный, на копьяхъ, сѣкирахъ или мечахъ, я всегда готовъ сразиться съ тобою.

Много бы и другихъ болѣе гнѣвныхъ словъ насказали они другъ другу, еслибъ маршалы, скрестивъ свои копья, не заставили ихъ разойтись. Лишенный-Наслѣдства возвратился на прежнее мѣсто, а Буа-Гильберъ скрылся въ шатрѣ своемъ, гдѣ и провелъ остатокъ дня въ припадкахъ бѣшенства.

Не сходя съ коня, побѣдитель попросилъ кубокъ вина, и, открывъ наличникъ или нижнюю часть шлема, объявилъ, что онъ пьетъ за здоровье всѣхъ истинныхъ Англичанъ и за истребленіе чужеземныхъ тирановъ. Потомъ приказалъ трубачу своему протрубить вызовъ другимъ вызывающимъ, и поручилъ герольду объявить имъ, что онъ не намѣренъ дѣлать выбора, но готовъ сражаться съ ними въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сами пожелаютъ выходить противъ него.

Гигантъ Фронъ-де-Бёфъ, закованный въ черныя латы, явился первый. На бѣломъ щитѣ его изображена была голова чернаго быка, въ-половину изглаженная въ многочисленныхъ его схваткахъ, съ надменною надписью: *Cave, Adsum.* Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства

одержалъ надъ нимъ легкую, но рѣшительную побѣду: оба рыцаря со славою раздробили свои копья, но Фрон-де-Бёфъ, потерявшій стремя въ битвѣ, объявленъ былъ побѣжденнымъ.

Въ третьемъ поединкѣ, съ сэромъ Филиппомъ Мальвуазеномъ, неизвѣстный рыцарь былъ столько же счастливъ: онъ такъ сильно поразилъ его въ шлемъ, что ремни шлема лопнули, и Мальвуазенъ, спасенный отъ паденія тѣмъ только, что потерялъ шлемъ, былъ признанъ побѣжденнымъ, подобно своимъ товарищамъ.

Въ четвертой битвѣ, съ де-Грантмснилемъ, Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства показалъ столько же великодушія, сколько до сихъ поръ обнаруживалъ смѣлости и искусства.

Конь Гранменила, молодой и горячій, закинулся на всемъ скаку и такъ подался въ сторону, что всадникъ промахнулся; тогда неизвѣстный, не желая воспользоваться случайною выгодою, поднялъ копье, и, миновавъ своего противника, возвратился на прежнее мѣсто въ концѣ арены, предложивъ ему черезъ герольда, не желаетъ ли онъ снова сразиться. Но Гранмениль отказался, признавая себя побѣжденнымъ столько же великодушіемъ, сколько и искусствомъ своего соперника.

Ральфъ де-Випонъ довершилъ число побѣдъ незнакомца, который повергнулъ его на землю съ такою силою, что кровь у него хлынула изъ носа и изо рта, и онъ безъ чувствъ былъ вынесенъ изъ арены.

Тысячи восклицаній привѣтствовали единодушный приговоръ принца и маршаловъ, объявившихъ, что награда этого дня принадлежитъ Рыцарю-Лишенному-Наслѣдства.

Безоблачное утро наступило во всемъ блескѣ, и хотя солнце было еще не высоко, но уже самые праздные или самые нетерпѣливые изъ зрителей показались въ полѣ и спѣшили къ аренѣ для занятія лучшихъ мѣстъ, чтобъ лучше видѣть продолженіе ожидаемыхъ увеселеній.

Вслѣдъ за тѣмъ явились въ полѣ маршалы съ своими прислужниками, и герольды, которые должны были узнавать имена рыцарей, желавшихъ сражаться, а также и той стороны, которой они хотѣли придерживаться. Это была необходимая предосторожность для сохраненія равновѣсія между противоборствующими партіями.

Согласно съ установленнымъ правиломъ, Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства долженъ былъ предводительствовать одной стороною, а Бріанъ де-Буа-Гильберъ, признанный наканунѣ вторымъ по храбрости, былъ назначенъ предводителемъ другой. Рыцари, вызывавшіе вчера, само собою разумѣется, придерживались его партіи, кромѣ Ральфа де-Випона, который, послѣ своего паденія, уже не могъ надѣть доспѣховъ. Для пополненія рядовъ какъ съ той такъ

и съ другой стороны, не было недостатка въ знаменитыхъ и благородныхъ рыцаряхъ.

Около десятаго часа, вся равнина была покрыта всадниками, всадницами и пѣшеходами, спѣшившими на турниръ, и вскорѣ, послѣ этого, громкій звукъ трубъ возвѣстилъ прибытіе принца Іоанна со свитою, въ сопровожденіи рыцарей, готовыхъ принять участіе въ этомъ воинскомъ увеселеніи, равно и тѣхъ, которые ѣхали безъ всякаго подобнаго намѣренія.

Почти въ то же время прибылъ и Седрикъ Саксонецъ съ лэди Роуэною, однакожъ безъ Адельстана, который, надѣвъ латы, также хотѣлъ стать въ ряду сражающихся, но, къ крайнему удивленію Седрика, присоединился къ сторонѣ рыцаря храма. Старый Саксонецъ съ жаромъ представилъ своему другу все неприличіе такого поступка; но на это получилъ отъ него отвѣтъ, обыкновенно даваемый тѣми, которые лучше умѣютъ слѣдовать своей прихоти, чѣмъ въ ней оправдываться.

Какъ скоро принцъ Іоаннъ замѣтилъ, что избранная царица этого дня появилась въ полѣ, онъ съ учтивостью, — которая такъ шла къ нему, если онъ только хотѣлъ ее выказать, — поскакалъ къ ней на встрѣчу, снялъ шляпу, и, спрыгнувъ съ лошади, помогъ лэди Роуэнѣ сойти съ сѣдла. Между тѣмъ сопровождавшіе его тоже сняли шляпы, и одинъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ подошелъ взять ея иноходца.

— Вотъ какимъ образомъ, сказалъ Іоаннъ: — мы подаемъ примѣръ преданности царицѣ любви и красоты: сами служимъ ей проводникомъ къ трону, который она будетъ занимать сегодня. — Дамы! сказалъ онъ: — слѣдуйте за вашею царицею, если вы желаете въ свою очередь быть также отличены подобными почестями.

Сказавъ это, принцъ повелъ лэди Роуэну къ почетному мѣсту, устроенному противъ его собственнаго, а между тѣмъ самыя прекрасныя и знаменитыя изъ присутствовавшихъ дамъ тѣснились вокругъ нея, чтобъ получить мѣсто какъ можно ближе къ своей временной повелительницѣ.

Едва только Роуэна сѣла, громкая музыка, полузаглушенная кликами народа, привѣтствовала новый санъ ея. Между тѣмъ солнце ярко горѣло на свѣтломъ вооруженіи рыцарей обѣихъ сторонъ, которые толпились на противоположныхъ концахъ арены, совѣтуясь объ удобнѣйшемъ расположеніи своей боевой линіи и о поддержаніи другъ друга въ сшибкѣ. Послѣ этого, герольды подали знакъ молчанія, чтобъ прочесть законы турнира, имѣвшіе цѣлію уменьшить въ нѣкоторой степени опасность этого дня; такая предосторожность почиталась тѣмъ болѣе нужною, что сраженіе должно было производиться на отточенныхъ мечахъ и заостренныхъ копьяхъ.

Рыцарь, нарушившій правила турнира или другимъ какимъ-либо образомъ переступившій законы благороднаго рыцарства, подвергался лишенію оружія; щитъ его низомъ вверхъ ставился на барьеръ арены на народное посмѣшище, въ наказаніе за поступки, неприличные рыцарю. Провозгласивъ эти правила, герольды заключили ихъ воззваніемъ къ храбрымъ рыцарямъ, побуждая каждаго исполнить свой долгъ и пріобрѣсти благосклонность царицы любви и красоты.

Потомъ герольды удалились, а рыцари въѣхали длинными рядами съ обоихъ концовъ арены на поприще, построились въ двѣ линіи совершенно другъ противъ друга, такъ что предводитель каждой стороны находился въ срединѣ передовой линіи; но это мѣсто они заняли не прежде, какъ тщательно устроивъ свои ряды и каждому назначивъ свое мѣсто.

Прекрасно и вмѣстѣ страшно было видѣть такое множество храбрыхъ рыцарей, сидящихъ на превосходныхъ лошадяхъ, богато вооруженныхъ и готовыхъ къ ужасной сшибкѣ. Какъ желѣзныя статуи сидѣли они въ своихъ боевыхъ сѣдлахъ и ожидали знака къ начатію боя съ такимъ же рвеніемъ, какъ и благородные кони ихъ, которые ржаніемъ и топотомъ копытъ изъявляли признаки своего нетерпѣнія.

Рыцари держали свои длинныя копья вверхъ; оконечники ярко горѣли на солнцѣ, а значки, ихъ украшавшіе, развѣвались надъ перьями шлемовъ. Въ этомъ положеніи они оставались до тѣхъ поръ, пока маршалы осматривали, дѣйствительно ли съ каждой стороны находилось равное число воиновъ. Счетъ оказался вѣрнымъ. Тогда маршалы удалились съ арены, и Уильямъ де-Уйвиль громовымъ голосомъ произнесъ условныя слова: *Laissez aller!* Заиграли трубы; копья рыцарей вдругъ опустились и были взяты на перевѣсъ; шпоры вонзились въ бока коней, и два передовые строя каждаго отряда бросились во весь карьеръ и сшиблись по срединѣ арены; ударъ взаимнаго столкновенія слышенъ былъ за милю вокругъ. Задніе ряды всадниковъ двинулись медленнѣе, чтобъ быть въ готовности поддержать своихъ во время пораженія или содѣйствовать побѣдѣ въ случаѣ успѣха.

Слѣдствія стычки нельзя было видѣть въ первую минуту, потому что пыль, поднятая множествомъ лошадей, затмила воздухъ; только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, нетерпѣливые зрители узнали судьбу сражавшихся. Когда поприще открылось, уже половина рыцарей были выбиты изъ сѣделъ — одни искусствомъ, другіе превосходствомъ тяжести и силы своихъ противниковъ. Многіе опрокинулись вмѣстѣ съ конями, нѣкоторые лежали на землѣ безъ всякихъ признаковъ жизни, иные уже вступили въ рукопашный бой

съ тѣми изъ противной стороны, которые находились въ такомъ же состояніи, а многіе, которыхъ раны дѣлали уже неспособными сражаться, останавливали кровь шарфами и выбирались изъ толпы. Остальные всадники, изломавъ копья въ грозной сшибкѣ, бились мечами, оглашая воздухъ военными криками и сыпля удары съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто бы отъ этой битвы зависѣла честь всей ихъ жизни.

Смѣшеніе еще болѣе увеличилось съ приближеніемъ втораго строя, бывшаго въ резервѣ и теперь бросившагося на помощь товарищамъ. Приверженцы Бріана де-Буа-Гильбера кричали: *Beauséant! Beau-séant*[1]! За храмъ! за храмъ! — Противники же отвѣчали крикомъ: *Desdichado! Desdichado!* что было девизомъ ихъ предводителя.

Противники попеременно встрѣчались со всею яростію и съ одинаковымъ успѣхомъ; отъ этого, казалось, бой то приближался къ южному, то удалялся къ сѣверному концу арены, смотря потому, которая сторона брала верхъ. Между тѣмъ, звукъ оружія и крики сражающихся ужасно смѣшивались съ звуками трубъ, заглушая стоны павшихъ и безъ защиты валявшихся подъ лошадиными копытами. Блестящее вооруженіе рыцарей было обезображено пылью и кровью и уже уступало каждому удару меча и сѣкиры. Богатыя перья, сорванныя съ шлемовъ, носились по вѣтру какъ клочья снѣга. Все, что было прекраснаго въ воинскомъ вооруженіи, исчезло, и мѣсто его заступило одно вселяющее только ужасъ и состраданіе.

Но такова сила привычки, что не только зрители низшихъ классовъ, которымъ свойственно увлекаться зрѣлищами ужаса, но даже знатныя дамы въ галлереяхъ смотрѣли на битву; хоть и съ трепетнымъ любопытствомъ, однакожъ совсѣмъ не желая отвратить глаза отъ страшной картины. Впрочемъ, порою блѣднѣли прелестныя щечки, когда братъ, супругъ, или милый сердцу падалъ съ сѣдла. Но вообще дамы ободряли сраженіе не только рукоплесканіемъ или маханіемъ платковъ и покрывалъ, но даже восклицаніями: «добрый ударъ копья! славный ударъ меча!» смотря по тому, какимъ оружіемъ наносился ударъ.

Если женщины принимали столь сильное участіе въ этой кровавой игрѣ, то участіе мужчинъ вполнѣ понятно. Оно проявлялось громкими криками при каждой перемѣвѣ счастія, тогда какъ взоры всѣхъ были такъ прикованы къ аренѣ, что зрители какъ будто

---

[1]) *Beau-séant* было названіе знамени тампліеровъ и было въ половину черное, въ половину бѣлое, для показанія, какъ говорятъ, что тампліеры были кротки и добры для христіанъ, но черны и страшны для невѣрныхъ.

сами наносили и получали удары, сыпавшиеся со всѣхъ сторонъ. Среди криковъ сраженія раздавался голосъ герольда: «Сражайтесь, храбрые рыцари! человѣкъ смертенъ, но слава вѣчна! Сражайтесь—смерть лучше пораженія! Сражайтесь, храбрые рыцари! очи прекрасныхъ смотрятъ на ваши подвиги!»

При безпрерывно измѣнявшемся счастіи битвы, взоры всѣхъ старались отыскать предводителей, стѣсненныхъ въ бою и ободрявшихъ голосомъ и примѣромъ своихъ товарищей. Они оба оказывали чудеса храбрости. Ни Бріанъ де-Буа-Гильберъ, ни Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства не могли найти въ противныхъ рядахъ воина равнаго себѣ по силѣ. Подстрекаемые взаимною враждою, они безпрестанно желали встрѣтиться другъ съ другомъ, ибо знали, что паденіе кого-либо изъ нихъ будетъ почтено за рѣшительную побѣду. Таково, однакожъ, было замѣшательство, что, въ началѣ битвы, попытки ихъ оставались тщетными: они были безпрестанно раздѣляемы натискомъ слѣдовавшихъ за ними рыцарей, изъ которыхъ каждый хотѣлъ добиться чести помѣрять силы въ схваткѣ съ предводителемъ противниковъ.

Но когда многіе рыцари и съ той и съ другой стороны оставили поле какъ побѣжденные, потому что были оттѣснены до самыхъ барьеровъ арены, или потому что, въ слѣдствіе другихъ причинъ, не могли продолжать битвы, тогда тампліеръ и Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства успѣли наконецъ встрѣтиться лицемъ къ лицу со всѣмъ ожесточеніемъ, которое могла только внушить смертельная вражда, подкрѣпляемая жаждою славы. И такова была ловкость каждаго изъ нихъ въ нанесеніи и отраженіи ударовъ, что зрители единодушно оглашали воздухъ невольными восклицаніями, выражавшими восторгъ и удивленіе.

Но въ эту минуту сторона Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи. Исполинская рука Фрон-де-Бёфа на одномъ крылѣ, и сила тяжеловѣснаго Адельстана на другомъ, ниспровергли и разсѣявали все, что представляло имъ преграду. Не находя болѣе передъ собою противниковъ, оба эти рыцаря, казалось, въ одно и то же время поняли, что они дадутъ самый рѣшительный перевѣсъ своей сторонѣ, если обратятся на помощь тампліеру, завязавшему бой съ своимъ соперникомъ. Поэтому, повернувъ коней въ одно и то же мгновеніе, они поскакали противъ Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства—Норманецъ съ одной стороны, Саксонецъ съ другой. Невозможно было бы выдержать столь неравное и неожиданное нападеніе тому, противъ кого оно было направлено, еслибъ не предупредилъ его общій крикъ зрителей, которые не могли не принять участія въ человѣкѣ, подвергавшемся такому невыгодному бою.

— Берегись, берегись, сэръ Лишенный-Наслѣдства! раздалось повсюду. Рыцарь, увидѣвъ опасность, со всего плеча нанесъ ударъ тампліеру и въ ту же минуту, повернувъ коня назадъ, ускользнулъ отъ натиска Адельстана и Фронъ-де-Бёфа. Слѣдствіемъ этого было то, что оба рыцаря, потерявъ, такъ сказать, цѣль свою, понеслись другъ на друга между предметомъ своего нападенія и рыцаремъ храма, и едва не сшиблись лошадьми прежде, нежели могли остановить ихъ. Однакожъ, сдержавъ коней, они поворотили и уже всѣ трое кинулись на Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства съ единодушнымъ намѣреніемъ вышибить его изъ сѣдла.

Ничто не спасло бы его, еслибъ не необыкновенная сила коня, выиграннаго имъ наканунѣ.

На сторонѣ его было тѣмъ болѣе выгодъ, что лошадь Буа-Гильбера была ранена, а лошадь Фронъ-де-Бёфа и Адельстана утомлены тяжестію своихъ гигантскихъ всадниковъ, закованныхъ въ полные доспѣхи, равно какъ и предшествовавшими трудами этого дня. Совершенство въ верховой ѣздѣ и быстрота благороднаго коня дала возможность Рыцарю-Лишенному-Наслѣдства держать своихъ противниковъ въ почтительномъ отдаленіи: онъ съ быстротою сокола удалялся отъ нихъ, устремляясь по временамъ то на одного, то на другаго, и, нанося тяжкие удары мечомъ своимъ, избѣгалъ тѣхъ, которые были на него направлены.

Но хотя арена оглашалась одобреніями его искусству, видно было, однакожъ, что онъ теряетъ силы, и вельможи, окружавшіе принца Іоанна, единогласно умоляли его бросить жезлъ для спасенія такого храбраго рыцаря отъ срама быть побѣжденнымъ среди такого неравнаго боя.

— Нѣтъ, клянусь свѣтомъ небеснымъ! отвѣчалъ Іоаннъ:—этотъ выскочка, скрывающій свое имя и пренебрегающій нашимъ гостепріимствомъ, уже получилъ одну награду; пусть дастъ теперь возможность другимъ получить ее въ свою очередь. Пока онъ говорилъ такимъ образомъ, неожиданный случай далъ другой оборотъ дѣлу.

На сторонѣ Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства былъ одинъ воинъ въ черномъ вооруженіи, на тяжеломъ огромномъ черномъ конѣ, по видимому столь же сильномъ и крѣпкомъ, какъ и самъ сидѣвшій на немъ всадникъ. Этотъ рыцарь, не имѣвшій никакого девиза на щитѣ своемъ, до сихъ поръ очень мало принималъ участія въ сраженіи, только отражая съ видимою легкостью тѣхъ, которые на него нападали, но не преслѣдуя ихъ, ни самъ не нападая ни на кого. Короче, до сихъ поръ онъ казался болѣе зрителемъ, нежели принимающимъ участіе въ турнирѣ, и потому получилъ отъ зрителей прозваніе *Le noir Fainéant*, т. е. *черный лѣнтяй.*

Тутъ, казалось, этотъ рыцарь сбросилъ свою безпечность, когда увидѣлъ, что предводитель его партіи былъ тѣснимъ такъ жестоко; вонзивъ шпоры въ своего коня, еще свѣжаго и бодраго, онъ полетѣлъ къ нему на помощь какъ молнія, восклицая громкимъ голосомъ: *Desdichado* на помощь»! И въ самомъ дѣлѣ, давно уже было пора подумать объ этомъ, потому что въ ту минуту, какъ Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства тѣснилъ тампліера, Фрон-де-Бёфъ подскакалъ къ нему съ занесеннымъ оружіемъ. Но прежде, нежели могъ онъ нанести ударъ, черный рыцарь поразилъ его въ голову мечомъ, который, скользнувъ по гладкому шлему, съ ужасною силою упалъ на *chamfrom* лошади, и Фрон-де-Бёфъ вмѣстѣ съ конемъ грянулся о землю, оглушенный страшнымъ ударомъ. Тогда *le noir Fainéant*, повернувъ коня къ Адельстану Конингсборгскому, и не имѣя меча, разлетѣвшагося въ дребезги въ сшибкѣ съ Фрон-де-Бёфомъ, вырвалъ изъ рукъ неповоротливаго Саксонца сѣкиру, которою тотъ былъ вооруженъ, и, подобно человѣку, хорошо знакомому съ употребленіемъ этого оружія, нанесъ такой ударъ въ темя Адельстана, что тотъ также безчувственъ палъ на арену. Совершивъ этотъ двойной подвигъ, за который его тѣмъ болѣе превозносили, что онъ рѣшилъ его совершенно неожиданно, рыцарь, казалось, снова погрузился въ свое бездѣйствіе: онъ спокойно отъѣхалъ къ сѣверному концу арены, оставивъ своего предводителя одного довершить дѣло съ Бріаномъ де-Буа-Гильберомъ. Теперь это не такъ уже было трудно, какъ прежде. Лошадь рыцаря-храма истекала кровью и не могла выдержать сшибки при нападеніи Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства. Бріанъ де-Буа-Гильберъ покатился по аренѣ, запутавшись въ стремя, изъ котораго не могъ высвободить ноги своей. Противникъ его спрыгнулъ съ коня, занесъ свой грозный мечъ надъ его головой и требовалъ, чтобъ онъ сдался; въ это время принцъ Іоаннъ, тронутый болѣе опаснымъ положеніемъ тампліера, нежели состояніемъ, въ которомъ передъ этимъ находился его противникъ, бросилъ жезлъ свой и тѣмъ прекратилъ битву, чтобъ избавить Бріана де-Буа-Гильбера отъ безчестія признать себя побѣжденнымъ.

Послѣ этого тлѣли только однѣ искры битвы; изъ немногихъ рыцарей, оставшихся на аренѣ, большая часть, какъ бы сговорившись, уклонилась на нѣкоторое время отъ сраженія, предоставивъ своимъ предводителямъ рѣшить бой.

Оружевосцы, не могшіе во время сраженія подавать помощь своимъ рыцарямъ, теперь поспѣшили на арену, чтобъ осторожно вынести раненыхъ въ сосѣдніе шатры, или въ квартиры, приготовленныя для нихъ въ ближайшей деревнѣ.

Такъ кончился достопамятный турниръ въ Эшби-де-ла-Зушъ,

однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ турнировъ того времени, потому что, кромѣ четырехъ рыцарей, убитыхъ на полѣ сраженія, со включеніемъ одного задохшагося подъ тяжестію латъ, болѣе тридцати были опасно ранены, такъ что четверо или пятеро изъ нихъ умерли. Многіе были изувѣчены на всю жизнь, а тѣ, которые были счастливѣе, носили знаки ранъ до самой могилы. Поэтому турниръ этотъ именуется въ старинныхъ лѣтописяхъ благороднымъ и прекраснымъ воинскимъ дѣломъ въ Эшби. Принцъ Іоаннъ, которому теперь предстояла обязанность наименовать рыцаря болѣе всѣхъ отличившагося, рѣшилъ, что слава этого дня принадлежитъ тому, кого голосъ народный называлъ *Le noir Fainéant.* Принцу, однакожъ, указано было, какъ бы въ укоръ его рѣшенію, что битва дѣйствительно была выиграна Рыцаремъ-Лишеннымъ-Наслѣдства, который въ теченіе дня одолѣлъ шесть рыцарей своею рукою и, къ довершенію, вышибъ изъ сѣдла и повергъ на землю предводителя противной стороны. Но принцъ не хотѣлъ перемѣнить своего мнѣнія, на томъ основаніи, что Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства и его партія непремѣнно потеряли бы сраженіе, еслибъ не подоспѣлъ на помощь рыцарь въ черныхъ латахъ, которому по этой причинѣ онъ и настаивалъ отдать награду.

Однакожъ, къ удивленію всѣхъ, этого рыцаря нигдѣ не могли отыскать. Онъ оставилъ арену тотчасъ по окончаніи битвы, и нѣкоторые изъ зрителей видѣли, какъ онъ пробирался къ лѣсу своимъ привычнымъ медленнымъ шагомъ, съ тѣмъ же безпечнымъ и равнодушнымъ видомъ, который далъ ему названіе «чернаго лѣнтяя». Послѣ двукратнаго вызова звукомъ трубъ и клика герольдовъ, необходимо было выбрать другаго для принятія почестей, назначенныхъ рыцарю. Принцъ Іоаннъ, не имѣя уже причины отказать Рыцарю-Лишенному-Наслѣдства въ наградѣ, объявилъ его героемъ дня.

Чрезъ поле, обагренное кровью и заваленное переломаннымъ оружіемъ и тѣлами раненныхъ и мертвыхъ лошадей, маршалы турнира снова подвели побѣдителя къ подножію Іоаннова трона.

— Рыцарь-Лишенный-Наслѣдства, сказалъ принцъ Іоаннъ: — если вы уже хотите, чтобъ мы только подъ этимъ именемъ знали васъ! мы во второй разъ отдаемъ вамъ честь этого турнира, и признаемъ за вами право получить изъ рукъ царицы любви и красоты почетный вѣнецъ, который ваша храбрость по справедливости заслужила.—Рыцарь ловко и низко поклонился, но не отвѣчалъ ни слова.

Между тѣмъ, какъ трубы звучали, герольды громкимъ голосомъ провозглашали честь храброму и славу побѣдителю, дамы махали

шелковыми платками и шитыми покрывалами, и когда всѣ присутствовавшіе наполняли воздухъ кликами восторга, маршалы подвели Рыцаря-Лишеннаго-Наслѣдства черезъ арену къ подножію того трона, на которомъ сидѣла лэди Роуэна.

На низшей ступени этого трона, воинъ, по приказанію маршаловъ, преклонилъ колѣни. Должно замѣтить, что съ самаго окончанія битвы, всѣ его дѣйствія, казалось, зависѣли болѣе отъ воли его окружавшихъ, нежели отъ его собственной, и даже было замѣтно, что онъ шатался, переходя во второй разъ арену. Роуэна величественно встала съ своего мѣста и уже была готова возложить вѣнецъ на шлемъ рыцаря, когда маршалы закричали въ одинъ голосъ:

— Нѣтъ, это не по правиламъ; голова его должна быть открыта! Рыцарь сказалъ что-то едва внятнымъ голосомъ, который глухо отозвавшись подъ его шлемомъ, казалось, выражалъ желаніе, чтобъ не снимали его каски.

Изъ привязанности ли къ формѣ, или изъ любопытства, маршалы не обратили вниманія на слова, и сняли шлемъ, разрѣзавъ завязки и разстегнувъ застежки нашейника. По снятіи шлема, всѣ увидѣли прекрасныя, хотя загорѣлыя черты двадцати-пятилѣтняго юноши съ густыми бѣлокурыми волосами. Лице его было блѣдно какъ смерть и покрыто въ нѣсколькихъ мѣстахъ кровью.

Роуэна, взглянувъ на него, испустила слабый крикъ; но тотчасъ же, собравъ все свое мужество, и какъ бы принудивъ себя продолжать начатое, между тѣмъ, какъ все тѣло ея трепетало отъ внезапныхъ ощущеній, она возложила на поникшую голову блестящій вѣнецъ, и сказала чистымъ, внятнымъ голосомъ: «Возлагаю на васъ, сэръ рыцарь, этотъ вѣнецъ, назначенный побѣдителю въ награду храбрости». Она замолчала на минуту, и потомъ твердо прибавила: «Никогда еще не возлагался вѣнецъ рыцарскій на чело болѣе достойное!»

Рыцарь преклонилъ голову, поцѣловалъ руку прекрасной царицы, наградившей храбрость его, и потомъ, все еще наклоняясь впередъ, валъ безъ чувствъ къ ногамъ ея.

Смятеніе сдѣлалось общимъ. Седрикъ, пораженный внезапнымъ появленіемъ своего изгнаннаго сына, теперь бросился какъ бы для того, чтобъ отстранить его отъ лэди Роуэны. Но это уже было сдѣлано маршалами турнира, которые, отгадавъ причину обморока Айвенго, поспѣшили разстегнуть его латы, и увидѣли, что остріе копья, пробивъ его нагрудникъ, ранило его въ бокъ.

Едва произнесено было имя Айвенго, какъ оно пронеслось изъ устъ въ уста съ той быстротою, съ какою могло передать его лю-

бопытство. (Переводъ съ Англійскаго, подъ редакціею *А. А. Краевскаго*. Спб. 1845).

Примѣч. — «Айвенго» — одинъ изъ самыхъ лучшихъ романовъ Вальтеръ-Скотта. Основа этого романа—непріязненное отношеніе между Англо-Саксами, туземными обитателями Англіи и Норманнами, пришельцами. Романъ весьма живо изображаетъ средневѣковое рыцарство, состояніе духовенства, положеніе Евреевъ въ обществѣ, религіозныя суевѣрія (см. Судъ надъ Ревеккою) и весь бытъ тогдашній.

Темы. — Черты средневѣковыхъ нравовъ. — Характеръ принца Іоанна. — Характеръ Седрика.—Характеръ Айвенго.

Статьи о Вальтеръ-Скоттѣ: Жизнь Вальтеръ-Скотта. От. Зап. 1850, № 7.— *Дружининъ* написалъ шесть статей: От. Зап. 1854, т. XCIII, XCIV и XCVI.—Замокъ Кенильвортъ, или Королева Елисавета. Рецензія. От. Зап. 1857, т. CXI.

ДОМБИ и СЫНЪ.

(Диккенса).

Диккенсъ (р. 1812 г. въ одномъ изъ приморскихъ городовъ Англіи—Портсмутѣ) — замѣчательнѣйшій изъ современныхъ Европейскихъ романистовъ. Отличительною чертою его романовъ служатъ *юморъ* и *любовь*, самая теплая любовь, къ человѣку. Диккенсъ осмѣиваетъ слабости человѣка не саркастически, не колко; онъ изображаетъ самыя безобразныя стороны въ сердцѣ своихъ героевъ, выводитъ наружу всѣ ихъ помыслы, ужасаетъ своими яркими картинами паденія человѣка: но никогда не позволяетъ себѣ глумиться надъ ближнимъ, не злоупотребляетъ такимъ мощнымъ орудіемъ, каковъ смѣхъ. Диккенсъ держитъ все въ самыхъ разумныхъ границахъ. Смѣхъ тогда выступаетъ на сцену, когда уже читателю становится тяжело и душно отъ созерцанія безотрадныхъ образовъ. Смѣхъ у Диккенса — примиряющее начало, свѣтлое, доброе. Возьмите хоть лице Тутса (см. напечатанные ниже отрывки). Что за прекрасный образъ! Вотъ типъ, нарисованный истиннымъ художникомъ! Сначала Тутсъ поражаетъ васъ своимъ идіотствомъ. Онъ пишетъ письма къ себѣ отъ герцога Веллингтона и отъ другихъ знатныхъ особъ; задаетъ вопросы товарищамъ странные: ни съ того ни съ сего спрашиваетъ о портныхъ, о жилетахъ. Идіотъ, рѣшительный идіотъ! Но онъ такимъ является сначала. Потомъ Диккенсъ показываетъ въ Тутсѣ добродушіе, а далѣе — искреннюю, братскую любовь къ товарищу по воспитанію, сыну Домби. Тутсъ долго помнилъ Павла; онъ берегъ собаку, которую любилъ мальчикъ, берегъ и привезъ ее къ Флоренсѣ, сестрѣ Павла, въ самыя горькія минуты ея жизни. Во время визита Флоренсѣ, Тутсъ опять наговорилъ кучу нелѣпостей, но вы ему прощаете все, видя, какъ этотъ идіотъ крѣпко любитъ своего бывшаго товарища. Онъ не забылъ даже словъ Павла, сказанныхъ когда-то въ пансіонѣ, повторяетъ ихъ при сестрѣ и наконецъ вручаетъ ей собаку,—предметъ, который любилъ когда-то Павелъ. Ваше сердце невольно располагается къ Тутсу, къ этому идіоту-Тутсу, и вы его любите, какъ человѣка. Таковы всѣ лица, выводимыя Диккенсомъ.

Глубокая любовь къ человѣку, провозвѣстникомъ которой является Диккенсъ, была и есть причиною, что его романы имѣютъ сильное вліяніе на Англійское общество и даже правительство. И то и другое прислушиваются къ симпатическому голосу великаго романиста, истиннаго друга человѣчества и добраго сына своей родины. Говорятъ, Диккенсъ своими романами весьма много способствовалъ улучшенію учебныхъ заведеній въ Англіи, въ которыхъ все основано было на безпощадномъ драньѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Недостатковъ Англійскаго воспитанія Диккенсъ касается во многихъ своихъ романахъ: Домби и Сынъ, Николай Никльби и др.

Мы сказали, что само Англійское правительство прислушивается къ голосу романиста Диккенса. Вотъ тому доказательство. Завязка романа «Холодный Домъ» основана на процессѣ, который тянется безконечно. Диккенсъ безжалостно разоблачилъ слабыя стороны публичныхъ и частныхъ Англійскихъ судебныхъ учрежденій. Гражданскій судъ обратилъ вниманіе на романъ Диккенса и на одномъ обѣдѣ было высказано автору, что теперь произошли важныя перемѣны въ судѣ и вновь поступившія дѣла будутъ окончены безъ большой потери времени.

Диккенсъ, подобно всѣмъ Британцамъ, отличается безустанною дѣятельностію. Кромѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ, которыхъ число изумляетъ Русскую сонную натуру, онъ еще издаетъ журналы; сверхъ того ежегодно читаетъ публичныя лекціи.

Напечатанныя въ «Христоматіи» двѣ главы взяты изъ романа «Домби и Сынъ». Этотъ романъ — геніальное произведеніе новой Европейской литературы. Въ немъ Диккенсъ представилъ всю Англію, торговую, богатую, но холодную, эгоистическую. «Домби» не имѣетъ ни одного нѣжнаго, благороднаго, чисто-человѣческаго чувства: онъ весь погруженъ въ торговые разсчеты; онъ— олицетворенная, ходячая фирма. Сына любитъ Домби потому, что онъ можетъ поддержать честь именитой фирмы; дочь не любитъ, потому что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ увеличить блескъ фирмы «Домби и Сынъ». Романъ рисуетъ потрясающія сцены (напр. «Отецъ и Дочь)» и юмористическія въ высшей степени (напр. Докторъ Блимберъ съ разсказомъ своимъ о Римскомъ обѣдѣ).

Очень жаль, что у насъ, въ учебныхъ заведеніяхъ мало обращено вниманія на Диккенса, Теккерея и вообще на Англійскую литературу: эта литература—самая образовательная во всѣхъ отношеніяхъ.

Переводы романовъ Диккенса см. въ Отеч. Зап., Соврем. и др. журналахъ: ихъ весьма много. Лучшіе переводчики Англійскихъ поэтовъ — *Кронебергъ* и *Введенскій*, теперь покойники. Своимъ знаніемъ Англійской литературы и любовію къ ней извѣстенъ *Дружининъ*.

Воспитаніе Павла.

Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся ужасно длинными для маленькаго Павла Домби, сидѣвшаго на столѣ, воротился докторъ Блимберъ [1]), вышагивая важнымъ и величественнымъ образомъ, вѣроятно для того, чтобы произвесть торжественное впечатлѣніе на

[1]) Содержатель частнаго пансіона.

юношескую душу. Эта походка была похожа на маршъ, и когда докторъ выставлялъ правую ногу впередъ, онъ величественно поворачивался на своей оси, выписывая налѣво полукругъ, и когда выставлялась лѣвая нога впередъ, онъ дѣлалъ точно такой же поворотъ къ правой. Казалось, при каждомъ шагѣ, онъ осматривался кругомъ и какъ будто говорилъ: «пусть попытается кто-нибудь и гдѣ-нибудь указать мнѣ на предметъ, котораго я не знаю? Не удастся».

Мистриссъ Блимберъ и миссъ Блимберъ также воротились вмѣстѣ съ докторомъ. Педагогъ поднялъ со стола новаго питомца и передалъ его миссъ Блимберъ.

— Корнелія, сказалъ докторъ:—Домби будетъ покамѣстъ подъ твоимъ надзоромъ. Веди его впередъ, моя милая, впередъ и впередъ. — Корнелія приняла изъ рукъ доктора молодаго питомца, и Павелъ потупилъ глаза, когда почувствовалъ, что очки наблюдали его.

— Сколько тебѣ лѣтъ, Домби? спросила миссъ Блимберъ.

— Шесть, отвѣчалъ Павелъ и, осматривая молодую миледи, удивлялся, почему волосы у ней не такъ длинны, какъ у Флоренсы, и отчего она похожа на мальчика.

— Далекъ ли ты въ Латинской грамматикѣ, Домби? спросила миссъ Блимберъ.

— Я не знаю Латинской грамматики, отвѣчалъ Павелъ. Чувствуя, что этотъ отвѣтъ непріятно подѣйствовалъ на миссъ Блимберъ, онъ взглянулъ вверхъ на три лица, смотрѣвшія на него внизъ, и сказалъ:

— Я былъ слабымъ и больнымъ ребенкомъ. Мнѣ нельзя было думать о Латинской грамматикѣ, когда каждый день старикъ Глыббъ вывозилъ меня на морской берегъ. Вы ужъ позвольте приказать старому Глыббу навѣщать меня здѣсь.

— Какое низкое, варварское имя! сказала мистриссъ Блимберъ:— что это за чудовище, мой милый?

— Какое чудовище? спросилъ Павелъ.

— Да этотъ Глыббъ, сказала мистриссъ Блимберъ съ превеликимъ отвращеніемъ.

— Онъ такое же чудовище, какъ и вы, возразилъ Павелъ.

— Какъ! вскричалъ докторъ ужаснымъ голосомъ:—что, что-о-о ты сказалъ? Ай, ай, ай!

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ маленькаго Павла; но, несмотря на испугъ, онъ рѣшился защищать отсутствующаго Глыбба.

— Глыббъ очень почтенный старикъ, сказалъ Павелъ: — онъ бывало возилъ мою коляску, гдѣ я могъ лежать и спать, когда и какъ мнѣ угодно. Онъ знаетъ все о глубокомъ морѣ: и о рыбахъ,

которыя живутъ тамъ, и о великихъ чудовищахъ, которыя выходятъ оттуда и лежатъ и грѣются на скалахъ подъ зноемъ солнечныхъ лучей, и которыя опять уходятъ въ море, когда ихъ испугаютъ. При этомъ — говоритъ Глыббъ — они издаютъ такой шумъ, что можно ихъ слышать за нѣсколько миль. Есть еще чудовища, продолжалъ Павелъ, одушевляясь своимъ предметомъ: — не знаю, какъ они длинны — только очень длинны — и я не помню, какъ зовутъ ихъ — Флоренса все это знаетъ: они притворяются несчастными и плачутъ будто маленькія дѣти, а когда кто подойдетъ къ нимъ изъ состраданія, они разѣваютъ свои огромныя челюсти и нападаютъ. Тутъ одно средство спастись, сказалъ Павелъ, смѣло сообщая это познаніе самому доктору Блимберу: — надо отбѣжать на нѣкоторое разстояніе и потомъ вдругъ поворотить назадъ; имъ нельзя такъ скоро поворотиться, потому что они ужасно длинны. Тутъ ихъ легко побѣдить, говоритъ Глыббъ. Вообще онъ много, очень много знаетъ о морѣ, хотя и не можетъ растолковать, отчего всегда говорятъ, одно и то же говорятъ всегда морскія волны, и почему я такъ часто думаю о своей мамѣ, когда смотрю на море. Моя мать умерла. Я бы желалъ, — заключилъ ребенокъ, вдругъ теряя одушевленіе и обративъ робкій взоръ на три незнакомыя лица: — чтобы старикъ Глыббъ по временамъ заходилъ сюда навѣщать меня, потому что я знаю его очень хорошо, и онъ меня знаетъ.

— Дурное направленіе! сказалъ докторъ: — но наука должна истребить негодныя сѣмена.

Мистриссъ Блимберъ съ какимъ-то ужасомъ подумала, что это былъ необыкновенный ребенокъ. Она смотрѣла на него съ такимъ же вниманіемъ, какъ нѣкогда мистриссъ Пипчинъ [1]), хотя физіономія ея ничего не имѣла общаго съ старой вѣдьмой.

— Поводи его по дому, Корнелія, сказалъ докторъ: — и познакомь съ новой сферой. Домби, ступай съ этой милэди.

Домби повиновался. Онъ подалъ руку Корнеліи и съ робкимъ любопытствомъ принялся разсматривать ее съ боку, когда они пошли. Ея очки показались для него ужасно таинственными, и онъ никакъ не могъ разузнать, были ли у нея глаза за этими ярко блестящими стеклами.

Корнелія повела его сперва въ классную комнату, расположенную позади залы, и въ которую вели двѣ двери, обитыя фризомъ для того, чтобы заглушить голоса молодыхъ джентльменовъ. Въ комнатѣ находилось восемь воспитанниковъ въ различныхъ положеніяхъ умственнаго бичеванія; всѣ сидѣли за дѣломъ и работали съ

---

[1]) Въ ея пансіонѣ прежде воспитывался Павелъ.

большою важностію. Тутсъ, какъ старшій между воспитанниками, имѣлъ для себя въ углу комнаты особую конторку.

Магистръ Фидеръ, сидѣвшій за другою небольшою конторкой, вертѣлъ на своемъ единственномъ валу Виргилія [1]) и эту арію унылымъ голосомъ тянули передъ нимъ четыре молодые джентльмена. Изъ остальныхъ воспитанниковъ двое съ напряженнымъ вниманіемъ занимались рѣшеніемъ математическихъ задачъ; одинъ употреблялъ судорожныя усилія перекарабкаться до обѣда черезъ безнадежное число строкъ, и наконецъ послѣдній питомецъ безмолвно смотрѣлъ на свою работу съ окаменѣлымъ оцѣпенѣніемъ и отчаяніемъ.

Появленіе новаго мальчика не произвело на эту компанію никакого впечатлѣнія. Магистръ Фидеръ съ щетинами на головѣ, которую имѣлъ онъ обыкновеніе брить изъ опасенія простуды, подалъ маленькому Домби костлявую руку и сказалъ, что весьма радъ его видѣть. Павелъ, съ своей стороны, былъ бы очень радъ сказать ему то же, еслибы могъ это сдѣлать хоть съ малѣйшею искренностію. Наученный, онъ поздоровался сперва съ четырьмя джентльменами, распѣвавшими Виргилія, потомъ подалъ руку подвижникамъ математическихъ задачъ, раскланялся съ несчастнымъ ратоборцемъ противъ времени, запачканнымъ въ чернилахъ, и наконецъ точно такимъ же образомъ познакомился съ оцѣпенѣлымъ джентльменомъ, отъ котораго вѣяло ужаснымъ холодомъ смерти.

Молодой Тутсъ, уже представленный Павлу, только перевелъ духъ и оскалилъ зубы при его приближеніи и молча продолжалъ прерванное занятіе. Работа его была очень немногосложна и имѣла даже поэтическій интересъ: онъ, по большой части, занимался сочиненіемъ къ самому себѣ писемъ отъ знатнѣйшихъ особъ, адресуя на конвертѣ: «Его благородію, господину Тутсу, въ Брайтонѣ». Такую привиллегію Тутсъ получилъ изъ уваженія къ своимъ прежнимъ очень усиленнымъ занятіямъ, которыя остановили его умственный ростъ въ самую пору разцвѣтающей весны. Всѣ эти письма хранилъ онъ съ большимъ тщаніемъ въ своемъ столѣ.

По соблюденіи этихъ церемоній, Корнелія повела Павла въ верхній этажъ; это путешествіе совершалось съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, потому что Павелъ принужденъ былъ ставить обѣ ноги на каждую ступень. Когда достигли они конца трудной дороги, Корнелія повела своего кліента въ переднюю компату, выходившую фасадомъ на бурное море, и показала ему хорошенькую постель у самаго окна, гдѣ на прибитой карточкѣ уже прекраснымъ круглымъ почеркомъ написано было: — *Домби*. На двухъ другихъ постеляхъ въ той же компатѣ красовались имена: *Бриггсъ* и *Тозеръ*.

---

[1]) Римскій поэтъ временъ Августа.

Лишь только спустились они съ лѣстницы и вошли въ залу, Павелъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что подслѣповатый малый вдругъ схватилъ барабанную палку и началъ безъ милосердія колотить въ мѣдный тазъ, повѣшенный въ углу комнаты, какъ будто хотѣлъ онъ этимъ способомъ вымѣстить на комъ-то свою обиду. Павелъ ожидалъ, что его посадятъ въ карцеръ, или, по крайней мѣрѣ, дадутъ выговоръ за такое буйство; но ничего этого не случилось, и молодой парень, надѣлавшій шуму по всему дому, спокойно положилъ палку и остановился, какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Корнелія растолковала Домби, что черезъ четверть часа станутъ обѣдать, и что ему теперь должно отправиться въ классную комнату къ своимъ друзьямъ.

Домби тихонько прошелъ мимо стѣнныхъ часовъ, безъ умолку освѣдомлявшихся о его здоровьи, еще тише пріотворилъ дверь въ классную комнату и прокрался туда, какъ потерявный мальчикъ, искавшій какого-нибудь пристанища. Его друзья разсѣялись по всѣмъ направленіямъ комнаты, за исключеніемъ окаменѣлаго пріятеля, неподвижнаго, какъ и прежде. Магистръ Фидеръ протягивался во всю длину въ своемъ сѣромъ дорогомъ халатѣ, какъ будто хотѣлъ сорвать рукава.

— Охх-хо-хо! Господи твоя воля! вопіялъ мистеръ Фидеръ, вытягиваясь, какъ ломовая лошадь: — ай-ахъ-ай-иххъ!

Павелъ былъ чрезвычайно встревоженъ зѣваньемъ магистра Фидера, доходившимъ до огромныхъ размѣровъ, и которое въ самомъ дѣлѣ было ужасно. Всѣ мальчики, за исключеніемъ Тутса, были до крайности изнурены, и приготовлялись къ обѣду. Одинъ навязывалъ свой галстукъ, другой вымывалъ руки, третій расчесывалъ волосы, и всѣ, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидали, пока позовутъ въ столовую.

Молодой Тутсъ, уже совсѣмъ готовый, подошелъ, отъ нечего дѣлать, къ маленькому Павлу и съ неуклюжимъ добродушіемъ сказалъ:

— Садись, Домби.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ Павелъ. И онъ началъ карабкаться на окно, чтобы сѣсть, но никакъ не могъ подняться на такую высоту. Это обстоятельство пробудило новую мысль въ умѣ Тутса.

— Какой ты маленькій! сказалъ мистеръ Тутсъ.

— Да, отвѣчалъ Павелъ: — я очень малъ. Покорно благодарю. Благодарность относилась къ услужливости Тутса, который пособилъ ему взобраться на окно.

— Кто у тебя портной? спросилъ Тутсъ, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ.

— На меня шьетъ женщина, сказалъ Павелъ: — та же, что и на сестрицу.

— А мой портной — Борджесъ и компанія, сказалъ Тутсъ: — молодой портной, да только очень дорогой.

У Павла достало смыслу покачать головой, какъ будто хотѣлъ онъ сказать: «это и видно».

— Богатъ у тебя отецъ? спросилъ Тутсъ.

— Богатъ, отвѣчалъ Павелъ: — отецъ мой Домби и Сынъ.

— И кто? спросилъ Тутсъ.

— И Сынъ, отвѣчалъ Павелъ.

Мистеръ Тутсъ нѣсколько разъ повторилъ про себя эту фамилію, стараясь хорошенько запомнить; но, не надѣясь на свою память, сказалъ, что завтра поутру онъ опять объ этомъ спроситъ, какъ будто фирма Домби и Сына особенно его интересовала. И, дѣйствительно, онъ уже занимался составленіемъ плана дружескаго письма къ своей особѣ отъ имени Павлова отца.

Въ это время другіе воспитанники, все-таки за исключеніемъ окаменѣлаго мальчика, собрались въ кучу. Всѣ они были очень блѣдны, говорили тихо, и головы ихъ были забиты.

— Ты спишь въ моей комнатѣ, не правда ли? спросилъ торжественно молодой джентльменъ, у котораго воротничекъ изъ-подъ рубашки доставалъ до самыхъ ушей.

— Тебя зовутъ, Бриггсъ? спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, Тозеръ, отвѣчалъ молодой джентльменъ.

— Все равно: я сплю въ твоей комнатѣ.

— Вотъ его зовутъ Бриггсомъ, продолжалъ Тозеръ, указывая на окаменѣлаго джентльмена: — а каково у тебя здоровье, Домби?

Павелъ отвѣчалъ, что онъ довольно слабъ. Тозеръ сказалъ, что это и видно по глазамъ: «а очень жаль, прибавилъ онъ, потому что тутъ нужно желѣзное здоровье». Потомъ спросили Павла, не съ Корнеліей ли онъ будетъ учиться? и когда тотъ отвѣчалъ, «да», всѣ молодые джентльмены, кромѣ Бриггса, выразили глубокое сожалѣніе.

Опять раздался страшный звонъ мѣднаго таза, и въ ту же минуту воспитанники гурьбой пошли въ столовую, все-таки однакожъ за исключеніемъ Бриггса, окаменѣлаго мальчика, который остался на своемъ мѣстѣ въ томъ же положеніи, какъ былъ. Павелъ увидѣлъ, что для него въ комнату принесли въ тарелкѣ ломоть хлѣба съ серебряной вилкой, положенной подъ салфетку.

Докторъ Блимберъ уже сидѣлъ въ столовой на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, на переднемъ концѣ стола, а мистриссъ Блимберъ и миссъ Блимберъ занимали мѣста подлѣ него. На заднемъ концѣ стола, насупротивъ доктора, усѣлся магистръ Фидеръ, явившійся

къ обѣду въ черномъ фракѣ. Стулъ Павла поставили подлѣ миссъ Блимберъ.

Докторъ прочиталъ молитву, и обѣдъ начался. Первымъ блюдомъ былъ супъ, за которымъ слѣдовали жареная говядина, вареная говядина, зелень, пирогъ и сыръ. За столомъ всѣ распоряженія были важны, прекрасны и величественны. Передъ каждымъ молодымъ джентльменомъ лежали салфетка и массивная серебряная вилка. Буфетчикъ въ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами разносилъ кушанья и величественно разливалъ по стаканамъ пиво, какъ будто въ рукахъ его была бутылка съ дорогимъ виномъ.

Никто, если не былъ спрошенъ, не говорилъ ни слова, кромѣ доктора Блимбера, мистриссъ Блимберъ и миссъ Блимберъ. Какъ скоро молодой джентльменъ не былъ занятъ вилкой, ножомъ или ложкой, глаза его по какому-то невольному притяженію обращались на доктора, на докторшу или докторскую дочь. Одинъ Тутсъ составлялъ исключеніе изъ этого правила. Занимая мѣсто на одной сторонѣ съ Павломъ подлѣ магистра Фидера, онъ безпрестанно выставлялъ голову впередъ или назадъ и старался поймать взоръ новаго пришельца.

Разъ только во время обѣда завязался разговоръ, въ которомъ, по непредвидѣнному случаю, принялъ невольно участіе молодой джентльменъ. Это было за сыромъ, когда докторъ, выкушавъ стаканъ портеру, кашлянулъ два или три раза и началъ такимъ образомъ:

— Достойно замѣчанія, мистеръ Фидеръ, что Римляне....

При имени этого ужаснаго народа, непримиримаго врага всей молодой компаніи, джентльмены устремили глаза на доктора, приготовившись выслушать ученую рѣчь съ почтительнымъ вниманіемъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ, допивая пиво, случайно встрѣтился съ глазами доктора, и вдругъ, поставивъ стаканъ, почувствовалъ судорожные припадки перхоты. Докторъ долженъ былъ пріостановиться.

— Достойно замѣчанія, мистеръ Фидеръ, началъ онъ снова прерванную рѣчь: — что Римляне во времена императоровъ, когда роскошь достигла до необыкновенной высоты, прежде неслыханной, и когда штетгальтеры опустошали цѣлыя провинціи и разоряли жителей единственно для того, чтобы добыть средства для одного императорскаго обѣда....

Здѣсь несчастный воспитанникъ, который долго раздумывался и пыхтѣлъ, чтобы пересилить судорожный припадокъ, разразился наконецъ самымъ громкимъ кашлемъ.

— Джонсонъ, сказалъ мистеръ Фидеръ тономъ легкаго упрека: — выпей воды.

Докторъ бросилъ суровый взглядъ и дожидался, пока Джонсону подавали стаканъ. Потомъ онъ началъ опять.

— И когда, мистеръ Фидеръ....

Но мистеръ Фидеръ не могъ оторвать глазъ отъ Джонсона, который снова готовился разразиться, какъ бомба.

— Извините, сэръ, сказалъ магистръ: — извините, докторъ Блимберъ.

— И когда, сказалъ докторъ, возвышая голосъ: — когда братъ Вителлія — дѣйствительность факта, совершенно впрочемъ невѣроятнаго для толпы нашего времени, подтверждается современными писателями, заслуживающими полнаго довѣрія, — и когда, говорю я, братъ Вителлія приготовилъ обѣдъ, за которымъ подано было двѣ тысячи рыбныхъ блюдъ....

— Выпей воды, Джонсонъ. — Рыбныхъ блюдъ, господинъ докторъ, сказалъ мистеръ Фидеръ.

— Пять тысячъ блюдъ изъ различныхъ сортовъ домашней птицы....

— Или закуси коркой хлѣба, сказалъ мистеръ Фидеръ.

— И одно блюдо, продолжалъ докторъ Блимберъ, еще болѣе возвышая голосъ и озираясь вокругъ стола: — блюдо названное по причинѣ его огромной величины «щитомъ Минервы», и приготовленное, между прочими дорогими приправами, изъ фазаньихъ мозговъ....

— Кхи, кхи, кхи! (восклицаніе Джонсона).

— Изъ мозгу куликовъ....

— Кхи, кхи, кхи!

— Изъ внутреннихъ частей рыбы, называемой *scari*....

— У тебя лопнетъ жила на головѣ, сказалъ мистеръ Фидеръ: — ты ужъ лучше дай себѣ волю.

— И еще изъ внутренностей миноги, добытой въ Карпатскомъ морѣ, продолжалъ докторъ строгимъ голосомъ: — когда мы читаемъ объ этихъ роскошныхъ пирахъ и сверхъ того припомнимъ еще, что Титъ....

— Что подумаетъ бѣдная мать, когда съ тобой сдѣлается апоплексическій ударъ! сказалъ мистеръ Фидеръ.

— Домиціанъ....

— Ты весь посинѣлъ, сказалъ мистеръ Фидеръ.

— Неронъ, Тиберій, Каллигула, Геліогабалъ и многіе другіе, продолжалъ докторъ: — это однакожъ замѣчательно, милостивый государь, если вамъ угодно слушать, очень замѣчательно.

Но съ воспитанникомъ въ эту минуту сдѣлался такой ужасный припадокъ кашлю́, что товарищи начали колотить его въ спину, мистеръ Фидеръ поднесъ къ его губамъ стаканъ воды, а буфетчикъ долженъ былъ нѣсколько разъ провести его по комнатѣ. Су-

матоха продолжалась не менѣе пяти минутъ, и когда наконецъ Джонсонъ началъ мало по малу приходить въ нормальное положеніе, въ комнатѣ воцарилось глубочайшее молчаніе.

— Господа, сказалъ докторъ Блимберъ: — вставайте на молитву! Корнелія, сними Домби. Джонсонъ, завтра поутру передъ завтракомъ прочтешь мнѣ наизустъ изъ Греческаго завѣта первое посланіе Павла къ Ефессеямъ. Наши занятія, мистеръ Фидеръ, начнутся черезъ полчаса.

Молодые джентльмены поклонились и ушли. Мистеръ Фидеръ сдѣлалъ то же. Въ этотъ короткій промежутокъ времени до начатія уроковъ воспитанники стали бродить попарно рука объ руку на большой площадкѣ за домомъ, а нѣкоторые напрасно покушались засвѣтить отрадный лучъ надежды въ омертвѣломъ сердцѣ Бриггса: но никто не позволилъ себѣ унизиться до игры. Въ условленное время снова раздался громкій бой мѣднаго таза, и классная комната наполнилась учениками подъ предводительствомъ доктора Блимбера и магистра Фидера.

Такъ какъ послѣобѣденный отдыхъ, по милости Джонсона, продолжался нынѣшній день менѣе обыкновеннаго, то вечеромъ передъ чаемъ воспитанники вышли гулять, и на этотъ разъ даже Бриггсъ принялъ участіе въ общемъ развлеченіи. Вмѣстѣ съ питомцами вышелъ и самъ докторъ Блимберъ, ведя подъ руку маленькаго Павла.

Чайная церемонія была столько же великолѣпна, какъ и обѣденная. По окончаніи ея, молодые джентльмены встали изъ-за стола, раскланялись и пошли протверживать свои уроки, а мистеръ Фидеръ удалился въ свою комнату. Павелъ между тѣмъ забился въ уголокъ и старался угадать, что-то теперь думаетъ о немъ Флоренса. Въ этомъ убѣжищѣ отыскалъ его мистеръ Тутсъ, задержанный на нѣсколько минутъ чрезвычайно важнымъ письмомъ отъ герцога Веллингтона. Долго смотрѣлъ онъ на него, не говоря ни слова, соображая повидимому, какъ бы начать разговоръ.

— Любишь ли ты жилеты, Домби? спросилъ онъ наконецъ.

— Да, сказалъ Домби.

— И я люблю, сказалъ Тутсъ.

Больше ничего не придумалъ сказать мистеръ Тутсъ, не перестававшій весь вечеръ разсматривать маленькаго Павла, который повидимому очень ему нравился. Павелъ съ своей стороны тоже не хотѣлъ начинать разговора, такъ какъ молчаніе больше соотвѣтствовало его цѣлямъ.

Въ восемь часовъ молодое общество снова собралось въ столовую на молитву, передъ которой буфетчикъ предложилъ хлѣбъ, сыръ и пиво джентльменамъ, желавшимъ прохладить себя этими

лакомствами. Церемонія окончилась словами доктора: «господа! завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ». Когда докторъ произнесъ эти слова: «господа, завтра поутру занятія наши начнутся въ семь часовъ», молодые джентльмены раскланялись и пошли въ спальни.

Облегчая душу откровеннымъ разговоромъ, Бриггсъ сказалъ въ спальной своимъ товарищамъ, что у него ужасно разломило голову и что онъ очень бы желалъ умереть, еслибы не жаль было матери и чернаго дрозда, который оставался у него дома. Тозеръ говорилъ мало, за то много вздыхалъ и совѣтовалъ Павлу держать ухо востро, потому что завтра и до него дойдетъ очередь. Послѣ этихъ пророческихъ словъ онъ раздѣлся и легъ въ постель. Когда Бриггсъ и Павелъ тоже накрылись одѣялами, въ спальню вошелъ подслѣповатый парень, потушилъ огонь и пожелалъ джентльменамъ спокойной ночи и пріятнаго сна. Но это искреннее желаніе не принесло своихъ плодовъ. Павелъ, который долго не могъ заснуть да и послѣ часто просыпался, замѣтилъ, что Бриггса ужасно давитъ его урокъ, какъ домовой, а Тозеръ, подавляемый во снѣ такими же впечатлѣніями, хотя въ меньшей степени, разговаривалъ на неизвѣстныхъ языкахъ, бормоча Греческія и Латинскія фразы, равно непонятныя для Павла. Все это среди ночнаго безмолвія производило какое-то дикое и крайне непріятное впечатлѣніе.

Наконецъ сладкій сонъ сомкнулъ утомленные глаза маленькаго Павла, и пригрезилось ему, будто гуляетъ онъ подъ руку съ Флоренсой въ прекрасномъ саду, будто любуются они цвѣтами и подходятъ къ огромному подсолнечнику, который вдругъ превратился въ мѣдный тазъ и загудѣлъ престраннымъ образомъ надъ самымъ ухомъ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ пасмурное зимнее утро съ мелкимъ дождемъ и въ то же время дѣйствительно услышалъ громкіе звуки таза, подававшаго страшные сигналы къ приготовленію въ классъ.

Товарищи его уже встали. У Бриггса отъ печали и ночнаго кошемара опухло и раздулось лице до такой степени, что почти не видно было глазъ. Онъ надѣвалъ сапоги и казался въ самомъ дурномъ расположеніи духа, точно такъ же какъ Тозеръ, который былъ уже совсѣмъ одѣтъ и стоялъ передъ окномъ, вздрагивая плечами. Бѣдный Павелъ, отъ непривычки, не могъ одѣться самъ собою и попросилъ товарищей помочь ему; но Бриггсъ сказалъ только: «пошелъ прочь», а Тозеръ проговорилъ «убирайся» и отвернулся къ окну. Ребенокъ кое-какъ снарядился и сошелъ въ нижній этажъ, гдѣ увидѣлъ красивую молодую женщину въ кожаныхъ перчаткахъ выгребавшую золу изъ камина. Казалось, она чрезвычайно была изумлена появленіемъ ребенка и спросила, гдѣ

его мать. Когда Павелъ сказалъ, что она умерла, молодая женщина скинула перчатки, сдѣлала, что для него нужно, отогрѣла его руки, поцѣловала его и сказала, что если еще когда-нибудь окажется въ чемъ нужда — разумѣется относительно платья, — то ему стоитъ только позвать Мелію, и она сейчасъ къ его услугамъ. Павелъ поблагодарилъ отъ всего сердца и тихонько поплелся въ классъ, гдѣ молодые джентльмены готовились къ своимъ урокамъ: но, проходя мимо одной не притворенной комнаты, онъ услышалъ голосъ:

— Ты ли это, Домби?

— Я, миссъ.

Это была Корнелія и Павелъ узналъ ее по голосу.

— Войди сюда, Домби, сказала миссъ Блимберъ. И Павелъ вошелъ: Миссъ Блимберъ была точно въ такомъ же костюмѣ, какъ и наканунѣ, за исключеніемъ шали на ея плечахъ. Очки уже красовались на ея носу, и Павелъ спрашивалъ себя, неужели она и спитъ въ нихъ. У ней была особая маленькая комната съ книжнымъ шкафомъ и безъ камина; но миссъ Блимберъ никогда не чувствовала холоду и расположенія къ сонливости.

— Ну, Домби, теперь я выхожу, сказала миссъ Блимберъ.

Павелъ удивился, куда и зачѣмъ идетъ она въ такую дурную погоду и почему вмѣсто себя не пошлетъ человѣка; но онъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія и обратилъ все свое вниманіе на маленькую кипу новыхъ книгъ, лежавшихъ на столикѣ миссъ Блимберъ.

— Это твои книги, Домби, сказала миссъ Блимберъ.

— Всѣ мои, миссъ?

— Всѣ, отвѣчала Корнелія. — Мистеръ Фидеръ скоро купитъ для тебя еще, если хорошо будешь учиться.

— Покорно благодарю, сказалъ Павелъ.

— Такъ теперь я иду, продолжала миссъ Блимберъ: — и пока я хожу, то есть, съ этого часу до завтрака, ты долженъ прочесть все, что здѣсь отмѣчено карандашемъ, и послѣ скажешь, все ли ты хорошо понялъ. Не теряй времени, Домби; тебѣ надобно торопиться. Ступай внизъ и начинай.

— Слушаю, миссъ, отвѣчалъ Павелъ.

Книгъ было такъ много, что хотя Павелъ ухватился за нихъ обѣими руками, придерживая верхнюю подбородкомъ, середняя книга выскользнула, прежде чѣмъ додвинулся онъ до двери, и тогда весь этотъ грузъ попадалъ на полъ. «Ахъ, Домби, Домби, какой ты неосторожный»! сказала миссъ Блимберъ и нагрузила его снова. На этотъ разъ Павелъ тщательно соблюдая равновѣсіе, благополучно вышелъ изъ комнаты, но на дорогѣ онъ уронилъ двѣ книги на лѣстницѣ, одну на полъ въ первомъ этажѣ и еще одну передъ

классной комнатой. Положивъ остальныя на свой столикъ, онъ долженъ былъ воротиться и подобрать растерянное сокровище. Когда наконецъ вся библіотека была собрана, онъ вскарабкался на свое мѣсто и принялся за работу, ободренный замѣчаніемъ Тозера, который сказалъ только: «попался любезный», и ужъ болѣе ничего не говорилъ ни онъ, ни его товарищи, вплоть до самаго завтрака. Когда завтракъ, продолжавшійся съ обыкновенною торжественностію, былъ оконченъ, Павелъ поплелся на верхъ за миссъ Корнеліей.

— Ну, Домби, сказала миссъ Блимберъ: — что ты сдѣлалъ съ книгами?

Книги были Англійскія, но больше Латинскія, объяснявшія употребленіе членовъ, торговлю Кароагенянъ, склоненіе существительныхъ, Крестовые походы, правила ореографіи, построеніе Рима и бѣглый взглядъ на ходъ образованія вообще, съ приложеніемъ таблицы умноженія. Когда Павелъ разобралъ урокъ подъ нумеромъ вторымъ, онъ нашелъ, что ничего не знаетъ изъ перваго нумера, и когда потомъ добрался до нумера третьяго и четвертаго, въ головѣ его образовались понятія въ родѣ слѣдующихъ: трижды четыре — Аннибалъ, пять изъ двѣнадцати — hic, haec, hoc, глаголъ согласуется съ древнимъ Британцемъ, а существительныя должны стоять въ одномъ падежѣ съ Крестовыми походами.

— Ахъ, Домби, Домби! сказала миссъ Блимберъ: — какой ты безтолковый!

— Вотъ еслибы позвать сюда старика Глыбба, сказалъ Павелъ:—я бы лучше сталъ понимать. Прикажите позвать его, миссъ.

— Какія глупости! проговорила миссъ Блимберъ. — Не смѣй никогда говорить о Глыббѣ: тутъ не мѣсто этимъ уродамъ. Впредь бери съ собой, Домби, только по одной книгѣ, и когда выучишь одинъ урокъ, приходи за другимъ. Возьми теперь верхнюю книгу и ступай въ классъ.

Миссъ Блимберъ выразилась на счетъ безтолковости Павла съ видимымъ удовольствіемъ, и казалось была рада, что будетъ имѣть съ нимъ постоянныя сообщенія. Павелъ удалился, какъ ему велѣли, съ верхней книгой, и началъ долбить урокъ. Иной разъ удавалось ему прочесть его наизустъ слово въ слово, въ другой онъ не понималъ ни одного слова; но наконецъ онъ отважился явиться съ отчетомъ къ миссъ Блимберъ, которая, закрывъ и бросивъ поданную ей книгу на столъ, проговорила: «Ну, Домби, читай, я слушаю». Павелъ такъ озабоченъ былъ этою никакъ неожиданною выходкою, что рѣшительно забылъ вытверженный урокъ и смотрѣлъ съ глубочайшимъ изумленіемъ на ученую дѣвицу, у которой всѣ печатныя книги были въ головѣ.

При всемъ томъ, ему удалось выказать себя съ весьма хорошей стороны, и миссъ Блимберъ, сдѣлавши теперъ лестный отзывъ о его способностяхъ, снабдила его другимъ урокомъ, а потомъ еще другимъ, такъ что до обѣда онъ вытвердилъ всего четыре урока: но за то чувствовалъ, послѣ этой головоломной работы, величайшее головокруженіе и ходилъ какъ сонный, точно также, какъ и другіе молодые джентльмены, за исключеніемъ разумѣется Тутса, который, получивъ письмо отъ какого-то владѣтельнаго князя, былъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Павелъ дивился, отчего стѣнные часы, безъ устали повторяя одно и то же, никогда не говорили: «господа, мы начнемъ теперь свои занятія»: эта фраза безпрестанно произносилась передъ ними. Ученье двигалось и кружилось, какъ могучее колесо, вытягивая и растягивая умственныя фибры молодыхъ джентльменовъ.

Послѣ чаю, при свѣтѣ лампъ, опять начали уроки и приготовленія къ завтрашнему дню: все зубрило и долбило до той поры, пока сладкій сонъ на нѣсколько часовъ не приводилъ въ забвеніе этого умственнаго бичеванія.

О суббота, вожделѣнная, трикраты вожделѣнная суббота день веселія, день блаженства, когда Флоренса, въ извѣстный часъ, въ извѣстную минуту, не задерживаемая никакою погодой, никакими препятствіями, хотя мистриссъ Пипчинъ грызла и терзала ее безъ всякаго милосердія, приходила въ учебное заведеніе доктора Блимбера. Эти субботы были истинными днями обѣтованнаго успокоенія для двухъ маленькихъ израильтянъ между христіанами, для брата и сестры, соединенныхъ священнымъ долгомъ любви.

Даже воскресные вечера, — тяжелые вечера, которыхъ тѣнь омрачала уже воскресныя утра, — не могли испортить этой драгоцѣнной субботы. Тогда, гдѣ бы ни бродили они, гдѣ бы ни сидѣли, на привольномъ морскомъ берегу или въ душной комнатѣ мистриссъ Пипчинъ — для Павла это все равно: съ нимъ была Флоренса, и больше ни въ комъ онъ не нуждался! Флоренса была съ нимъ, которая напѣвала ему нѣжную пѣсенку или покоила его утомленную голову на своихъ колѣняхъ, и когда наконецъ въ роковой воскресный вечеръ т[illegible]ая докторская дверь поглощала бѣднаго Павла на другую недѣлю, онъ прощался только съ Флоренсой, и ни съ кѣмъ болѣе!

Когда мистриссъ Виккемъ выписана была изъ Брайтона въ Лондонъ, мѣсто ея въ домѣ мистриссъ Пипчинъ заняла Сусанна Ниппѣръ Выжига [1]), теперь молодая и очень красивая женщина, расторопная и бойкая. Въ первый же день, по прибытіи въ Брайтонъ,

[1]) Она прежде служила въ домѣ Домби.

объявила ей войну, непримиримую войну на жизнь и смерть, и въ короткое время уже дала нѣсколько сраженій съ блистательнымъ успѣхомъ. Она не просила и не давала пощады. Она сказала: — будетъ война, и война была, и мистриссъ Пипчинъ съ этой поры жила среди нечаянныхъ нападеній, непредвидѣнныхъ засадъ, смѣлыхъ вызововъ. Сусанна тормошила и опустошала своего непріятеля всегда и вездѣ: за котлетами, за сладкими пирогами, въ залѣ, въ столовой, въ спальнѣ.

Однажды, вечеромъ въ воскресенье, послѣ окончательнаго прощанья съ Павломъ, Флоренса, воротившись домой, вынула изъ ридикюля небольшой лоскутокъ бумаги, на которой написано было нѣсколько словъ карандашомъ.

— Смотри сюда, Сусанна, сказала она. — Вотъ это заглавія тѣхъ книжекъ, что Павелъ приноситъ домой. Я списала ихъ прошлую ночь, когда онъ читалъ, бѣдняжка, не смотря на крайнюю усталость.

— Съ чего ты взяла показывать ихъ мнѣ, миссъ Флой? возразила Сусанна. — Я скорѣе соглашусь смотрѣть на мистриссъ Пипчинъ.

— Ты потрудись, пожалуйста, Сусанна, купить для меня эти книги завтра поутру. У меня довольно денегъ, сказала Флоренса.

— А зачѣмъ тебѣ ихъ, миссъ Флой? спросила Ниппѳръ и прибавила немножко потише: — если ты хочешь размозжить голову мистриссъ Пипчинъ, я, пожалуй, накуплю ихъ цѣлую телѣгу.

— Мнѣ кажется, я могу немного пособлять бѣдному Павлу, когда будутъ у меня эти книги, и облегчать его недѣльныя занятія. По крайней мѣрѣ попытаюсь. Купи, моя милая, пожалуйста купи; я никогда не забуду этой услуги.

И Флоренса сопровождала свою просьбу такимъ умоляющимъ взоромъ, что Сусанна, не дѣлая болѣе никакихъ возраженій, взяла изъ ея рукъ маленькій кошелекъ и тутъ же отправилась рысью исполнять порученіе своей барышни.

Добыть это сокровище было не такъ легко. Въ одной лавкѣ сказали, что такихъ книгъ никогда не водилось; въ другой, что въ прошломъ мѣсяцѣ было ихъ пропасть, а теперь нѣтъ ни одной; въ третьей, что на будущей недѣлѣ привезутъ ихъ цѣлую гибель. Но Сусанна была не такая дѣвка, чтобы придти въ отчаяніе отъ этихъ пустяковъ. Она завербовала въ знакомой лавкѣ молодаго бѣлокураго парня въ черномъ коленкоровомъ передникѣ и, отправившись на поиски вмѣстѣ съ нимъ, начала по всѣмъ возможнымъ направленіямъ таскать его взадъ и впередъ, такъ что услужливый малый совершенно выбился изъ силъ и готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, лишь бы только отвязаться отъ своей спутницы. Наконецъ книги

были найдены, куплены, и Сусанна съ торжествомъ возвратилась домой.

Съ этимъ сокровищемъ, по окончаніи собственныхъ уроковъ, Флоренса сидѣла по ночамъ въ своей комнатѣ и слѣдила за братомъ по колючимъ кустарникамъ книжнаго странствованія. При быстрыхъ способностяхъ и рѣдкой смѣтливости, молодая дѣвушка, одушевленная любовью, этимъ могущественнымъ наставникомъ, въ скоромъ времени догнала своего брата, сравнялась съ нимъ и перегнала его.

Ни полслова объ этомъ не было сказано мистриссъ Пипчинъ. Флоренса всегда трудилась по ночамъ за своимъ рабочимъ столикомъ, когда всѣ въ домѣ спали крѣпкимъ сномъ, кромѣ Сусанны, которая обыкновенно сидѣла подлѣ своей барышни съ папильотками въ волосахъ и заспанными глазами, между тѣмъ какъ пепелъ уныло хрустѣлъ въ каминѣ, превращаясь въ золу, и догорѣвшія свѣчи печально вторили ему передъ своимъ послѣднимъ вздыханіемъ. Быть можетъ, смотря на это труженичество, или, правильнѣе, на это высокое самоотверженіе, мистриссъ Чиккъ согласилась бы наконецъ признать тутъ нѣкоторое *усиліе* и утвердить за своей племянницей имя Домби.

И велика была награда, когда въ субботу вечеромъ, въ ту пору, какъ Павелъ, по обыкновенію, принялся за свои уроки, она сѣла подлѣ него и начала объяснять ему темныя мѣста, выравнивая такимъ образомъ и выглаживая трудный путь школьнаго образованія. Павелъ краснѣлъ, улыбался, крѣпко сжималъ сестру въ своихъ объятіяхъ, и только Богу извѣстно, какъ билось и трепетало ея сердце при этомъ высокомъ вознагражденіи.

— Охъ, Флой! говорилъ братъ. — Какъ я люблю тебя! какъ я люблю тебя, Флой!

— И я тебя, мой милый!

— Знаю, Флой, знаю!

Больше ничего онъ не говорилъ во весь этотъ вечеръ и спокойно сидѣлъ подлѣ сестры. Ночью три или четыре раза онъ приходилъ къ ней изъ своей маленькой комнаты и опять говорилъ, что любитъ ее.

Съ этой поры братъ и сестра каждую субботу, во время ночи, сидѣли вмѣстѣ за книгами, стараясь по возможности облегчить занятія для будущей недѣли. Мысль, что работаетъ онъ тамъ, гдѣ Флоренса трудилась еще прежде него и для него, не щадя своихъ силъ, эта утѣшительная, отрадная мысль уже сама собою въ высшей степени подстрекала его дѣятельность и оживляла утомленную душу; но кромѣ того, Павелъ получалъ отъ сестры помощь и облегченіе, и, быть можетъ, это обстоятельство окончательно спасло его

отъ неминуемой гибели подъ тяжестію груза, который взваливала на его спину прекрасная Корнелія Блимберъ.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы миссъ Блимберъ была къ нему слишкомъ строга, или чтобы докторъ Блимберъ вообще безжалостно обходился съ молодыми джентльменами. Корнелія слѣдовала только правиламъ вѣры, въ которой была воспитана, а докторъ, по какой-то странной сбивчивости въ своихъ идеяхъ, смотрѣлъ на молодыхъ джентльменовъ такъ, какъ будто они были докторами и всѣ родились взрослыми. Ближайшіе родственники многихъ джентльменовъ, ослѣпленные тщеславіемъ и дурно разсчитанною торопливостію, до небесъ превозносили доктора Блимбера, и было бы странно, еслибы теперь открылъ онъ свою ошибку и направилъ распущенные паруса въ другую сторону.

Съ Павломъ, какъ и съ прочими воспитанниками, повторилась одна и та же исторія. Когда докторъ Блимберъ сказалъ, что онъ очень умный мальчикъ и быстро идетъ впередъ, мистеръ Домби болѣе чѣмъ когда-либо принялся хлопотать, чтобы сынъ его былъ напичканъ по горло всякой всячиной. Когда напротивъ о Бриггсѣ было возвѣщено, что у него не слишкомъ бойкія способности и успѣхи покамѣстъ еще слабы, отецъ этого джентльмена оказался неумолимымъ. Словомъ, какъ ни высока и душна была температура въ докторской теплицѣ, владѣльцы этихъ растеній всегда изъявляли готовность подкладывать горячихъ угольевъ и раздувать мѣхи.

Скоро потерялъ Павелъ всю живость, какую имѣлъ сначала, но характеръ его по прежнему остался страннымъ, задумчивымъ, старииковскимъ и даже еще болѣе утвердился въ этихъ свойствахъ при обстоятельствахъ, столько благопріятныхъ для ихъ развитія. Разница была лишь та, что онъ сосредоточился теперь исключительно въ себѣ самомъ и уже не имѣлъ того живаго любопытства, какое нѣкогда обнаруживалъ въ домѣ мистриссъ Пипчинъ, наблюдая чернаго кота и его владѣлицу. Онъ любилъ оставаться наединѣ, и въ рѣдкіе часы, свободные отъ занятій, бродилъ безъ товарищей около докторскаго дома или сидѣлъ на лѣстницѣ, прислушиваясь къ громкому бою огромныхъ часовъ. Онъ изучилъ въ домѣ всѣ стѣнныя обои и видѣлъ на рисункахъ такія вещи, которыхъ никто не видалъ; миніатюрные львы и тигры, бѣгающіе по стѣнамъ спальни и косыя рожи на коврахъ стояли съ нимъ на самой короткой ногѣ.

И жилъ онъ одинъ среди чудныхъ видѣній своей фантазіи, и никто не понималъ его. Мистриссъ Блимберъ называла его «страннымъ», а лакеи иной разъ говорили между собою, что маленькій Домби «скучаетъ». Больше никто ничего не говорилъ о немъ. Только молодой Тутсъ имѣлъ нѣкоторую идею о загадочномъ предметѣ, но никакъ не могъ объяснить ее ни себѣ, ни другимъ. Идеи,

подобно привидѣніямъ, должны принять какой-нибудь образъ, чтобы сдѣлаться доступными, а Тутсъ не могъ сообщить своимъ мыслямъ никакого образа и давно пересталъ допытываться тайнъ отъ своей души. Изъ мозгу его, какъ изъ свинцоваго ящика, выходилъ какой-то туманъ, безъ формы и внѣшняго вида, не оставляя послѣ себя ни малѣйшихъ слѣдовъ. Долго и часто слѣдилъ онъ глазами маленькую фигуру на морскомъ берегу, и какая-то таинственная, неотразимая симпатія привлекала его къ сыну мистера Домби.

— Какъ твое здоровье? спрашивалъ онъ Павла по пятидесяти разъ на день.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Павелъ:—покорно благодарю.

— Давай же руку, говорилъ потомъ Тутсъ.

И Павелъ протягивалъ руку. Помолчавъ минутъ десять, мистеръ Тутсъ, не спускавшій глазъ съ маленькаго товарища, опять спрашивалъ его—«какъ твое здоровье»? и опять отвѣчалъ Павелъ: «очень хорошо, покорно благодарю».

Однажды мистеръ Тутсъ сидѣлъ за своей конторкой, занятый по обыкновенію важной корреспонденціей, какъ вдругъ великая мысль озарила его голову. Онъ бросилъ перо и пошелъ къ Павлу, котораго наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ сидѣвшимъ на окнѣ въ своей спальнѣ. Павелъ смотрѣлъ на морской берегъ.

— Послушай, Домби! вскричалъ Тутсъ, торопясь высказать свою мысль, чтобы не забыть.—О чемъ ты думаешь?

— О, я думаю о многихъ вещахъ! отвѣчалъ Павелъ.

— Неужто! вскричалъ Тутсъ, находя, что такой фактъ уже самъ по себѣ былъ чрезвычайно удивителенъ.

— Еслибы тебѣ пришлось умереть, началъ Павелъ, смотря ему въ лице....

Тутсъ оробѣлъ.

— Не лучше ли бы ты согласился умереть въ лунную ночь при ясномъ и чистомъ небѣ, когда подуваетъ вѣтерокъ, какъ въ прошлую ночь?

Мистеръ Тутсъ, съ выраженіемъ сомнѣнія, взглянулъ на Павла, взялъ его за руку и сказалъ, что онъ ничего не знаетъ.

— О, это была прекрасная ночь! продолжалъ Павелъ.—Я долго смотрѣлъ и прислушивался къ морскимъ волнамъ. На поверхности ихъ, при полномъ свѣтѣ луны, качалась лодка, лодка съ парусомъ.

Ребенокъ смотрѣлъ такъ пристально и говорилъ такъ серьезно, что мистеръ Тутсъ увидѣлъ настоятельную необходимость сдѣлать съ своей стороны какое-нибудь замѣчаніе объ этой лодкѣ.

— Это контрабандисты? сказалъ мистеръ Тутсъ.

Но припомнивъ, что каждый вопросъ имѣетъ двѣ стороны съ одинаковой степенью вѣроятности, онъ прибавилъ:

— Или таможенные?

— Лодка съ парусомъ, продолжалъ Павелъ:—при полномъ свѣтѣ луны. Парусъ,—весь серебряный. Она плыла далеко отъ берегу, и какъ ты думаешь, что она дѣлала, когда качали ее волны?

— Ныряла? сказалъ мистеръ Тутсъ.

— Мнѣ казалось, что она манила меня къ себѣ, говорилъ Павелъ:—къ себѣ манила меня!—Вонъ она!—Вотъ она!

— Кто? вскричалъ Тутсъ, приведенный въ ужасный испугъ при этомъ внезапномъ восклицаніи.

— Сестра моя Флоренса! сказалъ Павелъ.—Вонъ она смотритъ и махаетъ рукой. Она видитъ меня, она видитъ меня!

— Здравствуй, милая, здравствуй, здравствуй!

Павелъ стоялъ на окнѣ, хлопалъ въ ладоши и посылалъ сестрѣ воздушные поцѣлуи; но когда Флоренса, проходя мимо, скрылась изъ виду, лице его, оживленное яркимъ румянцемъ, опять приняло меланхолическое выраженіе и прониклось тревожнымъ ожиданіемъ. Всѣ эти переходы изъ одного состоянія въ другое были слишкомъ замѣчательны, чтобы ускользнуть отъ вниманія даже такого наблюдателя, какъ мистеръ Тутсъ. Свиданье на этотъ разъ было прервано визитомъ мистриссъ Пипчинъ, которая обыкновенно приходила по сумеркамъ въ докторскій домъ два или три раза въ недѣлю, чтобы навѣстить своего бывшаго воспитанника. Ея прибытіе въ эту минуту произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на мистера Тутса, такъ что онъ, по какому-то безотчетному побужденію, послѣ первыхъ привѣтствій, еще два раза подошелъ къ мистриссъ Пипчинъ, чтобы освѣдомиться, все ли она въ добромъ здоровьѣ. Эту выходку мистриссъ Пипчинъ приняла за личное оскорбленіе и немедленно сообразила, что мысль о такой обидѣ родилась и созрѣла въ дьявольскомъ мозгу слѣпаго болвана, на котораго, какъ и слѣдуетъ, въ тотъ же вечеръ принесена формальная жалоба доктору Блимберу, и тотъ долженъ былъ сказать своему слугѣ, что если еще разъ каналья повторитъ подобную продѣлку, то его уже безъ всякихъ объясненій прогонятъ со двора.

Когда дни дѣлались длиннѣе, Павелъ уже каждый вечеръ становился у окна и выжидалъ Флоренсу. Она въ извѣстное время нѣсколько разъ проходила мимо докторскаго дома, пока не увидитъ брата, и ея появленіе было живительнымъ солнечнымъ лучемъ, озарявшимъ ежедневную жизнь бѣднаго Павла. Часто, послѣ сумерекъ, другая фигура блуждала мимо докторскаго дома,—фигура мистера Домби, который теперь уже рѣдко пріѣзжалъ по субботамъ. Онъ хотѣлъ лучше быть неузнаннымъ и украдкой смотрѣлъ на высокія окна, гдѣ его сынъ готовился быть человѣкомъ. И онъ ждалъ, и надѣялся, и караулилъ и мечталъ.

О, еслибы видѣлъ онъ, — другими глазами видѣлъ, какъ бѣдный, унылый мальчикъ, прилегшій грудью на окно, прислушивается къ гулу морскихъ волнъ и устремляетъ задумчивые взоры на безпредѣльное небо, туда, гдѣ носятся темныя облака, гдѣ беззаботно порхаютъ птицы, между тѣмъ какъ онъ, несчастный узникъ, заключенъ безвыходно въ своей одинокой клѣткѣ [1])!

Темы.—Характеристика Англійскаго воспитанія.—Какъ шло обученіе?—Какъ совершалось воспитаніе?—Плоды того и другаго.—Вліяніе женщины на воспитаніе: миссъ Блимберъ и Флоренсы.—Желанія родителей.

Отецъ и Дочь.

Въ домѣ мистера Домби глубокая тишина. Слуги на цыпочкахъ ходятъ взадъ и впередъ безъ малѣйшаго шуму. Бесѣда ихъ производится почти шопотомъ, и они уже нѣсколько часовъ засѣдаютъ за трапезой, изобильно насыщаясь яствами и питьемъ. Мистриссъ Виккемъ, устремивъ заплаканныя очи къ небесамъ, разсказывала съ глубокими воздыханіями печальные анекдоты. Она повѣствуетъ, какъ, еще проживая у мистриссъ Пипчинъ, она всегда предсказывала сію бѣду неминучую [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ поминутно вкушаетъ столовое пиво. Вообще мистриссъ Виккемъ грустить и тоскуетъ, но пріятно занимаетъ компанію. Кухарка обрѣтается въ такомъ же расположеніи духа. Она собирается поджарить что-то къ ужину на сковородѣ, и находится подъ сильнымъ вліяніемъ горестныхъ чувствъ и горькихъ луковицъ. Всѣмъ намъ думается, что ужъ это случилось давно, давно, хотя еще ребенокъ лежитъ, спокойный и прекрасный, на своей маленькой постели.

Послѣ сумерекъ приходятъ посѣтители, бывшіе тутъ прежде. Тихо и торжественно выступаютъ они на своихъ башмакахъ, окутанныхъ фланелью. За ними несутъ одръ вѣчнаго покоя, странный одръ для младенца, убаюканнаго сномъ безпробуднымъ. Во все это время никто не видитъ осиротѣлаго отца, даже его камердинеръ. Онъ сидитъ въ отдаленномъ углу, если кто входитъ въ его темную комнату, и ходитъ мѣрными шагами взадъ и впередъ, какъ скоро остается одинъ. Но поутру поговариваютъ, будто слышали, какъ онъ въ глубокую полночь поднялся на верхъ и оставался тамъ — въ комнатѣ сына — вплоть до солнечнаго восхода.

---

[1]) Павелъ за болѣзнію былъ взятъ отъ доктора Блимбера и потомъ вскорѣ умеръ.

[2]) Т. е. смерть Павла.

Въ конторскихъ заведеніяхъ въ Сити шлифованныя стекла оконъ плотно затворены ставнями, и между тѣмъ какъ дневной свѣтъ, пробивавшійся сквозь щели, на половину затмѣваетъ лампы, зажженныя на конторкахъ, самый день вполовину затмѣвается этими же лампами, и всеобщій мракъ преобладаетъ. Обычная дѣятельность пріостановилась.

Вотъ цѣлая коллекція розовыхъ дѣтей выглядываетъ изъ оконъ напротивъ дома мистера Домби. Они любуются на черныхъ коней съ перьями на головахъ, которые стоятъ у воротъ Домби. Тронулись кони и повезли черную карету, а за каретой двинулся длинный рядъ джентльменовъ съ шарфами и высокими жезлами. За ними огромная толпа народу. Паяцъ, только что собиравшійся вертѣть мѣдную тарелку на мизинцѣ, поспѣшно накидываетъ свой плащъ на широкія плеча, а его странствующая жена, съ ребенкомъ на рукахъ, забываетъ свое дѣло и пристально смотритъ на процессію. Плотно прижимаетъ она къ трепещущей груди своего младенца, и ужасъ объемлетъ ея душу при мысли, что и легкое бремя становится тяжелымъ грузомъ въ первые часы вѣчнаго покоя. Нянька не унимаетъ больше рѣзваго дитяти, глазѣющаго изъ высокаго окна противоположнаго дома: оно усмирилось само собою и, указывая на процессію, спрашиваетъ съ тревожнымъ любопытствомъ: «что это такое»?

И вотъ, изъ-за гурьбы слугъ и рыдающихъ женщинъ въ траурныхъ платьяхъ, выступаетъ наконецъ самъ мистеръ Домби по направленію къ другой каретѣ, которая его ожидаетъ. Печаль и тоска не сокрушили его сердца, думаютъ наблюдатели. Походка его тверда; осанка величественна, какъ и прежде. Онъ не закрываетъ лица платкомъ и гордо смотритъ впередъ. Немного поблѣднѣлъ онъ, но суровое лице его сохраняетъ неизмѣнно одинаковое выраженіе. Онъ садится въ карету, и за нимъ слѣдуютъ три другіе джентльмена. Тихо потянулась вдоль улицы похоронная процессія. Еще перья и высокіе жезлы виднѣются вдали, а паяцъ уже вертитъ свою мѣдную тарелку на лѣвомъ мизинцѣ, и та же толпа удивляется его искусству; но его жена уже не съ такимъ проворствомъ кладетъ деньги въ желѣзную кружку. Какъ знать? Быть можетъ ея ребенокъ, который теперь спокойно сидитъ подъ грязной шалью, не доростетъ до зрѣлыхъ лѣтъ, не станетъ кувыркаться въ грязи и не будетъ носить ни синей шапки, ни пестраго жилета.

Наконецъ медленный поѣздъ двигается въ церковную ограду при тоскливомъ гудѣньи колоколовъ. Здѣсь, въ этой самой церкви, бѣдный мальчикъ получилъ все, что собирается оставить на землѣ,— имя. Здѣсь же, подлѣ истлѣвшихъ останковъ матери, положатъ все, что умерло въ немъ. И благо имъ! Прахъ ихъ лежитъ тамъ, гдѣ

Флоренса въ своихъ одинокихъ — о да, одинокихъ! — прогулкахъ, будетъ навѣщать ихъ могилы.

Панихида кончилась и пасторъ удалился. Мистеръ Домби озирается вокругъ и спрашиваетъ тихимъ голосомъ:

— Здѣсь ли человѣкъ, которому приказано дожидаться распоряжений относительно памятника?

Кто-то выступаетъ впередъ и отвѣчаетъ: — «здѣсь».

Мистеръ Домби объясняетъ, гдѣ стоять памятнику, и показываетъ, водя рукою по стѣнѣ, фигуру и величину монумента. Потомъ, взявъ карандашъ, пишетъ надпись и, отдавая ее, говоритъ:

— Желаю, чтобы это исполнено было немедленно.

— Слушаю, сэръ, поспѣетъ скоро.

— Надѣюсь. Тутъ, какъ видите, обозначены только имя и лѣта.

Человѣкъ кланяется, смотритъ на бумагу, и какое-то недоразумѣніе возникаетъ въ его головѣ. Но мистеръ Домби, не замѣчая его колебанія, отворачивается и поспѣшно идетъ къ паперти.

— Прошу извинить, милостивый государь, сказалъ тотъ же человѣкъ, слегка дотрогиваясь сзади до его шинели: — но такъ какъ вы желаете, чтобы это было сдѣлано немедленно, а я могу тотчасъ же приняться за работу....

— Ну?

— То неугодно ли вамъ прочитать, что вы изволили написать? Здѣсь кажется ошибка.

— Гдѣ?

Ваятель подаетъ ему бумагу и указываетъ циркулемъ на слова: «любимое и единственное дитя».

— Кажется, сэръ, тутъ должно бы стоять: «сынъ»?

— Вы правы. Такъ точно. Поправьте.

Отецъ ускоряетъ шаги и садится въ карету. Когда три его спутника заняли свои мѣста, его лице прикрылось воротникомъ шинели, и никто уже не видалъ его въ этотъ день. Онъ первый выходитъ изъ кареты и поспѣшно удаляется въ свою комнату. Прочіе его товарищи — мистеръ Чиккъ и два врача — идутъ на верхъ въ гостиную, гдѣ принимаютъ ихъ миссъ Токсъ и мистриссъ Чиккъ. Но что теперь дѣлается во второмъ этажѣ, въ запертой комнатѣ, какія мысли волнуются въ головѣ сироты-отца, какія чувства или страданія сокрушаютъ его сердце, — никто не знаетъ.

Внизу подъ лѣстницей, въ огромной кухнѣ, поговариваютъ, что «теперь какъ будто воскресенье», и однакожъ странно [1]): но улицамъ народъ кишитъ въ будничномъ платьѣ и будничная дѣятель-

[1]) Странно для Англичанина, у котораго, какъ извѣстно, воскресенье проходитъ въ тихомъ уединеніи.

ность во всемъ разгарѣ. Не грѣшно ли это? не преступно ли? Сторы на окнахъ вздернуты, ставни открыты, и кухонная компанія съ печальнымъ комфортомъ засѣдаетъ за бутылками, которыя откупориваются съ нѣкоторымъ эффектомъ, какъ на пиру. Всѣ пребываютъ въ благочестивомъ расположеніи духа и чувствуютъ наклонность къ святому назиданію.

Уже давно въ обители мистера Домби не наслаждались такимъ глубокимъ сномъ. Утреннее солнце возстановляетъ обычную дѣятельность, и все еще разъ приходитъ въ прежній порядокъ. Розовыя дѣти изъ противоположнаго дома выбѣгаютъ на улицу и катаютъ обручи. Въ церкви великолѣпная свадьба. Паяцова жена, на другомъ концѣ города, весело приплясываетъ и собираетъ деньги съ большою дѣятельностію. Каменьщикъ насвистываетъ веселую пѣсню, выдолбливая на мраморной доскѣ: П-а-в-е-л-ъ.

И неужели въ этомъ мірѣ, столько дѣятельномъ, столько суетливомъ, потеря слабаго созданія можетъ въ чьемъ-нибудь сердцѣ произвести пустоту, столько широкую и глубокую, что только широта и глубина безпредѣльной вѣчности можетъ ее наполнить! Флоренса, въ своей душевной скорби, могла бы отвѣчать: Братецъ, о милый, нѣжно любимый и любящій братецъ! единственный другъ и товарищъ моего отверженнаго дѣтства! какая мысль, какъ не мысль о вѣчности прольетъ теперь на мою горестную жизнь тотъ благотворный свѣтъ, который уже мерцаетъ на твоей ранней могилѣ?...

— Милое дитя, сказала мистриссъ Чиккъ, считавшая своей непремѣнной обязанностію давать наставленія, соотвѣтствующія случаю: — когда ты доживешь до моихъ лѣтъ....

— То есть, когда наступитъ полный разцвѣтъ вашей жизни, замѣтила миссъ Токсъ.

— Тогда ты узнаешь, продолжала мистриссъ Чиккъ, ласково пожимая руку пріятельницы въ благодарность за дружеское поясненіе: — узнаешь, моя милая, что всякая печаль безполезна, и что мы обязаны покоряться волѣ Божіей. Погоревала, поплакала, — да и довольно. Пора перестать.

— Постараюсь, тетенька, отвѣчала Флоренса рыдая: — постараюсь.

— Очень рада отъ тебя слышать это, сказала мистриссъ Чиккъ. — Милая наша миссъ Токсъ.... а никто конечно не станетъ сомнѣваться въ ея умѣ, здравомысліи, проницательности....

— Ахъ, милая Луиза, вы скоро сдѣлаете меня гордою, сказала миссъ Токсъ.

— Несравненная наша миссъ Токсъ объяснитъ тебѣ и подтвердитъ собственнымъ опытомъ, что мы призваны въ сей міръ дѣлать

усилія. Въ этомъ наше назначеніе и природа всегда требуетъ отъ насъ усилій. Еслибы какой-нибудь ми... ахъ, милая Лукреція, я забыла это слово. Ми-ми....

— Мистицизмъ? подсказала миссъ Токсъ.

— Фа! какъ это можно! что за мистицизмъ! Вотъ такъ на языкѣ и вертится, а не вспомню. Ми....

— Миротворецъ?

— Ахъ, Лукреція, что это у васъ за мысли? Къ чему намъ миротворецъ? Мы кажется ни съ кѣмъ не ссорились. Ми-ми-мизантропъ,—насилу вспомнила! Еслибы какой-нибудь мизантропъ предложилъ въ моемъ присутствіи вопросъ: «для чего мы родимся»? я бы не задумавшись отвѣчала: — «для того, чтобы дѣлать усилія».

— Правда! сказала миссъ Токсъ, пораженная оригинальностію мысли: — совершенная правда!

— Къ несчастію, продолжала мистриссъ Чиккъ: — примѣръ у насъ передъ глазами. Мы имѣемъ причины думать, дитя мое, что всѣ эти ужасныя несчастія не обрушились бы на нашу фамилію, еслибы во время было сдѣлано потребное усиліе. Никто въ свѣтѣ не разувѣритъ меня, продолжала *добрая тетушка* съ рѣшительнымъ видомъ: — еслибы бѣдная Фанни[1]) сдѣлала усиліе, котораго отъ нея требовали, нашъ малютка получилъ бы отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе.

На минуту мистриссъ Чиккъ углубилась въ созерцаніе прошедшаго, настоящаго и будущаго, возвела очи свои къ небу, испустила глубокій вздохъ и продолжала:

— Поэтому, Флоренса, тебѣ слѣдуетъ теперь вооружиться всею твердостію духа. Докажи намъ, милая, что ты способна къ нѣкоторому усилію. Эгоистическая печаль съ твоей стороны могла бы еще больше разстроить твоего бѣднаго папашу.

— Милая тетѣнька, воскликнула Флоренса, съ живостію становясь передъ нею на колѣни, чтобы смотрѣть ей прямо въ лице:— говорите мнѣ о папенькѣ, сдѣлайте милость говорите, больше и больше, не въ отчаяніи ли онъ?

Это восклицаніе чрезвычайно растрогало миссъ Токсъ. Быть можетъ показалось ей, что сердце отверженнаго дитяти проникалось трогательнымъ участіемъ къ страдающему отцу, или она увидала пламенное желаніе обвиться около сердца, переполненнаго нѣжностію къ ея умершему брату, или просто поразилъ ее отчаянный вопль заброшеннаго сиротливаго дѣтища, для котораго теперь весь міръ превращался въ мрачную и безплодную пустыню, какъ бы то ни было, только миссъ Токсъ, при взглядѣ на дѣвушку, стоящую на

[1]) Мать Павла и Флоренсы.

колѣняхъ, пришла въ трогательное умиленіе. Забывая величіе мистриссъ Чиккъ, она погладила Флоренсу по головкѣ и, отворотившись назадъ, испустила обильный токъ горчайшихъ слезъ, не дожидаясь на этотъ разъ предварительныхъ наставленій отъ своей премудрой руководительницы.

Что всего удивительнѣе, даже мистриссъ Чиккъ, дама съ твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, потеряла при этомъ присутствіе духа и пребыла безмолвною, взирая на прекрасное юное лице, исполненное невыразимой нѣжности и состраданія. Вскорѣ однакожъ мистриссъ Чиккъ совершенно оправилась и, возвышая голосъ — а извѣстно, что возвысить голосъ и возвратить присутствіе духа одно и то же — она продолжала свою рѣчь съ важнымъ достоинствомъ:

— Флоренса, милое дитя мое, твой бѣдный папаша по временамъ бываетъ очень страненъ, и спрашивать меня о немъ почти все равно, что спрашивать о такомъ предметѣ, котораго я, право, не понимаю. Кажется никто больше меня не имѣетъ надъ нимъ власти, и при всемъ томъ въ послѣднее время онъ очень мало говорилъ со мною. Я видѣла его раза два или три, да и то мелькомъ, все равно что вовсе не видала, потому что его кабинетъ постоянно закрытъ. Я сказала твоему папа: — «Павелъ»! — я именно такъ выразилась—Павелъ! почему бы тебѣ, мой другъ, не принять чего-нибудь возбудительнаго? А твой папа отвѣчалъ: «Луиза! пожалуйста оставь меня. Мнѣ ничего не нужно. Мнѣ очень хорошо и одному». Еслибы завтра, Лукреція, допросили меня передъ судомъ, продолжала мистриссъ Чиккъ: — я бы поклялась, ей Богу поклялась бы, что онъ именно произнесъ эти слова.

Миссъ Токсъ выразила свое удивленіе слѣдующимъ изреченіемъ:

— Вы, милая Луиза, всегда поступаете методически.

— Короче сказать, моя милая, между мной и твоимъ папашей до нынѣшняго дня ничего не произошло, такъ-таки рѣшительно ничего. Когда я напомнила ему, что сэръ Барнетъ и лэди Скеттльзъ прислали къ намъ очень пріятное письмо — ахъ, Боже мой! какъ лэди Скеттльзъ любила нашего ангельчика! — куда дѣвался мой платокъ?

Миссъ Токсъ вынула изъ ридикюля и подала карманный платокъ.

— Чрезвычайно пріятное письмо. Они принимаютъ въ насъ самое искреннее участіе и просятъ тебя, Флоренса, къ себѣ. Для тебя нужно теперь развлеченіе, моя милая. Когда я сказала твоему папашѣ, что я и миссъ Токсъ собираемся домой, онъ только махнулъ рукой; а потомъ, на мой вопросъ: — не будетъ ли съ его

стороны препятствій къ твоему выѣзду? онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, Луиза, дѣлай, что хочешь».

Флоренса подняла на нее заплаканные глаза.

— Впрочемъ ты можешь, если угодно, и не ѣхать къ Скеттльзамъ. Оставайся, пожалуй, дома или поѣзжай со мною.

— Я хотѣла бы, тетенька, остаться дома.

— Какъ тебѣ угодно. Я впрочемъ заранѣе знала, что ты сдѣлаешь странный выборъ. Ты всегда была очень странна, даже дика, смѣю сказать. Всякая другая на твоемъ мѣстѣ послѣ того, что случилось — милая Луиза, я опять затеряла платокъ — поставила бы за особенную честь воспользоваться такимъ пріятнымъ приглашеніемъ.

— Я бы не хотѣла думать, отвѣчала Флоренса: — что мнѣ надобно чуждаться нашего дому. Не хотѣла бы, милая тетенька, воображать, что его.... его верхнія комнаты должны теперь оставаться пустыми и печальными. Позвольте мнѣ никуда не выѣзжать. О, братецъ, милый братецъ!

Это было естественное, непобѣдимое волненіе, и оно пробивалось даже между пальцами, которыми бѣдная сиротка закрывала свое лице. Надорванная и переполненная грудь необходимо должна имѣть подобный выходъ, или бѣдное, истерзанное сердце, заключенное въ ней, будетъ трепетать, какъ птичка съ переломленными крыльями, и сокрушится подъ бременемъ невыносимой тучи.

— Что жъ такое, дитя мое? сказала мистриссъ Чиккъ послѣ короткой паузы. Я ни въ какомъ случаѣ не намѣрена тебѣ дѣлать непріятностей: ты сама это знаешь. Хочешь остаться дома, — и оставайся съ Богомъ. Можешь дѣлать, что тебѣ угодно. Никто не принуждаетъ тебя, Флоренса, да никто и не захочетъ принуждать: кому какое дѣло?

Флоренса печально кивнула головой.

— Я принялась было совѣтовать твоему бѣдному папашѣ, продолжала мистриссъ Чиккъ: — развлечь себя прогулкой и перемѣною мѣстности, а онъ отвѣчалъ, что въ непродолжительномъ времени намѣренъ сдѣлать загородное путешествіе. Надѣюсь, онъ скоро отправится, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Быть можетъ вечеръ или два онъ займется еще бумагами и другими дѣлами, соединенными — ахъ, Боже мой! куда это все дѣвается мой платокъ? Лукреція, подайте пожалуйста свой. — Отецъ твой, дитя мое, Домби, краса и честь фамиліи. За него бояться нечего. Онъ сдѣлаетъ усиліе, заключила мистриссъ Чиккъ, осушая съ большимъ стараніемъ заплаканные глаза противоположными углами платка своей пріятельницы.

— А мнѣ, тетенька, робко спросила Флоренса: — ничего нельзя для него....

— Какая ты странная, душа моя! поспѣшно перебила мистриссъ Чиккъ.—Что это ты забрала себѣ въ голову? Если твой папа мнѣ— слышишь ли? — мнѣ сказалъ: «Луиза, оставь меня одного; мнѣ ничего не нужно»! — что послѣ этого, думаешь ты, сказалъ бы онъ тебѣ? Ты не должна ему показываться и на глаза, дитя мое. И не мечтай объ этомъ.

— Тетенька, сказала Флоренса:—позвольте проститься съ вами: я пойду спать.

Мистриссъ Чиккъ одобрила это намѣреніе и поцѣловала племянницу. Но миссъ Токсъ, подъ маловажнымъ предлогомъ поискать на верху затерянный платокъ, отправилась вслѣдъ за Флоренсой и старалась ее утѣшить, къ великому неудовольствію Сусанны Нипперъ, для которой миссъ Токсъ была хуже всякаго крокодила. Впрочемъ, на этотъ разъ ея участіе, кажется, было искреннее: какихъ выгодъ могла она ожидать отъ состраданія къ отверженному ребенку?

И неужели, кромѣ Сусанны Нипперъ, некому было облегчить тоску растерзаннаго сердца! и кромѣ Выжиги никто не простиралъ къ ней объятій? никто не обращалъ къ ней своего лица? никто не говорилъ ей утѣшительнаго слова? никто, никто, никто! Флоренса была одна въ пустынномъ мірѣ, и ни одно сердце не раздѣляло ея страданій. Безъ брата и безъ матери, круглая сирота была теперь, въ полномъ смыслѣ, брошена на произволъ судьбы, и только одна Сусанна сочувствовала ея горю. О, какъ она нуждалась въ этомъ сочувствіи!

Когда гости разъѣхались по домамъ и въ мрачномъ жилищѣ мистера Домби возстановился привычный порядокъ — слуги принялись за свои дѣла, а мистеръ Домби безвыходно заперся въ кабинетѣ — Флоренса въ первые дни плакала отъ утра до ночи, бродила вверху и внизу, а иногда, въ припадкѣ отчаянной тоски, убѣгала въ свою комнату, ломала руки, бросалась на постель и не знала никакого утѣшенія. Каждый предметъ пробуждалъ въ ней горестныя воспоминанія, и несчастная терпѣла невыносимую пытку въ этой юдоли плача и скорби.

Но чистая любовь не можетъ горѣть разрушительнымъ пожаромъ въ невинномъ сердцѣ. Только такое пламя, которое въ своемъ глубочайшемъ составѣ отзывается смраднымъ запахомъ земли, пожираетъ болѣзненную грудь, между тѣмъ какъ священный огонь неба, огонь безкорыстной любви и самоотверженія, не производитъ разрушительнаго дѣйствія па человѣческое сердце. Вскорѣ душевный миръ и безмятежное спокойствіе озарили кроткое лице этого

ангела, и Флоренса, хотя все еще плакала, но самая грусть уже сдѣлалась для нея источникомъ наслажденія.

Прошло немного времени, — и взоръ ея, свѣтлый и спокойный, обращался опять къ золотымъ волнамъ, струившимся па стѣнѣ на прежнемъ мѣстѣ и въ прежніе часы яснаго вечера. Прошло немного времени, — и опять сидѣла она одна въ роковой комнатѣ, кроткая и страждущая, какъ будто блѣдный страдалецъ все еще томился на своей маленькой постели. И какъ скоро лютая скорбь врывалась въ ея сердце, она становилась на колѣни, и уста ея пламенѣли молитвой, и духъ ея возносился высоко надъ треволненіями вседневной жизни.

Прошло немного времени, — и нѣжный голосокъ ея снова раздавался по сумерькамъ въ этомъ мрачномъ, уныломъ и пустомъ жилищѣ, и снова напѣвала она арію, къ которой такъ часто прислушивался ея братъ. И когда потухали послѣдніе лучи солнца, въ ей комнатѣ дрожали и перекликивались музыкальные звуки, и казалось, будто братъ опять упрашиваетъ ее пѣть, какъ въ тотъ первый и послѣдній праздникъ своей жизни, въ ту роковую ночь, когда изсякъ источникъ его жизни. И часто, очень часто эти печальныя воспоминанія трепетали на клавишахъ инструмента, и дрожащій голосъ ея замиралъ наконецъ въ потокѣ горькихъ, горькихъ слезъ!

Прошло немного времени, — и у ней достало духу съ нѣкоторою любовію приняться за работу, по которой нѣкогда скользили ея пальцы на морскомъ берегу подлѣ маленькой колясочки, откуда единственный другъ ея души безмолвно и по цѣлымъ часамъ любовался на безбрежное море. И долго сидѣла она у окна въ заброшенной, пустынной комнатѣ, подлѣ портрета своей матери, и далеко, далеко уносились ея мысли!

Но зачѣмъ темные глаза ея такъ часто обращались отъ работы къ той сторонѣ, гдѣ жили розовыя дѣти? Маленькая группа не могла имѣть прямаго отношенія къ предмету ея размышленій: все это были дѣвочки, — четыре маленькія сестрицы. Но и у нихъ, какъ у нея, не было матери; и у нихъ, какъ у нея, былъ отецъ.

Не мудрено было узнать, когда отецъ уходилъ и когда снова ожидали его домой. Передъ этимъ временемъ старшая дѣвочка, совсѣмъ одѣтая, ходила взадъ и впередъ по гостиной или выбѣгала на балконъ, и какъ скоро отецъ появлялся въ туманной дали, тревожное лице ея озарялось радостнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ другія дѣвочки, стоявшія для той же цѣли на высокихъ окнахъ, хлопали руками, барабанили по стекламъ и громко кричали ему на встрѣчу. Потомъ старшая сестра выбѣгала въ

корридоръ, и Флоренса видѣла, какъ она тащила отца за руку и какъ отецъ сажалъ ее на колѣни, цѣловалъ, гладилъ по головкѣ, между тѣмъ какъ дочь крѣпко обвивалась руками вокругъ его шеи. Всегда были онѣ веселы, но случалось, отецъ устремлялъ на нее задумчивый взоръ, какъ будто видѣлъ на нѣжномъ лицѣ дочери отраженіе ея покойной матери. Иногда Флоренса не выдерживала этой сцены и, заливаясь горькими слезами, отходила отъ окна, какъ будто боялась разстроить своимъ присутствіемъ чужую радость; но едва проходилъ этотъ первый взрывъ невольной грусти, она опять приближалась къ окну, и работа ея сама собою вываливалась изъ рукъ.

Это былъ домъ, стоявшій за нѣсколько лѣтъ пустымъ и нанятый новыми жильцами, которые тутъ поселились, когда Флоренса проживала въ Брайтонѣ. Его отдѣлали, выкрасили, обставили цвѣтами, птичьими клѣтками, и зданіе помолодѣло, похорошѣло, оживилось. Но Флоренса не обращала вниманія на домъ: дѣти и отецъ были для нея все во всемъ.

Когда отецъ оканчивалъ обѣдъ, дѣти разбѣгались со своей гувернанткой по обширной залѣ, и веселые голоса ихъ, сопровождаемые беззаботнымъ смѣхомъ, проносились черезъ улицы въ печальную атмосферу пустынной комнаты, гдѣ сидѣла за своей работой безпріютная сирота. Потомъ онѣ взбирались съ отцомъ на верхъ, возились около него на софѣ, карабкались на его колѣни, и онъ, окруженный цвѣтущими личиками, какъ прекраснымъ букетомъ, разсказывалъ имъ забавныя исторіи. Иной разъ вся эта группа выбѣгала на балконъ, и тогда Флоренса поспѣшно скрывалась въ углубленіе комнаты, чтобы не испугать малютокъ своимъ траурнымъ платьемъ.

Старшая дочь, оставаясь съ отцомъ, когда другія убѣгали, разливала для него чай — счастливая маленькая хозяйка! — разговаривала съ нимъ у окна или за столомъ до тѣхъ поръ, пока подавали свѣчи. Онъ обращался съ ней, какъ съ другомъ, она, съ большою важностію, какъ взрослая женщина, сидѣла за шитьемъ или за маленькой книгой. А она была гораздо моложе Флоренсы! Какъ скоро подавали огонь, Флоренса уже не боялась наблюдать всю эту группу изъ своей темной комнаты: «Прощай, папа, прощай! спокойной ночи, папа»! Флоренса горько начинала рыдать и уже не смотрѣла болѣе.

Однакожъ опять и опять она оглядывалась на счастливый домъ, когда сама отправлялась въ постель, напѣвая одну изъ тѣхъ арій, которыя бывало убаюкивали ея друга. Но что она всегда думала объ этомъ домѣ или наблюдала его, это была тайна, никогда и ни по какому случаю не выходившая изъ ея сердца.

И неужели въ этомъ юномъ сердцѣ, столько достойномъ любви, оживлявшей страдальческую душу ея друга, хранилась еще тайна? Да хранилась, — только Богу одному извѣстна была эта другая тайна.

Какъ скоро обыденный шумъ смолкалъ, свѣчи загашались и слуги засыпали, Флоренса тихонько выходила изъ своей спальни, украдкой спускалась съ лѣстничныхъ ступеней и приближалась къ дверямъ отцовскаго кабинета. Здѣсь, на холодномъ каменномъ полу каждую ночь стояла она по цѣлымъ часамъ, едва дыша, не смѣя пошевелить губъ. Любви, и только одной любви жаждало ея сердце. Склонивъ головку къ замочной скважинѣ, она старалась прислушаться къ дыханію этого человѣка, котораго называли ея отцомъ. Съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою безпредѣльною преданностію она бросилась бы къ ногамъ этого бездушнаго эгоиста, еслибы она смѣла, еслибы онъ позволилъ ей выразить свои чувства, еслибы принялъ отъ нея слово утѣшенія, отъ нея, безпріютной сироты, чуждой и лишней въ этомъ мірѣ! Но не зналъ и не справлялся мистеръ Домби, какъ живетъ и что дѣлаетъ его дочь. Ему и некогда. Онъ занимался бумагами.

Но и въ цѣломъ домѣ никто не подозрѣвалъ тайныхъ страданій отверженнаго дѣтища. Кабинетная дверь всегда была заперта, и мистеръ Домби сидѣлъ неподвижно, какъ узникъ, прикованный къ своему столу. Два или три раза выходилъ онъ со двора, и въ домѣ поговаривали, что скоро онъ намѣренъ отправиться за городъ; но покамѣстъ онъ одинъ жилъ въ этихъ комнатахъ, не видалъ дочери и не спрашивалъ о ней. Быть можетъ даже онъ забылъ, что она живетъ подъ одной съ нимъ кровлей.

Однажды, недѣлю спустя послѣ похоронъ, Флоренса сидѣла за своей работой, какъ вдругъ вбѣжала къ ней Сусанна и задыхаясь отъ громкаго хохота, проговорила:

— Гость къ вамъ пришелъ, миссъ Флой, гость!

— Гость! ко мнѣ Сусанна! съ величайшимъ изумленіемъ воскликнула Флоренса. — Какой же гость, Сусанна?

Выжига въ одно и то же время разразилась истерическимъ смѣхомъ и горькимъ плачемъ и едва могла проговорить:

— Мистеръ Тутсъ!

Улыбка, появившаяся на лицѣ Флоренсы, исчезла мгновенно, и глаза ея наполнились слезами. Но все же это была улыбка, и миссъ Нипперъ радовалась произведенному впечатлѣнію.

— Ни дать ни взять, какъ я, примолвила Сусанна, качая головой и утирая передникомъ заплаканные глаза. — Когда этотъ блаженный вошелъ въ залу, я покатилась сперва со смѣху; а потомъ чуть не задохлась.

Сусанна опять и опять невольно повторила этотъ трагикомическій маневръ. Между тѣмъ невинный мистеръ Тутсъ, не подозрѣвавшій произведеннаго впечатлѣнія, взобрался на лѣстницу и, доложивъ о себѣ самъ щиколками руки объ дверной замокъ, поспѣшно вошелъ въ комнату.

— Здравствуйте, миссъ Домби, здравствуйте! сказалъ мистеръ Тутсъ. — Какъ ваше здоровье? Я здоровъ, слава Богу, покорно благодарю, а какъ ваше здоровье?

Мистеръ Тутсъ, предобрѣйшее созданіе подъ солнцемъ, заранѣе не безъ нѣкотораго труда сочинилъ эту *рацею*, чтобы разомъ успокоить Флоренсу и себя самого. Но лишь только рацея сорвалась съ языка, онъ нашелъ, что поступилъ слишкомъ опрометчиво и словно очутился въ положеніи мота, который вдругъ прокутилъ свое богатство. Запасъ краснорѣчія истощился прежде, чѣмъ онъ успѣлъ взять стулъ, а Флоренса еще ничего не сказала. Чтобы выпутаться изъ бѣды, мистеръ Тутсъ разсудилъ вторично произнести свою рѣчь.

— Здравствуйте, миссъ Домби, здравствуйте! Какъ ваше здоровье, миссъ Домби? Я здоровъ, слава Богу, покорно благодарю, а какъ ваше здоровье?

Флоренса подала ему руку и сказала, что она здорова.

— А я совершенно здоровъ, сказалъ мистеръ Тутсъ, усаживаясь на стулъ. — Ей Богу, миссъ Домби, совершенно здоровъ. То есть, я вамъ скажу, продолжалъ мистеръ Тутсъ, подумавъ немного: — я даже не помню, чтобы былъ когда здоровѣе. Покорно благодарю васъ, миссъ Домби.

— Это очень любезно съ вашей стороны, что вы навѣстили меня, сказала Флоренса, принимаясь за работу. — Мнѣ пріятно васъ видѣть.

Мистеръ Тутсъ сдѣлалъ веселую гримасу; но находя, что радоваться нечему, испустилъ глубокій вздохъ; а разсудивъ, что печалиться не слѣдовало, сдѣлалъ опять веселую гримасу. Но недовольный ни которымъ изъ этихъ отвѣтовъ, онъ съ большимъ трудомъ началъ переводить духъ.

— Вы были очень добры къ моему брату, сказала Флоренса, повинуясь естественному побужденію вывести его изъ затрудненія. — Онъ мнѣ часто говорилъ объ васъ.

— О, это ничего не значитъ, подхватилъ мистеръ Тутсъ: — а тепло теперь: не правда ли?

— Прекрасная погода, отвѣчала Флоренса.

— Лучше и не надо, сказалъ мистеръ Тутсъ. — Рѣшительно не запомню, чтобы я когда чувствовалъ себя лучше нынѣшняго. Покорно васъ благодарю, миссъ Домби.

И послѣ этой неожиданной новости, мистеръ Тутсъ опустился въ глубокій кладезь молчанія.

— Вы, кажется, ужъ оставили пансіонъ доктора Блимбера? спросила Флоренса, пробуя вытащить его оттуда.

— Какже, совсѣмъ оставилъ, отвѣчалъ мистеръ Тутсъ, и снова погрузился въ тотъ же кладезь.

На этотъ разъ онъ попалъ на самое дно и барахтался минутъ десять. По истеченіи этого времени, вдругъ онъ выплылъ и сказалъ:

— Счастливо оставаться, миссъ Домби. Прощайте!

— Какъ? вы ужъ уходите? спросила Флоренса, вставая со стула.

— А не знаю, право. Нѣтъ, еще не сейчасъ, сказалъ мистеръ Тутсъ, усаживаясь опять на свое мѣсто совершенно сверхъ всякаго ожиданія.—Я бы хотѣлъ, или, то есть, я бы желалъ—ну, да вѣдь это все равно, миссъ Домби?

— Конечно все равно. Говорите со мной смѣлѣе, мистеръ Тутсъ, сказала Флоренса съ кроткой улыбкой. — Мнѣ очень пріятно слышать отъ васъ о моемъ братѣ.

— Я бы хотѣлъ, началъ опять мистеръ Тутсъ, и лице его, обыкновенно безжизненное, вдругъ осмыслилось выраженіемъ живѣйшей симпатіи.—Бѣдный Домби! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ, чтобы Борджесъ и компанія—славные портные, миссъ Домби, только очень дороги, мы съ вашимъ братцемъ часто о нихъ говорили, а какъ было знать, что придется имъ заказывать это платье! — Мистеръ Тутсъ былъ въ траурѣ.—Бѣдный Домби! что же вы скажете, миссъ Домби? заключилъ Тутсъ, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

— Что вамъ угодно? сказала Флоренса.

— Онъ сдружился подъ конецъ съ однимъ пріятелемъ, и мнѣ пришло въ голову, вамъ авось пріятно было бы удержать его при себѣ.... на память. Помните вы, миссъ Домби, какъ онъ упрашивалъ доктора Блимбера о Діогенѣ?

— О да, да! вскричала Флоренса.

— Бѣдный Домби! Такъ вотъ поэтому, я....

При взглядѣ на плачущую Флоренсу, мистеръ Тутсъ совсѣмъ растерялся и готовъ былъ снова погрузиться въ кладезь молчанія. Но улыбка спасла его на краю пропасти.

— Такъ вотъ же какія дѣла, миссъ Домби! Я ужъ собирался украсть его за десять шиллинговъ, и укралъ бы, непремѣнно бы укралъ, у меня ужъ и былъ на примѣтѣ такой воръ, который за десять шиллинговъ не побоится стянуть самого чорта. Да только Блимберы, кажется, рады были отъ него отвязаться. Если вамъ угодно его имѣть, онъ дожидается у воротъ. Я привелъ его нарочно для васъ. Онъ, правду сказать, вовсе не дамская собака; но вѣдь вы на это не посмотрите, миссъ Домби? Не такъ ли?

Мистеръ Тутсъ и миссъ Домби выглянули на улицу. Дѣйствительно, Діогенъ въ эту минуту дожидался у воротъ, глазѣя на незнакомые предметы изъ окна извощичьей кареты, куда заманили его не безъ нѣкотораго усилія подъ благовиднымъ предлогомъ ловить мышей подъ соломой. Это былъ самый невзрачный песъ изъ всей породы собачьяго царства и съ перваго разу рекомендовалъ себя очень дурно. Онъ выбивался изъ силъ, чтобы вырваться изъ плѣна, лаялъ на окно, падалъ на солому и, подымаясь на заднія лапы, высовывалъ длинный, длинный языкъ, какъ будто онъ былъ въ лазаретѣ и докторъ освѣдомлялся о его здоровьѣ.

Но хотя Діогенъ былъ очень смѣшонъ,—косматъ, шаршавъ, съ головою похожею на ядро, съ комическимъ носомъ, съ всклокоченною шерстью надъ глазами, съ хриплымъ голосомъ и гадкимъ хвостомъ,—и хотя былъ онъ въ нѣкоторомъ родѣ даже очень глупъ, потому что хамкалъ безъ всякой цѣли на какого-то фантастическаго непріятеля; однакожъ, при всемъ томъ, невзрачный песъ былъ для Флоренсы, вслѣдствіе печальнаго прощальнаго воспоминанія, очень дорогъ, такъ дорогъ, что она, въ избыткѣ чувствительности, схватила и поцѣловала брильянтовую руку мистера Тутса и поблагодарила его отъ всего сердца. Освобожденный, послѣ большихъ хлопотъ, изъ своей томительной засады, Діогенъ бойко взбѣжалъ на лѣстницу, юркнулъ въ комнату и началъ нырять подъ мебелью, обвиваясь длинною желѣзною цѣпью вокругъ ножекъ стульевъ и столовъ до той поры, пока не запутался совершенно и остался безъ движенія. Тутъ онъ страшно выпучилъ глаза и залаялъ на мистера Тутса, вздумавшаго съ нимъ обращаться попріятельски. Флоренса чрезвычайно забавлялась всѣми этими продѣлками, и храбрый песъ заслужилъ ея полную благосклонность.

Мистеръ Тутсъ былъ такъ обрадованъ успѣхомъ своего подарка и такъ пріятно было ему видѣть, что Флоренса ласкала Діогена и разглаживала его спину своею маленькой ручкой—Діогенъ граціозно позволилъ эту фамиліярность съ перваго разу — что онъ чувствовалъ явное затрудненіе при мысли о прощаньи, и нѣтъ сомнѣнія, онъ пробылъ бы въ гостепріимной комнатѣ гораздо долѣе, еслибы Діогену не пришла счастливая идея броситься съ открытой пастью ему на шею и заставить его защищаться. Не совсѣмъ довольный такими нѣжностями коварнаго звѣря, Тутсъ, дѣлая веселую гримасу, ускользнулъ изъ комнаты, но тутъ же воротился опять и снова былъ встрѣченъ свѣжими привѣтствіями діогеновой морды. Наконецъ онъ распростился какъ слѣдуетъ и благополучно отправился въ обратный путь.

— Поди сюда, Діогенъ, поди, мой милый! Познакомься съ твоей

новой хозяйкой. Мы станемъ любить другъ друга,—не правда ли, Діогенъ? говорила Флоренса, лаская его шаршавую голову.

И Діогенъ суровый и косматый, какъ будто его волосатая шкура была пропитана слезами, и собачье сердце растаяло отъ умиленія, уставилъ свой носъ на ея лице.

Діогенъ-философъ не яснѣе разговаривалъ съ Александромъ Македонскимъ, чѣмъ Діогенъ-собака съ Флоренсой. Немедленно изготовили для него великолѣпный пиръ въ углу комнаты и онъ принялся угощать себя съ величайшимъ аппетитомъ. Накушавшись и напившись досыта, онъ подошелъ къ окну, гдѣ сидѣла Флоренса, взглянулъ на свою хозяйку умильными глазами, всталъ на заднія ноги, положилъ неуклюжія лапы на ея плеча, облизалъ ея руки и лице, пріютилъ свою огромную голову къ ея сердцу и завилялъ хвостомъ наипрелюбезнѣйшимъ образомъ. Наконецъ онъ свернулся въ клубокъ у ея ногъ и погрузился въ сладкій сонъ.

Хотя миссъ Нипперъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣла на собачьи нѣжности и хотя она вспрыгивала на стулья всякій разъ, какъ Діогенъ вытягивалъ свою длинную морду, при всемъ томъ Сусанна была, по своему, очень тронута любезностью мистера Тутса и при взглядѣ на Флоренсу, обрадованную обществомъ неуклюжаго пріятеля маленькаго Павла, дѣлала въ своемъ умѣ глубокомысленныя соображенія, которыя навели слезы на ея глаза. Мистеръ Домби, по сцѣпленію понятій, занялъ въ ея головѣ ближайшее мѣсто подлѣ собаки. Цѣлый вечеръ просидѣла она, не говоря почти ни слова, безмолвно наблюдая безобразнаго пса и любуясь на свою госпожу. Наконецъ, приготовивъ для Діогена постель въ передней подлѣ спальни, она передъ прощаньемъ обратилась къ Флоренсѣ и торопливо заговорила:

— Завтра поутру, миссъ Флой, папа уѣзжаетъ.

— Завтра поутру, Сусанна?

— Да, ранехонько. Ужъ отданъ приказъ.

— Ты, знаешь, Сусанна, куда онъ ѣдетъ? спросила Флоренса, опустивъ глаза въ землю.

Изъ того, что она провѣдала на кухнѣ, оказывалось, что миссъ Чиккъ предложила мистеру Домби выбрать въ товарищи майора, и что мистеръ Домби, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на предложеніе.

— Славный пріятель, нечего сказать! замѣтила миссъ Нипперъ съ безграничнымъ презрѣніемъ.—По мнѣ, коль выбирать, такъ выбирай бывалаго, а не всякаго встрѣчнаго да поперечнаго. Вотъ тебѣ и замѣнъ маленькаго Павла!

— Прощай, Сусанна! сказала миссъ Флоренса.

— Прощайте, моя милая, безцѣнная миссъ Флой! Спокойной ночи.

Тонъ соболѣзнованія, съ какимъ Сусанна произнесла послѣднія слова, задѣлъ за самую чувствительную струну бѣдной дѣвушки. Оставшись одна, Флоренса опустила голову, прижала руку къ трепещущему сердцу и свободно предалась печальному размышленію о своей горемычной судьбѣ.

Была ночь. Мелкій дождь печально дребезжалъ въ заплаканныя окна. Зловѣщій вѣтеръ пронзительно дулъ и стеналъ вокругъ всего дома, какъ будто лютая тоска обуяла его. Дрожащіе листья на чахлыхъ деревьяхъ издавали пискливый шумъ. Флоренса сидѣла одна въ своей траурной спальнѣ и заливалась слезами. На часахъ колокольной башни прогудѣла полночь.

Флоренса была уже не ребенокъ. Мракъ и таинственное уединеніе въ этотъ часъ и въ этомъ мѣстѣ, гдѣ смерть такъ недавно произвела свое страшное опустошеніе, могли бы поразить ужасомъ фантазію дѣвушки, которой уже было почти четырнадцать лѣтъ. Но ея невинное воображеніе было слишкомъ переполнено одною мыслію и не допускало постороннихъ картинъ. Любовь пылала въ ея сердцѣ—любовь не признанная, отверженная—но всегда обращенная на одинъ и тотъ же предметъ.

Тоскливое паденіе дождевыхъ капель, стонъ и завываніе вѣтра, болѣзненная дрожь чахоточныхъ деревьевъ, торжественный бой часоваго колокола,—все это отнюдь не ослабляло завѣтной мысли и не уменьшало ея интереса. Воспоминанія о покойномъ братѣ, всегда присущія ея душѣ, слились съ этою же мыслію и еще болѣе усилили ее. И быть отчужденной, быть потерянной для отеческаго сердца! никогда не прикоснуться къ этому человѣку, не взглянуть на его лице! Охъ! бѣдное, бѣдное дитя!

И съ того роковаго дня она не смыкала очей и не ложилась въ постель, не совершивъ напередъ ночнаго путешествія къ его дверямъ. Это была бы поразительно страшная и вмѣстѣ трогательная сцена, еслибы кто увидѣлъ, какъ она теперь, среди непроницаемаго мрака, украдкой спускалась съ лѣстничныхъ ступеней, останавливаясь поминутно съ трепещущимъ сердцемъ, съ опухлыми глазами, съ распущенными волосами, которые густыми прядями развѣвались по ея плечу и по блѣднымъ щекамъ, орошеннымъ свѣжими слезами. Но никто не видалъ этого явленія, сокрытаго полуночнымъ мракомъ.

Спустившись въ эту ночь съ лѣстничныхъ ступеней, Флоренса увидѣла, что дверь въ кабинетъ отца была отворена,—не болѣе какъ на ширину волоса, но все же отворена, и это было въ первый разъ. Въ углубленіи мерцала лампа, бросавшая тусклый свѣтъ на окружающіе предметы. Первымъ побужденіемъ робкой дѣвушки было удалиться назадъ, и она уступила этому побужденію. Ея вто-

рая мысль—воротиться и войти въ кабинетъ. Не зная, на что рѣшиться, она нѣсколько минутъ простояла неподвижно на лѣстничной ступени.

Наконецъ это второе побужденіе одержало верхъ надъ ея колебаніемъ. Лучъ свѣта, пробившійся черезъ отверстіе и упадавшій тонкою нитью на мраморный полъ, свѣтилъ для нея лучемъ небесной надежды. Она воротилась, и почти сама не зная, что дѣлаетъ, но инстинктивно побуждаемая однимъ и тѣмъ же чувствомъ, ухватилась дрожащими руками за половинки пріотворенной двери и... вошла.

Ея отецъ сидѣлъ за столомъ въ углубленіи кабинета. Онъ приводилъ въ порядокъ бумаги и рвалъ ненужные листы, упадавшіе мелкими клочьями къ его ногамъ. Дождевыя капли барабанили въ огромныя стекла передней комнаты, гдѣ такъ часто наблюдалъ онъ бѣднаго Павла, еще младенца. Пронзительный вѣтеръ неутомимо завывалъ вокругъ всего дома.

Но ничего не слышалъ мистеръ Домби. Онъ сидѣлъ, погруженный въ думу, съ глазами неподвижно устремленными на столъ, и глубока была его дума, такъ глубока, что едва ли бы могла пробудить его походка болѣе тяжелая, чѣмъ легкая поступь робкой дѣвушки. Однакожъ лице его обратилось на нее, суровое, постное, мрачное лице, которому догоравшая лампа сообщала какой-то дикій отпечатокъ. Угрюмый взглядъ его принялъ вопросительное выраженіе.

— Папа! папа! поговори со мною, милый папа!

При этомъ голосѣ онъ вздрогнулъ и быстро вскочилъ со стула. Флоренса остановилась подлѣ него съ распростертыми руками, но онъ отступилъ назадъ.

— Чего тебѣ надобно? сказалъ онъ суровымъ тономъ:—зачѣмъ ты пришла сюда? что тебя напугало?

Если что ея напугало, такъ это было лице, обращенное на нее. Любовь, пылающая въ груди его молодой дочери, леденѣла передъ этимъ взглядомъ: она стояла и смотрѣла на него, какъ мраморный истуканъ.

И не виднѣлось на этомъ лицѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ нѣжности и состраданія! не искрилось на немъ проблеска отеческой любви, участія или чего-нибудь похожаго на раскаяніе! Но была однакожъ какая-то перемѣна на этомъ лицѣ. Прежнее равнодушіе и холодное принужденіе уступили чему-то мѣсто; но чему именно,— Флоренса и догадывалась и не смѣла догадываться. Но она видѣла, или, точнѣе, чувствовала эту перемѣну безъ словъ и безъ имени, и физіономія отца бросала тѣнь на ея чело.

Какъ? Неужели онъ видѣлъ въ ней свою счастливую соперницу

въ любви сына, и досадовалъ — что она жива и здорова! неужели дикая ревность и чудовищная гордость отравили сладкія воспоминанія, при которыхъ бѣдное дитя могло бы сдѣлаться дороже и милѣе для сердца! Возможно ли, чтобы мысль о сынѣ придавала горечь его взгляду, обращенному на единственную дочь, цвѣтущую красотою, полную счастливыхъ обѣтованій въ начинающейся веснѣ своей жизни?

Флоренса не задавала себѣ такихъ вопросовъ, но любовь безнадежная и отринутая имѣетъ зоркіе глаза, а надежда замерла въ ея сердцѣ, когда она устремила неподвижный взоръ на лице отца.

— Я спрашиваю, Флоренса, чего ты испугалась? Что тебя заставило сюда придти?

— Я пришла, папа.. .

— Противъ моей воли. Зачѣмъ?

Флоренса видѣла — онъ зналъ зачѣмъ. Яркими буквами пламенѣла мысль на дикомъ и угрюмомъ челѣ. Жгучею стрѣлой впилась она въ отверженную грудь, и.... вырвала изъ нея болѣзненный, протяжный, постепенно замиравшій крикъ страшнаго отчаянія!

Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы! Крикъ его дочери исчезъ и замеръ въ воздухѣ, но не исчезнетъ онъ и не замретъ въ тайникѣ его души. Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы!

Онъ взялъ ее за руку холодно и небрежно, едва дотрогиваясь до пальцевъ. Потомъ съ зажженною свѣчею въ другой рукѣ онъ повелъ ее къ дверямъ.

— Ты устала, говорилъ онъ: — тебѣ нуженъ покой. Всѣмъ намъ нуженъ покой, Флоренса. Ступай. Тебѣ видно пригрезилось.

Да, пригрезилось. Но теперь эти грезы прошли, и она чувствовала, что онѣ никогда болѣе не возвратятся, Боже! подкрѣпи ея силы!

— Я посвѣчу тебѣ здѣсь на лѣстницѣ. Весь домъ на верху теперь твой, сказалъ отецъ тихимъ голосомъ: — ты теперь полная хозяйка. Доброй ночи.

Закрывъ лице руками, она зарыдала и едва могла проговорить:

— Доброй ночи, милый папа!

Взбираясь по лѣстницѣ, она еще разъ оглянулась назадъ, какъ будто хотѣла воротиться; какъ будто надѣялася она, что отецъ позоветъ ее. Но это была мгновенная и совсѣмъ безотрадная надежда. Отецъ продолжалъ стоять внизу, безъ движенія и безъ словъ, до тѣхъ поръ, пока не скрылась въ темнотѣ его дочь и не затихъ легкій шорохъ ея платья.

Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы! Проливной дождь крупными каплями падалъ на кровлю, вѣтеръ дико за-

вывалъ вокругъ пустыннаго дома, — дурные признаки! Да припомнитъ это мистеръ Домби въ грядущіе годы!

Послѣдній разъ какъ онъ наблюдалъ ее съ этого же мѣста, она взбиралась на лѣстничныя ступени съ его сыномъ на рукахъ. Это воспоминаніе не растрогало его души, не расшевелило его сердца. Онъ вошелъ въ комнату, заперъ дверь, сѣлъ на кресла и заплакалъ о своемъ сынѣ.... но дочь для него не существовала.

Вмѣсто того чтобы спать, Діогенъ стоялъ на караулѣ у своего поста и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ дожидался отсутствующей хозяйки.

— О, Діогенъ, милый Діогенъ! полюби меня ради его.

Но Діогенъ уже любилъ ее всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми собачьими способностями не ради кого другаго прочаго, а ради собственной особы, и спѣшилъ какъ могъ выразить свои вѣрноподданническія чувства. Онъ началъ прыгать и кривляться на всѣ возможныя манеры и въ заключеніе, поднявшись на заднія ноги, зацаранулъ дюжими когтями половинки дверей, между тѣмъ какъ хозяйка его уже спала и видѣла во снѣ группу розовыхъ дѣтей, ласкаемыхъ отцомъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, Діогенъ отъ досады скомкалъ свою постель въ подушку и разлегся на голыхъ доскахъ во всю длину своей привязи. Въ этомъ положеніи онъ вылупилъ глаза на дверь спальни и замигалъ самымъ неистовымъ образомъ. Послѣ этой продѣлки онъ заснулъ, и во снѣ ему пригрезился его непримиримый врагъ, который, какъ и слѣдуетъ, былъ встрѣченъ громкимъ и храбрымъ лаемъ. *Введенскій.*

Темы.—Сколько картинъ въ этой главѣ?—Для чего Диккенсъ такъ, а не иначе, ихъ размѣстилъ?—Какая именно картина васъ особенно поражаетъ?—Видѣнъ ли здѣсь юморъ поэта и его любовь къ человѣку?—Обрисуйте характеры Домби, Флоренсы, Чиккъ, Токсъ и Тутса.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА.

(Г-жи Бичеръ-Стоу [1]).

Предисловіе. — Предлагаемый романъ имѣлъ огромный успѣхъ во всемъ образованномъ мірѣ. Этотъ успѣхъ объясняется отчасти слѣдующими словами, помѣщенными въ предисловіи къ одному изъ изданій романа:

«Цѣль этой книги — разувѣрить человѣчество въ томъ, что Богъ, дозволивъ человѣку господствовать надъ рыбой въ морѣ, надъ птицей въ воздухѣ и надъ скотомъ, даровалъ это господство только извѣстнымъ поколѣніямъ из-

[1]) Современная Американская писательница.

вѣстнаго цвѣта и въ то же время включилъ въ разрядъ скота другія поколѣнія другаго цвѣта.

«Еслибъ это, однакожъ, было однимъ только вѣрованіемъ, какъ бы оно ни было жалко и богохульно, то можно бъ было людей, имѣющихъ его, оставить при этомъ вѣрованіи, предназначая имъ самимъ защищать его предъ лицемъ Всевышняго въ тотъ день, когда ангелъ-мститель пылающимъ мечемъ будетъ перелистывать Священное Писаніе. Иное дѣло, если это вѣрованіе обратилось въ факты, если господство человѣка надъ человѣкомъ установилось насиліемъ и обманомъ и поддерживается съ помощію бичей съ узлами, шипящихъ клеймъ, ружей, собакъ и законовъ славныхъ республикъ. Въ такомъ случаѣ, всякій, кто, сколько-нибудь уважаетъ добродѣтель или ненавидитъ порокъ, обязанъ всѣми силами способствовать къ опозоренію торговли людьми, потому что нѣтъ преступленія, начиная отъ смертоубійства, котораго бы она не порождала.

«Вездѣ, гдѣ читается эта книга, неминуемо должно порождаться презрѣніе къ людямъ, поддерживающимъ невольничество. Презрѣніе же не то, что гнѣвъ: оно такое оружіе, отъ дѣйствія котораго невозможно уклониться; разстояніе не уменьшаетъ силы его; касаясь добраго дѣла, оно распространяется подобно заразѣ. Поэтому, чѣмъ скорѣе разсказъ этотъ проникнетъ въ каждую колонію и село, гдѣ только умѣютъ читать по-Англійски, тѣмъ скорѣе страшные факты, повѣствуемые въ немъ, должны сдѣлаться однѣми преданіями, которымъ будутъ только дивиться.

«Вспомните слова *Брума* [1]):

««Не говорите мнѣ о правахъ, не говорите, что плантаторъ господинъ своихъ рабовъ. Я отрицаю это право, я не признаю этой власти. Природныя наши чувства и правила возстаютъ противъ нихъ. Обратимся ли мы къ уму или къ сердцу, вездѣ встрѣтимъ одинъ и тотъ же приговоръ, ихъ отвергающій. Напрасно вы мнѣ говорите о законахъ, освящающихъ подобную собственность. Есть законъ—выше всѣхъ человѣческихъ постановленій, одинъ и тотъ же во всемъ мірѣ, одинъ и тотъ же во всѣ времена; онъ существовалъ до того времени, когда отважный геній Колумба открылъ одному свѣту источники силы богатства и познанія, а другому одни лишь невыразимыя страданія; онъ существуетъ и нынѣ. Это законъ, написанный перстомъ Бога въ сердцѣ человѣка; и вслѣдствіе этого неизмѣннаго и вѣчнаго закона люди, презирающіе обманъ, ненавидящіе грабежъ и кровопролитіе, будутъ съ негодованіемъ отвергать дикую и преступную мысль, что человѣкъ можетъ быть собственностью человѣка»».

«Къ этимъ словамъ нечего прибавлять. Мы передаемъ эту книгу въ руки публики, надѣясь, что столь страшный грѣхъ скоро будетъ искорененъ, и что статутныя книги Сѣверной Америки будутъ очищены отъ тѣхъ страницъ, которыя вносятъ въ законы ея противорѣчіе и сумасбродство».

Касси.

Въ короткое время Томъ узналъ, чего ему ожидать или бояться въ его новомъ положеніи [2]). Онъ былъ искусенъ и дѣятеленъ во всемъ, что онъ ни предпринималъ; честенъ и аккуратенъ по при-

---

[1]) Извѣстный Англійскій ораторъ и государственный мужъ.

[2]) Томъ былъ проданъ добрымъ своимъ господиномъ.

вычкѣ и по правилу. Кроткаго и дружелюбнаго нрава, онъ надѣялся, неусыпнымъ рвеніемъ своимъ къ дѣлу, избѣжать хоть части тѣхъ страданій, которыя онъ предвидѣлъ. Передъ глазами его совершалось такъ много зла, что у него не доставало мужества жить; но онъ рѣшился съ благочестивымъ терпѣніемъ трудиться, препоручая себя правосудному Богу, и надежда на возможность когда-нибудь выйти изъ этого положенія одушевляла его.

Легри (Негровладѣлецъ) втихомолку признавалъ достоинства Тома, какъ самаго лучшаго работника, но въ душѣ своей питалъ къ нему какое-то чувство ненависти, врожденную антипатію зла къ добру. Онъ ясно видѣлъ, что Томъ понималъ его жестокое обращеніе съ безпомощными Неграми, и возненавидѣлъ безропотнаго, молчаливаго раба, который въ душѣ своей произносилъ приговоръ надъ его поступками. Сколько разъ Томъ удивлялъ своихъ товарищей невольниковъ своимъ нѣжнымъ участіемъ и состраданіемъ къ нимъ. Легри же смотрѣлъ на это подозрительно. Онъ купилъ Тома съ цѣлію сдѣлать его, въ случаѣ надобности, смотрителемъ, на котораго могъ бы положиться въ своихъ отлучкахъ; но, по его мнѣнію, первымъ и послѣднимъ достоинствомъ такого человѣка должно быть ожесточеніе сердца. Легри рѣшилъ въ умѣ своемъ, что если Тому не достаетъ этого качества, то его можно развить въ немъ. И вотъ, черезъ нѣсколько недѣль, по прибытіи Тома, онъ началъ приводить въ исполненіе намѣреніе свое.

Разъ утромъ, когда работники собрались на поле, Томъ съ удивленіемъ увидѣлъ между ними новое лице, котораго появленіе возбудило его вниманіе. Это была женщина, высокая и стройная; но во взорѣ ея было столько глубокой, мрачной тоски, безвыходной и неизмѣнной, что это составляло страшный контрастъ съ ея общимъ видомъ.

Кто она и откуда, Тому было неизвѣстно. Онъ увидалъ ее въ первый разъ, когда она, гордая, прямая прошла мимо его на разсвѣтѣ утра. Прочіе же всѣ вна̀ли ее. Многіе оборачивались на нее, осматривали ее, и злая радость, замѣтная, хоть подавленная, показалась на лицахъ этихъ жалкихъ, оборванныхъ, заморенныхъ созданій, ее окружавшихъ.

— Попалась! ага! сказалъ одинъ.

— Хе, хе, хе! сказалъ другой:—попробуй-ка, миссизъ, нашего дѣльца, такъ и узнаете, каково оно!

— Посмотримъ, какъ-то она работать будетъ?

— А ну-ка, посмотримъ, будетъ ли она получать по вечерамъ на свою долю столько рубцовъ, какъ мы.

— Хоть бы разъ ее хорошенько выпороли! сказалъ другой.

Женщина не обращала никакого вниманія на эти насмѣшки и

продолжала идти далѣе съ тѣмъ же выраженіемъ гнѣвнаго пренебреженія, какъ будто ничего не слыхала.

Томъ жилъ всегда между людей образованныхъ, и сейчасъ же догадался, судя по ея виду и осанкѣ, что она принадлежала къ этому числу людей. Но какимъ образомъ она спустилась на такую низкую ступень? Томъ никакъ не могъ объяснить этого. Всю дорогу, отправляясь на поле, она шла рядомъ съ Томомъ, но не смотрѣла на него и не говорила съ нимъ.

Вскорѣ Томъ усердно занялся своею работой; но какъ эта женщина была не далеко отъ него, то онъ иногда взглядывалъ на нее. Ему хотѣлось знать, какъ идетъ у нея дѣло. Сразу увидалъ онъ, что, по ея врожденной ловкости и проворству, трудъ ей доставался гораздо легче, чѣмъ другимъ. Она собирала (хлопчатую бумагу) также скоро и чисто, и съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, какъ будто презирала и работу, и уничиженіе, въ которомъ находилась.

Въ теченіе дня, Тому пришлось быть подлѣ мулатки, купленной въ одно время съ нимъ. Она видимо страдала. Томъ слышалъ, какъ она молилась Богу. Часто она шаталась, дрожала и едва могла стоять на ногахъ. Томъ подошелъ къ ней, и, не говоря ни слова, переложилъ нѣсколько пригоршней хлопка изъ своего мѣшка въ ея.

— Нѣтъ, не дѣлай этого! сказала женщина съ удивленіемъ:— тебѣ достанется за это.

Въ эту минуту подошелъ Замбо (надсмотрщикъ за работой). Онъ, казалось, особенно ненавидѣлъ эту женщину.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Люси? плутуешь, а? крикнулъ онъ хриплымъ, звѣрскимъ голосомъ, взмахнувъ бичемъ. Затѣмъ онъ далъ женщинѣ пинокъ своимъ тяжелымъ, жесткимъ башмакомъ, а Тома хлестнулъ бичемъ по лицу.

Томъ молчаливо принялся за работу; но мулатка, уже истощенная, потеряла чувства.

— Я ее подыму! заревѣлъ Замбо, злобно смѣясь: — я ей дамъ лѣкарства получше камфары.

Онъ вынулъ булавку изъ своей куртки и воткнулъ ее въ тѣло женщины по самую головку. Она застонала и приподнялась.

— Вставай, скотина, и работай! слышишь? а то я тебѣ еще штуку покажу.

Женщина, казалось, ожила на нѣсколько минутъ и стала работать съ отчаяннымъ усердіемъ.

— Смотри, чтобы ты сдѣлала свое дѣло, сказалъ Негръ: — а то пожалѣешь у меня, что на свѣтѣ живешь.

«Я и теперь желаю умереть»! послышалось Тому. Потомъ она

начала молиться. «О, Боже, какъ долго! О, Боже, зачѣмъ ты покинулъ насъ»?

Пренебрегая опасностью наказанія, Томъ подвинулся къ мулаткѣ и переложилъ всю свою бумагу въ ея мѣшокъ.

— О, ради Бога, не дѣлай этого! Тебя прибьютъ за это, сказала мулатка.

— Я могу больше перенесть, чѣмъ ты, сказалъ Томъ, ставъ опять на свое мѣсто въ ту же минуту. На этотъ разъ никто не замѣтилъ его движенія.

Вдругъ незнакомка, о которой мы упоминали, по близости своей къ Тому, услыхавшая слова его, подняла на него свои глубокіе черные глаза и остановила ихъ на минуту на немъ. Потомъ, взявъ большое количество хлопчатой бумаги изъ своей корзины, положила къ Тому.

— Ты еще не знаешь здѣшняго мѣста, а то бы ты этого не сдѣлалъ, сказала женщина.—Вотъ поживешь мѣсяцъ, такъ ужъ помогать не будешь никому. Увидишь, что здѣсь трудненько сберечь свою кожу.

— Богъ поможетъ, миссисъ! сказалъ Томъ, безсознательно назвавъ свою полевую сотрудницу, обращаясь къ ней, тѣмъ почтеннымъ именемъ, которое даютъ женщинамъ хорошаго круга, гдѣ онъ жилъ до сихъ поръ.

— Богъ никогда не посѣщаетъ этихъ мѣстъ, сказала съ горечью женщина, продолжая работать съ большою скоростью, и опять злобная усмѣшка показалась на губахъ ея.

Но движеніе женщины было замѣчено смотрителемъ черезъ поле. Размахивая своимъ бичемъ, онъ подошелъ къ ней.

— Какъ, какъ? говорилъ онъ ей съ видомъ торжества:—и ты плутуешь? Попробуй только! ты теперь въ моихъ рукахъ.... берегись, а то отвѣдаешь плетки!

Страшная молнія сверкнула изъ этихъ черныхъ глазъ; губы ея дрожали, ноздри расширились, она выпрямилась и бросила на смотрителя взглядъ, полный бѣшевства и презрѣнія.

— Собака! закричала она: — тронь меня, если ты смѣешь. У меня еще довольно власти, чтобы разорвать тебя собаками, сжечь живаго, изрѣзать въ куски! Стоитъ только одно слово сказать.

— Такъ для чего же вы здѣсь, чортъ побери? сказалъ Негръ, явно струсивши и угрюмо отступивъ отъ нея шага на два; потомъ прибавилъ:—я не думалъ васъ обидѣть, миссъ Касси.

— Дальше отъ меня! сказала женщина. И въ самомъ дѣлѣ, у смотрителя родилось сильное желаніе очутиться на другомъ концѣ поля, и онъ поторопился удалиться отъ нея.

Женщина начала опять работать, и съ такою поспѣшностью, что

Томъ изумился, точно ею владѣло какое-то волшебство. Еще до сумерекъ она наполнила корзину свою биткомъ и сверхъ того много помогала Тому. Когда совершенно стемнѣло, утомленные работники потянулись, съ корзинами на головахъ, къ складочному магазину, гдѣ взвѣшивали бумагу. Легри былъ тамъ и разговаривалъ съ двумя смотрителями.

— Этотъ Томъ безпокойный человѣкъ; онъ все подкладываетъ въ корзину Люси; онъ всѣхъ, пожалуй, научитъ, что здѣсь очень тяжко жить, надобно, чтобы самъ масръ смотрѣлъ за нимъ, сказалъ Замбо.

— Ахъ, черное отродье! сказалъ Легри: — вотъ мы ему дадимъ первый урокъ, ребята!

Оба Негра отвратительно усмѣхнулись при этомъ намекѣ.

— Да, да! пусть только масръ Легри накажетъ; самъ дьяволъ такъ не побьетъ, масръ, сказалъ Квимбо.

— Самое лучшее, ребята, заставить его сѣчь другихъ; тогда у него выйдетъ дурь изъ головы. Мы ужъ выучимъ его этому.

— Много труда будетъ вамъ стоить, масръ, передѣлать его по своему.

— И все же я его передѣлаю, сказалъ Легри, жуя свой табакъ.

— Вотъ эта Люси, самая здѣсь супротивная дѣвка! продолжалъ Замбо.

— Смотри, Замбо! я начинаю угадывать, почему ты злишься на Люси.

— Да вѣдь масръ самъ знаетъ, что она ослушалась масра и не хотѣла быть моею женой.

— Я бы принудилъ ее розгами къ послушанію, сказалъ Легри, да время теперь спѣшное, не до того! Она слаба, а эти слабенькія дадутъ себя избить до полусмерти, чтобы только настоять на своемъ.

— Люси очень упрямилась и лѣнилась, а Томъ подсоблялъ ей.

— Ага! такъ мы ему доставимъ удовольствіе высѣчь ее. Для него будетъ это славнымъ занятіемъ; да онъ же и не такъ ужъ усердно будетъ хлестать, какъ вы, черти.

— Ха, ха, ха! захохотали оба Негра. Адскіе звуки смѣха ихъ оправдывали то названіе, которое далъ имъ Легри.

— Томъ и миссъ Касси такъ набили корзинку Люси, точно гири въ ней лежатъ.

— Я самъ взвѣшу ея корзинку, сказалъ Легри выразительно.

Опять смотрители захохотали своимъ сатанинскимъ смѣхомъ.

— Стало быть, миссъ Касси работала цѣлый день! прибавилъ онъ.

— Она работала, какъ дьяволъ со всѣмъ своимъ легіономъ.

— Я думаю, цѣлая дьявольская сила сидитъ въ ней, сказалъ Легри, и съ ругательствомъ и проклятіемъ отправился въ комнату, гдѣ стояли вѣсы.

. . . .

Медленно пробирались утомленныя, унылыя созданія въ комнату, гдѣ вѣсили хлопчатую бумагу, в съ рабскою медлительностію подносили свои корзины къ вѣсамъ.

Легри записывалъ вѣсъ на грифельной доскѣ, на краю которой былъ прикрѣпленъ списокъ именъ невольниковъ.

Корзинка Тома взвѣшена и одобрена. Вотъ онъ смотритъ съ тоскливымъ участіемъ на женщину, которой онъ помогалъ.

Шатаясь отъ усталости, она подходитъ и подаетъ свою корзинку. Легри видѣлъ хорошо, что въ ней было слишкомъ много вѣсу; но, принявъ серьезный видъ, онъ закричалъ:

— Ты, лѣнивая скотина! опять не достаетъ! стань къ сторонѣ! Теперь тебѣ достанется, даже очень скоро!

Женщина испустила крикъ отчаянія и сѣла на одну доску.

Миссъ Касси подошла къ вѣсамъ и съ гордымъ пренебреженіемъ подала свою корзинку. Легри бросилъ на нее насмѣшливый и пытливый взглядъ.

Она пристально посмотрѣла на него своими черными глазами, губы ея слегка зашевелились и она сказала ему что-то по-Французски.

Никто ея не понялъ, кромѣ Легри, котораго лице приняло сатанинское выраженіе, когда она ему говорила. Онъ приподнялъ руку, какъ будто готовясь нанести ударъ. Надменно и презрительно взглянула она на него, и, отвернувшись, удалилась отъ него.

— Поди-ка сюда, Томъ! сказалъ Легри.—Я тебѣ говорилъ, что я купилъ тебя не для низкой работы. Я хочу сдѣлать тебя смотрителемъ, и сейчасъ ты долженъ вступить въ эту должность. Вотъ, возьми эту дѣвку, и выпори ее. Ты, чай, часто видалъ, какъ наказываютъ; тебѣ не учиться стать этому дѣлу!

— Я прошу васъ извинить меня, масръ, сказалъ Томъ:—я надѣюсь, что масръ избавитъ меня отъ этой должности. Я не привыкъ къ ней… никогда не дѣлалъ этого и не могу….

— Я тебя научу многому, чего ты не знаешь, пока не сдѣлаю изъ тебя того, что хочу, сказалъ Легри, ударивъ Тома ногой и крѣпко хлестнувъ его плетью по лицу. Потомъ удары посыпались одинъ за другимъ на бѣднаго Тома.

— Теперь, сказалъ онъ, едва переводя духъ отъ злости и усталости: — теперь, скажешь ли, что ты не берешься за это?

— Не берусь, масръ, сказалъ Томъ, обтирая рукою кровь, лившуюся съ лица его: — я готовъ работать день и ночь, работать на

сколько будетъ жизни и духу во мнѣ: но не могу дѣлать этого и не буду, никогда, никогда!

У Тома былъ необыкновенно мягкій, кроткій голосъ и почтительное обращеніе, что заставило Легри думать, что онъ трусъ, котораго легко покорить. Когда Томъ говорилъ послѣднія слова, страхъ и изумленіе овладѣли каждымъ. Бѣдная женщина сложила руки и произнесла: «Боже»! Всѣ они переглянулись и затаили дыханіе, какъ будто въ ожиданіи бури, готовввшейся разразвться. Легри сначала былъ озадаченъ, потомъ опомнившись, закричалъ:

— Какъ! проклятая черная скотина! Ты отказываешься дѣлать, что я тебѣ приказываю?... Кто изъ васъ, чертей, смѣетъ разсуждать, что дурно и что хорошо?... Я тебя проучу!... Что ты о себѣ думаешь?... Кто ты таковъ? ты, можетъ быть, воображаешь себя джентльменомъ, мистеромъ Томомъ, который можетъ мнѣ говорить, что дурно и что хорошо?... Такъ ты думаешь, что не слѣдовало бы наказывать эту дѣвку?

— Я думаю, что нѣтъ, сказалъ Томъ:—бѣдная женщина больна и слаба. Наказывать ее было бы слишкомъ жестоко, и у меня не подымется рука на это. Если вы хотите убить меня, убейте, масръ! но руки своей я не подыму ни на кого здѣсь, никогда!.. скорѣе умру!

Томъ говорилъ кротко, но такъ рѣшительно, что на этотъ разъ Легри не ошибся въ немъ. Онъ затрясся отъ злости, и излился цѣлымъ потокомъ желчныхъ насмѣшекъ.

— Вотъ, говорилъ онъ: — набожный пришелъ къ намъ... святой, джентльменъ, проповѣдникъ... такъ и смотритъ святымъ!... Ахъ ты, бездѣльникъ! прикидываешься благочестивымъ, а развѣ не читалъ ты въ своей Библіи: «Рабы, повинуйтесь господамъ своимъ». Не господинъ ли я твой, не заплатилъ ли я тысячу двѣсти долларовъ чистыми денежками за все, что находится въ твоей черной проклятой кожѣ?... Твое тѣло и душа не принадлежатъ ли мнѣ?... сказалъ онъ, толкнувъ изо всей силы Тома своимъ тяжелымъ сапогомъ: — говори!

Страдая отъ страшной физической боли и душевной муки, отъ грубаго угнетенія, Томъ ощутилъ радость и торжество при этомъ вопросѣ. Онъ вдругъ выпрямился, и, поднявъ глаза къ небу, между тѣмъ какъ слезы, смѣшанныя съ кровью, текли по лицу его, воскликнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! моя душа не принадлежитъ вамъ, масръ. Вы не купили ея... вы не можете ее купить! Ее купилъ и заплатилъ за нее Тотъ, Кто можетъ сохранить ее. Нѣтъ, вы не можете погубить меня!

— Я не могу? сказалъ Легри съ хохотомъ: — мы это увидимъ!

Сюда, Замбо! Квимбо! Дайте этой собакѣ столько плетей, чтобъ онъ мѣсяцъ не опомнился.

Два громадные Негра овладѣли Томомъ. При сатанинской радости на ихъ мрачныхъ черныхъ лицахъ, при ихъ гигантскомъ ростѣ, они были совершеннымъ олицетвореніемъ духовъ тьмы. Бѣдная женщина вскрикнула отъ ужаса, и всѣ, движимые однимъ общимъ чувствомъ, встали, когда повлекли Тома, безъ всякаго сопротивленія съ его стороны. *(Переводъ Р. Вѣстника 1858 г.).*

Примѣч. — Слова г-жи *Евгеніи Туръ* (графини Салліасъ): «Американская писательница издала романъ «Хижина Дяди Тома», представляющій ужасающія душу картины рабства и страданій. Односторонне изобразила *Бичеръ-Стоу* племя Негровъ; она не указываетъ на глубокое невѣжество, въ которомъ Негры находятся и на ту бездну пороковъ и лжи, въ которую погружены. Ни религіознаго, ни нравственнаго, ни даже человѣческаго чувства не найдете въ этихъ милліонахъ рабовъ, закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ, отупѣвшихъ въ пьянствѣ и развратѣ. Такія лица, какъ Дядя Томъ, едва ли возможны при страшномъ упадкѣ нравственномъ всѣхъ Негровъ». (Рус. Вѣст. 1858, № 8, стр. 460).

ГРОМОВОЙ СЛЕСАРЬ.

(Бертольда Ауэрбаха [1]).

Слова *М. Михайлова:* «Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ Нѣмецкомъ романистѣ *Бертольдѣ Ауэрбахѣ*, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Мы видѣлись ежедневно, и бесѣды и прогулки съ нимъ останутся для меня самыми пріятными изъ моихъ Берлинскихъ воспоминаній. Какъ писателя съ первоначальнымъ дарованіемъ, съ глубокою любовью къ народу, котораго никто не изображалъ въ Германіи лучше его, я давно любилъ Ауэрбаха; личное знакомство съ нимъ способно было только утвердить эту любовь и уваженіе. Въ Берлинъ переселился онъ изъ Дрездена со всѣмъ семействомъ, не болѣе какъ полгода тому назадъ. Ауэрбаху скоро пятьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и живъ, какъ юноша. Небольшаго роста, плотный и коренастый, съ зачесанными назадъ и даже немного вьющимися темными волосами и просѣдью, съ небольшой окладистой бородой, съ большими свѣтлыми глазами, съ открытымъ круглымъ лицемъ, онъ похожъ самъ на Шварцвальдскаго мужика, и ничто не напоминаетъ въ немъ его Еврейскаго происхожденія. Быстрая, живая и умная рѣчь его отличается чрезвычайною простотой, какъ и разсказъ его въ «Босоножкѣ», въ «Мони и Брози» и другихъ народныхъ его повѣстяхъ....

«Съ появленія «Шварцвальдскихъ Деревенскихъ Повѣстей» началось возрожденіе повѣствовательной литературы въ Германіи, до тѣхъ поръ представлявшей только такія жалкія произведенія, какъ романы *Штернберга*, графини

---

[1]) Современный Нѣмецкій романистъ. Ауэрбахъ и его романы: статья въ От. Зап. 1858. Т. CXVI, 5.

Иды Ганъ-Ганъ и т. п. Ауэрбахъ вызвалъ цѣлую школу нувеллистовъ, которые обратились съ сочувствіемъ къ народу и принялись изучать хорошія и дурныя стороны его быта, его нужды, желанія и надежды, его радости и печали. Пора было бросить удушливыя метафизическія сферы и раздушенные салоны, въ которыхъ витали Нѣмецкіе романисты, для здоровой и свѣжей дѣйствительности.

«Дѣйствіе этого свѣжаго народнаго направленія не можетъ ограничиться только литературною сферой; облегчая знакомство съ народомъ и съ его потребностями, произведенія автора «Босоножки» и цѣлаго круга народныхъ писателей, образовавшагося около него, должны благотворно дѣйствовать и на все общество. Примиреніе и симпатія между народомъ и классами болѣе образованными нужны въ Германіи не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ,— и въ этомъ смыслѣ дѣятельность Ауэрбаха въ высшей степени заслуживаетъ уваженія. Почти безукоризненная художественная красота его разсказовъ и повѣстей и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайная вѣрность его изображеній свидѣтельствуютъ не только о близкомъ знакомствѣ его съ народомъ, но и о любви, которая привела его къ изученію народнаго быта. На всемъ, что ни писалъ Ауэрбахъ о народѣ, лежитъ теплый свѣтъ твердаго и разумнаго сочувствія. Онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ и пороковъ, и не идеализируетъ его добродѣтелей и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ случаѣ не всѣ послѣдователи Ауэрбаха сумѣли сохранить чувство мѣры ихъ образца, и болѣе всего приближается къ нему въ этомъ отношеніи только *Отто Лудвигъ*, писатель, у насъ совершенно неизвѣстный, авторъ прекраснаго романа изъ народной жизни «Между небомъ и землей». Къ сожалѣнію, какъ я слышалъ отъ Ауэрбаха, Лудвигъ въ настоящую минуту тяжко и изнурительно боленъ, и мало надежды, чтобы онъ поправился и написалъ еще что-нибудь. Кромѣ Ауэрбаха и Лудвига, повѣствовательная литература въ Германіи представляетъ теперь нѣсколько очень замѣчательныхъ талантовъ, каковы напр. *Годфридъ Келлеръ, Густавъ Фрейтагъ* и др., и намъ пора перестать повторять, какъ мы это еще дѣлаемъ сплошь, по старой памяти, что у Нѣмцевъ нѣтъ теперь ни одного романиста, ни одного нувеллиста, которыхъ стоило бы читать.

«Послѣ того знанія народа и той любви къ нему, доказательства которыхъ представлялъ каждый романъ и каждый маленькій разсказъ Ауэрбаха, отъ него слѣдовало ожидать, что онъ не ограничитъ своего вліянія одной стороной Нѣмецкаго общества. Эти романы и разсказы были написаны такъ просто и ясно, что ихъ могъ читать каждый простолюдинъ; но все-таки они были предназначены авторомъ для чтенія классовъ болѣе образованныхъ. Желая доставить полезное и занимательное чтеніе для жителей сельскихъ и деревень, для бѣднаго поденщика и работника, для земледѣльца и мелкаго ремесленника,—Ауэрбахъ принялся за изданіе книгъ для народа. Первой попыткой его въ этомъ родѣ былъ сборникъ подъ заглавіемъ «Кумъ» («Gevattersmann»), первая тетрадь котораго явилась въ 1845 году. Успѣхъ его былъ огромный: болѣе 80,000 экземпляровъ были проданы сразу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ было разобрано по двѣсти экземпляровъ. Такимъ же благороднымъ дѣятелемъ явился Ауэрбахъ и взявшись за трудное дѣло—писать для народа. Его можно упрекнуть за нѣкоторыя частности, за излишній подчасъ дидактизмъ въ изложеніи; но эти недостатки, замѣтные въ «Кумѣ», почти совсѣмъ исчезали въ «Народныхъ Календаряхъ», которые онъ издаетъ уже четыре года. Статьи изъ перваго сборника, за исключеніемъ имѣвшихъ лишь временный интересъ, изданныя потомъ особою книжкой подъ заглавіемъ: «Кумова Шка-

тулка», пріобрѣли огромную популярность во всей Германіи и переведены на многіе языки.

«Послѣднимъ трудомъ Ауэрбаха была повѣсть «Edelweiss», появлявшаяся отрывками въ «Кельнской Газетѣ». Теперь Ауэрбахъ обработываетъ ее окончательно для отдѣльнаго изданія». *(Соврем. 1861, № 5).*

— Знаете ли вы, отчего прозвали моего хозяина [1]) Громовымъ Слесаремъ? Это славное прозвище, лучше всякаго дворянскаго титула, и за него хозяинъ рискнулъ больше, чѣмъ иной рискуетъ на войнѣ. Это было вотъ какъ:

Въ 1769 году—именно въ то время, когда снова выстроили церковь, сгорѣвшую въ Семилѣтнюю войну отъ императорскихъ бомбъ; въ то время въ воздухѣ было много чего-то, что произвело революцію, Наполеова, войны за независимость, да и до сихъ поръ не совсѣмъ выдохлось. Въ тѣ времена какой-то Американецъ, — кто не слыхалъ о немъ, пусть не мѣшкая разузнаетъ, — Американецъ Веньяминъ Франклинъ открылъ, что молнію можно поймать, какъ рыбу на удочку. Разумѣется теперь это уже не представляется чудомъ. Мы пережили много-таки кой-чего. Тамъ у Эльстерскихъ воротъ, около дуба, гдѣ когда-то докторъ Лютеръ сжегъ папскую буллу, тамъ теперь бѣжитъ и пыхтитъ паровикъ и тащитъ за собой столько народу, сколько можетъ помѣститься въ цѣломъ маленькомъ городѣ, а молнію теперь мы поймали ужъ такъ, что заставили ее говорить за себя, чрезъ земли и чрезъ моря. А въ то время весь свѣтъ смѣялся надъ открытіемъ Веньямина Франклина, то есть не весь свѣтъ, а большая часть, или что все равно — болѣе глупая часть.

Тогда тутъ у насъ былъ еще университетъ; онъ стоялъ тамъ подлѣ Меланхтонова дома, гдѣ теперь большія казармы, куда ужъ два раза ударяла гроза; тамъ стоялъ университетъ. Профессоръ, по имени Твціусъ, преподававшій также естественныя науки, очень обрадовался открытію Франклина, и примѣнилъ его у насъ дома. Понятно, что сдѣлалъ онъ это не самъ: профессора вѣдь одни всего не могутъ же сдѣлать сами. Безъ хозяина моего профессору Твціусу,—по настоящему-то онъ назывался просто Тицомъ, но всѣ профессора перевели свои фамиліи на Латинскій языкъ, — и такъ безъ хозяина моего профессору Твціусу не устроить бы громоваго отвода на своемъ домѣ, а исторія эта чуть не стоила жизни моему хозяину.

Профессора я припоминаю еще очень хорошо. Онъ былъ красивый мужчина, съ львиной головой, онъ казался такимъ въ парикѣ, и камышевая трость его съ золотымъ набалдашникомъ осталась

[1]) Разсказываетъ слесарь Фридрихъ Кнолле.

въ наслѣдство моему хозяину; а тотъ передалъ ее своему сыну — что теперь тоже профессоромъ. Профессоръ Тициусъ умеръ гораздо раньше моего хозяина, онъ, по крайней мѣрѣ, былъ вдвое старше его: они жили такъ дружно, какъ братья, да они и были братьями, хотя не родились отъ одной матери.

Это вышло вотъ почему:—въ то время въ нашемъ городѣ было много построекъ; это не то, что теперь, — теперь почти никогда не увидишь, чтобы строили новый домъ. Жизнь не прикована же къ одному мѣсту; она кочуетъ съ мѣста на мѣсто, и поколѣнія смѣняются поколѣніями. Въ Колегіенштрассе, подлѣ дома бургомистра Гизе, которому городъ обязанъ насажденіемъ лучшихъ деревьевъ, профессоръ началъ строить себѣ новый домъ. Говорятъ, что въ фундаментъ онъ заложилъ тайкомъ много удивительныхъ вещей и при томъ на немъ былъ кожаный передникъ съ странными знаками. Профессоръ вѣдь былъ массономъ. Вы представить себѣ не можете, что въ тѣ времена думали о тайныхъ дѣйствіяхъ массоновъ.

Народъ представлялъ себѣ тайный уголовный судъ, и разныя таинственности. Нынѣ лучше знаютъ, что это такое. Вамъ извѣстно, что я самъ массонъ, и могу разсказать вамъ: это не что иное, какъ товарищество хорошихъ людей, съ самыми честными и прекрасными желаніями; они готовы помочь всякому безъ различія лица, состоянія и вѣры. Конечно между нимв тоже вкрались и эгоисты и негодяи. Но большинство и зерно состоитъ все-таки изъ людей желающихъ добра и сопротивляющихся ханжеству.

Но постой! Я отклонился отъ своего разсказа. И такъ профессоръ строитъ себѣ новый домъ. Хозяинъ мой, только не давно возвратившійся изъ путешествія, устроившись здѣсь, получаетъ всю слесарную работу. Начало было хорошо. Въ молодости хозяинъ мой, должно быть, былъ молодцомъ, нѣсколько долговязымъ, но съ широкими костями, и до 76 лѣтъ сохранилъ всѣ свои волосы. Вы вѣрно не забыли еще его наружности. Незнакомые, встрѣчая его на улицѣ, снимали шляпы: такъ величественъ былъ видъ его.

Профессоръ вѣроятно былъ тонкій знатокъ въ людяхъ, и замѣтилъ, должно быть, что хозяинъ мой не даромъ пожилъ на свѣтѣ, и что у него свѣтлая голова. Разъ онъ приходитъ къ нему въ мастерскую, и говоритъ:

— Мастеръ Лука — тогда вѣдь говорили мастеръ, а не господинъ—мастеръ Лука, сказалъ онъ:—довольно ли въ васъ смѣлости?

— Столько, сколько до сихъ поръ было мнѣ нужно, а еслибы понадобилось больше, и тогда не оплошаемъ.

Такъ отвѣчаетъ ему хозяинъ.

— Хорошо, говоритъ профессоръ:—я объяснюсь коротко и ясно. Слышали ль вы, что теперь можно поймать молнію?

— Если насыпать ей соли на хвостъ,—говоритъ хозяинъ, думая, что съ нимъ шутятъ. Профессоръ же объясняетъ ему совершенно серьезно это дѣло, и показываетъ листокъ, гдѣ нарисовано все, какъ оно должно быть сдѣлано.

Хозяинъ тысячу разъ разсказывалъ мнѣ, какъ въ голову ему ударило точно молніей, волосы стали у него дыбомъ, видя, что люди затѣваютъ.

Профессоръ, замѣтивъ, что съ нимъ, говоритъ:

— Приходите въ воскресенье послѣ обѣдни ко мнѣ. Я все вамъ покажу, хотя это не нужно для того, чтобы сдѣлать мнѣ желѣзную палку съ вызолоченнымъ концомъ; но вы мнѣ кажетесь способнѣе другаго ученика, набившаго себѣ голову и Латынью и Греческимъ языкомъ. Такъ утромъ въ воскресенье послѣ обѣдни?

Профессоръ уходитъ, хозяинъ глядитъ ему вслѣдъ какъ на колдуна и искусителя, желающаго околдовать чернокнижіемъ. Все-таки около полудня, въ воскресенье, идетъ онъ къ профессору.

Пробовали ль вы когда-нибудь наэлектризоваться? — Ухъ, какъ оно пробѣгаетъ по всему тѣлу! А что же это такое? Это нельзя ни пощупать, ни смѣрять, ни разглядѣть, ни понюхать. Да, есть же вещи, которыхъ не ухватишь. Тутъ профессоръ объяснилъ хозяину, что онъ предлагаетъ ему сдѣлать первый громовой отводъ въ Виттенбергѣ. Виттенбергъ, пріобрѣвшій такую міровую извѣстность, не долженъ отставать въ дѣлѣ борьбы съ суевѣріемъ. Сердце забилось у хозяина, и онъ говоритъ:

— Господинъ профессоръ, мнѣ кажется, дѣло это приличнѣе предоставить старшимъ мастерамъ.

Профессоръ увѣряетъ, что онъ былъ уже у двоихъ, но что они изъ страха и суевѣрія отклонили отъ себя эту работу.

— Противники просвѣщенія въ рясѣ и безъ рясы предаютъ анаѳемѣ того, кто протянетъ руку, какъ они выражаются, чтобы удержать власть Божію. Они не соображаютъ, что на этомъ основаніи нельзя и лѣкарство принимать; надо оставлять все на произволъ судьбы, ибо и доктора своего рода громовые отводы. Этого я могу отъ васъ требовать, мастеръ Лука; вы взялись за слесарную работу для моего дома, а громовой отводъ — тотъ же замокъ или запоръ, не пускающій въ домъ молнію. Такъ какъ вы самый младшій изъ мастеровъ, я не хотѣлъ возлагать на васъ этого дѣла. Но теперь вышло на оборотъ: такъ какъ вы самый младшій, такъ должны быть и самымъ просвѣщеннымъ.

Слушая это, хозяинъ мой думалъ, что передъ нимъ самъ чортъ. Ему хотѣлось только бы выбраться изъ этой комнаты, а тутъ же въ углу стоялъ человѣческій скелетъ, и ему показалось, что голая голова его ему трижды кивнула. Набитыя птицы стоятъ на шка-

пахъ, и ему кажется, что всѣ онѣ вдругъ начинаютъ кричать; въ комнатѣ стемнѣло, какъ ночью, и громъ съ молніей грянули и сверкнули такъ, какъ будто началось свѣтопреставленіе.

— Да вы блѣдны, какъ мертвецъ, сказалъ профессоръ: — неужели вы думаете, что Богу теперь только и остается, что ударить въ маленькую комнату въ маленькомъ городѣ, чтобы убить профессора и слесаря, за то, что они кое-что замышляютъ въ защиту отъ....

Послѣдиее слово замерло у него на устахъ, потому что громъ грянулъ такъ, что задрожали стѣны и окна задребезжали.

Профессоръ быстро прикрылъ шелковымъ платкомъ электрическую машину, открылъ окно и сказалъ:

— Въ будущую субботу принесите мнѣ отвѣтъ. А когда снимутъ березовыя зеленыя почки, на черепичной крышѣ должна уже торчать желѣзная палка съ вызолоченнымъ концомъ. Обдумайте хорошенько, мастеръ Лука. И вы должны помочь бороться противъ суевѣрія. Мы, ученые, какъ офицеры на войнѣ, составляемъ планы битвы; а вы, большинство, вашими мощными руками должны вести дѣло. Такъ до свиданія.

Только выбравшись изъ университета на чистый воздухъ, хозяинъ вздохнулъ свободно.

Дѣло было въ субботу, вечеромъ. Хозяинъ заперъ мастерскую и вышелъ прогуляться за Эльбскія ворота. Хозяинъ проходитъ по подъемному мосту, и привѣтствуетъ у заставы сторожа, какъ роднаго брата. Тутъ онъ запѣлъ, да такъ, что жаворонкамъ въ поднебесьи не спѣть лучше. Летать, разумѣется, онъ не можетъ, но за то умѣетъ плавать. Не забудьте, что тогда рѣдко кто рѣшался купаться въ проточной водѣ. Боязнь холодной воды была тоже старымъ суевѣріемъ. Теперь съ трудомъ вѣрятъ, что все это было дѣйствительно такъ. Хозяинъ мой уже купался и въ Рейнѣ, и въ Швейцарскихъ озерахъ, и потому въ своей родной Эльбѣ ему и хорошо и весело; вотъ плаваетъ онъ, какъ щука въ водѣ. Вдругъ почудилось ему, что онъ тонетъ, хотя онъ и ловко плавалъ; но въ Эльбѣ попадаются неизвѣстные омуты и водовороты, да и ктому же человѣку, ожидающему большаго счастья, всегда кажется, что онъ умретъ и не дождется, когда наступитъ счастливая минута. Посреди рѣки вдругъ хозяинъ громко восклицаетъ: «Если благополучно доплыву до берега, дѣлаю громовой отводъ». А про себя хозяинъ подумалъ: вѣдь чтобы не поддаться водѣ, надо всетаки выучиться плавать; ну, значитъ, и съ молніей можно справиться».

Вотъ онъ добрался до берега, и кажется ему, будто онъ снова родился.

На другой день, поутру, только что занялась заря, хозяинъ подошелъ къ окну и воскликнулъ: «слава Богу, вотъ и день наступилъ; а когда наступитъ завтрашній день, для меня все перемѣнится»! Вотъ прилегъ онъ на окно, глядитъ на свѣтлое небо, несется думой и въ это небо, и въ прошлое, къ своимъ родителямъ, что схоронены въ могилѣ, и хочется ему, чтобы они были живы, и пошли бы съ нимъ, чтобы ему нейти одному-одинешеньку на встрѣчу такому счастью, — тутъ вдругъ здоровается съ нимъ профессоръ, поднявшійся тоже спозаранку.

— Ну, какъ идутъ наши дѣла, мастеръ Лука? Какъ видите, я ждалъ до-сегодня. Рѣшились ли вы?

— Да, говоритъ хозяинъ, протягивая ему изъ окна руку:— сдѣлаю громовой отводъ такъ, какъ съумѣю. Съ Божіей милостью, мнѣ выпадаетъ большое счастье, и я хочу заслужить его. Я думалъ: вѣдь это большая честь для мастероваго, помогать исполнять добрыя мысли людей; послѣ этого и мы не безсловесные слуги.

— Я кое-что принесъ вамъ, сказалъ профессоръ, передавая хозяину портретъ. — Видите, я принадлежу также къ числу людей, помогающихъ исполнять его желаніе, а кто знаетъ, по чьему плану онъ работаетъ. Не правда ли какое славное лицо?

— Да.

— Это Веньяминъ Франклинъ.

Профессоръ ушелъ, а хозяинъ все еще держалъ портретъ въ рукахъ.

Тамъ, гдѣ-то далеко за моремъ, живетъ человѣкъ, и вотъ онъ смотритъ на тебя, и точно киваетъ тебѣ, и, пожалуй, заговоритъ съ тобой, и даже уже слова эти сложены; я попрошу у профессора прочитать все, что этотъ человѣкъ съ умными глазами и добродушной улыбкой думалъ для себя и для другихъ. Здравствуйте, мастеръ Франклинъ! теперь я стану прилежнымъ вашимъ работникомъ.

Не съумѣю хорошенько передать вамъ, какъ разсказывалъ хозяинъ обо всемъ, что заставляло биться его сердце; онъ вложилъ портретъ — портретъ былъ маленькій: онъ теперь у меня — въ свою дорожную книгу. Дорожная книжка до сихъ поръ у хозяйскаго сына, онъ бережетъ ее больше, чѣмъ всю свою большую библіотеку.

Рано утромъ въ понедѣльникъ.... Не знаю какъ вамъ, а мнѣ утро понедѣльника представляется утромъ всей недѣли. Это перенялъ я отъ хозяина, онъ такъ смотрѣлъ на понедѣльникъ: лице его бывало ясно, какъ день, и въ этотъ день мы всего прилежнѣе работали.

И такъ въ слѣдующій понедѣльникъ, послѣ помолвки, принялся хозяинъ за громовой отводъ. Работа этого рода трудна и не разъ

голова шла кругомъ. Лучше бы ему хотѣлось отказаться отъ своего слова. Но сто разъ говорилъ онъ мнѣ: «что въ спокойную минуту положишь сдѣлать, то надобно выполнить, какъ обѣтъ, какъ приказаніе, надъ которыми не властенъ». Вечеромъ профессоръ пришелъ къ нему; хозяинъ и говоритъ:

— Прошу васъ, чтобъ въ городѣ никто не зналъ о томъ, что мы хотимъ съ вами дѣлать. Когда же будетъ готово, пусть говорятъ, что хотятъ!

— Да, мастеръ Лука, отвѣчалъ профессоръ:—я такъ думаю на оборотъ, мы должны встрѣчному и поперечному говорить, что мы должны и хотите помочь побѣдить предразсудокъ.

— Это можно сказать, когда дѣло будетъ улажено. Когда знаешь, что о работѣ твоей всѣ знаютъ, то и молотъ и вила валятся изъ рукъ, особенно, какъ работа-то такая странная. Не даромъ говоритъ пословица: «не хвались идучи на рать»; люди конфузятъ, а потомъ еще при неудачѣ говорятъ, что они это предсказывали.

— Любезный мастеръ! споръ нашъ ни къ чему не ведетъ; я уже вездѣ разсказалъ, что нашелъ въ васъ человѣка, готоваго помогать моему дѣлу. Я знаю, что никакая болтовня не отклонитъ васъ отъ дѣла. Помните только всегда, что люди говорятъ, какъ они разумѣютъ, а вы и знаете, и разумѣете лучше, что дѣлать.

Поздно ночью хозяинъ взглянулъ на звѣзды небесныя и воскликнулъ: «Царь небесный! Тебѣ вѣрно не угодно, чтобы мы спокойно дозволяли непогодѣ и грозѣ управлять нами; Ты далъ намъ разумъ отстранять ихъ. Помоги мнѣ, чтобы я стоялъ твердо, поддержи меня рукой Твоей, когда я буду стоять тамъ, на вышкѣ; теперь при одной мысли у меня голова идетъ кругомъ».

Хозяинъ былъ человѣкъ благочестивый, и хоть его и называли вольнодумцемъ, да если онъ и былъ такимъ, все-таки на свѣтѣ не было человѣка благочестивѣе его. Въ то самое время, какъ хозяинъ внизу, глядя на звѣзды, взывалъ къ Богу и пробуждалъ въ себѣ самыя чистыя мысли, въ то же самое время другой человѣкъ сидѣлъ на чердакѣ [1]) и заряжалъ ружье; быстро выглянулъ онъ въ слуховое окно и подумалъ: «не промахнусь» и торопливо спряталъ заряженное ружье подъ кровельную балку.

Хозяина, смотрѣвшаго на звѣзды, стала пробирать дрожь. Кто знаетъ, можетъ онъ предчувствовалъ, что гдѣ-то что-то затѣваютъ противъ него. Разумѣется, онъ предполагалъ только, что люди сердятся на него. И точно, весь народъ, не хуже этого ружья, готовъ былъ разразиться надъ нимъ.

[1]) Это былъ молодой кузнецъ, имѣвшій виды на Сусанну, невѣсту мастера Луки.

Хозяинъ засвѣтилъ свѣчку, онъ чувствовалъ потребность посмотрѣть на Франклина, а тотъ смотритъ на него, словно хочетъ сказать: «Посмотри на меня, какъ я спокоенъ; а на меня они еще больше грозились».

На утро, въ мастерскую къ хозяину зашелъ важный гость, а именно дядя-сенаторъ. Онъ едва отвѣтилъ на поклонъ и, подперши палкой подбородокъ — это было необходимо, ибо изъ устъ его должна была политься тяжеловѣсная премудрость — сказалъ:

— Я хотѣлъ было поздравить тебя съ помолвкой, а теперь уже не надо, — я пришелъ напомнить тебѣ, что ты приходишься мнѣ дальнимъ родственникомъ, и потому не изволь меня безчестить. Понимаешь?

— Я никого не безчещу.

— Вѣрю этому. Я не такой суевѣръ, какъ безмозглые здѣшніе жители; тебѣ и не понять, какой я просвѣщенный человѣкъ. Фамилія наша слишкомъ извѣстна, чтобы дозволять профессору вышучивать себя. Если громовый отводъ точно существуетъ, намъ его не надо, мы живемъ въ долинѣ. Здѣсь лѣтъ сто никто не слыхалъ несчастія отъ грозы. И такъ коротко и ясно: отказывайся отъ работы.

— Не откажусь.

— Ужъ ты не вздумалъ ли противорѣчить мнѣ? Отказывайся. Понимаешь? Прощай.

Сенаторъ удалился съ гордымъ видомъ, увѣренный въ своей побѣдѣ.

Хозяину опомниться не дали послѣ этого посѣщенія, и позвали въ цехъ, гдѣ засѣдали цеховые старшины, изъ разныхъ мастеровыхъ. Тогда цеховой старшина еще былъ важнымъ лицемъ.—Я тоже старшина, а что я нынче значу? Не болѣе какого-нибудь церковнаго старосты, да и самый-то цехъ разлетѣлся. Цехъ прекратился съ тѣхъ поръ, какъ по желѣзной дорогѣ можно выписать все, что хочешь и откуда хочешь. Къ какому мастерству причислить желѣзную дорогу: къ слесарному, къ кузнечному или сѣдельному? Цеховой старшина, имѣющій теперь значеніе, прозывается паромъ, а противъ него ничего не сдѣлаешь. Тогда же все было не такъ, какъ теперь. И такъ, цеховой старшина говоритъ: «До насъ дошли слухи, что профессоръ хочетъ сыграть съ тобой какую-то глупую шутку. Допустить этого мы не можемъ. Одно знай: работать громовой отводъ не сообразно съ цеховымъ уставомъ. Или не дѣлай его, или ты лишаешься права мастера. Ну, довольно.

— Еслибы даже пришлось выселиться, вскричалъ хозяинъ: — и не находилъ бы я покоя на своей родинѣ, все-таки сдѣлаю отводъ!

И дѣйствительно, хозяинъ былъ такимъ; онъ скорѣе бы согласился выселиться; а, между тѣмъ, трудно было отыскать лучшаго гражданина: тридцать лѣтъ онъ служилъ по выборамъ членомъ городской полиціи.

Тутъ цеховые старшины разразились надъ нимъ бранью. Отъ ихъ словъ у хозяина дыханье занялось, но онъ опомнился и сказалъ:

— Почтенные мастера и товарищи! Мнѣ заказана честно и прямо работа, и если востріе, которое приходится мнѣ въ ней сдѣлать, колетъ глаза старымъ суевѣрамъ, такъ пусть колетъ.

Можете себѣ представить, какъ напустились на хозяина послѣ этого, и Богъ знаетъ, до чего бы все это дошло,—но вдругъ дверь отворяется, и профессоръ является безъ спросу и докладу, и начинаетъ рѣчь; онъ говоритъ цеховому собранію, какъ они всѣ ослѣплены суевѣріемъ, и, взявъ подъ руку хозяина, отправляется съ нимъ въ мастерскую. Хоть присутствующимъ и хотѣлось смѣяться, но все жъ они поняли, что это значитъ.

Потомъ дѣло приняло другой оборотъ: желали, чтобы какъ-нибудь помѣшать этой работѣ. Кузнечный цехъ пожаловался бургомистру, что хозяинъ заѣзжаетъ въ ихъ мастерство: вѣдь вещи изъ полосъ желѣза принадлежатъ къ кузнечному цеху. Не могу умолчать, что виною этой новой продѣлки былъ Сусаннинъ отецъ; ему очень хотѣлось породниться съ хозяиномъ, да и дочь-то, должно быть, слезами своими намозолила ему глаза; имъ хотѣлось найти какой-нибудь благовидный предлогъ, чтобы заставить хозяина отказаться отъ работы. Они знали вѣдь, что добровольно онъ этого не сдѣлаетъ.

Этотъ человѣкъ крѣпко умѣлъ держаться своего слова, и когда онъ умеръ, пасторъ даже сказалъ это въ своей надгробной рѣчи.

Хлопоты по дѣлу съ кузнецомъ профессоръ принялъ на себя; и должно быть велъ онъ его очень ловко, какъ ни сумасбродно втянуть въ цехъ новое открытіе. Дѣло прекратилось; но кузнецъ ужасно бѣсился на дьявольскую шутку, да еще къ тому же прибавилась ревность, и онъ громко говорилъ, что если хозяинъ осмѣлится ставить громовой отводъ, онъ подстрѣлитъ его на крышѣ, какъ какого-нибудь воробья. Разумѣется, нашлись люди, и передали это моему хозяину. Передъ хозяйской мастерской стали собираться школьники, и кричали и пѣли всякія шуточки и брань на громоваго слесаря. Хозяину часто приходилось брать швабру и, обмакнувъ ее въ помои, брызгами разгонять шумную толпу; всѣ разбѣгались, но вскорѣ снова собирались. Разъ одинъ изъ смѣльчаковъ закричалъ: «Громой слесарь самъ предался чорту, и насъ хочетъ теперь окрестить въ черныхъ чертей». Профессоръ тогда въ особенности надъ этимъ смѣялся: вѣдь въ то время онъ былъ его то-

варищемъ и золотильщикомъ. Да, это было такъ. Хозяинъ мой не могъ сдѣлать позолоченный мѣдный шарикъ, что садятъ на верху отвода; профессоръ же зналъ, какъ сдѣлать, да дома у него не было горна. И поэтому онъ, засучивъ рукава, работалъ у хозяина въ мастерской; это и было причиною, что хозяинъ съ профессоромъ были истинными товарищами и братьями.

Громовой отводъ былъ готовъ; всё было готово: и проводные шесты, и поддержки, и конецъ, что, какъ пять пальцевъ, въ видѣ когтей коршуна, врываютъ въ землю,—все какъ показано въ книгѣ. Но теперь оставалось главное: передъ всѣмъ народомъ установить его.

Это было истинное мученіе, когда хозяинъ несъ по всему городу громовой отводъ. День былъ ясный, на небѣ ни облачка. Профессоръ провожалъ по городу хозяина, а передъ домомъ его стояли двое полицейскихъ. Хозяинъ испугался, а профессоръ говоритъ ему: «я велѣлъ имъ придти для нашей безопасности, только не унывайте».

«Посмотрите-ка», говоритъ какая-то старуха окружающимъ ее:— «у него на лицѣ ни кровинки». Но въ эту минуту вся кровь бросилась хозяину въ лице, потому что къ нему подходитъ невѣста и говоритъ:

— Лука, ради всего, что тебѣ мило и свято, оставь это дѣло. Въ эти дни я много передумала о томъ, что ты дѣлаешь; можетъ быть ты правъ, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего безбожнаго: но зачѣмъ тебѣ непремѣнно хочется перессориться со всѣмъ міромъ? Ты слесарь. Тебѣ нечего передѣлывать свѣтъ. Пусть это дѣлаетъ профессоръ да ученые.

Тутъ хозяинъ сказалъ:

— Нѣтъ! мнѣ слѣдуетъ помочь ему. Дай мнѣ руку, и будетъ объ этомъ.

— Я не смѣю, тутъ много народу. Что, если узнаютъ родители?

— Ну, такъ я самъ возьму твою руку.

— Господи, да вѣдь рука у тебя холодна, какъ у мертвеца, прошептала невѣста.—Умоляю тебя! вѣдь ты не привыкъ сидѣть на такой вышкѣ: у тебя закружится голова. Ты вѣдь сдѣлалъ свое дѣло, ну и довольно; пусть ставятъ другіе.

— Нѣтъ, за этимъ будетъ остановка, и дѣло можетъ быть проиграно. Нѣтъ, я докончу его. Господь надъ тобой.

— И надъ тобой также.

Это снова придало хозяину надежду; онъ сталъ веселѣе и, взбираясь по лѣстницѣ, повторялъ: «И надъ тобой также». Да, да,

такое славное напутствіе — то же, что хорошіе проводы; кажется, будто присутствуетъ тотъ, съ кѣмъ разстался. Хозяинъ взошелъ на крышу; въ глазахъ у него помутилось, точно весь свѣтъ закачался. Онъ снялъ фуражку и сталъ шопотомъ читать «Отче нашъ», и тысячу разъ говорилъ онъ мнѣ, что во всю свою жизнь онъ никогда такъ не прочувствовалъ смысла этой молитвы, и, съ легкостью взявъ на плечо громовой отводъ, онъ сталъ взбираться по стропиламъ, къ которымъ была прикрѣплена лѣстница. Профессоръ еще закричалъ ему вслѣдъ: «Не оборачивайтесь, мастеръ Лука, — смотрите только на свою работу».

Вотъ хозяинъ сидитъ верхомъ на стропилѣ, и бодро работаетъ такъ что скоро онъ рѣшается обернуться. Да! оттуда сверху видно такъ хорошо. Вотъ видитъ онъ черезъ лѣсъ Верлицкую башню и Петерсбергъ у соловарни; а въ городѣ-то люди такіе крошечные; а возъ, что катитъ по улицамъ, похожъ на игрушку. Тутъ Сусанна начала звонить, и подъ ея звонъ хозяинъ прикрѣпляетъ отводъ. Ударивъ въ послѣдній разъ молоткомъ, хозяинъ всталъ подлѣ желѣзнаго шеста, и никто въ мірѣ не слыхалъ словъ его; мнѣ же онъ передалъ ихъ, и клялся, что ту минуту онъ не промѣнялъ бы на цѣлую жизнь; ибо онъ почувствовалъ, что близокъ къ небесамъ, и такъ близокъ, что стоило только постучаться, чтобы войти въ нихъ. Тутъ поднялась цѣлая стая голубей, и полетѣли надъ его головой, какъ вдругъ—пафъ!—раздается выстрѣлъ, и одинъ изъ голубей падаетъ прямо ему въ лице и обрызгиваетъ его кровью; тутъ онъ выпускаетъ изъ рукъ желѣзный шестъ и самъ летитъ внизъ съ крыши на мостовую.

Не правда ли, вы содрогаетесь, какъ будто самихъ васъ вдругъ сбросили? Быть между небомъ и землею, или между жизнію и смертію!

Я какъ будто вижу передъ собой хозяина, какъ онъ, разсказывая это, положилъ руку на сердце.

— Ты себѣ представить не можешь, говорилъ онъ: — да я и самъ едва вѣрю, думая объ этомъ. Подобныя мгновенья нельзя считать минутами: это скорѣе частица вѣчности. Въ то время мысли смѣнялись съ быстротой молніи. Вѣришь ли, что послѣ перваго страха, я чуть не смѣялся? Мнѣ казалось, что ничего не случилось необыкновеннаго, и паденіе мое не что иное, какъ сонъ; но я скоро опять опомнился, и мнѣ вдругъ пришелъ въ голову одинъ грѣхъ изъ моего дѣтства, а именно — что разъ я такъ прибилъ свою покойную сестру, что та упала безъ памяти. Это удивительно быстро промелькнуло у меня въ головѣ, и только слыша снизу отчаянные крики, почувствовалъ я дѣйствительность, и — Господи!

подумалъ: «Господи! если Ты убьешь меня, побѣда останется за суевѣріемъ! Не хочу этого. Соскочи на ноги, ты долженъ, непремѣнно долженъ спастись. Господи, помоги мнѣ»! Этотъ крикъ слышали снизу, и самъ не знаю, какъ я очутился стоящимъ на мостовой; колѣни у меня подкосились, но я тотчасъ же опять вскочилъ.

Разсказчикъ остановился на минуту. Отдохнувъ, онъ продолжалъ: у меня духъ захватываетъ при мысли, какъ хозяинъ летѣлъ по воздуху, какъ всѣ присутствующіе на площади смотрѣли, кричали, плакали и молились. Вѣдь случай тотъ не что иное, какъ чудо, и всѣ отсутствующіе жалѣли тогда, что имъ не удалось видѣть чуда. И это правда, что людей скорѣе можно покорить чудомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ, чѣмъ ясными разумными основаніями.

Можете себѣ представить, или не представляйте, что почувствовали обрученные, снова бросившись другъ другу въ объятья.

— Ты возвращенъ мнѣ самимъ небомъ, и теперь я болѣе не разстанусь съ тобой, сказала невѣста.

И надо признаться, что въ продолженіе всей своей жизни хозяинъ сохранилъ, не то чтобы гордость, а нѣкоторую увѣренность, потому что разъ былъ спасенъ, какъ будто чудомъ, отъ смерти.

Впослѣдствіи ему разъ посчастливилось вытащить изъ воды ребенка и получить медаль за спасеніе, но онъ никогда не носилъ ее, сто разъ говорилъ онъ, что родился счастливцемъ въ сорочкѣ, и тысячу разъ онъ съ благодарностью повторялъ: «Съ Божіею помощью, я спасъ себя. Чуда тутъ не было, да и не было ничего сверхъестественнаго».

«Кто же выстрѣлилъ? Голубю или хозяину предназначался ударъ?» спрашиваете вы. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ чердака. Кузнецъ съ того дня исчезъ изъ города. Слуха объ немъ не было. — Разумѣется, послѣ этого показывали видъ, будто никогда во всю свою жизнь не говорили ни слова противъ изобрѣтенія отвода.

На слѣдующій день послѣ спасенія хозяина пріѣхалъ братъ хлѣбника Штенца — онъ былъ морякомъ — изъ Гамбурга, и разсказывалъ, что тамъ нѣсколько дней тому назадъ, какъ сдѣлали громовой отводъ на высокой башнѣ, и это первый въ Германіи. Еслибы хозяину такъ сильно не мѣшали, у Виттенберга была бы слава устройства перваго громоваго отвода въ Германіи. Хлѣбопекъ не могъ простить этого слесарному цеху и священнику.

Въ ту же осень поставили отводъ на нашу церковь, и кто же дѣлалъ его? Хозяинъ мой. Всѣ окрестные жители ему одному заказывали отводы, и потому онъ на всю жизнь сохранилъ прозваніе громоваго слесаря. На свадьбу—должно быть было на ней очень весело — профессоръ подарилъ ему большой портретъ въ рамѣ и

подъ нимъ стихи, кажется, переведенные съ Латинскаго, восхваляющіе Франклина, прославившагося въ Америкѣ тоже своей борьбой за свободу. Вотъ они:

Онъ молнію неба покорилъ
И мечъ тирана сокрушилъ.

Франклинъ сдѣлался нашимъ домашнимъ геніемъ. Поймите меня хорошенько. Человѣкъ онъ былъ такой же, какъ и мы, но съ умомъ яснымъ, какъ день; прямой и простой, какъ патріархъ, — и когда хозяинъ бывалъ особенно доволенъ мною, онъ называлъ меня Веніаминомъ. *(Перев. Современника 1861, № 4).*

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ [1]).

Характеръ Татьяны.

Она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой;
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшаела;
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела,
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,

---

[1]) Первая глава «Евгенія Онѣгина», написанная въ 1823 г., появилась въ 25-мъ. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность, по словамъ издателя романа, произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Глава третья вышла въ 1827 г., четвертая и пятая—въ 1828, глава шестая—въ 1829, седьмая—въ 1830 и осьмая—въ 1832 году.

Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій
смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуж-
дена,
Вставала при свѣчахъ она.
Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона [1]), и Руссо [2]).

Имянины Татьяны.

Вотъ багряною рукою [3])
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имянинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога,
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,

---

[1]) *Ричардсонъ* (1689 — 1761) — знаменитый Англійскій романистъ. Онъ есть основатель Англійскаго семейнаго романа. Ричардсону было уже *пятьдесятъ* лѣтъ, когда онъ въ первый разъ явился передъ публикою писателемъ. Его романы: *Памела или награжденная добродѣтель*; *Кларисса* (лучшее произведеніе поэта) и *Сэръ Чарльзъ Грандисонъ*. О Ричардсонѣ: Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. *Геттнера*, перев. *Пыпина*. Спб. 1863. Т. I, стр. 382 — 396.

[2]) *Руссо Жанъ-Жакъ* (1712—1778) — извѣстнѣйшій писатель Французскій. Его сочиненія: *Становится ли человѣчество дѣйствительно счастливѣе отъ образованія? Новая Элоиза; Эмиль, Исповѣдь* и др.— О Руссо: Всеобщая исторія литературы. *Шерра*, перев. *Пыпина*. Спб. 1863, вып. I, стр. 183—191. Исторія Французской литературы. *Юліяна Шмидта*, перев. Долгомостьева. Спб. 1863. Т. I, вып. I, стр. 11—13.

[3]) Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч.

Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ,
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ [1])
(Какъ вамъ, конечно онъ знакомъ),
И отставной Совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике, —
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ,
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада

---

[1]) Буяновъ, мой сосѣдъ,

. . . .

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ.
(Опасный сосѣдъ).

Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ.... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ [1]).
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ — и крестясь
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу;
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежъ — Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ»!
Кричитъ хозяйка: «наконецъ»!
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ

[1]) Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха. *Примѣч. Пушкина.*

И ей куплетъ передаетъ.
Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ:
Подсѣли дамы къ камельку:
Дѣвицы шепчутъ въ уголку.
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли,
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись;
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій; Харликову,

Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ;
И балъ блеститъ во всей красѣ.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.

Мазурка раздалась. Бывало
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

Пушкинъ.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА [1]).

Мнѣніе *Бѣлинскаго:* «Капитанская Дочка»—нѣчто въ родѣ «Онѣгина» въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы Русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины, по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера-Француза и, въ особенности, его дядьки изъ псарей, Савельича, этого Русскаго Калеба,—Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ самого Пугачева, съ его «господами енералами»; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ пересчитывать. Ничтожный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны, и мелодраматическій характеръ Швабрина, хотя принадлежатъ къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти,—однакожъ не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній Русской литературы». (Соч. Бѣл. VIII—698).

Мнѣніе *Гоголя:* «Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую, безы-

---

[1]) Повѣсть появилась въ 1833 году.

скусственную повѣсть прямо Русской жизни, занимала Пушкина въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ «Капитанскую Дочку», рѣшительно лучшее Русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ «Капитанскою Дочкою», всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазнею. Чистота и безыскуственность взошли въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и каррикатурною. Въ первый разъ выступили истинно Русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все — не только самая природа, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ». (Соч. Гоголя. III — 453).

Крѣпость.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я [1]) погрузился въ размышленія большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ Капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ, за всякую бездѣлицу, сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у своего ямщика.—«Не далече», отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужъ видна». Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ до-

[1]) Разсказъ ведется отъ лица Гринева, служившаго офицеромъ во время Пугачевщины.

микомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка», отвѣчалъ инвалидъ: «наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкапъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картины, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка»? спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ», сказала она: «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичекъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить», сказалъ онъ: «вы въ какомъ полку изволили служить»? Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить», продолжалъ онъ: «зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?» продолжалъ неутомимый вопрошатель. — «Полно врать пустяки», сказала ему капитанша: «ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя.... держи-ка руки прямѣе.... А ты, мой батюшка», продолжала она, обращаясь ко мнѣ: «не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычъ вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ: онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Ивановичъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

«Максимычъ!» сказала ему капитанша. «Отведи г. офицеру квартиру, да почище».

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ. Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

«Врешь, Максимычъ», сказала капитанша: «у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера.... какъ ваше имя и отечество, мой батюшка»?

— Петръ Андреичъ.

«Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, что, Максимычъ все ли благополучно»?

—Все, слава Богу, тихо, отвѣчалъ казакъ: только капралъ Прохоровъ подрался съ Устиньей Пегулиной.

«Иванъ Игнатьевичъ»! сказала капитанша кривому старичку. «Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ»?

На другой день по утру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ не высокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно не красивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня», сказалъ онъ мнѣ по-Французски: «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лице такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда поживете здѣсь нѣсколько времени». Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень неглупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большою веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Ва-

силисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался итти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученье, но онъ просилъ насъ итти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь», прибавилъ онъ: «нечего вамъ смотрѣть».

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною какъ бы нѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что это мой Иванъ Кузмичъ сегодня такъ заучился»! сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша»? Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться». Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

«Что это, мой батюшка»? сказала ему жена: «кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься».

— А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузмичъ: я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

«И полно»! возразила капитанша. «Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и какое ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли»! сказала она: «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да слава Богу, живемъ по маленьку. Одна бѣда: Маша дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою». Я взглянулъ на Марью Ивановну; она

вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати: что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы.

«Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать»? спросилъ Иванъ Кузмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, отвѣчалъ я.

«Пустяки»! сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню».

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

«Привычка, мой батюшка», отвѣчала она. Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, то и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ».

— «Василиса Егоровна прехрабрая дама», замѣтилъ важно Швабринъ. «Иванъ Кузмичъ можетъ это засвидѣтельствовать».

«Да, слышь ты», сказалъ Иванъ Кузмичъ: баба-то не робкаго десятка».

— А Марья Ивановна? спросилъ я: также ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша»? отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузмичъ выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.»

Мы встали изъ-за стола. Я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

Приступъ.

Мятежники съѣзжались около своего предводителяя (Пугачева) и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко», сказалъ комендантъ: «будетъ приступъ». Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь

хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята», сказалъ комендантъ: «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною»!

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы, дѣтушки, стоите?» закричалъ Иванъ Кузмичъ. «Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ»! Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, Башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай», сказалъ Пугачевъ: «Государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не го-

сударь», отвѣчалъ Иванъ Игнатьевичъ, повторяя слова своего капитана. «Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!» Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось», повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичъ!» шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямся! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе знать одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло.

Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!» — «Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

Гриневъ отправился въ Оренбургъ. Услышавъ, что Швабринъ сдѣланъ отъ Пугачева комендантомъ Бѣлогорской крѣпости, и принуждаетъ Марью Ивановну выйти за него, Швабрина, замужъ, онъ прибылъ обратно въ крѣпость вмѣстѣ съ Пугачевымъ, въ одной кибиткѣ и вырвалъ жертву изъ рукъ негодяя. Соединенный такимъ образомъ съ любимою дѣвушкою, Гриневъ отправляется съ нею въ домъ своихъ родителей, но на пути онъ, за участіе въ дѣлѣ Пугачева, арестуется, по повелѣнію Императрицы: Марья Ивановна одна съ Савельичемъ ѣдетъ въ домъ родителей своего жениха. Тамъ, послѣ зрѣлаго обсужденія невинныхъ дѣйствій Гринева, она рѣшается ѣхать въ Петербургъ и сама лично проситъ за своего жениха. Какъ совершилось представленіе Капитанской дочки Государынѣ, о томъ см. далѣе.

Императрица Екатерина II.

Узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась (Марья Ивановна) тутъ остановиться. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣ-

лась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ Графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу; Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшняя?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды».

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь Капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

«Извините меня», сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣрен-

ность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Спачала читала она съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холодимъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй».

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ, не правда»! возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Не правда, ей Богу, не правда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

«Гдѣ вы остановились»? спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю, прощайте. Не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо».

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Иванонна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи»! закричала она: «Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете.... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ?

Камеръ-лакей объяпилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы: сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которою такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью Капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціяльной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню....

Пушкинъ.

Темы. — Черты историческія въ повѣсти. — Черты общественныя. — Характеристика капитана Миронова. — Характеристика Императрицы Екатерины II. — Языкъ повѣсти.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

Пріѣздъ сыновей Бульбы и ихъ отправленіе въ Запорожскую Сѣчь.

— А поворотись, сынку! цуръ тебѣ, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подъ лобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Постойте, постойте дѣти, продолжалъ онъ, поворачивая ихъ:— какія же длинныя на васъ свитки [3])! Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

— Фу, ты какой пышной! а отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то ей Богу, поколочу!

— Ахъ ты, сякой, такой сынъ! Какъ! батька? сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! говорилъ Бульба, засучивъ рукава.— И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали преусердно колотить другъ друга.

— Вотъ это сдурѣлъ старый! говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ.

— Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ Богъ знаетъ что: биться на кулачки!

— Да онъ славно бьется! говорилъ Бульба, остановившись. Ей Богу, хорошо!.... такъ таки, продолжалъ онъ, не много оправляясь,

[3]) Свиткой называется верхняя одежда у Малороссіанъ.

хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся!

И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ»? говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. «Что жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня»?

— Вотъ еще выдумалъ что! говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. — И придетъ же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било роднаго отца? При томъ будто до того теперь: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отпочить и поѣсть чего-нибудь; а онъ заставляетъ биться!

— Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу! говорилъ Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба; она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чисто поле да добрый конь; вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, все это *ка зна що*, я плевать на все это! — Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. — Я васъ на той же недѣлѣ отправлю въ Запорожье. Вотъ вамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!

«И только всего одну недѣлю быть имъ дома»? говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать. «И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ»!

— Полно, полно, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковниковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горилки, чтобы горилки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и другими вытребеньками, а чистой горилки, настоящей, такой, чтобы шипѣла какъ бѣсъ!

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусѣ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начинала рождаться мысль объ Уніи. Все было чисто, вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленыя фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки Венеціанской, Турецкой и

Черкесской работы, зашедшія въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разъѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая Русская купчиха, съ какими-то нарисованными пѣтухами на изразцахъ — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякой казакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

— Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горилки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били, и Турковъ бы били, и Татарву били бы, когда и Ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и Ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что, хороша горилка? А какъ по Латыни — горилка? То-то, сынку, дурни были Латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горилка. Какъ-бишь того звали, что Латынскіе вирши писалъ? Я грамоты-то не слишкомъ разумѣю, то и не помню: Горацій, кажется»?

«Вишъ какой батько»! подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ: «все собака знаетъ, а еще и прикидывается».

— Я думаю, архимандритъ, продолжалъ Бульба, не давалъ вамъ и понюхать горилки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему? а можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ суботки, драли васъ и по средамъ, и по четвергамъ!

— Нечего, батько, вспоминать, говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ:—что было, то уже прошло.

— Теперь мы можемъ росписать всякаго, говорилъ Андрій — саблями да списами. Вотъ пусть только попадется Татарва.

— Добре, сынку! ей Богу, добре! да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что! я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я казакъ! я не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу, ѣду! — И старый Бульба мало-помалу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и пріосанившись топнулъ ногой. — Завтра же

ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что горшки? — При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить, но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XVI вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украйна. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ Татаръ соединенными Польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ними не по ровну и Польскія войска получили болѣе преимущества.

Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: «Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы»!

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, — который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ, и совершенно покорствовался его желанію. Вообще былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. «Ну, дѣти! что и какъ! кого и за что нужно бить»? обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію,

только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою; въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и казачества.

Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго казака, еслибы лице его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защитить что-нибудь.

Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслію о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ»! Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны, представитъ своимъ товарищамъ и поглядитъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему осаулу, котораго называлъ Товкачемъ, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую-то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, разчищая своею саблею, какъ-будто бы мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, покамѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ чортомъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился

рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣльку мнѣ поглядѣть на васъ»! говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-то прекрасное лице. .

Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она видѣла мужа въ годъ два три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ не было о немъ слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея щеки покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все! Рыдая глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала. «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ.

Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть: верхніе листья вербъ начали лепетать и мало помалу лепечущая струя спустилась по нимъ до самого низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржанье жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великой лежитъ! —

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей свои лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, ширпною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные Турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! произнесъ наконецъ Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей,

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! сказалъ Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на огнѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы; надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ.... Божья Матерь.... не забывайте, сын-

ки, мать вашу.... пришлите хоть вѣсточку о себѣ.... Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдемъ, дѣти! сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего чорта, который бѣшенно отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидала мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, не сообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью.

Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однакоже, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; одни только вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще остался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни, отъ лѣтъ, когда качались по росистой травѣ его. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

Темы. — Планъ разсказа. — Характеръ Бульбы. — Положеніе женщины у казаковъ XVI в. — Материнская любовь. — Воспитаніе въ Кіевской бурсѣ. — Правда ли замѣчаніе *Кулиша*, что начало этой повѣсти не естественно?

Степи и Запорожская Сѣчь.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ

въ лѣсу, вытоптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вотъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти казаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя боклажки съ горилкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видимо было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ и оно становилось темно-зеленымъ; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ; раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воз-

духѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ.

На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, карканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время; то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: «Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ Татаринъ»!

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидавши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ.

— А ну, дѣти, попробуйте догнать Татарина!... И не пробуйте; во вѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего чорта.

Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже не далеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевощиками. Казаки

оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамали подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горилку. Но первый, кто попался имъ на встрѣчу, это былъ Запорожецъ, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

—Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая. Запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогаго сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія.

Полюбовавшись, Бульба пробрался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшихъ это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или, по-Татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи.

Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность.

Нѣсколько дюжихъ Запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «Здравствуйте, панóве!»—«Здравствуйте и вы!» отвѣчали Запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшія кучи. Такъ вотъ Сѣчь! вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно со-

биралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ Запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ серединѣ которыхъ отплясывалъ молодой Запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «Живѣй играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горилки православнымъ!» И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодаго Запорожца четыре старыхъ выработывали довольно мелко своими ногами, вскидываясь, какъ вихоръ, на сторону, почти на голову музыкантамъ, вдругъ, опустившись, неслися въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та! Толпа, чѣмъ далѣе, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими Запорожцами. Это имѣло въ себѣ что-то заразительно-увлекательное. Нельзя было безъ движеній всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самой бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе казачка.

Тарасъ Бульба крикнулъ отъ нетерпѣнія и досады, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезъ-чуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступника, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли придти въ голову человѣку въ разгульномъ весельи, раздавались свободно.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здравствуй, Застежка! думалъ ли я видѣть тебя, Ремень»! И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ»? и слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самой Царь-Градъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «добрые были казаки»!

Гоголь.

Темы.—Картины природы.—Черты Запорожскаго казачества.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

Добрый день Степана Михайловича.

Въ исходѣ іюля стояли уже сильные жары. Послѣ душвой ночи, потянулъ ва разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдники. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Рояии носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты, и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодаго сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни.... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайченокъ храпѣли на полу. «Экъ храпятъ собачьи дѣти»! сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ, но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя, кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть.—Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель въ правѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сши-

тое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ».... Но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про добрый день моего дѣдушки. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подослалъ его подъ себя, на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. — Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно, а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ ничего въ этомъ непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостояніе своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой», выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и того породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились на небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки, звонко били перепелы въ поляхъ, надсѣдаясь, хрипло кричали въ поляхъ дергуны; подсвистыванье погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужики въ поле.... Захотѣлось дѣдушкѣ умыться

студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню, — чаю»! Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ»? Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее.

— «Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша»! заговорилъ Степанъ Михайловичъ, «покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты»? Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Елизаветой и Александрой Степановными, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую — Лексаней. Обѣ были очень не глупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость; но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Ба-

бушка была женщина простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по не умѣнью, рѣдко проходило ей даромъ, и что старикъ зналъ наизусть; онъ зналъ и то, что дочери готовы его обмануть при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ, безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лице отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «лошадь!» и старый бурый меринъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частью веревочной рѣшеткой, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ — уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Свиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предъидущій разъ Свиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой*, и надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста, да картузъ, и, подославъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Свиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный въ-трое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что Багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали «мареннками», я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ смотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и сизія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко

сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. «Ну, Ариша», весело сказалъ дѣдушка: — «какіе хлѣба дастъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка»! Бабушка растаяла отъ радости. «На половину поспѣла», продолжалъ онъ: — «съ завтрашняго дня посылать по ягоды». Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. «А, готово»! еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: — «спасибо»; и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, — чтобъ кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ Русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось вчетеро болѣе,

чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину: скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись остатковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ; захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утренняго проснулся баринъ, и первое слово его было: «студеной бражки»! Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и чтожъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми, и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ, и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой....» договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіи моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на

отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь переслать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и—только разсмѣялся! Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали замужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. И. Багрову, круглую, но очень богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни, и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до-сыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собою удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, не подалеку отъ кауза, около котораго удили ся меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтный сынокъ, то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ

еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ спастяхъ или ошибки въ уставѣ жерновов: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки,—и мука пошла мельче, чѣму помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду, мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась».—«То-то маленько», безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: «кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась».— «Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ».— «Ну, Богъ проститъ! давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука». Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу (тоже по приказанію дѣдушки),— и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольцу, знакомому Мордвину: «чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше». Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть, кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичій дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полу-пуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана [1]) хорошо смотритъ за птицею.

---

[1]) Прозванье «Горожаны» она имѣла потому, что нѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ.

Жаръ давно свалилъ; прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера; длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ; слышалось въ ней блеянье и мычанье стада; опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ.— «Пора, Аринша, домой; староста, чай, ждетъ меня», сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что чрезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой, на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно, кушали за нимъ даже плотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставилъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики

ночныхъ птицъ, какъ будто онн приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

Аксаковъ [1]).

Темы.—Планъ разсказа.—Жизнь Р. помѣщика XVIII в.—Багровъ и его семейство.—Картины природы.—Педагогическое значеніе этого отрывка.

СТАРЫЕ ГОДЫ.

Заборская Ярмарка.

«Въ *старые-то годы*, батюшка Сергѣй Андреичъ, бывала у насъ [2]) въ Заборьѣ ярмонка, а приходилась она въ лѣтнюю пору. Съѣзжались на нее, сударь ты мой, торговые люди со всякими товарами со всего царства и изъ другихъ краевъ, всякіе иноземцы бывали, и всѣмъ былъ вольный торгъ двѣ недѣли. Сказывали купчины, что наша Заборская ярмонка развѣ малымъ чѣмъ Макарьевской уступала, а Украинскихъ и другихъ много лучше была. Да, батюшка, вотъ хоть и ярмонка, и та совсѣмъ рѣшилась.

«Была она на землѣ монастырской, оттого всѣ денежные сборы: и таможенный, и привальный, и отвальный, и пятно конское, и австерскія, и похомутный и вѣсчая пошлина, все на монастырь шло. А какъ монастырскую землю обошли Заборскія дачи во всѣ стороны, отъ этого вся ярмонка въ нашихъ рукахъ и состояла. Хоть для порядку и наѣзжали изъ Зимогорска коммисары съ драгунами *«для дѣлъ набережныхъ»* и *«для дѣлъ объѣзжихъ»*, да ассессоры провинціальные, — исправниковъ тогда и въ духахъ еще не было, — однакоже вся сила была въ князѣ Алексѣѣ Юрьевичѣ.

«Вотъ бывало, наступитъ девятая пятница, ярмонкѣ начало. Съ самаго ранняго утра у насъ въ Заборьѣ все закипитъ, ровно въ муравейникѣ: въ парадъ собираться станутъ, пудриться, одѣваться, коней сѣдлать, кареты закладывать. И какъ все это устроится, пойдетъ старшій дворецкій, — а былъ въ этомъ чинѣ не изъ холопей, а всегда изъ мелкопомѣстнаго шляхетства кто-нибудь, — и доложитъ князю, что время на ярмонку ѣхать. Вотъ и велитъ

---

[1]) Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ умеръ 1860 г.

[2]) Разсказъ ведется отъ лица девятидесятилѣтняго старика Анисима Прокофьича.

князь намъ въ ряды строиться. Доложатъ ему, что построились, и выйдетъ самъ на крыльцо во всемъ нарядѣ: въ аломъ бархатномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ глазетовомъ камзолѣ съ серебряными блестками, въ парикѣ по плечамъ, въ шляпѣ трехугольной, въ кавалеріи и при шпагѣ. А за нимъ сотня другая большихъ господъ, «знакомцевъ» изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и *недорослей* — всѣ въ шелковыхъ кафтанахъ и въ парикахъ. Потомъ на крыльцо княгиня Марѳа Петровна выйдетъ, въ помпалурѣ изъ парчи серебряной съ алыми разводами, волосы къ верху зачесаны и напудрены, и на верху корабликъ, а шея, и грудь, и голова, такъ и горятъ у нея, у матушки, камнями самоцвѣтными; за ней барыни всѣ въ робронахъ и въ пудрѣ, приживалки всѣ въ княгининыхъ платьяхъ, въ лѣтнихъ и въ шапочкахъ собольихъ.

— «Трогай! крикнетъ князь Алексѣй Юрьевичъ, — и поѣдетъ поѣздъ къ монастырю.

«Впереди пятьдесятъ вершниковъ; поѣдутъ они на гнѣдыхъ лошадяхъ, всѣ въ суконныхъ кармазинныхъ чекменяхъ, поясы серебреные, штиблеты желтые, а на головахъ парики надѣты пудреные и шляпы круглыя съ зелеными перьями.

«За вершниками охота поѣдетъ, только безъ собакъ. Псари и доѣзжіе поѣдутъ регементами: первый регименть на вороныхъ коняхъ въ кармазинныхъ чекменяхъ, другой регименть на рыжихъ коняхъ въ зеленыхъ чекменяхъ, а третій регименть на сѣрыхъ коняхъ въ голубыхъ чекменяхъ. А чекмени у всѣхъ суконные, а черезъ плечо шелковыя перевязи, у однихъ бѣлыя шитыя золотомъ, у другихъ черныя, шитыя серебромъ. За ними стремянные поѣдутъ на гнѣдыхъ коняхъ въ чекменяхъ малиновыхъ, въ желтыхъ шапкахъ съ красными перьями, а черезъ плечо перевязь золотая и на ней серебряный рогъ.

«За охотой шляхетство мелкопомѣстное и знакомцы верхами, кто въ мундирѣ, кто въ шелковомъ французскомъ кафтанѣ, а всѣ въ пудреныхъ парикахъ, лошади подъ ними всѣ съ княжой конюшни. За шляхетствомъ мало отступя, самъ князь Алексѣй Юрьевичъ въ открытой золотой каретѣ цугомъ, лошади бѣлыя, а хвосты и гривы у нихъ черные, — нарочно бывало чернили. За каретой четыре гайдука на запяткахъ да шестеро пѣшкомъ, всѣ они въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ, а кафтаны вокругъ шиты золотомъ, камзолы алаго сукна, а рукава алаго бархату съ кондырками малыми, золотою бахрамой обшитыми. Шапки на гайдукахъ плисоваго бархату съ золотыми шнурками и съ бѣлыми перьями. И у каждаго гайдука чрезъ плечо цѣпь серебряная повѣшена. За каретой арапы пѣшкомъ въ красныхъ юбкахъ съ золотыми поясами, на шеѣ у каждаго серебряный ошейникъ, а на головѣ красная шапка.

Потомъ другая золотая карета, тоже цугомъ, въ ней княгиня Марѳа Петровна ѣдетъ, вокругъ кареты скороходы, на нихъ юбки краснаго золотнаго штофа, а прочее платье бѣлаго штофа серебрянаго, сами въ парикахъ напудренныхъ большихъ и безъ шапокъ. За княгининой каретой каретъ сорокъ простыхъ не золоченыхъ, всѣ заложены въ четыре лошади и безъ скороходовъ, а только по два лакея въ желтыхъ кафтанахъ на запяткахъ; въ тѣхъ каретахъ большіе господа съ женами и дочерьми, барыни изъ мелкопомѣстнаго шляхетства и вольныя дворянки, что при княжемъ дворѣ проживали.

«Пріѣдутъ къ монастырю, у святыхъ воротъ изъ каретъ выйдутъ и въ церковь пойдутъ. А какъ службу божественную отпоютъ, съ крестнымъ ходомъ кругомъ монастыря отправятся, да обошедши монастырь, на ярмонку для освѣщенія флаговъ. Какъ станутъ воду святить, пушечная пальба пойдетъ, а музыка: *Коль славенъ Богъ въ Сіонѣ* заиграетъ. Тутъ князь Алексѣй Юрьевичъ къ архимандриту флагъ ярмоночный поднесетъ, архимандритъ святою водою его покропитъ, а князь Алексѣй Юрьевичъ на столбъ его своими руками вздернетъ. Пушки запалятъ, музыка заиграетъ, трубы, роги раздадутся, а народъ во все горло *ура!* и шапки вверхъ. Это значитъ ярмонка началась, и съ того часу всѣмъ купцамъ торгъ повольный, а смѣй который изъ нихъ прежде того урочнаго часу лавку открыть, запоретъ бывало до полусмерти того своевольника князь Алексѣй Юрьевичъ, а товаръ весь въ Волгу покидаетъ, либо сожжетъ середи ярманки.

«Послѣ того къ архимандриту обѣдать. А на полѣ подлѣ ярманки столы накроютъ, бочки съ виномъ выкатятъ для холопей и для чернаго народу. И тутъ не одна тысяча людей на княжой коштъ ѣстъ, пьетъ и прохлаждается до поздней ночи. Всѣмъ былъ одинъ приказъ: «пей изъ ковша, а мѣра душа», и рѣдкій годъ бывало въ этотъ день человѣкъ двадцать не обопьется. А пьяныхъ во время ярмонки подбирать не велѣно было, а коли кто на пьянаго наткнулся, перешагни черезъ него, а тронуть пальцемъ не моги.

«На другой день у насъ въ Заборьѣ пиръ горой. Соберутся и большіе господа, и мелкопомѣстные, и торговые люди, и приказные, всего человѣкъ съ тысячу, а иной годъ и больше. У князя Алексѣя Юрьевича такой обычай былъ: кто ни пришелъ, не спрашиваютъ, чей да откуда, а садись да пей, а коли ѣсть хочешь, пожалуй и ѣшь, добра принасено вдосталь....

«А на полянѣ, позадь дому, опять столы поставлены да бочки выкачены. Музыка, пѣсни, пальба, гульба — день-деньской стономъ стоятъ. Вечеромъ потѣшные огни зажгутъ, да бочки смоляныя, хо-

роводы въ саду пачнутъ водить. Со всей волости бабъ да дѣвокъ нагонятъ. Эхъ, золотое времечко было, батюшка, Сергѣй Андреичъ! И на старости вспомянуть лестно!... Было, батюшка, пожито, было, государь мой, погуляно!... Да такъ всю ярманку бывало и прогуляемъ. Каждый Божій день у насъ народу видимо-невидимо. И все пьяно. Крикъ, гамъ, пѣсни, драка—пыль коромысломъ да и все тутъ.

«А на ярмапку для порядку князь Алексѣй Юрьевичъ каждый день самъ выѣжать изволилъ. Чуть кого въ чемъ замѣтитъ, тутъ же ему и расправа. И судъ его всѣмъ пріятенъ былъ для того, что кончался скоро: тутъ же бывало на мѣстѣ и разборъ, и взысканье, въ дальній ящикъ ничего не любилъ откладывать; все у него шло живой рукой. А чернилъ да бумагъ бѣда какъ не жаловалъ. За то всѣ торговые люди, что на Заборскую ярмонку пріѣзжали, какъ отца роднаго любили князя Алексѣя Юрьевича, благодѣтелемъ своимъ и милостивцемъ звали. Вѣдь и они до бумаги-то не больно охочи. Да и въ самомъ дѣлѣ, до челобитныхъ ли тутъ, да до приказныхъ ли людей купцу на ярмонкѣ, когда у каждаго всякій часъ дорогъ. Ярмоночное дѣло самое горячее, тутъ и товаръ-то распродать такъ едва успѣешь, да еще какъ съ судами, да съ чиновниками свяжешься, такъ такого наживешь себѣ барыша, что по скорости и дому лишиться можешь.

«А ужъ куда не любилъ князь Алексѣй Юрьевичъ тѣхъ людей, которые помимо его въ судахъ просили. Призоветъ, бывало, такого, шляхетнаго ли онъ роду, купчина ли, мужикъ ли, это ему все равно: перво-на-перво обругаетъ его самыми нехорошими словами, потомъ изъ своихъ рукъ побить изволитъ, а послѣ того кошки, плети, или кашица березовая, смотря по чину и по званію. А послѣ бани тотъ человѣкъ долженъ былъ идти къ князю Алексѣю Юрьевичу за науку благодарить.

«То-то и есть, скажетъ тутъ князь Алексѣй Юрьевичъ, — ты какъ гусь: летаешь-то высоко, да садиться не умѣешь, такъ вотъ и дождался. Развѣ тебѣ нѣтъ моего суда, что вздумалъ ты къ приказнымъ ходить, съ этимъ крапивнымъ сѣменемъ знаться? Смотри же, впередъ у меня будь умнѣе.... И ничего: пожалуетъ еще ручку поцѣловать и велитъ того человѣка напоить, накормить до-отвалу.

«Купцамъ на ярмонкѣ у него такой приказъ былъ: съ богатаго сколько хочешь бери, обманывай, обмѣривай его, какъ твоей душѣ угодно, а бѣднаго человѣка обидѣть не моги. Разъ позвалъ онъ къ себѣ въ Заборье Московскаго купчину обѣдать; купчина былъ богатѣющій, каждый годъ привозилъ онъ на ярмонку папскаго и суровскаго товару на многія тысячи: парчи, дородоры, гарнитуры,

глазеты, атласы, левантины, ну и другія всякія матеріи. Да товаръ-то все прочный былъ: лубокъ лубкомъ; въ нынѣшнее время нигдѣ такихъ матерій не найти, потому что все стало щепетильнѣе, измельчало, измалодушествовалось, и отъ того отъ самого и одежду стали потоньше носить.

Вотъ-съ пообѣдавши, говоритъ князь Алексѣй Юрьевичъ тому купчинѣ:

— «Почемъ ты, Трифонъ Егорычъ, алый левантинъ продаешь?

— «По гривнѣ продаемъ, ваше сіятельство, и по четыре алтына, смотря по добротѣ.

«Вотъ, сударь, цѣны-то какія въ старые годы были, а нынче что? Пареной рѣпы развѣ только на такія деньги купить можно.

— «А была у тебя вчера въ лавкѣ попадья изъ Большаго Врагу?

— «Не могу знать, ваше сіятельство, народу въ день перебываетъ много. Всѣхъ запомнить невозможно.

— «Попадья у тебя аршинъ алаго левантину на головку покупала. Почемъ ты ей продалъ?

— «Не помню, ваше сіятельство, хоть околѣть на этомъ мѣстѣ, не помню. Да еще, можетъ-статься, не самъ я и товаръ-то ей отпущалъ, а изъ молодцовъ кто-нибудь.

— «Ну, ладно, сказалъ князь Алексѣй Юрьевичъ, да и кликнулъ вершника. А вершниковъ съ десятокъ всегда у крыльца на коняхъ стояло для посылокъ.

«Вошелъ вершникъ. Купчина ни живъ, ни мертвъ, думаетъ, на конюшню вести хотятъ; говоритъ вершнику князь Алексѣй Юрьевичъ: «Проводи ты вотъ этого купчину до ярмонки, тамъ онъ дастъ тебѣ кусокъ алаго левантину самаго лучшаго. Возьми ты этотъ левантинъ и духомъ отвези его въ Большой Врагъ, отдай его отца Дмитрія попадьѣ, и скажи ей: купецъ молъ Московскій Трифонъ Егорычъ Чуркинъ кланяться тебѣ велѣлъ, матушка, и прислалъ, дискать, кусокъ левантину въ подарокъ, за то де, что вчера онъ съ тебя за аршинъ такого левантина непомѣрную цѣну взялъ. Такъ и скажи ей. А ты, Трифонъ Егорычъ, за молодцами-то своими приглядывай, чтобы они бѣдныхъ людей не обижали, а не то вѣдь я посвойски расправлюсь. Пороть тебя не стану, а въ сидѣльцы къ тебѣ пойду. Такъ смотри же, держи у меня ухо востро.

«Недѣли не прошло, какъ спровѣдалъ князь Алексѣй Юрьевичъ про Чуркина, что однодворца одного канифасомъ обмѣрялъ.

«Какъ только услыхалъ про это, ту же минуту на конь, прискакалъ на ярмонку, и прямо къ Чуркину въ лавку.

— «А ты, говоритъ, Трифонъ Егорычъ, забылъ мой приказъ? Экая у тебя, братецъ ты мой, память-то короткая! Ну, нечего дѣ-

лать, надо мнѣ свое княжеское слово выполнить, надо къ тебѣ въ сидѣльцы идти. Эй, вы аршинники, вонъ всѣ изъ лавки!

«Чуркинъ съ молодцами изъ лавки вонъ, а князь Алексѣй Юрьевичъ, ставши за прилавокъ, да взявши аршинъ въ руки, и крикнулъ на всю ярмонку зычнымъ своимъ голосомъ»:

— «Эй вы, господа честные, покупатели дорогіе! Къ намъ въ лавку покорно просимъ, у насъ всякаго товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякіе дамскіе припасы, чулки, платки, батисты изъ помпадуровъ: не прикажете ли чего? Продаемъ все безъ обмѣру, безъ обвѣсу и безъ всякаго обману. Сдачи не даемъ, а сами мелкихъ денегъ не беремъ. Отпускаемъ товаръ за свою цѣну, за наличныя деньги, а у кого денегъ нѣтъ, тому и въ долгъ повѣрить можемъ: заплатишь—спасибо, не заплатишь—Богъ съ тобой.

«Навалила въ лавку вся ярмонка. А князь Алексѣй Юрьевичъ за прилавкомъ аршиномъ работаетъ: пять аршинъ чего ни-на есть отмѣряетъ да куска два-три почтенія сдѣлаетъ. Этакимъ манеромъ часа черезъ три у Чуркина весь товаръ продалъ, только наличной выручки оказалось число небольшое.

— «Вотъ тебѣ, сказалъ князь Чуркину, выручка, а остальной товаръ въ долгъ продалъ. Ищи, хлопочи, сбирай долги, это ужъ твоя забота, а мое дѣло сторона. Да смотри ты у меня, попадью съ однодворцемъ не забывай. Ну, поѣдемъ теперь въ Заборье обѣдать, оно бы, по настоящему, съ тебя бы могарычи-то слѣдовали, тебя бы съ окончаніемъ ярмонки надо было поздравить — ну, да такъ и быть: пожалуй, ужъ я накормлю. Садись въ карету»!

«Замялся Чуркинъ, не лѣзетъ въ карету, и стоитъ какъ зачумленный».

— «Да не бойсь, хозяинъ, садись, сказалъ ему князь Алексѣй. Ты, чай, думаешь, что драть тебя стану, такъ не бойся: когда я разъ сказалъ, что пороть тебя не стану, такъ это ужъ и значитъ что не стану. А захотѣлъ бы тебя плетью поучить, такъ и здѣсь бы спину-то вздулъ. Зачѣмъ же бы тогда въ Заборье-то тебѣ было ѣздить? Ну, садись же, полно, хозяинъ!

«Нечего дѣлать, сѣлъ Чуркинъ съ княземъ въ карету, поѣхалъ въ Заборье обѣдать. А за обѣдомъ Чуркина на первое мѣсто посадили, а князь самъ ему прислуживалъ, а за стуломъ у него съ тарелкой стоялъ и *хозяиномъ* все время называлъ. «Я-де, говоритъ, у Трифона Егорыча въ услуженіи состою».

«А пороть не поролъ. На прощанье еще жалованьемъ своимъ удостоилъ: отъ любимой борзой суки Прозерпинки кобелька да сученку на племя подарилъ.

«Съ той поры Чуркинъ на ярмонку ни ногой. Сказывали, будто отъ того пересталъ онъ на ярмонку ѣздить, что въ дѣлишкахъ ма-

ленько поразстроился, а впрочемъ доподлинно того сказать вамъ не могу.

«А коли кто съ княземъ Алексѣемъ Юрьевичемъ, смѣло да умно поступалъ, того любилъ. Разъ на ярмонкѣ шелъ онъ за балаганами одинъ одинешенекъ, ни единой души изъ насъ при немъ не было. Завидѣлъ онъ одного купчину, который прогнѣвалъ его: отобѣдавши въ Заборьѣ, не захотѣлъ въ саду повеселиться, спѣшнымъ дѣломъ отговаривался, въ полученіи-де предвидѣлось отъ Сибирскихъ купцовъ. Соснувши маленько послѣ обѣда, узналъ князь Алексѣй Юрьевичъ, что купчина его приказу сдѣлался ослушенъ и тихонько на ярмонку съѣхалъ: — Ну, говоритъ, чортъ съ нимъ: была бы честь приложена, а убытка Богъ избавилъ. Пороть его не стану, а до морды доберусь, такъ не пѣняй».

«Вотъ и попался онъ ему за балаганами, а тутъ песокъ сыпучій, а за пескомъ озеро, дно у него ровно да покатое, отъ берега мелко, а на середкѣ дна не достанешь, только ямъ и уступовъ въ озерѣ нѣтъ. Завидѣвши купчину, князь остановился да пальцемъ его манитъ: — Поди-ка, говоритъ, сюда. А купчина ужъ смѣкаетъ, зачѣмъ его зовутъ, нейдетъ, да стоя саженяхъ въ двадцати и говоритъ»:

— «Нѣтъ, ваше сіятельство, ты самъ поди ко мнѣ, а ужъ я не пойду, для того, что зуботрещинъ твоихъ, ни кошекъ, ни плетей не желаю».

— «Ахъ ты, аршинникъ этакой! — закричалъ князь Алексѣй Юрьевичъ, и родителей того купчины не хорошимъ словомъ вспомянуть изволилъ. Да къ нему».

«А купчина парень не промахъ, задалъ тягача, и пустился къ озеру, а песокъ тутъ сыпучій, ноги такъ и вязнутъ. Князь Алексѣй Юрьевичъ въ догонку за купчиной, распалился весь, запыхался, а все бѣжитъ, сердце-то его ужъ очень взяло. Вязнутъ ноги у купчины, вязнутъ и у князя. Вотъ купчина догадался: оглянулся назадъ, видитъ, что князь шагахъ во ста отъ него. Эхъ, думаетъ, успѣю; сѣлъ, сапоги долой, да босикомъ и пустился: ему бѣжать-то и вольготнѣе стало. Видитъ князь Алексѣй Юрьевичъ, что купчина сдѣлалъ дѣло умное, самъ сѣлъ, тоже сапоги долой, да босикомъ дальше. Купчина къ озеру, князь за нимъ, тотъ въ озеро, князь тоже. Забрелъ купчина по горло, а князь по грудь, остановился да и сталъ пальчикомъ купчину манить къ себѣ.

— «Пойди, говоритъ, ко мнѣ, я съ тобой раздѣлаться хочу».

«А купчина ему въ отвѣтъ тоже манитъ да говоритъ: — «Нѣтъ, ваше сіятельство, ты ко мнѣ поди, а ужъ я не пойду».

— «Да вѣдь ты, подлецъ, утонишь меня»?

— «Ну, тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ, а только къ тебѣ не пойду».

«Перекорялись, перекорялись эдакъ, а другъ къ другу не пошли. Время хоть и жаркое было, ну, а стоя въ водѣ, все-таки продрогли.

— «Ну, говоритъ князь Алексѣй Юрьевичъ, люблю молодца за обычай, поѣдемъ въ Заборье обѣдать, а зло твое я забылъ».

— «Врешь, ваше сiятельство, говоритъ ему купчина, — обманешь, выпорешь».

— «Пальцемъ не трону, отвѣчаетъ ему князь Алексѣй Юрьевичъ, — право пальцемъ не трону».

— «Обманешь, ваше сiятельство».

— «Ей Богу не обману, право не обману».

— «А ну, перекрестись!

«И началъ князь Алексѣй Юрьевичъ, стоя въ водѣ, креститься, и всѣми святыми себя заклинать, что никакого дурна надъ тѣмъ купчиной онъ не учинитъ. Далъ купчина вѣру князю Алексѣю Юрьевичу, поѣхалъ съ нимъ въ Заборье.

«Что же вы, сударь, думаете? вѣдь не то чтобы выдрать купчину, а еще прiятелемъ закадычнымъ сдѣлалъ его своимъ, домъ каменный ему въ Москвѣ подарилъ. Бывало, что́ есть—вмѣстѣ, чего нѣтъ—пополамъ. Двухъ дочерей замужъ выдалъ и въ посаженыхъ отцахъ былъ, а сына въ чины вывелъ и послѣ онъ у насъ въ Зимогорскѣ вице-губернаторомъ былъ, и нажился вотъ какъ, тысячу безъ малаго душъ купилъ. Ну, мѣсто важное, кормленья довольно. А нѣтъ-нѣтъ, да бывало и припомнитъ, какъ они въ озерѣ-то съ нимъ были.

— «А вѣдь утопилъ бы ты меня, Кононъ Ѳаденчъ, какъ-бы я сдуру-то тогда къ тебѣ пошелъ? скажетъ бывало, князь.

«А какъ знать чего не знать, отвѣтитъ купчина,—что̀ бы Богъ указалъ, то бы я надъ тобой, ваше сiятельство, и сдѣлалъ.

«Шельма продувная былъ этотъ Кононъ Ѳаденчъ.

«Ну и захохочутъ оба, да послѣ такихъ словъ и почнутъ цѣловаться. И всегда и во всемъ такъ было, что если кто удалую штуку удеретъ или тыкпетъ ему прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ и въ чести держалъ. Да вотъ еще какой случай былъ однажды.

«Въ лѣтнюю пору каждый день послѣ обѣда садился, бывало, князь въ кресла вздремнуть маленько. Кресла ставили для него на балконѣ, онъ такъ на порогѣ и дремлетъ. И въ то время по всему Заборью и на Волгѣ на всѣхъ судахъ никто пикнуть не моги, а не то на конюшню. Флагъ нарочно такой на домѣ выкидывали, чтобы всѣ знали, когда князь почивать изволитъ.

«Вотъ, сударь, дремлетъ онъ эдакъ одинъ разъ, а барченокъ изъ мелкопомѣстныхъ знакомцевъ, что изъ милости на кухнѣ проживалъ, пробирается подлѣ дому тихонько. А въ нижнемъ жильѣ, подъ тѣмъ самымъ балкономъ, гдѣ князь опочивать изволилъ, жили барышни-проживалки, вольныя дворянки тоже, и деревни у нихъ свои были, только плохонькія, поэтому самому онѣ въ Заборьѣ на княжескихъ харчахъ и находились. Барченокъ къ нимъ подъ окна. Ну, говорить не смѣетъ, а турусы на колесахъ подпустить ему барышнямъ охота, онъ и сталъ руками маячить, а самъ ни гугу. Барышнямъ не втерпежъ: похохотать, знаете, охота большая, да гроза на верху, ну и не смѣютъ. Машутъ онѣ барченку платочками, уйди, дескать, пострѣлъ, до грѣха. А барченокъ маячилъ, маячилъ, да во все горло «ни одна-то въ полѣ дороженька» и заголосилъ. Заоралъ да и драла, а вершники, что у крыльца стояли, его не заприметили, сами тоже вздремнули, потому что часъ полуденный былъ. Такъ барченокъ и скрылся.

«Пробудился князь. Грозенъ, сумраченъ, руки у него такъ и подергиваетъ.

— «Кто *дороженьку* пѣлъ? говоритъ.

«Побѣжали, сломя голову, ищутъ.

«А барченокъ себѣ на умѣ, семью собаками не сыщешь. Улегся гдѣ-то на сѣнницѣ, спитъ тоже будто. Кромѣ барышень, его никто не заприметилъ, а онѣ ужъ, извѣстное дѣло, не выдадутъ.

— «Кто пѣлъ *дороженьку?* кричитъ князь.

«Бѣгаютъ всѣ холопы, какъ дурмана объѣлись, а найти не могутъ.

— «Кто пѣлъ *дороженьку?* кричитъ на все село князь, — сейчасъ передъ меня поставить, не то всѣхъ запорю!

«А все найти не могутъ. Рычитъ князь, словно медвѣдь на рогатинѣ. Ушелъ въ домъ, и слышимъ мы, зеркала звенятъ, столы трещатъ.

«Старшій дворецкій и всѣ холопы стали кланяться Васькѣ пѣсеннику, возьми, дескать, вину на себя, для того, что виноватаго сыскать не можемъ.

«Васька себѣ на умѣ, уперся. «Спина-то вѣдь, говоритъ, моя, да чего добраго пожалуй и въ прудъ угодишь». Не желаетъ.

«Стали со слезами кучиться, что вотъ молъ дворецкій тебя выручитъ, а на всякій случай, на тебѣ десять рублевъ деньгами». А десять рублей, сударь, въ старые годы были деньги большія.

«Почесалъ пѣсенникъ въ затылкѣ: и спины-то жаль и съ деньгами-то разстаться не охота.

«Ну, говоритъ, такъ и быть, пойдемъ. Только смотри же вы, коли не изъ своихъ рукъ пороть станетъ, такъ порите легче.

«А ужъ князь тѣмъ временемъ распалился безъ мѣры. «Всему холопству по тысячѣ кошекъ въ спину, кричитъ, а шляхетство плетьми задеру. Да спросить барышень: онѣ должны знать»....

«Страхъ смертный! Пикнуть никто не смѣетъ, дышать даже боятся.

— «Кошекъ! зарычалъ князь. Зычный голосъ его по всему Заборью раздался, и всяка жива душа затрепетала.

— «Ведутъ, ведутъ! закричали казачки комнатные, завидѣвъ дворецкаго, а за нимъ гайдуковъ, что волочили по землѣ по рукамъ и по ногамъ связаннаго Ваську пѣсенника.

«Сѣлъ князь на софу, судъ и расправу чинить. Подвели къ нему Ваську. Всѣ ни живы, ни мертвы.

— «Ты *доroженьку* пѣлъ?

— «Виноватъ, ваше сіятельство, я.

«Замолкъ князь. Помолчалъ маленько да сказалъ:

— «Славный голосъ у тебя; дать ему десять рублей, да кафтанъ съ позументомъ.

«Такъ вотъ, сударь, какой добрый былъ-то князь Алексѣй Юрьевичъ, только что порядокъ любилъ. Ну, это такъ, ужъ у него всѣ по стрункѣ ходили, а не то раздѣлка скорая и грозная».

Піита.

«Звали его Семеномъ Титычемъ, а былъ онъ изъ поповскаго роду, и обучался стихотворному дѣлу на Москвѣ. Въ первый же годъ, какъ пріѣхалъ сюда на житье князь, нанялъ онъ Титыча и привезъ его изъ Москвы вмѣстѣ съ карликомъ—тоже рѣдкостный былъ человѣкъ: ростомъ съ восьмигодовалаго ребенка, не больше. И жилъ піита на всемъ на готовомъ; особая горница ему была; а все дѣло его въ томъ состояло, что къ какому ни-на-есть торжеству вирши долженъ написать. А для такого дѣла каждый разъ, бывало, недѣли за три запирали Титыча для трезвости на голубятню; какъ вытрезвятъ его, онъ и пойдетъ вирши писать.

«Вотъ придетъ Титычъ въ гостиную, напудреный тоже, и въ кафтанѣ шелковомъ, и почнетъ вирши поздравительные сказывать, а гости слушаютъ молча. А какъ отчитаетъ, подастъ ихъ князю на бумагѣ, а князь ручку дастъ поцѣловать, денегъ пожалуетъ и напоить велитъ Титыча до положенія ризъ, только наблюдать прикажетъ, чтобы Богу душу не отдалъ, для того что человѣкъ былъ нужный, а пилъ безъ разсужденія. Въ старые годы піитовъ было число небольшое, и найти ихъ было трудно; поэтому князь Титыча

и берегъ. Всѣмъ такой приказъ былъ: Семена Титыча беречь всякими мѣрами и для потѣхи какой вреда ему дѣлать не смѣть.

«Разъ одного знакомца изъ благороднаго шляхетства такъ вздралъ князь Алексѣй Юрьевичъ за Титыча, что инда небу жарко было. Похрысневъ Иванъ Тихоновичъ былъ, изъ мелкопомѣстныхъ; съ Титычемъ пріятель закадычный былъ: и пили и гуляли почитай все сообща. Вотъ и насмотрѣлся Иванъ Тихоновичъ, какія у насъ по Заборью забавы происходятъ. А у насъ во дворѣ и холопи и шляхетство такъ промежь себя забавлялись: кого на медвѣдя насунутъ, кому подошвы медомъ намажутъ, да козлу лизать дадутъ; козелъ-то лижетъ, а человѣку тому щекотно, и хохочетъ онъ до тѣхъ поръ, какъ глаза у него подъ лобъ уйдутъ, и дышать еле можетъ. Да мало ли какихъ потѣхъ не бывало! всѣхъ не перескажешь! Вотъ-съ насмотрѣвшись ихъ, Иванъ Тихоновичъ и подмѣтилъ разъ друга своего, въ пьяномъ видѣ лежаща,—да и спутилъ съ нимъ шуточку, да и шутку-то небольно обидную: ежа ему за пазуху посадилъ. Піита вскочилъ и закричалъ неблагимъ матомъ: съ пьяну-то да съ просонокъ понять не можетъ, что у него подъ рубахой ходитъ да колетъ. Выбѣжалъ на дворъ какъ угорѣлый: «караулъ! рѣжутъ!» кричитъ. А на тотъ грѣхъ князь тутъ и случись. Какъ узналъ онъ всю причину, смѣяться много изволилъ, а Ивана Тихоновича выпороть велѣлъ и цѣлый день ежа за пазухой носить заставилъ. «Ты, говоритъ, знай, съ кѣмъ шутить: Титычъ, говоритъ, тебѣ не пара: онъ человѣкъ ученый, а ты свинья».

Андрей Печерскій [1]).

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.

Воспитаніе Лизы.

Скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10 годъ, когда отецъ ея умеръ: но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернеровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, нянчиться съ писклятами, — да и некогда ему было нянчиться съ ними. Онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась

---

[1]) Псевдонимъ современнаго писателя Мельникова.

Лизой; она одѣвала ее, какъ куколку, при глазахъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой—и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная работа. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Моро́ изъ Парижа. На Лизу она имѣла мало вліянія, тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны (деревенская женщина).

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лице няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ; глаза ея свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно, она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ лицемъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея на маленькомъ креслецѣ сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно поднявши свѣтлые глазки, слушаетъ, что́ разсказываетъ ей Агафья; а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали. Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясла дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья

никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро́ ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des betises — не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по прежнему шла къ обѣднѣ какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ.... Училась Лиза хорошо, то есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ (учитель музыки) зналъ, чего ей это стоило. Читала она не много; у ней не было «своихъ словъ», но были свои мысли—и шла она своей дорогой. Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности; малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы... Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.... Такова была Лиза.

Тема. — Значеніе религіи въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія.

Рѣшеніе Лизы.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и передъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, горкою книгъ и Распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской. Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смѣла пыль; пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась наконецъ посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя

къ столу, надъ которымъ висѣло Распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Мароа Тимоѳеевна (тетка Лизы) вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила Мароа Тимоѳеевна.

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово, прошептала она.

— Какое слово, какое, съ живостью подхватила старушка. Что ты хочешь сказать? Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ: — это сверхъ силъ моихъ; четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь,—не могу, не могу.

— Да что съ вами, тетушка? промолвила Лиза: — я ничего....

— Ничего! воскликнула Мароа Тимоѳеевна: — это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего. Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала съ своимъ лицемъ? куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка, дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизочка! Ну, я не спорю, онъ хорошій человѣкъ; не кусается; да вѣдь чтожъ такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась: этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу, промолвила вдругъ Мароа Тимоѳеевна: это тебѣ только такъ сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа моя, на одну смерть лѣкарства нѣтъ! Ты только, вотъ скажи себѣ: «не поддамся—молъ я,— ну его»! и сама потомъ, какъ диву дашься, — какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза: — оно уже прошло; все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка! если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Мароы Тимоѳеевны. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня....

— Да что такое, что̀ такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста, я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня, говори скорѣе, что̀ такое?

— Я хочу.... я хочу.... Лиза спрятала свое лице на грудь Мареы Тимоѳеевны. — Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя Лизочка! опомнись: что̀ ты это, Богъ съ тобою; лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову; щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка! не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ недаромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю: и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки, но дѣлать нечего, чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...

Мареа Тимоѳеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

«Она больна, бредитъ, думала она: — надо послать за докторомъ». — Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, Мареа Тимоѳеевна испугалась не на шутку. — Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя, какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ конопляннымъ зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое; по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила; поживи и ты. И кто-жъ это видывалъ, чтобъ изъ-за эдакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя....

И Мареа Тимоѳеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Мареа Тимоѳеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери.... Но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; за то Мареа Ти-

моѳеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенья.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б...мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

Тургеневъ [1]).

ОБЛОМОВЪ.

Дѣтство Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лились въ комнату прохлада и запахъ сирени.

—Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала

---

[1]) Современный писатель.

ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанною бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ давно ужъ на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на срединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только «людямъ», а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддерживалась кое-какъ ими

сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы даннымъ-давно.

Не все рѣзовъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи, отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только въ дали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, ка́къ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ — и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку, — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ эдакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

«У! баловень»! тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.
Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, ка́къ и что̀ дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ програму своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена, да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, пла-

четъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней съ ведрами, корытами и кувшинами бабы, кучера. А тамъ старуха принесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что̀ дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что̀ несешь, дуракъ? спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба, баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно: — молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри не пролей молоко-то. А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ: — вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собою Настасью Ивановну или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ива-

новна напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить то̀, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что̀ отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какія телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньѣ за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ имянинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобы они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось, заботилось, все жило такою полною муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего непропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, ка̀къ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій ис-

валъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лице платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, и истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами, или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, не смотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость; потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню и галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба, или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею», думала она почти сквозь сонъ: «или еще.... какъ бы въ оврагъ».... Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ котораго начиналась самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ будто

одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ или промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломенку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву; роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ-сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось и въ березнякъ: онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана.... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать; въ природѣ стало все живѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лице измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ раждали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается

чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь нанаказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ Аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чаю всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли, одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму: все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя.... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики въ запуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сы-

ростью. Становилось все темнѣе и темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда.... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Чтó ты, Богъ съ тобой! теперь гулять! отвѣчаетъ она:—сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мáть давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушаетъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили Обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Идеалы Обломова.

— Продолжай же дорисовывать мнѣ [1]) идеалъ твоей жизни.... Ну, добрые пріятели вокругъ; что жъ дальше? Какъ бы ты проводилъ дни свои?

— Ну, вотъ, всталъ бы утромъ, началъ Обломовъ, подкладывая руки подъ затылокъ, и по лицу разлилось выраженіе покоя: онъ мысленно былъ уже въ деревнѣ.—Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, говорилъ онъ:—одна сторона дома, въ планѣ, обращена у меня балкономъ на востокъ, къ саду, къ полямъ, другая къ деревнѣ. Въ ожиданіи, пока проснется жена,

[1]) Говоритъ Штольцъ, другъ Обломова.

я надѣлъ бы шлафрокъ и походилъ по саду подышать утренними испареніями; тамъ ужъ нашелъ бы я садовника, поливали бы вмѣстѣ цвѣты, подстригали кусты, деревья. Я составляю букетъ для жены. Потомъ иду въ ванну или въ рѣку купаться, возвращаюсь — балконъ уже отворенъ; жена въ блузѣ, въ легкомъ чепчикѣ, который чуть-чуть держится, того-и-гляди слетитъ съ головы.... Она ждетъ меня. «Чай готовъ», говоритъ она. Какой поцѣлуй! какой чай! какое покойное кресло!

Сажусь около стола; на немъ сухари, сливки, свѣжее масло....

— Потомъ?

— Потомъ, надѣвъ просторный сюртукъ, или куртку какую-нибудь, углубиться съ женой въ безконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча, или думать вслухъ, мечтать, считать минуты счастья, какъ біеніе пульса; слушать, какъ сердце бьется и замираетъ; искать въ природѣ сочувствія... и не замѣтно выйти къ рѣчкѣ, къ полю.... Рѣка чуть плещетъ; колосья волнуются отъ вѣтерка, жара́.... сѣсть въ лодку, жена правитъ, едва поднимая весла....

— Да ты поэтъ, Илья! перебилъ Штольцъ.

— Да́, поэтъ въ жизни, потому что жизнь есть поэзія. Вольно людямъ искажать ее! Потомъ можно зайти въ оранжерею, продолжалъ Обломовъ, самъ упиваясь идеаломъ нарисованнаго счастья.

Онъ извлекалъ изъ воображенія готовыя, давно-давно уже нарисованныя имъ картины, и оттого говорилъ съ одушевленіемъ, не останавливаясь.

— Посмотрѣть персики, виноградъ, говорилъ онъ: — сказать, что подать къ столу; потомъ воротиться, слегка позавтракать и ждать гостей.... А тутъ, то записка къ женѣ отъ какой-нибудь Марьи Петровны, съ книгой, съ нотами, то прислали ананасъ въ подарокъ, или у самого въ парникѣ созрѣлъ чудовищный арбузъ — пошлешь къ доброму пріятелю, къ завтрашнему обѣду, и самъ туда отправишься.... А на кухнѣ въ это время такъ и кипитъ; поваръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, фартукѣ и колпакѣ, суетится; поставитъ одну кострюлю, сниметъ другую, тамъ помѣшаетъ, тутъ начнетъ валять тѣсто, тамъ выплеснетъ воду.... ножи такъ и стучатъ.... крошатъ зелень.... тамъ вертятъ мороженое.... До обѣда пріятно заглянуть въ кухню, открыть кострюлю, понюхать, посмотрѣть, какъ свертываютъ пирожки, сбиваютъ сливки. Потомъ лечь на кушетку; жена вслухъ читаетъ что-нибудь новое; мы останавливаемся, споримъ.... Но гости ѣдутъ, напримѣръ, ты съ женой.

— Ба, ты и меня женишь?

— Непремѣнно! Еще два, три пріятеля, все одни и тѣ же лица. Начнемъ вчерашній, неоконченный разговоръ; пойдутъ шутки,

или наступитъ краснорѣчивое молчаніе, задумчивость — не отъ потери мѣста, не отъ сенатскаго дѣла, а отъ полноты удовлетворенныхъ желаній, раздумье наслажденія.... Не услышишь филиппики, съ пѣной на губахъ, отсутствующему, не подмѣтишь брошеннаго на тебя взгляда съ обѣщаніемъ и тебѣ того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорошъ, съ тѣмъ не обмакнешь хлѣба въ солонку. Въ глазахъ собесѣдниковъ увидишь симпатію, въ шуткѣ искренній, незлобный смѣхъ... Все по-душѣ! Чтó въ глазахъ, въ словахъ, тó и на сердцѣ! Послѣ обѣда мокка, гаванна на терассѣ....

— Ты мнѣ рисуешь одно и то же, что бывало у дѣдовъ и отцовъ.

— Нѣтъ, не тó, отозвался Обломовъ, почти обидѣвшись: — гдѣже-тó? Развѣ у меня жена сидѣла бы за вареньями да за грибами? развѣ считала бы тальки, да разбирала деревенское полотно? развѣ била бы дѣвокъ по щекамъ? Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мёбель?

— Ну, а ты самъ?

— И самъ я прошлогоднихъ бы газетъ не читалъ, въ колымагѣ не ѣздилъ, ѣлъ бы не лапшу и гуся, а выучилъ бы повара въ Англійскомъ клубѣ, или у посланника.

— Ну, потомъ?

— Потомъ, какъ свалитъ жара, отправили бы телегу съ самоваромъ, съ дессертомъ, въ березовую рощу, а не то такъ въ поле, на скошеную траву, разостлали бы между стогами ковры, и такъ блаженствовали бы вплоть до окрошки и бифстекса. Мужики идутъ съ поля, съ косами на плечахъ; тамъ возъ съ сѣномъ проползетъ, закрывъ всю телѣгу и лошадь; вверху, изъ кучи, торчитъ шапка мужика съ цвѣтами, да дѣтская головка; тамъ толпа босоногихъ бабъ, съ серпами, голосятъ.... Вдругъ завидѣли господъ, притихли, низко кланяются.

«Сыро въ полѣ, темно; туманъ, какъ опрокинутое море, виситъ надъ рожью; лошади вздрагиваютъ плечомъ и бьютъ копытами: пора домой. Въ домѣ ужъ засвѣтились огни; на кухнѣ стучатъ въ пятеро ножей; сковорода грибовъ, котлеты, ягоды... тутъ музыка... Casta diva... Casta diva! запѣлъ Обломовъ.—Не могу равнодушно вспомнить casta diva, сказалъ онъ, пропѣвъ начало каватины: какъ выплакиваетъ сердце эта женщина! какая грусть заложена въ эти звуки!... И никто не знаетъ ничего вокругъ.... Она одна.... Тайна тяготитъ ее; она ввѣряетъ ее лунѣ....

— Ты любишь эту арію? Я очень радъ: ее прекрасно поетъ Ольга Ильинская. Я познакомлю тебя — вотъ голосъ, вотъ пѣніе! Да и сама она чтó за очаровательное дитя! Впрочемъ, можетъ

быть, я пристрастно сужу: у меня къ ней слабость.... Однакожъ, не отвлекайся, прибавилъ Штольцъ: разсказывай!

— Ну, продолжалъ Обломовъ: — что́ еще?.. да тутъ и все!.. Гости расходятся по флигелямъ, по павильйонамъ; а завтра разбрелись: кто удить, кто съ ружьемъ, а кто такъ, просто, сидитъ себѣ....

— Просто, ничего въ рукахъ? спросилъ Штольцъ.

— Чего тебѣ надо? Ну, носовой платокъ, пожалуй. Что жъ, тебѣ не хотѣлось бы такъ пожить? спросилъ Обломовъ: — а? это не жизнь?

— И весь вѣкъ такъ? спросилъ Штольцъ.

— До сѣдыхъ волосъ, до гробовой доски. Это жизнь!

— Нѣтъ это не жизнь!

— Какъ не жизнь? Чего тутъ нѣтъ? Ты подумай, что ты не увидалъ бы ни одного блѣднаго страдальческаго лица, ни какой заботы, ни одного вопроса о сенатѣ, о биржѣ, объ акціяхъ, о докладахъ, о пріемѣ у министра, о чинахъ, о прибавкѣ столовыхъ денегъ. А все разговоры по душѣ! Тебѣ никогда не понадобилось бы переѣзжать съ квартиры — ужъ это одно чего стоитъ! И это не жизнь?

— Это не жизнь! упрямо повторилъ Штольцъ.

— Что́ жъ это по твоему?

— Это.... (Штольцъ задумался и искалъ, какъ назвать эту жизнь) какая-то.... обло́мовщина! сказалъ онъ наконецъ.

— О-бло-мовщина! медленно произнесъ Илья Ильичъ, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складамъ: Об-ло-мов-щи-на! Онъ странно и пристально глядѣлъ на Штольца.

— Гдѣ же идеалъ жизни, по твоему? что жъ не обломовщина? безъ увлеченія, робко спросилъ онъ: — развѣ не всѣ добиваются того же, о чемъ я мечтаю? Помилуй! прибавилъ онъ, смѣлѣе: — да цѣль всей вашей бѣготни, страстей, войнъ, торговли, политики, развѣ не выдѣлка покоя, не стремленіе къ этому идеалу утраченнаго рая?

— И утопія-то у тебя обломовская, возразилъ Штольцъ.

— Всѣ ищутъ отдыха и покоя, защищался Обломовъ.

— Не всѣ, и ты самъ лѣтъ десять, не того искалъ въ жизни.

— Чего же я искалъ? съ недоумѣніемъ спросилъ Обломовъ, погружаясь мыслью въ прошедшее.

— Вспомни, подумай. Гдѣ твои книги, переводы?

— Захаръ куда-то дѣлъ, отвѣчалъ Обломовъ: — тутъ гдѣ-нибудь въ углу лежатъ.

— Въ углу! съ упрекомъ сказалъ Штольцъ: — въ этомъ же углу

лежатъ и замыслы твои «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разработыванія неистощимыхъ источниковъ (твои слова); работать, чтобъ слаще отдыхать, а отдыхать — значитъ жить другой, артистической, изящной стороной жизни, жизни художниковъ, поэтовъ». Всѣ эти замыслы тоже Захаръ сложилъ въ уголъ? Помнишь, ты хотѣлъ, послѣ книгъ, объѣхать чужіе края, чтобъ лучше знать и любить свой? «Вся жизнь есть мысль и трудъ», твердилъ ты тогда: «трудъ хоть безвѣстный, темный, но непрерывный, и умереть съ сознаніемъ, что сдѣлалъ свое дѣло»—а? въ какомъ углу лежитъ это у тебя?

— Да́.... да́.... говорилъ Обломовъ, безпокойно слѣдя за каждымъ словомъ Штольца: — помню, что я точно.... кажется.... Какъ же! сказалъ онъ, вдругъ вспомнивъ прошлое:—вѣдь мы, Андрей, сбирались сначала изъѣздить вдоль и поперегъ Европу, исходить Швейцарію пѣшкомъ, обжечь ноги на Везувіи, спуститься въ Геркуланъ. Съ ума чуть не сошли! Сколько глупостей!...

— Глупостей! съ упрекомъ повторилъ Штольцъ.—Не ты ли со слезами говорилъ, глядя на гравюры Рафаелевскихъ мадоннъ, «Корреджіевой Ночи», на «Аполлона Бельведерскаго»: «Боже мой! ужели никогда не удастся взглянуть на оригиналы и онѣмѣть отъ ужаса, что ты стоишь передъ произведеніемъ Микель-Анджело, Тиціана, и попираешь почву Рима? Ужели провести вѣкъ и видѣть эти мирты, кипарисы и померанцы въ оранжереяхъ, а не на ихъ родинѣ? Не подышать воздухомъ Италіи, не упиться синевой неба»! И сколько великолѣпныхъ фейерверковъ пускалъ ты изъ головы! Глупости!

— Да́! да́! помню! говорилъ Обломовъ, вдумываясь въ прошлое. — Ты еще взялъ меня за руку и сказалъ: «дадимъ обѣщаніе не умирать, не увидавши ничего этого»....

— Помню, продолжалъ Штольцъ, ка́къ ты однажды принесъ мнѣ переводъ изъ Сэя, съ посвященіемъ мнѣ въ именины; переводъ цѣлъ у меня. А какъ ты запирался съ учителемъ математики, хотѣлъ непремѣнно добиться, зачѣмъ тебѣ знать круги и квадраты, но на половинѣ бросилъ и не добился! По-Англійски началъ учиться.... и не доучился! А когда я сдѣлалъ планъ поѣздки за границу, звалъ заглянуть въ Германскіе университеты, ты вскочилъ, обнялъ меня и подалъ торжественно руку: «я твой, Андрей, съ тобой всюду» — это все твои слова. Ты всегда былъ немножко актеръ. Что́ жъ, Илья? Я два раза былъ за границей, послѣ нашей премудрости, смиренно сидѣлъ на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ, потомъ выучилъ Европу какъ свое имѣніе. Но, положимъ, вояжъ — это роскошь и не всѣ въ со-

стояніи и обязаны пользоваться этимъ средствомъ; а Россія? Я видѣлъ Россію вдоль и поперегъ. Тружусь....

— Когда-нибудь перестанешь же трудиться, замѣтилъ Обломовъ.

— Никогда не перестану. Для чего?

— Когда удвоишь свои капиталы, сказалъ Обломовъ.

— Когда учетверю ихъ, и тогда не перестану.

— Такъ изъ чего же, заговорилъ онъ, помолчавъ, ты бьешься, если цѣль твоя не обезпечить себя на-всегда и удалиться потомъ на покой, отдохнуть?

— Деревенская обломовщина! сказалъ Штольцъ.

— Или достигнуть службой значенія и положенія въ обществѣ, и потомъ въ почетномъ бездѣйствіи наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ....

— Петербургская обломовщина! возразилъ Штольцъ.

— Такъ когда же жить? съ досадой на замѣчанія Штольца возразилъ Обломовъ. — Для чего же мучиться весь вѣкъ?

— Для самого труда, больше ни для чего. Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей. Вонъ, ты выгналъ трудъ изъ жизни: на что она похожа? Я попробую приподнять тебя, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Если ты и послѣ этого будешь сидѣть вотъ тутъ, съ Тарантьевыми и Алексѣевыми, то совсѣмъ пропадешь, станешь въ тягость даже себѣ. Теперь, или никогда! заключилъ онъ.

Обломовъ слушалъ его, глядя на него встревоженными глазами. Другъ какъ будто подставилъ ему зеркало, и онъ испугался, узнавъ себя.

— Не брани меня, Андрей, а лучше въ самомъ дѣлѣ помоги! началъ онъ со вздохомъ. Я самъ мучусь этимъ, и еслибъ ты посмотрѣлъ и послушалъ меня вотъ хоть бы сегодня, ка́къ я самъ копаю себѣ могилу и оплакиваю себя, у тебя бы упрекъ не сошелъ съ языка. Все знаю, все понимаю, но силы и воли нѣтъ. Дай мнѣ своей воли и ума и веди меня куда хочешь. За тобой я, можетъ быть, пойду, а одинъ не сдвинусь съ мѣста. Ты правду говоришь: «теперь или никогда больше». Еще годъ — поздно будетъ!

— Ты ли это, Илья? говорилъ Андрей: — а помню я тебя тоненькимъ, живымъ мальчикомъ, какъ ты каждый день съ Пречистенки ходилъ въ Кудрино; тамъ, въ садикѣ.... ты не забылъ двухъ сестеръ? не забылъ Руссо, Шиллера, Гёте, Байрона, которыхъ носилъ имъ и отнималъ у нихъ романы Коттень, Жанлисъ.... важничалъ передъ ними, хотѣлъ очистить ихъ вкусъ?...

Обломовъ вскочилъ съ постели.

— Ка́къ, ты и это помнишь, Андрей? Какъ же! я мечталъ съ ними, нашептывалъ надежды на будущее, развивалъ планы, мы-

сли и.... чувства тоже, тихонько отъ тебя, чтобъ ты на́ смѣхъ не поднялъ. Тамъ все это и умерло, больше не повторялось никогда! Да и куда дѣлось все—отчего погасло? непостижимо! Вѣдь ни бурь, ни потрясеній не было у меня; не терялъ я ничего; никакое ярмо не тяготитъ моей совѣсти: она чиста какъ стекло; никакой ударъ не убилъ во мнѣ самолюбія, а та́къ, Богъ знаетъ отчего, все пропадаетъ!

Онъ вздохнулъ.

— Знаешь ли, Андрей! въ жизни моей вѣдь никогда не загоралось никакого, ни спасительнаго, ни разрушительнаго огня! Она не была похожа на утро, на которое постепенно падаютъ краски, огонь, которое потомъ превращается въ день, какъ у другихъ, и пылаетъ жарко, и все кипитъ, движется въ яркомъ полуднѣ, и потомъ все тише и тише, все блѣднѣе, и все естественно и постепенно гаснетъ къ вечеру. Нѣтъ, жизнь моя началась съ погасанія. Странно, а это такъ! Съ первой минуты, когда я созналъ себя, я почувствовалъ, что я уже гасну. Началъ гаснуть я надъ писаньемъ бумагъ въ канцеляріи; гаснулъ потомъ, вычитывая въ книгахъ истины, съ которыми не зналъ, что дѣлать въ жизни; гаснулъ съ пріятелями, слушая толки, сплетни, передразниванье, злую и холодную болтовню, пустоту, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками безъ цѣли, безъ симпатіи; гаснулъ въ унылокъ и лѣнивомъ хожденіи по Невскому проспекту, среди енотовыхъ шубъ и бобровыхъ воротниковъ, — на вечерахъ, въ пріемные дни, гдѣ оказывали мнѣ радушіе, какъ сносному жениху; гаснулъ и тратилъ по мелочи жизнь и умъ, переѣзжая изъ города на дачу, съ дачи въ Гороховую, опредѣляя весну привозомъ устрицъ и омаровъ, осень и зиму — положенными днями, лѣто — гуляньями, и всю жизнь — лѣнивой и покойной дремотой, какъ другіе.... Даже самолюбіе—на что́ оно тратилось? чтобъ заказывать платье у извѣстнаго портнаго? чтобъ попасть въ извѣстный домъ? чтобъ князь П* пожалъ мнѣ руку? А вѣдь самолюбіе — соль жизни! куда оно ушло? Или я не понялъ этой жизни, или она никуда не годится, а лучшаго я ничего не зналъ, не видалъ, никто не указалъ мнѣ его. Ты появлялся и исчезалъ, какъ комета, ярко, быстро, и я забывалъ все это и гаснулъ....

Штольцъ не отвѣчалъ уже небрежной насмѣшкой на рѣчь Обломова. Онъ слушалъ и угрюмо молчалъ.

— Ты сказалъ давича, что у меня лицо не совсѣмъ-свѣжо, измято, продолжалъ Обломовъ:—да́, я дряблый, ветхій, изношенный кафтанъ, но не отъ климата, не отъ трудовъ, а оттого, что двѣнадцать лѣтъ во мнѣ былъ запертъ свѣтъ, который искалъ выхода, но только жгъ свою тюрьму, не вырвался на волю и угасъ. И

такъ, двѣнадцать лѣтъ милый мой Андрей, прошло: не хотѣлось ужъ мнѣ просыпаться больше.

— Зачѣмъ же ты не вырвался, не бѣжалъ куда-нибудь, а молча погибалъ? нетерпѣливо спросилъ Штольцъ.

— Куда?

— Куда? Да хоть съ своими мужиками на Волгу: и тамъ больше движенія, есть интересы какіе-нибудь, цѣль, трудъ. Я бы уѣхалъ въ Сибирь, въ Ситху....

— Вонъ вѣдь ты все какія сильныя средства прописываешь! замѣтилъ Обломовъ уныло.—Да я ли одинъ? смотри: Михайловъ, Петровъ, Семеновъ, Алексѣевъ, Степановъ.... не пересчитаешь: наше имя легіонъ!

Штольцъ еще былъ подъ вліяніемъ этой исповѣди и молчалъ. Потомъ вздохнулъ.

— Да, воды много утекло! сказалъ онъ.— Я не оставлю тебя такъ, я увезу тебя отсюда, сначала за границу, потомъ въ деревню: похудѣешь немного, перестанешь хандрить, а тамъ сыщемъ и дѣло....

— Да, поѣдемъ куда-нибудь отсюда! вырвалось у Обломова.

— Завтра начнемъ хлопотать о паспортѣ за границу, потомъ станемъ собираться.... Я не отстану — слышишь Илья?

— Ты все завтра! возразилъ Обломовъ, спустившись будто съ облаковъ.

— А тебѣ бы хотѣлось «не откладывать до завтра, что̀ можно сдѣлать сегодня»? Какая прыть! Поздно нынче, прибавилъ Штольцъ:— но черезъ двѣ недѣли мы будемъ далеко....

— Что̀ это, братецъ, черезъ двѣ недѣли, помилуй! вдругъ такъ!... говорилъ Обломовъ.—Дай хорошенько подумать и приготовиться.... Тарантасъ надо какой-нибудь.... развѣ мѣсяца черезъ три.

— Выдумалъ тарантасъ! До границы мы поѣдемъ въ почтовомъ экипажѣ, или на пароходѣ до Любека, какъ будетъ удобнѣе; а тамъ во многихъ мѣстахъ желѣзныя дороги есть.

— А квартира, а Захаръ, а Обломовка? Вѣдь надо распорядиться, защищался Обломовъ.

— Обломовщина, обломовщина! сказалъ Штольцъ, смѣясь, потомъ взялъ свѣчку, пожелалъ Обломову покойной ночи и пошелъ спать. — «Теперь или никогда» — помни! прибавилъ онъ, обернувшись къ Обломову и затворяя за собой дверь.

«Теперь или никогда»! явились Обломову грозныя слова, лишь только проснулся утромъ. Онъ всталъ съ постели, прошелся три раза по комнатѣ, заглянулъ въ гостиную: Штольцъ сидитъ и пи-

шетъ. «Захаръ»! кликнулъ онъ: не слышно прыжка съ печки—Захаръ нейдетъ: Штольцъ услалъ его на почту. Обломовъ подошелъ къ своему запыленному столу, сѣлъ, взялъ перо, обмакнулъ въ чернильницу, но чернилъ не было, поискалъ бумаги—тоже нѣтъ. Онъ задумался и машинально началъ чертить пальцемъ по пыли, потомъ посмотрѣлъ, что̀ написалъ: вышло *обломовщина*. Онъ проворно стеръ написанное рукавомъ. Это слово снилось ему ночью, написанное огнемъ на стѣнахъ, какъ Бальтазару на пиру. Пришелъ Захаръ и, найдя Обломова не на постели, мутно поглядѣлъ на барина, удивляясь, что онъ на ногахъ. Въ этомъ тупомъ взглядѣ удивленія написано было: «обломовщина»! «Одно слово», думалъ Илья Ильичъ, «а какое ядовитое»!...

Захаръ, по обыкновенію, взялъ гребенку, щетку, полотенце и подошелъ-было причесывать барина.

— Поди ты къ чорту! сердито сказалъ Обломовъ и вышибъ изъ рукъ Захара щетку, а Захаръ самъ уже уронилъ и гребенку на полъ.

— Не ляжете, что ли, опять? спросилъ Захаръ: — такъ я бы поправилъ постель.

— Принеси мнѣ чернилъ и бумаги, отвѣчалъ Обломовъ.

Онъ задумался надъ словами: «теперь или никогда»! Вслушиваясь въ это отчаянное воззваніе разума и силы, онъ сознавалъ и взвѣшивалъ, что̀ у него осталось еще въ остаткѣ воли и куда онъ понесетъ, во что положитъ этотъ скудный остатокъ. Послѣ мучительной думы, онъ схватилъ перо, вытащилъ изъ угла книгу и въ одинъ часъ хотѣлъ прочесть, написать и передумать все, чего не прочелъ, не написалъ и не передумалъ въ десять лѣтъ. Что̀ ему дѣлать теперь? Идти впередъ, или остаться? Этотъ обломовскій вопросъ былъ для него глубже гамлетовскаго. Идти впередъ — это значитъ вдругъ сбросить широкій халатъ, не только съ плечъ, но и съ души, съ ума; вмѣстѣ съ пылью и паутиной со стѣнъ смести паутину съ глазъ и прозрѣть! Какой первый шагъ сдѣлать къ тому? съ чего начать? не знаю.... не могу.... нѣтъ.... лукавлю, знаю, и.... Да и Штольцъ тутъ, подъ бокомъ; онъ сейчасъ скажетъ. А что̀ онъ скажетъ? «Въ недѣлю, скажетъ, набросать подробную инструкцію повѣренному и отправить его въ деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать планъ построекъ, квартиру сдать, взять паспортъ и ѣхать на полгода за границу, сбыть лишній жиръ, сбросить тяжесть, освѣжить душу тѣмъ воздухомъ, о которомъ мечталъ нѣкогда съ другомъ, пожить безъ халата, безъ Захара и Тарантьева, надѣвать самому чулки и снимать съ себя сапоги, спать только ночью, ѣхать, куда всѣ ѣдутъ, по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, потомъ.... Потомъ.... по-

селиться въ Обломовкѣ, знать, что такое посѣвъ и умолотъ, отчего бываетъ мужикъ бѣденъ и богатъ; ходить въ поле, ѣздить на выборы, на заводъ, на мельницы, на пристань. Въ то же время читать газеты, книги, безпокоиться о томъ, зачѣмъ Англичане послали корабль на Востокъ».... Вотъ, что онъ скажетъ! Это значитъ идти впередъ.... и такъ всю жизнь! Прощай поэтическій идеалъ жизни! Это какая-то кузница, не жизнь; тутъ вѣчно пламя, трескотня, жаръ, шумъ.... когда же пожить? Не лучше ли остаться? Остаться — значитъ надѣвать рубашку наизнанку, слушать прыганье Захаровыхъ ногъ съ лежанки, обѣдать съ Тарантьевымъ, меньше думать обо всемъ, не дочитать до конца путешествія въ Африку, состарѣться мирно на квартирѣ, у кумы Тарантьева.

«Теперь, или никогда! «быть, или не быть»! Обломовъ приподнялся-было съ кресла, но не попалъ съ-разу ногой въ туфлю и сѣлъ опять.

Гончаровъ [1]).

Темы. — Что такое обломовщина. — Общественное значеніе обломовщины. — Борьба съ обломовщиной.

ПОСЛѢ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ.

«Видишь ты [2]), на Рождественскихъ святкахъ говорятъ въ городѣ, что пріѣхалъ къ намъ коммиссіонеръ... «Что-то за коммиссіонеръ? спрашиваемъ мы себя, барышни:—хоть бы намъ посмотрѣть того коммиссіонера. Что за птица такая коммиссіонеръ?... Ѳеська голубушка! покажи коммиссіонера», просимъ мы нашу Неминучую, а коммиссіонеръ у нея на квартирѣ стоялъ.— Приходите вечеркомъ, барышни, за горячими бубликами, говоритъ Ѳеська: — и бубличками накормлю, и коммиссіонера покажу. Ждемъ мы, никакъ не дождемъ, когда тѣ горячіе бублики у Ѳеськи поспѣютъ. Нарядились мы въ коротенькія шубки, накрыли цвѣтными платочками головы и, куда! еще солнце не сѣло, налетѣли къ Ѳеськѣ въ ворота. Только мы взялись за дверь въ сѣни, а изъ сѣней намъ на встрѣчу коммиссіонеръ.... Я какъ взглянула на него, и смотрѣть больше не захотѣла. Вотъ это-то коммиссіонеръ! Пришли мы къ Ѳеськѣ. я и бубликовъ ея не хочу. Досада меня такая беретъ. Невидаль какую приходили смотрѣть! Длинный, да сухой, рябой; носъ за три версты смотритъ, и еще голову впередъ вытянулъ.... Ахъ,

---

[1]) Современный писатель.

[2]) Разсказываетъ Любовь Архиповна автору *послѣ обѣда въ гостяхъ.*

мать моя! и хотя бы при этомъ уже на слово молодецъ былъ, какъ у насъ одинъ изъ подсудковъ: и не смотри на него, черенъ какъ земля былъ, а, подите вы, заговоритъ онъ,—про красавца любаго забудешь. Такъ бы кажется, за иное слово поцѣловала бы его. А этотъ, прости Господи, нѣмая тетеря.

«Далѣе, матушка, пока было то, отвѣчала Любовь Архиповна:—что уѣхалъ отъ насъ коммиссіоперъ. Я даже перекрестилась. Онъ по какому-то своему коммиссіонерству пріѣзжалъ къ городничему. Слава Богу, забыли мы про него всѣ. Прошла недѣля и другая, смотримъ мы, вечеркомъ Ѳеська Немпнучая шмыгнула къ намъ на дворъ и прямо къ матушкѣ. Пошушукали онѣ тамъ, заперлись что-то долгонько. Ѳеська ушла и на поклонъ связку бубликовъ принесла. «Зачѣмъ это Ѳеська приходила? спрашиваемъ мы себя. А уже не даромъ». Матушка вышла изъ комнаты будто немного веселая. Подаетъ мнѣ бублики и говоритъ: возьми, Любаша, и сестрамъ дашь. — Не знала я, что это матушкѣ вздумалось именно мнѣ бублики давать. Такъ и остались мы съ тѣмъ, что ничего не знаемъ. Черезъ два дня опять Ѳеська на дворъ... «Что ты это разбѣгалась, Ѳеська? говоримъ мы. Только ворота за тобою скрипятъ». Она эдакъ кивнула головою на насъ: «подождите, говоритъ, можетъ, еще не такъ заскрипятъ». И назавтра опять явилась Ѳеська; только не къ вечеру, а поранѣе будетъ, и побыла уже немножко, и ушла. Матушка выходитъ къ намъ изъ своей комнатки, а мы, знаешь, при ней усердно такъ работаемъ. Она прошлась разъ другой передъ нами. «Полно, говоритъ, оставьте работу. Любаша, я тебя просватала».—За кого? говорю.—«За коммиссіонера». Я ушамъ своимъ не повѣрила.— За кого, матушка? — «Что ты, глуха что ли? Говорятъ тебѣ за коммиссіонера, сказала матушка. И ступай одѣвайся; женихъ къ вечеру будетъ». Я, душа моя, и не знаю, всплеснула руками Любовь Архиповна, какъ и съ чего я начала говорить и голосомъ голосить, что лучше бы меня въ гробъ живую положили, что пусть меня матушка убьетъ, а я не пойду за коммиссіонера. «Убить я тебя не убью, сказала матушка, а поучить хорошо поучу, чтобы ты знала, какъ слушаться матери». А я ей на это какъ-то скажи, что она меня за связку Ѳеськиныхъ бубликовъ отдаетъ коммиссіонеру, такъ уже матушка дала мнѣ знать бублики! «Иди, говоритъ, одѣвайся». Я пошла, сѣла въ нашей горенкѣ, и таки не одѣваюсь. Глаза у меня отъ слезъ, какъ кулаки, напухли; коса моя русая растрепанная лежитъ на шеѣ. Пришла матушка опять ко мнѣ. «Одѣвайся, говоритъ. Я тебя еще побью». И другимъ пріемомъ меня побила. «Если ты не станешь сейчасъ одѣваться, говоритъ матушка, я косу тебѣ отрѣжу» (не знала уже, что сказать она) и схватила меня покойница за косу. «Сестрица,

говорю я (вижу, что сестрица Палагея Архиповна на дверяхъ стоитъ), подай матушкѣ ножницы», такъ матушка даже плюнула. «Это бѣсъ, говоритъ, а не дѣвка», и ушла отъ меня. Тутъ скоро и женихъ-то пришелъ или пріѣхалъ — уже я не знаю. Матушка посылала звать Лукьяна Алексѣевича съ Марьей Кондратьевною; прогопоша пришла, поприходили барышни. Стали меня всѣ уговаривать, такъ нѣтъ! Я и осталась на томъ, что не одѣлась и не вышла. Жениху сказали, что у невѣсты голова болитъ и она у меня, охъ! болѣла, матушка! сказала Любовь Архиповна. Послѣ этихъ «поглядинъ», что ли, какъ ихъ назвать? — что женихъ приходилъ будто поглядѣть на невѣсту и не поглядѣлъ на нее, — уѣхалъ Никаноръ Семеновичъ къ себѣ, чтобы приготовить значитъ, что нужно къ свадьбѣ и закупки разныя закупить. А сватанье-то это было въ понедѣльникъ (тяжелый день, матушка! замѣтила Любовь Архиповна), а въ субботу, чтобы жениху пріѣзжать и дѣвичнику быть, такъ чтобы въ воскресенье въ обѣдни и повѣнчать насъ.... Какъ тебѣ, моя родная, и сказать, что было со мною въ тѣ четыре дня? спрашивала меня Любовь Архиповна. — Извелась я, на себя не похожа стала. Хлѣба не ѣмъ, воды не пью; выйду на дворъ, меня воздухомъ качаетъ; а что тѣхъ слезъ пролито было! Только что дѣвичьимъ слезамъ сливаннаго моря нѣту, душа моя; падаютъ онѣ раннею и позднею росою по всему міру, а то не высыхать, не вымерзать бы было тому морю! Наступила, матушка, суббота; около обѣда прибѣжала Ѳеська сказать, что женихъ пріѣхалъ... Я, гдѣ стояла, тамъ зашаталась и упала на колѣнки. Сестрица Аграфена Архиповна подхватила меня. Извѣстно, какой зимній день? Сейчасъ послѣ обѣда начали къ сговору собираться. Настала мука моя. Матушка говоритъ: «одѣвайся», а я сижу. «Я тебѣ говорю, Любовь, одѣвайся! Худо будетъ». Я будто ничего не слышу сижу... Такъ уже матушка таково меня больно побила, что страхъ! Черезъ мѣсяцъ еще по мнѣ желтыя пятна отъ синяковъ были. «Чешите, одѣвайте ее»! кричитъ сестрицамъ. И, какъ онѣ, голубушки, меня одѣли и причесали, я себя не помнила. Матушка вывела меня и посадила за столъ. Я какъ сѣла, отворотясь бокомъ отъ жениха, и подперлась на щеку рукою, да такъ и просидѣла весь вечеръ. Говорилъ ли мнѣ женихъ что, или не говорилъ, я не знаю; только я таково есть одно словечко ему не промолвила! У меня, матушка, то темень заступитъ въ глаза, то будто вся горница кругомъ пойдетъ, и вдругъ жаромъ, и затѣмъ морозомъ словно кто съ головы до ногъ, всю обдастъ меня! Матушка сердится: и мнѣ-то бы она толчокъ дала, и тамъ у барышень ничто не ладится. Пѣсни бы пѣть, невѣсту величать надобно; а одно то, — что барышни безъ меня словно безъ рукъ были: я всегда запѣвалой

была; а другое — какія пѣсни, когда имъ, глядя на меня, плакать хочется? «Пой Аграфена»! сказала матушка — и уже на какой ладъ-то Аграфена запѣла, кто ее знаетъ! И молодежь тоже, наши веселые господа, кто пришелъ, кто вовсе не пошелъ. А иной только вошелъ да взглянулъ, какая невѣста радошная сидитъ — за шапку опять, да и былъ таковъ. Наконецъ окончился тотъ у Бога милосердаго вечеръ»....

— А онъ, Любовь Архиповна? спрашивала я.

«Что онъ, матушка? Мнѣ о немъ и заботы не было. Я и звать-то его иначе не называла, какъ онъ да его.» Что жъ? говорю, развѣ вы все будете такъ за мною слѣдомъ ходить? Идите себѣ съ матушкою, а я останусь свой послѣдній пиръ пировать. Вы со мною не жили, дѣвичьей моей доли и воли вы не дѣлили, стало вамъ нечего и быть тутъ, какъ я стану прощаться со всѣмъ тѣмъ.» Поплелся онъ, матушка, а я протопопскимъ барышнямъ велѣла сказать, чтобъ онѣ, черезъ своего философа, всѣхъ нашихъ господъ оповѣстили, что я всѣхъ жду свой послѣдній пиръ пировать.

«Собрались они всѣ до единаго, и барышни наши милыя всѣ, какъ одна, сошлись. Вышла я къ нимъ разряженная какъ подъ вѣнцомъ была, кланяюсь имъ всѣмъ. «Спасибо вамъ, говорю, барышни мои милыя, голубочки мои сизокрылыя, и вамъ птицы вольныя, сокола ясные, господа наши веселые! что вы всѣ ко мнѣ сошлися, слетѣлися не добычу добывать, не пшеницу клевать, а мой послѣдній пиръ пировать, мою дѣвичью долю поминать». Низко я имъ всѣмъ поклонилася, и они мнѣ низко, какъ одинъ, всѣ поклонъ отдали. И такая тишина стала между нами чудная, что я того и жду, или зарыдаю, или изъ нихъ кто-нибудь голосомъ зарыдаетъ. «Ну, говорю я: что жь мы это попримолкли да пріуныли!

„Съ вечера буёнъ вѣтеръ уставалъ,
Широки мои вороты растворялъ,
Широки мои, не заперты,
Подворотня не подложена была,

да съ этимъ словомъ:

Сѣра утица съ двора сошла...

я какъ пошла въ танокъ, какъ залились всѣ мы голосомъ, какъ словно душа у насъ всѣхъ разомъ дрогнула, и углы всѣ глухіе и нѣмые голосомъ отозвались намъ. «Во дворъ»! говорю я. Допѣла пѣсню, поднесла всѣмъ по стакану меду и уподчивала своихъ гостей всѣмъ, что у матушки было дорогаго да завѣтнаго. «Во дворъ»! говорю:

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти посвѣтлѣе,
Чтобъ гулять веселѣе....

«А я нигдѣ такъ не любила гулять, говорила Любовь Архиповна, какъ любила на дворѣ, на морозѣ да при мѣсяцѣ. Снѣгъ бѣлый подъ ногою хруститъ, морозъ въ вереяхъ скрипомъ скрипитъ; мѣсяцъ на тебя, молодую, словно молодецъ, глядитъ, и вся ты сама не знаешь, не то жарко тебѣ, не то холодно. Будто жаръ тебя пробираетъ морозомъ, и морозъ тотъ словно по тебѣ огнемъ въ крови разливается....

«Вышли мы, родная, во дворъ, продолжала говорить мнѣ Любовь Архиповна:—на небѣ ясно, вызвѣздило, студено стоитъ, словно душу тебѣ морозъ крѣпитъ. Я какъ глянула на небо и потомъ на землю, что вся она отъ морозу искрами по снѣгу разгорается, душа у меня пыломъ, какъ огнемъ, прошла. Эхма! лютое горе, не крушн меня. Жива буду, не позабуду; умирать стану, тебя вспомяну! Не откуплюсь я отъ тебя звѣздами ясными, не откуплюсь снѣгами сыпучими, морозы лютые не скуютъ тебя, дай же я отнесюсь отъ тебя моею пѣснею веселою, разудалою! И какъ залилась я, матушка:

Внизъ по рѣчушкѣ гоголушка плыветъ,
Выше берега головушку несетъ....

какъ всѣ мы понеслись разомъ въ круговой танокъ, сплелись межъ собою руками, наши молодцы какъ пріударили о морозную землю. Черный свистнулъ переливнымъ посвистомъ, и все вокругъ насъ словно затихло, занѣмѣло, и одна та наша пѣсня, отзывнымъ посвистомъ, пошла гулять по поднебесью!...

«Я подъ собой земли не слышала», говорила Любовь Архиповна.—Никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, она звонче не пѣвала и не плясала такъ...

«Я будто и пріустану немного, и хороводъ словно начнетъ ослабѣвать у насъ, такъ нѣтъ! Черный какъ зальется, засвиститъ съ-стиха и громче своимъ голосомъ — и словно онъ силою какою могутною двинетъ насъ! Опять хороводъ ожилъ, встрепенулся, и я пошла съ нимъ, съ Чернымъ, въ одиночку плясать...

«Наконецъ, матушка, сказала Любовь Архиповна, отплясала я всѣ свои пляски и перепѣла всѣ мои пѣсни. Начала было эту послѣднюю:

Изъ за лѣса, лѣсу темнаго
Вылетало стадо лебединое,

А другое — гусиное.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко сѣрыхъ гусей....

И тамъ дальше: что отставала такая-то прочь отъ красныхъ дѣвушекъ и приставала она къ молодымъ молодушкамъ, я, матушка, не кончила. «Будетъ! говорю,—пѣсня кончена... Попрощаемся, мои барышни на разставаньи. Гдѣ я съ вами пѣла и плясала, тамъ вы меня обнимете и отпустите отъ себя, мои бѣлыя лебедушки!» И словно съ меня силу мою всю какъ рукой сняло. Прислонилась я къ дереву, чтобъ устоять мнѣ... И дерево это, я какъ сейчасъ помню, большая верба у матушки середи двора была. Мы ее сколько разъ охватывали въ хороводъ, и еще плясать подъ нею такъ чудно было. Вѣтки большія всѣ въ инеѣ, наклономъ наклонились; мы какъ двинемъ подъ нихъ хороводъ и зальемся нашею пѣснею, такъ вся верба шорохомъ шорохается и сверху инеемъ осыпаетъ насъ... Такъ вотъ къ вербѣ-то своей я прислонилась, матушка, и стою, не двигаюсь. Барышни всѣ, одна по одной, подошли ко мнѣ, поцѣловали меня, и всякая мнѣ низко поклонилася. Я имъ слова никакаго не молвлю, стою, поглядѣла вокругъ: по одну сторону онѣ отошли, стоятъ, мои голубочки, по другую сбились въ кучку наши добрые молодцы... «Ну-те; а вы же что? говорю:—развѣ я вамъ не хорошо пѣсни пѣвала, или не весело плясала съ вами, что такоjы молодцы, вы и попрощаться со мной не хотите!» Черный, матушка, слова не сказалъ, подошелъ первый ко мнѣ; поклонился, крѣпко поцѣловалъ меня, а слезы у него какъ брызнутъ, такъ и залилъ мнѣ лице... Я посмотрѣла ему вслѣдъ. «Прощай, добрый молодецъ»! говорю: онъ и не оборотился; пошелъ прямо къ воротамъ и только назадъ рукою махнулъ. Такъ они всѣ подошли ко мнѣ и попрощалися со мною. Философу нашему послѣднему пришелъ очередъ. Онъ и приступилъ ко мнѣ; но видно, взглянувши на меня поближе, какъ всплеснетъ руками. «Ахъ, братцы мои, сестрицы голубочки! завопилъ голосомъ: Любовь Архиповна совсѣмъ умираетъ».—Небось, сказала я. Еще поживу,—и пошла отъ него въ домъ.

«Ну, сударыня моя, вотъ-то, значитъ, я и пріѣхала. На утро-то какъ поглядѣла я вдругъ—все это чужое, незнакомое. На улицу гляжу — чужая она; на себя я поглядѣла въ зеркальцо, а на мнѣ лица моего прежняго нѣтъ: глаза впалые, да злые такіе, словно сама я себѣ чужая стала. Онъ вокругъ меня такъ-сякъ: «Любаша! говоритъ: мы бы въ гости пошли». — Я уже отгостила свое, ска-

зала я. На вечеръ сошлись къ нему знакомые и пріятели его, поздравить-то, значитъ, съ молодой женой, поглядѣть какова она. Нечего дѣлать, вышла я къ нимъ, и то есть гдѣ-то мое умѣнье дѣлось, какъ я, бывало, ни стараго, ни молодаго безъ веселаго слова не пропущу! Всякому я найду сказать, что ни есть такое, что и мнѣ весело, и ему отъ меня слушать весело, а теперь я вышла къ нимъ, сѣла какъ тетерька лѣсная; они смотрятъ на меня, а я словно боюсь взглянуть на нихъ. Запряталась я поскорѣе въ другую горенку разливать чай имъ. И, то есть, родная моя, такое на меня чувство напало, будто весь міръ отъ меня отступился, и я сама отступилась отъ него. Не то чтобы мнѣ прошлаго было жаль, дѣвичьи мои пляски и пѣсни манили меня, — нѣту, не было у меня того. Я и забыла, даже и чудно мнѣ было, что я потѣшалась, Господи, твоя воля знаетъ, изъ-за чего! Тягота на меня такая налегла, тоска страшная, вотъ душа съ тѣломъ разстается, да не принимаетъ Богъ. Какъ я сяду на одно мѣсто да опущу голову, такъ бы я, кажется, до конца свѣта просидѣла и не сдвинулась бы съ мѣста того! Матушка покойница сама осталась безъ кухарки, а мнѣ Гашку въ приданое дала. Пришла та Гашка спрашивать меня о кушаньѣ, я какъ махнула ей рукой, такъ она больше не приходила ко мнѣ. Какъ они тамъ знали, вмѣстѣ съ бариномъ пекли и варили; мнѣ и нужды не было ни до чего. Позовутъ меня обѣдать, я обѣдаю, а не позови меня, я бы три дня хлѣба святаго не ѣла и не вспомнила бы тогда, — то есть ни вкусу, не чувствія какого не стало у меня. Коли бы не такой тяжкой грѣхъ, я бы руки наложила на себя.

«Сижу я у своего окошечка, и чулокъ у меня въ рукахъ, словно я туда же прилежная работница, говорила Любовь Архиповна съ грустною ироніею, кивая немного головою. А я, матушка, больше того, что и не помню, есть ли у меня какая работа въ рукахъ; такъ только, по привычкѣ, сами пальцы перебираютъ. Сижу я, поглядѣла, а у меня подъ окнами на завалинкѣ нищая сидитъ. То есть не то, чтобы совсѣмъ нищая была, а такъ мнѣ съ перваго раза показалась: старушка и котомочка за плечами, какъ у нищей братіи. Ну, нищая такъ нищая, надобно милостыньку дать.... Окошечко у меня отворено было, и какъ это я и не слыхала и не видала, какъ нищенькая подошла и сѣла противъ меня! Подала я ей въ окошечко милостыню, а она такъ на меня пристально смотритъ: «Христосъ твою милостыньку взялъ; да сама-то ты, барынька, молода да болѣзна», говоритъ старушка и все смотритъ на меня. Горько мнѣ стало.—Ай, говорю, бабушка, до клюки дожила, и что есть горе на людяхъ не видала? Иди себѣ съ Богомъ. Не смотри на меня. «Истинно, барынька, не видала, сказала старушка.—Какъ

твое гореванье, не видала другаго».—Такъ смотри же, говорю, бабушка (сердце у меня защемило) смотри, говорю, и кайся Богу, коли ты думала, что несчастнѣе тебя на свѣтѣ нѣтъ. Лучше бы я твою котомку надѣла и подъ однимъ окномъ кусокъ хлѣба выпросила, а подъ другимъ бы съѣла его. Лучше бы я.... И не помню, матушка, что я дальше ей говорила; только, какъ я опомнилась, а старушка стоитъ передо мною. «А Пресвятая Богородица, барынька»? сказала она мнѣ. И такъ она меня этимъ словомъ чуть до слезъ не довела.

«Упала я на окошечко головою и, можетъ быть, съ часъ мѣста пролежала я такъ, да послышала, что она въ сѣни идетъ. — Иди, говорю, бабушка, иди, Богъ съ тобой. Онъ идетъ. — «Да что *онъ*, грозе́нъ у тебя что ли?»—А кто его знаетъ, бабушка, отвѣчала я. «Чудна ты, барынька»! сказала старуха и пошла отъ меня по проулочку; а на завтра опять пришла. И такъ она стала, что день Божій, приходить ко мнѣ подъ окошечко. «Здорово, барынька моя болѣзная! скажетъ и сядетъ на заваликкѣ. — Христосъ тебѣ слово Свое святое прислалъ, чтобы ты не кручинилась, а уповала на Него. Не въ пользу кручина, а въ пользу молитва, барынька, Христосъ сказалъ».

«И вотъ истинно душа христіанская! умиляясь, продолжала Любовь Архиповна. Авдотьюшка, почитай цѣлые дни, какъ мать отъ больнаго дитя, не отходила отъ окна у меня. Какъ только послѣ обѣдни, и сейчасъ идетъ ко мнѣ, и сидитъ она у меня на заваликкѣ до тѣхъ поръ, пока въ колоколъ къ вечернѣ ударятъ. Куделъку свою достанетъ и волонку прядетъ. Я молчу, матушка, въ горѣ-то своемъ нѣмая, безпривѣтная, а она мнѣ начнетъ разсказы разсказывать о томъ, какъ Богъ спасаетъ человѣка, и о святыхъ угодникахъ, и о святыхъ мѣстахъ, гдѣ Авдотьюшка была (а она всюду была: въ Кіевѣ, и въ Почаевѣ, и у Соловецкихъ угодниковъ была). Сначала я будто и не слушаю ея; а далѣ обопрусь обѣими руками на окошко, закрою лице, и словно Авдотьюшка тихимъ своимъ да мѣрнымъ словомъ заговариваетъ лютое горе мое. Слушаю я и не вспомнюсь, какъ заслушаюсь ее».

— А не помните ли вы какой-нибудь разсказъ Авдотьюшки? спросила я Любовь Архиповну.

«Гдѣ-то не помнить? отвѣчала она. Позабудешь ты, матушка, благодать Господню, которая въ тоскѣ и мукѣ сердечной посѣтила тебя?... Такъ гляжу я—нѣту Авдотьюшки, и день прошелъ—нѣту ея, и на другой день сижу я у окошечка—нѣтъ никого. Разъ мнѣ тяжко да грустно на сердцѣ стало. На третій день и не жду я ея — смотрю, къ вечеру идетъ моя Авдотьюшка по проулочку отъ поля. Пришла ко мнѣ. «Гдѣ ты была, Авдотьюшка? спрашиваю я

ее.—Въ Божьемъ домѣ, на царскомъ пиру, на веселіи ангельскомъ. «Гдѣ, Авдотьюшка? не понимаю я».

— На-ка вотъ, барынька! Отведи свою душу болѣзную, говоритъ она, подавая мнѣ пучекъ ягодъ земляники,—и еще, говоритъ,—я даръ великій отъ Божьяго дома, съ транезы царской, принесла. И достала мнѣ изъ котомочки просвирку о здравіи. Беру я обѣими руками тѣ ягоды и просвирку святую, а у меня даже руки дрожатъ: такъ я имъ обрадовалась. Цѣлую хлѣбъ святой, и когда бы мнѣ не стыдно было, кажется, я бы ягоды разцѣловала. «Спасибо тебѣ, говорю, Авдотьюшка! спасибо тебѣ, родная»! Высунулась я въ окошечко и обняла старушку, поцѣловала ее. И такъ мнѣ тѣ ягоды, Богъ знаетъ, какимъ запахомъ пріятнымъ да хорошимъ пахнутъ, что я даже повеселѣла. Стала ихъ ѣсть и ѣмъ, и смотрю на нихъ, и такая у меня во вкусѣ сладость, какой я давно не знавала. «Вотъ, говорю, Авдотьюшка! какія твои ягоды! Я будто такихъ во вѣкъ не ѣла». — Ну, говоритъ, кушай во здравіе. А сама сѣла на завалиночкѣ и стала мнѣ говорить, что это она верстъ за тридцать на освященіе храма Божія ходила, что привелъ ее Господь на пятнадцатомъ посвященіи быть, и какое это великое дѣло, когда поставляется домъ Божій на землѣ. И вотъ тутъ она мнѣ разсказъ и разсказала.... Я не съумѣю и пятой доли пересказать того, какъ то она чудно да хорошо говорила мнѣ:

«.... Что престолъ Божій, на которомъ Господь Богъ возсѣдитъ на небесахъ, стоитъ онъ четырьмя углами на четырехъ главныхъ церквахъ. Первый уголъ есть Іерусалимскій, а за нимъ позади Московскій Успенскій, а съ другой стороны первый Кіевскій, а позади церковь пустынныхъ Соловковъ. И путь ко престолу Господню, которымъ праведныя души возносятся на небеса, составляютъ всѣ святыя церкви по ту и по другую сторону въ рядъ; а новопостроенная церковь стоитъ первая отъ земли, пока ее молитвы христіанъ православныхъ не вознесутъ ближе къ престолу Божію. И когда упокоится на землѣ душа правая, святая, въ чистотѣ Богу пожившая и милостыню творившая, ангелы, радуяся, приносятъ ее поклониться предъ лице Божіе; и возговоритъ къ ней Господь Богъ словомъ своимъ святымъ: «Радуйся, душа благая! милостями милость у Меня, Создателя, купившая и чистотою зраку лица Моего угодившая, веселися въ небесномъ раю, въ состояніи ангельскомъ. Но ты, душа великая, возговоритъ Господь Богъ ко другой душѣ: горемъ земнымъ возращенная и слезами воспоенная! потрудись еще передъ Богомъ твоимъ. Вотъ тебѣ крестъ золотой Сына Моего, Господа Іисуса Христа: чтобы ты предстояла на немъ и денно и нощно молила Мое милосердіе за всякую душу скорбящую, за всякую душу воздыхающую, — какъ сама ты знаешь, душа великая: тяжко оно

людямъ, земное горе»! И таково то великое предстояніе на крестахъ, что Матерь Божія молитъ: «пусти Ты меня, Боже мой, Отче Сына моего Іисуса Христа! да я стану на золотой крестъ Его, поверхъ святаго храма Твоего, и молюся Тебѣ денно и нощно, неусыпаемо и неумолкаемо за родъ христіанскій». И возговоритъ къ ней Господь Богъ, какъ тихимъ громомъ, пренебеснымъ словомъ: «Довольно съ Тебя, Богородица, Пречистая Дѣва Марія, что Ты предстояла у самаго креста Сына Моего распятаго Іисуса Христа. То Твое великое предстояніе; не надо другаго». И тутъ всѣ ангелы воскликнутъ своимъ божественнымъ пѣснопѣніемъ: «Радуйся, Благодатная! а святые всѣ на небесахъ поклонятся: яко Спаса родила еси душъ нашихъ, и снимутъ свои золотые вѣнцы. А Господь Богъ на престолѣ скажетъ: аминь. Вотъ что значитъ построеніе храма Божія на землѣ: ангелы и всѣ святые съ Богородицею радуются и о славѣ Господней, и о томъ не меньше, что поставляются въ даръ Божій людямъ, на золотые кресты церкви, несмолкаемые и неусыпаемые молитвенники и бдители земли Русской, призирающіе на всякую душу скорбящую и ко Господу Богу воздыхающую. И по тому самому въ старину у насъ строили церкви о многихъ главахъ и о многихъ крестахъ, чтобы было на чемъ предстоять великимъ душамъ христіанскимъ и ходатайствовать передъ Господомъ, а теперь забыли про то, и строятъ церкви объ одной главѣ — одинъ крестъ святой возноситъ къ Богу одного молитвенника».

Мы немного помолчали.

— А дальше что вы мнѣ скажете, Любовь Архиповна? сказала я, не позабывая простой, странной и очень меня занимавшей исторіи моей собесѣдницы.

— «А то я тебѣ скажу, душа моя, сказала Любовь Архиповна, что мнѣ даже совѣстно, какъ теперь вспомню. Чего для меня не дѣлала Авдотьюшка? Нянчила мое горе, какъ словно дитя во колыбелкѣ; а я того и въ умъ не брала. Знай сижу у своего окошечка, и хотя бы я ее въ домъ къ себѣ ввела, и не было того. Мнѣ хорошо, что Авдотьюшка сидитъ у меня на завалинкѣ, волокну свою прядетъ и говоритъ мнѣ то и другое; а хорошо ли самой Авдотьюшкѣ, я о томъ не думаю. И милостыней ее не ущедряла; а еще напротивъ, сударыня моя, что Авдотьюшкѣ подадутъ другіе, то она принесетъ и отдастъ мнѣ.... Какъ святъ Богъ! сказала Любовь Архиповна, понимая, что она говоритъ вещь очень для меня удивительную.—Вотъ, матушка, до чего меня тоска моя сердечная довела, что кусокъ хлѣба взятый, можно сказать, у нищей, былъ мнѣ не въ примѣръ слаще всей ѣды и питья, которыми Господь Богъ благословляетъ меня въ мужниномъ дому! Авдотьюшка, видно, замѣтивши по ягодамъ, какъ-то онѣ сладки мнѣ показалися, на

другой день говоритъ: «А что, барынька, можетъ тебѣ твой хлѣбъ не по вкусу? ты бы вотъ моего отвѣдала», и подаетъ мнѣ пирожокъ. «Вѣдь ничего, говоритъ, хорошъ, барынька, и Христовымъ именемъ взятый». И что ты изволишь думать? Вѣдь я взяла его, сударыня. — А тебѣ, говорю, Авдотьюшка, что я за него дамъ? «А что ты мнѣ дашь, барынька? Ничего не дашь, отвѣтила она. Развѣ мнѣ эти сласти подъ нужду? Мнѣ онѣ не подъ нужду. Я такой человѣкъ, что въ гробъ гляжу. Червей мнѣ, сластями лакомить, что ли? Вотъ моя сласть: хлѣбецъ святой; а ты мнѣ, барынька, водицы въ оконушко подай, а Христосъ Богъ тебѣ за милостыньку почтетъ. Вотъ и тебѣ и мнѣ хорошо, моя барынька».

«И вотъ такъ-то, другъ мой дорогой, продолжала Любовь Архиповна: срамъ людямъ сказать и грѣхъ мнѣ правду потаить, что Авдотьюшка изо дня въ день стала приносить мнѣ то булочекъ, то пирожокъ какой, огурчикъ ранній достанетъ и дастъ мнѣ. И я все то беру, и ѣмъ безъ зазрѣнія совѣсти, и во всемъ для меня вкусъ пріятный такой, что не надобно лучшаго; а на свое ни на что смотрѣть не смотрю я. Отощала совсѣмъ; ничего своего въ ротъ не беру, противно мнѣ все и противнымъ пахнетъ. Смѣхъ и горе, какъ вспомнишь, качала головою Любовь Архиповна и улыбалась немного. Купитъ *онъ*, бывало, принесетъ съ базара бубликовъ мягкихъ къ чаю — что жъ? вѣдь они мнѣ никуда не годятся, вкусу въ нихъ никакого нѣтъ, точно глиняные; я и одного бублика не съѣмъ, искрошу его въ крошки и Гашкиному коту отдамъ. А Авдотьюшка принесетъ тотъ же самый бубликъ, такъ нѣтъ! Авдотьюшкинъ бубликъ и тотъ да не тотъ: не нахвалюсь я имъ, какой онъ мнѣ хорошій да пріятный во вкусѣ показывается, точно его наша Ѳеська Немпнучая пекла. Поджнвила меня Авдотьюшка, да скоро ушла отъ меня, родная моя. «Жаль мнѣ покинуть тебя, барыньку мою болѣзную, говорила она:—да нечего дѣлать! Святые угодники Кіевскіе ждутъ; я еще съ зимы имъ обѣщалась». Осталась я опять одинимъ одна».

— А Никаноръ Семеновичъ? сказала я. — Мы про него будто совсѣмъ забываемъ.

«Потому, родная моя, что и помнить-то пока нечего. Все та же статья была, сказала Любовь Архиповна. — Гдѣ онъ у Христа терпѣнія бралъ, чтобъ ему возиться со мною? Лѣто-то, знаешь, наступило; ѣдетъ онъ въ свой хуторочекъ похозяйничать и уже онъ упрашиваетъ, умаливаетъ меня, чтобъ я съ нимъ поѣхала. «Чего я тамъ не видала? отвѣчу я. Я мѣсту рада, а не то, чтобы мнѣ въ разъѣзды разъѣзжать. Разъ, нечего дѣлать, поѣхала я съ нимъ. Онъ самъ и правилъ, и бричечка маленькая открытая была. Какъ мы въѣхали въ рожь, что ни насъ, ни нашей брички, ни гнѣд-

ка не видно стало (а рожь только выметалась и красоваться начала); какъ зашумѣла она у меня шумомъ въ ушахъ, какъ я глянула, а впереди и вокругъ меня все это волнами волнуется, и съ конца и краю, кажись, будто со всей середины Господнихъ полей, какъ обдало меня тепломъ да запахомъ, я, матушка, точно опьянѣла, обомлѣла совсѣмъ, что онъ меня почти на рукахъ съ брички снесъ.... «И Господь Богъ съ тобою, и со всѣмъ домохозяйствомъ твоимъ! Пусть оно тебѣ останется. Пріими меня, Матерь Божія, чтобы и землю-то я не тяготила»! Вотъ такая моя молитва была. Вѣдь ты, сердечная моя, возьми таки въ свое разсужденіе, здраво», съ этою чудною прямотою Русскаго слова говорила мнѣ моя собесѣдница: не совсѣмъ же я безъ разума была, чтобы мнѣ не понимать того, какой это есть тяжкій грѣхъ, что я не терплю такъ своего мужа. Я, матушка, это, Богъ знаетъ какъ, понимала; да сердца-то къ понятію разума не прикуешь никакъ».

— Такъ какъ же, Любовь Архиповна? спросила я въ ожиданіи.

«А такъ, душа моя, что по разуму я совсѣмъ придумаю хорошо: надобно любить своего мужа, и законъ Божій велитъ; но какъ ты полюбишь его, коли сердце-то не лежитъ къ нему, коли у меня подъ сердцемъ такая змѣя свилась, что защити Мати Божія! только бы рукъ не наложить на себя, или на него.... И вѣдь что ты думаешь, родная моя? взглянешь бывало, а Царица небесная такъ будто на меня жалостно смотритъ съ иконы благословенной! Пришла зима, но мнѣ ни тяжеле, ни легче не было, все одно. То есть я сама чувствовала, коли бъ я заплакала, мнѣ бы отъ сердца отлегло; такъ не плачу же я, нѣту у меня слезъ, и гдѣ онѣ у Господа дѣлися, нѣтъ ихъ у меня ни слезиночки! Уже я себя и пѣсни жалобныя пѣла, чтобы мнѣ разжалобить лютое сердце мое, такъ нѣтъ! Закаменѣло, что и пѣсня его не беретъ. На что жалостнѣе пѣсня, матушка? сказывала свою пѣсню Любовь Архиповна:— ее и поешь-то будто не голосомъ, а ночными слезами:

Калина-малина весной сажена•
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись съ разумомъ,
Замужъ отдала.
Я скинусь, младешенька,
    Я пташечкою,
Горькой-горемычной
    Кукушечкою.
Полечу я къ батюшкѣ
    Во зеленый садъ;
Сяду я во садикѣ

Подъ яблонькою;
Своимъ кукованьецемъ весь садъ засушу!
Горючими слезами теремъ подтоплю.

«Еще будучи въ дѣвкахъ, я бывало отъ слезъ не уймусь, какъ запою эту пѣсню; а теперь и пора пришла слезамъ, да нѣтъ ихъ у меня ни Божьей роспиночки! Только моей отрады было, что, спасибо сестрицамъ, переслали онѣ мою гитару. Такъ я, матушка, знай бренчу на ней и подпѣваю кой-какія пѣсни; только бы мнѣ не говорить съ нимъ, какъ онъ въ сумерки со службы придетъ, и чтобы онъ-то, значитъ, не занималъ меня своимъ словомъ».

— По крайней мѣрѣ хорошо, Любовь Архиповна, что онъ васъ слушалъ, вырвалось у меня.

«Какъ не хорошо, матушка! простодушно замѣтила Любовь Архиповна. Я, знаешь, все и пѣсни такія пѣла, чтобы ему хорошо было слушать.... Эхма! сказала она съ видимымъ сожалѣніемъ къ моей простотѣ и слегка ударила меня по плечу. Ты вотъ послушай-ка меня, какую я ему пѣсенку разъ двадцать въ уши пропѣла. Сидимъ мы. Я бренчу, и спросить меня, такъ я сама не знаю, что такое играю я и что тамъ пою. Такъ, что само собою прилетется на умъ. Вдругъ, матушка, я сама послышала, что я заиграла что-то бойкое за задорное, такъ тебя живо пронимаетъ насквозь, и вышло это — коротенькая хохлацкая пѣсенка:

Ты думаешь, *дурню*,
Що я тебе люблю;
А я тебе, *дурню*,
Словами голублю.

«Что же, матушка? Я и начни твердить, да вѣдь на всѣ голоса. То потише ему пропою *дурня*, то пропою его такъ, какъ я звонче да веселѣе не пѣвала нашимъ молодцамъ въ хороводѣ. Кончу и опять начну:

Ты думаешь, *дурню*,
Що я тебе люблю;
А я тебе, *дурню*,
Словами голублю.

«И до того я, матушка, запѣлась, что не послышала, какъ онъ всталъ и, проходя мимо, тронулъ меня слегка за плечо: «Хотя бы ты словами голубила, сказалъ онъ, и то было бы хорошо». Съ тѣмъ словомъ и вышелъ.

— Что же вы, Любовь Архиповна? сказала я, невольно всплеснувъ руками.

«Перестала пѣть, матушка. Точно этимъ словомъ онъ мнѣ языкъ подрѣзалъ. И вѣдь то скажи, что и послѣ ни разу больше не пѣла! Я будто и хочу запѣть; вотъ думаю себѣ, пропою ему дурня—такъ не поется, матушка. Словно горло мнѣ что захватываетъ и голосу не станетъ. Все прочее пой, на все голосъ есть; а дурня, пѣть тебѣ, не могп. Вотъ такая штука была! И въ такихъ-то развеселыхъ пѣсняхъ, думаешь ты, скоро для меня зима прошла? спрашивала меня Любовь Архиповна.

«Наступаетъ Божій великій праздничекъ, радость небесная на землѣ; думаю я, думаю себѣ, хотя не для своего счастья-веселія, такъ ради Свѣтлаго дня Христова, пусть и я буду на людей похожа. Занялась я всѣмъ, матушка, какъ слѣдуетъ къ празднику. И пасочки хорошія спекла, куличъ попу посадила, яйца покрасила и таки милостыньку не забыла нищимъ дать и въ тюрьму послала,—все какъ пріучилась у матушки въ домѣ, что она бывало изъ послѣдняго бьется, а чтобы ей достойно хлѣбомъ святымъ и милостынею Христовъ праздникъ принять. И *онъ* еще, далъ ему Богъ, говѣлъ на послѣдней недѣлѣ, почти безвыходно все въ церкви да въ церкви; тамъ мнѣ уже весело было да хорошо распоряжаться всѣмъ. Наступилъ самый канунъ Свѣтлаго праздника; я и думки никакой не гадаю. Все какъ водится: зазвонили къ Дѣяніямъ; одѣлся онъ, пошелъ на Дѣянія, а я осталась въ домѣ къ празднику все прибрать. Салфетки чистыя на столики достала; пока столъ накрыла, уставила его, чѣмъ Богъ послалъ; пока постель нарядила, лампадки всюду засвѣтила, ладономъ по дому покурила, пока то, другое, едва успѣла сама одѣться, гляжу, и онъ пришелъ за мною проводить меня въ церковь, что уже заутреня скоро начнется. Пошли мы, и еще на дорогѣ какъ это звучно да чудно огласилъ насъ великій благовѣстъ! Боже Ты мой Господи! Кажется, вѣдь все равно ночь и благовѣстъ святой, развѣ его въ первый разъ отъ роду слышишь? А между тѣмъ будто именно въ первый и въ послѣдній разъ въ твоей жизни слышишь его, какъ онъ, матушка, дрогнетъ у тебя въ ушахъ среди неусыпельной ночи Свѣтлаго дня Христова!... Вотъ-то и заутреня отошла, продолжала свой разсказъ Любовь Архиповна. Всѣ люди радостно идутъ по домамъ, и мы пришли, то есть я первая вошла въ комнату и стою, наклонилась надъ столомъ, красныя яйца къ посвященію обтираю, смотрю, онъ вошелъ и прямо ко мнѣ. «Нынче, говоритъ, враги заклятые цѣлуются и обнимаются; а мы все же, передъ Богомъ и передъ людьми, мужъ и жена», говоритъ; а голосъ у него, какъ струна, дрожитъ.... «Христосъ воскресе»! И онъ, матушка, обнялъ меня и

поцѣловалъ три раза. Я того не помню, отвѣтила я ему: «Во истину воскресе», или не отвѣтила; только какъ я опомнилась, его уже не было въ комнатѣ, я одна стою и всѣ мои красныя яйца раскатились по столу.

«Вотъ когда, матушка, со мною что-то сталось такое, что и Господь Святый вѣдаетъ! Никакого я сужденія къ себѣ не приложу. Стою въ церкви, у такой великой обѣдни, и вдругъ позабуду, гдѣ я стою. Мурашки по мнѣ по всей пойдутъ и разомъ сердце замретъ, замретъ.... Вотъ, думаю, Господи, на ногахъ не устою. Сказать бы: болѣзнь какая? Не болитъ ничего; а всю меня третъ да мнетъ, словно меня сглазилъ кто.... Но въ такой великій праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, никакой злой глазъ не беретъ, это извѣстно. Разговѣлись мы, не легчаетъ мнѣ; а тутъ еще я знаю, что, отдохнувши, надобно собираться ѣхать къ матушкѣ. Она черезъ людей переказывала, чтобы мы на праздникъ непремѣнно къ ней были. Не хочется мнѣ подъ колокола ѣхать, да дѣлать нечего. Онъ еще со вчерашняго дня самъ все въ бричкѣ осмотрѣлъ и уладилъ; сегодня только садись да поѣзжай. Вотъ, думаю себѣ, бѣда не приходитъ одна. Пусть я отдохнуть лягу, можетъ статься, оно перейдетъ сномъ. И легла я, матушка: взяла подушку, положила на диванчикъ и голову платкомъ укрыла—нѣтъ, не спится мнѣ. Томитъ меня какая-то истома, словно я боюсь чего и не боюсь, словно меня что за дверьми ждетъ и кровь по мнѣ волною ходитъ. Встала я, щеки у меня горятъ; а я этого дива, матушка, какъ замужъ вышла, не видала, чтобы у меня цвѣтъ на лицѣ былъ. Нечего дѣлать, стала я собираться къ поѣздкѣ. Выдвинула сундучокъ, чтобы уложить кое-что, укладываю я — и уложеннаго ничего нѣту: такъ у меня, сами собою, колѣни подгибаются и руки опускаются. «Господи! говорю, хотя бы на вѣтеръ скорѣе. Авось бы меня вѣтромъ провѣяло». И вѣтромъ не провѣваетъ, матушка! Поѣхали мы—все одно. Душно мнѣ въ бричкѣ сидѣть, и будто я сержусь, и сама не знаю, на кого сержусь. Стали мы подъѣзжать къ Купянкѣ, прилучился намъ на дорогѣ мосточекъ. «Дай, говорю, хоть выйду, пройдусь, перейду этотъ мосточекъ». Онъ велѣлъ остановить лошадей, и мы вышли. Только онъ, матушка, хотѣлъ меня взять подъ руку, чтобы перевести, значитъ, черезъ мостокъ (дурно было идти), я какъ отшатнусь отъ него, и прямо съ размаху упала подъ мостокъ, не удержалась на краю. Я перепугалась, а онъ бросился ко мнѣ, лица на немъ нѣтъ. «Боже мой! всплеснулъ руками:— долго ли еще это будетъ»? Я стала подниматься, матушка, и какъ-то мнѣ пришлось, что я прямо глянула глазами на него; а онъ, бѣлый какъ полотно, стоитъ надо мною, и мнѣ его, матушка, жалко стало....

«Сѣли мы, опять поѣхали, а мнѣ все его жалко. Ушибиться я вовсе не ушиблась: упала мягко на прошлогодвюю траву и даже не замарала ничего.... а какъ подумаю, а мнѣ жалко его. Дай, говорю себѣ, погляжу на него. Поглядѣла я, матушка, а онъ сидитъ какъ словно окаменѣлый: въ лицѣ ни кровинки нѣтъ; протянулъ руки, сложилъ ихъ себѣ на колѣно и сидитъ, хотя бы онъ двинулся или пошевельнулся; даже у него глаза будто остановились. Я хочу позвать и не знаю какъ. Позабыла я, не знаю, какъ моего мужа зовутъ. Тронула его за рукавъ, онъ не слышитъ. Я и не знаю, что̀ дальше со мною сталось. Только я, матушка, упала ему на руки, ухватилась за него, говорю: «Прости меня! я больше не буду». Онъ даже задрожалъ весь. «Не будешь»? Наклонился ко мнѣ и глядитъ на меня быстро глазами, что мнѣ даже страшно стало. «Посмотрю я, какъ ты не будешь? Поцѣлуй меня». И вотъ тебѣ, какъ Богъ святъ, родная моя, откажись я въ ту минуту поцѣловать его, онъ бы, кажется, тутъ же убилъ меня.... Я закинула ему руки кругомъ шеи, крѣпко обняла его, и какъ я своимъ поцѣлуемъ поцѣловала его, да и не оторвусь отъ него.... Какъ зарыдаю я, какъ польются у меня слезы — и вотъ, матушка, когда пришелъ истокъ имъ! Я тебѣ и сказать не умѣю, какъ это я плакала. Ни прежде, ни послѣ я не видала и не слыхала, чтобы человѣкъ лился такъ слезами, какъ я лилась тогда. Никаноръ Семеновичъ меня обнялъ, держитъ возлѣ себя. «Любаша! говоритъ:—Богъ съ тобою! Христосъ съ тобою»! креститъ меня, цѣлуетъ меня; а я одно, что льюся слезами, припала на груди у него. Пріѣхали мы; я встать не могла. Вынулъ онъ меня изъ брички, несетъ на рукахъ..... Сестрицы выбѣжали на встрѣчу, матушка за ними идетъ; а я еще пуще плачу, льюся слезами. Внесъ онъ меня въ комнаты; положилъ на постель, и самъ сталъ около меня; а я, какъ дитя, что ни болѣе ухвачусь за него, то больше зарыдаю. «Никаноръ Семеновичъ! да что ты это сдѣлалъ съ моею дочерью»? говоритъ матушка, а сестрицы кругомъ меня какъ ласточки вьются. Положилъ онъ меня на матушкину кровать, такъ нѣтъ моихъ силъ, не оторвусь я отъ него! Что будто утѣшусь немного, подниму голову, да только гляну на него, такъ меня опять слезы зальютъ! Опять я, какъ сумасшедшая, припьну до него.... И не скажу я тебѣ, и ты меня не спрашивай, заключила Любовь Архиповна, обѣими руками махая на меня, какъ это я насилу унялась отъ великаго плача моего».

— Истинно великаго, невольно сказала я.

— Но, Любовь Архиповна, скажите мнѣ, что̀ было съ Чернымъ? Что вы знали о немъ, слышали? Какія онъ пѣсни пѣлъ? Въ кого изъ барышень влюбился? На комъ женился?...

— Погоди, матушка. Много спрашиваешь, да не много для отвѣта есть, остановила меня Любовь Архиповна.—Некогда ему было ничего того дѣлать по той самой причинѣ, что въ воскресенье на всеѣдной я замужъ шла; а онъ, значитъ, тою весною, недѣль черезъ десять, утонулъ, то есть не то чтобы утонулъ, поправилась Любовь Архиповна: тонулъ-то не онъ, да отсюда ему болѣзнь его приключилась, и Черный на самый третій день Свѣтлаго праздника умеръ и въ четвергъ на Святой недѣлѣ его и хоронили.

— Жаль мнѣ вашего Чернаго, сказала я, а между тѣмъ мнѣ вспоминался полустихъ Пушкина: за чѣмъ жалѣть?

— Это еще ничего, матушка, что ты о немъ жалѣешь, сказала мнѣ Любовь Архиповна.—Нѣтъ, ты бы спросила, какъ вся Купянка о немъ жалѣла — вотъ на что было съ удивленіемъ посмотрѣть При жизни его будто не очень любили, за тѣмъ что онъ насмѣшникъ естественный былъ, а какъ умеръ онъ, точно каждый, Богъ знаетъ, что милое себѣ да дорогое потерялъ въ немъ. Оно и то сказать, говорила Любовь Архиповна,—что Черный, послѣднее время, почитай, половину города просто на привязи за собою водилъ.

— На какой привязи, Любовь Архиповна?

— А на такой, родная моя, что за послѣднее время объявись у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слыхивали той пѣсни, и какъ запоетъ онъ своимъ заливнымъ голосомъ ту протяжную пѣсню, просто душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ! Отецъ протопопъ, старый же человѣкъ и степенный, что ему пѣсня?—а онъ сидѣлъ подъ окномъ и слушалъ да слушалъ, какъ не далечко Черный пѣлъ; а далѣе опомнился, а у него, у отца протопопа, борода въ слезахъ (сама матушка протопопша говорила), такъ онъ даже перекрестился. «Господи Іисусе Христе! сказалъ: — вотъ пѣсня»!

— Но какая же пѣсня? говорила я Любови Архиповнѣ.

— Да она будто не ни-вѣсть какая и не мудреная, и всей-то ее, матушка, видѣть нечего:

Воздохну, Дунай всколыхну,
Всколыхну ли я Дунай-рѣку.
Что не къ морю вода подымалася,
По желтымъ пескамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася:
По дѣвушкѣ душѣ встосковалася....

«Пѣсня-то и вся тутъ, говорила Любовь Архиповна, — да что сдѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ по вечерней зарѣ.... И еще какъ надойдетъ

надъ гору и станетъ на ней, — а внизу рѣка въ половодьи разлилася, шумитъ, — и онъ стоитъ, матушка, и поетъ: *расплескалася, разливалася*, просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!...

«Какъ же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы какъ завидятъ его, изъ лавокъ выбѣгаютъ на встрѣчу. «Ваша милость, отецъ родной! *Воздохну*.... Что хочешь изъ лавки бери, спой только: *Воздохну*....» «Что́ жъ, братцы! говорилъ Черный, — не продажная. Самому дорого стоитъ. Удастся вамъ послушать случаемъ, ваше счастіе, а не удастся, не погнѣвайтесь». Такъ вотъ, чтобы удалось это счастіе, за Чернымъ по сту глазъ смотрѣли. Чуть онъ заложилъ руки назадъ и пошелъ по городу, тотчасъ со всѣхъ сторонъ присадясь и пригибаясь подъ плетнями, за нимъ слѣдомъ и потянуло человѣкъ пятнадцать или двадцать. У хозяевъ надъ рѣкою всѣ плетни по огородамъ осадили, лазяя черезъ нихъ, за тѣмъ, что, значитъ, эти мѣста облюбилъ Черный и уже заливался тутъ своимъ *Воздохну*. И тутъ же ему, матушка, и напасть его приключилася».

— Какая? Говорите, Любовь Архиповна! сказала я.

«Мужикъ потопалъ. Черный увидѣлъ съ горы и бросился на помощь.

«А то дѣло было съ утра; Черный только на службу шелъ, какъ увидѣлъ, что потопаетъ мужикъ, и онъ одѣлся послѣ въ сухое и опять пошелъ на службу. А оно не прошло даромъ. Недѣлю цѣлую разламывала его болѣзнь, да онъ все не поддавался; а потомъ уже она какъ осилила его, такъ онъ на десятый день только въ память свою пришелъ. И только, матушка, пришелъ въ себя, глянулъ глазами, и говоритъ шопотомъ хозяйкѣ, чтобъ она священника позвала. И голоса-то его заливнаго не стало у него! А хозяйкѣ не зачѣмъ было далеко идти, потому что отецъ протопопъ отъ обѣдни мимо оконъ шелъ. Она его въ окна и позвала. Отецъ протопопъ, спасибо ему, даже въ домъ къ себѣ не зашелъ, а воротился прямо въ церковь, взялъ ковчежецъ со святыми дарами, выисповѣдалъ и запричастилъ больнаго....

«И вотъ, родная моя, что я тебѣ скажу, говорила Любовь Архиповна: — сама хозяйка божилась послѣ, сказывала мнѣ.... Пока, знаешь, священникъ у больнаго святыню творилъ, а она, женщина догадливая, поспѣшила самоваръ поставить. Одно то — что, можетъ статься, больной, принявши Св. Таинъ, захочетъ чаю выкушать; а другое — что хозяйка сама же знала и видѣла, что и отецъ протопопъ еще не кушалъ чая. Какъ только тамъ окончили со святынею, она сейчасъ внесла самоварчикъ и начала готовить чай. Отецъ протопопъ не далеко на стулкѣ сидѣлъ, а больной лежалъ съ откры-

тыми глазами; только онъ, видно, не замѣчалъ хозяйки; мало-помалу сталъ подниматься и сѣлъ. «Батюшка! говоритъ, такимъ тихимъ и твердымъ голосомъ говоритъ: — я вамъ не все на исповѣди сказалъ. Я Любовь Архиповну крѣпко, какъ свою душу, любилъ». Батюшка, отецъ протопопъ, тоже всталъ къ нему. «Ничего, говоритъ, и Богъ насъ всѣхъ любитъ». Съ этимъ словомъ Черный легъ, поворотился къ стѣнкѣ, и будто онъ заснулъ, да уже и не просыпался болѣе.

Кохановская [1]).

Темы. — Семейный деспотизмъ, какъ онъ проявляется здѣсь и въ народныхъ пѣсняхъ [2]). — Характеръ Любови Архиповны. — Ея мужъ. — Сила пѣсни народной.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА.

Бѣжинъ Лугъ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце, не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное—мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ, и погрузится въ лиловый туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками: блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра.... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ съ нѣжными бѣлыми краями, подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко прозрачными рукавами ровной синевы. Они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза, развѣ, кой-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака ис-

---

[1]) Современная писательница.

[2]) См. 2 т. нашей Христоматіи.

чезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось, также спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіяніе стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «парйтъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты, несомнѣнный признакъ постоянной погоды, высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба....

Въ такой точно день охотился я однажды за тетеревами въ Черньскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Я нашелъ и настрѣлялъ довольно много дичи; наполненный ягташъ немилосердно рѣзалъ мнѣ плечо; но уже вечерняя заря погасала, и въ воздухѣ еще свѣтломъ, хотя не озаренномъ болѣе лучами закатившагося солнца, начинали густѣть и разливаться холодныя тѣни, когда я рѣшился наконецъ вернуться къ себѣ домой [1]....

Сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ я далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначали ея теченье. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ: его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы....

Я узналъ наконецъ, куда я зашелъ. Этотъ лугъ славится въ нашихъ околоткахъ подъ названіемъ Бѣжина Луга.... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно въ ночную пору; ноги подкашивались подо мной отъ усталости,—я рѣшился подойти къ огонькамъ, и въ обществѣ тѣхъ людей, которыхъ принялъ за гуртовщиковъ, дождаться зари. Я благополучно спустился внизъ;

---

[1]) Далѣе разсказывается, какъ охотникъ сбился съ дороги и долженъ былъ заночевать въ полѣ.

но не успѣлъ выпустить изъ рукъ послѣднюю, ухваченную мною вѣтку, какъ вдругъ двѣ большія, бѣлыя, лохматыя собаки со злобнымъ лаемъ бросились на меня. Дѣтскіе звонкіе голоса раздались вокругъ огней; два-три мальчика быстро поднялись съ земли. Я откликнулся на ихъ вопросительные крики. Они подбѣжали ко мнѣ, отозвали тотчасъ собакъ, которыхъ особенно поразило появленіе моей Діанки, и я подошелъ къ нимъ.

Я ошибся, принявъ людей, сидѣвшихъ вокругъ тѣхъ огней, за гуртовщиковъ. Это просто были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. Въ жаркую лѣтнюю пору лошадей выгоняютъ у насъ на ночь кормиться въ поле: днемъ мухи и оводы не дали бы имъ покоя. Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ—большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. Сидя безъ шапокъ и въ старыхъ полушубкахъ, на самыхъ бойкихъ кляченкахъ, мчатся они съ веселымъ гиканьемъ и крикомъ; болтая руками и ногами, высоко подпрыгиваютъ, звонко хохочутъ. Легкая пыль желтымъ столбомъ поднимается и несется по дорогѣ; далеко разносится дружный топотъ, лошади бѣгутъ, навостривъ уши; впереди всѣхъ, безпрестанно мѣняя ногу, скачетъ какой-нибудь рыжій космачъ, съ репейниками въ спутанной гривѣ.

Я сказалъ мальчикамъ, что заблудился, и подсѣлъ къ нимъ. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилегъ подъ обглоданный кустикъ, и сталъ глядѣть кругомъ. Картина была чудесная: около огней дрожало и какъ будто замирало, упираясь въ темноту, круглое красноватое отраженіе; пламя, вспыхивая, изрѣдка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкій языкъ свѣта лизнетъ голые сучья лозника, и разомъ исчезнетъ. Острыя, длинныя тѣни, врываясь на мгновенье, въ свою очередь, добѣгали до самыхъ огоньковъ: мракъ боролся со свѣтомъ. Иногда, когда пламя горѣло слабѣе и кружокъ свѣта съуживался, изъ надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнѣдая съ извилистой проточиной, или вся бѣлая, внимательно и тупо смотрѣла на насъ, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчасъ скрывалась. Только слышно было, какъ она продолжала жевать и отфыркивалась. Изъ освѣщеннаго мѣста трудно разглядѣть, что дѣлается въ потемкахъ, и потому вблизи все казалось задернутымъ почти черной завѣсой; но далѣе къ небосклону длинными пятнами смутно виднѣлись холмы и лѣса. Темное, чистое небо торжественно и необъятно-высоко стояло надъ нами со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ Русской лѣтней ночи. Кругомъ не слыша-

лось почти никакого шума.... Лишь изрѣдка въ близкой рѣкѣ съ внезапной звучностью плеснетъ большая рыба, и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидѣли вокругъ ихъ; тутъ же сидѣли и тѣ двѣ собаки, которымъ такъ было захотѣлось меня съѣсть. Онѣ еще долго не могли примириться съ моимъ присутствіемъ и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изрѣдка рычали съ необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства; сперва рычали, а потомъ, слегка визжали, какъ бы сожалѣя о невозможности исполнить свое желаніе. Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня.

Я лежалъ подъ кустикомъ въ сторонѣ и поглядывалъ на мальчиковъ. Небольшой котельчикъ висѣлъ надъ однимъ изъ огней: въ немъ варились «картошки». Павлуша наблюдалъ за нимъ, и, стоя на колѣняхъ, тыкалъ щепкой въ закипавшую воду. Ѳедя лежалъ, опершись на локоть и раскинувъ полы своего армяка. Ильюша сидѣлъ рядомъ съ Костей, и все-также напряженно щурился. Костя понурилъ немного голову, и глядѣлъ куда-то вдаль. Ваня не шевелился подъ своей рогожей. Я притворился спящимъ. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о томъ, и семъ, о завтрашнихъ работахъ, о лошадяхъ; но вдругъ Ѳедя обратился къ Ильюшѣ и, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ, спросилъ его:

— Ну, и что жъ ты, такъ и видѣлъ домоваго?

— Нѣтъ, я его не видалъ, да его и видѣть нельзя, отвѣчалъ Ильюша сиплымъ и слабымъ голосомъ, звукъ котораго какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ выраженію его лица: — а слышалъ.... Да и не я одинъ.

— А онъ у васъ гдѣ водится? спросилъ Павлуша.

— Въ старой рольнѣ [1]).

— А развѣ вы на фабрику ходите?

— Какже, ходимъ. Мы съ братомъ, съ Авдюшкой, въ лисовщикахъ состоимъ [2]).

— Вишь ты — фабричные!...

— Ну, такъ какъ же ты его слышалъ? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ какъ. Пришлось намъ съ братомъ Авдюшкой, да съ Ѳедоромъ Михѣевскимъ, да съ Ивашкой Косымъ, да съ другимъ Ивашкой, что съ Красныхъ Холмовъ, да еще съ Ивашкой Су-

¹) *Рольней* или «черпальней» на бумажныхъ фабрикахъ называется то строеніе, гдѣ въ чанахъ вычерпываютъ бумагу. Она находится у самой плотины, подъ колесомъ.

²) *Лисовщики* гладятъ, скоблятъ бумагу.

хоруковымъ, да еще были тамъ другіе ребятишки: всѣхъ было насъ ребятокъ человѣкъ десять—какъ есть вся смѣна; но а пришлось намъ въ рольнѣ заночевать, то есть не то, чтобы эдакъ пришлось, а Назаровъ, надсмотрщикъ, запретилъ: говоритъ, что, молъ, вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите.—Вотъ мы остались и лежимъ всѣ вмѣстѣ, и зачалъ Авдюшка говорить: что, молъ, ребята, ну, какъ домовой прійдетъ?... И не успѣлъ онъ, Авдей-отъ, проговорить, какъ вдругъ кто-то надъ головами у насъ и заходилъ; но а лежали-то мы внизу, а заходилъ онъ на верху, у колеса. Слышимъ мы: ходитъ, доски подъ нимъ такъ и гнутся, такъ и трещатъ; вотъ прошелъ онъ черезъ наши головы; вода вдругъ по колесу какъ зашумитъ, зашумитъ; застучитъ, застучитъ колесо, завертится; но а заставки у дворца-то [1]) спущены. Дивимся мы: — кто жъ это ихъ поднялъ, что вода пошла; однако, колесо повертѣлось, повертѣлось, да и стало. Пошелъ *тотъ* опять къ двери на верху, да по лѣстницѣ спущаться сталъ, и эдакъ спущается, словно не торопится; ступеньки подъ нимъ такъ даже и стонутъ... Ну, подошелъ тотъ къ нашей двери, подождалъ, подождалъ, — дверь вдругъ вся такъ и распахнулась. Всполохнулись мы, смотримъ — ничего.... Вдругъ, глядь, у одного чана форма [2]) зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила эдакъ по воздуху, словно кто ей полоскалъ, да и опять на мѣсто. Потомъ у другаго чана крюкъ снялся съ гвоздя, да опять на гвоздь; потомъ будто кто-то къ двери пошелъ, да вдругъ какъ закашляетъ, какъ заперхаетъ, словно овца какая, да зычно такъ.... Мы всѣ такъ ворохомъ и свалились, другъ подъ дружку полѣзли.... Ужъ какъ же мы напужались о ту пору.

— Вишь, какъ!... промолвилъ Павелъ. — Чего жъ онъ раскашлялся?

— Не знаю, — можетъ, — отъ сырости.

Всѣ помолчали....

— А что, спросилъ Ѳедя, — картошки сварились?

Павлуша пощупалъ ихъ.

— Нѣтъ, еще сыры. Вишь, плеснула, прибавилъ онъ, повернувъ лице въ направленіи рѣки: — должно быть, щука... А вонъ звѣздочка покатилась.

— Нѣтъ, я вамъ что, братцы, разскажу, заговорилъ Костя тонкимъ голоскомъ,—послушайте-ка, намеднись что тятя при мнѣ разсказывалъ.

— Ну, слушаемъ, съ покровительствующимъ видомъ сказалъ Ѳедя.

---

[1]) *Дворцомъ* называется у насъ мѣсто, по которому вода бѣжитъ на колесо.
[2]) Сѣтка, которой бумагу черпаютъ.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника?

— Ну да, знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчитъ, знаете? Вотъ отчего онъ такой невеселый: пошелъ онъ разъ, — тятенька говорилъ, — пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ, Богъ знаетъ куды зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги; а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ и слышитъ вдругъ, кто-то его зоветъ. Смотритъ — никого. Онъ опять задремалъ: опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ онъ, а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается, и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяцъ-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяцъ, — все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая или пескарь, — а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлесоватый, серебряный.... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она, знай, хохочетъ, да его все къ себѣ эдакъ рукой зоветъ. Ужъ Гаврило-было и всталъ, послушался-было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумилъ: положилъ-таки на себя крестъ.... А ужъ какъ ему было трудно крестъ-то класть, братцы мои, говоритъ: рука, просто, какъ каменная, не ворочается.... Ахъ ты эдакой, а!... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея веленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: «чего ты, лѣсное зелье, плачешь»? А русалка-то какъ взговоритъ ему: «не креститься бы тебѣ», говоритъ, «человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилѣ тотчасъ и понятственно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходитъ.

— Эка! проговорилъ Ѳедя послѣ недолгаго молчанія: — да какъ же это можетъ этакая лѣсная нечисть христіанскую душу спортить? Онъ же ея не послушался.

— Да вотъ поди ты! сказалъ Костя. — И Гаврила баилъ, что голосокъ, молъ, у ней такой тоненькій, жалобный, какъ у жабы.

— Твой батька самъ это разсказывалъ? продолжалъ Ѳедя.

— Самъ. Я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?.... А знать онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! подхватилъ Ильюша. — Какже! Защекотать она его хотѣла: вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то.

— А, вѣдь, вотъ и здѣсь должны быть русалки, замѣтилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Костя.—Здѣсь мѣсто чистое, вольное. Одно,— рѣка близко,

Всѣ смолкли. Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи, раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ, и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься, — и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ, и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули....

— Съ нами крестная сила! шепнулъ Илья.

— Эхъ вы, вороны! крикнулъ Павелъ: — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Всѣ пододвинулись къ котельчику, и начали ѣсть дымящійся картофель; одинъ Ваня не шевельнулся). Что же ты? сказалъ Павелъ.

Но онъ не вылѣзъ изъ-подъ своей рогожи. Котельчикъ скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, началъ Ильюша, — что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? спросилъ Ѳедя.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое. Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ все казюли[1]) водются.

— Ну что такое случилось? сказывай....

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Ѳедя, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: такъ — бугорочекъ.... Вотъ, на дняхъ зоветъ прикащикъ псаря Ермила; говоритъ: ступай, молъ, Ермилъ на пошту. Ермилъ у насъ завсегда на пошту ѣздитъ; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ: не живутъ онѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псарь онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѣхалъ Ермилъ за поштой, да и замѣшкался въ городѣ, но а ѣдетъ назадъ ужъ онъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ

[1]) По-Орловскому *змѣи*.

свѣтитъ!... Вотъ и ѣдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ его дорога вышла. Ѣдетъ онъ, эдакъ, псарь Ермилъ, и видитъ у утопленника на могилѣ барашекъ, бѣлый такой, кудрявый, хорошенькій, похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермилъ: сѣмъ возьму его,— что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, и взялъ его на руки... Но а барашекъ—ничего. Вотъ идетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него таращится, хрипитъ, головой трясетъ; однако, онъ ее отпрукалъ, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѣхалъ опять: барашка передъ собой держитъ. Смотритъ онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядитъ. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю, что, молъ, не помню я, чтобы эдакъ бараны кому въ глаза посмотрѣли; однако, ничего, сталъ онъ его эдакъ по шерсти гладить,—говоритъ: «бяша, бяша»! А баранъ-то вдругъ какъ оскалитъ зубы, да ему тоже: «бяша, бяша»....

Не успѣлъ разсказчикъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ обѣ собаки разомъ поднялись, съ судорожнымъ лаемъ ринулись прочь отъ огня и исчезли во мракѣ. Всѣ мальчики перепугались. Ваня выскочилъ изъ-подъ своей рогожи. Павлуша съ крикомъ, бросился вслѣдъ за собаками. Лай ихъ быстро удалялся.... Послышалась безпокойная бѣготня встревоженнаго табуна. Павлуша громко кричалъ: «Сѣрый! Жучка»!... Черезъ нѣсколько мгновеній лай замолкъ; голосъ Павла принесся, уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы выжидая, что-то будетъ... Внезапно раздался топотъ скачущей лошади; круто остановилась она у самаго костра, и, уцѣпившись за гриву, проворно спрыгнулъ съ нея Павлуша. Обѣ собаки также вскочили въ кружокъ свѣта, и тотчасъ сѣли, высунувъ красные языки.

— Что тамъ? что такое? спросили мальчики.

— Ничего, отвѣчалъ Павелъ, махнувъ рукой на лошадь:—такъ что-то собаки зачуяли. Я думалъ волкъ, прибавилъ онъ равнодушнымъ голосомъ, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лице, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлой удалью и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ нимало не колеблясь, поскакалъ на волка.... «Что за славный мальчикъ»! думалъ я, глядя на него.

— А видали ихъ, что ли, волковъ-то? спросилъ трусишка Костя.

— Ихъ всегда здѣсь много, отвѣчалъ Павелъ.—Да они безпокойны только зимой.

Онъ опять прикорнулъ передъ огнемъ. Садясь на землю, уронилъ онъ руку на мохнатый затылокъ одной изъ собакъ, и долго

не поворачивало головы обрадованное животное, съ признательной гордостью посматривая съ боку на Павлушу.

Ваня опять забился подъ рогожку.

— А какіе ты намъ, Илюшка, страхи разсказывалъ, заговорилъ Ѳедя, которому, какъ сыну богатаго крестьянина, приходилось быть запѣвалой (самъ же онъ говорилъ мало, какъ бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собакъ тутъ нелегкая дернула залаять. — А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы?... Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видали — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ и все эдакъ охаетъ, что-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Что, молъ, батюшка Иванъ Иванычъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ.... Ну, и что жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо: — разрывъ-травы.

— А на что тебѣ, батюшка Иванъ Иванычъ, разрывъ-травы?

— Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ: вонъ хочется, вонъ....

— Вишь какой! замѣтилъ Ѳедя. — Мало, знать, пожилъ.

— Экое диво! промолвилъ Костя.—Я думалъ, покойниковъ можно только въ родительскую субботу видѣть.

— Покойниковъ во всякъ часъ видѣть можно, съ увѣренностью подхватилъ Ильюша, который, сколько я могъ замѣтить, лучше другихъ зналъ всѣ сельскія повѣрья.—Но а въ родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кѣмъ, то есть, въ томъ году очередь помирать. Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную да все на дорогу глядѣть. Тѣ и пойдутъ мимо тебя по дорогѣ, кому, то-есть, умирать въ томъ году. Вотъ у насъ въ прошломъ году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну и видѣла она кого-нибудь? съ любопытствомъ спросилъ Костя.

— Какже. Перво-на-перво она сидѣла долго, долго, никого не видала и не слыхала.... только все какъ будто собачка, эдакъ, залаетъ гдѣ-то.... Вдругъ, смотритъ: идетъ по дорожкѣ мальчикъ въ одной рубашенкѣ. Она приглянулась—Ивашка Ѳедосѣевъ идетъ...

— Тотъ, что умеръ весной? перебилъ Ѳедя.

— Тотъ самый. Идетъ и головушки не подымаетъ.... А узнала его Ульяна.... Но а потомъ смотритъ: баба идетъ. Она вгляды-

ваться, вглядываться, — а, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна.

— Неужто сама? спросилъ Ѳедя

— Ей-Богу, сама.

— Ну что̀ жъ, вѣдь, она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на не́е: въ чемъ душа держится.

Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожа, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возьмись бѣлый голубокъ,—налетѣлъ прямо на это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крылами.

— Знать отъ дому отбился, замѣтилъ Павелъ.—Теперь будетъ летѣть, покуда на что наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.

— А что̀, Павлуша, промолвилъ Костя: — не праведная ли это душа летѣла на небо, асьʼ?

Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.

— Можетъ быть, проговорилъ онъ наконецъ.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, началъ Ѳедя: — что у васъ тоже въ Шаламовѣ было видать *предвидѣнье*-то небесное [1])?

— Какъ солнце-то не стало видно? Какже.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Баринъ-то нашъ, хоша и толковалъ намъ напредки, что, дескать, будетъ вамъ предвидѣнье, а какъ затемнѣло, самъ, говорятъ, такъ перетрусился, что на̀ поди. А на дворовой избѣ баба стряпуха, такъ та, какъ только зате́мнѣло, слышь, взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: «кому теперь ѣсть», говоритъ: «наступило свѣтопреставленье». Такъ шти и потекли. А у насъ на деревни такіе, братъ, слухи ходили, что, молъ, бѣлые волки по землѣ побѣгутъ, людей ѣсть будутъ, хищная птица полетитъ, а то и самого Тришку [2]) увидятъ.

— Како̀го это Тришку? спросилъ Костя.

— А ты не знаешь? съ жаромъ подхватилъ Ильюша.—Ну, братъ, откентелева-жа ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у васъ въ деревнѣ сидятъ, вотъ ужъ точно сидни! Тришка — эвто будетъ такой человѣкъ удивительный, который прійдетъ; а прійдетъ онъ та-

---

[1]) Такъ мужики называютъ у насъ солнечное затмѣніе.

[2]) Въ повѣрьи о *Тришкѣ*, вѣроятно, отозвалось сказаніе объ Антихристѣ.

кой удивительный человѣкъ, что его и взять нельзя будетъ: и ничего ему сдѣлать нельзя будетъ: такой ужъ будетъ удивительный человѣкъ. Захотятъ его, напримѣръ, взять крестьяне: выйдутъ на него съ дубьемъ, оцѣпятъ его, но а онъ имъ глаза отведетъ—такъ отведетъ имъ глаза, что они же сами другъ друга побьютъ. Въ острогъ его посадютъ, напримѣръ,—онъ попроситъ водицы испить въ ковшикѣ: ему принесутъ ковшикъ, а онъ нырнетъ туда, да и поминай какъ звали. Цѣпи на него надѣнутъ, а онъ въ ладошки затрепещется—цѣпи съ него такъ и попадаютъ. Ну, и будетъ ходить этотъ Тришка по селамъ да по городамъ; и будетъ этотъ Тришка, лукавый человѣкъ, соблазнять народъ христіанскій; — ну а сдѣлать ему нельзя будетъ ничего... Ужъ такой онъ будетъ удивительный, лукавый человѣкъ.

— Ну да, продолжалъ Павелъ своимъ неторопливымъ голосомъ:— такой. Вотъ его-то и ждали у насъ. Говорили старики, что вотъ, молъ, какъ только предвидѣнье небесное зачнется, такъ Тришка и прійдетъ. Вотъ и зачалось предвидѣнье. Высыпалъ весь народъ на улицу въ поле, ждетъ, что будетъ. А у насъ, вы знаете, мѣсто видное, привольное. Смотрятъ—вдругъ отъ Слободки съ горы идетъ какой-то человѣкъ, такой мудреный, голова такая удивительная... всѣ какъ крикнутъ: «ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ»! да кто куды. Староста нашъ въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричитъ, свою же дворную собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой, да черезъ плетень, да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофѣичъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: «авось, молъ, хоть птицу-то врагъ душегубецъ пожалѣетъ.» Таково-то всѣ переполошились!... А человѣкъ это шелъ нашъ бочаръ, Вавила: жбанъ себѣ новый купилъ да на голову пустой жбанъ и надѣлъ.

Всѣ мальчики засмѣялись и опять пріумолкли на мгновенье, какъ это часто случается съ людьми, разговаривающими на открытомъ воздухѣ. Я поглядѣлъ кругомъ: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ; еще много времени оставалось до перваго лепета, до первыхъ росинокъ зари. Луны не было на небѣ: она въ ту пору поздно всходила. Безчисленныя, золотыя звѣзды, казалось, тихо текли всѣ, наперерывъ мерцая, по направленію млечнаго пути, и, право, глядя на нихъ, вы какъ будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бѣгъ земли.... Странный, рѣзкій, болѣзненный крикъ раздался вдругъ два раза сряду надъ рѣкой и, спустя нѣсколько мгновеній, повторился уже далѣе....

Костя вздрогнулъ... «Что̀ это»?

— Это цапля кричитъ, спокойно возразилъ Павелъ.

— Цапля, повторилъ Костя: — А что такое, Павлуша, я вчера слышалъ вечеромъ, прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — ты, можетъ быть знаешь...

— Чтó ты слышалъ?

— А вотъ что я слышалъ. Шелъ я изъ Каменной Гряды въ Шашкино; а шелъ сперва все нашимъ орѣшникомъ, а потомъ лужкомъ пошелъ — знаешь, тамъ, гдѣ онъ сугибелью [1]) выходитъ, — тамъ вѣдь, есть бучило [2]), знаешь, оно еще все камышемъ заросло; вотъ пошелъ я мимо этого бучила, братцы мои, и вдругъ изъ того-то бучила какъ застонетъ кто-то, да такъ жалостливо, жалостливо: у-у...у-у...у-у! Страхъ такой меня взялъ, братцы мои: время-то позднее, да и голосъ такой болѣзный. Такъ вотъ, кажется, самъ бы и заплакалъ... Чтó бы это такое было? ась?

— Въ этомъ бучилѣ, въ запрошломъ лѣтѣ, Акима лѣсника утопили воры, замѣтилъ Павлуша: — такъ, можетъ быть, его душа жалобится.

— А, вѣдь, и то, братцы мои, возразилъ Костя, расширивъ свои и безъ того огромные глаза. — Я и не зналъ, что Акима въ томъ бучилѣ утопили; я бы его не такъ напужался.

— А то, говорятъ, есть такія лягушки махенькія, продолжалъ Павелъ: — которыя такъ жалобно кричатъ.

— Лягушки? ну, нѣтъ это не лягушки... какія это... (Цапля опять прокричала надъ рѣкой).—Экъ ее! невольно произнесъ Костя:— словно лѣшій кричитъ.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, подхватилъ Ильюша:— онъ только въ ладоши хлопаетъ да трещитъ...

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? насмѣшливо перебилъ его Ѳедя.

— Нѣтъ не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть; но а другіе видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны.... Едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говоритъ: такой стоитъ большой, большой темный, скутанный эдакъ, словно за деревомъ, хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца, прячется, и глядитъ глазищами-то, моргаетъ ими, моргаетъ...

— Эхъ ты! воскликнулъ Ѳедя, слегка вздрогнувъ плечами:— Пфу!...

[1]) *Сугибель* — крутой поворотъ въ оврагѣ.

[2]) *Бучилó* — глубокая яма съ весенней водой, оставшейся послѣ половодья, которая не пересыхаетъ даже лѣтомъ.

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ. — Не понимаю.

— Не бранись: смотри, услышитъ, — замѣтилъ Илья.

Настало опять молчаніе.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани:—гляньте-ка на Божьи звѣздочки,—что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ, и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и нескоро опустились.

— А что, Ваня, ласково заговорилъ Ѳедя — что твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?...

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою головку на землю. Павелъ всталъ, и взялъ въ руку пустой котельчикъ.

— Куда ты? спросилъ его Ѳедя.

— Къ рѣкѣ, водицы зачерпнуть. Водицы захотѣлось испить.

Собаки поднялись и пошли за нимъ.

— Смотри, не упади въ рѣку! крикнулъ ему вслѣдъ Ильюша.

— Отчего ему упасть? сказалъ Ѳедя. — Онъ остережется.

— Да, остережется. Всяко бываетъ: онъ вотъ нагнется, станетъ черпать воду, а водяной его за руку схватитъ да потащитъ къ себѣ. Станутъ потомъ говорить: упалъ, дескать, малый въ воду... А какое упалъ?... Во-вонъ, въ камыши полѣзъ, прибавилъ онъ, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», какъ говорится у насъ.

— А правда ли, спросилъ Костя:—что Акулина дурочка съ тѣхъ поръ и рехнулась, какъ въ водѣ побывала?

— Съ тѣхъ поръ... Какова тепѣрь? Но а говорятъ, прежде красавица была.

(Я самъ не разъ встрѣчалъ эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется она по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на дорогѣ, крѣпко прижавъ

костлявыя руки къ груди и медленно переваливаясь съ ноги на ногу, словно дикій звѣрь въ клѣткѣ. Она ничего не понимаетъ, что бы ей ни говорили, и только изрѣдка судорожно хохочетъ).

— А говорятъ, продолжалъ Костя: — Акулина оттого въ рѣку и кинулась, что ее полюбовникъ обманулъ.

— Оттого самаго.

— А помнишь Васю? печально прибавилъ Костя.

— Какого Васю? спросилъ Ѳедя.

— А вотъ того, что утонулъ, отвѣчалъ Костя: — въ этой самой рѣкѣ. Ужъ какой же мальчикъ былъ! ихъ какой мальчикъ былъ! Мать-то его, Ѳеклиста, ужъ какъ же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Ѳеклиста-то, что ему отъ воды погибель произойдетъ. Бывало, пойдетъ-отъ Вася съ нами, съ ребятками, лѣтомъ, въ рѣчку купаться, — она такъ вся и встрепещется. Другія бабы ничего, идутъ себѣ мимо съ корытами, переваливаются, а Ѳеклиста поставитъ корыто на-земь и станетъ его кликать: «вернись, молъ, вернись, мой свѣтикъ! охъ, вернись, соколикъ»! — И какъ утонулъ, Господь знаетъ. Игралъ на бережку, и мать тутъ же была, сѣно сгребала; вдругъ слышитъ, словно кто пузыри по водѣ пускаетъ, — глядь, а только ужъ одна Васина шапонька по водѣ плаваетъ. Вѣдь, вотъ съ тѣхъ поръ и Ѳеклиста не въ своемъ умѣ: — прійдетъ да и ляжетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ утопъ, ляжетъ, братцы мои, да и затянетъ пѣсенку, — помните, Вася-то все таку пѣсенку пѣвалъ, — вотъ ее-то она и затянетъ, а сама плачетъ, плачетъ, горько Богу молится....

— А вотъ Павлуша идетъ, молвилъ Ѳедя!

Павелъ подошелъ къ огню съ полнымъ котельчикомъ въ рукѣ.

— Что ребята, началъ онъ, помолчавъ: — неладно дѣло.

— А что? торопливо спросилъ Костя.

— Я Васинъ голосъ слышалъ.

Всѣ такъ и вздрогнули.

— Что ты, что ты? пролепеталъ Костя.

— Ей-Богу. Только сталъ я къ водѣ нагибаться, слышу вдругъ, зовутъ меня, эдакъ, Васинымъ голосомъ и словно изъ-подъ воды: «Павлуша, а Павлуша! подь сюда». Я отошелъ. Однако, воды зачерпнулъ.

— Ахъ ты, Господи! ахъ ты, Господи! проговорили мальчики, крестясь.

— Вѣдь, это тебя водяной звалъ, Павелъ, прибавилъ Ѳедя. — А мы только что о немъ, о Васѣ-то говорили.

— Ахъ, это примѣта дурная, съ разстановкой проговорилъ Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять. — Своей судьбы не минуешь.

Мальчики пріутихли. Видно было, что слова Павла произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе. Они стали укладываться передъ огнемъ, какъ бы собираясь спать.

— Что это? спросилъ вдругъ Костя, приподнявъ голову.

Павелъ прислушался. — Это кулички летятъ, посвистываютъ.

— Куда жъ они летятъ?

— А туда, гдѣ, говорятъ, зимы не бываетъ.

— А развѣ есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнулъ и закрылъ глаза....

Уже болѣе трехъ часовъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я присосѣдился къ мальчикамъ. Мѣсяцъ взошелъ наконецъ: я его не тотчасъ замѣтилъ: такъ онъ былъ малъ и узокъ. Эта безлунная ночь, казалось, была все также великолѣпна, какъ и прежде.... Но уже склонились къ темному краю земли многія звѣзды, еще недавно высоко стоявшія на небѣ; все совершенно затихло кругомъ, какъ обыкновенно затихаетъ все только къ утру: все спало крѣпкимъ, неподвижнымъ, передразсвѣтнымъ сномъ. Въ воздухѣ уже не такъ сильно пахло, — въ немъ снова какъ будто разливалась сырость.... Недолги лѣтнія ночи! — Разговоръ мальчиковъ угасалъ вмѣстѣ съ огнями.... Собаки даже дремали; лошади, сколько я могъ различить, при чуть брезжущемъ, слабо льющемся свѣтѣ звѣздъ, тоже лежали, понуривъ головы.... Слабое забытье напало на меня: оно перешло въ дремоту.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: — утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то исчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ къ мальчикамъ. Они всѣ спали какъ убитые вокругъ тлѣющаго костра; одинъ Павелъ приподнялся до половины, и пристально поглядѣлъ на меня.

Я кивнулъ ему головой и пошелъ во свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади по длинной, пыльной

дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана, полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодаго, горячаго свѣта.... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ....

Я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что въ томъ же году Павла не стало. Онъ не утонулъ: онъ убился, упавъ съ лошади. Жаль, славный былъ парень!

Тургеневъ.

Темы.—Въ чемъ заключается литературное достоинство «Бѣжина Луга»?—На сколько частей раздѣляется разсказъ Тургенева? — Какія народныя повѣрья описываются въ немъ и не слыхали ль вы чего-нибудь подобнаго? — Опишите каждое повѣрье, отъ своего лица. —Нѣтъ ли въ разсказѣ отвѣта на вопросъ: *какъ* проникаютъ въ народъ суевѣрія и *чѣмъ* они поддерживаются въ немъ? — Мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа. — Характеръ мальчиковъ. — Педагогическое значеніе разсказа.—Особенности языка Тургенева.

ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ.

I.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по не промятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ встрѣтилъ я весну. И Боже мой! какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею, способность, которая, не могу скрыть, была мною утрачена въ городской жизни, посреди чиновничьихъ и другаго рода мірскихъ треволненій. Настоящимъ образомъ таять начало съ апрѣля, и я ужъ цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больнаго, которому, послѣ полугодичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра, ни ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неистощимаго вниманья; по нѣскольку разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше и больше расширяется, свѣжѣй и свѣ-

жѣй зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ вербахъ почки я почти пересчитывалъ, какъ будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь верхомъ, по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ, посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все, попадающее ей на встрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ ради заманки въ нее неопытныхъ щурятъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше и больше свою благотворную силу и припекаетъ гдѣ-нибудь у стѣны точно лѣтомъ. И сколько птицъ появилось, и какъ онѣ всѣ ожили, откуда прилетѣли и всѣ поютъ: токуютъ на своихъ ассамблеяхъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! сколько силы, сколько страстности, и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра! Но вотъ снѣгу больше нѣтъ: лошадей, коровъ и овецъ, къ большому ихъ, сколько можно судить по наружности, удовольствію, сгоняютъ въ поля—наступаетъ рабочая пора: впрочемъ, весной работы еще ничего — не такъ торопятъ: съ Христова дня по Петровъ постъ воскресенья называются *гуляющими;* въ поляхъ возятся только мужики; а бабы и дѣвки еще ткутъ кросна и, которыя изъ нихъ помоложе и повеселѣй, да посвободнѣй въ жизни, такъ ходятъ въ сосѣднія деревни или въ усадьбы на гульбища; ихъ обыкновенно сопровождаютъ мальчишки въ ситцевыхъ рубахахъ и непремѣнно съ крашеннымъ яйцомъ въ рукѣ. Гульбища эти по нашимъ мѣстамъ нельзя сказать, чтобъ были одушевлены: бабы и дѣвки больше переглядываются другъ съ другомъ и, долго-долго собираясь и передумывая, станутъ наконецъ въ хороводъ и запоютъ безсмертную: «Какъ по морю, какъ по морю»; причемъ одна изъ дѣвокъ, надѣвъ на голову фуражку, представитъ парня, убившаго лебедя, а другая — красну дѣвицу, которая подбираетъ перья убитаго лебедя дружку на подушечку; или раздѣлясь на два города, ходятъ другъ къ другу на встрѣчу и поютъ однѣ: «А мы просо сѣяли, сѣяли», а другія: «А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ». Самой живой сценой бываетъ, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдругъ колесомъ и врѣжется въ самый хороводъ, причемъ какая-нибудь баба посердитѣе на лице, не упуститъ случая, проговоря: «я тѣ пёсъ-баловникъ этакой»! толкнутъ его ногой въ бокъ, а тотъ повалится на землю и начнетъ дрегать ногами: дѣвки смѣются. Иногда привяжется къ

хороводу только что воротившійся съ базара пьяный мужичонко, и начнетъ выкидывать штуки: возьметъ, напримѣръ, двѣ палки, изъ которыхъ представитъ одну будто смычокъ, а изъ другой скрипку и начнетъ наигрывать языкомъ «*Барыню*» или нагонитъ какого-нибудь мальчишку, стащитъ съ него сапогъ силой, возьметъ этотъ сапогъ какъ балалайку, и, тоже наигрывая языкомъ, пустится плясать и, поднявъ на улицѣ своими лаптями страшную пыль, провалится наконецъ куда-нибудь; хороводницы послѣ этого еще постоятъ, помолчатъ, пропоютъ иногда «Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ», мальчишки еще подерутся между собой и затѣмъ начнутъ расходиться по домамъ.... Вотъ вамъ и игрище все!

Между тѣмъ, время идетъ: яровое допахиваютъ. Вечеръ ясный, теплый. Я сижу на задней галлереѣ дома, обращенной во дворъ. Не хочется въ комнаты, отрадно на воздухѣ, хоть и становится свѣжо. Однако дѣдушка Ѳаддей прошелъ уже за квасомъ — значитъ девятый часъ въ исходѣ. Дѣдушка Ѳаддей только три раза въ день (передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ) слѣзаетъ съ печи и ходитъ за квасомъ и — не безпокойтесь, никогда не опоздаетъ; всегда первый нацѣдитъ изъ общественной квасницы въ свой буракъ: не любитъ жидкаго квасу; ну, а дворня не маленькая, какъ разъ сольютъ и набурятъ водой. Чалый меринъ, которому дозволено гулять въ саду по дряхлости лѣтъ, чалка этотъ вдругъ заржалъ; это значитъ, слышитъ лошадей—такой ужъ конь табунный, живъ-сгорѣлъ по своемъ братѣ: значитъ это съ поля ѣдутъ. Сначала показываются боронщики мальчишки, верхами на лошадяхъ; Васька, сынъ кучера, обыкновенно впереди всѣхъ и, что есть духу, мчится, но завидѣвъ меня, поѣхалъ шагомъ. Этакого сорванца-мальчишки и вообразить трудно: его пошлютъ, напримѣръ, за грибами, а онъ поймаетъ въ полѣ чью-нибудь чужую лошадь, взнуздаетъ ее веревкой, да верстъ въ десять конецъ и дастъ взадъ и впередъ.

«Однако, что жъ это оральщики не шабашатъ»? думаю я самъ съ собой: но и оральщики отшабашали, ѣдутъ! Это можно догадаться по крику задѣльнаго мужика, Петра Заврохи; не зная, можно подумать, что онъ съ кѣмъ-нибудь бранится, а вовсе нѣтъ: онъ только говоритъ, и безпрестанно говоритъ, и все крикомъ кричитъ; поэтому его Заврохой и прозвали. Отъ оральщиковъ отдѣлился староста, худощавый и съ озабоченнымъ лицемъ мужикъ, отличающійся отъ прочихъ только тѣмъ, что въ сапогахъ и съ палочкой, но, какъ и всѣ другіе сильно загорѣлый и перепачканный въ грязи; онъ входитъ на красный дворъ, снимаетъ шапку и подходитъ къ периламъ галлереи.

Семенъ, — такъ звали старосту, — говоритъ барину о посѣвѣ овса, объ ячменѣ и льнѣ, которые осталось еще засѣять, — о дождичкѣ, столь необходимомъ теперь, затѣмъ — о завтрашнихъ работахъ. Наконецъ Семенъ говоритъ о плотникѣ, котораго баринъ приказывалъ позвать и уходитъ.

II.

Дня черезъ три я сижу въ кабинетѣ, который, какъ водится въ помѣщичьихъ домахъ, прилегаетъ къ лакейской; слышу: кто-то вошелъ. Я окрикнулъ; вмѣсто отвѣта, въ сопровожденіи Семена, вошелъ мужикъ небольшаго роста, съ татарскимъ отчасти окладомъ лица: глаза угловатые, лице корявое, на бородѣ нѣсколько волосковъ, но мужикъ хоть и изъ простыхъ, а должно быть франтоватый: голова расчесанная, намасляная, въ сурмленой поддѣвкѣ на расвашку, въ пестрядинной рубашкѣ, съ шелковымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ мѣдный гребень, въ новыхъ сапогахъ и съ поярковой шляпой въ рукахъ. Какъ вошелъ, такъ и началъ молиться, и молился долго, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ схватилъ и поцѣловалъ у меня руку. Мнѣ это съ перваго раза не понравилось.

— Чтó это за глупости? сказалъ я съ сердцемъ, отнимая руку.

Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Это, ваше высокоблагородіе, такъ слѣдствуетъ: когда выходитъ господинъ, значитъ, опосля Бога и царя первый, ваше высокопривосходительство, проговорилъ онъ съ умилительной физіономіей.

— Да кто ты такой? Что ты за человѣкъ?

— Пузичъ, ваше привосходительство.

— Чтó такое Пузичъ?

— Фамилья такая у меня, значитъ, ваше привосходительство, и такъ какъ танерича наслышанъ я, что работа у васъ имѣется, ваше привосходительство, что ежель танерича вамъ мастера хорошаго надобно, чтобъ въ настоящемъ видѣ могъ представить, ваше привосходительство....

— Плотникъ это-съ, что этта говорили, разрѣшилъ наконецъ Семенъ.

— А! плотникъ! Я и не догадался. Красно ужъ очень говоришь ты, братецъ, сказалъ я. Похвалу эту Пузичъ принялъ за чистую монету.

— Нельзя, ваше высокопривосходительство, намъ разговору не знать: ежель танерича дѣла имѣемъ мы съ господами хорошими, значитъ, компанію имъ должны сдѣлать завсегда, ваше привосходительство.

— Конечно, сказалъ я: только такъ ли ты хорошо строишь, какъ говоришь?

— Работа моя, ваше привосходительство, извольте хоть вашего Семена Яковлича спросить, здѣсь на-знати; я не то, что плутъ какой-нибудь, али мошенникъ, я одного этого безчестья совѣстью не подниму взять на себя, а, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, должо́нъ сказать: колесо мое большое, ваше привосходительство; должо́нъ благодарить Владычицу нашу, Сѣиновскую Божью Матерь, тѣмъ, что могу угодить господамъ. Таперича, хоша бы карандашомъ рисовка на планѣ, али, примѣрно, циркулемъ, али теперь по ватерпасу прикинуть — все въ разумѣ моемъ имѣть могу, ваше привосходительство.

Семенъ усмѣхался и качалъ головой.

— Какъ же, братецъ, ты вотъ все это въ разумѣ имѣешь, а работаешь больше по мужикамъ? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ваше привосходительство, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, говорю: за безчестье себѣ считаю у мужика работать. Что мужикъ? — дура́къ, такъ сказать, больше ничего! возразилъ Пузичъ.

— Да вѣдь и ты не княжескаго рода. Говори дѣло-то, а не то что.... вмѣшался Семенъ.

— Извѣстно, слово твое настоящее, Семенъ Яковличъ, коли говорить, такъ говорить надо дѣло, отвѣчалъ, не сконфузясь, Пузичъ.

Онъ началъ производить на меня окончательно-непріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нѣсколько-лѣнивую и флегматическую фигуру моего Семена, который слушалъ все это съ тѣмъ худо-скрытымъ невниманьемъ и презрѣньемъ, съ какимъ обыкновенно слушаетъ хорошій мужикъ плутоватую болтовню своего брата.

— Брать ли намъ его? спросилъ я Семена. Онъ посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Возьмите. Здѣсь ишь какая сторонка — глушь: хоть бы и изъ ихъ брата, первой, другой, да пожалуй и обчелся.

— Безъ сумлѣнія будьте, ваше привосходительство, сдѣлайте такую милость! подхватилъ Пузичъ.

— Что жъ ты возьмешь? Какая твоя цѣна будетъ? спросилъ я.

— Цѣна моя, ваше привосходительство, началъ Пузичъ: — будетъ деревенская, не то, что съ запросомъ какимъ-нибудь, али тамъ прочее другое, а какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, для перваго знакомства, удовольствіе, значитъ, хочу сдѣлать: на вашихъ харчахъ, выходитъ, двѣсти рублёвъ серебромъ.

При этомъ Семенъ мой даже попятился назадъ.

— Что ты, паря, сблаговалъ что ли? сказалъ онъ, устремивъ глаза на Пузича.

— Меньше одной копѣйки, Семенъ Яковличъ, взять не могу, отвѣчалъ тотъ.

Я, съ своей стороны, понялъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мелкихъ плутишекъ, которые запрашиваютъ рубль на рубль барыша, и хотѣлъ разомъ съ нимъ раздѣлаться.

— Твоя цѣна двѣсти рублей, а моя—сто, сказалъ я, думая, что снесъ, сколько возможно, много. По лицу Пузича быстро промелькнулъ какой-то оттѣнокъ удовольствія, а Семена опять подернуло.

— Сто — много, помилуйте! семидесяти рублёвъ съ него за глаза будетъ, произнесъ онъ съ укоризною.

—Это что́ говорить, продолжалъ Пузичъ:—сработать можно всяко; только я худаго слова, значитъ, заслужить не хочу, а желаю такъ, чтобъ меня и напреди знали.... Може, ваше привосходительство, изволите знать по Буйскому уѣзду генерала Семенова: господинъ, осмѣлюсь, такъ, по своей глупости, сказать, строжающій, въ настоящемъ видѣ, значитъ... когда у него эта стройка дома была, пятеро подрядчиковъ, съ позволенья доложить вашему привосходительству, бѣгомъ-сбѣжали отъ него; и таперича, когда онъ сталъ требовать меня: что-жъ, думаю, буди воля Царя Небеснаго! а я готовъ завсегда служить господамъ, ваше привосходительство! И какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, потаить не могу: первыя двѣ недѣли всѣ мои ребра палкой пересчитаны были; разъ пять, можетъ статься, кровянилъ меня; но я, по своему чувствію, ваше привосходительство, не то, что бралъ въ обиду, а еще въ удовольствіе — значитъ, насъ, дураковъ, уму-разуму учатъ; когда таперича мужикъ надъ тобой куражится и ломается, а отъ барина всегда снести могу.

«Экая подлая натуришка»! подумалъ я и молчалъ.

— Таперича при раздѣлкѣ, когда дѣло это было, продолжалъ опять Пузичъ:—генералъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ отличнѣйшее угощенье и выкинулъ пятьдесятъ рублевъ серебромъ лишнихъ. «На, говоритъ, тебѣ, Пузичъ, за то, что нраву моему, значитъ угодилъ». И эти деньги мнѣ, ваше высокопривосходительство, дороже капитала милліоннаго: значитъ, могу служить господамъ.

Я все молчалъ. Выждавъ немного, Пузичъ снова заговорилъ:

— А на счетъ вашей работы, я такъ полагаю, что мое особенное стараніе быть должно. Таперича, когда моя работа у васъ пойдетъ, вы извольте лечь на вашъ диванчикъ и почивать—больше того ничего сказать не могу.

Я взглянулъ на Семена: въ лицѣ его изображалась досада и презрѣніе.

— Не дамъ больше ста, сказалъ я рѣшительно. Пузичъ перенялъ свою шляпу изъ одной руки въ другую.

— Этой цѣны, ваше высокородіе, никому взять несообразно, проговорилъ онъ и потомъ, постоявъ довольно долго, присовокупилъ, вздохнувъ:—прощенья, значитъ, просимъ, и сталъ молиться, и молился опять долго. Только то выходитъ, что за пятнадцать верстъ сапоги понапрасну топталъ, пробунчалъ онъ.

— Эка, паря, что ты сапоги топталъ, такъ и дать тебѣ тысячу! возразилъ Семенъ.

Пузичъ, ничего на это не возразивъ, повторилъ еще разъ:

— Прощенья просимъ, ваше высокородіе, и пошелъ; Семенъ за нимъ; но я видѣлъ, что Пузичъ не уйдетъ и воротится, потому что шелъ онъ очень медленно по красному двору и все что-то толковалъ Семену. Черезъ нѣсколько минутъ они дѣйствительно опять воротились.

— Сто беретъ, сказалъ Семенъ.

— Хоша три рублика серебромъ, ваше высокородіе, набавьте: по крайности я на артель ведро вина куплю, присовокупилъ Пузичъ съ подлопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— На артель, братецъ, я самъ куплю ведро вина, а тебѣ копѣйки не прибавлю, возразилъ я.

Пузичъ грустно покачалъ головой.

— Какъ нынче и на свѣтѣ стало жить — не знаемъ, началъ онъ:—господа, выходитъ, пошли скупые, работы дешевыя.... Задаточку ужъ, ваше высокородіе, извольте мнѣ пожаловать, прибавилъ онъ еще болѣе просящимъ голосомъ.

— Сколько-жъ тебѣ?

— Двадцать пять рубликовъ серебромъ, отвѣчалъ Пузичъ совершенно уже неестественнымъ тономъ.

Видимо, что онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые о деньгахъ покойно и безъ нервнаго раздраженія не могутъ даже говорить. Я подалъ ему двадцать пять рублей; Семену это не понравилось.

— Что въ задатокъ-то хватаешь? не убѣжимъ отъ твоихъ денегъ! сказалъ онъ Пузичу.

— Ахъ, Семенъ Яковличъ, Богъ съ тобой! Выходитъ, словно ты нашихъ дѣловъ не знаешь, проговорилъ тотъ, засовывая дрожащею рукою бумажку въ кожанную кису, висѣвшую у него на шеѣ.

— Ты самъ, паря, свои дѣла лучше нашего знаешь, отвѣчалъ Семенъ.—Теперь, вотъ ты у насъ работу берешь, а я тебѣ при баринѣ говорю, чтобъ опосля чего не вышло: ты тамъ какъ знаешь, а чтобъ на нашей работѣ Петруха былъ безпремѣнно.

Пузичъ насмѣшливо улыбнулся.

— Петруха? повторилъ онъ съ усмѣшкою и обратился ко мнѣ.— Когда я, ваше привосходительство, самъ на работѣ, что же значитъ Петруха? Какое онъ званіе можетъ имѣть, когда самъ подрядчикъ тутъ, извините вы меня, Семенъ Яковличъ! отнесся онъ къ Семену.

— Изъ нашихъ, вѣдь, братъ, мужицкихъ изпиненій не шубу шить, это что! возразилъ въ свою очередь Семенъ:— не на одной нашей работѣ, а и на всякой Петруху отъ тебя требуютъ — знаемъ тоже.

Пузичъ еще насмѣшливѣе покачалъ головою.

— Ежели таперича, чтобъ барину сдѣлать удовольствіе, Семенъ Яковличъ, мы о Петрухѣ не постоимъ, за Петруху намъ стоять нечего: артель моя большая.

— Артель твою, Пузичъ, и мы тоже знаемъ: я опять при баринѣ говорю: окромѣ Петрухи другой прочій може у тебя только съ нынѣшняго Николы топоръ въ руки взялъ, такъ ужъ съ того спросить много нечего.

— А Петруха-то кто жъ такой? спросилъ я Семена.

— Уставщикъ; по всей артели парень надежный, отвѣчалъ онъ.

— Кто про это говоритъ! мастеръ отличнѣйшій, въ лучшемъ видѣ, значитъ. Ежели таперича, ваше привосходительство, съ позволенія такъ сказать, по нашимъ дѣламъ онъ человѣкъ, значитъ, больной, а мы держимъ его безъ пролежекъ, ваше привосходительство, жалованіе, значитъ, кладемъ ему сполна, проговорилъ Пузичъ, но такимъ голосомъ, по тону котораго ясно было видно, что похвала Петрухѣ была ему ножъ острый, и онъ ее поддерживалъ только по своимъ торговымъ разсчетамъ.

При прощаньи Пузичъ сталъ просить у меня полтинничка въ придачу ему на чай. Въ полтинникѣ мнѣ ужъ было совѣстно было отказать—я ему далъ, но Семенъ и противъ этого протестовалъ.

— Ну, паря, славная ты выжима! проговорилъ онъ Пузичу, на что тотъ отвѣчалъ только вздохомъ.

III.

Сдѣлать ригу я задумалъ не столько по необходимости, сколько для развлеченія. Помѣщики, обреченные на постоянную жизнь въ деревнѣ очень хорошо знаютъ, что стройка въ деревнѣ—благодать, самое живое развлеченіе; точно должность получилъ приличную своимъ способностямъ: каждое утро и сходишь посмотрѣть, потолкуешь; послѣ обѣда опять идешь посмотрѣть; вечеромъ тоже.

Все это дѣлалъ, конечно, и я.

Пузичъ пришелъ ко мнѣ работать самъ-четвертъ: съ молодымъ парнемъ, Матюшкой, толсторожимъ и глуповатымъ на лицѣ, съ

Сергѣичемъ, старикомъ очень благообразнымъ, который обратилъ особенно мое вниманіе на себя тѣмъ, что рубилъ какими-то маленькими и очень красивыми щепочками и говорилъ самымъ мягкимъ теноромъ, и все въ складъ. Уставщикъ Петруха былъ мужикъ высокаго роста, сухой, съ строгимъ выраженіемъ въ глазахъ и съ ироническимъ складомъ въ губахъ. Онъ говорилъ мало, но рѣзко и насмѣшливо. Самъ Пузичъ оказался на работѣ совершенная дрянь: онъ суетился, кричалъ, бранилъ, впрочемъ, одного только Матюшку, который принималъ его брань съ простодушной и глупой улыбкой.

— Всегда тебя такъ бранитъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— Завселды... дядюшка вѣдь онъ мнѣ, завселды все лается, отвѣчалъ онъ мнѣ и засмѣялся.

Надъ Сергѣичемъ Пузичъ только важничалъ, но передъ Петрухой — другое дѣло: тотъ его видимо уничтожалъ своею личностью и чувствовалъ, кажется, особое наслажденіе топтать его въ грязь по всѣмъ распоряженіямъ въ работѣ. Достаточно было Пузичу выбрать какое-нибудь бревно и положить его на углы, для пригонки, какъ Петръ подходилъ, осматривалъ и распоряжался, чтобъ бревно это сбросили, а тащили другое.

— Что? аль неладно? спрашивалъ при этомъ Пузичъ какимъ-то робкимъ голосомъ; но Петръ даже не удостоивалъ его отвѣтомъ; молча размѣчалъ, и Пузичъ смиренно усаживался и начиналъ рубить по отмѣткамъ работника.

На другой или на третій день, какъ стали они у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

Сергѣичъ, по желанію барина, разсказываетъ о разныхъ обрядахъ свадебныхъ, соблюдаемыхъ въ деревнѣ. Потомъ говоритъ о своихъ дѣтяхъ и наконецъ объ уставщикѣ Петрѣ. Петра Сергѣичъ хвалитъ: «Пузичъ безъ него— какъ безъ рукъ». Пузичъ трусилъ поэтому Петра, «а и еще и то... послѣ болѣсти, что ли, съ нимъ это сдѣлалось, сердцемъ-то Петруха неугожъ, гнѣвенъ, значитъ». При всякомъ случаѣ Петръ грозилъ Пузичу, чтобы онъ его не вводилъ въ грѣхъ: «у меня твоей головѣ давно мѣсто въ лѣсу пріискано». Петръ сталъ интересовать автора и вотъ, пользуясь случаемъ—водку подносили артели—онъ присосѣдился къ плотникамъ и началъ разговоры.

IV.

— Отчего все кашляешь?

— Болѣнъ я, братецъ ты мой.

— Чѣмъ же?

— Нутромъ, порченный я, отвѣчалъ Петръ, и лице его мгновенно приняло, вмѣсто насмѣшливаго, какое-то мрачное выраженіе.

— Кто жъ это тебя испортилъ? спросилъ я. Петръ молчалъ.

— Кто его испортилъ? отнесся я къ Сергѣичу.

— Не знаю, государь милостивый; его дѣла! отвѣчалъ уклончиво старикъ.

— Не знаетъ, сѣдая крыса, словно и взаправду не знаетъ, отозвался Петръ.

— Знать-то, другъ сердечный, може и знаемъ, да только то, что много переговоришь, такъ тебѣ, пожалуй, не угодишь, отвѣчалъ осторожный Сергѣичъ, который, кажется, чувствовалъ къ Петру, если не страхъ, то, по крайней мѣрѣ, замѣтное уваженіе.

— Что не угодить-то? не на дорогу ходилъ! сказалъ Петръ и задумался.

— Что такое съ нимъ случилось? спросилъ я Сергѣича.

— По дому тоже, государь милостивый, вышло, отвѣчалъ опять непрямо старикъ.—Мы, вѣдь, батьки-мужики—дураки, мотуновъ да шатуновъ дѣтокъ, какъ и я же грѣшный, жалѣемъ, а коли парень хорошъ, такъ и давай намъ всего: и денегъ въ домъ высылай, в хозяйку приведи работящую и богатую, чтобъ было батькѣ гдѣ по праздникамъ гостить да вино пить.

— Въ моемъ, голова, дѣлѣ, батька ничего, возразилъ Петръ:— все отъ Ѳедоски идетъ. Въ самую еще мою свадьбу за краснымъ столомъ въ обиду вошла....

— Что жъ такъ неугодно ей было? спросилъ Сергѣичъ.

— Неугодно ей, братецъ ты мой, показалось, что наливкой не угощали; для дѣдушки Сидора старухи была, слышь, наливка куплена, такъ зачѣмъ вотъ ей уваженья не сдѣлали и наливкой тоже не подчивали, отвѣчалъ Петръ. (Въ лицѣ его ужъ и тѣни не оставалось веселости). Сергѣичъ покачалъ головой.

— Кто такая эта Ѳедосья? спросилъ я.

— Мачиха наша, отвѣчалъ Петръ.

Съ самой женитьбы она не возлюбила жены Петра и его. Вооружила противъ молодыхъ старика-отца, которымъ командовала. Петръ все терпѣлъ. Наконецъ силъ его не хватило: онъ выругалъ Ѳедоську. Батька вступился и хотѣлъ было бить Петра. Петръ попридержалъ ему руки. Тотъ пожаловался въ сборной бурмистру. Бурмистъ поколотилъ Петра и запретилъ хоть въ чемъ-нибудь перечить отцу. Бѣдный Петръ опять покорился своей горькой долѣ. Но сама судьба сжалилась надъ нимъ.—Прочитайте слѣдующій простой и трогательный отрывокъ.

— До барина бы, кажись, тѣмъ дѣломъ я прямо в не пошелъ, прахъ все возьми: гдѣ тутъ съ нимъ разговаривать! Да онъ съ молодой барыней тѣмъ лѣтомъ пріѣхалъ... меня заставили тутъ съ другимъ парнемъ въ саду заборъ новый дѣлать. Она, голова, по саду гуляетъ, къ намъ подходитъ, разговариваетъ. «Есть ли, гово-

ритъ, у тебя жена»? спрашиваетъ меня, слышь. «Есть, говорю, барыня». «Любишь ли ты, говоритъ, ее»? «За что, говорю, не любить! не чужая, а своя; только, говорю, барыня, хоть бы ты за насъ заступилась, а то намъ съ хозяйкой отъ стариковъ въ дому житья нѣтъ; теперь, говорю, у бабеики моей малый грудной ребенокъ, грудью покормить почесть-что и некогда: все на работѣ, а молока не даютъ; одна толоконная соска, и та еще коли не коли въ ротъ попадетъ». «Ахъ, говоритъ, какъ же это, маленькому нѣтъ молочка. Папаша! папаша»! кричитъ, голова: барина, мужа батькой обзываетъ, слышь!

— Обзывала, обзывала, и я слыхалъ, подтвердилъ Сергѣичъ.

— Мужа батькой кличетъ! отозвался Матюшка и засмѣялся.

— Баринъ, голова, подходитъ, продолжалъ Петръ. «Ахъ, говоритъ, душечка, папашечка! вонъ у этого мужичка маленькій ребенокъ: у нихъ нѣтъ молочка; вели ему сейчасъ дать отъ меня корову, пожалуйста».

— У ней у самой, другъ сердечный, маленькій барчикъ былъ: ну, такъ она, значитъ, по себѣ и прикидывала, жалѣла, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Не знаю, къ чему ужъ она прикидывала, отвѣчалъ Петръ и снова продолжалъ: — баринъ, голова, крикнулъ, знаешь, на меня по своему: «Какъ говоритъ, у тебя коровы нѣтъ? пропилъ, каналья». «Никакъ нѣтъ-съ, говорю; домъ у насъ заправной. Изъ-за мачихи мы пропадаемъ; въ раздѣлъ бы намъ, говорю, охота, а то батька въ раздѣлъ не пускаетъ и при домѣ не держитъ, какъ надо». Онъ маненько и смякъ. «Хорошо, говоритъ, приходите ко мнѣ завтра съ отцомъ: я васъ разберу». Я, голова, пришелъ домой, говорю батькѣ: «Къ барину, говорю, батька, насъ съ тобой завтра требуетъ». «Пошто»? говоритъ; слышь, испугался старикъ. «Жаловался, что ли, ты разбойникъ, на меня»? «Нѣтъ, говорю, батька, что жаловаться! въ отдѣлъ только просился; у тебя семья своя, у меня своя: что намъ на грѣхѣ жить»! Батька и заплакалъ, слышь; ну, старый ужъ человѣкъ былъ. извѣстно! «Богъ съ тобой, говоритъ, Петрушка, поживи со мной: все будетъ хорошо». Такъ мы и порѣшили, голова, на томъ. Только на утро, братецъ ты мой, старикъ ужъ другое поретъ. «Мнѣ-ста, говоритъ, тебя, супротивника, не надо: ступай отъ насъ вонъ; пойдемъ къ барину». «Пойдемъ», говорю. Пошли. Приходимъ. Баринъ, должно, голова, стороной слышалъ что-нибудь: на меня этакъ посмотрѣлъ—ничего, а на батьку взмахнулъ глазами: «Говорите»? говоритъ. Стали мы говорить; плели, плели, братецъ ты мой, всѣхъ и курицъ-то припутали, я-то еще говорю, словно бы какъ и дѣло, а батька и понесъ, голова, на меня: и пьяница-то я, и воръ, и мошенникъ. Я

ему и говорю: «Не грѣхъ ли, говорю, батька, тебѣ это говорить»? Баринъ тоже слушалъ, слушалъ насъ, да какъ крикнетъ на батьку: «Ахъ ты, говоритъ, старый хрѣнъ, съ сѣдой бородой, взялъ молодую жену, да дѣтей всѣхъ на нее и промѣнялъ! Сейчасъ, говоритъ, старая лисица, плутъ, отдѣлить парня, а съ твоей супружницей я еще перевѣдаюсь. Я ей дамъ кутить да мутить въ семьѣ». И пошелъ, голова!... Тутъ лакей подвернулся — на того; барыня пришла: «Что, ты, говоритъ, душечка, сердишься и себя не бережешь»! и на ту затопалъ. Мы съ батькой ужъ ничему и не рады, драло изъ горницы, и до избы еще, голова, не дошли, смотримъ: два дворовые парня нашу Ѳедосью Ивановну ведутъ подъ ручки...

Положено было — міромъ (т. е. сходкою) раздѣлить Петра съ сыномъ. Міровщина жестоко обидѣла Петра. Пустяки, сущіе пустяки присудили выдать Петру. Отецъ поступилъ съ нимъ безчеловѣчно: далъ ржи только *на ѣжу*, яроваго не далъ, изъ скотины — телушку недостойную, бычка-годовика, да овцу паршивую на житье, отвели — баню безъ угловъ. Бревна были нарублены у Петра на пустоши, — отецъ не далъ ихъ на хату сыну. Отчего же *міръ* такъ больно обидѣлъ мужика? Оттого, отвѣчаетъ Петръ, что «весь разумъ и совѣтъ (на міровщинѣ) идетъ изъ кабака». Отчего отецъ на смертѣ разорилъ сына? Виною тому — мачиха. Сергѣичъ правду сказалъ (онъ все говорилъ присловьями): «старому мужику молодую бабу въ домъ привести — семью извести».

— Тебя мачиха твоя, вѣроятно, и испортила?

Петръ, вмѣсто отвѣта, кивнулъ головой.

— Какимъ же образомъ она тебя испортила?

Петръ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкой и отвѣчалъ съ нѣкорымъ неудовольствіемъ:

— Да я почемъ знаю! Какой ты, баринъ, право!

— Что-жъ такое?

— Да какъ же! Скажи ему, какъ портятъ? Я не колдунъ какой.

— Почему жъ ты думаешь, что тебя испортили?

— Перестань-ка: разговаривать что-то съ тобой не охота; больно ужъ ты любопытенъ! отвѣчалъ Петръ съ досадою.

Предыдущій разговоръ замѣтно возбудилъ въ немъ желчное расположеніе.

— Не собою, государь милостивый, узналъ, вмѣшался хитрый Сергѣичъ, видѣвшій, что мнѣ любопытно знать, а Петръ не хочетъ отвѣчать и начинаетъ сердиться: — самому гдѣ экое дѣло узнать! продолжалъ онъ: — тоже хворалъ, хворалъ, значитъ, и выискался хорошій человѣкъ — да! сказалъ, какъ и отчего.

— Ктó же это такой хорошій человѣкъ? спросилъ я.

— Колдунъ у насъ, батюшка, былъ въ деревнѣ Печурахъ, отвѣчалъ Сергѣичъ: — такъ и прозывался «Печурскій старичище».

— Плутомъ, голова, въ народѣ обзывался, а мнѣ все сказалъ, перебилъ Петръ.

— Плутъ ли тамъ, али нѣтъ, кто про то знаетъ? возразилъ Сергѣичъ,—а что старикъ былъ мудрый, это что говорить! Что, вѣдь, народу къ нему ѣздило всякаго: и простаго и купечества, и господъ— другой тоже съ болѣстью, другой съ порчей этой, иной погадать, гдѣ пропащее взять, али поворожиться, чтобы съ женкой подружиться. И такое, государь, заведенье у него было, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—жилъ онъ тоже бобылькомъ, своимъ домкомъ, въ избушкѣ, далече отъ селенья, почесть что на полѣ; и все калитка на заперти. Таперича, другое иное время, народъ видитъ, что онъ подъ окошечкомъ сидитъ, лапотки поковыриваетъ, али тамъ около печки кряхтитъ, стряпаетъ тоже кое-что про себя; а какъ кто, сударь, подъѣхалъ, онъ калитку отперъ и въ голбецъ сейчасъ спрятался; ты, примѣрно, въ избу идешь, а онъ оттоль изъ голбца и лѣзетъ: сѣдой, старый, бородища нечесаная; волосищи на головѣ какъ овинъ, носъ красный, голосище сиплый. Я тоже старшую сношку посылалъ къ нему: овцы у насъ запропали; такъ въ избу-то войти вошла, а какъ увидѣла его, взвизгнула и бѣжать— испугалась, значитъ. И кто бы теперь къ нему ни пришелъ, сейчас и ставь штофъ вина, а то и разговаривать не станетъ: ломъ былъ такой пить, что на удивленіе только!

— Штофъ купить не разоренье, возразилъ Петръ:—я тѣмъ временемъ въ Галичѣ рублевъ полтораста пролечилъ; бралъ-бралъ у Пузича денегъ, да и полно! Дошелъ до того, голова, ни хлѣба въ домѣ, ни одежи ни на себѣ, ни на хозяйкѣ; на работу силы никакой не стало; голодный еще кое-какъ маешься, а какъ поѣлъ, смерть да и только: у сердца схватитъ, съ души тянетъ; бывало иной разъ на работѣ, али въ полѣ, повалишься на лугъ, да и катаешься часъ-два, какъ лошадь въ чемерѣ. Не смогъ, братецъ ты мой, до Печуръ-то дойти, хозяйкѣ велѣлъ ужъ телѣгу заложить, повалился словно пластъ; да чего бы дошелъ, и Богъ вѣдаетъ. Пріѣхали въ тѣ поры къ нему; хозяйка подала ему полштофчика; вылилъ, голова, въ кувшинъ, выпилъ съ разу и тутъ же ворожить сталъ: «Поди, говоритъ хозяйкѣ, почерпни въ этотъ ковшикъ въ сѣняхъ изъ кадки воды; вино, говоритъ, не споласкивай, а такъ и черпай, какъ я пилъ». Принесла та, братецъ ты мой; онъ подалъ мнѣ: «гляди, говоритъ, отъ кого твоя болѣсть идетъ»: тутъ, голова, мачиху мнѣ въ водѣ и показалъ.

— Какъ же ты въ ковшѣ ее и видѣлъ? спросилъ я.

— Въявь, словно въ зеркалѣ, отвѣчалъ Петръ.

— Полно, Петръ! ты это думалъ, такъ тебѣ такъ и показалось, сказалъ я.

— Ну да, показалось. Вы, баря, все не вѣрите, больно ужъ умны! Не пьяному показалось: у меня, въ тѣ поры, не то, что вина, куска во рту не бывало. Смотрю, голова, и вижу. «Видишь ли»? говоритъ онъ мнѣ. «Вижу, говорю, дѣдушка». Ну, братъ, ладно, говоритъ, что на меня наскочилъ. Твой лихой человѣкъ себя на сорока травахъ заговорилъ, никто бы тебѣ, окромя меня, не открылъ бы его».

— Осилилъ, значитъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Осилилъ, голова. «Я, говоритъ, знаю пятьдесятъ три травы; теперь, говоритъ, клади на столъ сколько денегъ привезъ, а тутъ и скажу, что надо». Хозяйка, голова, положила четвертакъ: удовольствовался.

— Капиталы не жадный былъ копить; вино чтобъ было только пить, а денегъ сколько-нибудь дай—доволенъ, замѣтилъ Сергѣичъ.

— Какое, голова, жадный! взялъ, хоша бы тутъ четвертакъ, и все сдѣлалъ. «Теперь, говоритъ, ступай ты домой, слышь? Пять зорь умывайся росой, на шестую зорю ступай къ третьимъ отъ здѣшняго селенья воротцамъ, и иди ты все вправо, по перегородкѣ; тутъ ты увидишь, что всѣ колья, что подпираютъ, нескобленые; одинъ только колъ скобленый; ты этотъ колъ перерубн, обкопай его кругомъ и найдешь ты тутъ ладонку и на этой ладонкѣ наговоръ противъ тебя п сдѣланъ».

— Онъ, вѣроятно, самъ этотъ колъ и воткнулъ, сказалъ я.

Петръ разсердился.

— Да, да, разсудилъ, какъ размазалъ! возразилъ онъ.— Вотъ онъ тоже этакого хватика баринка, какъ ты — тотъ тоже все смѣялся да не вѣрилъ, такъ онъ такъ ему отшутилъ, что хозяйка опосля любить и не стала.

— Было, было это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ; а таперича, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—коли свадьбы облизь его были, всѣ ужъ за безпремѣнно звали его да угощали, а то на вѣкъ жениха не человѣкомъ сдѣлаетъ....

— Да что, голова, перебилъ Петръ:—пять лѣтъ, вѣдь, братецъ ты мой, я ходилъ и колъ этотъ видѣлъ, только ничего не помѣкалъ на него. Всю перегородку опосля хозяйка обѣжала: всѣ колья на подборъ нескобленые, одинъ только онъ оскобленый. Для ча?.. для какой надобности?...

— Такъ ужъ, видно, надо имъ было, возразилъ Сергѣичъ.

— А окромя кола, продолжалъ Петръ, все, до послѣдней малости, нашелъ по его сказанью, какъ по писаному. «Какъ, говоритъ, ты эту ладонку сыщешь, въ ней, говоритъ, бумажка зашита — слышь? Бумажку ты эту вынь и дай кому хошь грамотному прочесть, и какъ, говоритъ, тебѣ ее прочитаютъ, ты ее часу при

себѣ не оставляй, а пусти на вѣтеръ отъ себя. «А про ладонку, братецъ ты мой, казалъ: «Перелѣзь, говоритъ, ты черезъ огородъ и закопай ее на какомъ хошь мѣстѣ и воткни новый колъ, оскобленый, и упри его въ перегородку; пять зорь опосля того опять умывайся росой, а на шестую ступай къ перегородкѣ: коли колъ твой не перерубленъ и ладонка тутъ—значитъ, весь заговоръ ихъ пропалъ; а коли твое дѣло попорчено—значитъ, и съ той стороны сила большая». Все сдѣлалъ, голова, по его; однако на шестую зорю пришелъ: колъ мой перерубленъ и вся земля кругомъ взрыта, словно медвѣдь съ убойной возился.

— Осердились, значитъ! проговорилъ Сергѣичъ.

— То-то, видно, не по нраву пришлось, что дѣло ихъ узнано, отвѣчалъ Петръ; потомъ, помолчавъ, продолжалъ: удивительнѣе всего, голова, эта бумажка; написано въ ней было всего четыре слова: *напади тоска на душу раба Петра.* Какъ мнѣ ее, братецъ, одинъ человѣкъ прочиталъ, я всталъ подъ вѣтромъ и пустилъ ее, отъ себя — такъ, голова, съ версту летѣла, изъ глазъ-на-ли пропала, а на землю не падаетъ.

— Да, продолжалъ Сергѣичъ: — отдастъ эта бабонька отвѣтъ Богу: много извела она народу; какое только ей будетъ на томъ свѣту наказанье?

— А развѣ она и кромѣ еще Петра портила? спросилъ я.

— Ай, сударь, какъ не портила! отвѣчалъ Сергѣичъ:—таперича, первая вотъ хозяйка его стала хворать, да на нее выкликать.

— А брата-то роднаго извела! сказалъ Петръ. И за что, вѣдь, голова, самъ мнѣ сказывалъ: въ Галичѣ они тоже были; она и говоритъ: «сведи меня въ трактиръ, попой чайкомъ»! Тому, голова, было что-то некогда. «Нѣту, говоритъ, опосля»! Она озлобилась. «Ну, ладно же, говоритъ: помни это»! И тутъ же, голова, и испортила: какъ пріѣхалъ домой, такъ и ухватило. Маялся, маялся, съ мѣсяцъ, дѣлать нечего, пошелъ къ ней, сталъ ей кланяться: «матушка-сестрица, помилуй»! «А, говоритъ, братецъ любезный! ты въ тѣ поры двугривеннаго пожалѣлъ, а теперь бы и сто рублевъ заплатилъ, да поздно»!

— Слышалъ и про это дѣло, подтвердилъ Сергѣичъ: — слава Богу, присовокупилъ онъ,—что на поселенье-то ее сослали, а то бы она еще не то бы натворила.

Петръ на это ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ.

— Какимъ образомъ и за что именно сослали ее? спросилъ я.

— Сослали ее, государь милостивый, отвѣчалъ Сергѣичъ, вотчина того пожелала: первое что похваляться стала она на барина, что барина изведетъ, пошто тогда ее поучили маненько.... Тебя,

вѣдь, Петръ Алексѣичъ, не было въ тѣ поры, безъ тебя всѣ эти дѣла-то провзошли, прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру.

— Безъ меня!... Воротился тогда съ заработки, прошелъ мимо родительскаго дому, словно выморочный — и ставни заколочены, батько померъ, дѣвокъ во дворъ взяли, а ее сослали! отвѣчалъ Петръ съ какой-то тоской и досадой.

— Такъ, такъ! продолжалъ Сергѣичъ:—на какихъ-нибудь недѣляхъ все это и сдѣлалось.

— Въ острогѣ-то какъ она сидѣла, началъ Петръ:—я тоже проходилъ мимо Галича, зашелъ къ ней, калачикъ принесъ.... заплакала, братецъ ты мой. «Не была бы, говоритъ, я въ этомъ мѣстѣ, кабы не одинъ человѣкъ; не пошла бы я, говоритъ, за этимъ больно-худымъ, кабы не хотѣла его приворожить, въ сорока квасахъ ему пить давала — и былъ бы онъ мой, да Печурскій старчнще моему дѣлу помѣшалъ». Только и сказала. «Теперь, говоритъ, меня на поселенье ссылаютъ; только, ты, Петръ, этому не радуйся: тебѣ самому не будетъ счастья ни въ чемъ. Кажиный часъ въ сердцѣ твоемъ будетъ тоска и печаль».... И все, вѣдь, голова, правду сказала: што-што живешь на свѣтѣ! ничего не веселитъ, словно темной почью ходишь. Ни жена, ни дѣти, ни работа, ни што не мило, и самъ себѣ словно ворогъ какой! Вотъ только и есть, какъ этой омеги проклятой стакана три огородишь, такъ словно отъ сердца что поотляжетъ.

Проговоривъ это, Петръ вздохнулъ и потомъ вдругъ поднялъ голову.

— Будетъ! баста! сказалъ онъ:—пора ужинать. Барвну, я вижу, любо наше каляканье слушать, а намъ все пѣтуховъ будить придется. Матюшка, дуракъ! подай шапку: вонъ лежитъ на бревнахъ.

Матюшка подалъ ему.

— Прощай, баринъ, продолжалъ Петръ, надѣвая шапку.—Правда ли, дворовые твои хвастаютъ, что ты книги печатныя про мужиковъ сочиняешь? прибавилъ онъ, пріостановясь.

— Сочиняю, отвѣчалъ я.

— Ой-ли? воскликнулъ Петръ.—Въ грамотѣ я не умѣю, а почиталъ бы. Коли такъ, братецъ, такъ сочини и про меня книгу.

Веселость Петра, впрочемъ, вспыхнула на минуту: онъ опять потупилъ голову. Всѣ они пошли неторопливо, и я еще долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ, глядя на нетвердую и заплетающуюся походку Сергѣича, на безпечную, но здоровую поступь кривоногаго Матюшки, наконецъ на задумчивую и сутуловатую фигуру Петра.

V.

Успеньевъ день—у насъ въ приходѣ праздникъ. Это можно ужъ догадаться потому, что кучеръ мой, Давыдъ, между нами сказать, сильный бахвалъ и большой охотникъ до парадныхъ выѣздовъ, еще въ семь часовъ утра, едва успѣлъ я встать, пришелъ въ горницу.

— Что тебѣ? спрашиваю я.

— Изволите ѣхать молиться къ обѣднѣ, или нѣтъ-съ? Коли поѣдете, такъ лошадей надо припасти.

Собственно говоря, лошадей совершенно нечего припасать, а стоитъ только вывести изъ конюшни и заложить, и Давыдъ, я знаю, пришелъ спрашивать, чтобъ скорѣе успокоить свое ожиданіе на счетъ того, удастся ли ему проѣхать и пофорсить.

— Поѣду, говорю я.

У Давыда отъ удовольствія кровь бросается въ лице.

— Жеребцовъ, вѣдь, припасти? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ, разгонныхъ бы, говорю я.

— На разгонныхъ нельзя, вся ваша воля: разгонныя лошади совсѣмъ смучены; а что эти одры стоятъ только, да овесъ ѣдятъ! Хошь мало-мальски промнутся, возражаетъ Давыдъ съ вытянувшимся лицемъ, и я убѣжденъ, что одна мысль: ѣхать на разгонныхъ къ празднику, была для него мученьемъ.

— Ну, хорошо, на жеребцахъ поѣдемъ, говорю я:—только уговоръ лучше денегъ: въ сараѣ не изволь ихъ муштровать и хлестать, а то они у тебя выскакиваютъ, какъ бѣшенные, и подъѣзжая къ приходу, не скакать благимъ-матомъ, а то, пожалуй, или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь.

— Не извольте безпокоиться. Господи, Боже мой! не первый годъ ѣзжу! говоритъ Давыдъ и потомъ, постоявъ немного, присовокупляетъ:

— Кафтанъ синій надо надѣть-съ?

— Конечно, говорю я.

— Кушакъ тоже шелковый? прибавляетъ онъ.

— Конечно, конечно, подтверждаю я, не понимая еще, къ чему онъ ведётъ этотъ разговоръ: синій кафтанъ и шелковый кушакъ находятся совершенно въ его распоряженіи.

— Вы, этта, изволили говорить, перчатки зеленыя купить мнѣ въ Чухломѣ.

— Ну, да! Чтожъ?

— Не для чего покупать-съ.... у Семена Яковлича еще послѣ папеньки вашего лежатъ кучерскія перчатки; не дастъ только безъ вашего приказанья, а перчатки важныя еще! разрѣшаетъ, наконецъ, Давыдъ, къ чему онъ клонилъ разговоръ.

— Хорошо; скажи, чтобъ далъ, говорю я.

И Давыдъ, очень довольный, отправляется. Надобно сказать, что онъ очень хорошій кучеръ и вообще малый трезваго поведенія и добраго нрава, но имѣетъ одну слабость: прихвастнуть и прихвастнуть не о себѣ, а все какъ бы въ мою пользу. Вдругъ напримѣръ, разскажетъ гдѣ-нибудь на станціи, на которой насъ обоихъ съ нимъ очень хорошо знаютъ, что я графъ, генералъ, и что у меня тысяча душъ, или ошибетъ какого-нибудь сосѣда-мужика, что у насъ двадцать жеребцовъ на стойлѣ стоятъ. Когда я бываю съ нимъ иногда въ городѣ и даю ему полтинникъ на чай, онъ этотъ полтинникъ никогда не издержитъ, но, воротившись домой, выброситъ его на столъ передъ своей семьей и скажетъ: «на-те-ста: только и осталось отъ пяти серебромъ бариновa подареньица». Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, онъ любилъ меня украшать нравственными качествами; такъ, напримѣръ, припишетъ мнѣ храбрость неимовѣрную, въ разсказѣ такого рода: что разъ будто бы мы ѣхали съ нимъ ночью и встрѣтили медвѣдя, и онъ, испугавшись, сказалъ: «баринъ, я пущу лошадей», а я ему на это сказалъ: «подержи немного, жалко медвѣжьей шкуры» и убилъ медвѣдя изъ пистолета, тогда-какъ я въ жизнь свою воробья не застрѣливалъ.

Послѣ Давыда начинаетъ являться прочая дворня проситься на праздникъ—обычай, который заведенъ былъ еще прадѣдами и который я поддерживаю, имѣя случай при этомъ дѣлать неистощимое число наблюденій. Первая всегда является Александра скотница, очень плутоватая и бойкая женщина.

— Батюшка, Алексѣй Ѳеофилактычъ! позвольте на праздникъ-то сходить, говоритъ она.

— Хорошо, ступай; только какъ коровы безъ тебя останутся? смотри!

— О коровахъ, батюшка, я баушку Алёну просила: баушка походитъ. Какъ можно о скотинкѣ не думать! Я о ней кажинный часъ жалѣю. И сегодня не пошла бы, да у тётки моей праздникъ, а у меня и родни-то не свѣтъ: только тетка родная и есть, говоритъ она скороговоркой.

— Ступай, говорю я, хоть и предчувствую, что она меня обманываетъ. Только-что Александра ушла, мимо оконъ по двору идетъ Андрюшка ткачъ, съ женой, очень смазливый малый, годъ назадъ женившійся на молоденькой и очень хорошенькой изъ крестьянъ бабенкѣ, значитъ, еще *молодые* и оба, въ отношеніи меня, несмѣлые; они стоятъ нѣкоторое время на дворѣ и перекоряются, кому идти проситься; наконецъ подходитъ къ окну молодая и кланяется.

— Здравствуй, милушка! говорю я.

Она вся вспыхиваетъ.

— На праздникъ, что ли, хочешь идти? спрашиваю я.

— Нешто, сударь? говоритъ она.

— Ну, ступай.

— И хозяина ужъ пусти! прибавляетъ она.

— Ступайте.

Она хочетъ идти.

— Да, постой, говорю я:—у тебя грудной ребенокъ: какъ ты его оставишь?

— Пошто оставлять: съ собой возьму.

— Помилуй, ты измучишь и сама себя, и ребенка.

— Ой, ничего, отвѣчаетъ она:—мало ли съ ребятами ходятъ, не одна я—ничего!

— Ступайте.

Она кланяется и опять краснѣетъ и, подходя къ мужу, говоритъ: «пустилъ»! Тотъ тоже издали кланяется и уходятъ оба. Комнатный человѣкъ мой, Константинъ, сопутникъ съ десятилѣтняго возраста моей жизни, имѣющій обыкновеніе обращаться со мной строго, приготовляетъ мнѣ бриться и одѣваться съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Ему тоже хочется на праздникъ, и онъ думаетъ, что не попадетъ; но я намѣренъ доставить ему это удовольствіе.

— Константинъ! ты велишь осѣдлать себѣ лошадь и поѣдешь со мной.

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ онъ голосомъ необычно-суровымъ. Старуха Алена пришла: просится тоже помолиться, прибавляетъ онъ, умилившись сердцемъ отъ собственнаго удовольствія.

— Какъ же мнѣ дѣлать? ужъ я скотницу отпустилъ, воскликнулъ я. — Позовите старуху.

Старуха входитъ.

— Я вѣдь, старуха, скотницу Александру отпустилъ: она мнѣ наврала, что ты берешься смотрѣть за коровами.

— Ну, батюшка, вся ваша воля, отвѣчаетъ старуха покорнымъ, но укоризненнымъ тономъ:—круглый годъ изъ-за этой Александры Алексѣевны лба не перекрестишь. Она пошла пиво пить, а тебѣ и помолиться нельзя!

— Эй! кто тамъ? кричу я:—скажите Александрѣ, чтобъ она не уходила; а ты старуха, ступай.

— Гдѣ ужъ, батюшка! не воротишь ее: совсѣмъ-нарядная приходила къ тебѣ проситься; прямо изъ горницы и побѣжала; верстъ на пять теперь ушла.

Мнѣ стало жаль старухи.

— На тебѣ двугривенный, что ты остаешься; а въ слѣдующее воскресенье я тебя на лошади отправлю Богу помолиться, говорю я.

— Ой, батюшка! что это? Пошто? И такъ довольны вашей милостью, говоритъ она; впрочемъ, беретъ двугривенный и этимъ отчасти успокоивается.

Я продолжаю смотрѣть въ окно: старикъ поваръ прошелъ, въ бѣлой манишкѣ моего подаренья; молодая горничная еще наканунѣ завившая свои виски въ мелкія косички, а теперь расчесавшая ихъ, прибѣжала, какъ съумашедшая, къ маткѣ въ избу. Ключница прошла въ погребъ, въ мериносовомъ платьѣ и въ шелковомъ, повязанномъ маленькой головкой, платочкѣ. Это штатъ барыни, и онѣ у нея, вѣроятно, отпросились. Я вижу даже, что у конскаго двора отчаянный Васька запрягаетъ имъ въ телѣгу лошадь, и самъ, никого не допуская, натягиваетъ супонь. Такимъ образомъ сбирается вся почти дворня, за исключеніемъ развѣ дѣдушки Ѳаддѣя: и тотъ остается потому, что съ печки слѣзть не можетъ. Впрочемъ, онъ только еще нынѣшній годъ не пошелъ, а прошлый ходилъ, но не дойдя еще до прихода, свалился въ канаву и пролежалъ тутъ почти цѣлый день. Даже Семенъ, не смотря на свою флегматичность и безстрастность характера, остался очень доволенъ, когда я ему предложилъ, чтобъ и онъ тоже ѣхалъ. Никогда еще не замѣчалъ я въ немъ такой расторопности: не прошло пяти минутъ, какъ онъ уже сидѣлъ верхомъ на чалкѣ, въ синемъ кафтанѣ и какой-то высокой бобровой шапкѣ, Богъ знаетъ отъ кого и какимъ образомъ доставшейся ему. Однако пора и мнѣ собираться; я одѣлся и вышелъ. Давыдъ, не смотря на мои просьбы и наставленія, распорядился по-своему: лошади, весьма добронравныя и хорошо пріѣзженныя, вылетѣли изъ сарая, какъ бѣшенныя, такъ что онъ, повалившись совершенно назадъ, едва остановилъ ихъ у крыльца. Я убѣжденъ, что онѣ жесточайшимъ образомъ нахлестаны; кромѣ того, коренную онъ, по обыкновенію, взнуздалъ бичевкой, чтобъ круче шею держала, а бѣднымъ пристяжнымъ притянулъ головы совершенно къ землѣ, такъ что у нихъ глаза и ноздри налились кровью. Напрасно я возставалъ противъ этой системы закладыванья; на всѣ мои замѣчанія онъ отвѣчалъ: «господа всѣ такъ ѣздятъ, красивѣе эдакъ»!... Въ настоящемъ случаѣ я ничего ужъ и не говорилъ, и только просилъ его, ради Бога, не гнать лошадей, а ѣхать легкой рысью; онъ сначала какъ будто бы и послушался; но въ нашемъ же полѣ, увидѣвъ, что идутъ изъ Утробина двѣ молоденькія крестьянки, не могъ удержаться и, вскрикнувъ: «Эхъ вы, миленькія»! понесся, что есть духу.

— Неужели ты, Давыдъ, думаешь, что насъ молодцами за это сочтутъ? Напротивъ, дураками! принимался я было ему втолковы-

вать, но все напрасно. Подъѣзжая къ приходу, онъ весь какъ-то ужъ изломался: шапку свернулъ на бекрень, самъ тоже перегнулся, вожжи натянулъ, какъ струны, а между тѣмъ пошевеливаетъ ими, чтобъ горячить лошадей. День былъ свѣтлый; отъ прихода несся говоръ народа и раздавался благовѣстъ во-вся; по дорогѣ шло пропасть народу и всѣ мнѣ кланялись.

Чѣмъ ближе къ селу, тѣмъ больше обгоняешь народу. Какія у всѣхъ довольныя лица, а между тѣмъ какъ мало надобно, чтобъ доставить этимъ людямъ это удовольствіе. Придетъ иной верстъ за десять пѣшкомъ къ приходу, помолится, а тутъ и отвравится въ деревню, гдѣ празднуютъ. Хорошо еще у кого есть родные: тотъ прямо идетъ гоститься, то есть выпить, пообѣдать и поболтать; а у кого нѣтъ, такъ взойдетъ въ избу несмѣло и проговоритъ какимъ-то страннымъ голосомъ: «съ праздникомъ, хозяева честные, поздравляемъ»! Хозяинъ, который ужъ дѣйствительно ничего не жалѣетъ, но котораго въ то же время одолѣваютъ гости, проговоривъ: «сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ», поспѣшитъ ему дать рюмку водки, пирога и пива; гость это выпьетъ, съѣстъ и отправится въ другую избу, и такимъ образомъ къ вечеру наберется порядочно.

Къ величайшему неудовольствію Давыда, я не допустилъ его произвести эффектъ, проѣзжая по улицѣ села, а велѣлъ ѣхать задами и пошелъ самъ пѣшкомъ.

После обѣдни авторъ заходитъ въ гости въ одинъ домъ и видитъ, между прочимъ, слѣдующую сцену, происходящую у окна.

Изъ толпы, окружающей кабакъ, вышелъ Пузичъ съ Козыревымъ [1]; оба они успѣли, видно, порядочно выпить. Я еще прежде слышалъ, что Пузичъ подрядился у Ѳомкиной госпожи строить новый флигель, и у нихъ, вѣроятно, были поэтому слитки. Пузичъ, увидѣвъ меня, остановился и поклонился, а Козыревъ, нахмуренный и мрачный, немного пошатываясь и засунувъ руки въ карманы плисовыхъ шараваръ, прошелъ было сначала мимо, но потомъ тоже остановился и, продолжая смотрѣть на все исподлобья, сталъ поджидать товарища.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте съ вами компанію имѣть проговорилъ Пузичъ пьянымъ голосомъ.

— Нѣтъ братецъ, въ другое ужъ время, сказалъ я, показывая ему рукой, чтобъ онъ отправлялся куда шелъ.

— Баринъ!... Писемскій!... Господинъ! позвольте съ вами компанію имѣть! прокричалъ Пузичъ на всю ужъ улицу, такъ что

[1] Управляющій одной помѣщицы.

Арина Семеновна, какъ хозяйка, обезпокоилась этимъ и подошла къ окну.

— Не хорошо, не хорошо, Пузичъ, сказала она:—мужикъ вы хорошій, богатый, а безпокоите господъ. Ступайте, ступайте!

— Арина Семеновна, позвольте компанію имѣть! воскликнулъ Пузичъ. Ежели теперича барину, господину Писемскому, деньги теперича нужны — сейчасъ! Позови только Пузича: «Пузичъ, дай мнѣ, братецъ, денегъ, тысячу цѣлковыхъ», значитъ, сейчасъ, ваше высокопривосходительство. Что мнѣ деньги! Денегъ у меня много. Мнѣ баринъ, господинъ Писемскій, его привосходительство, значитъ, отдалъ теперича всѣ деньги сполна, и я благодарю, должонъ благодарить. Теперича, господинъ Писемскій, мнѣ скажетъ: «Подай мнѣ, Пузичъ, деньги назадъ»! «Изволь, бери»... Позвольте, ваше привосходительство, компанію мнѣ съ вами имѣть...

Въ это время вышелъ изъ-за угла Матюшка что-то съ несвойственнымъ ему печальнымъ лицемъ и робко подошелъ къ Пузичу:

— Дядюшка, дай два рублика-та, пробормоталъ онъ.

Физіономія Пузича въ минуту измѣнилась: изъ глупо-подлой она сдѣлалась строгой.

— Какіе твои два рубли? сказалъ онъ, обернувшись къ Матюшкѣ лицемъ и уставипъ руки въ бока.

— Мамонька наказывала серпъ купить, жать печѣмъ, проговорилъ тотъ.

— Какія твои деньги у меня? За какія услуги? говори! Ежели теперича ты пришелъ у меня денегъ просить, какъ ты смѣешь передо мной и господиномъ въ шапкѣ стоять? Тебѣ было сказано, на носу зарублено, чтобъ ты не смѣлъ передъ господами въ шапкѣ стоять, проговорилъ Пузичъ и сшибъ съ Матюшки шапку. Тотъ только посмотрѣлъ на него.

— Что дерешься? И на тебѣ шапка не приточенная, проговорилъ онъ, поднимая шапку.

— Молчать! Поговори еще у меня! продолжалъ Пузичъ.—Когда, значитъ, подрядчикъ съ тобой разговариваетъ, какой разговоръ ты можешь имѣть?

— Пузичъ, идемте! проговорилъ октавой Козыревъ, которому ужъ, видно, наскучило ждать.

— Идемъ, идемъ, Флегонтъ Матвѣичъ, отвѣчалъ Пузичъ:—дураковъ, значитъ, надо учить, ваше привосходительство, коли они неумны! отнесся онъ ко мнѣ и, очень довольный, что удалось ему передъ всѣмъ народомъ покуражиться надъ Матюшкой, пошелъ съ Козыревымъ опять, кажется, въ кабакъ. Бѣдняга Матюшка издали послѣдовалъ за нимъ.

— Что? Тебя не разсчитываетъ подрядчикъ? спросилъ я его.

— То-то-тка, все вотъ жилитъ, да дерется еще, отвѣчалъ онъ, уходя.

Отецъ Николай вошелъ въ домъ, гдѣ находился авторъ. Вошелъ батюшка блѣдный и запыхавшійся.

— Батюшка! что такое случилось? Откуда вы? спросилъ я.

— Что, сударь! случилось несчастье: убійство въ кабакѣ! Сейчасъ ходилъ напутствовать дарами, да ужъ поздно—злодѣи этакіе!

— Кто такіе? Кто кого убилъ? спросилъ я.

— Плотники... стали пьяные въ кабакѣ съ хозяиномъ раздѣлываться... слово за слово, да и драка.... одинъ молодецъ уходилъ подрядчика на-смерть, отвѣчалъ отецъ Николай, садясь и утирая катившійся съ лица его крупными каплями потъ.

— Не Пузича ли это? сказалъ я.

— Его, его, Пузича, коли знаете. Плутоватый былъ мужичонко.

— Кто жъ его убилъ? Онъ сейчасъ здѣсь былъ.

— Да я ужъ и не знаю. Петромъ, кажется, зовутъ парня, высокій этакой, худой.

— Батюшка! нельзя ли еще какъ-нибудь помочь убитому? воскликнулъ я.

— Врядъ ли! отвѣчалъ отецъ Николай, сомнительно покачивая головой. Но я, схвативъ попавшійся мнѣ на глаза перочинный ножикъ, чтобъ пустить Пузичу кровь, пошелъ, какъ могъ, проворно, къ кабаку. Мѣсто происшествія, какъ водится, окружала густая толпа; я едва могъ продраться къ небольшой площадкѣ передъ кабакомъ, на которой, по срединѣ, лежалъ вверхъ лицемъ убитый Пузичъ, съ почернѣвшимъ, какъ утопленникъ лицемъ, съ слѣдами пѣны и крови на губахъ. У поддёвки его правый рукавъ былъ оторванъ; рубаха вся изорвана въ клочки; правая рука изсѣчена цирюльникомъ, но кровь ужъ не пошла. Въ сторонѣ стоялъ весь избитый Матюшка и плакалъ, утирая слезы кулакомъ связанныхъ рукъ. Сидѣвшему на лавочкѣ Петру, тоже съ обезображеннымъ лицемъ и въ изорванномъ кафтанѣ, сотскій вязалъ ноги.

— Злодѣй, что ты надѣлалъ? сказалъ я ему.

Онъ взмахнулъ на меня глазами, потомъ посмотрѣлъ на церковь.

— Давно ужъ, видно, мнѣ дорога туда сказана! проговорилъ онъ и прибавилъ сотскому:—что больно крѣпко вяжешь? не убѣгу.

Въ толпѣ, между тѣмъ, нѣсколько бабъ ревѣло, или, лучше сказать, голосило:

— Батюшка, кормилецъ мой! завыла одна.

— Что ты надсаждаешься? Али родня? говорилъ ей мужской голосъ.

— Ну, батюшка, какъ не надсаждаться! вся человѣческая душа, словно пробка выскочила! отвѣчала женщина.

— Пускай пореветь; у бабъ слезы некупленныя, замѣтилъ другой мужской голосъ.

— О, о, о, ой! стонала еще другая баба:—куда теперь его головушка поспѣла?

— Удивительная вещь, удивительная вещь! толковалъ клинобородый мужикъ съ умнымъ лицемъ и, должно быть, изъ торговцевъ.

— Какъ у нихъ это случилось? отнесся я къ нему.

— Пьяные, сударь, отвѣчалъ онъ:—Пузичъ съ утра съ Ѳомкой пьетъ; пьяные-съ! По началу они принялись вдвоемъ въ кабакѣ этого толсторожаго парня бить; не знаю, про што его и связали: онъ ничѣмъ не причиненъ!... Цаловальникъ видитъ, что дѣло плохо: бьютъ человѣка не на животъ, а на смерть, караулъ закричалъ. Мы въ кабакъ-то и вбѣжали, и Петруха-то вошелъ. «За што, говоритъ, парня бьете»? и сталъ отымать, вырвалъ у нихъ его, да и на улицу; они за нимъ, да и на него. Пузичъ за волосы его сгребъ, а Ѳомка подъ ногу подшибаетъ, и Петруха—на моихъ глазахъ это было—раза два ихъ отпихивалъ, такъ Ѳомка и поотсталъ, а Пузичъ все лѣзетъ: сила-то не беретъ, такъ кусаться сталъ, впился въ плечо зубами. да и замеръ. Мы было съ сотскимъ начали разнимать ихъ — гдѣ тутъ! за ноги хотѣли было ихъ растащить, такъ Пузичъ какъ съѣздилъ меня сапогомъ по головѣ, такъ шабашъ-пали шабалка затрещала. Сотскій сталъ ужъ кричать: «воды! водой разливайте»! я побѣжалъ зачерпнуть—прихожу: все ужъ порѣшено.

Петруха, говорятъ, оборанивался, оборанивался, и какъ ухватить его за поперегъ, на аршинъ приподнялъ, да и хрясь о землю—только пробохнулъ. А Козыревъ испугался, вскочилъ на своего живодернаго коня и лупмя началъ его лупить плетью, чтобъ ускакать. Ребята тутъ смѣются ему: «Возьми, говорятъ, колъ; нишь плетью-то не пробираетъ: бока больно толсты». Такой дуракъ: угналъ — словно не найдутъ.

Я вышелъ изъ толпы; мнѣ попался старикъ Сергѣичъ, проворно шедшій туда своей заплетающейся походкой.

— Дѣдушка! слышалъ ли, что вашъ Петръ начудилъ? сказалъ я ему.

— Ой, государь милостивый! слышалъ, слышалъ! За то его, батюшка, Богъ наказалъ, что родителя мало почиталъ. Тогда бы стерпѣлъ — теперь бы слюбилось, отвѣчалъ старикъ и прошелъ.

— Что за народъ эти мужики! сказала въ носъ Нимфодора [1]).

Писемскій [2]).

[1]) Барышня, небогатая прихожанка.

[2]) Современный писатель.

Темы.—Смыслъ разсказа.—Кто главный его герой?—Значеніе народныхъ суевѣрій.—Значеніе храмовыхъ праздниковъ въ народной жизни.—Жизнь, занятія и нравы крестьянъ.—Ихъ убѣжденія.—Хороводы.—Сцена въ кабакѣ.—Характеристика дѣйствующихъ лицъ: Пузичъ, Петръ, Сергѣичъ, Матюшка, кучеръ Давыдъ, генералъ.—Картины природы.—Характеристика писателя со стороны его направленія (школы) и языка.

РЫБАКИ.

Проводы [1]).

Тусклый, сѣренькій день. Сводъ неба какъ будто опустился, прилегъ въ раздумьи надъ молчаливой землею. Еслибъ не теплота воздуха, не запахъ молодой, только что распустившейся зелени, можно было подумать, что весна неожиданно смѣнилась осенью. Въ началѣ весны часто встрѣчаются такіе дни. Они похожи на задумчивое прекрасное лице молодой дѣвушки. Вся природа вдругъ стихнетъ-стихнетъ, какъ рѣзвый ребенокъ, выпущенный на волю, который, не надѣясь на свои силы и не въ мѣру отдавшись шумному, крикливому веселью, падаетъ вдругъ, утомленный, на траву и сладко засыпаетъ.... Въ такіе дни вы звука не услышите. Все живущее какъ будто сдерживаетъ дыханіе, приготовляется къ чему-то, снова собирается съ силами къ шумному празднеству лѣта. Стада безмолвствуютъ, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ куреніемъ распускающихся растеній, которое, за недостаткомъ солнечныхъ лучей, стелется надъ землею; животныя припали къ злачной травѣ, опустили головы, или лѣниво бродятъ по окрестности. Птицы сонливо дремлютъ на вѣткахъ, проникнутыхъ свѣжимъ, молодымъ сокомъ; насѣкомыя притаились подъ древесною корою, или забились въ тѣсные пласты моху, похожіе, въ безконечно уменьшенномъ видѣ, на непроходимые сосновые лѣса; муха не прожужжитъ въ воздухѣ; самъ воздухъ боится, кажется, нарушить торжественную тишину и не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ, не подымаетъ даже легкаго пуха, оставленнаго на лугахъ молодыми, только что вылупившимися гусенятами.... Ничего не можетъ быть поэтичнѣе такихъ дней! Тонкій, счастливо настроенный слухъ различаетъ, посреди этой мертвой тишины, стройное, гармоническое пѣніе.... Неизъяснимо сладкимъ чувствомъ наполняется душа ваша. Но не восторженный экстазъ, не грустное раздумье (въ которомъ также есть своя прелесть) овладѣваетъ вами: нѣтъ! кровь и мозгъ совершенно покойны; вы про-

[1]) Въ рекруты.

сто чувствуете себя почему-то счастливымъ; все существо ваше невольно сознаетъ тогда возможность тихихъ, мирныхъ наслажденій, скромной задушевной жизни съ самимъ собою—жизни, которую вы такъ давно, такъ напрасно, можетъ быть, искали.... Столицы, съ ихъ шумомъ, блескомъ и обольщеніями, для васъ тогда не существуютъ: онѣ кажутся такими маленькими, что вы даже ихъ не замѣчаете.... Въ такія минуты на сердцѣ легко и свободно, какъ въ первыя лѣта счастливой юности; ни одно дурное помышленіе не придетъ въ голову. Вы довольны сами собою, довольны своими чувствами, довольны своимъ одиночествомъ и благословляете Провидѣніе, которое дало вамъ возможность жить, дышать и чувствовать....

Въ такой именно день, рано утромъ, Ванюша прощался съ своимъ семействомъ. Окрестность нарочно, казалось, приняла самый тусклый, сѣренькій видъ, чтобы возбудить въ сердцѣ молодаго парня какъ можно меньше сожалѣнія при разставаньи съ родными мѣстами. Семейство рыбака стояло на дворѣ: оно теперь немногочисленно (Петръ, Василій, ихъ жены и дѣти ушли наканунѣ). Тутъ находятся всего-на-всего: Глѣбъ, его старуха, сынъ, пріемышъ и дѣдушка Кондратій, который пришелъ провожать Ванюшу. Мы застаемъ ихъ въ самую роковую, трудную минуту. Уже ворота, выходящія на площадку, отворены; уже дѣдушка Кондратій отнесъ въ избу старую икону, которою родители благословили сына. Остается только сказать: «Пойдемте»!.... но старый Глѣбъ все еще медлитъ. Гришка, между тѣмъ, простился уже съ товарищемъ своей юности; онъ отошелъ немного поодаль; голова его опущена, брови нахмурены, но темные глаза, украдкой устремляющіеся то въ одну сторону двора, то въ другую, ясно показываютъ, что печальный видъ принятъ имъ по необходимости, для случая, что самъ онъ слабо раздѣляетъ семейную скорбь. Никто, впрочемъ, изъ присутствующихъ не думаетъ въ эту минуту о пріемышѣ. Тетка Анна крѣпко охватила обѣими руками шею возлюбленнаго дѣтища; лице старушки прижимается еще крѣпче къ груди его; слабымъ, замирающимъ голосомъ произноситъ она безсвязное прощальное причитаніе. Передъ ними стоитъ Глѣбъ; глаза его сухи; не произноситъ онъ ни жалобъ, ни упрековъ, ни жестокихъ укорительныхъ словъ; но скрещенныя на груди руки, опущенная голова, морщины, которыхъ уже не перечтешь теперь на высокомъ лбу, достаточно показываютъ, что душа стараго рыбака переноситъ тяжкое испытаніе. Напрасно дѣдушка Кондратій, котораго Глѣбъ всегда уважалъ и слушалъ, напрасно старается онъ уговорить его, призывая на помощь душеспасительныя слова: слова старичка теперь безсильны; они дѣйствуютъ на Глѣба какъ на полоумнаго человѣка: онъ слышитъ каждое слово дѣдушки, разли-

частъ каждый звукъ его голоса, но не удерживаетъ ихъ въ памяти. Глѣбъ до сихъ поръ не можетъ еще собраться съ мыслями: въ эти три дня старикъ перенесъ столько горя! Поступки дѣтей его изгладили изъ его памяти цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ спокойной, безмятежной, можно даже сказать, счастливой жизни.... Но сколько не думай, сколько не сокрушайся, ничего этимъ не возьмешь,—время только проходитъ.

— Пойдемте! говоритъ Глѣбъ.

Дѣдушка Кондратій бережно разнимаетъ тогда руки старушки, которая почти безъ памяти, безъ языка, виситъ на шеѣ сына; тетка Анна выплакала вмѣстѣ съ послѣдними слезами послѣднія свои силы. Ваня передаетъ ее изъ рукъ на руки Кондратію, торопливо перекидываетъ за спину узелокъ съ пожитками, крестится и, не поднимая заплаканныхъ глазъ, спѣшитъ за отцомъ, который успѣлъ уже обогнуть избы. Отчаянный, раздирающій крикъ, раздавшійся позади, приковываетъ на мѣстѣ молодаго парня.

— Ваня!.... Ваня!....

— Полно.... матушка.... не убивайся.... Богъ милостивъ! говоритъ онъ, обнимая старуху, которая какъ безумная охватила его руками.

Но увѣщанія тутъ напрасны! Дѣдушка Кондратій и Ваня, поддерживая Анну, продолжаютъ путь. Вотъ уже миновали огородъ, вотъ уже перешли ручей. Этотъ ручей, свидѣтель младенческихъ лѣтъ, служитъ послѣднимъ порогомъ родительскаго дома. Вотъ ступили уже на тропинку и стали подыматься на гору. Воспоминанія тѣснятся въ душѣ молодаго парня; съ каждымъ шагомъ впередъ предстоитъ новая разлука.... Какъ ни подкрѣплялъ себя молодой рыбакъ мыслію, что поступкомъ своимъ освободилъ старика отца отъ неправаго дѣла, освободилъ его отъ грѣха тяжкаго, какъ ни тверда была въ немъ вѣра въ Провидѣніе, со всѣмъ тѣмъ онъ не въ силахъ удержать слезъ, которыя сами собою текутъ по молодымъ щекамъ его.... Тяжко вѣдь разставаться впервые съ домомъ родительскимъ; тутъ съ сердцемъ уже не совладаешь: не слушаетъ оно разсудка и не обольщается мечтами и надеждами....

Простолюдину еще труднѣе покинуть родимый кровъ, чѣмъ всякому другому человѣку. Какъ бы ни убога была хижина бѣдняка, онъ привязанъ къ ней всѣми своими чувствами, всею душею. Привязанность образованнаго человѣка къ матеріальнымъ предметамъ, съ которыми онъ свыкся, привязанность къ дому, къ почвѣ, совершенно ничтожна сравнительно съ привязанностію простолюдина къ тѣмъ же предметамъ его привычки. Объясняется это очень легко: умственная, духовная жизнь, которая отрѣшаетъ человѣка, болѣе или менѣе, отъ грубаго матеріализма, весьма ограничена у просто-

людина. Живя почти исключительно матеріальной, плотской жизнію простолюдинъ сростается, такъ сказать, съ каждымъ предметомъ, его окружающимъ, съ каждымъ бревномъ своей лачуги; онъ въ ней родился, въ ней прожилъ безвыходно свой вѣкъ; ни одна мысль не увлекала его за предѣлъ родной избы: напротивъ, всѣ мысли его стремились къ тому только, чтобы не покидать роднаго края. Русскій мужикъ—семьянинъ и домосѣдъ по преимуществу. Мнѣ довелось разъ видѣть, какъ семейство пахаря, добровольно отправляясь въ плодородныя южныя губерніи, прощалось съ своимъ полемъ—жалкими двумя десятинами глинистой, никуда почти негодной почвы. Я въ жизнь не видалъ такого страшнаго прощанья, такихъ горькихъ слезъ! Мать родная, прощаясь съ любимыми дѣтьми, не обнимаетъ ихъ такъ страстно, не цѣлуетъ ихъ такъ горячо, какъ цѣловали мужички землю, кормившую ихъ столько лѣтъ. Они оставляли, казалось, на этихъ двухъ нивахъ часть самихъ себя. Кусочки земли были зашиты даже въ ладонки грудныхъ младенцевъ!... Простолюдинъ покоренъ привычкѣ: разставаясь съ домомъ, онъ разстается со всѣмъ, что привязываетъ его къ землѣ. Онъ жилъ въ исключительной, ограниченной своей сферѣ; внѣ дома для него не существуетъ интересовъ; онъ недовѣрчиво смотритъ на міръ, выходящій изъ предѣла его обыкновенныхъ, узкихъ понятій. Покидая домъ, онъ не подкрѣпляетъ себя, какъ мы, мечтами и надеждами: онъ положительно знаетъ только то, что разстается съ домомъ, разстается со всѣмъ, что привязываетъ его къ жизни, и потому-то всѣми своими чувствами, всею душею отдается своей скорби.... Достигнувъ вершины высокаго берегонаго хребта — вершины, съ которой покойный дядя Акимъ боязливо спускался когда-то вмѣстѣ съ Гришкой къ избамъ стараго рыбака, Глѣбъ остановился. Но не быстрая ходьба въ гору утомила его: ему, напротивъ, хотѣлось бы пройти еще скорѣе, подняться еще выше. Страшная тяжесть висѣла на сердцѣ старика; ему хотѣлось пройти теперь сто верстъ безъ отдышки: авось либо истома угомонитъ назойливую тоску, которая гложетъ сердце. Когда Ваня и дѣдушка Кондратій, все еще поддерживавшіе Анну, поднялись на гору, Глѣбъ подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ вы привели ее сюда? нетерпѣливо сказалъ онъ: — легче отъ энтого не будетъ... Ну, старуха, полно тебѣ... простись да ступай съ Богомъ. Лишнія проводы—лишніе слезы... Ну, прощайся!

— Прощай, матушка! произнесъ сынъ и въ первый разъ не могъ хорошенько сопладать съ собою, въ первый разъ зарыдалъ горько,— зарыдалъ, какъ мальчикъ.

При этомъ старуха вдругъ встрепенулась: забытье исчезло, силы воскресли. Откинувъ исхудалыми руками платокъ, покрывавшій ей

голову, она окинула безумнымъ взглядомъ присутствующихъ, какъ бы все еще не сознавая хорошенько, о чемъ идетъ рѣчь, и вдругъ бросилась, съ быстротою молніи, на сына и перекинула руки черезъ его голову. Крикъ, сопровождавшій это движеніе, надрѣзалъ какъ ножомъ сердца двухъ стариковъ. Въ лѣта дѣдушки Кондратія не плачутъ: слезы всѣ выплаканы; давно уже высохъ и самый источникъ. Но Глѣбъ мало еще вѣдалъ горя: онъ не осилилъ. Сколько Глѣбъ ни крѣпился, сколько ни отворачивалъ голову, сколько ни хмурилъ брови, крупныя капли слезъ своевольно брызгали изъ очей его и серебрили и безъ того уже посѣдѣвшую его бороду. Онъ махнулъ рукою и еще скорѣе пошелъ впередъ. Ваня вырвался изъ объятій матери и побѣжалъ за нимъ, не переставая креститься.

— Ваня! Ваня!

Старуха бросилась-было за сыномъ; но ноги ея ослабѣли. Она упала на колѣни и простерла впередъ руки.

Ваня продолжалъ между тѣмъ слѣдить за отцомъ. Разъ только обернулся онъ: избушки, площадки, ручей, лодки, сѣти — все исчезло! Надъ краемъ горы, которая закрывала углубленіе берега, замѣнявшее ему цѣлую родину, онъ увидѣлъ только бѣлую голову дѣдушки Кондратія, склоненную надъ чѣмъ-то распростертымъ посреди дороги. За ними дальше, въ безпредѣльной глубинѣ, увидѣлъ онъ дальнюю луговую мѣстность. Съ этой высоты, маленькое озеро дѣдушки Кондратія виднѣлось какъ на ладони. Бѣлая подвижная точка какъ словно мелькала недалеко отъ зелени, окружавшей темною каймою озеро. Ваня какъ будто пріостановился, но тотчасъ же отвернулъ голову, перекрестился и пошелъ еще скорѣе. Очутившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, онъ не выдержалъ и опять таки обернулся назадъ; но на этотъ разъ глаза молодаго парня не встрѣтили уже знакомыхъ мѣстъ: все исчезло за горою, темный хребетъ которой упирался въ тусклое, сѣрое безъ просвѣту небо... Прощай, мать! прощай, родина, дѣтство, воспоминанія—все прощай! Грустно!...

Темы.—Проводы крестьянина.—Разставанье казака (см. «Тараса Бульбу»).—Разлука барича (см. «Исторію моего Дѣтства» гр. Толстаго).—Сравните эти картины.

Потеря.

Тяжкіе трудовые дни, въ продолженіе которыхъ старый Глѣбъ, подстрекаемый присутствіемъ дѣдушки Кондратія [1]), надрывался и

---

[1]) Рыбакъ съ озера.

работалъ безъ устали, или, какъ самъ онъ говорилъ: «не берегъ себя, соблюдая промыселъ», — такіе дни не проходили ему даромъ. Когда потухала вечерняя заря и старикъ возвращался домой, слабость и одышка одолѣвали его пуще прежняго; онъ съ трудомъ взбирался на крылечко, едва-едва могъ разогнуть спину. Нерѣдко тетушка Анна и сноха ея принуждены были соединиться силами, чтобы подсобить ему подняться на печку. При всемъ томъ, оборони, помилуй Богъ сказать ему, что причина всей его немощи происходитъ отъ излишняго труда и усилій: смерть не любилъ этого Глѣбъ. Онъ съ упорствомъ, съ досадою опровергалъ такіе доводы; старикъ ни за что не хотѣлъ этому вѣрить; онъ какъ будто старался даже обмануть самого себя.

— Чтó за напасть такая! точно, право, крыша солгала — на спину обвалилась — не разогнешь никакъ; инда духъ захватило... Съ чего бы такъ-то? Кажись, не пуще, чтобы отощалъ; въ хлѣбѣ недостачи не вижу; ѣмъ, примѣрно, вволю.... выходитъ, нечего.... говорилъ Глѣбъ, покряхивая на своей печкѣ, между тѣмъ какъ тетушка Анна подкладывала ему подъ голову свернутый полушубокъ.

— Батюшка, отецъ ты нашъ, послушай-ка, что я скажу тебѣ,— подхватывала старушка, отодвигаясь, однакожъ, въ сторону и опуская руку на закраину печи, чтобы, въ случаѣ надобности, успѣшнѣе скрыться съ глазъ мужа: — послушай насъ.... добре затрудилъ себя!... шуточно дѣло, съ утра до вечера маешься: чтó мудренаго.... не я одна говорю....

— Вѣстимо, батюшка, ласково подтверждала Дуня, отрываясь отъ люльки и подходя къ печкѣ:—отдохни день другой; мы и то— я да матушка—хотѣли намедни сѣть поднять.... сухую-то и то съ мѣста не сдвинули; а ты, видѣла я ноньче, одинъ съ нею управился....

— Врете вы обѣ! Послушай поди, чтó мелютъ-то! Сѣть вишь всему причиной!... Эхъ ты, глупая, глупая!... Мнѣ нешто съ ней съ сѣтью-то, впервой возиться?... Слава те Господи, пятьдесятъ лѣтъ таскаю—лиха не чаялъ; а тутъ бы вотъ потащилъ нóнѣ, да и съ ногъ смотался!

— Ну, не отъ сѣти, отъ другаго чего, смиренно возражала жена:— ты бы, батюшка — вотъ ноньче печь истопили — ты бы попарился: все бы отлегло маленько....

— Ничаво; полежу, проваляюсь ночь-то: авось къ утру и такъ пройдетъ....

— Хорошо, кабы такъ-то....

— Надо полагать, все это пуще оттого, кровь добре привалила, продолжалъ Глѣбъ, морщась и охая:—кровища-то во мнѣ во всемъ

ходитъ, добре въ жилахъ занечаталась.... оттого выходитъ, надо было мнѣ по веснѣ метнуть: а то три года почитай не пущалъ кровь-то....

— Вотъ то-то, отецъ родной, говорила я тебѣ объ этомъ... все: нѣтъ да нѣтъ... Что ждать-то прано-пу!... сходи-ка-сь завтра въ Сосновку, отвори кровь-то; право слово, отпуститъ.... А то ждешь, ждешь, ноньче нѣтъ, завтра нѣтъ... ну, что хорошаго? Вѣстимо, нѣтъ тебѣ отъ нея спокою... Полно, кормилецъ,.. прано-пу, сходи!...

— Нѣтъ, теперь недосугъ, отвѣчалъ Глѣбъ, съ трудомъ приподнимаясь на локоть и переваливаясь на другой бокъ: — схожу опосля: работу порѣшить надо. И не то, чтобы ужъ очень прихватило... авось и такъ пройдетъ. Встану завтра, промнусь: легче будетъ...

Проминаніе Глѣба заключалось въ томъ, что онъ проводилъ часа три-четыре въ водѣ по-поясъ, прогуливаясь съ неводомъ по мелководнымъ мѣстамъ Оки, дно которой было ему такъ же хорошо извѣстно, какъ его собственная ладонь. Разъ, однакожъ послѣ такого проминанья, онъ вернулся домой задолго передъ закатомъ солнца: никогда прежде съ нимъ этого не случалось.

Не смотря на заманчивое плесканье рыбы, которая съ приближеніемъ вечера начинала играть, покрывая зеркальную поверхность Оки разбѣгающимися кругами, старый рыбакъ ни разу не обернулся поглядѣть на рѣку. Молча приплелся онъ въ избу, молча легъ на печку. Въ отвѣтъ на замѣчаніе тетушки Анны, которая присовѣтовала ему было подкрѣпить себя лапшею, Глѣбъ произнесъ нетерпѣливо: «проваливай»! и перевалился на другой бокъ. Всю ночь сонъ старика былъ тревоженъ. Дуня и тетушка Анна нѣсколько разъ были пробуждены тихими охами и стонами. Со всѣмъ тѣмъ, на слѣдующее утро, Глѣбъ всталъ еще ранѣе обыкновеннаго. День былъ сѣрый, ненастный, настоящій осенній день: мелкій дождь, перемѣшанный съ крупою, косвенно ниспадалъ съ неба, затканнаго отъ края до края хребтами сѣрыхъ тучъ. Сѣверный вѣтеръ покрывалъ чешуйчатою рябью Оку, которая мрачно синѣла въ почернѣвшихъ, мокрыхъ берегахъ своихъ. Любо было бы пролежать такой день на печкѣ въ теплой избѣ. Особенно бы слѣдовало поступить такимъ образомъ старому Глѣбу, у котораго, благодаря, вѣроятно, наступившей сырости, всю ночь ломило кости, но Глѣбъ разсудилъ иначе. Онъ, не медля ни минуты, отправился къ лодкамъ. Онъ, очевидно, однакожъ, пересиливалъ свою немочь; шагъ его и движенія отличались въ это утро какою-то медленностью; онъ часто останавливался, потягивалъ руки, усиленно выгибалъ спину; каждое изъ этихъ движеній сопровождалось глухимъ стономъ и нетерпѣливымъ, досадливымъ потряхиваніемъ головы.

Видно было, что онъ сильно негодовалъ на свою немощь. Онъ добрался, однакоже, до конца площади и началъ собирать неводъ. Косвенное направленіе дождя и крѣпкій постоянный вѣтеръ плохо способствовали удачливой ловлѣ; но Глѣбъ забралъ въ голову ѣхать на промыселъ, и уже ничто въ мірѣ не въ силахъ было заставить его измѣнить такому намѣренію. «Отчаливай»! сурово крикнулъ онъ Гришкѣ, который, сидя на носу съ веслами, не переставалъ слѣдить лукавыми глазами своими за движеніями старика. Лодка выѣхала въ рѣку. Забросили неводъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ неводѣ оказалось довольно много рыбы. При всемъ томъ, сѣдыя брови Глѣба оставались по прежнему нахмуренными. Мало этого: онъ прекратилъ ловлю и молча принялся убирать въ лодку неводъ. Гришка замѣтилъ, что руки старика сильно дрожали; два или три раза выпустили даже веревку, крѣпившую неводъ. Кой-какъ справились, однакоже, и Глѣбъ приказалъ грести къ берегу. Во все продолженіе переѣзда, онъ сидѣлъ, склонивъ голову на грудь и задумчиво глядѣлъ на воду: что взялъ? небось и тебя проняло? подумалъ пріемышъ, искоса посматривая на старика. Одежда Глѣба была мокра до послѣдней ниточки: дождь лилъ теперь какъ изъ ведра. Но Глѣбъ, какъ бы въ опроверженіе догадкамъ пріемыша, долго еще оставался на площадкѣ послѣ того, какъ сошелъ на берегъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ нестерпимый ознобъ во всѣхъ членахъ,—чувствовалъ, что холодъ прохватилъ его до самаго мозга. Руки его тряслись, ноги онѣмѣли; но онъ все еще крѣпился. Нахмуренное выраженіе его лица, досадливыя движенія ясно показывали, что онъ съ трудомъ рѣшился признать себя побѣжденнымъ старостію и непогодою. Онъ упрямился и крѣпился до послѣдней минуты, наконецъ покинулъ берегъ: ему уже не въ мочь было стоять на ногахъ,—но и тутъ-таки, разъ или два, пересилилъ себя и вернулся къ лодкамъ; его точно притягивало къ рѣкѣ и лодкамъ какою-то непонятною силой. Онъ точно предчувствовалъ, что послѣдній разъ видится съ Окою и лодками. Мрачно, грустно, задумчиво было лице старика, когда, взглянувъ въ послѣдній разъ на рѣку, сталъ онъ подыматься по площадкѣ; онъ точно несъ на плечахъ гробъ ближайшаго родственника, котораго много любилъ при жизни. Войдя въ избу, Глѣбъ, противъ обыкновенія своего, не подошелъ даже къ люлькѣ, даромъ что ребенокъ кричалъ и протягивалъ къ нему свои розовыя голенькія ручонки. Ничто уже по-видимому, не радовало теперь старика,—не радовалъ даже запахъ горячихъ щей, которыя дымились на столѣ; онъ отказался отъ обѣда и молча улегся на печку. Тетушка Анна и Дуня заключили изъ всего этого, что лучше уже не приступаться къ нему нынче.

Вечеромъ, въ тотъ же день, пришелъ дѣдушка Кондратій.

— Вотъ, дядя, говорилъ ты мнѣ въ тѣ поры, какъ звалъ тебя въ домъ къ себѣ, говорилъ: «ты передо мной, что дубъ стогодовалый»! молвилъ ты, стало быть не въ добрый часъ. Вотъ тебѣ и дубъ стогодовалый! всего разломило, руки не смогу поднять.... Ты десятью годами меня старѣе.... никакъ больше.... а переживешь этотъ дубъ—атъ!... проговорилъ Глѣбъ съ какою-то грустію и горестью, какъ будто упрекалъ въ чемъ-нибудь дѣдушку Кондратія.

— Полно, сосѣдъ... что ты загадываешь! Одинъ Создатель вѣдаетъ, что будетъ впереди.... Богъ милостивъ!... Авось еще поживешь съ нами....

— Нѣтъ, уже не встану! отрывисто сказалъ Глѣбъ.

— Чѣмъ такъ-то говорить, помолись-ка лучше Богу: попроси у него облегченія, продлилъ бы дни твои! Теплыя наши молитвы, по милосердію Божію, дойдутъ до Господа....

— Болѣзнь во всемъ во мнѣ ходитъ: гдѣ ужъ тутъ встать! проговорилъ Глѣбъ тѣмъ же отрывистымъ тономъ:—надо просить Бога грѣхи отпустить!... Нѣтъ, ужъ мнѣ не встать! Подрубленнаго дерева къ корню не приставишь. Коли разъ подрубили, свалилось, тутъ, стало, и лежать ему—сохнуть.... Весь разнемогся. Какъ есть всего меня разломило.

— Усталому-то послѣдняя верста тяжелѣе пяти первыхъ кажется.... вздохнешь маленько, Богъ дастъ поправишься.

— Пятьдесятъ лѣтъ уставалъ каждый день, лиха не чаялъ.... не отъ того совсѣмъ! перебилъ Глѣбъ.

— Мало ли что, Глѣбъ Савиничъ! года твои не тѣ были. Много на нихъ понадѣялся... Я говорилъ тебѣ не однова: — полно, говорилъ, утруждать себя, вздохни; ты не слушалъ.

— Слушать-то нечего! нетерпѣливо перебилъ Глѣбъ:—по твоему, брось работу, самъ на печку ложись!

—Оборони, помилуй Богъ! не говорилъ я этого; говорилъ: всякъ должонъ трудиться, какіе бы ни были года его. Только надо дѣлать дѣло съ разсудкомъ...потому время неровно...вотъ хоть бы теперь: время студеное, несносное... «а ты все въ водѣ.... знамо, долго ли до грѣха, — долго ли застудиться....

— Наша вода мягкая: съ нея ничего не сдѣлается.... не отъ того совсѣмъ! упрямо заключилъ Глѣбъ и повернулся спиною къ собесѣднику, какъ бы желая показать ему, что не стоитъ продолжать разговора.

Съ этого дня онъ не вставалъ уже съ печки. Трудно опредѣлить, въ чемъ именно состояла болѣзнь Глѣба. Отвергая съ такимъ упрямствомъ догадки домашнихъ, которые единодушно утверждали, будто немощь его происходила отъ простуды, онъ былъ, можетъ-

статься, болѣе правъ, чѣмъ казалось. И въ самомъ дѣлѣ, еслибъ пребываніе въ студеной водѣ могло сокрушить Глѣба,—еслибъ ненастье, лютый вѣтеръ, мокрая одежда, просыхавшая не иначе, какъ на тѣлѣ, въ состояніи были производить на него какое-нибудь дѣйствіе, Глѣбу давнымъ-давно слѣдовало умереть. Его не стало бы съ двадцати-лѣтняго возраста. Тогда еще началъ онъ заниматься промысломъ. Каждый годъ послѣ этого, въ глухую осень, когда Ока начинала стынуть и покрывалась тонкою корою ледяныхъ иглъ, онъ проводилъ цѣлые дни въ водѣ по поясъ, и все-таки ничего ему не дѣлалось. Оттого, и доживъ до семидесяти лѣтъ, онъ не хотѣлъ вѣрить простудѣ. Самый ледъ могъ уже казаться ему мягкою водою. Вообще говоря, въ простонародьѣ такъ же рѣдко умираютъ отъ простуды въ зрѣлыхъ годахъ, какъ часто умираютъ отъ той же причины въ молодости. Оно и понятно: выдержавъ все то, что выдерживаютъ крестьянскіе работники, человѣкъ смѣло считаетъ себя невредимымъ, какъ бы застрахованнымъ отъ вліянія всевозможныхъ непогодъ и невзгодъ. Слова: *здоровякъ*, *крѣпышъ*, *усилокъ*, которыми величаютъ въ простонародьѣ крѣпкаго человѣка, по моему, еще слабо выразительны. Это просто богатыри со сталью вмѣсто кожи, каменными мышцами и желѣзными костями. Простолюдинъ зрѣлыхъ лѣтъ дѣлается по большей части жертвою удара, ушиба, порванныхъ жилъ, старости и, наконецъ, истощенія физическихъ силъ—необходимое слѣдствіе того неумѣреннаго, принужденно-усиленнаго труда, о которомъ говорили мы въ предшествовавшей главѣ. По всей вѣроятности, послѣднее это обстоятельство свалило Глѣба. Онъ уже не чувствовалъ теперь никакой боли, — чувствовалъ только, какъ силы оставляли его и какъ постоянно слабли его члены. Послушался бы Глѣбъ дѣдушку Кондратія, поберегъ бы силы свои, ихъ стало бы, можетъ статься, на долго. Силы Глѣба были исчерпаны до послѣдней капельки. Едва-едва доставало теперь на то, чтобы поднять руку для крестнаго знаменія. При всемъ томъ, Глѣбъ слышать не хотѣлъ о Сосновскихъ ворожеяхъ и знахаряхъ, которыхъ предлагала ему жена. Такое же невниманіе встрѣчала тетушка Анна, когда, теряясь въ скорбныхъ догадкахъ, совѣтывала ему порубить спину, попариться въ печкѣ и пустить кровь. Онъ съ упрямствомъ отказывался отъ всякаго пособія. «Такъ ужъ знать Господомъ Богомъ положено. Коли жить написано, такъ проживу и безъ этого; коли помереть суждено, такъ ужъ тутъ нечего хлопотать. Человѣкъ надъ смертью не властенъ». Это былъ единственный отвѣтъ Глѣба на всѣ совѣты и замѣчанія домашнихъ. Въ критическую минуту слѣпо отдаваясь на волю Провидѣнія, Глѣбъ не унывалъ духомъ. Вѣра подкрѣпляла его. Онъ не терялъ надежды и, по-видимому, ждалъ выздоровленія. А между

тѣмъ жизнь замѣтно оставляла стараго Глѣба. Тѣло его уже только поддерживалось душею, которая до послѣдней минуты сохраняла свою энергію. Казалось даже, дѣятельность, оживлявшая когда-то старика, перешла вся въ его душу. Онъ не переставалъ говорить о промыслѣ, не переставалъ сокрушаться о томъ, какія произойдутъ опущенія.

Тѣло Глѣба безжизненно почти лежало на печкѣ, но душа его присутствовала всюду. Двадцать разъ на дню призывалъ онъ жену или Дуню, посылалъ ихъ въ такое-то мѣсто двора и приказывалъ исправить такой-то предметъ. Иногда все дѣло состояло въ томъ, что надо было переложить верши изъ одного угла въ другой, или вынуть такой-то шестъ и поставить на его мѣсто другой. Гришка не выходилъ у него изъ головы. Онъ поминутно посылалъ за нимъ, заставлялъ его разсказывать о томъ, какъ идетъ промыселъ, входилъ во всѣ мелочи, давалъ ему наставленія. Первый вопросъ, съ какимъ онъ обращался къ дѣдушкѣ Кондратію, когда тотъ приходилъ навѣстить его, былъ всегда слѣдующій: «Ну, что дядя, какъ ловится рыбка»? Нерѣдко духъ Глѣба проникался тревогою и сомнѣніемъ. Ему казалось, что домашніе исполняютъ наперекоръ всѣ его приказанія, что все идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что домъ и все хозяйство гибнетъ отъ ихъ нерадѣнія. Слова старика показывали, что память не измѣнила ему. Онъ помнилъ малѣйшія подробности изъ жизни своихъ домашнихъ, но выбиралъ тѣ именно случаи, которые могли подтвердить его подозрѣнія. Онъ осыпалъ ихъ упреками, грозилъ лишить ихъ благословенія. Голосъ старика, прерывавшійся на каждомъ словѣ, звучалъ тогда негодованіемъ. Страшно было смотрѣть на Глѣба. Одно только появленіе дѣдушки Кондратія въ силахъ было унять его. Душеспасительныя слова кроткаго, набожнаго старика мгновенно возвращали спокойствіе встревоженной душѣ Глѣба. Дѣдушка началъ ходить каждый день и просиживалъ въ избѣ рыбака съ утра до вечера.

Разъ Глѣбъ не встрѣтилъ уже его обычнымъ вопросомъ своимъ о томъ, какъ ловится рыбка. Глаза стараго рыбака были закрыты; онъ не спалъ, однако-жъ; морщины, которыя то набѣгали, то сглаживались на высокомъ лбу его, движеніе губъ и бровей, ускоренное дыханіе ясно свидѣтельствовали присутствіе мысли; въ душѣ его должна была происходить сильная борьба. Мало-по-малу лице его успокоилось; онъ точно заснулъ. По прошествіи нѣкотораго времени, съ печки снова послышался его голосъ. Глѣбъ подозвалъ жену и сказалъ, чтобы его перенесли на лавку къ окну. Тетушка Анна, Дуня, дѣдушка Кондратій и пріемышъ поспѣшили исполнить его волю. Пять минутъ спустя, Глѣбъ лежалъ на лавкѣ, устланной соломой. Голова Глѣба, приподнятая свернутыми полушубками,

была обращена, по его просьбѣ, къ окну. Взглянувъ на исхудалое, изнеможенное лице своего мужа, на его руки—когда-то мощныя и крѣпкія руки, похожія на вѣтвь стараго вяза, но высохвія теперь какъ щепки, безжизненно сложенныя на груди, тетушка Анна вдругъ зарыдала. Старушка не могла дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ: она не объяснила бы, почему рыданіе вырвалось у нея теперь, а не прежде; тутъ только поняла она почему-то, что уже не оставалось малѣйшей надежды; тутъ только, въ виду смерти, осмыслила она всю силу пятидесятилѣтней привязанности своей, всю важность потери.

— Полно, старуха, сказалъ Глѣбъ, находившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ однихъ мыслей съ женою:—перестань убиваться; надо же когда-нибудь умереть.... всѣ мы смертные! Пожили пятьдесятъ годковъ вмѣстѣ.... ну, пора, и разстаться. Всѣ мы здѣсь проходимцы!... разстаемся не на долго... скоро всѣ свидѣмся.... полно!...

Голосъ Глѣба былъ спокоенъ и вполнѣ отвѣчалъ спокойному выраженію лица его. Послѣдняя искра надежды на выздоровленіе погасла уже въ душѣ его; онъ скрывалъ уже теперь близкую свою кончину. Въ послѣдніе два дня старикъ помышлялъ только о спасеніи души своей; онъ приготовлялся къ смерти; въ эти два дня ни одно житейское помышленіе не входило въ составъ его мыслей; вмѣстѣ съ этимъ, какая-то отрадная, невѣдомая до того тишина воцарялась постепенно въ душѣ его; онъ говорилъ теперь о смерти такъ же спокойно, какъ о вѣрномъ и нѣчномъ выздоровленіи.

— Полно вамъ убиваться!... что обо мнѣ плакать-то! Мое дѣло рѣшеное. Лучше о себѣ подумайте, продолжалъ Глѣбъ (жена его, Дуня, пріемышъ и дѣдушка Кондратій окружали лавку):—о себѣ, говорю, подумайте: оставляю вамъ немного.... Ты, жена, не больно изъяняйся на мои похороны: мертвому немного надо; хоронили, какъ хоронили, примѣрно, свата Акима,—такъ и меня похороните.... Положи только тѣло мое въ Сосновку; хочу лежать подлѣ покойныхъ малыхъ дѣтокъ своихъ и сродственниковъ.... тамъ меня положи. Образъ отпусти со мной тотъ, въ серебряной ризочкѣ, что Ваню-то благословляли.... это послѣдняя моя воля.... окромя этого образа все вамъ оставляю. Живите, какъ при мнѣ жили; жилъ я, какъ жили отцы мои и дѣды, и вы тому слѣдуйте.... Не оставлялъ меня Господь, и васъ тогда не оставитъ!... Проживете съ мое, и васъ сподобитъ умереть спокойно. Въ одномъ только отказалъ мнѣ Творецъ милосердый, подхватилъ со вздохомъ старикъ:—не привелъ.... не далъ въ послѣдній разъ наглядѣться.... на.... на Ваню.... Не забывай его, смотри, жена!... не забывайте и всѣ его!... милъ былъ онъ моему сердцу, любилъ я его.... супротивъ всѣхъ

другихъ любилъ.... Приведетъ вамъ Господь увидать его.... передайте ему мое родительское благословеніе, на вѣки нерушимое. Умиралъ старикъ, скажите, — умиралъ, его, милаго дѣтища, поминаючи... такъ и скажите ему!...

Тутъ голосъ Глѣба, до той минуты ровный и спокойный, какъ словно оборвался; онъ закрылъ глаза и замолкъ. Тетка Анна и Дуня плакали навзрыдъ. Дѣдушка Кондратій давно уже не плакалъ: всѣ слезы давно уже были выплаканы; но тоска, изображавшаяся на кроткомъ лицѣ его, достаточно свидѣтельствовала о скорбныхъ чувствахъ его. Одинъ пріемышъ казался спокойнымъ. Онъ стоялъ склонивъ голову; ни одна черта его не дрогнула во все продолженіе предшествовавшей рѣчи.

— Гриша, сказалъ неожиданно Глѣбъ: — ты, Гриша, заступишь теперь на мое мѣсто, будешь жить все одно какъ сынъ родной въ дому.... Исполни послѣднюю мою родительскую волю: не оставляй старуху, береги ее, все одно, что мать родную.... Мы берегли тебя смолоду, растили, поили, кормили, какъ роднаго дѣтища—долженъ это помнить. Коли оставишь ты ее, не будетъ тебѣ моего благословенія!... Не будетъ также моего благословенія, коли не станешь соблюдать жену свою, не станешь почитать тестя.... какъ меня слушалъ, такъ и его слушайся; почитай его, все одно, какъ отца роднаго.... А это, что вотъ пріятели смущать будутъ, этого ты не слушай!... это значитъ, врагъ путаетъ! Пріятели на одинъ часъ, родные—на всю жизнь.... ихъ почитай и слушай!... Ты уже не малолѣтній: самъ долженъ видѣть, что хорошо, что худо. Не послушаешь меня, отыму благословеніе!... Востоскуетъ душа моя, что оставилъ злодѣя въ семьѣ своей. Господь отъ тебя откажется, и не будетъ никогда никакой радости въ жизни!... Смотри же, Гриша, веди себя крѣпко, живи по закону. Смотри же, не обмани меня! Ты вся моя надежда теперь.... окромя тебя и Вани, нѣтъ у меня... окромя васъ, нѣтъ другихъ дѣтей! заключилъ Глѣбъ, причемъ на лицѣ его изобразилась вдругъ тоска.

Онъ, очевидно, хотѣлъ еще что-то прибавить, но дѣдушка Кондратій, догадавшись, вѣроятно, о чемъ пойдетъ рѣчь, поспѣшилъ предупредить его.

— Полно, Глѣбъ Савиничъ, сказалъ онъ: — полно, освободи ты свою душу.... Христосъ велѣлъ прощать лютымъ врагамъ своимъ.... уйми свое сердце!... вспомяни ты и другихъ дѣтей своихъ.... вспомяни и благослови Петра и Василія. Лице Глѣба мгновенно приняло строгое выраженіе; лобъ покрылся морщинами, сѣдыя брови нахмурились.

— Помилуй ихъ, Глѣбъ Савиничъ, продолжалъ дѣдушка Кондратій.

— Батюшка, помилуй! рыдая, воскликнула Анна.

— Глѣбъ Савиничъ! подхватилъ отецъ Дуни: — единъ Богъ властенъ въ нашей жизни! сегодня живы — завтра нѣтъ насъ.... нашъ путь къ землѣ близокъ; скоро, можетъ, покинешь ты насъ.... отойди лучше съ миромъ... ослободи душу свою отъ тяжкаго помышленія! Наказалъ ты ихъ довольно при жизни!... Спаситель прощалъ въ смертный часъ врагамъ своимъ... благослови ты ихъ!...

— Прощаю всѣмъ врагамъ моимъ, какіе у меня были... имъ прощаю... прощаю наравнѣ съ другими, сказалъ Глѣбъ.

— Этого мало, Глѣбъ Савиничъ! они дѣти твои: долженъ благословить ихъ!..

— Нѣтъ, они мнѣ не дѣти! никогда мои не были! надорваннымъ голосомъ возразилъ Глѣбъ. — На что имъ мое благословеніе? сами они отъ него отказались. Вѣкъ жили они ослушниками! отреклись — была на то добрая воля — отреклись отъ отца роднаго, отъ матери, убѣжали изъ дому моего.... посрамили мою голову, посрамили всю семью мою, весь домъ мой.... оторвались они отъ моего родительскаго сердца!...

— Все же они дѣти твои, убѣдительно произнесъ дѣдушка Кондратій: — какая ихъ жизнь будетъ безъ твоего благословенія? И теперь, можетъ статься, изныла вся душа ихъ... не смѣютъ предстать на глаза твои... Не дай имъ умереть безъ родительскаго твоего благословенія.... Ты видѣлъ ихъ согрѣшающихъ, — не видишь кающихся.... Глѣбъ Савиничъ!...

Строгость, изображавшаяся въ чертахъ Глѣба, постепенно смягчалась; но онъ не произнесъ, однакожъ, слова. Грустно было выраженіе лица его. Жена, Дуня, пріемышъ, Кондратій не были его родныя дѣти; родныя дѣти не окружали его изголовья. Онъ думалъ умереть на рукахъ дѣтей своихъ и умиралъ почти круглымъ, бездѣтнымъ сиротою. Онъ долго, почти все утро, оставался погруженнымъ въ молчаливое, тягостное раздумье; глаза его были закрыты; время отъ времени въ широкой, но впалой груди его вырывался тяжелый продолжительный вздохъ.

Около полудня онъ снова раскрылъ глаза.

— Подымите меня.... сказалъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ. Дуня и тетушка Анна посадили старика на лавку; обѣ держали его подъ руки.

Глаза Глѣба медленно обратились тогда къ окну, изъ котораго виднѣлись: часть площадки, лодки, опрокинутыя на берегу, и Ока. Дальній берегъ и луга застилались мелкимъ, частымъ дождемъ. Былъ сѣрый, ненастный день; вѣтеръ уныло гудѣлъ вокругъ дома; капли дождя обливали и безъ того уже тусклыя стекла маленькаго

окошка. Мрачно синѣла Ока, мрачно глядѣлъ темный берегъ и почернѣвшія, вымоченныя лодки. Печальный видъ осенняго дня соотвѣтствовалъ, впрочемъ, какъ нельзя лучше тому, что происходило въ самой избѣ.

— Прощай, матушка Ока!... сказалъ Глѣбъ, безсильно опуская на грудь голову, но не отнимая тусклыхъ глазъ своихъ отъ окна:— прощай, кормилица!... Пятьдесятъ лѣтъ кормила ты меня и семью мою... Благословенна вода твоя! благословенны берега твои!... намъ ужъ больше не видаться!... Прощайте и вы!... проговорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ: — прощай, жена! ..

Старушка зарыдала такъ сильно, что дѣдушка Кондратій поспѣшилъ занять ея мѣсто и взялъ подъ руку Глѣба.

— Полно печалиться, продолжалъ Глѣбъ: — не молода ты: скоро увидимся!... Смотри же, помнишь меня.... некрасна была твоя жизнь.... ну, что дѣлать!... а ты все добромъ помяни меня!... Смотри же, Гриша, береги ее: недолго ей пожить съ вами.... не красна была ея жизнь! береги ее.

И ты, сноха, не оставляй старуху, почитай ее, какъ мать родную... и тебя подъ старость не оставятъ дѣти твои... Дядя!...

Дѣдушка Кондратій наклонилъ бѣлую свою голову.

— Прощай, дядя!... продли Господи дни твои! Утѣшалъ ты меня добрыми словами своими... утѣшай и ихъ... не оставляй совѣтомъ. Худому не научишь... Господь вразумилъ тебя.

Глѣбъ долго еще прощался съ домашними; онъ хотѣлъ видѣть каждаго предъ глазами своими, поочередно поцѣловалъ ихъ и перекрестилъ слабою, едва движущеюся рукою. Наконецъ онъ потребовалъ священника. Гришка тотчасъ же отправился въ Сосновку.

Вплоть до самаго вечера, Глѣбъ находился въ какомъ-то безпокойствѣ: онъ метался на лавкѣ и поминутно спрашивалъ: «скоро ли пріѣдетъ священникъ»? душа его боролась уже со смертію; онъ чувствовалъ уже прикосновеніе ея и боялся умереть безъ покаянія. Жизнь дѣйствительно замѣтно оставляла его; онъ угасалъ, какъ угасаетъ лампада, когда масло, оживлявшее ее, убѣгаетъ въ невидимое отверстіе.

Поздно вечеромъ пріѣхалъ священникъ. Дѣдушка Кондратій и старуха встрѣтили его въ воротахъ и замолили ему о старшихъ сыновьяхъ,—Петрѣ и Васильѣ. Дуня, ея отецъ, теща и мужъ остались на крылечкѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени, духовникъ уѣхалъ, объявивъ напередъ, что старикъ исполнилъ ихъ желаніе и велѣлъ имъ передать Петру и Василью родительское свое благословеніе. Когда они вернулись въ избу, Глѣбъ лежалъ безъ языка.

Трепетный блескъ свѣчи передъ образомъ освѣщалъ безжизнен-

ное лице его съ черными впадинами вмѣсто глазъ, съ заостренною, холодною профилью, которая рѣзко отдѣлялась на совершенно почти темной стѣнѣ. Онъ казался мертвымъ: и только легкое, едва примѣтное движеніе рубашки на груди показывало, что духъ его не покинулъ еще землю. Тетка Анна и за ней поочередно всѣ присутствующіе прикладывали поминутно уши свои къ губамъ его, въ надеждѣ услышать послѣднее слово, послѣднюю волю умирающаго. Въ простонародьѣ послѣднее слово покойника свято сохраняется домашними: оно переживаетъ другія воспоминанія, часто упоминаемыя въ семейныхъ бесѣдахъ, часто даже переходитъ къ внукамъ. Но Глѣбъ ничего ужъ не сказалъ.

Дѣдушка Кондратій, который во всю ночь не покидалъ его изголовья, приняль на зорѣ послѣдній вздохъ Глѣба и закрылъ ему глаза.

— Полно, сказалъ онъ, обратясь къ старухѣ, которая рыдала и причитала, обнимая ноги покойника: — не печалься о томъ, кто отъ грѣха свободенъ!... не тревожь его своими слезами.... Душа его между нами.... дай ей отлетѣть съ миромъ, безъ печали... Была, знать, на то воля Господа.... Богу хорошіе люди угодны....

Въ то время, какъ обмывали покойника, дѣдушка Кондратій съѣздилъ на озеро за псалтыремъ.

И вскорѣ въ избѣ, посреди глухихъ, затаенныхъ стоновъ, послышалось мѣрное, колеблющееся чтеніе, при свѣтѣ желтой восковой свѣчки, которая освѣщала почтенную, убѣленную честными сѣдинами голову дѣдушки Кондратія.

Дня черезъ три, въ воскресенье, у воротъ рыбакова дома и на самомъ дворѣ снова стояли подводы; снова раздавались въ избѣ говоръ и восклицанія.

Можно было подумать, что тутъ снова происходило какое-нибудь веселье. Но желтая гробовая крышка, прислоненная къ воротамъ, краснорѣчиво опровергала неумѣстное предположеніе; длинные шесты, перевязанные веревками, ясно уже показывали, къ чему съѣхались на этотъ разъ Сосновскіе родственники и родственницы.

Немного погодя, со двора послышалось протяжное пѣніе, и, минуту спустя, сѣрый осенній день освѣтилъ погребальное шествіе. Позади гроба, передъ толпою, шли дѣдушка Кондратій и Дуня, немного поодаль виднѣлся Гришка. За толпою ѣхала телѣжка, въ которой лежала рыдавшая, осиротѣвшая теперь старушка.

Шествіе обогнуло избу и медленно стало подниматься въ гору. Вскорѣ все исчезло; одинъ только гробъ долго еще виднѣлся надъ темною линіею высокаго береговаго хребта и, мѣрно

покачиваясь на плечахъ родственниковъ, какъ словно посылалъ прощальные поклоны Окѣ и площадкѣ....

Григоровичъ [1]).

Темы. — Жизнь Р. рыбака.—Сравнить крестьянъ въ разсказѣ *Писемскаго* съ крестьянами въ романѣ *Григоровича.*

ИСТОРІЯ МОЕГО ДѢТСТВА.

Охота.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ, синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ Въ высокой, густой ржи виднѣлись кой-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина, въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа, шла легкой, игривой ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнувъ голову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепелокъ, жужжаніе насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью, — все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Подъѣхавъ къ Калиновому лѣсу, мы нашли линейку уже тамъ

[1]) Современный писатель.

и, сверхъ всякаго ожиданія, еще телѣгу въ одну лошадь, на срединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ. Изъ-подъ сѣна виднѣлись: самоваръ, кадка съ мороженой формой и еще кой-какіе привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это былъ чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. При видѣ телѣги, мы изъявили шумную радость, потому что пить чай въ лѣсу на травѣ и вообще на такомъ мѣстѣ, на которомъ никто и никогда не пивалъ чаю, считалось большимъ наслажденіемъ.

Турка подъѣхалъ къ острову, остановился, внимательно выслушалъ отъ папа подробное наставленіе, какъ равняться и куда выходить (впрочемъ, онъ никогда не соображался съ этимъ наставленіемъ, а дѣлалъ по своему), разомкнулъ собакъ, не спѣша второчилъ смычки, сѣлъ на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутыя гончія прежде всего маханіями хвостовъ выразили свое удовольствіе, встряхнулись, оправились и потомъ уже маленькой рысцой, принюхиваясь и махая хвостами, побѣжали въ разныя стороны.

— Есть у тебя платокъ? спросилъ папа. Я вынулъ изъ кармана и показалъ ему.

— Ну, такъ возьми на платокъ эту сѣрую собаку....

— Жирана? сказалъ я, съ видомъ знатока.

— Да; и бѣги по дорогѣ. Когда придетъ полянка, остановись и смотри: ко мнѣ безъ зайца не приходить!

Я обмоталъ платкомъ мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бѣжать къ назначенному мѣсту. Папа смѣялся и кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Скорѣй, скорѣй, а то опоздаешь.

Жиранъ безпрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался къ порсканью охотниковъ. У меня не доставало силъ стащить его съ мѣста, и я начиналъ кричать: «ату! ату»! Тогда Жиранъ рвался такъ сильно, что я насилу могъ удержать его, и не разъ упалъ, покуда добрался до мѣста. Избравъ у корня высокаго дуба тѣнистое и ровное мѣсто, я легъ на траву, усадилъ подлѣ себя Жирана и началъ ожидать. Воображеніе мое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ушло далеко впередъ дѣйствительности: я воображалъ себѣ, что травлю уже третьяго зайца, въ то время, какъ отозвалась въ лѣсу первая гончая. Голосъ Турки громче и одушевленнѣе раздался по лѣсу; гончая взвизгивала, и голосъ ея слышался чаще и чаще; къ нему присоединился другой, басистый голосъ, потомъ третій, четвертый.... Голоса эти то замолкали, то перебивали другъ друга. Звуки постепенно становились сильнѣе и непрерывнѣе и наконецъ слились въ одинъ звон-

кій, заливистый гулъ. *Островъ былъ голосистый и гончія варили варомъ.*

Услыхавъ это, я замеръ на своемъ мѣстѣ. Вперивъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался; потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его, сбѣгая по подбородку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Мнѣ казалось, что не можетъ быть рѣшительнѣе этой минуты. Положеніе этой напряженности, было слишкомъ неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончія то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись отъ меня; зайца не было. Я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Съ Жираномъ было то же самое: сначала онъ рвался и взвизгивалъ, потомъ легъ подлѣ меня, положилъ морду мнѣ на колѣни и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудьми, пересохшими, обомшалыми хворостинками, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися, тонкими, зелеными травками, кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились, по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ; а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода, или ворочались назадъ, или по хворостинкѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой, съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки — только видно было, что ей хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Вдругъ Жиранъ завылъ и рванулся съ такой силой, что я чуть было не упалъ. Я оглянулся. На опушкѣ лѣса, приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ. Кровь ударила мнѣ въ голову и я все забылъ въ эту минуту; закричалъ что-то неистовымъ голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже сталъ раскаяваться: заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ.

Но каковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя въ голосъ вывели на опушку, изъ-за кустовъ показался Турка!

Онъ видѣлъ мою ошибку, (которая состояла въ томъ, что я не *выдержалъ*) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: «ахъ, баринъ»! Но надо знать, какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, какъ зайца, повѣсилъ на сѣдло.

Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ:

— Боже мой, что я надѣлалъ?

Я слышалъ, какъ гончія погнали дальше, какъ застукали на другой сторонѣ острова, отбили зайца и какъ Турка въ свой огромный рогъ вызвалъ собакъ, — но все не трогался съ мѣста....

Гриша.

Не задолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша. Онъ съ самаго того времени, какъ вошелъ въ нашъ домъ, не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду нашему дому. Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра утромъ пойдетъ дальше. Я подмигнулъ брату Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Если хотите посмотрѣть Гришины вериги, то пойдемте сейчасъ на мужской верхъ: — Гриша спитъ во второй комнатѣ — въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы все увидимъ.

— Отлично! Подожди здѣсь: я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились на верхъ. Не безъ спору рѣшивъ, кому первому войти въ темный чуланъ, мы усѣлись и стали ждать.

Намъ всѣмъ было жутко въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ, въ другой — сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы не переводили дыханія.

— Господи Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу.... вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ, съ различными интонаціями и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова.

Съ молитвой поставивъ свой посохъ въ уголъ и осмотрѣвъ постель, онъ сталъ раздѣваться. Распоясавъ свой старенькій черный кушакъ, онъ медленно снялъ изорванный нанковый зипунъ, тщательно сложилъ его и повѣсилъ на спинку стула. Лице его теперь не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напро-

тивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны.

Оставшись въ одномъ бѣльѣ, онъ тихо опустился на кровать, окрестилъ ее со всѣхъ сторонъ, и, какъ видно было, съ усиліемъ— потому что онъ поморщился — поправилъ подъ рубашкой вериги. Посидѣвъ немного и заботливо осмотрѣвъ прорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлье, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла.

Въ окна, обращенныя на лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена блѣдными, серебристыми лучами мѣсяца, съ другой—черною тѣнью; вмѣстѣ съ тѣнями отъ рамъ, падала на полъ, стѣны и доставала до потолка. На дворѣ караульщикъ стучалъ въ мѣдную доску.

Сложивъ свои огромныя руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоялъ передъ иконами, потомъ съ трудомъ опустился на колѣни и сталъ молиться.

Спачала онъ тихо говорилъ извѣстныя молитвы, ударяя только на нѣкоторыя слова, потомъ повторилъ ихъ, но громче и съ большимъ одушевленіемъ. Онъ началъ говорить свои слова, съ замѣтнымъ усиліемъ стараясь выражаться по-Славянски. Слова его были не складны, но трогательны. Онъ молился о всѣхъ благодѣтеляхъ своихъ (такъ онъ называлъ тѣхъ, которые принимали его), въ томъ числѣ о матушкѣ, о насъ, молился о себѣ, просилъ, чтобы Богъ простилъ ему его тяжкіе грѣхи, твердилъ: «Боже, прости врагамъ моимъ»! кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще тѣ же слова, припадалъ къ землѣ и опять поднимался, несмотря на тяжесть веригъ, которыя издавали сухой, рѣзкій звукъ, ударяясь о землю.

Володя щипнулъ меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потеръ только рукой то мѣсто и продолжалъ, съ чувствомъ дѣтскаго удивленія, жалости и благоговѣнія, слѣдить за всѣми движеніями и словами Гриши.

Вмѣсто веселія и смѣха, на которые я располагалъ, входя въ чуланъ, я чувствовалъ дрожь и замираніе сердца.

Долго еще находился Гриша въ этомъ положеніи религіознаго восторга и импровизировалъ молитвы. То твердилъ онъ нѣсколько разъ сряду: «Господи помилуй»! но каждый разъ съ новой силой и выраженіемъ; то говорилъ онъ: «прости мя, Господи, научи мя что творить... научи мя что творити, Господи»! съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ожидалъ сейчасъ же отвѣта на свои слова; то слышны были одни жалобныя рыданія.... Онъ приподнялся на колѣни, сложилъ руки на груди и замолкъ.

Я потихоньку высунулъ голову изъ двери и не переводилъ дыханія. Гриша не шевелился; изъ груди его вырывались тяжелые вздохи; въ мутномъ зрачкѣ его криваго глаза, освѣщеннаго луною, остановилась слеза.

— Да будетъ воля Твоя! вскричалъ онъ вдругъ съ неподражаемымъ выраженіемъ; упалъ лбомъ на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, много воспоминаній о быломъ потеряли для меня значеніе и стали смутными мечтами, даже и странникъ Гриша давно окончилъ свое послѣднее странствованіе; но впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, и чувство, которое возбудилъ, никогда не умрутъ въ моей памяти.

О, великій христіанинъ Гриша! Твоя вѣра была такъ сильна, что ты чувствовалъ близость Бога; твоя любовь такъ велика, что слова сами собою лились изъ устъ твоихъ — ты ихъ не повѣрялъ разсудкомъ.... И какую высокую хвалу ты принесъ Его величію, когда, не находя словъ, въ слезахъ повалился на землю!...

Разлука.

Въ двѣнадцатомъ часу утра, коляска и бричка стояли у подъѣзда.

Николай былъ одѣтъ по-дорожному. Дворовые мужчины, въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины, въ затрапезахъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ — сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ — держалъ въ рукѣ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой — видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепенникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурыя кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо — положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же вожжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку,—даже, что бы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу. Почтовыя, разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставляя свои косматыя, оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали, другія отъ скуки, чесали другъ друга или щипали листья и стебли

жосткаго темнозеленаго папортника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ—однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе, желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій.

Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Иванычемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

«Что я за нѣженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорѣй это все кончилось: сѣсть бы и ѣхать».

— Кому прикажите записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? сказала вошедшая, съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ, Наталья Савишна [1]), обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лице платкомъ и, махнувъ рукою, вышла изъ комнаты. У меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидѣлъ это движеніе, но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того, ни другаго: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и Madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ «кушать готово», остановившись у притолки, сказалъ: «лошади готовы». Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло, «какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь».

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула; но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрыпнула и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ

---

[1]) Другъ дома, бывшая крѣпостная.

теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ и имъ обоимъ неловко.

Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ, сказалъ папа: — вѣдь не на вѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно! сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами.

Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что—полагая, что она теперь обратится ко мнѣ—я совался впередъ; но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ, я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя.

Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ «пожалуйте ручку-съ», звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ. Подъ вліяніемъ этого чувства, я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Савишну, когда она вся въ слезахъ прощалась со мною.

Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лице и положеніе maman рѣшительно ускользаютъ изъ моего воображенія: можетъ быть оттого, что во все это время я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что еслибы я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ.

Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

«Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?... Ну, въ послѣдній разъ»! сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противуположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы

стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала въ послѣдній разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лице руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее.

Папа сидѣлъ со мною рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться.... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движеніе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствіе и отраду.

Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на ближайшій предметъ передъ глазами. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея и на шлеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующіяся поля спѣлой ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ, и еще лице мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которою я разстался, можетъ быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ накапунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили—кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами.

Жалко ихъ! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими—и ту жалко! Все, все жалко! А бѣдная maman? И слезы опять навертывались на глаза; но не надолго.

Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на

своемъ высокомъ креслицѣ. Уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лице, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая — лице ея не больше пуговки; но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился — и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николинька, говоритъ мнѣ maman:—ты бы лучше шелъ на верхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ веки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю; своей чудесной нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка! пора идти спать.

Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай же, мой ангелъ!

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полу-темно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самаго меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? Она молчитъ съ минуту, по-

томъ говоритъ: — смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? не забудешь, Николинька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,— слезы любви и восторга!

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь на верхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку! Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу, какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ—и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать.—Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья; повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицемъ.

Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели — невинная веселость и безпредѣльная потребность любви, были единственными побужденіями въ жизни.

Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ Ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію.

Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?...

Графъ Левъ Толстой [1]).

[1]) Современный писатель.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА.

Представленіе.

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству, вѣроятно, было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что́ именно дѣлается? даже хорошенько не знали, что́ будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется и на плацъ-маіора нашелъ порядочный стихъ. Впрочемъ, намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально, или только рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ, разумѣется, чтобъ все было по возможности въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, и могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что можетъ быть хуже, если онъ запретитъ: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся.

Я, впрочемъ, предполагаю въ плацъ-маіорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здравое. Даже такъ можно сказать: еслибъ у арестантовъ не было на праздникахъ театра, или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-маіоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человѣчества, то очень немудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человѣку, какъ плацъ-маіоръ, надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ — гдѣ-нибудь произвести распорядокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости! На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-маіоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и безпрерывное, буквальное исполненіе закона — вотъ и все, что́ требуется!...

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьёзнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного

воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретятъ театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову. Надо впрочемъ сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какія-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и еслибъ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе, — дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ.

Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде, чѣмъ скажу какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, т. е. что́ именно предполагалось играть.

Собственно писаной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась впрочемъ одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ, и однажды зашелъ самъ дежурный по карауламъ. Зашелъ тоже разъ инженерный офицеръ: вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра прогремитъ далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составился на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты какъ дѣти радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ,—думали и говорили у насъ про себя и между собою:—пожалуй и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры, настоящіе актеры: господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ; ну такъ можетъ только костюмами и возьмутъ, а насчетъ разговору, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ пожалуй, и—чѣмъ чортъ не шутитъ? можетъ и самъ захочетъ придти посмотрѣть. Въ городѣ-то нѣтъ театра»…. Однимъ словомъ фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя въ то же время и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполнѣ дѣти, не смотря на

то, что иным изъ этихъ дѣтей было по сороку лѣтъ. Но не смотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая піэса была: «Филатка и Мирошка соперники». Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самаго Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что въ Санктпетербургскомъ театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ бывало отпуститъ что-нибудь «по-театральному», изъ своей роли, — и всѣ хохочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались выходками Баклушина и разсказами о будущемъ театрѣ или только самый молодой и желторотый народъ, безъ выдержки, или только самые значительные изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ незыблемо установленъ, такъ что имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они ни были, хотя бы самаго наивнаго (т. е. по острожнымъ понятіямъ, самаго неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча; правда не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужъ въ послѣднее время, въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? какъ-то наши? что плацъ-маіоръ? удастся ли такъ же, какъ въ запрошломъ году и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ будетъ.

Что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! говорилъ онъ прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фальбалой, и перелеринка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сертукѣ съ эксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая піэса, драматическая: «Кедрилъ-обжора». Названіе меня очень заинтересовало; но какъ я ни распрашивалъ объ этой піэсѣ, — ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а по «списку»; что піэсу достали у какого-то отставнаго унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который вѣрно самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно есть такія театральныя піэсы, которыя казалось бы никому неизвѣстны, можетъ быть нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собой откудова-то явились и составляютъ необходимую принадлежность

всякаго народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я сказалъ «народнаго театра».

Очень и очень хорошо было, еслибъ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными, чѣмъ доселѣ, изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже можетъ быть не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, что я потомъ видѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдумано нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленные пріемы и понятія, преходящія изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ, между дворнями большихъ помѣщицкихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя піэсы расплодились въ спискахъ по Россіи не иначе какъ черезъ помѣщицкую дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и Московскихъ бар бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Что же касается до «Кедрила-обжоры», то какъ ни желалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что такое значитъ Кедрилъ, и наконецъ почему Кедрилъ, а не Кирилъ? Русское ли это, или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться «пантомима подъ музыку». Конечно все это было очень любопытно. Актеровъ было человѣкъ пятнадцать, — все бойкій и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зори. Эта льгота давалась собственно для театра. Впродолженіе праздника, обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: «позволить театръ и не запирать по дольше острога», прибавляя, что и вчера былъ театръ и долго не запирался, а безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ разсуждалъ такъ: «безпорядковъ дѣйствительно вчера не было; а ужъ какъ сами слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значитъ сами за собой будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Къ тому же не позволь представленія, такъ пожалуй (кто ихъ знаетъ? народъ каторжный!) наро-

чію что-нибудь напакостятъ со зла и караульныхъ подведутъ! Наконецъ и то: въ караулѣ стоять скучно; а тутъ театръ, да не просто солдатскій, а арестантскій, арестанты народъ любопытный: весело будетъ посмотрѣть. А смотрѣть караульный офицеръ всегда вправѣ.

Пріѣдетъ дежурный: «гдѣ караульный офицеръ»?—«Пошелъ въ острогѣ арестантовъ считать, казармы запирать»,—отвѣтъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ впродолженіе всего праздника, позволяли театръ и не запирали казармъ вплоть до вечерней зари. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствія, и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились въ представленье. Изъ нашей казармы отправились почти всѣ, кромѣ Черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее представленіе, четвертаго января, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ ни мало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Что же касается до Черкесовъ и въ особенности Исая Ѳомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исай Ѳомичъ каждый разъ давалъ по три копѣйки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копѣекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили сбирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на свое собственное подкрѣпленіе. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ, вѣроятно и больше дамъ, а къ тому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тянулись въ ней по стѣнѣ, такъ что средина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсъ. Она тянулась шаговъ на десять поперегъ всей казармы. Занавѣсъ была такой роскошью, что дѣйствительно было чему подивиться. Кромѣ того она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертво-

валъ; изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и наконецъ часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошеной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и Брюловъ—А—въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло до представленія, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самые горячіе изъ нихъ и нетерпѣливые.

Всѣ были очень довольны, даже хвастливо довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчекъ, разрѣзанныхъ на части. Передъ запавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которые нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для — офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, еслибъ они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не осталось не занятымъ. И наконецъ, уже сзади скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителямъ, безъ фуражекъ, въ курткахъ или въ полушубкахъ, не смотря на удушливый, парной воздухъ комнаты. Конечно, мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но кромѣ того, что одинъ буквально на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и наконецъ нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равнялась, можетъ быть, тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ, стало быть теперь честь и мѣсто. Положимъ, арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ

нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами, примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видѣлъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это), желали теперь моей похвалы ихъ театру и безъ всякаго самоуниженія, пустили меня на лучшее мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось, — я помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не униженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа, — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и во что бы то ни стало, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно по внимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ, — мудрецы наши. Даже утвердительно скажу,—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякій давалъ, что могъ или что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли сбирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то опять-таки сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! «Ты богаче меня и ступай впередъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ, — тебѣ и первое мѣсто, потому что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно сортировать себя мы должны уже сами». Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству, въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, еслибъ пришлось даже разсматривать ихъ по одиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямаго дѣла; было больше юмору, наивности. Не знаю, понятно ли я выражаюсь.. Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ, толпа зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ въ лицѣ, ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, громоздящіеся одинъ на другаго. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человѣкъ взбирается на него ногами, обѣими руками упирается въ плеча впереди стоящаго и не измѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно также выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмостившись на нары стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмостились на самую печь и лежа на ней смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или не нашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченыя потомъ, отъ жару и духоты. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ масокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подымается занавѣсъ. Вотъ заигралъ оркестръ.... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ нашелся и дома), три балалайки, — всѣ самодѣльщина, двѣ гитары, и бубенъ вмѣсто контрбаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Что же касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведутъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и одно-

образные удары, то вдругъ этотъ сильный, отчетливый звукъ какъ-бы разсыпается горохомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, — я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что́ можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалаго въ разгульныхъ и удалыхъ Русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ поднялась занавѣсъ. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ полѣна; всѣ до единаго раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось.... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ Черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ насъ прикурнулъ и Исай Ѳомичъ, который казалось съ поднятіемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, еслибъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лице Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть и я, помню, невольно каждый разъ при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лице. Онъ меня не видалъ; не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! «Алей Семенычъ», называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, еслибъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непремѣнно, что это настоящій, прирожденный актеръ съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на Московскомъ и Петербургскомъ театрахъ, и по-

ложительно говорю—столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзане, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина сверхъ того возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй піэсѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, а Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! ай да молодецъ»! — все лице его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена цѣлованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: «утрись»! и самъ утирается,— вышла уморительно смѣшна. Всѣ такъ и покатились со смѣху. Но всего занимательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были на-распашку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже незаботясь и пожалуй не видя, кто стоитъ подлѣ него; другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкнетъ языкомъ и пальцами и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ; а такъ какъ некуда идти, переминается только съ ноги на ногу. Къ концу піэсы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяную капéль, въ хмурый, осенній день, — и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще кáкъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу, — знай дескать нашихъ, каковы арестанты! Ихъ конечно все занимало, костюмы, напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидѣть напримѣръ такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходи́тъ же теперь въ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатской! Усы себѣ придѣлать, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ ни дать ни взять баринъ»! И всѣ въ восторгѣ. Благодѣтельный помѣщикъ вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда очень старенькомъ, въ

эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и — повѣрять ли? — оба точно маленькія дѣти ужасно поссорились другъ съ другомъ за то, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ, съ эксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другаго и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откудова-то досталъ, по землѣ, вѣроятно считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно, когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи здоровымъ, босоногимъ мальчишкой, случалось ему увидать красиво-одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе навѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать пять лѣтъ отъ роду припомнилось все какъ было, для полнаго плѣненія и прельщенія всего острога. Нецвѣтаевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужъ и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ не подымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодѣтельная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленымъ и нарумяненымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованой бумаги въ другой, которымъ она безпрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ піэса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни» и вновь поднялась занавѣсъ. Это Кедрилъ. Кедрилъ что-то вродѣ Донъ-Жуана; по крайней мѣрѣ и барина и слугу черти подъ конецъ піэсы уносятъ въ адъ. Давался цѣлый актъ, но это видно отрывокъ; на-

чало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ.

Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканой шляпѣ. За нимъ идетъ его слуга Кедрилъ съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курицей. Кедрилъ въ полушубкѣ и лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и есть обжора. Играетъ его арестантъ Поцейкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что игралъ въ первой піесѣ благодѣтельную помѣщицу. Трактирщикъ, Нецвѣтаевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ, мрачный и озабоченный, бормочетъ про себя, что онъ это давно зналъ и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедрилъ трусъ и обжора.

Услышавъ о чертяхъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листъ. Онъ бы убѣжалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ то же время боится его. Это замѣчательный типъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и, дѣйствительно, замѣчательно переданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. Я, разумѣется, встрѣтясь на другой день съ Баклушинымъ, не высказалъ ему своего мнѣнія вполнѣ: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже недурно. Вздоръ онъ несъ ужаснѣйшій, ни на-что не похожій; но дикція была правильная, бойкая, жестъ соотвѣтственный. Покамѣстъ Кедрилъ возился съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумьи по сценѣ и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ. Кедрилъ любопытно прислушивается, гримасничаетъ, говоритъ a parte и смѣшитъ съ каждымъ словомъ зрителей. Ему не жаль барина; но онъ слышалъ о чертяхъ; ему хочется узнать, что это такое, и вотъ онъ вступаетъ въ разговоры и въ расспросы. Баринъ наконецъ объявляетъ ему, что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и можетъ быть сегодня же они придутъ, по условію, за душей его. Кедрилъ начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедрилъ оживляется, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино,—и нѣтъ-нѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедрилъ дрожитъ и наскоро почти безсознательно упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. «Готово ли»? кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ.—Сейчасъ, сударь!..

я вамъ.... приготовлю,—говоритъ Кедрилъ, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ увлетать барское кушанье.

Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинъ стоилъ дѣйствительно похвалы.

Слова: «сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю» онъ выговорилъ превосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ повернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащитъ съ собой курицу. Наконецъ онъ утоляетъ свой первый голодъ; пора подумать о баринѣ.—«Кедрилъ, скоро ли ты»? кричитъ баринъ. — Готово-съ! бойко отвѣчаетъ Кедрилъ, спохватившись, что барину почти ничего не останется. На тарелкѣ дѣйствительно лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего не замѣчая, садится за столъ, а Кедрилъ съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждый жестъ, каждая гримаса Кедрила, когда онъ, оборачиваясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю-барина, встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не-полюдски: въ боковой кулисѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчей; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ, объ этомъ никто не задумывается. Такъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и кричитъ имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедрилъ труситъ какъ заяцъ; онъ лѣзетъ подъ столъ, но не смотря на весь свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедрилъ вылѣзаетъ изъ-за стола; но только что баринъ принимается опять за курицу, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. «Кедрилъ! спасай меня»! кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедрилъ вылѣзаетъ, осматривается и улыбка озаряетъ лице его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто и, кивая публикѣ, говоритъ полушопотомъ.

— Ну, я теперь одинъ.... безъ барина!...

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полушопотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!...

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но недолго продолжается счастіе Кедрила. Только-было онъ распорядился бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедрилъ кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ.... Оркестръ начинаетъ комаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванія по декамъ балалайки.... Это комаринская во всемъ своемъ размахѣ и право было бы хорошо, еслибы Глинка хотя случайно услыхалъ ее у насъ въ острогѣ.

Начинается пантомина подъ музыку. Комаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомины. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинитъ сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Нецвѣтаевъ.

Замѣчу, что наши декораціи очень бѣдны. И въ этой и въ предъидущей піэсѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. Вмѣсто задней стѣны протянутъ какой-то коверъ или попону; сбоку какія-то дрянныя ширмы. Лѣвая же сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары. Но зрители не взыскательны и соглашаются дополнять воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что арестанты къ тому очень способны: «Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната, такъ комната, изба, такъ изба,—все равно и церемониться много нечего».

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ не сами арестанты, то, по крайней мѣрѣ, въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Послѣдняя пантомина, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ

многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ различныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, по-брамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера.

Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ неслышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже, какъ будто счастливы, и засыпаютъ не по всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы кажется? А между тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по своему, повеселиться по-людски, прожить хотя часъ не поострожному — и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ.... Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится на печкѣ, и промолится до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лице. Мало по малу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяцъ.... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, всматриваюсь—и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ; кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ во снѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ «православныхъ христіанъ» и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ»!...

— Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ, думаю я, и склоняю опять голову на подушку.

Ѳ. Достоевскій[1].

СЕСТРА.

Мы съ братомъ съ-измала крѣпко любили другъ друга. Чтобы повздорить между собою, чтобы обидѣть одинъ другаго,—да сохрани

[1] Современный писатель.

Боже! Если, бываетъ, въ чемъ мыслями не сойдемся, такъ уступимъ другъ другу. И племянники меня очень любили. Бывало, даже ссорятся изъ-за меня: «это моя тётя», говоритъ одинъ, а тотъ къ себѣ тянетъ: «моя»! да какъ уцѣпится, да какъ начнутъ цѣловать, такъ и работу изъ рукъ выхватятъ, и платокъ съ головы спадетъ.

Только невѣстушка больно со мной спесива была. Ужъ я-ль ей не угождала, какъ малому дитяти? да нѣтъ, не угодила! «Невѣстушка, душа моя», говорю я ей бывало, «сдѣлаемъ вотъ такъ, или эдакъ, и ладно будетъ». Купить ли что, продать — ни за-что въ свѣтѣ не послушается; хотя и видетъ убытокъ явный, а на своемъ поставитъ. Замолчу я передъ нею, поплачу тихонько, да и все тутъ. Не хотѣла я брата тревожить; снова, бывало, къ ней съ ласковыми рѣчами подойду.

Сажаемъ мы съ нею однажды разсаду въ огородѣ; я заговариваю съ ней, а она словно не слышитъ, отошла подальше. Тяжело мнѣ стало на сердцѣ, — запѣла я; пою, а слезы такъ изъ глазъ и сыплются. Вдругъ слышу: «Богъ вамъ въ помощь, день вамъ добрый»! Смотрю—это наша сосѣдка облокотилась на заборъ, да и кланяется. Я скорехонько слезы утерла.

«Здравствуйте», говорю, «сестрица»!

«А я къ вамъ шла».

«Милости просимъ».

«Не продадите ли вы мнѣ щепотку разсады»?

«Мы чужимъ не продаемъ, а сосѣдкѣ надо и такъ дать».

«Спасибо за ласку, сестрица», да и протягиваетъ мнѣ горшочекъ.

Я набрала въ тотъ горшочекъ разсады да и дала ей.

Она поблагодарила и пошла себѣ.

Невѣстка на меня такъ и напустилась.

«Станутъ всѣ хозяйничать у меня,—все хозяйство начисто растащутъ! Эдакъ и отъ золотой горы ничего не останется»!

И пошла, и пошла.... Матерь Божія! Я только слезами обливаюсь. «Невѣстушка», говорю я ей, «пока что у меня было, ничего я для васъ, ничего не жалѣла. Грѣшно вамъ теперь меня кускомъ хлѣба попрекать». Бросила работу и вышла изъ огороду.

Тяжко, горько стало мнѣ, и взяла я себѣ въ голову такую думу: «Брошу я ихъ, пойду въ люди служить». Собрала свое добро. Коечто въ мѣшочекъ положила, а остальное все братнинымъ дѣткамъ раздарила. У меня много было всякой одежды, и одежда все была новая, хорошая. Сколько было полотна, платковъ, плахтъ, юпокъ! Дѣти радуются подаркамъ, *дівчатка* сейчасъ давай наряжаться. «А что хорошо это на мнѣ, тетя»? — «А на мнѣ»? — «Какъ пойду замужъ, повяжусь вотъ этимъ краснымъ платкомъ», говоритъ одна,

а сама еще такая, что и отъ земли не видать. Лепечутъ онѣ около меня, а мнѣ ихъ такъ жалко, что и словечка вымолвить не могу. За слезами свѣта Божія не вижу. Дѣти примѣтили, ласкать меня начали. «Тетя милая, что вы горюете? можетъ вамъ не здоровится»?

Обсѣли меня кругомъ, словно пташечки-щебетушечки. «Не плачьте», уговариваютъ меня, а сами глаза мнѣ рученками закрываютъ.

Передъ вечеромъ, слышу — братъ идетъ. Я отошла, да и сѣла въ уголку. Онъ вошелъ такой веселый. «Здорово, дѣточки, и ты, сестра»! За нимъ и невѣстка въ хату. Сѣли они ужинать, и дѣти съ ними.

«А ты зачѣмъ ужинать не идешь, сестра?»

«Спасибо, братецъ, не хочу».

Онъ посмотрѣлъ на меня пристально, посмотрѣлъ женѣ въ глаза и покачалъ головою.

«Эхъ, эхъ, жена»! говоритъ:—«это я вижу, твои продѣлки. Не обижай сестры: грѣхъ тебѣ будетъ».

«Что́ это за напасть за такая»! заговорила невѣстка:—«Работница я у тебя, что ли, что мнѣ и слова нельзя сказать? Гоню я твою сестру, что ли? Я только ей истинную правду сказала».

Бросила ужинать и вышла изъ хаты вонъ.

А старшенькая дѣвочка спрашиваетъ отца: «Отчего это, тятя, тетенька все плачетъ? Такъ плачетъ, что Господи Боже мой! Что мать ей сказала»?

Братъ промолчалъ; только дѣвочку по головкѣ погладилъ.

Послѣ ужина, подошелъ онъ ко мнѣ и сѣлъ со мной рядомъ. «Сестра», говоритъ, «не кручинься, голубка. До сихъ поръ жили мы съ тобой душа въ душу, — надо намъ такъ и вѣкъ свѣковать. Вѣдь насъ только двое и есть на свѣтѣ. Прости моей женѣ ея неразумныя рѣчи! сдѣлай мнѣ такую великую милость, сестра моя родная»!

«Братецъ мой, голубчикъ! да сохранитъ меня Господь милосердный отъ такой бѣды, чтобъ я съ тобой въ разладъ вступила»! говорю я ему.—«А что жена твоя меня обидѣла, такъ Богъ съ нею! я ей прощаю. Только тяжело у меня на сердцѣ, родной мой. Дай мнѣ поплакать, авось полегчитъ».

«Не плачь, сестрица, полно»!

«Я хочу уйти отъ васъ, братъ».

Онъ такъ и встрепенулся. «А гдѣ жъ ты жить будешь»?

«Пойду въ люди, служить».

«Что это у тебя за мысли такія, сестра? побойся Бога»! Началъ меня уговаривать да упрашивать, и жену привелъ; и та просить стала: не покидай, молъ, насъ. Услышали дѣти, — Боже, какъ бросятся всѣ ко мнѣ, да какъ заплачутъ всѣ!

«Теточка наша милая! хочетъ насъ покинуть! це покидай насъ! мы тебя слушаться будемъ, во всемъ угождать тебѣ будемъ»!

Противъ кого другаго, а противъ дѣтей у меня и словъ нѣту. Прижала я крошекъ къ сердцу да только плачу.

А брату сдается, что я ужъ и отдумала, — благодаритъ. «Спасибо», говоритъ, «сестрица, что ты моихъ дѣточекъ пожалѣла. Они безъ тебя осиротѣли бы, какъ безъ родной матери».

А у меня всё-таки на мысли идти въ службу.

Легли спать; а я всю ночь и глазъ не закрыла. Мысли да думы съ ума не идутъ. Жметъ тоска мое сердце. Горько мнѣ и подумать, что вотъ гдѣ-нибудь буду я въ работницахъ маяться. Было у меня и хозяйство свое, и добро. Выросла въ холѣ, а приходится за кусокъ хлѣба служить, да угождать, да еще, можетъ быть, какому-нибудь недоброму, негодному человѣку. Придется и правду, и неправду терпѣть, ко всему привыкать придется. Узнаю чужую сторону, какова она есть. Всякаго горя да бѣды наберусь; никто меня жалѣть не станетъ, никто возлѣ меня не сядетъ, не погорюетъ со мной, слова добраго, ласковаго никто мнѣ не скажетъ. Извѣстно — чужіе люди! они хотя и добрые, да меня не знаютъ, и я ихъ тоже не знаю.

Рано-ранехонько я поднялась, — всѣ спятъ, еще и заря не занимается. Темно. Въ послѣдній разъ взглянула на дѣтей, на брата; и невѣстки мнѣ жалко стало. Взяла свой мѣшочекъ и вышла тихонько изъ хаты. Иду, иду и не оглядываюсь. Вотъ и высокій курганъ, да и взглянула на свое село; а солнышко всходитъ.... Село какъ на ладони, такъ и замелькали у меня въ глазахъ бѣлыя хаты, колодезные столбы, зеленые садики и огороды. Вижу я отцовское подворье и ту кудрявую, вѣтвистую вербу, подъ которой я еще маленькой дѣвочкой играла. Стою и съ мѣста не трогаюсь: засмотрѣлась; каждая тропинка, каждый кустикъ — все мнѣ такъ знакомо; смотрю — и свое дѣтство, и дѣвичество привольное, и замужество счастливое, и вдовство горькое, какъ по-писаному читаю. Куда мнѣ идти? Никого и ничего я не знаю, тоска, безпокойство меня беретъ.

Слыхала я когда-то, еще отъ покойнаго батюшки, что въ Демьяновкѣ какіе-то наши родственники живутъ. Матушкина племянница отдана была туда за кузнеца Ляща. «Пойду я къ нимъ», думаю я: — «все мнѣ охотнѣе будетъ служить тамъ, гдѣ мой родъ ведется».

Иду дорогой, и страшно мнѣ такъ, что и сказать нельзя. Рада я радехонька, если кто навстрѣчу попадется. А дорога не спитъ: то тотъ встрѣтится, то другой; то идутъ, то ѣдутъ. Сколько ужъ я селъ прошла—и козачьихъ, и господскихъ! Не мѣшкаю нигдѣ и въ пространныя рѣчи не вступаю; распрошу дорогу въ Демьянов-

ку, поблагодарю за хлѣбъ-соль, да и дальше. На другой день я очень утомилась и сѣла отдохнуть въ холодкѣ подъ вербою. Кругомъ меня рожь желтѣетъ, а во ржи грядка льну цвѣтетъ голубымъ цвѣтомъ, ячмень колосится, недалеко лѣсокъ синѣетъ, песчаная дорога, словно золотая ниточка, въ гору закручивается. День Богъ далъ жаркій, и вѣтерокъ не полохнется: тихо... только птичка одна гдѣ-то щебечетъ, словно душа моя горемычная, да жужжатъ пчелы надъ пахучей гречихой.

Смотрю — идутъ какіе-то люди цѣлою гурьбою: и старые, и молодые, и дѣти; подошли ко мнѣ, поздоровались. «Здравствуйте», говорю я имъ:—«сядьте-ка да отдохните немножко». Вижу я, что они очень уморились.

Изъ разговоровъ оказалось, что прохожіе были изъ Демьяновки. Старуха сказала, что кузнецъ Лящъ умеръ и съ своею женою. Впрочемъ, чтобъ утѣшить нашу героиню, бабушка дала ей такой совѣтъ:

«Зачѣмъ горевать да жаловаться? *Журбою поля не перейдешь.* А вотъ я тебѣ что посовѣтую: иди ты къ нашему отцу Ивану служить. Я у него и крестилась, и вѣнчалась, и до сей поры живу, да, вѣрно, и умру у него. Онъ да жена его — что это за люди, старосвѣтскіе, простые! Ихъ только двое и есть, и оба старенькіе-престаренькіе. Была у нихъ дочка, отдали ее замужъ; да не долго она похозяйничила, умерла. Дѣвочка у ней осталась; старики внучку къ себѣ взяли. Славное такое дитятко! Отецъ Иванъ уже очень дряхлъ, и девять лѣтъ какъ уже ослѣпъ, а службы Божіей все не оставляетъ. Дознался было владыка, что слѣпой старецъ Божію службу отправляетъ, да и запретилъ. Тогда люди наши пошли всѣмъ, какъ есть міромъ просить за отца Ивана, чтобъ его оставили. «Люди добрые», сказалъ имъ владыка:—«если онъ вамъ такъ любъ, такъ я не запрещаю ему стоять передъ престоломъ Божіимъ до самаго конца его вѣка; нужно мнѣ только своими глазами удостовѣриться, что слѣпецъ точно благоподобно службу Божію отправляетъ». Пріѣхалъ владыка и хвалу Господу Богу воздалъ, что такъ твердо и безъ ошибки правитъ слѣпой службу Божью, и крестомъ его благословилъ... «Иди къ нему, голубка. Работы немного тебѣ будетъ. Я, въ чемъ смогу, пособлять тебѣ буду».

«Спасибо вамъ, бабушка моя ласковая! Дай вамъ, Господи, всякаго добра»!

«Ну, теперь пополдничаемъ да и въ путь! Сегодня, Богъ дастъ, заночуемъ дома».

Демьяновка лежитъ въ долинѣ, словно въ зеленомъ гнѣздышкѣ. Село великое и богатое; двѣ церкви въ немъ: одна каменная, высокая, другая деревянная, и древняя, даже въ землю вросла и покриви-

лась. Отецъ Иванъ жилъ недалеко за каменной церковью. Былъ у него домикъ и садикъ, и огородъ; хозяйство небольшое, да хорошее. Вошли мы въ село—и разбрелись богомольцы по улицамъ; каждый въ свой домъ спѣшитъ, къ своимъ; а я за старушкой иду. Такъ мнѣ грустно и боязно, что даже сердце замираетъ. Бывало, прежде, куда я ни шла, такъ весело иду и охотно; а теперь и глазъ я не смѣю поднять. Вошла да и стою, сама не своя. Слышу — старушка про меня разсказываетъ.

«Войди и отдохни, дитятко»! промолвилъ кто-то такъ истово и тихо. Подняла я глаза, противъ меня на липовой лавкѣ сидитъ старый-старый дѣдъ. Глаза у него незрячіе, и такая въ тѣхъ глазахъ тишина да доброта, что я и не видывала. Борода у него бѣлая, кудрявая, ниже пояса; сидитъ онъ въ тѣни, только вечерній солнечный лучъ словно золотомъ его осыпаетъ.

Какъ услышала такія ласковыя слова, такъ меня словно что за сердце схватило; слезы брызнули у меня изъ глазъ. А онъ протянулъ руку, да и благословилъ меня.

Смотрю я — хозяйка вошла, старенькая, маленькая, чуть отъ земли видна, а еще бодренькая, словоохотливая такая. «Оставайся у насъ съ Богомъ, голубушка. Ты еще молоденькая, ты нашу хату развеселишь и внучку порадуешь. Бѣги-ка ты сюда, Маруся, иди не стыдись. Такая ужъ она стыдливая у насъ, словно просватанная».

Взяла она за ручку хорошенькую смуглую дѣвочку, что все изъ-за дверей глазенками сверкала, и ввела ее въ хату. «Поклонись», говоритъ, «Маруся молодицѣ, привѣтствуй ее».

Она поклонилась и привѣтствовала меня; а я думаю себѣ: «что-то теперь племянницы мои милые? вспоминаютъ ли оии меня»?

Я осталась у отца Ивана. Живу я у него мѣсяцъ, живу другой; житье мнѣ у него! всѣ меня любятъ, словно дитя родное. Бывало, я управлюсь, приберу хату; мы пообѣдаемъ, да и усядемся въ саду подъ черешней. Батюшка тихо сидитъ себѣ да думаетъ, или молитву шепчетъ, или псалмы поетъ... да хорошо такъ, Боже мой! Старушка и хозяйка говорятъ промежъ себя то о томъ, то о другомъ; а я подсяду къ нимъ да послушиваю; а внучка, словно бѣлый клубочекъ, по садику катается; то къ намъ подбѣжитъ, то опять въ зеленой густотѣ пропадетъ. Такъ тихо да спокойно пройдетъ день, что, кажется, весь вѣкъ свой такъ бы свѣковалъ; а у меня все тоска на сердцѣ да печаль неусыпная. Они и разговариваютъ со мной, и утѣшаютъ меня. «Не кручинься», говорятъ: «это грѣхъ великій. Дитя плачетъ потому, что оно ничего не смыслитъ; а кто выросъ, тотъ самъ своему горю помочь долженъ. Подумай только то: ты, можетъ быть, на свѣтѣ добро еще узнаешь; а потратишь

свое здоровье — какое ужъ тогда житье? Полно, сердешная, послушайся насъ, старыхъ людей! Вотъ посмотри лучше, какой Господь вечеръ далъ»!

Я гляжу—а солнышко заходитъ, рѣчка течетъ, какъ чистое золото, между зелеными берегами; кудрявыя вербы въ водѣ свои вѣтки купаютъ; цвѣтетъ-процвѣтаетъ макъ въ огородѣ; высокая конопля зеленѣетъ; кой-гдѣ около бѣлой хатки краснѣетъ вишенье; высокой кустъ калины кровлю подпираетъ, да всю бѣлую стѣну закрываетъ; и сама хата въ саду цвѣтущемъ, какъ въ вѣнкѣ стоитъ. И зелено, и красно и бѣло, и сине, и ало около той хатки.... Тихо и тепло, и вездѣ насквозь багряно—и на небѣ и на взгорьяхъ и на водѣ.... Господи!

«Сей свѣтъ, что маковъ цвѣтъ; какъ на томъ свѣтѣ-то будетъ»? говоритъ старуха, покачивая головою.

«Боже мой, Боже»! промолвитъ за ней матушка въ полголоса.

А батюшка подниметъ къ небу незрячіе глаза, да и скажетъ: «Слава Господу Богу»!

Вотъ однажды, утромъ рано, иду я за водою; вдругъ на встрѣчу мнѣ человѣкъ. Глянула я — анъ это Трохимъ Рыбецъ, изъ нашего села. Я чуть коромысло не сронила, и слова не могу вымолвить, — такъ обрадовалась! А онъ говоритъ мнѣ:

«Такъ вы и въ правду тутъ? Мы слышали, да не вѣрили. Братъ вашъ очень объ васъ тужитъ. «Ѣдешь въ Демьяновку», сказалъ онъ мнѣ (я, знаете, за колесами пришелъ). «Тамъ, можетъ быть, сестру увидишь; такъ скажи ей, что сильно она меня опечалила и что прошу я ее слезной просьбой, чтобъ она къ намъ вернулась».

«Да здоровы ли они всѣ тамъ»? спрашиваю я, а сама плачу.

«А дѣточки что? Можетъ, забыли меня»?

«Какое забыли! и до сей поры плачутъ, что вы ихъ покинули. Что жъ мнѣ вашему брату сказать»?

«Скажите ему, что очень мнѣ его жалко и дѣточекъ; что сердце у меня изныло, а всё-таки я къ нему не ворочусь. Уговаривать меня не къ чему, а приневоливать.... я тоже не знаю, кто бы меня приневолилъ».

«А развѣ тутъ вамъ хорошо»?

«Такъ хорошо, что словами не разсказать». Да и говорю я ему, гдѣ я служу. «Зайдите», говорю, «ко мнѣ; я вамъ для племянничковъ какой-нибудь гостинецъ дамъ. Вы скажете, что тетка прислала».

Взяла я деньжонокъ немного, кой-чего купила, да и послала имъ. Провожаю я того человѣка за село да плачу, плачу!

«Скажите имъ, что я ихъ до самой смерти любить буду. Я вспо-

минаю ихъ каждый часъ, каждую минуту. Куда ни погляжу, о чемъ ни заговорю, все ихъ вспоминаю».

«Хорошо, хорошо, отчего не сказать? Скажу. Прощайте! Помоги вамъ, Господи, и вамъ и вашимъ хозяевамъ! Какіе же они добрые люди! меня заѣзжаго, какъ семьянина, приняли. Вотъ люди»!

«Это ужъ имъ Господь далъ, что всѣ имъ дороги да милы», говорю я ему.

«Ужъ правда, что Божьи люди»! отвѣтилъ мнѣ Рыбецъ.

Проводила я этого человѣка за село, поплакала. Прошло съ недѣлю. Въ субботу я бѣлю хату; вдругъ бѣжитъ моя Марусенька. «Къ вамъ гости пріѣхали»!

«Какіе гости»? спрашиваю я, а самую словно огнемъ охватило.

«Да тамъ какой-то человѣкъ, такой чернявый, высокой, и молодица красивая, и дѣточки съ ними. Васъ спрашиваютъ».

Я и не опомнюсь, стою. Какъ вдругъ братъ въ хату съ женой и дѣтьми.

Боже мой! Я такъ и сомлѣла; одно, что радость великая,—увидѣла ихъ; а другое, что горе свое да напасть вспоминала.

Начали всѣ меня просить: «Поѣзжай да поѣзжай съ нами»!

«Не послушаешься насъ съ женою, говоритъ мнѣ братъ (и невѣстка меня проситъ, только такая сама невеселая), «такъ хоть дѣтокъ нашихъ послушайся: они по тебѣ каждый день плачутъ».

А дѣти, какъ вцѣпились ко мнѣ въ шею, такъ и не выпускаютъ, цѣлуютъ меня, да просятъ: «Поѣзжайте съ нами, тетушка наша милая, поѣзжайте»!

«Нѣтъ, не поѣду».

Они и заплакали, мои голубочки; такъ слезочки у нихъ изъ глазъ и закапали. Припали они ко мнѣ, и оторвать ихъ нельзя. Отговаривалась я, отговаривалась, да наконецъ должна была уступить.

Пошла я, простилась съ хозяевами, поблагодарила ихъ за милость да за ласку. Имъ и жалко, что я отхожу отъ нихъ, да они за меня радуются, что далъ мнѣ Богъ возвратиться домой къ брату. Проводили меня съ хлѣбомъ-солью, благословили, а Марусечка, та даже и поплакала, что я ее покидаю.

Вошла я опять въ ту хату, гдѣ я и выросла и вѣкъ свой дѣвичій вѣковала. Гляжу,—каждый уголочекъ мнѣ весело усмѣхается; и сама будто помолодѣла, съ дѣтьми по двору бѣгаю; то на улицу выгляну, то въ садикъ брошусь.... Вѣдь я дома, дома!... Да не долго я радовалась.

Начала меня невѣстка опять допекать. Теперь уже, просто проходу мнѣ не даетъ: то не хорошо, это не такъ.... «Вотъ мы сами себѣ бѣду накликали»!... какъ пойдетъ,—Боже твоя воля! И объѣла-то я ихъ, и опила!

Оставила опять бѣдная женщина свое непелище и пошла въ Кіевъ. Отецъ Иванъ благословилъ ее въ добрый путь.

Вышла я отъ нихъ, (отъ отца Ивана и его жены), словно повеселѣла. Утро было теплое. Пошла я себѣ своей дорогою.

Прохожіе, проѣзжіе, кто тамъ мнѣ на дорогѣ ни попадался, никто меня не тронулъ, слава Богу! Москаль встрѣтится — пройдетъ; купеческій возъ проторохтитъ, а не то панъ на четверкѣ проскачетъ, — только пылью тебя занесетъ; а тамъ опять съ поля вѣтерокъ повѣетъ, и зазеленѣютъ передъ тобою лѣса да степи. Тамъ озеро заблеститъ; тамъ глядишь—рѣчка извивается. Не одна *ходка* чумаковъ на глаза мнѣ попалась — и утѣшно мнѣ было слышать доброе слово: «Богъ въ помощь»! Бывало, у нихъ дорогу разспрошу. Все это люди изъ нашихъ, изъ простыхъ, извѣдали они горя и дома, и въ дорогѣ: такъ не станутъ чуждаться живой души.

Недѣлю спустя, пришла я въ Кіевъ. Господи, какой это красный городъ! А какія же въ немъ церкви святыя,—и словами сказать нельзя! а людей-то, людей, безъ счету! да всё чужіе. И не взглянутъ на тебя. Отдохнула я возлѣ святой Лавры, да и пошла себѣ искать мѣста. Хожу, хожу, всѣ улицы да закоулки исхрестила; пришла на базаръ, на тотъ *точокъ Подольскій*. Смотрю — стоитъ кучка молодицъ да дѣвушекъ.

«Богъ въ помощь вамъ»! говорю.

«Спасибо»! а сами осматриваютъ меня, какая я, да откуда.

«Не знаете ли», говорю, «гдѣ тутъ можно на службу наняться»?

«Э! да мы сами здѣсь ждемъ, голубушка».

А это они, видите, вышли—не найметъ ли ихъ кто. Такъ ужъ тамъ заведено.

«Если позволите», говорю, «такъ и я около васъ стану».

«Становитесь, мы не мѣшаемъ».

Вотъ я стала и смотрю. Народъ копошится, какъ муравьи въ кочкѣ; одинъ на другаго наступаетъ, сходятся, расходятся, гуторятъ, кричатъ; и люди, и паны, и мѣщане... шумъ, гамъ, говоръ. Тотъ свое продаетъ, тотъ къ чужому прицѣнятся; двѣ молодыя бабенки щебечутъ себѣ вдвоемъ, а тутъ дѣти спорятъ, — не раздѣлили чего-то. Торговка съ краснымъ, какъ жаръ, лицемъ стала противъ солнца, бренчитъ кораллами, да выкрикиваетъ: «Э, э! коральки славные, смотрите-ка, молодцы! Купи, моя красотка, купи!» пристаетъ она къ одной видной и высокой молодицѣ.

Постояли мы тамъ съ часъ, а можетъ и больше; идетъ къ намъ какая-то пожилая барыня.

«А нѣтъ ли тутъ такой молодицы, чтобъ помѣсячно нанялась»?

«Почему нѣтъ»? говорятъ всѣ. «Можно и на мѣсяцъ наняться».

Вотъ и стали мы договариваться. Говоритъ та пани: «Дѣлай мнѣ то и то, и другое, и третье, и все, — и бѣли, и вари, и шей и мой: дамъ я тебѣ по цѣлковому въ мѣсяцъ».

«Ищите себѣ въ другомъ мѣстѣ, а не здѣсь», отвѣчаютъ всѣ да пятятся отъ не нея прочь. А она ко мнѣ: не соглашусь ли я?

«Извольте», говорю, «пани, я согласна». Да и пошла за нею. «Все», думаю, «что-нибудь себѣ заработаю. Труда я не боюсь. Надо жить, надо и трудиться, чтобы не было передъ Богомъ грѣха, а передъ людьми стыда. *Нѣтъ нигдѣ лежачаго хлѣба.*

Привела меня пани на свой дворъ. Хоромки небольшія, комнаты низенькія, совсѣмъ покосились, а у стѣнъ стульчики неодинаковые стоятъ рядышкомъ, и занавѣски на окнахъ, и зеркальцо виситъ такое, что посмотри въ него — и себя не узнаешь: такъ тебѣ лице перикривитъ.

Встрѣтила насъ панночка уже взрослая, изъ себя видная.

«Что, маменька», спрашиваетъ, «наняли»?

«Вотъ идетъ за мной. Какую-то деревенскую договорила».

«Эхъ, маменька! что́ вы ни сдѣлаете, все безъ толку. На что́ это вамъ деревенщина? Она ничего не умѣетъ — ни платья выгладить, ни услужить, какъ слѣдуетъ; будемъ мы только на нее глядѣть, какъ на куклу писанную».

Сказала, вышла да такъ дверьми стукнула, что всѣ стульчики подскакнули, какъ живые.

Вижу я — худо мнѣ у нихъ будетъ. Гдѣ же это слыхано, гдѣ видано, чтобы дитя съ родною матерью такъ дурно обходилось?

А старуха и слова дочкѣ не промолвила.

«Вари обѣдъ молодица», говоритъ она мнѣ. Разсказала мнѣ всѣ свои порядки, научила, какъ и что́ дѣлать, и оставила меня одну въ хатѣ.

Къ обѣду пришелъ и мужъ ея изъ лавки, — такой, высокій, черноволосый человѣкъ, съ веселыми, быстрыми глазами, въ синей чуйкѣ. Поклонился мнѣ и говоритъ: «Смотри, голубушка, не вѣтреничай, — будемъ жить друзьями».

Спасибо ему, разогналъ онъ немного мою грусть этимъ добрымъ словомъ. Тяжела была моя работа, Боже мой, какъ тяжела! Цѣлый день, какъ есть работаю; одного дѣла еще не кончаю, а другое уже дожидается. Старуха и сама не посидитъ ни минутки, сложа руки. А дочка такая ужъ была привередница, что Господи помилуй! Солнышко всходитъ — привередничаетъ; заходитъ — все привередничаетъ. И то не хорошо, и то не ладно, и не такъ говоришь, и не такъ ходишь. И хоть бы на меня одну, а то вѣдь и на родную мать прикрикиваетъ. «Отчего», говоритъ, у насъ все не такъ вотъ, какъ у Иваненковскихъ пановъ? У нихъ все по-господски, лю-

бо-дорою смотрѣть; а у насъ все по-мужицки. «Я», говоритъ, «такъ жить не могу». Сядетъ къ сторонкѣ и примется плакать.

Мать уговаривать ее станетъ, такъ и убивается около нея. «Не плачь, дочка, не плачь: Богъ дастъ, будетъ и у насъ по-господски».

А отецъ, бывало, прямо ей скажетъ: «Ой, дочка, не дури! что́ это ты выдумываешь? все у тебя роскоши панскія какія-то въ головѣ. Смотри, какъ бы надъ тобой добрые люди не посмѣялись!»

Она разсердится и выбѣжитъ вонъ.

Скоро отецъ ея умеръ. Передъ смертью онъ убѣждалъ свою дочь исправиться. Та обѣщалась, но не сдержала своего слова. По прежнему вела себя дурно, разоряла мать, а наймичкѣ приходилось все усиливать и усиливать свою работу.

Далъ богъ весну. Повѣяло тепломъ; съ крышъ вода звонко каплетъ; солнышко весело свѣтитъ; таетъ снѣгъ; зажурчали по улицамъ ручейки; зазеленѣли садики....

Стали люди на богомолье сходиться. Откуда только сбираются люди въ Кіевъ каждую весну! Пришли и изъ нашего села, увидѣли меня на базарѣ и узнали.

«Какъ тебя Господь милуетъ»? спрашиваютъ меня.—«А твой братъ сильно на тебя гнѣвается; ѣздилъ за тобой въ Демьяновку, да и узналъ, что ты въ Кіевѣ. «Коли она такая», говоритъ, «что бросаетъ брата, словно сердитаго пана, коли она меня не жалѣетъ, такъ и я отъ нея отрекаюсь»!

«А какъ они живутъ»? спрашиваю я. «Всѣ ли живы да здоровы дѣточки? въ хозяйствѣ благополучно ли»?

«Какое благополучно! Не везетъ имъ, Господь ихъ знаетъ, что́ это съ ними такое. Можетъ быть, это ваши слезы имъ отливаются. Обѣднѣли такъ, что иной разъ и хлѣба занимаютъ».

«Земляки мои дорогіе», говорю я имъ, «какъ бы мнѣ еще разъ съ вами повидаться? Не зайдете ли вы ко мнѣ? У меня есть коечто брату переслать; такъ будьте ласковы, возьмите съ собою».

«Хорошо, приготовь къ утру; мы возьмемъ».

А я уже пять цѣлковыхъ деньгами заработала, да еще и сундучекъ, платокъ себѣ купила, сорочекъ нѣсколько пошила.

Вотъ положила я тебѣ деньги *въ калиточку*. Четыре цѣлковыхъ брату послала, а на пятый накупила *дівчаткамъ* мониста, сережки да ленточки, *хлопчикамъ* перстеньки, крестики, а старшенькой племянницѣ юпочку. «Пускай», думаю, «вспомнятъ меня дѣточки мои милыя»!

Проводила я земляковъ, а у самой изъ головы не идетъ братнино горе. Боже мой, Боже мой! можетъ быть, взаправду, ему мои слезы отливаются! Прости меня, Матерь Божія, прости меня грѣш-

ную, что я своему брату горе наплакала! Да и плакать мнѣ не слѣдуетъ. Есть и безталаннѣе меня, и нищіе, и убогіе, да живутъ же; а я, слава Богу, здорова и хлѣба кусокъ заработать себѣ могу, и сорочку. Да меня и Господь не помилуетъ, если я хоть одну слезинку пророню о себѣ! Если ужъ плакать, такъ за брата плакать: вѣдь у него и жена, и дѣтки маленькіе.

Думала я объ этомъ, думала, а тамъ мнѣ словно и работать веселѣе стало. Какъ ни чванилась, какъ ни помыкала мною панночка, я бывало все перетерплю. «Можетъ быть», думаю я себѣ, «я ее своимъ смиренствомъ да покорностію укрощу». Да не такая она уродилась! Видитъ она, что я покоряюсь, такъ еще пуще меня обижаетъ; а разъ было и бить меня бросилась.

«Богъ съ вами», говорю я, «пускай кто другой вамъ служитъ, а я не хочу. Меня еще отъ роду никто не билъ, да, Богъ дастъ, и впередъ никто бить не будетъ».

«А мы тебѣ денегъ не отдадимъ, — дослужи мѣсяцъ. Не дослуживши, не смѣешь отходить! Мы денегъ не отдадимъ».

«Какъ знаете. Моими деньгами вы не разживетесь, да и я оттого не обѣднѣю. Не отдадите — Богъ мнѣ отдастъ».

Старуха начала меня уговаривать: «Останься, да останься». Ей было жалко со мной разстаться: работала я усердно, не лѣнилась, во всемъ послушна была, словно пестъ въ ступѣ: что мнѣ велятъ, то и сдѣлаю.

«Пока мы эдакъ ссоримся да миримся, въѣзжаетъ возъ какой-то въ ворота. Я глянула, и глазамъ своимъ не вѣрю. Да это вѣдь братецъ мой родненькій!

Выбѣжала я къ нему. «Братецъ, соколъ мой ясный! мнѣ сказывали, что ты крѣпко на меня гнѣваешься».

«Нѣтъ, сестра моя родная», говоритъ онъ: — «такъ ужъ я извелся, что ни гнѣваться, ни жаловаться ни на кого не могу. Нужда меня состарила, изсушила».

А я съ перваго же взгляда увидала, что онъ спалъ съ лица, почернѣлъ даже. А что это былъ прежде за паробокъ! И веселый, и полнолицый, словно мѣсяцъ.... Я такъ и залилась горючими слезами.

«Зачѣмъ тебя Богъ принесъ, братецъ»?

«Да такъ; вздумалъ и поѣхалъ. Ужъ больно великая тоска напала на меня. Хотѣлось мнѣ съ тобою свидѣться и на Божій свѣтъ посмотрѣть».

Сѣли мы у воротъ, да и говоримъ себѣ, кручинимся; а время такъ и летитъ. Онъ мнѣ разсказываетъ, въ какое впалъ убожество, и какъ жена у него, хоть и любитъ его, а нравомъ очень неспокойна, и какъ дѣточки ростутъ и меня вспоминаютъ. Услыхали они отъ людей, гдѣ и какъ я живу, и такъ радовались — Боже мой!

Я и говорю ему: «Братецъ, мой милый, ты у меня одинъ на свѣтѣ: ты у меня и отецъ, и мать, и дѣти,—вся родня ты у меня. Пока я работать въ силахъ, буду я для тебя работать да для твоихъ дѣтокъ. Нѣтъ у меня теперь ничего, только два цѣлковыхъ остались за панами, да не знаю, отдадутъ ли; а я хочу наняться къ нимъ на годъ. Они меня уговариваютъ остаться, такъ пусть мнѣ отдадутъ всѣ деньги впередъ. Вотъ ты и возьмешь, да и исправишь себѣ, что тебѣ понужнѣе.

«Спасибо, сестра»! сказалъ онъ, а самого такъ даже и повело.

Я пошла къ панамъ. Только я на порогъ, а старуха и спрашиваетъ меня: «Остаешься? Что̀ обиду-то помнить? Моя дочка впередъ ужъ никогда тебя не тронетъ: это она тебя отъ нездоровья».

«Да если ты обижаешься», примолвила дочка, «такъ я и не прикоснусь до тебя».

«Какъ же мнѣ не обижаться, панночка? За что мнѣ васъ благодарить? развѣ это вы меня приласкали»?

«Да ужъ полно», перебила старуха. «Нанимайся на годъ. Что̀ хочешь»?

«А я хочу двадцать цѣлковыхъ», говорю я ей.—«Дадите, такъ останусь; а нѣтъ, такъ въ другое мѣсто пойду служить. И деньги всѣ я хочу впередъ».

Они начали торговаться: и очень молъ дорого, и деньги нельзя всѣ разомъ. А я какъ сказала, такъ и не отступаюсь отъ своего слова.

«Ну», говорятъ, «нечего съ тобою дѣлать! Дадимъ тебѣ двадцать рублей, только не всѣ разомъ. Подай свой паспортъ, а вотъ тебѣ пятнадцать цѣлковыхъ».

«Возьму», думаю, «теперь хотя пятнадцать: деньги вѣдь брату очень нужны».

Отдала ту бумагу, что далъ мнѣ батюшка въ Демьяновкѣ. Взяла деньги, поблагодарила, да къ брату.

«На», говорю, «братецъ, тебѣ деньги. Разживайся съ нихъ, по-добру, по-здорову».

Побылъ онъ со мною два дня. Весело мнѣ бывало и просыпаться въ тѣ дни: знаю, что увижу его, поговорю съ нимъ. Вѣдь родное, свое!

Съ тѣхъ поръ служу я всё у тѣхъ же самыхъ пановъ; еще два мѣсяца до года мнѣ осталось. Тяжко, Боже мой, какъ тяжко, недоброму человѣку угождать! Да ужъ нанялась, что продалась,—надо служить. А отбуду годъ,—можетъ быть, дастъ Богъ, хорошее мѣсто себѣ найду. Только бы захотѣть, а то ужъ найдешь *на свои руки муки*.

Марко Вовчокъ [1]).

[1]) Псевдонимъ женщины, современной писательницы.

СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо; только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Что жъ? коли самому бѣдняку помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасенки о немъ слагаютъ. Послушайте жъ у меня одну такую сказку.

На Украйнѣ есть много своихъ христіанскихъ обычаевъ, съ которыми живутъ и старѣются и умираютъ. Одинъ такой обычай — коли не знаете, такъ вѣдь надо вамъ разсказать это напередъ, а коли знаете, такъ не взыщите — на Украйнѣ есть такой обычай, что противъ Свѣтлаго праздника не заливаютъ и не тушатъ огня, а каждый хозяинъ держитъ багáтье [1]) во всю ночь, чтобъ было гдѣ засвѣтить передъ образомъ свѣчку, какъ воротятся народъ отъ заутрени. Вотъ дождались Свѣтлаго праздника; всѣ хозяйки въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться и своимъ и добрымъ захожимъ людямъ; вотъ понесли пасхи (тоесть куличи) и жареныхъ поросятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ Свѣтлый праздникъ.

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый роботящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чемъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотинка, что два раза погорѣлъ, такъ еще и хозяйка бѣдная померла, покинувъ ему полную хату дѣтей; остался онъ вдовцомъ да притомъ и нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова не идутъ за него; дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе... Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое ему житье? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ и обнищалъ вовсе и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего: ни пасхи, ни жаренаго поросенка; да что бы ему и готовить, когда во весь великій постъ и огня въ печи не разводили: ни топлива нѣтъ, ни варева. — Промолился онъ усердно всю ночь, да выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко; вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться; пошелъ домой, положилъ все

[1]) На Украинѣ для огня есть три названія: *огонь*, или уогонь, *свитло* и *багáтье*. *Свитломъ* называютъ его, когда рѣчь идетъ о свѣчѣ, или каганцѣ; *багáтьемъ*, когда надобно зажечь что-нибудь, напримѣръ, свѣчу, разложить огни, или закурить трубку; во всѣхъ прочихъ случаяхъ употребляютъ слово *«огонь»*.

на столъ, досталъ изъ-за образовъ свѣчечку и хотѣлъ было затеплить ее да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился — огня нѣтъ; на дворѣ было еще темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ, не тушится, онъ вспомнилъ и былую пору, когда и онъ живалъ не хуже людей и водилось у него свое багатье въ дому. — Что дѣлать! такъ Богу угодно. Пошелъ онъ къ сосѣду. «Христосъ воскресъ»! — «Воистину воскресъ». — «Дайте, люди добрые, багатья, засвѣтить свѣчку»! — «Вотъ человѣкъ: и Свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за багатьемъ ходитъ! Иди съ Богомъ домой; нынче всякъ дома про себя багатье держитъ, а тутъ не до тебя: не ужто ты не припасъ своего»?

Пошелъ онъ, сердечный, къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходитъ за огнемъ, прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвертый—вездѣ то же: вездѣ готовятъ столъ, всякому до себя, никому нѣтъ нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, а гдѣ еще выбранятъ, да и прогонятъ: «поди, говорятъ, не до тебя теперь, а за богатьемъ ступай въ поле, къ чумакамъ — тамъ дадутъ».

Заплакалъ бѣднякъ мой, обошедши почти все село, и подумалъ: «Господи Боже мой! за что же меня еще и люди обижаютъ? Они жъ меня знаютъ: не воръ я, не пьяница; навалилась на меня бѣда и нищета, и самъ не знаю за что и откуда, а они еще горько насмѣхаются надо мной.... видно, сами не знали они нищеты.... Богъ ихъ проститъ. Того не спросятъ, что отъ самой маслины ни крупинки въ домѣ не было, и не готовили ни разу; а пѣняютъ за грѣхъ, что своего огня нѣтъ».

Подумавъ такъ, убогій стоялъ среди улицы, въ концѣ села, и ужъ не зналъ, куда идти и что дѣлать; взглянулъ онъ въ чистое поле, анъ за селомъ свѣтится огонекъ. «Вотъ», подумалъ онъ, «и вправду, что пойду изъ села къ чумакамъ за огнемъ, больше некуда дѣваться; авось хоть чумаки не откажутъ; а ужъ это не кто больше, какъ чумаки. Пойду; не оставаться въ эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки, а хатѣ безъ свѣта: больно за дѣтокъ. Вонъ какъ свѣтло во всѣхъ хатахъ, какъ весело смотрѣть вдоль улицы»!

Пошелъ онъ за село и пришелъ прямо къ огню. Точно, это стояли чумаки; помнятъ святой праздникъ и они, хоть и засталъ онъ ихъ въ полѣ: сидятъ вокругъ огня, въ праздничныхъ кобенякахъ и свиткахъ; видно, также недавно воротились отъ заутрени. «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ». — «Дайте богатья, люди добрые»! — «Изволь; да во что жъ ты возьмешь»? — «Да вотъ дайте хоть свѣчечку затеплить»! — «Не донесешь ты свѣчи до села: тутъ въ полѣ вѣтерокъ ходитъ, задуетъ. Подставь-ка полу свитки,

мы тебѣ багатья въ полу насыплемъ». Онъ подставилъ полу, недолго думавъ, а опи сгребли жару, просто руками, да и высыпали ему въ свитку. «Ступай съ Богомъ, не бойсь ничего, донесешь».

Что́ думалъ онъ, когда бралъ жаръ въ полу—не знаю; по какъ человѣкъ простой и вѣрующій, никогда не обманывавшій другихъ, онъ положилъ свѣчечку свою за пазуху, собралъ хорошенько конецъ полы и пришелъ домой. «Коли люди гребли да насыпали руками, такъ почему жъ де мнѣ не донести въ полѣ»? Войдя въ избу, онъ затеплилъ напередъ всего свѣчу, поставилъ ее къ образамъ, положилъ три поклона, всталъ, чтобъ убрать столъ подаяніемъ и будить дѣтей; взглянулъ на припечекъ, куда высыпалъ изъ полы жаръ, а тамъ, вмѣсто жара, лежитъ *куча золота*, все *червонцы*.—Обрадовался убогій, понялъ, что ему это Богъ далъ, еще разъ помолился, положилъ на столъ ломти пасхи и яички, которые собралъ, когда христосовался съ міромъ, и сталъ будить дѣтей, приказывая имъ скорѣе умыться, помолиться, похристосоваться съ отцомъ и между собою, да садиться за столъ и разговляться.

Сосѣдъ убогаго, который не далъ ему огня, увидѣвъ, однако, что въ хатѣ его свѣтло, подошелъ взглянуть въ окно, что тамъ дѣлается, да и увидѣлъ на загнеткѣ кучу червонцевъ. Удивившись этому, онъ вошелъ и сталъ распрашивать бѣдняка, а этотъ, не таясь ни въ чемъ, разсказалъ ему все, какъ было. Сосѣдъ вышелъ на улицу, глянулъ въ ту сторону, куда ходилъ убогій, и также увидалъ огонекъ. «Постой же», подумалъ онъ:—«пойду и я за червонцами» и пошелъ.

Тѣмъ часомъ баба выбѣжала зачѣмъ-то изъ другой избы и также подошла къ окну убогаго, всплеснула руками, вошла въ хату, чтобъ полюбоваться червонцами, разспросить сосѣда обо всемъ и позавидовать ему, а узнавъ, какъ это все сталось, побѣжала домой и погнала мужа, едва только давъ ему шапку ухватить, чтобъ шелъ скорѣе за село къ чумакамъ: тамъ-де, для Свѣтлаго праздника, раздаютъ пригоршнями червонцы. «Да смотри, больше нагребай», кричала она ему слѣдомъ:—«чтобъ не пришлось мнѣ ругать тебя для праздника, какъ воротишься».

Выпроводивъ мужа, сосѣдка опять побѣжала къ окну убогаго, тамъ опять домой, тамъ на улицу, посмотрѣть, свѣтится ли еще у чумаковъ огонекъ; другія сосѣдки увидѣли ее, стали спрашивать; она хотѣла было промолчать, чтобъ другимъ никому червонцы не доставались, чтобъ ей все одной захватить, да не утерпѣла, разсказала все, и пошла еще по всему селу и стала всѣхъ подводить къ окну убогаго, показывать червонцы и разсказывать, какое Богъ послалъ счастье этому человѣку и гдѣ ихъ достать можно. И всѣ бабы погнали гономъ мужиковъ своихъ за село, къ чумакамъ,

чтобъ нагрести побольше золота да принести въ полѣ домой. Вотъ приходятъ они толпой и встрѣчаютъ того перваго, который пошелъ напередъ. «Что, дали»? — «Какъ же, насыпали двѣ пригоршни». «Такъ постой же, братецъ, не уходи, вотъ и мы заберемъ, да чуръ все вмѣстѣ ссыпать, да и подѣлить, чтобъ никому не было обидно: такъ мы положили міромъ, а ты отъ міру не прочь».—«Ладно, говоритъ, пусть по вашему».

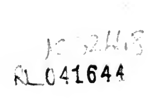
Подошли они къ чумакамъ, которые все еще чинно сидѣли вокругъ огня, сняли шапки, похристосовались и стали просить багатья. Тѣ поглядѣли на нихъ, но не сказали ничего, кромѣ только что велѣли каждому подставить по-очередно полу и насыпали каждому по пригоршнѣ. «Будетъ по одной», сказали они, когда тѣ все еще стояли, будто чего дожидаясь: — «Все мало! Вѣдь васъ много пришло, надо раздѣлить на всѣхъ». Ну, поблагодарили мужики мои и за это, и, видя, что жаръ лежитъ въ полѣ, какъ галька и не горитъ, обрадовались и бойко пошли къ селу, домой.

Обрадовались мужики мои, да не надолго. «А что это», сказалъ одинъ, когда они только что отошли отъ чумаковъ:—«пахнетъ будто паленымъ? Понюхай, будто кто къ празднику свинью опалилъ». — «Правда, что пахнетъ», сказалъ другой, да какъ закричитъ, потому что подставилъ было подъ полу руку, да обжегъ ее, да какъ выкинетъ изъ полы жаръ, а свитку скорѣе съ плечъ, да давай гасить ее, топтать ногами.... и другой тоже, и третій, и четвертый.... крикъ, шумъ, брань, другъ на друга вскидываются, другъ друга ругаютъ: всѣ прижгли новыя свитки и кобеняки свои, а кто и руки пожегъ; дымъ, смрадъ, а чумаковъ нѣтъ: пропали, какъ въ землю провалились, и волы, и возы, и чумаки, и огонь—нѣтъ ничего.

«Правду жъ я говорила», сказала сосѣдка убогаго, которая первая послала мужа за багатьемъ: «правду жъ я говорила, что прійдется мнѣ тебя, дурака, для праздника бранить.... вотъ и прожегъ новую свитку; теперь что станешь дѣлать»?

А убогій разжился своими червонцами и взялъ за себя хорошую дѣвку и далъ дѣткамъ своимъ добрую мать. Какіе жъ это были чумаки?

Даль.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКАЗКА.

БЫЛИНА.

ЛЕГЕНДА.

БАСНЯ.

ИДИЛЛІЯ.

БАЛЛАДА.

ПОЭМА.

РОМАНЪ, ПОВѢСТЬ и РАЗСКАЗЪ.

Digitized by Google